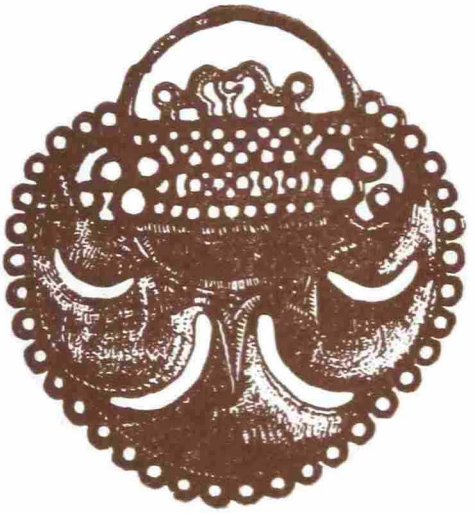
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1990 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев, А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь), Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина, Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П., Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Открытие палеолита в Восточной Туркмении 5
Третьяков В. П. (Ленинград). Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши 16
Болтрик Ю. В. (Киев). Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) 30
Кузнецов В. Д. (Москва). Некоторые вопросы организации общественного строительства в Афинах 45
Афанасьев Г. Е. (Москва). Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья 51
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Классификация и топография булгарских городищ 68
Медынцева А. А. (Москва). О надписи на «кресте» Манасии (с. Цар Асен, Болгария) 85
Ульянов О. Г. (Москва). К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI—XVII вв. 92

Дискуссии

Марковин В. И. (Москва). Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура). 106
Андреева М. В. (Москва) Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры) 122
Кореневский С. Н. (Москва) К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры 125
Мизиев И. М. (Нальчик) О создателях майкопской культуры 131
Сафронов В. А. (Москва). Новые пути решения майкопской проблемы 137

© Издательство «Наука»
«Советская археология», 1990 г

Чеченов И. М. (Нальчик). К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа . . . 144
Марковин В. И. (Москва) Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре 153

Публикации

Уткин А. В. (Иваново). Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух 158
Терехова Н. Н. (Москва). Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) 169
Дубовская О. Р. (Донецк). Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской . 182
Белинский А. Б. (Ставрополь). К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе . . 190
Ольховский В. С., Галкин Л. Л. (Москва). Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) . . 196
Петерс Б. Г., Авдеев А. Г. (Москва). Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э. 207
Лапшин А. Г. (Владимир). Два портрета из Мансур-депе 223
Минжулин А. И. (Киев). Технология зерни 231

История науки

Алексеев Л. В. (Москва). Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е годы XX в. . 241
Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (Ленинград). Памяти Бориса Александровича Латынина (к 90-летию со дня рождения) 253

Критика и библиография

Романчук А. И., Цецхладзе Г. Р. (Свердловск, Москва). Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973—1977 Т. 1. Тбилиси, 1981. Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1978—1982. Т 2. Тбилиси, 1987 . 259
Афанасьев Г. Е. (Москва). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т 1, 2, 3. Нальчик, 1984, 1985, 1987 . . 263
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. (Москва). Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. *G. Arwidsson*. Stockholm, 1986. . . 271
Всевиов Л. М. (Ленинград). Советская археологическая литература за 1988 г. 271

Хроника

Плетнева С. А. (Москва). Симпозиум «Сокровище хана Кубрата. Культура болгар, хазар, славян» (София, сентябрь 1989 г.) . 289
Седова М. В. (Москва) Уваровские чтения (Муром, 1990) . 291
Григорьев Г. П., Шумкин В. Я., Щетенко А. Я. (Ленинград). Памяти Виктора Петровича Третьякова (1940—1985) . 293
Смирнов К. А. (Москва). Памяти Анны Епифановны Алиховой 295
Марковин В. И. (Москва). Памяти Валерия Сергеевича Титова 296

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1990 год 298

Журнал «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

печатает платные рекламы

по договорным ценам.

Справки по телефону: 124-34-42.

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1990 4

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Lyubin V P., Vishnyatsky L. B. (Leningrad) The Palaeolithic Discovered in Eastern Turkmenia 5
Tretyakov V P. (Leningrad). The Volosovo Antiquities from the Sura-Moksha Interfluve 16
Boltrik Y. V (Kiev). Land Routes of Scythia 30
Kuznetsov V D. (Moscow). Some Questions of Public Construction Works in Athens 45
Afanasyev G. E. (Moscow) The Hierarchy of the Saltovo Permanent Settlements in the Forest-Steppe Zone Along the Oskol 51
Fakhrutdinov R. G. (Kazan) The Bulgar Fortified Settlements' Classification and Topography 68
Medyntseva A. A. (Moscow) About the Inscription on the Cross from the Village of Tsar Asen (Bulgaria) 85
Ulyanov O. G. (Moscow) On the Problem of Making Things According to a Pattern in the Moscow School of Decorative Weapons of the 16th-17th Centuries 92

Discussions

Markovin V I. (Moscow) Debatable Problems of the Ethnogenetic Studies of the North Caucasian Antiquities (the Maikop Culture) 106
Andreyeva M. V. (Moscow) Traditional Problems and New Approaches (Several Comments on the Discussion About the Maikop Culture's Ethnic Affiliation) 122
Korenevsky S. N. (Moscow). On the Discussion of the Maikop Culture's Ethnic Affiliation 125
Miziev I. M. (Nalchik) On the Maikop Culture's Creators 131
Safronov V A. (Moscow). New Approaches to the Maikop Problem 137
Chechenov I. M. (Nalchik) On the Problem of Studies of the Earliest History and Archaeology of the Northern Caucasus 144
Markovin V I. (Moscow) Answer to the Authors of Articles Received in Connection with the Discussion About the Maikop Culture 153

Publications

Utkin A. V (Ivanovo) Malaya Lamna III, a Mesolithic Camp in the Lukh River Basin 158
Terekhova N. N. (Moscow) Technological Description of the Iron Objects from a Scythian Mound Burial at the Village of Nartan (Kabardino-Balkaria) 169
Dubovskaya O. R. (Donetsk) The Early Scythian Burials at the Village of Novokorsunskaya 182
Belinsky A. B. (Stavropol) About the Date the Assyrian-Type Helmets First Appeared in the Caucasus 190
Olkhovsky V S., Galkin L. L. (Moscow). A Cultic Complex on Ustyurt (preliminary information) 196

Peters B. G., Avdeyev A. G. (Moscow). Economic Ties of an Ancient Settlement at the Village of Mikhailovka in the 4th-3rd Centuries B. C. 207
Lapshin A. G. (Vladimir). Two Portraits from Mansur-Depe 223
Minzhulin A. I. (Kiev). Soldering Technology 231

History of Science

Alexeyev L. V. (Moscow). Archaeology and Local Lore Studies in Byelorussia and Smolensk Region in the 1920s and 1930s . . 241
Gorbunova N. G., Kachalova N. K. (Leningrad). In Memory of Boris A. Latynin (90th Birth Anniversary) 253

Reviews and Bibliography

Romanchuk A. I., Tsetskhladze G. R. (Sverdlovsk, Moscow). Nokalakevi-Archeopolis. Archaeological Investigations on 1973—1977 Vol. 1, Tbilisi, 1981; Nokalakevi-Archeopolis. Archaeological Investigations of 1978—1982. Vol. 2. Tbilisi, 1987. . 259
Afanasyev G. E. (Moscow). Archaeological Investigations at the Construction Sites of Kabardino-Balkaria. Vols. 1, 2, 3. Nalchik, 1984, 1985, 1987 . . . 263
Fekhner M. B., Pushkina T. A. (Moscow). Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. *G. Arwidsson*. Stockholm, 1986. . . . 267
Vseviov L. M. (Leningrad). Soviet Works on Archaeology. 1988. Bibliographical Index 271

Chronicle

Pletneva S. A. (Moscow). The „Riches of Khan Kurbat. Culture of the Bulgars, Khazars and Slavs" (Sofia, September 1989) . 289
Sedova M. V. (Moscow). The Uvarov Readings (Murom, 1990) 291
Grigoryev G. P., Shumkin V. Y., Schetenko A. Y. (Leningrad). In Memory of Viktor P. Tretyakov (1940—1985) 293
Smirnov K. A. (Moscow). In Memory of Anna E. Alikhova 295
Markovin V. I. (Moscow). In Memory of Valery S. Titov 296

Contents of Soviet Archaeology for 1990 298

В. П. ЛЮБИН, Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

ОТКРЫТИЕ ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ

В археологическом отношении восток Туркмении является одним из наименее изученных регионов этой республики в Средней Азии в целом. Такая оценка, высказанная еще 20 лет назад [1], остается верной и по сей день. Большой интерес в свете сказанного представляют палеолитические материалы, полученные с территории Гаурдак-Кугитангского геолого-геоморфологического региона. В территориальном плане эти материалы являются одним из немногих известных пока археологам связующих звеньев между палеолитическими индустриями западных и восточных районов Средней Азии.

Горы Гаурдак-Кугитангского р-на, представляющие собой крайние юго-западные отроги Гиссарского хребта, поднимаются на правобережье Амударьи. Основным орографическим элементом данного региона является хребет Кугитангтау, протягивающийся с юго-запада на северо-восток. По водоразделу хребта проходит граница между Туркменией и Узбекистаном, на территорию которого выходит крутой восточный склон Кугитангтау. Западный склон, более пологий и доступный, изрезанный системой глубоких узких ущелий с отвесными стенами, спускается в долину р. Кугитангдарья. Эта долина отделяет основной хребет от параллельных гряд на западе (Гаурдак, Балахана, Кызыл-Гара и др.), которые, постепенно понижаясь к юго-западу, сходят на нет у современной долины Амударьи. Абсолютная высота большей части описываемой территории колеблется в пределах 500—1000 м, хотя к востоку отметки значительно повышаются, достигая на границе с Узбекистаном 3139 м. Последняя высота (гора Арибаба) является наибольшей для Туркмении [2, с. 10; 3, с. 123; 4, с. 47]

В административном отношении интересующая нас территория относится к Чаршангинскому (бывшему Карлюкскому) р-ну Чарджоуской обл.

В октябре 1984 г. значительная часть Гаурдак-Кугитангского р-на была охвачена разведочными маршрутами Туркменского палеолитического отряда Каракумской экспедиции ЛОИА. В итоге было открыто местонахождение Балахана, давшее массовый материал; единичные палеолитические изделия были обнаружены еще в двух пунктах (рис. 1)

Местонахождение Балахана. Местонахождение находится примерно в 5 км к югу от пос. Гаурдак и приурочено к бедлендам, обрамляющим западные склоны гор Большая и Малая Балахана. Типичный для бедленда ландшафт, отличающийся мелкими и резкими формами рельефа, создан здесь сильно расчлененными рыхлыми отложениями (рис. 2).

В качестве сырья для изготовления большинства обнаруженных здесь артефактов послужила плотная, сильно окремненная порода серого цвета. Использовались, кроме того, окремненный органогенный известняк (с большим количеством остатков мельчайших — от 0,2 до 0,7 см — окремненных раковин), окремненный мелкозернистый кварцевый песчаник (зерна кварца 1—2 мм, хорошо окатаны) и, довольно редко, полупрозрачный и матовый кремень серого цвета (определения Н. Б. Селивановой). Все указанные породы встречаются в районе местонахождения, в чем авторы имели возможность убедиться на месте, а также по некоторым сообщениям в литературе [5, с. 234].

© В. П. Любин, Л. Б. Вишняцкий, 1990 г.

Рис. 1. Схема Гаурдак-Кугитангского района.
1 — местонахождение Балахана; *2* — пункт Булакдара; *3* — пункт Хошм-Оюк

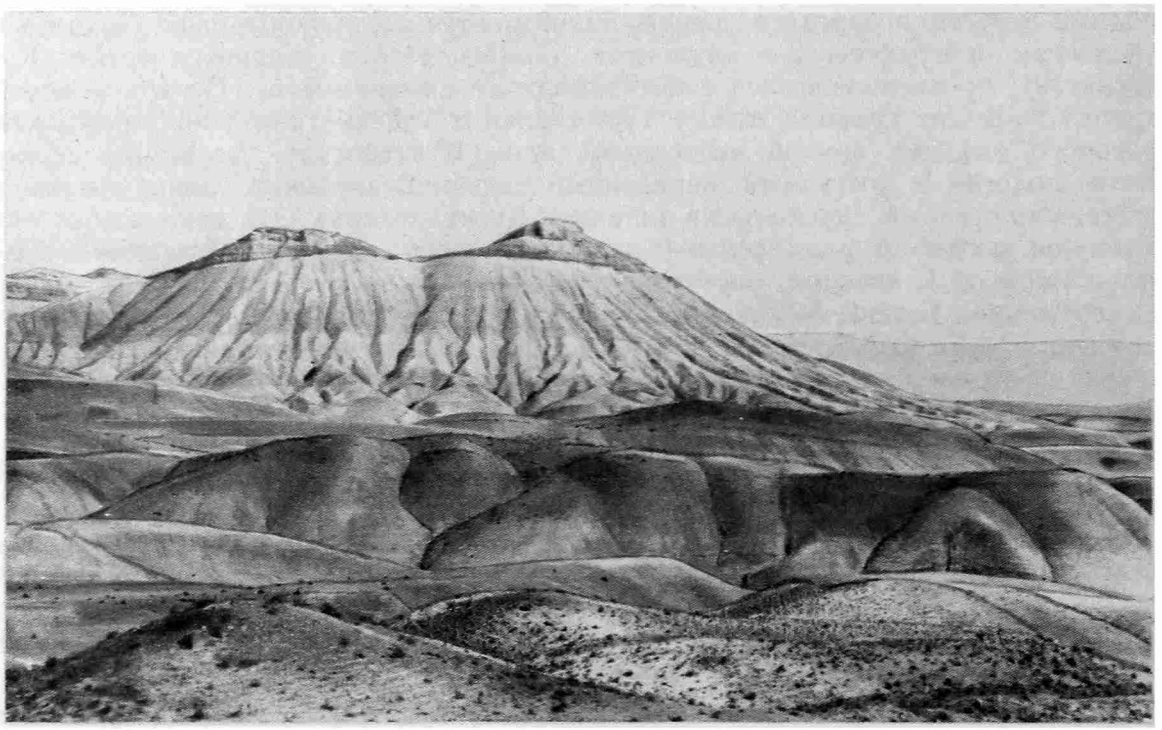


Рис. 2. Гора Большая Балахана и бедленды у ее подножья, на поверхности которых были собраны каменные орудия

Находки были рассредоточены на значительной площади (не менее 2 км ^{2}) и залегали в основном на поверхностях холмов либо разрозненно, либо образуя довольно четко локализующиеся скопления, включающие от 25 до 33 предметов. Всего коллекция Балаханы включает 231 предмет, из них 119 распределяются по четырем скоплениям, а остальные 112 представляют собой разрозненные находки. Инвентарь каждого из скоплений описывается далее по отдельности. Отдельно описывается и группа единичных разрозненных (в пределах местонахождения) находок.

Скопление 1 (31 предмет: 2 нуклеуса, 20 сколов, 7 обломков, 2 орудия). Среди нуклеусов наиболее выразителен черепаховидный (рис. 3, *2*), оформленный на крупном фрагменте массивного скола (7,1×10,0×3,9 см), плоское

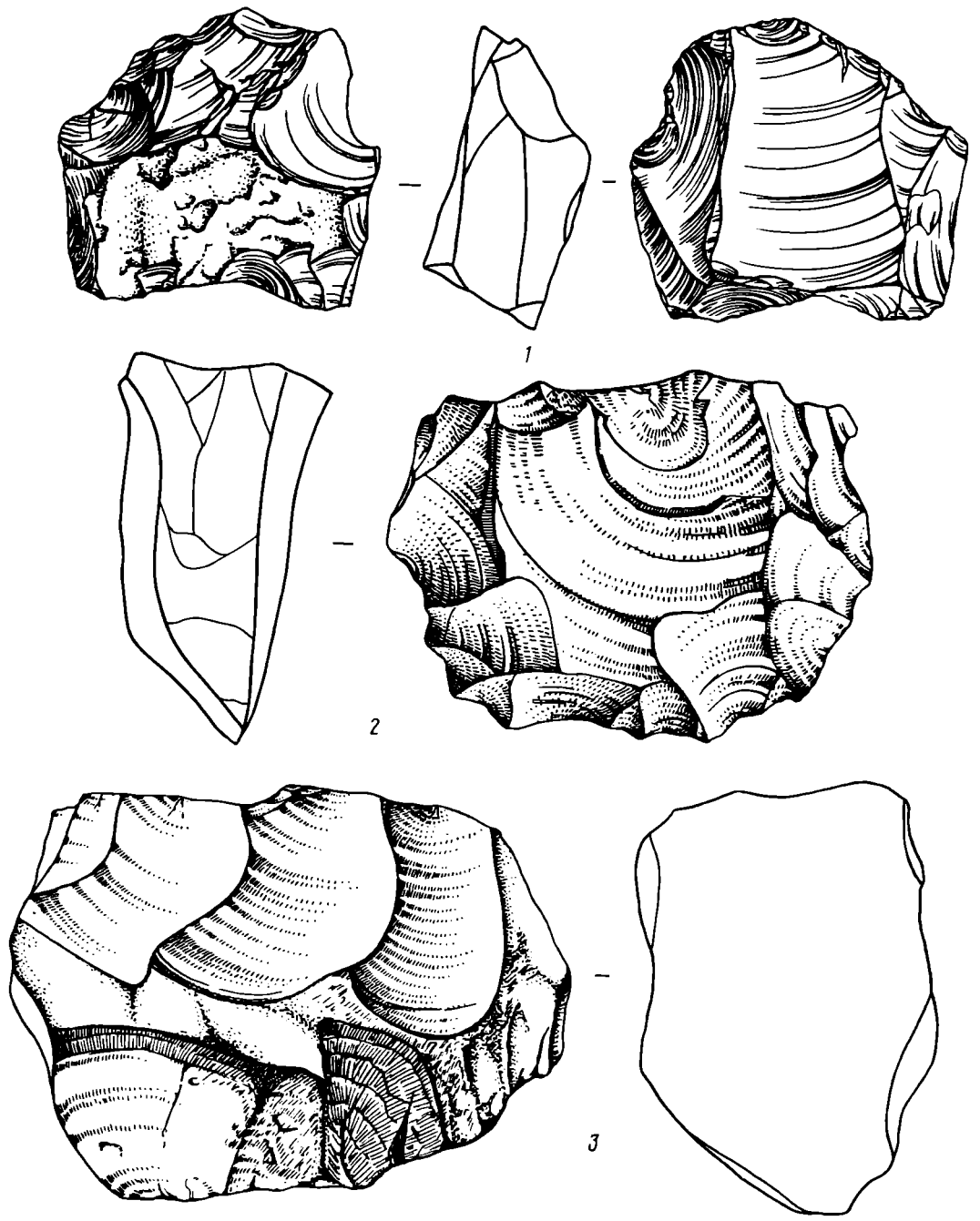


Рис. 3. Местонахождение Балахана. Нуклеусы: *1, 2* — черепаховидные (соответственно скопления 2 и 1); *3* — односторонний двухплощадочный (скопление 3)

брюшко которого приспособлено под тыльную сторону ядрища. Имеет очертания полукруга, по дуге которого располагаются обычные для нуклеусов такого рода негативы мелких предварительных снятий, в центре же находится крупный негатив основного скола. Гладкая ударная площадка, послужившая для снятия последнего, приурочена к плоскости облома исходного скола.

Сколы, которые могли бы служить заготовками (11 экз., в том числе три в виде фрагментов), удлиненные: семь из них имеют пластинчатые пропорции (длина и ширина соотносятся как 2:1), три — пропорции коротких пластин (1,5:1). В то же время все удлиненные снятия сравнительно массивны (три имеют толщину 1,2 см, четыре — 1,4—1,6 см, два — 1,8—2 см и лишь два — 0,7 см), но только два из них имеют параллельную огранку спинок (рис. 4, *8*), 3 экз.— субпараллельную. Остальные сколы представлены 8 экз. мелких

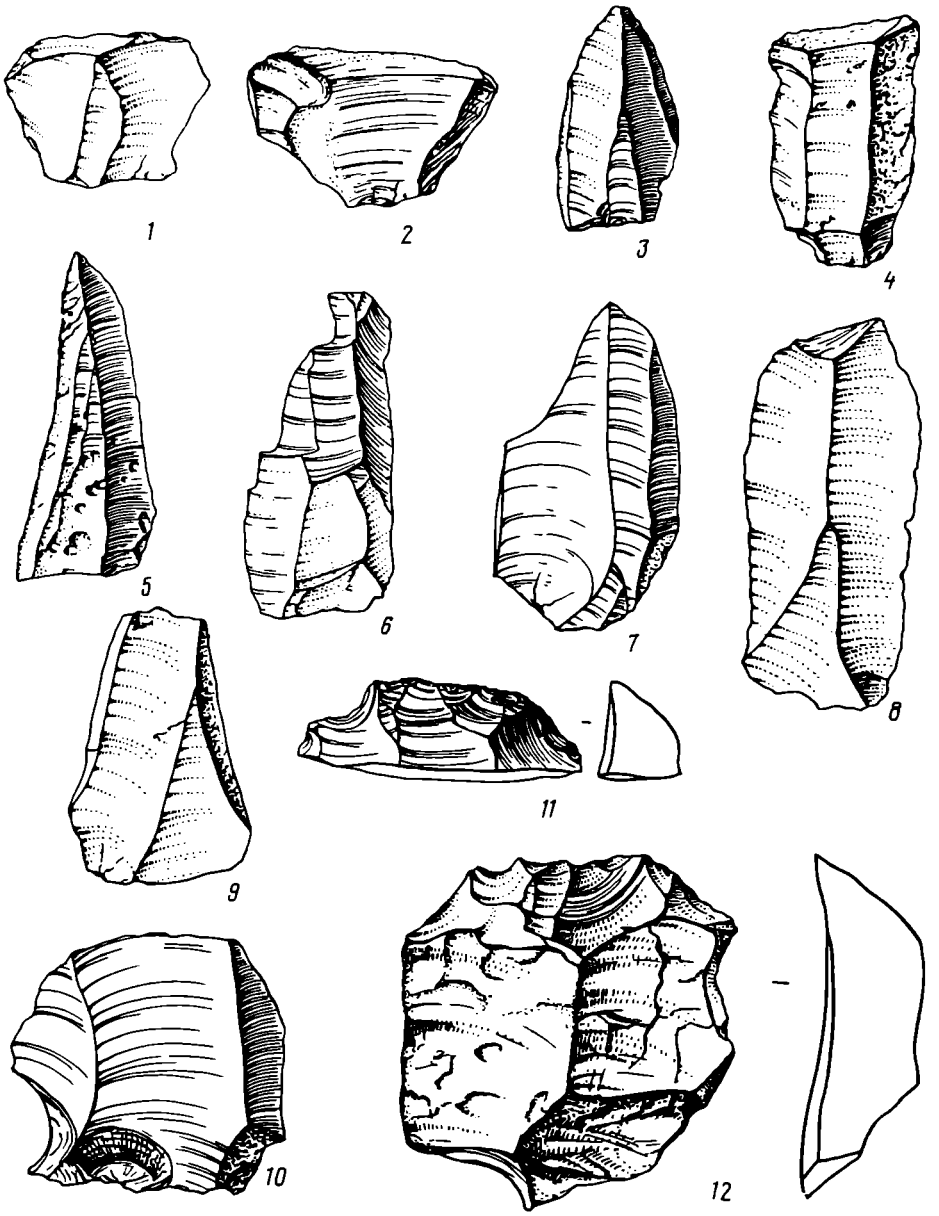


Рис. 4. Местонахождение Балахана. *1—10* — отщепы и пластины (*1, 5, 6, 9, 10* — разрозненные находки; *2, 7* — скопление 4; *3, 4* — скопление 3; *8* — скопление 1);
11 — фрагмент орудия (единичная находка), *12* — скребло (скопление 2)

снятий отделки (2,3—3,5×1,7—4,0×0,5—1,0 см) и очень массивным отщепом (5,8×7,9×13,5 см). Среди четырех определимых площадок три гладких (две из них приближаются к точечным) и семь трехфасеточных.

Изделия со вторичной обработкой представлены небольшим подчетырехугольным отщепом, дистальный конец и боковые края которого утончены плоской распространенной ретушью, снятой с оформленных на брюшке вспомогательных ударных площадок (рис. 6,*1*), и концевым скребком с прямым, грубо подправленным лезвием, который изготовлен на массивной, треугольной в сечении пластинчатой заготовке (рис. 5, *7*). В целом данное скопление выделяется сравнительно многочисленной группой пластинчатых снятий.

Скопление 2 (3 нуклеуса, 1 орудие, 18 сколов, 9 обломков). Наиболее интересен черепаховидный нуклеус (рис. 3, *1*), изготовленный на желваке сильно окремненной породы светло-серого цвета (5,6×6,8×2,9 см). На части тыльной стороны желвачная корка срезана в процессе оформления основной

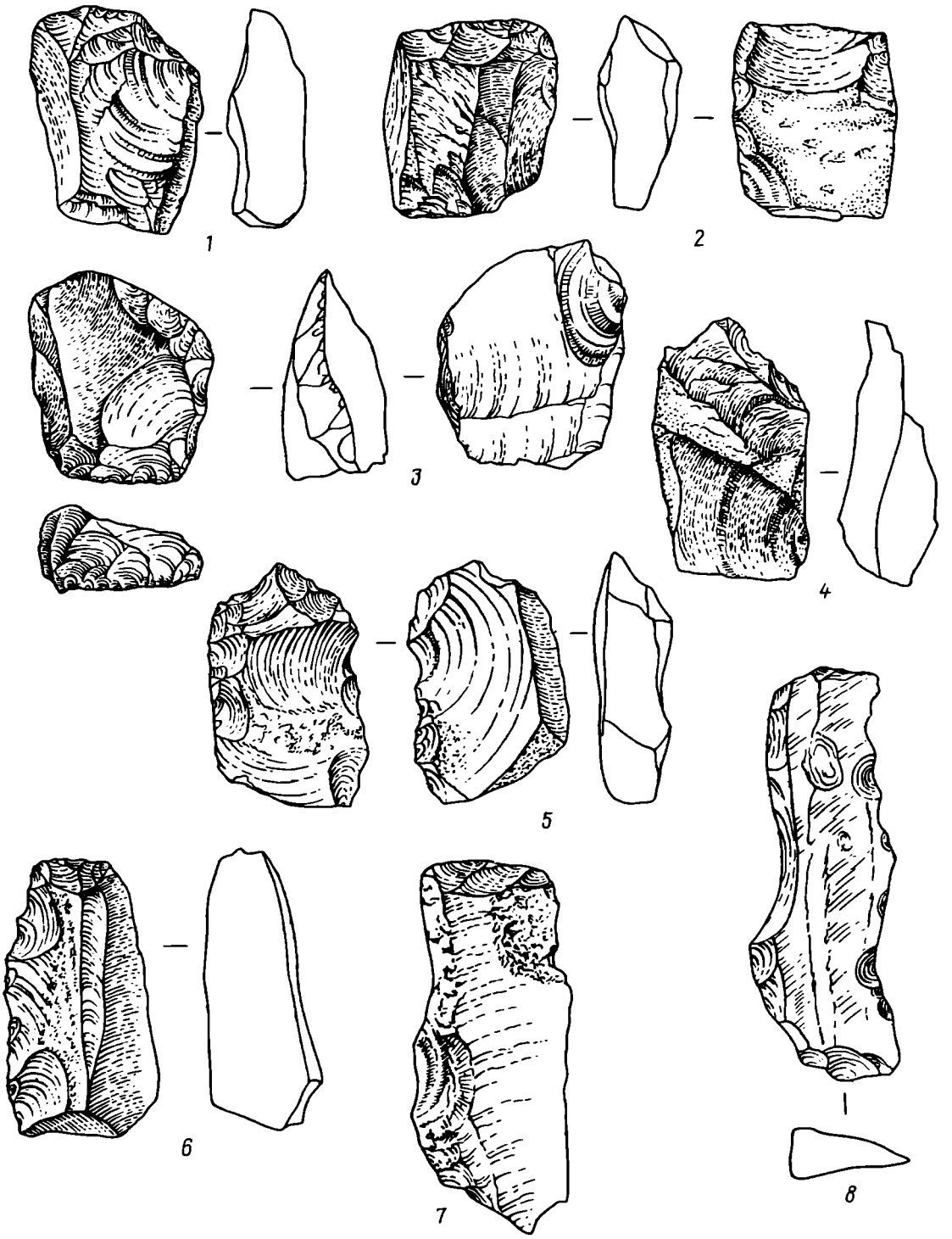


Рис. 5. Местонахождение Балахана. *1—5* — орудия на подпрямоугольных фрагментах сколов (*1—3* — скребки; *4, 5* — клювовидные орудия): *6, 7* — массивные концевые скребки с прямым лезвием;
8 — атипичный нож с обушком-гранью (*1—4* — скопление 3; *5* — отдельная находка; *6, 8* — скопление 5; *7* — скопление 1)

дуговидной, фасетированной ударной площадки. Рабочая сторона подготовлена предварительной оббивкой по всему периметру, после чего с дуговидной площадки был произведен скол, от которого остался крупный негатив почти правильной прямоугольной формы. Имеются также двухплощадочный нуклеус встречного скалывания и один нуклевидный обломок.

Сколы из скопления 2 состоянием поверхности, габаритами и другими приз-

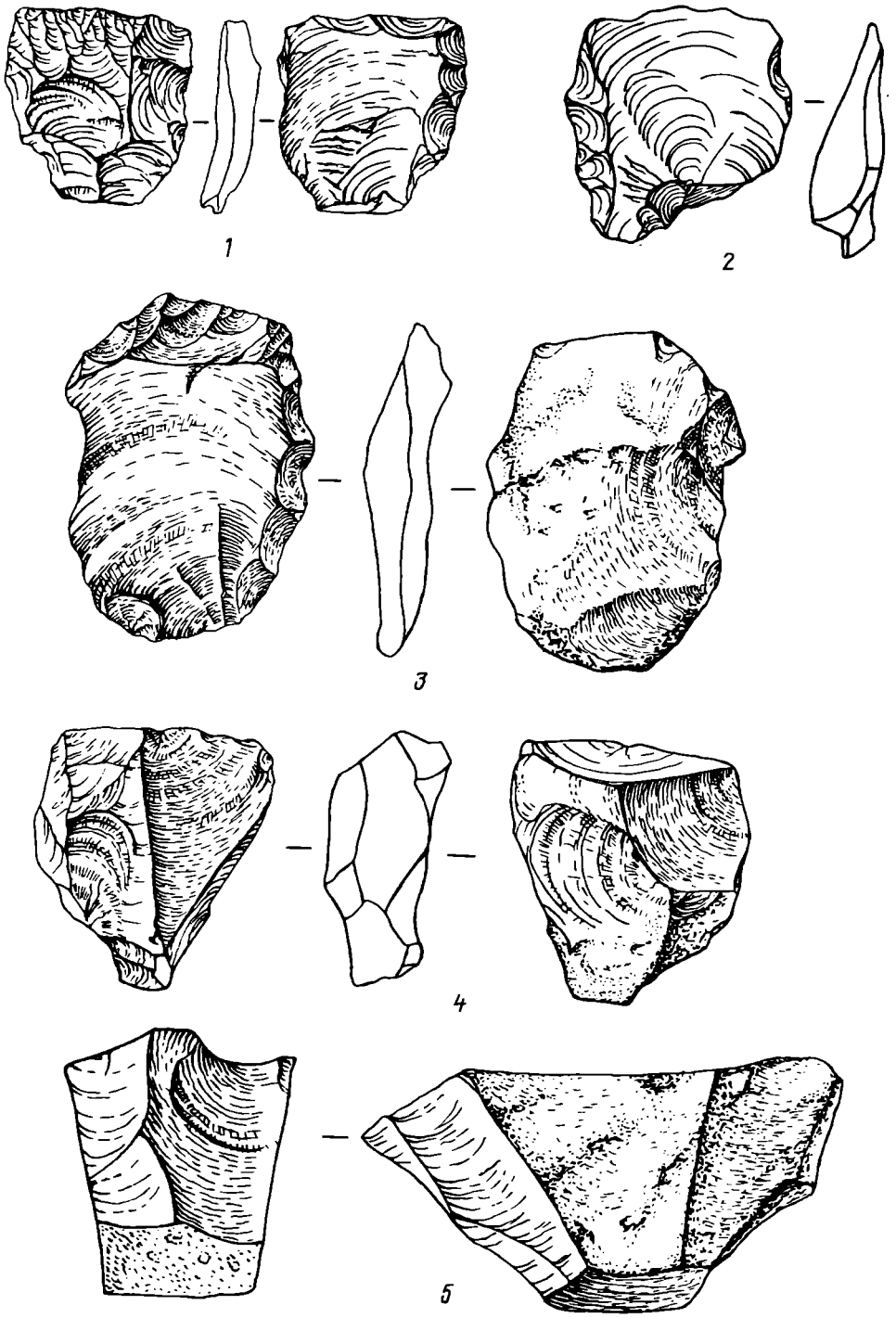


Рис. 6. Местонахождения Балахана. *1—3.* орудия (*1* — предмет с утончением трех краев; *2, 3* — скребла); *4, 5* — нуклеусы (*1* — скопление 1; *2, 4, 5* — скопление 3; *3* — скопление 4)

наками выглядят архаичнее сколов в других скоплениях. Помимо весьма распространенного на Балахане розовато-желтого или розовато-серого налета патины здесь заметны также такие следы физического и химического выветривания, как пористость, выкрошенность неустойчивых частиц, дефляционная изъеденность. Большинство сколов отличается массивностью: толщина пяти из них $>2{,}5$ см, четырех — 2,0—2,4, трех — 1,5—1,9 и семи — 1,0—1,3 см. Размеры наиболее крупных сколов: $7{,}6\times6{,}7\times2{,}8$; $7{,}7\times7{,}4\times2{,}7$; $6{,}4\times4{,}3\times3{,}4$ см; наименьших: $3{,}6\times2{,}4\times1{,}0$; $3{,}8\times3{,}4\times1{,}1$ см. Архаичность облика сколов усиливается отсутствием среди них подлинных пластин и характером большинства сохранившихся ударных площадок — гладких в 12 и грубоподправленных

в двух случаях. В пяти случаях, кроме того, площадки широкие, скошенные.

В составе сколов имеются два пластинчатых отщепа, два реберчатых, два уклонившихся (eclats outrepassé), два краевых. Все сколы в данном скоплении по существу являются отходами производства. Лишь один из них со временем (фасетки ретуши выветрены в гораздо меньшей степени) был использован для оформления скребловидного орудия. Изделие это изготовлено на подокруглом в плане отщепе (6,6×6,5×2,3 см) с утраченной ударной площадкой и невыраженным раковистым изломом брюшка. Слабовыпуклый зубчатый рабочий край (длина 4,5 см) создан полукрутой высокой крупнофасеточной ретушью (рис. 4, *12*).

Скопление 3 (24 предмета). Располагалось обособленно, компактно (на участке ~100 м^2) и является, как представляется, цельным, лишенным примесей. Об этом свидетельствуют сходное состояние поверхностей находок (желтобурая и реже красновато-бурая патина), сравнительно небольшие (5—6 см) габариты почти всех изделий и некоторые черты морфологии орудий. Сравнительно высокий процент нуклеусов и изделий со вторичной обработкой также говорит о специфичности скопления. Нуклеусов и нуклевидных изделий здесь найдено четыре, сколов и их фрагментов — 12, изделий со вторичной обработкой — пять. Имеется также три невыразительных обломка.

Нуклеусы разнотипны: наиболее крупный (4,3×8,8×4,1 см) торцевой, изготовлен на массивном обломке породы. Ударная площадка приурочена к поверхности гладкого естественного скола. С ней связаны негативы двух параллельных снятий (рис. 6, *5*). Второй нуклеус небольшой (4,0×4,0×3,1 см), трехплощадочный, поперечно-продольный, с негативами мелких (1,5—2 см) параллельных снятий (остаточный?). Третий также небольшой (4,2×4,6×2,3 см), односторонний, двухплощадочный, с негативами двух треугольных встречных снятий (рис. 6, *4*).

Пластины представлены двумя обломками (рис. 4, *4*) и одним целым экземпляром (рис. 4, *3*). Наиболее крупный отщеп имеет укороченные пропорции (4,3×7,6×2,1 см). Длина остальных целых отщепов не превышает 5 см, толщина 1,2 см. Три отщепа реберчатые, семь отщепов и одна пластина сохранили на спинке бо́льшие или меньшие участки желвачной корки. Ударные площадки на сколах, как и на нуклеусах, гладкие, образованные одним снятием или обломом.

Изделия со вторичной обработкой представлены скреблом, тремя скребковидными орудиями (рис. 5, *1—3*) и атипичным резцевидным клювом (bec burinante alterae) (рис. 5, *4*). Скребло на укороченном отщепе — брюшковое, боковое, зубчатое; лезвие его подправлено грубой крупной ретушью (рис. 6, *2*). Остальные орудия оформлены, по всей видимости, на специально сделанных заготовках в виде подпрямоугольных фрагментов массивных сколов, три края которых получены крутыми обломами (лишь в одном случае срезаны отвесной ретушью). Четвертый же край (во всех случаях — один из коротких) является рабочим, орудийным. Рабочий край одного из скребковидных орудий имеет плоско-выпуклую ретушную отделку, при которой, как обычно, нанесение плоской ретуши на одной из сторон предшествует нанесению крутой ретуши на другой (рис. 5, *2*). Изделие типа резцевидного клюва является атипичной концевой разновидностью орудий такого рода: выступающая режуще-резцевидная косая (в профиль) кромка его образована пересечением двух противолежащих элементов — скошенного облома на одной стороне и полукрутого ретушного края на другой стороне (рис. 5, *4*).

Не исключено, что скопление 3 представляет собой остатки небольшой кратковременной стоянки-мастерской, где наряду с первичным расщеплением камня шло изготовление характерных для данной индустрии орудий. Привлекает внимание наличие в коллекции группы орудий на фрагментах массивных сколов. Аналогии таким изделиям в мустье сопредельных территорий неизвестны.

Скопление 4 (33 предмета: 6 нуклеусов и нуклевидных изделий, 24 скола, 1 скребло, 2 обломка). Нуклеусы: самый крупный изготовлен на плоском, подтрапецевидным в плане куске (12,0×8,2×5,5 см) кварцевого песчаника. Скалывание велось здесь с двух противоположных ударных площадок. С одной площадки, предварительно подготовленной, были сняты три крупных (длиной до 5,5 см) скола, со второй же, естественной и гладкой,— несколько мелких подготовивших (выровнявших) плоскость раскалывания, которая затем, однако, не была использована (рис. 3, *3*). Остальные представлены в основном пробными нуклеусами с негативами единичных сколов и нуклевидными обломками. О сложившейся системе снятий можно говорить лишь в одном случае: она фиксируется на нуклеусе параллельного скалывания (3,8×6,2×5,5 см). Площадка гладкая, естественная, скалыванию предшествовало тщательное выравнивание верхнего края плоскости раскалывания, снятие карниза.

Сколы. В основном (18 экз.) это мелкие сколы отделки, т. е. явные отходы производства. Остальную часть составляют четыре небольших (3,0×4,5×4,8—5,8×0,8×1,5 см) укороченных отщепа (рис. 4, *2*), один небольшой массивный удлиненный скол и один подтреугольный отщеп с параллелльной огранкой спинки (рис. 4, 7). Подправка ударных площадок прослежена у трех сколов: грубофасеточная у двух укороченных отщепов и тонкофасетированная у остроконечника. В последнем случае площадка выпуклая, в форме «летящей птицы».

Скребло, имеющееся в коллекции, брюшковое, двойное, один рабочий край его продольный, зубчатый, второй оформлен на дистальном конце скола (рис. 6, *3*). В целом для скопления характерно преобладание нуклевидных форм и сколов отделки.

Отдельные находки. Единичные разрозненные изделия встречаются практически на всей площади местонахождения. Всего их в коллекции 112, в том числе 9 нуклеусов и нуклевидных изделий, 59 сколов, 3 орудия и 41 неидентифицируемый предмет. Нуклеусов, имеющих сформировавшуюся систему снятий, два. Первый (8,4×2,2×4,7 см) многоплощадочный, с каждой площадки снимались небольшие (длиной 3,0—3,8 см) параллельные сколы. Второй является одноплощадочным параллельного скалывания (9,1×9,3×5,1 см). Остальные семь изделий этой группы представляют собой нуклевидные обломки (пять) и пробные нуклеусы (два).

Сколы. Пластинчатые пропорции имеют восемь сколов, причем три из них представлены обломками. Определимы четыре ударные площадки: две гладкие и две точечные. Параллельная или близкая к таковой огранка спинки фиксируется у трех из этих изделий (рис. 4, *5, 6, 9*).

Отщепы сильно варьируют по размерам, но большинство их имеет длину в пределах 3—5 см, ширину на 0,5—1,0 см меньше и толщину ~1,0—1,5 см. Восемь отщепов имеют укороченные пропорции. Из 28 определимых ударных площадок 25 гладких, две точечных и одна двугранная. Параллельная или близкая к таковой огранка спинки отмечена у четырех отщепов (рис. 4, *1, 10*), а шесть отщепов являются первичными.

Среди изделий со вторичной обработкой наиболее интересны фрагмент орудия, напоминающий половину расколотого вдоль лимаса (рис. 4, *11*), и клювовидное изделие, оформленное на подпрямоугольном фрагменте массивного скола. Клювовидный выступ на нем выделен ретушью на дистальном конце, остальные края отвесные, причем левый несет грубую ретушь (рис. 5, *5*). Заготовкой, характером краев, местоположением клюва изделие это напоминает орудие, отмеченное в скоплении 3 (рис. 5, *4*), хотя клюв здесь оформлен односторонней ретушью.

Ни одно из описанных скоплений артефактов по использовавшемуся сырью не отличается сколько-нибудь заметно от других скоплений. Нет существенных различий между скоплениями и по физическому состоянию поверхностей составляющих их изделий. Типологические различия, как и различия в геоморфологическом положении находок, также неуловимы.

Таблица 1

Нуклеусы местонахождения Балаханы

Тип нуклеуса	Скопления				Отдельные находки	Всего
	1	2	3	4		
Черепаховидные	1	1				2
Одноплощадочные параллельного скалывания			1	1	1	3
Многоплощадочные			1		1	2
Двухплощадочные встречного скалывания		1		1		2
Торцевой параллельного скалывания с плоским фронтом			1			1
Пробные нуклеусы, нуклевидные обломки	1	1	1	4	7	14
Всего	2	3	4	6	9	24

Таблица 2

Виды определимых ударных площадок сколов с местонахождения Балахана

Вид площадок	Скопления				Отдельные находки	Всего
	1	2	3	4		
Гладкие	9	5	7	7	27	55
Двугранные	1				1	2
Тонкофасетированные		1		1		2
Точечные			1	2	4	7
Всего	10	6	8	10	32	66

Все это, по мнению авторов, позволяет дать обобщенную характеристику и оценку всех материалов Балаханы в целом, хотя при этом нельзя исключить вероятность определенных хронологических различий как между отдельными изделиями, так и между группами их. Однако для вычленения в материалах Балаханы различных хронологических групп пока нет ни оснований, ни возможности. Таким образом, далее коллекция рассматривается как единая, что соответствует мнению авторов о гомогенном происхождении большей части составляющих ее материалов. Поскольку же это мнение не является единственно возможным, то выше материал каждого из скоплений описан отдельно.

Итак, разные группы изделий представлены в коллекции Балаханы следующим образом: нуклеусов и нуклевидных изделий 24, сколов 133, изделий со вторичной обработкой 12, неидентифицируемых предметов 62.

Формы нуклеусов и представленные на них приемы скалывания (табл. 1) позволяют с уверенностью и без каких бы то ни было оговорок констатировать характерность их для мустьерских индустрий.

Для сколов характерно почти полное отсутствие пластин в строгом смысле, т. е. изделий, имеющих помимо соответствующих пропорций еще более или менее симметричные очертания в плане и параллельную или близкую к таковой огранку спинки. Тем не менее по всем этим показателям среди основной массы сколов выделяется группа изделий, для которых свойственны пластинчатые или очень близкие к ним пропорции, а в ряде случаев и симметричные очертания, и параллельная огранка спинки. Размеры этих изделий, как видно из описания, сильно варьируют. Не исключено, что некоторые из них, имеющие наименьшие размеры и точечные ударные площадки, составляют позднюю примесь к основному комплексу Балаханы. Отщепы, как отмечалось, различаются по массивности, размерам и заметно меньше по характеру ударных площадок и огранке спинки.

Анализ ударных площадок сколов (табл. 2) приводит к выводу, что опи-

сываемая индустрия является нефасетированной. Индекс общей подправки составляет 6,1, тонкой — 3. Число первичных сколов (15) примерно равно числу сколов с параллельной или субпараллельной огранкой спинки (17). Наиболее правильной параллельной огранкой отличаются спинки сколов, имеющих пластинчатые пропорции и/или подпрямоугольную в плане форму.

Археологический возраст сколов, как и нуклеусов, может быть определен как мустьерский (если исключить несколько изделий предположительно более поздних).

Изделия со вторичной обработкой, несмотря на их малочисленность, достаточно интересны. Выделяется серия практически тождественных морфологически скребков (рис. 5, *6, 7*), а также орудия на массивных подпрямоугольных заготовках — скребковидные (рис. 5, *1—3*), резцевидный клюв (рис. 5, *4*), клювовидная форма (рис. 5, *5*).

В отличие от большинства местонахождений, известных сейчас в других регионах Туркмении, для Балаханы, как кажется, можно высказать более или менее обоснованные предположения о функциональном характере памятника. Приуроченность местонахождения к выходам сырья говорит о том, что здесь происходила первичная обработка камня, т. е. была, по крайней мере, мастерская. В то же время одна только подобная приуроченность, предполагая один вид деятельности, не исключает и другие. Но состав находок, среди которых мало орудий, а сколы (среди которых 14% первичных) и отходы составляют подавляющее большинство, не позволяет предполагать, что здесь было постоянное поселение. Скорее всего, эта безводная ныне и, видимо, и в древности местность использовалась для добычи и первичной обработки сырья, которое затем уносилось на стоянки. Впрочем, иногда на местонахождении происходила не только первичная обработка, о чем говорит наличие в коллекции небольшой группы скребел, скребков, клювовидных изделий и нескольких хорошо выраженных нуклеусов (в особенности черепаховидных и параллельного скалывания). Возможно, в те сезоны, когда многочисленные спускающиеся с гор русла заполнялись за короткое время водой, близ места выхода сырья устраивались и кратковременные поселения, где осуществлялась определенная хозяйственная деятельность.

Вполне вероятно, что материал, составляющий описанную коллекцию, накапливался у подножия Балаханы в течение довольно продолжительного времени — сотен или даже тысяч лет. Тем не менее археологический его возраст определяется однозначно: он несомненно является мустьерским. Для суждения же о геологическом возрасте находок нет пока никаких данных. Более того, такие данные в районе Балаханы вряд ли можно надеяться получить, имея дело лишь с подъемным материалом, обнаружение же здесь стратифицированных палеолитических памятников мало вероятно.

Кроме Балаханы единичные палеолитические изделия обнаружены еще в двух пунктах. Наиболее вероятно, что они имеют также мустьерский возраст. Единичный отщеп найден в 300 м вниз по дороге от пещеры Хошм-Оюк на поверхности плато на абсолютной высоте 1100—1200 м (западный склон Кугитангтау). Размеры отщепа 5,6×6,0×2,3 см, ударная площадка гладкая. В качестве сырья послужил сильнодоломитизированный известняк почти черного цвета, обычный для данной местности. Одноплощадочный нуклеус параллельного скалывания (9,1×15,0×9,8 см) из окремненного известняка (?) найден при обследовании холмистых останцов у западного склона Кугитангтау, близ места выхода в предгорную равнину сая Булакдара. Ударная площадка нуклеуса естественная, без следов подправки, с ней связано четыре параллельных, лежащих в одной плоскости негатива, длиной ~ 4 см каждый.

Общий взгляд на морфометрические характеристики материалов Балаханы позволяет наметить черты их технологического и типологического своеобразия. Получение заготовок здесь проводилось путем расщепления черепаховидных ядрищ и форм параллельного скалывания. Для техники вторичной обработки

свойственны различные виды ретуши, приемы фрагментации и утончения. В составе орудий выделяются изделия на стандартных массивных заготовках (скребки и клювовидные формы).

Сопоставление материалов Балаханы с материалами западных районов Туркмении и других смежных территорий приводит к выводу об их отличии от индустрий, известных на Красноводском полуострове (многочисленные бифасиальные орудия [6]), на Джанаке (скребла, зубчато-выемчатые формы [7, 8]), в соседних Узбекистане и Таджикистане. Не исключено, что в будущем ближайшие аналогии материалам Балаханы будут обнаружены на территории афганских провинций Балх, Джаузджан и Фарьяб. К сожалению, недостаточная изученность и предварительный характер публикации материалов местонахождений Дараи-Дадиль и Дараи-Чакмакташ [9] не позволяют высказаться определеннее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам А. М.* Археологическая разведка в Чаршангинском районе // Изв. АН ТССР. 1967. № 1.
2. *Данов А. В.* Геологический очерк Карлюкского района Керкинского округа ТССР // III Всесоюз. геол. съезд. Путеводитель эскурсии. Л., 1928.
3. *Никшич И. И., Данов А. В., Васильевский П. М.* Геологический очерк Туркмении // Туркмения. Т. 2. Л., 1929.
4. *Мурзаев Э. М.* Физико-географическое описание и экономическая характеристика // Геология СССР. Т. 22. Туркменская ССР. М., 1957
5. *Данов А. В.* Гаурдак-Кугитангский район // Геология СССР Т 22. М., 1957
6. *Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Красноводского полуострова // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 3.
7. *Любин В. П.* Палеолит Туркмении // СА. 1984. № 1.
8. *Вишняцкий Л. Б.* Палеолитическое местонахождение Га-Куш в Туркмении // КСИА. 1987 Вып. 189.
9. *Dupree L., Howe B.* Results of an Archaeological Survey for Stone Age Sites in North Afganistan // Afganistan. 1963. V 18. № 2.

V. P. LYUBIN, L. B. VISHNAYTSKY

THE PALAEOLITNIC DISCOVERED IN EASTERN TURKMENIA

Summary

The first Palaeolithic site in Eastern Turkmenia was discovered in 1984 by the Turkmenian Palaeolithic Detachment of the Karakum Expedition of the Institute of Archaeology's Leningrad Branch. It was the remains of flint shops dated to the Mousterian at flint outcrops. The finds came in clusters or were found scattered across the bad lands at the Bolshaya and Malaya Balakhna Mnts. (offshoots of the Kuritangtau Range close to the village of Gaurdak). Archaeologists mainly ffound production wastes (cores, flakes and blades) and few tools (racloirs, large scrapers on flake fragments and beak-shaped tools). Having no analogies either in Turkmenia or in the neighbouring territories of Uzbekistan, Tadjikistan and Afghanistan these materials are highly specific.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ВОЛОСОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ СУРЫ И МОКШИ

Волосовские памятники в бассейнах Суры и Мокши стали выявляться в конце 50-х годов. На одном из них (Черкассы 1), расположенном в среднем течении р. Б. Цивиль, были исследованы два прямоугольных, несколько углубленных в землю жилища. Инвентарь поселения кроме керамики и кремневых орудий включал медные пластины и браслеты. В непосредственной близости от стоянки обнаружено несколько захоронений. Погребенные лежали в вытянутом на спине положении, головою на восток [1]. На поселении Имерка 1-Б, расположенном на Имеркском озере в бассейне р. Вад, притока Мокши [2], было раскопано углубленное на 50 см в материк квадратное жилище с хорошо сохранившимися выходами из него, хозяйственными ямами, остатками кострищ (рис. 1). Кроме того, были найдены керамика, орудия труда из кремня, украшения, кости благородного оленя (определение Н. Н. Ермоловой).

Эти памятники наряду с такими стоянками, как Ширингушская, Каргашинская I [3], Старая Яксарка [4], Имерские 1-А, 2 и 3 [5], Подлесное V [6], предоставили в руки исследователей наборы орудий труда и обломки посуды, которые дают возможность охарактеризовать материальную культуру этого периода на Суре и Мокше и наметить ее особенности.

Отметим, что сам характер памятников: неукрепленные поселения площадью несколько сот квадратных метров, значительный по мощности культурный слой, углубленные в землю четырехугольные жилища, знакомство с металлом, погребенные, вытянутые на спине, кости диких животных — все это соответствует характеристике помятников волосовского типа, которую мы находим в работах А. Я. Брюсова, Д. А. Крайнова, И. К. Цветковой, А. Х. Халикова и др.

Более точно сопоставить с волосовскими древностями материалы позднеолитических и энеолитических памятников бассейнов Суры и Мокши поможет нам массовый материал: наборы орудий труда, украшения и керамика.

Об орудиях труда, которые бытовали у сурско-мокшанского населения в эпоху энеолита, мы можем судить помимо стоянки Имерка 1-Б по коллекциям таких памятников, как Ширингуши и Старая Яксарка.

При исследовании Ширингушской стоянки были найдены желобчатые долота, орудия с выемками для привязывания, подвески, наконечники стрел листовидной и треугольно-черешковой форм, скребки, резчики. На стоянке Старая Яксарка серия орудий труда невелика. Здесь найдены подчетырехугольные и подтреугольные скребки, аморфные ножи из отщепов, грузила, комбинированные орудия, листовидные и ромбические наконечники копий. Наборы орудий труда с остальных памятников Посурья и Примокшанья той поры не противоречат тезису о том, что перечисленные выше типы изделий характерны для волосовских стоянок данного региона, но мы не привлекаем их для более обоснованного доказательства этого тезиса в силу того, что они сочетаются на поселениях с разнокультурными керамическими комплексами.

Названные выше изделия из камня: топоры, долота — желобчатые и без желобка, ножи с выемками для привязи в тыльной части, овальные и подчетырехугольные скребки, наконечники стрел и копий листовидной и треугольно-

© В. П. Третьяков, 1990 г

черешковой форм, кремневые фигурки, подвески, резчики из отщепов, комбинированные орудия и т. п. — характерны и для волосовских древностей Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья, что, по-видимому, роднит материалы волосовских поволжских и сурско-мокшанских памятников. Особенностью последних является наличие дисковидных нуклеусов, треугольных скребков и резчиков-скобелей с клювовидным профилем. Отсутствуют в лесостепи и некоторые типично волосовские изделия: желобчатые долота узкого типа, округлые скребки, ложкари. Но, как представляется, черт сходства больше, что дает возможность рассматривать сурско-мокшанские древности в качестве аналога волосовским.

Сурско-мокшанская керамика эпохи энеолита представлена большим количеством комплексов, которые типологически легко вычленяются из разнокультурных коллекций. Изучение керамических серий с таких стоянок, как Имерка 1-А, 1-Б, 2, 3, Ширингушская, I Каргашинская, Подлесное V и др., позволяет представить облик посуды, которой пользовались их обитатели (рис. 2, 3).

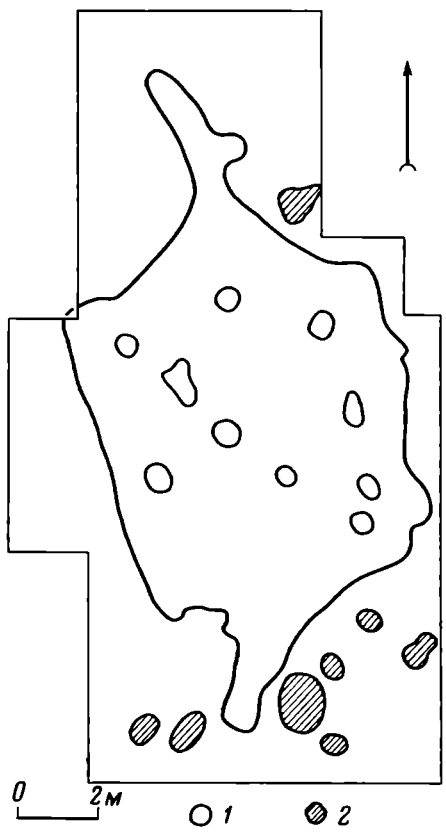


Рис. 1. Поселение Имерка 1—Б. Жилище. *1* — хозяйственные ямы; *2* — кострища

Сосуды изготавливались из глины с примесью растительных остатков и толченой раковины. Толщина их стенок колеблется от 0,6 до 1,1 см. Венчики загнуты внутрь, прямые, с утолщением в верхней части. В отдельных случаях они напоминали типично волосовские Г-образные, реже — Т-образные венчики. Судя по сохранившимся фрагментам, стенки сосудов были прямыми или выпуклыми, донышки — округлыми, уплощенными и плоскими. Подобная посуда, безусловно, близка волосовской. Об этом говорят форма сосудов, технология их изготовления. Следует лишь заметить, что Г- и Т-образные венчики представлены на сурско-мокшанских стоянках лишь несколькими экземплярами.

Сосуды орнаментировались. Так же как и волосовская, керамика сурско-мокшанских стоянок украшалась оттисками гребенчатого и рамчатого штампа, ямчатыми вдавлениями, нарезками, которыми украшено от 30 до 70% всех фрагментов. Так, на поселениях Имерка 1-Б и 2 украшено 60% всех фрагментов, на стоянке Имерка 1-А — 30, Подлесное V — 40, Имерка 3 — 55, Старая Яксарка — менее 50%.

Среди узоров ряды коротких, наклонно нанесенных оттисков прямого или овального по форме гребенчатого штампа, горизонтальные пояски, елочка, зигзаги, горизонтальные ряды нарезок, ямчатых вдавлений или овальных ямок, перекрещивающиеся линии.

Заметной особенностью сурско-мокшанской керамики является отсутствие геометрических узоров в виде композиций из треугольников, горизонтальных зигзагообразных линий, сочетающихся с рядами всевозможных оттисков, шагающей гребенки, что характерно для волосовских комплексов Поволжья и поречья Оки. Орнаменты, выполненные рамчатым штампом, единичны. Так же редко сосуды украшались узорами в виде елочки со стеблем. Только на Суре и Мокше были известны некоторые виды орнамента из широких прочерченных полос и четырехугольных вдавлений. В целом сурско-мокшанская волосовская керамика отличается от волго-окской посуды заметной бедностью композиций

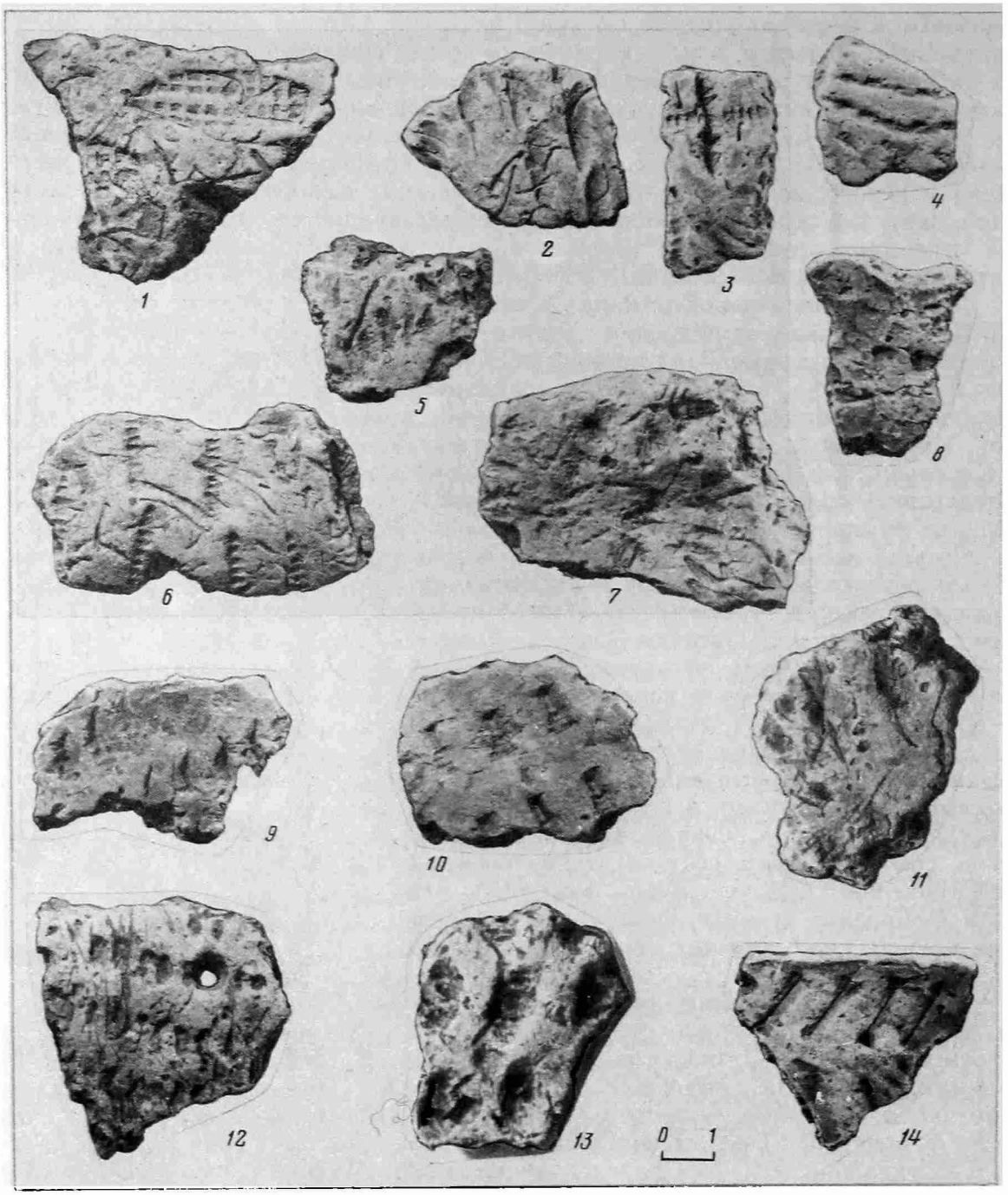


Рис. 2. Волосовская керамика со стоянок в бассейнах Суры и Мокши. *1—3, 5—7* — Имерка 3; *4, 8—12, 14* — Имерка 1-А; *13* — I Каргашинская

и наличием некоторых, только ей присущих узоров. Ближе всего сурско-мокшанская керамика волосовской средневолжской, с которой ее роднит, в частности, принцип частичной орнаментации сосудов.

Уже приходилось писать о том, что волосовские древности, распространенные в III — первой половине II тыс. до н. э. на огромной территории, включающей Среднее Поволжье, Волго-Окское междуречье, бассейны Суры и Мокши, распались на ряд вариантов, причем ареалы этих вариантов, выделяемые на основе анализа керамики, не всегда совпадали с территориями распространения комплексов каменных орудий [7]. Так, по керамике удается выделить средневолжский, окский, верхневолжский варианты волосовской культуры.

Анализ орудий труда дает возможность говорить о средневолжском и волго-

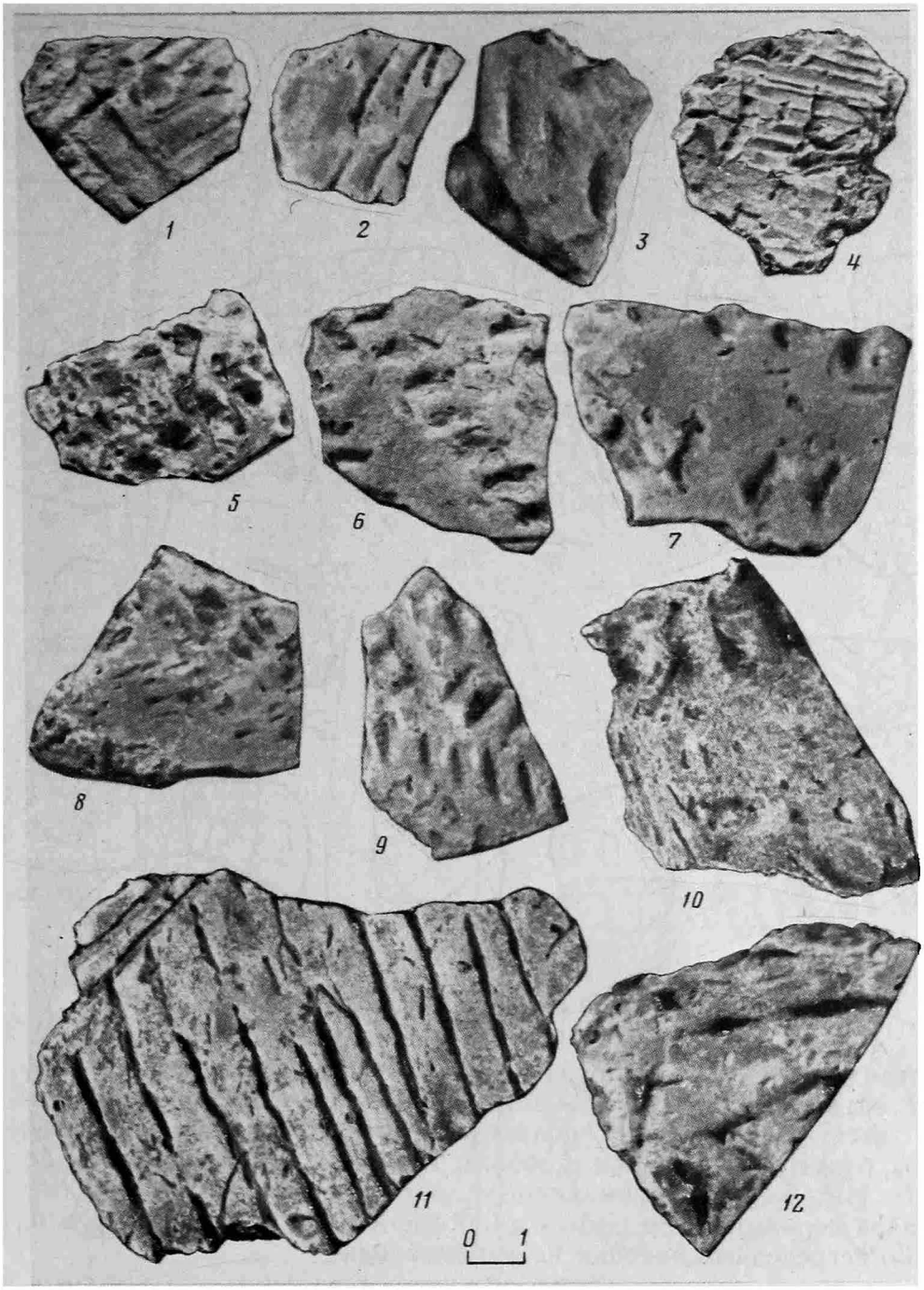


Рис. 3. Волосовская керамика со стоянок в бассейнах Суры и Мокши. *1—4, 7, 9* — Ширингушская: *5, 6, 8, 10, 12*—1 Каргашинская; *11* — Имерка I-А

окском вариантах. Ниже мы попытаемся вычислить индекс родственности (ИР) между материалами каждого из названных вариантов. Вычисление ИР мы проведем отдельно по керамике, затем по орудиям труда по принципу, который заключается в том, что в сравниваемых коллекциях общее количество типов орнаментов или орудий труда принимается за 100%, а количество тождественных, т. е. встречающихся и в той, и в другой коллекции, принимается за X%. Вычисляя величину X, мы получаем ИР, выраженный в процентах. Верность этого способа определения ИР подтверждается его вычислением посредством решения формулы $f=S^2/KL$, опубликованной в книге И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера [8], посвященной вопросам обработки массового археологического материала. В этой формуле f — ИР, S —

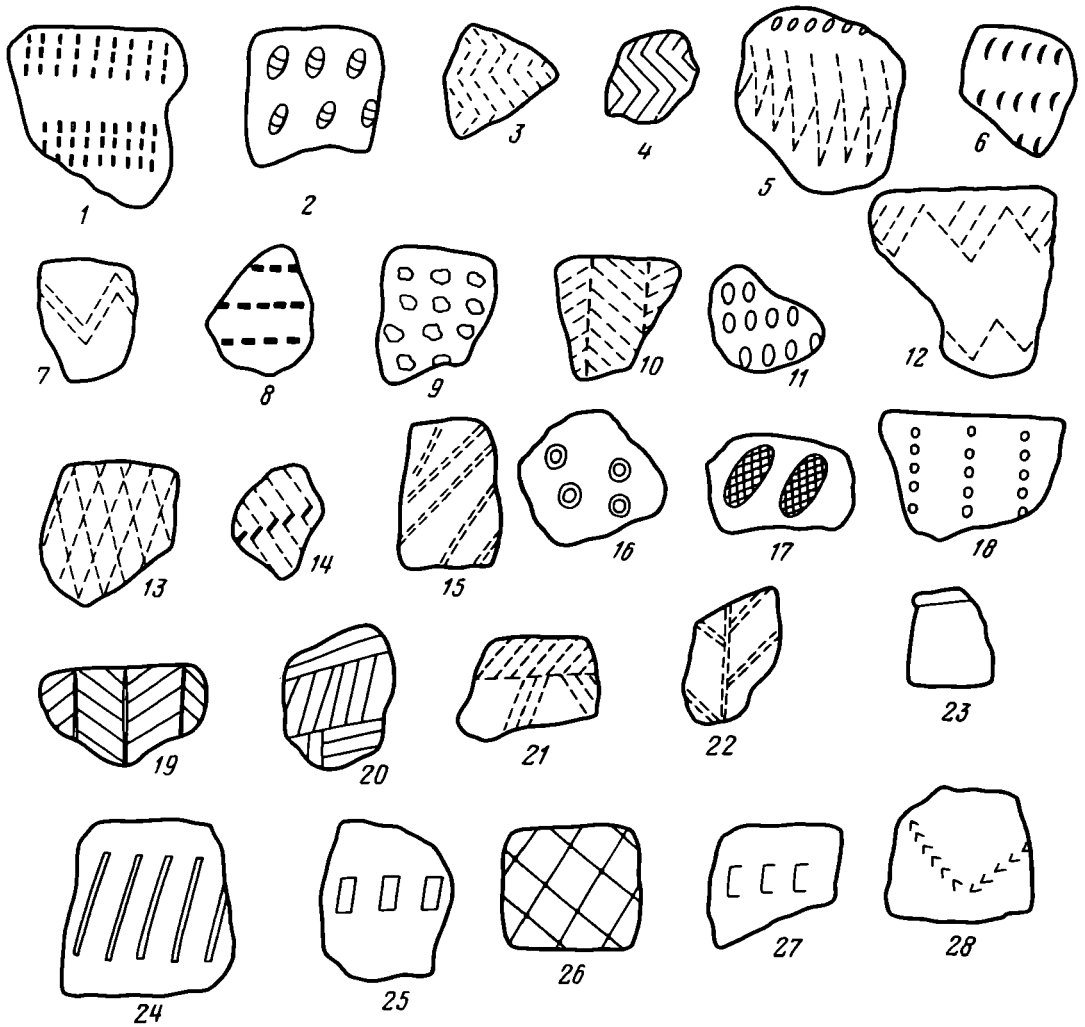


Рис. 4. Основные орнаментальные мотивы на волосовской керамике

количество тождественных типов, KL — количество типов в сравниваемых коллекциях. И тот, и другой способы дают практически одну и ту же величину (далее по тексту величина ИР, полученная посредством решения упомянутой формулы, будет указываться в скобках). Используя данные способы получения величины ИР, мы учитываем лишь те находки, которые были встречены на памятниках сериями и тем самым наиболее полно характеризовали их облик. Единично встреченные находки не учитывались [1]

Именно таким способом были составлены таблицы, по которым мы выделяли варианты волосовской культуры по орнаментации керамики и типам орудий труда (табл. 1, 2, рис. 4, 5). Упростив их, мы получаем следующее (см. табл. 3, 4): по рис. 4 определяем, что для керамики стоянок Среднего Поволжья и бассейна Оки характерно 25 основных орнаментальных композиций. Из них являются тождественными 21, что соответствует ИР 84% (83%).

Иной ИР мы видим, сравнивая керамику Среднего Поволжья и бассейна Верхней Волги. Здесь также выявляется 25 основных орнаментальных композиций, применявшихся для украшения посуды, но тождественными из них являются лишь 13. Следовательно, ИР в данном случае равен 52% (50%). Близкую величину ИР мы получаем, сопоставляя орнаментацию окской и

---

[1] Исключение составляют лишь фигурные кремни — довольно редкие находки на древних стоянках.

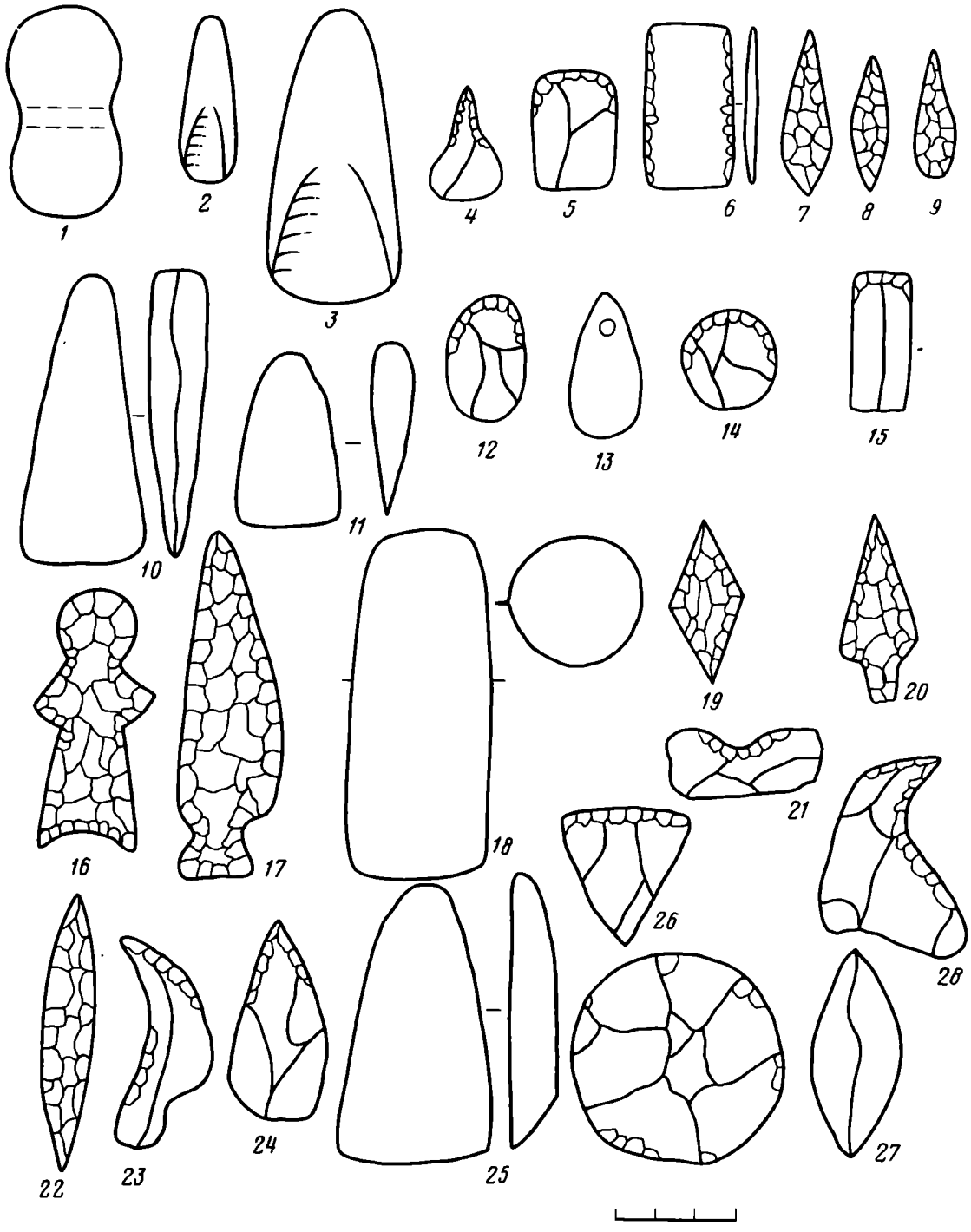


Рис. 5. Основные типы волосовских орудий труда

верхневолжской волосовской керамики. Здесь выявляются 24 основных орнаментальных мотива и 13 тождественных для обоих регионов, что позволяет установить ИР, равный 55% (50%).

При сопоставлении средневолжской и сурско-мокшанской керамики выделяется 26 основных узоров, из которых 15 — общие для того и другого региона. Индекс родственности в этом случае равен 58% (54%).

Выше мы уже отмечали различия сурско-мокшанской, с одной стороны, и окской керамики — с другой. Определение ИР позволяет подтвердить это положение. Так, на Суре, Мокше и Оке керамика украшалась 26 наиболее употребительными мотивами, из которых 13 являются тождественными. Это поз-

Орнаментация волосовской керамики

Памятник	Тип орнаментации											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Токаревская	+		+	+	+							
III Удельно-Шумецкая	+		+			+			+			
Панфилово I	+				+	+	+					+
Сумская	+	+	+		+	+						+
Волосово	+		+	+	+	+	+	+	+		+	
Майданская	+	+						+	+			+
Руткинская	+				+	+		+		+		
Займище III	+		+	+			+	+		+		+
Володары I	+		+	+	+			+	+	+	+	+
Володары II	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Владычино	+		+			+	+	+	+	+	+	+
Уржумкинская	+		+	+				+	+	+	+	
Ахмылово II	+		+		+	+	+	+	+	+	+	
Подборица-Щербининская	+		+	+	+	+	+	+	+	+		
Панфилово II	+		+	+	+	+	+	+	+	+		
Садовый Бор	+			+		+	+	+		+	+	
Халамониха	+		+	+				+	+	+	+	
Станок I	+		+	+	+			+	+		+	
Рождественская	+		+	+					+		+	
Языково	+		+	+				+	+			
Николо-Перевоз	+		+	+					+		+	
Модлона I	+		+		+			+				
Модлона II	+	+	+	+	+	+						
Сахтыш	+	+	+	+	+	+		+	+			
Борань	+		+	+				+	+			
Большое Буньково	+		+	+							+	
Вашутино	+		+		+	+			+			
Бологое	+		+			+			+			
Кончанское	+		+						+			
Ширингушская	+		+						+		+	
Подлесное V	+					+		+	+			
Имерка 1-Б	+	+	+			+		+	+	+	+	
Имерка 2	+	+				+		+		+	+	
Старая Яксарка	+	+				+					+	
Имерка 3	+					+			+	+	+	
Имерка 1-А	+	+				+		+	+		+	

Примечание. Цифры в графах соответствуют порядковым номерам на рис. 4.

воляет говорить об ИР, равном 46% (40%). Керамика стоянок на Суре, Мокше и Верхней Волге украшалась 24 основными композициями, 9 из них тождественны и на Волге, и на Суре, и на Мокше, ИР в данном случае равен 38% (30%).

Теперь аналогичные сравнения проведем с орудиями труда (см. табл. 4). Отметим сразу же, что, если по керамике стоянки Волго-Окского междуречья четко делятся на две группы, то орудия, обнаруженные на поселениях этих групп, чрезвычайно близки. По рис. 5 мы может отметить 23 типа волосовских орудий, встреченных на Оке и Верхней Волге. Из них 21 тип орудий найден в обоих регионах, что составляет ИР более 91%. Но до сих пор остаются не полностью исследованными и изданными материалы сахтышской группы стоянок. Публикация этих материалов позволит составить более полное представление о волосовских древностях Верхнего Поволжья, что позволит с большим успехом провести статистические сопоставления. Вышесказанное является причиной того, что в настоящей работе каменные орудия Волго-Окского междуречья рассматриваются без какого-либо подразделения.

Сравнивая орудия труда Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья, отметим, что эти коллекции характеризуют изделия 25 типов, 19 из которых

Тип орнаментации															
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
+		+													
+	+						+								
	+		+		+		+	+							
+					+										
+	+	+		+	+										
+					+									+	+
+		+					+	+		+					
+	+					+		+		+					
+	+	+	+	+		+	+	+		+					
+	+	+	+	+		+	+	+		+					
+		+	+	+	+		+	+	+	+					+
+														+	+
+		+			+	+			+	+				+	+
+		+	+	+		+	+		+	+					+
		+													
+		+	+		+		+		+	+					
		+			+	+		+	+						
		+	+	+	+	+	+		+	+					
+		+													
		+	+	+											
+		+	+	+											
		+		+											
	+	+													
		+	+											+	
	+	+		+										+	
	+	+	+	+											
		+													
	+		+	+											
	+	+		+											
		+		+											
						+				+	+	+	+	+	
+							+			+	+	+		+	+
		+								+	+				
							+			+					
		+								+	+				
										+	+	+			

являются тождественными. Следовательно, ИР этих коллекций равен 76% (75%).

При сопоставлении срежневолжских и сурско-мокшанских наборов орудий труда мы получаем близкие, хотя и не тождественные, результаты. Всего в этих регионах были известны орудия 25 основных типов, из них 15 оказываются тождественными, что соответствует ИР 60% (56%).

Изделия сурско-мокшанских и волго-окских волосовских стоянок насчитывают 26 основных типов, из них 16 встречаются и в том, и в другом регионе. В данном случае ИР равен 63% (60%).

Сравним результаты наших сопоставлений (см. табл. 5).

Заметим, что величина ИР комплексов орудий труда различных групп памятников хотя и не одинакова, но везде превышает 50%, колеблясь в среднем от 60 до 76%. Это говорит о близости выделяемых комплексов орудий труда, где на каждые десять видов изделий тождественными оказываются шесть-семь и даже восемь типов. Этот факт наряду с близостью общего характера сурско-мокшанских памятников, близостью способа захоронения, технологии изготовления посуды, формы сосудов собственно волосовским позволяет

Орудия труда с волосовских памятников

Памятник	Тип орнаментации											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Сумская		+	+	+	+			+	+	+	+	
Руткинская			+	+	+	+		+			+	+
Майданская				+	+	+		+	+	+	+	
Займище III			+	+	+			+	+	+	+	+
Уржумкинская		+	+	+	+	+		+	+	+		
Ахмыловская II	+	+	+	+	+	+		+	+	+		
Волосовский клад		+	+		+		+	+			+	
Волосово		+	+	+	+		+	+		+	+	+
Володары		+	+	+	+		+	+		+	+	+
Подборица-Щербининская		+	+	+	+			+			+	+
Сахтыш		+	+	+	+		+	+			+	
Большое Буньково			+	+				+		+	+	+
Николо-Перевоз I		+	+	+	+			+			+	
Станок I	+	+	+	+	+			+			+	+
Борань	+	+	+	+	+		+	+		+	+	
Ширингушская			+	+			+	+				
Имерка 1-Б			+	+	+		+	+		+	+	+
Старая Яксарка					+			+				

Примечание. Цифры в графах соответствуют порядковым номерам на рис. 5.

говорить о сурско-мокшанских древностях как волосовских. Но нельзя оставить без внимания тот факт, что керамика средневолжских, окских и верхневолжских стоянок по общности орнаментации близка на 50—84%, в то время как сурско-мокшанская керамика наиболее близка лишь средневолжской, где величина ИР определяется в 58% (54%).

Данная ситуация позволяет сделать следующее предположение. Возникновение сурско-мокшанской группы памятников является следствием расселения средневолжских волосовцев, которые по каким-то причинам обособились от волго-окского населения. При этом следует учитывать еще одно обстоятельство. В последние годы в бассейнах Суры и Мокши стали выявляться местные энеолитические древности, корни которых следует искать среди материалов эпохи неолита лесостепной зоны. Они представляют собой дюнные стоянки с остатками четырехугольных полуземлянок, при исследовании которых найдены обломки льячек, капли меда, наборы орудий труда из кремня и керамика.

В 1981—1984 гг. Сурским неолитическим отрядом ЛОИА АН СССР раскопаны два таких поселения: Имерка 5 и Новый Усад 4 [9]

Интересна керамика этих поселений. Сосуды изготавливались из глины с примесью песка, растительной трухи, реже — размельченной раковины. Заметим, однако, что, несмотря на сходство глиняного теста с волосовским, посуда со стоянки Имерка 5 гораздо плотнее. Сосуды на Имерке 5 в отличие от волосовских имели очень устойчивую форму. Их венчики, как правило, загибались наружу и имели характерное утолщение в месте изгиба.

Сосуды полностью орнаментировались. Основными узорами были композиции из нарезных линий: треугольники (иногда взаимопроникающие) — 4,5%, зоны из параллельных линий, часто расположенные под углом друг к другу,— 26,5%. В ряде случаев эти узоры разделялись рядами подчетырехугольных вдавлений, оттисков редко поставленной отступающей лопаточки, ямок (16%). Узоры из отступающей лопаточки и иных вдавлений различной формы на некоторых сосудах играли самостоятельную роль, образуя сочетания из горизонтальных и наклонных поясов (37%). Часть керамики украшена глубокими насечками (6,1%). Фрагменты с оттисками гребенчатого штампа единичны (2%).

Таблица 2

Тип орнаментации															
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
	+	+				+	+	+							
	+	+				+	+				+				
+			+	+		+	+	+				+			
	+	+				+		+				+			
	+	+		+		+	+	+				+			
	+	+	+			+	+	+			+	+			
				+	+		+		+			+			
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			
+	+	+	+		+		+	+	+		+				
+			+		+		+	+	+	+	+				
+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+			
	+	+	+			+		+	+		+				
	+	+	+		+		+	+	+	+		+			
+	+	+						+	+		+				
+	+	+			+				+	+	+				
+				+		+	+				+				
+			+	+			+	+			+	+	+	+	+
						+							+		

Аналогичная керамика, названная имеркской, получена при исследовании Волгапинской и некоторых других (Машкино VI и X, Скачки) стоянок в Мордовии. Характеризуя керамику стоянки Волгапино, В. Н. Шитов подчеркивает наличие некоторых волосовских черт в ее орнаментации и технологии изготовления: узоры в виде елочки со стеблем, примесь органики в глиняном тесте и т. п. По-видимому, следует говорить об определенном влиянии культуры пришельцев на местные материалы, влиянии, которое вряд ли было односторонним.

На керамике стоянок типа Имерка 1-А, 1-Б, 2, 3 встречены узоры в виде рядов наколов четырехугольных вдавлений, редко поставленной отступающей лопаточки, а также из широких прочерченных линий. Эти узоры могли возникнуть под влиянием местной культуры, для которой они были характерны, составляя основу ее орнаментации. Примечательна в этой связи находка двух сосудов на полу жилища на поселении Новый Усад 4. Один из них украшен типичными имеркскими узорами из прочерченных линий и рядов редко поставленной отступающей лопаточки, второй орнаментирован в волосовской традиции — елочкой со стеблем, выполненной отпечатками гребенчатого штампа. Другими словами, в орнаментации керамики стоянки Новый Усад 4 отчетливо сочетаются местная и пришлая, волосовская, традиции.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что древние волосовцы, появившись в бассейнах Суры и Мокши, вступили в контакт с местным, имеркским населением и восприняли целый ряд черт местной культуры, что сказалось в первую очередь на орнаментации керамики.

Финал волосовских древностей в междуречье Суры и Мокши прослеживается в последние годы все отчетливее. К послеволосовскому времени здесь относятся, в частности, срубные поселения. Не исключено, что исчезновение волосовских племен в бассейне Суры и Мокши связано именно с появлением срубных памятников.

Еще в 1941 г О. А. Кривцова-Гракова опубликовала материалы трех памятников срубной культуры в окрестностях г. Мокшан Пензенской обл., в 60 км к юго-западу от г. Пензы,— стоянок Зимница I и II и Волчий Овраг [10]

Кроме упомянутых в бассейнах Суры и Мокши были исследованы срубное поселение Подлесное II на р. Сура близ г. Пензы, где работали М. Р Полес-

Орнаментация волосовской керамики

Регион	Тип орнаментации											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Среднее Поволжье	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сура и Мокша	+	+	+			+		+	+	+	+	
Бассейн Оки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Верхнее Поволжье	+	+	+	+	+	+	+		+		+	

Примечание. Цифры в графах соответствуют порядковым номерам на рис. 4.

Орудия труда волосовской культуры

Регион	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Средняя Волга	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+
Сура и Мокша			+	+	+		+	+		+	+	+
Верхнее Поволжье и бассейн Оки	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+

Примечание. Цифры в графах соответствуют порядковым номерам на рис. 5.

ских, затем Сурской отряд, и стоянка на дюне Озименки в Наровчатском р-не Пензенской обл., где в начале 50-х годов работала М. Е. Фосс, а с 1978 г. поселение было обследовано Сурским отрядом ЛО Института археологии АН СССР [11]

Полевые исследования, проведенные Сурским отрядом ЛО Института археологии АН СССР, дают возможность заключить, что историческая обстановка во II тыс. до н. э. в междуречье Суры и Мокши напоминала события, которые протекали на Оке и Волге. На этой территории на срубной основе, но при участии волосовских компонентов также возникают древности приказанского типа. Интерес в данном случае представляют материалы стоянки Подлесное IV, в сложении комплекса керамики которой приняли участие и срубно-приказанские, и балановско-чирковско-сейминские элементы с преобладанием приказанских черт [2] Каменные и кремневые орудия, подобные найденным здесь, бытовали в эпоху неолита и в более поздние периоды. Для нас особое значение приобретает то обстоятельство, что они обычны и для памятников приказанской культуры [12].

Кроме срубных и приказанских поселений в междуречье Суры и Мокши известны памятники и иного типа — балановские, представленные поселениями и могильниками [13]. Это были скотоводческие племена, знакомые с бронзовыми изделиями (известны наконечники копий, топоры, шилья, украшения), изготавливавшие боевые сверленые и клиновидные топоры, орудия труда из кремня (наконечники стрел и копий, ножи, скребки, проколки и т. п.), из глины (пряслица).

Свои сосуды балановцы лепили, примешивая к глиняному тесту песок. Сосуды имели шаровидную форму с небольшими плоскими или округлыми днищами и вертикальными профилированными венчиками. Они украшались оттисками гребенчатого штампа, шнура, нарезными линиями, различными вдавлениями, составлявшими всевозможные ромбы, треугольники, зигзаги, ряды всевозможных оттисков, параллельные краю венчика, сочетания горизонтальных и наклонных отпечатков и т. п.

Среди балановских памятников в междуречье Суры и Мокши укажем Ва-

[2] Кроме того, здесь была найдена коллекция неолитической керамики.

Таблица 3

Тип орнаментации															
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
+	+	+			+	+	+	+		+				+	+
+		+				+	+			+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+		+					+
+	+	+	+	+										+	

Таблица 4

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
+	+	+	+	+		+	+	+			+	+			
+			+	+		+	+	+			+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			

сильсурское поселение в низовьях Суры, Ош Пандо и Сайнино на территории современной Мордовии, Гулюшево на Верхней Суре, Кокуй в бассейне Мокши и др.

Появление балановских племен на данной территории не прошло бесследно для местного охотничье-рыболовческого населения. Под воздействием пришельцев здесь возникла чирковско-сейминская культура, включавшая некоторые волосовские черты. В этом плане большой интерес представляет стоянка Имерка 2, расположенная на дюне между р. Вад и Имеркским озером (бассейн р. Мокша [14]). При ее исследовании были получены керамические коллекции неолитического и волосовского времени, найдены также развалы двух балановских сосудов и комплекс посуды чирковско-сейминского типа (630 фрагментов).

Чирковско-сейминская керамика изготавливалась из глины с примесью растительных остатков. Толщина стенок сосудов 0,5—0,6 см. Судя по имеющимся фрагментам, сосуды имели округлые днища, выпуклые стенки, профилированный венчик; 308 фрагментов не орнаментированы, 184 украшены оттисками штампа, из них 28 — вертикальными зигзагообразными линиями, 70 — елочкой, 86 — рядами коротких, наклонно нанесенных отпечатков, 187 фрагментов украшено рядами нарезок, 5 — прочерченными линиями в виде зигзага, 16 — елочкой из нарезных линий, 1 — отступающей лопаточкой.

Что же роднит этот керамический комплекс с посудой чирковско-сейминского типа? Чирковско-сейминские сосуды имели бобовидную форму — профилированные венчики, выпуклые бока, округлые днища. Они украшались главным образом в своей верхней части. Среди орнаментальных мотивов — выполненные штампом или насечками зигзагообразные линии, горизонтальные ряды всевозможных оттисков. Все вышесказанное характерно для чирковско-сейминской керамики и посуды со стоянки Имерка 2. Есть и различия: на керамике с Имерки 2 нет некоторых узоров, характерных для чирковско-сейсминской керамики Среднего Поволжья. Среди них ряды треугольников с опущенными вниз вершинами, сочетание широких, горизонтально расположенных зигзагов и многорядных полос, параллельных краю венчика, и некоторые композиции из вертикальных, наклонных и горизонтально нанесенных оттисков штампа.

Таблица 5

Величина ИР по орнаментации керамики и типам орудий труда между вариантами волосовской культуры, %

Сравниваемые регионы	По керамике	По орудиям труда
Среднее Поволжье — бассейн Оки	84(83)	76(75)
Среднее Поволжье — Верхняя Волга	52(50)	76(75)
Сура и Мокша — Среднее Поволжье	58(54)	60(56)
Сура и Мокша — бассейн Оки	46(40)	61(60)
Сура и Мокша — Верхняя Волга	38(30)	61(60)
Бассейн Оки — Верхняя Волга	55(50)	100

Скорее всего описываемая керамика с Имерки 2 является вариантом древностей чирковско-сейминского типа. Керамика этого типа залегала внутри или в непосредственной близости от подчетырехугольной полуземлянки, частично разрушенной позднейшими ямами.

Таким образом, в междуречье Суры и Мокши протекали события, подобные тем, что наблюдались на Оке и Волге. Здесь, так же как и в более северных районах, местная культура уступила место иным этническим образованиям, которые стояли на более высокой экономической ступени развития. Эти соображения подтверждаются и материалами послеволосовского поселения у с. Аким-Сергеевка в Мордовской АССР [15]. Здесь была получена коллекция орудий труда, а также плоскодонная керамика с геометрическими узорами под венчиком, аналогичная, по мнению В. Н. Шитова, поздняковской, т. е. керамика, основу которой составляет срубный компонент.

Итак, мы попытались показать процесс исчезновения волосовского населения на Суре и Мокше, который в значительной степени был связан с приходом на территорию его распространения экономически более развитых скотоводческих племен. Как представляется, в середине II тыс. до н. э. волосовская культура постепенно исчезает вследствие появления на ее территории фатьяновско-балановских, срубных и других племен, которые ассимилировали обитателей волосовских стоянок и создали новые этнокультурные образования [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каховский В. Ф.* Стоянки волосовской культуры // АО-1968. М. 1969.
2. *Третьяков В. П.* Поселения Имерка 1-Б и Имерка 5 в Мордовии // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
3. *Шитов В. Н.* Эпоха камня и раннего металла в Примокшанске // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976.
4. *Зимина М. П.* Стоянка Старая Яксарка // КСИА. 1981. Вып. 161.
5. *Третьяков В. П.* О древностях каменного века на Суре и Мокше // АО-1979. М., 1980.
6. *Третьяков В. П.* Исследование энеолитических памятников в Мордовии // АО-1981, М., 1983.
7. *Третьяков В. П.* Варианты волосовских древностей // СА. 1979. № 1.
8. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
9. *Третьяков В. П.* Поселение Имерка 5— памятник эпохи энеолита в Примокшанье // СА. 1987. № 1.
10. *Кривцова-Гракова О. А.* Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшань и Пустынь // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XII.
11. *Третьяков В. П.* Исследование в верховьях Мокши и Суры. А-1978. М., 1979.
12. *Выборнов А. А., Третьяков В. П.* Поселение Подлесное IV на Верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.
13. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры // САИ. 1967 Вып. В1-25.
14. *Третьяков В. П.* Поселение Имерка II // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
15. *Шитов В. Н.* Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевка // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975.
16. *Третьяков В. П.* Финал волосовских древностей на Оке и Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

V. P. TRETYAKOV

THE VOLOSOVO ANTIQUITIES FROM THE SURA-MOKSHA INTERFLUVE

Summary

The author describes the Eneolithic sites in the Sura-Moksha interfluve and determines their chronological frameworks and cultural affiliations. He also looks at what happened to their population. The comparison of the materials from the Sura-Moksha interfluve and the Eneolithic sites from the Volga-Oka interfluve, the Upper and Middle Volga and the similarity index (SI) have allowed the suthor to conclude that there existed a variant of the Volosovo culture. He has established that the local Volosovo population cooperated with the Imerksky population that came to the region later. The author believes thal the Volosovo tribes dissapeared from the Sura-Moksha interfluve when a timber-grave culture population came to the region.

Ю. В. БОЛТРИК

СУХОПУТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СКИФИИ
(по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра)

Массовые археологические исследования в зонах сооружения оросительных систем, охвативших значительную часть степей Северного Причерноморья, позволяют по-новому оценить систему сухопутных торговых путей и со значительной степенью достоверности локализовать торговую гавань Скифии на Северном побережье Азовского моря.

В настоящее время в литературе господствует мнение, что греко-скифская торговля осуществлялась преимущественно по речным путям [1, с. 177, 178; 2, с. 491], сухопутным же коммуникациям отводится роль второстепенных и малозначительных. На наш взгляд, соотношение водных и сухопутных путей было более сбалансированным. Недооценку последних, пожалуй, следует объяснять сравнительно малой их изученностью в Северном Причерноморье и скудостью сведений, содержащихся в античных письменных источниках. Хотя Фукидид сообщает, что Архелай в Македонии велел проложить прямые дороги (Thuc. II, 100), однако эта мера носила скорее военный характер, чем экономический. Известно, что широкая сеть дорог, оставленная кельтами в Европе и впоследствии обустроенная римлянами [3, с. 256], использовалась как в военных, так и в торговых целях. В Южной Фракии болгарскими учеными реконструируется часть дорожной сети I тыс. до н. э., связывающей города, поселения, святилища, курганные некрополи [4, с. 325]

Для юга европейской части СССР существование дорожной сети фиксируется с эпохи поздней бронзы. Картографирование кладов эпохи поздней бронзы позволило И. Т. Чернякову и Л. В. Субботину проследить в Северо-Западном Причерноморье торговый путь от наиболее удобной на Нижнем Дунае переправы (близ современного г. Рени) в глубь северопричерноморских степей, той переправы, которой пользовались войска Дария и позднее Зопириона [5, с. 20, 21] Дальнейшее «продвижение» этого пути на восток проследил В. В. Отрощенко. Используя в качестве реперных пунктов памятники белозерской культуры, он доводит ответвления этого пути до основных переправ Нижнего Днепра, а затем предполагает разделение пути на две ветки: южную — через Перекоп и Тамань и восточную — вдоль северного берега Азовского моря к устью Дона [6, с. 147] Вполне возможно, что один из вариантов сухопутного пути из Ольвии в Поволжье и Приуралье, реконструируемого для раннескифского времени Б. Н. Граковым [7, с. 23—37], совпадал с восточной ветвью дороги белозерского времени. Функционирование этого пути к IV в. до н. э. прекращается, а доминирующие в это время в Скифии боспорские импорты, меридионально пересекая направление Ольвийского торгового пути, оседают в могилах скифской знати в Нижнем Поднепровье [7, с. 36, 37; 8, с. 51—54] Изучению сухопутных торговых путей Правобережной Скифии посвящены работы А. С. Островерхова и К. К. Шилика [9, с. 21, 22; 10, с. 84—94; 11, с. 88]

Безусловно, сеть скифских сухопутных путей была не столь развита, как синхронная ей западноевропейская, к тому же реконструкция гужевых дорог, не

© Ю. В. Болтрик, 1990 г.

имевших покрытия, весьма затруднена. Водные же пути более очевидны, к тому же Геродот свидетельствует, что восемь рек Скифии были доступны для кораблей (Herod. VI, 47). В пользу проникновения купцов в глубь скифской земли по рекам свидетельствует также и находка челна с грузом античных бронзовых сосудов и костяком мужчины на торфянике у р. Супой [12, с. 3] Для перемещения по воде даже больших грузов требуются значительно меньшие усилия, чем по суше, однако внутренние водные пути имели и ряд недостатков, среди них — обмеление рек летом и замерзание зимой. Даже Борисфен (с 23 мелями и перекатами на участке от Каховки до с. Беленькое, выше Никополя [13, с. 322]) имел лишь кратковременный период гарантированного судоходства во время половодья. К тому же в отличие от круглосуточного движения по морю плавание в ночное время по извилистым руслам рек было весьма рискованным, если вообще возможным. Чрезвычайно затруднено было движение и по Дону из-за множества песчаных наносов и малых глубин [14, с. 112] Сомнительным кажется и водное сообщение между Ольвией и Немировским городищем по Южному Бугу, в среднем течении которого Ф. К. Брун указывает 18 порогов [15, с. 23]. На наш взгляд, одно из преимуществ гужевых трактов над речными путями кроется в том, что все потоки античного импорта должны были идти вверх против течения реки, что также весьма затруднительно. Если для Левобережной Скифии можно говорить о существовании грунтовых дорог, по которым продвигались повозки, то для степей Правобережья в силу их контрастного рельефа уместно предположить использование как гужевых дорог, так и караванных троп.

Сухопутные дороги в пределах от Днепра до Приазовья мы попытаемся реконструировать, используя личные наблюдения и материалы, полученные рядом новостроечных экспедиций ИА АН УССР, работавших в различные годы в этом регионе, а также исходя из давно подмеченного сакрального взаимопритяжения дорог и курганов. Вот что писал А. О. Котляревский по этому поводу более 100 лет тому назад: «Помещение могильных холмов на видном месте путей вполне соответствует их назначению: с одной стороны, они свидетели памяти покойника, с другой — пограничные стражи родной земли, оберегаемой прахом почивших предков, ибо жилищам богов приличнее всего стоять на меже путей» [16, с. 123] Вот и мы в качестве ориентиров — признаков древних дорог будем использовать отдельные курганы или курганные группы.

Исходным пунктом на берегу Меотиды для нас может служить гавань Кремны, дважды упоминаемая Геродотом (Herod. IV, 20, 100), от нее в глубь скифской территории веером расходились дороги, по которым доставлялись товары, привозимые сюда судами древних греков. Попытку локализации скифской гавани Кремны предпринимали многие исследователи текстов Геродота и немногие археологи, в том числе автор данной статьи [1] Наша локализация гавани основывается на данных разведок Приазовской экспедиции ИА АН УССР, анализе топографических карт и пробных раскопок. По Геродоту и подтверждающему его сведения Птоломею, Кремны находились на северном побережье Меотиды, где-то между устьями рек Герррос и Танаис. Используя «Таблицу расстояний по карте Птоломея», составленную Ф. А. Брауном [20, с. 361], уточняем удаление гавани Кремны к востоку от р. Герррос (Молочной); опуская промежуточные расчеты, получаем приблизительно 43 км (подробно см. [18, с. 41—48]). С другой стороны, Кремны логично было бы искать где-то к северу от Боспора Киммерийского, так как в этом направлении можно пересечь Азовское море по наиболее короткой трассе (около 170 км), а если учесть, что древнегреческим мореходам в отрыве от береговой линии и без ориентиров удавалось выдержи-

---

[1] Библиографию вопроса см. [17, с. 242, 243; 18, с. 41—43]. Отметим особо лишь одну из последних попыток локализации Кремн Геродота, предпринятую Дж. Хиндом, который отождествляет Кремны с Пантикапеем, считая их вторым описательно-топографическим наименованием Пантикапея [19, с. 109—119]

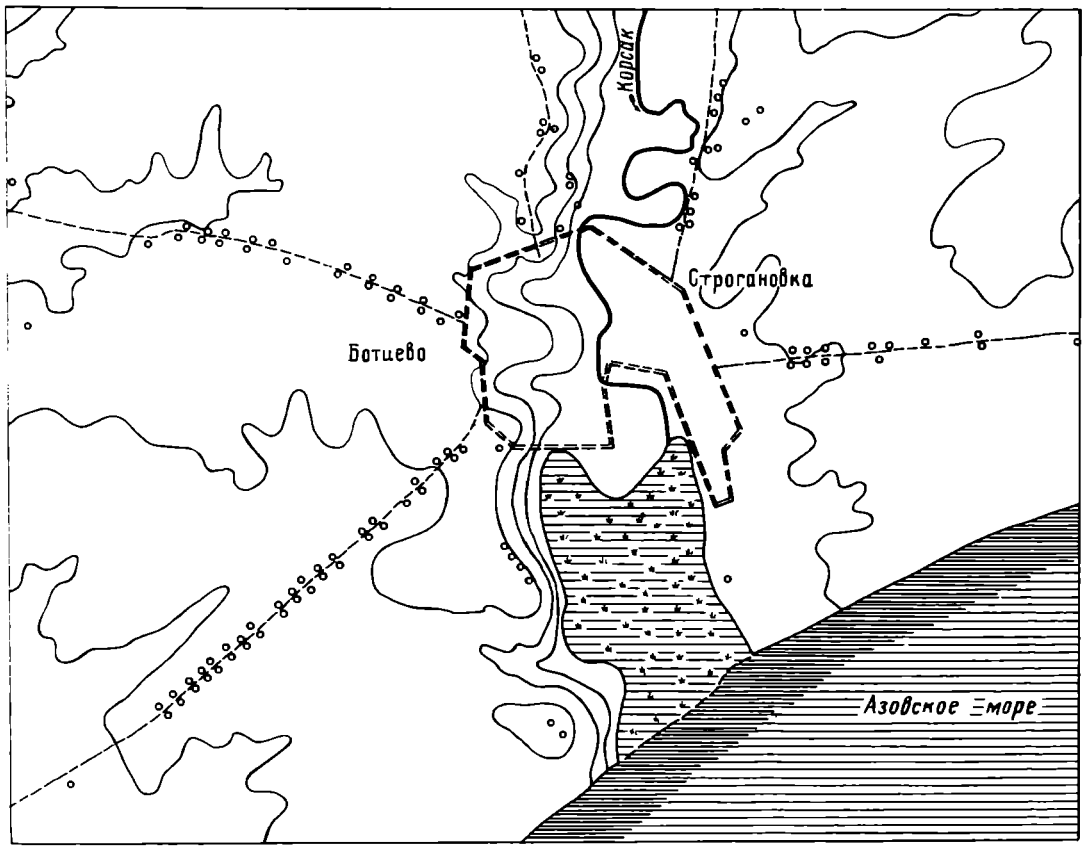


Рис. 1. Палеотопографическая ситуация у сел Ботиево — Строгановка Запорожской обл.

вать заданный курс, не имея компаса и определяясь по солнцу или звездам, лишь в широтном либо меридиональном направлении [21, с. 14], то проложенный с Боспора курс на север выводит в район устья р. Корсак. В этом месте, в 4—5 км от моря, по обоим берегам р. Корсак находятся два современных села — Ботиево и Строгановка Приазовского р-на Запорожской обл. На топографической карте 30-х годов (т. е. до периода машинной обработки земли) за пределами территории сел, на полях, прослеживаются следы древних дорог, фиксируемые параллельными рядами небольших курганных насыпей в виде своеобразных аллей, сходящихся четырьмя лучами как бы по направлению центра с. Ботиево. Помимо обозначенных на карте курганных «аллей» разведками Приазовской экспедиции в 1984 г. в окрестностях с. Ботиево обнаружена еще одна короткая цепочка курганов к югу от села (рис. 1). Один из курганов исследован С. Б. Буйских. Под насыпью открыто одно ограбленное погребение V—IV вв. до н. э. Подобная топография курганов уникальна для Северного Приазовья. В Северном Причерноморье курганные аллеи встречаются лишь в окрестностях античных городов, правда, зафиксированы они фрагментарно, исключение составляют Ольвия [22, с. 32], Фанагория [23, с. 285], Пантикапей [24, с. 234]. Традиция хоронить вдоль дорог широко известна в материковой Греции [25, с. 118, 119] Поэтому и нашу курганную ситуацию у с. Ботиево мы можем считать верным признаком, указывающим на местоположение античного населенного пункта, которым в Северо-Западном Приазовье для времени Геродота может быть лишь один — гавань Кремны.

В пользу локализации торжища в предполагаемом нами месте говорит и само наименование-ориентир — Κρημνοί переводимое как «кручи, обрывы» или, по П. Буткову, «покатость, крутизна, возвышенность» [26, с. 165]. Дело в том, что на участке побережья от г. Геническа до Обиточной косы клиф к западу от устья р. Корсак достигал максимальной высоты — 36 м, а стоящие на возвышен-

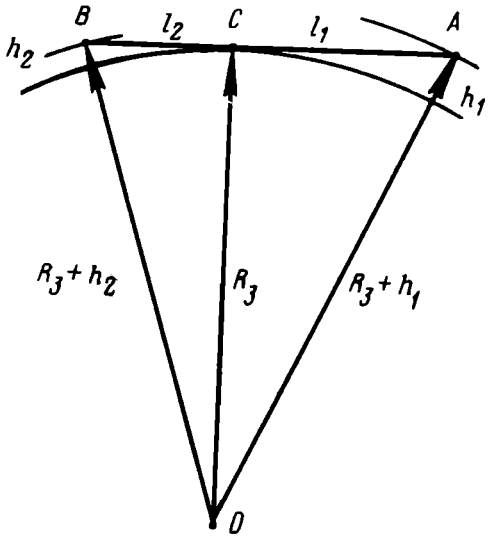


Рис. 2. Схема расчета максимальной дальности визуального обнаружения береговой возвышенности

ности в 1 км от берега два больших кургана эпохи бронзы еще более увеличивали высоту берега при обзоре его с моря (до 43 м), что служило хорошим ориентиром и облегчало финальную часть плавания древним мореходам. Используя теорему Пифагора, можно вычислить максимальную дальность визуального обнаружения береговой возвышенности, на которой, вероятно, в древности находились еще и навигационные сооружения [2] Для наглядности нашу задачу изобразим сначала схематически (рис. 2): А — вершина прибрежной возвышенности; В — положение матроса-наблюдателя на марсе (площадке в верхней части мачты); С — точка касания луча А—В поверхности моря; 0 — центр Земли; R_3 — радиус Земли; h_1 — возвышение прибрежной возвышенности над уровнем моря; h_2 — высота расположения наблюдателя над уровнем моря; L_1 — расстояние от вершины возвышенности до точки касания поверхности моря; L_2 — расстояние от корабельного наблюдателя до точки касания поверхности моря; L — максимальная дальность визуального обнаружения прибрежной возвышенности с корабля. Составим уравнения:

$L=L_1+L_2$ (1); $L_1=\sqrt{(R_3+h_1)^2-R_3^2}$ (2); $L_2=\sqrt{(R_3+h_2)^2-R_3^2}$ (3).

Произведя простые преобразования и пренебрегая малыми величинами, получим: $L_1=\sqrt{2R_3h_1}$ (4) и $L_2=\sqrt{2R_3h_2}$ (5). Таким образом, подставляя в (1) выражения (4) и (5), получим: $L=\sqrt{2R_3h_1}+\sqrt{2R_3h_2}=\sqrt{2R_3}(\sqrt{h_1}+\sqrt{h_2})$ (6). Для нашего случая $h_1=43$ м, $R_3=6371$ км, $h_2=10$ м. Из (6) получим: $L=\sqrt{2\cdot6{,}371\cdot10^6}\ (\sqrt{43}+\sqrt{10})=\sqrt{12{,}742\cdot10^6}\ (6{,}55+3{,}16)=3{,}56\cdot10^6\cdot9{,}71=34{,}56$ км.

Следовательно, кручи у устья р. Корсак были видны с моря приблизительно за 35 км. А если учесть, что противоположная береговая возвышенность просматривалась с моря за 50 км, то древним мореходам приходилось лишь треть пути идти без береговых ориентиров. Следует заметить, что взаимосвязь наименования конкретного пункта с характерными элементами рельефа или другими особенностями местности для античной топонимики Северного Причерноморья вполне обычна, примером тому могут служить следующие названия-ориентиры: Кепы (сады), Херсонес (мыс), Каркинитида (залив, богатый крабами), Порфмий (переправа), Калос-Лимен (прекрасная гавань) и т. д.

---

[2] Воспользоваться формулой определения дальности видимости, опубликованной Д. Я. Беренбеймом, оказалось невозможным ввиду погрешностей ее воспроизведения [27, с. 202]

Помимо наличия курганных аллей одним из наиболее веских аргументов в пользу нашей локализации является античная гончарная и скифская лепная керамика, по данным разведки Скифской степной экспедиции МГУ, встреченная вдоль правого крутого берега р. Корсак на протяжении 0,8 км к югу и 0,4 км к северу от с. Ботиево [28] Вполне вероятно, современное село, занимающее, видимо, центральную часть торгового городка, поглотило следы античности в пределах своей территории. Заметим кстати, что до середины XIX в. на месте с. Ботиево (старое наименование — Цареводаровка) находился ногайский аул Улькон-Сасик-Тугун — место традиционных базаров и ярмарок [29, с. 669], что также не способствовало сохранению культурного слоя в районе пересечения древних дорог. В первой половине XIX в. немец-колонист Иван Корнис нашел в этом ауле «мраморный обломок от карниза, конический кувшин, подобный открываемым в Керчи и Ольвии» [30, с. 79]. Таким образом, собранные воедино факты позволяют нам локализовать Кремны Геродота в пределах современного с. Ботиево.

Попытаемся проследить расходящиеся от предполагаемой нами гавани сухопутные дороги. Курганные аллеи хорошо фиксируют их направления — восточное, северное, западное и юго-западное. Рассмотрим восточное направление — здесь древняя дорога совпадает с современной, частично уничтожившей часть курганной аллеи; в настоящее время курганы тянутся до 7 км от центра с. Ботиево по направлению к с. Райновка Приморского р-на, уходя далее на восток вдоль берега моря, пересекая реки Лозоватку и Обиточную. За г. Приморском (бывш. Ногайском) дорога пролегала по гребню водораздела между берегом моря и притоком р. Обиточной — Кильчитией. Следует заметить, что древние пути, не имевшие твердого покрытия, проходили, как правило, по водоразделам, просыхавшим в степи в первую очередь [11, с. 88] Потому-то и совпадают так часто курганы, стоящие на водоразделах, и дороги, идущие по ним. Их взаимовстречаемость мы и попытаемся использовать как основу для реконструкции древних сухопутных путей. Вполне вероятно, что дорога из с. Ботиево вела к дельте Дона, к Елизаветинскому городищу (рис. 3), являвшемуся крупным торговым центром с V в. до н. э. на стыке трех этнических массивов — скифского, савроматского и меотского [31, с. 41, 42] [3] Возможно, где-то за р. Берда эта дорога сливалась с караванным путем из Побужья в Поволжье и Приуралье, а возможно, являлась приазовской частью этого пути. Важность этой артерии подчеркивают находящиеся на этой трассе курганы: Ногайские V в. до н. э. [33, с. 157—165], раскопанные Н. И. Веселовским, Бердянский — V—IV вв. до н. э. [34, с. 419], курганы V в. до н. э. к западу от г. Мариуполя [35, с. 176—181] и Двугорбая Могила к востоку от него [36, с. 148].

Дорога от Кремн в устье Танаиса пролегала на незначительном удалении от моря, поскольку этот маршрут позволял свести до минимума (12) количество переправ через малые реки Приазовья, тогда как при более северном маршруте пришлось бы преодолевать в 2—3 раза большее количество водных преград. Спорадические торговые контакты населения Нижнего Дона с греками отмечаются в период до возникновения Танаиса [37, с. 110] Иными словами, в период VII—V вв. до н. э. этот район, видимо, не имел регулярного морского сообщения с Боспором, а торговля осуществлялась по сухопутным коммуникациям, проложенным еще в эпоху бронзы [6, с. 147]

---

[3] Свидетельством торговой активности Боспора, но, вероятно, при скифском посредничестве, являются находки золотых обкладок горита и ножен меча в восьмом Пятибратнем кургане, входившем в Елизаветовский некрополь [32, с. 161—166]. Примечательно, что еще три идентичных обкладки горитов, вытесненных по одной форме (мелитопольская, чертомлыкская и ильинецкая), находились в курганах у дорог, которые в свою очередь находились в пределах одного дня пути от наиболее значительных городищ — коммуникационных узлов Скифии. Мелитопольский курган тяготеет к Кремнам, Чертомлык — к Каменскому городищу, Ильинцы — к городищу у с. Переорки или другому городищу Восточно-Подольской группы. Напомним также, что точная копия ножен меча из восьмого Пятибратнего кургана была найдена в Чертомлыкском кургане.

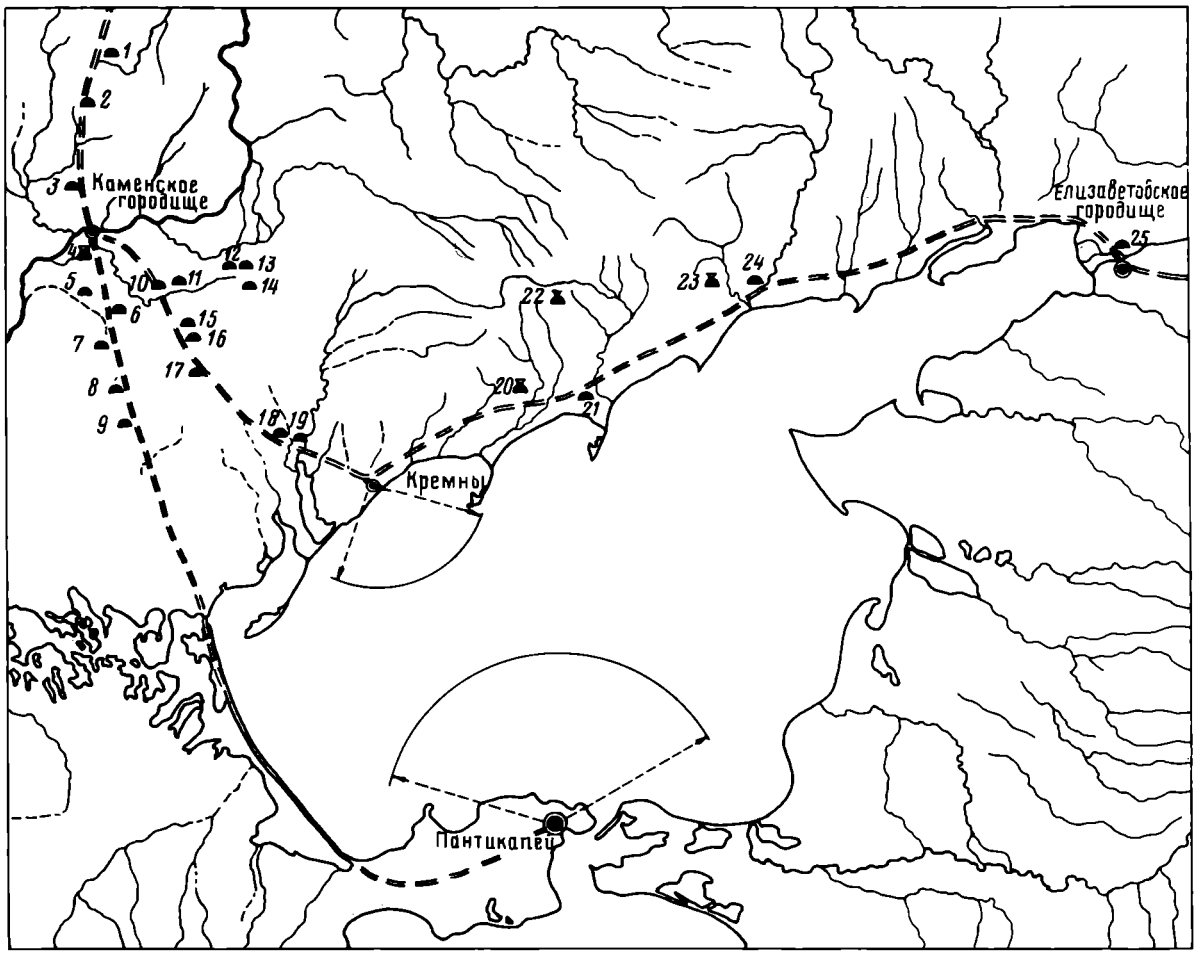


Рис. 3. Схема основных магистралей Скифии, фиксируемых археологическими памятниками (стрелками-радиусами показана дальность визуального обнаружения береговых возвышенностей с моря). *1* — кург. Александрополь; *2* — Нечаева Могила; *3* — кург. Чертомлык; *4* — культовый комплекс Мамай-Гора; *5* — кург. Солоха; *6* — Лемешовы курганы; *7* — кург. Рогачик; *8* — кург. Козел; *9* — кург. Огуз; *10* — кург. Б. Цимбалка; *11* — Чмырева Могила; *12* — курганы в уроч. Носаки; *13* — Гайманова Могила; *14* — Казенная Могила; *15, 16* — группа Сахновой Могилы; *17* — курганы у с. Чкалово; *18* — кург Шульговка; *19* — Мелитопольский кург.; *20* — культовый комплекс Канат-Могила; *21* — Бердянский кург.; *22* — курганный ансамбль у с. Берестовое; *23* — культовый комплекс у с. Кремневка; *24* — Двугорбая Могила; *25* — Пятибратние курганы

Однако вернемся к курганной аллее, уходящей из с. Ботиево к северу вдоль левого берега р. Корсак. Пока еще слабая изученность Северного Приазовья не позволяет детально проследить направление этого пути к Приазовской возвышенности и далее через нее, вероятно, на Бельское городище по водоразделу между верховьями рек бассейнов Днепра и Дона (рис. 4). Примечательно, что от плато Приазовской возвышенности вплоть до долины р. Ворсклы наш вариант пути Кремны — Бельское городище совпадает с известным средневековым Муравским шляхом, северное окончание которого уходило на южную окраину Московского государства, а южная оконечность выводила к Перекопу [38, с. 62, карта — с. 63] [4]

Уходящая на запад дорога была, вероятно, наиболее важной, поскольку по ее сторонам расположено наибольшее количество курганов (на топографической карте зафиксировано 24 курганных пары). И это закономерно — ведь эта

[4] Не этой ли дорогой ушли упомянутые Геродотом эллины, кинувшие гавани и поселившиеся у будинов (Herod. IV, 108)? По предположению Т. В. Блаватской, это могло произойти в конце VI в. до н. э. [39, с. 28], гавань Кремны, судя по всему, в это время уже существовала. Кстати, в тексте Геродота беглое упоминание о переселении из гаваней и рассказ об амазонках, прибывающих в Кремны, находятся рядом.

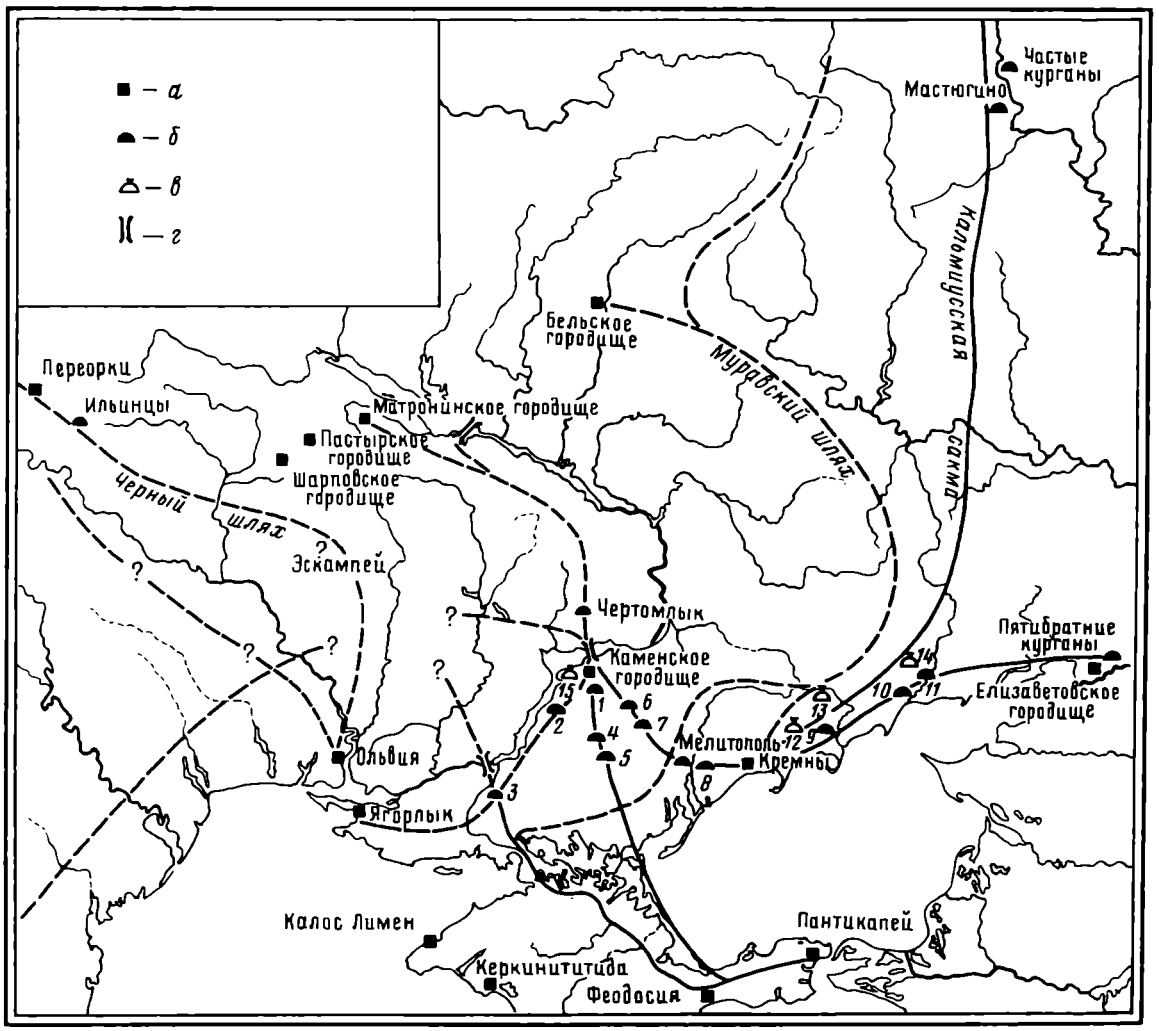


Рис. 4. Схема древних шляхов и сакм, увязанная с памятниками скифского времени: *а* — город, городище; *б* — курган; *в* — святилище; *г* — места переправ. *1* — Солоха; *2* — В. Лепетиха; *3* — Мордвиновские курганы; *4* — Козел; *5* — Огуз; *6* — Сахнова Могила; *7* — кург. № 1 у с. Чкалово; *8* — Кара-Тюбе; *9* — Бердянский кург.; *10* — кург. у г. Мариуполя; *11* — Двугорбая Могила; *12* — Канат-Могила; *13* — курганы у с. Берестовое; *14* — Кременевка; *15* — Мамай-Гора

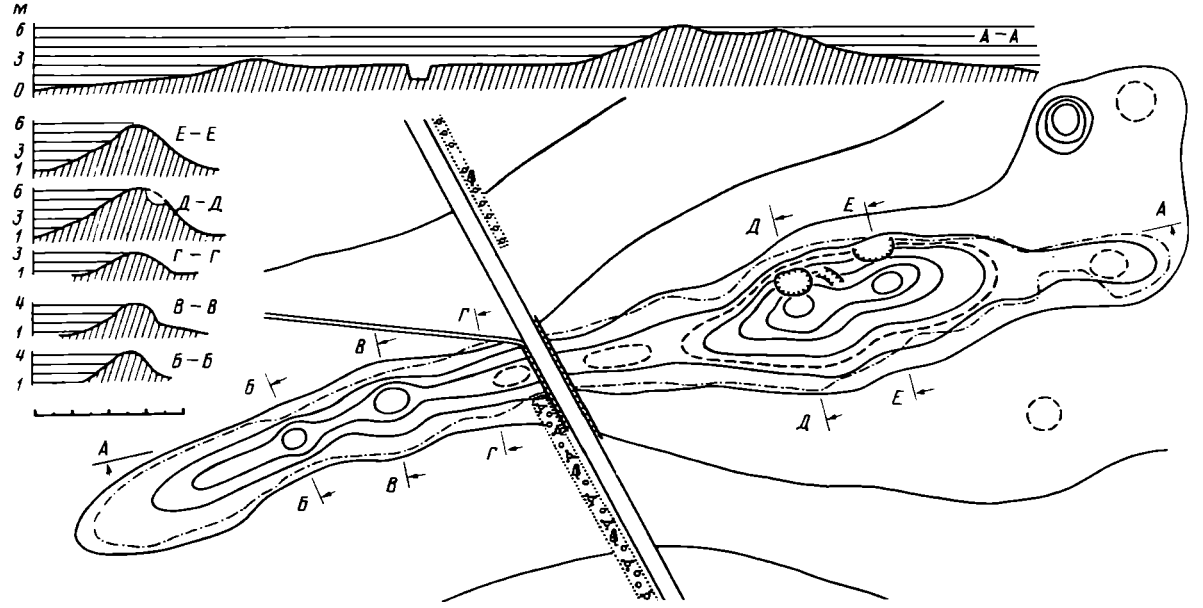


Рис. 5. План и разрез Канат-Могилы

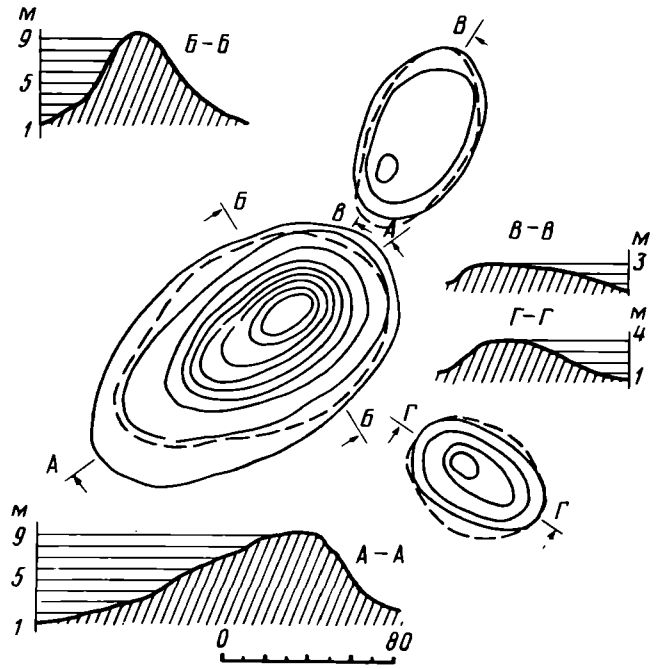


Рис. 6. Курганный ансамбль у с. Берестовое Бердянского р-на Запорожской обл.

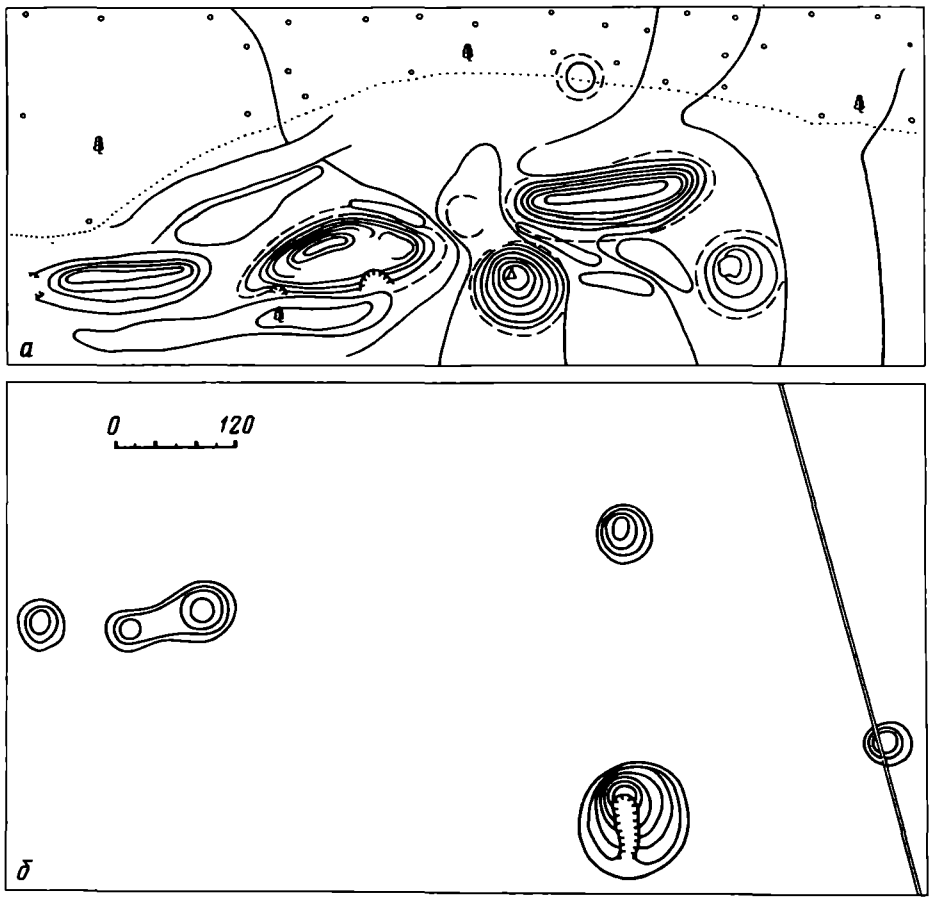


Рис. 7. *а* — План культового комплекса в уроч. Мамай-Гора; *б* — план кургана Рогачик и его окружения

дорога вела в Левобережную Скифию. Она пересекала р. Молочную в районе г. Мелитополя, что фиксируется курганами Кара-Тюбе на левом берегу напротив города и Мелитопольским (оба кургана IV в. до н. э.) [40, с. 9] [5] Вполне вероятно, что и эта степная дорога сохранилась вплоть до средневековья, под именем Кальмиусской сакмы (дороги) она показана в книге К. В. Кудряшова [38, карта — с. 63] Ответвляясь от Муравского шляха на правом берегу р. Молочной, сакма как бы прижимается к морю в районе с. Ботиево (аула Ульюн-Сасик-Тогун) и затем уходит на северо-восток, «подрезая» верховья приазовских рек, и на север, в междуречье Северского Донца и Дона, проходя в непосредственной близости от Мастюгинских и Частых курганов. Надо полагать, что в скифское время Кальмиусская сакма проходила мимо одного или нескольких скифских святилищ, находящихся на вершинах южных отрогов Приазовской возвышенности. Мы имеем в виду, во-первых, гигантский комплекс Канат-Могилы (рис. 5), открытой разведками Б. Н. Гракова в начале 50-х годов, повторно зафиксированной Приазовской экспедицией в 1984 г. к северо-западу от с. Крымка Бердянского р-на; тогда же у восточной полы 600-метровой длины Канат-Могилы было найдено множество античных амфор, указывающих на многократное использование этого необычного памятника эпохи бронзы в скифское время. Во-вторых, это сходный по планировке с Канат-Могилой курганный ансамбль, открытый нами в 1984 г. в 8 км к северо-западу от с. Берестовое того же района (рис. 6). Оба комплекса перекликаются с необычным скоплением длинных курганов в урочище Мамай-Гора (рис. 7, *а*) на Днепре, которое, на наш взгляд, являлось общескифским культовым центром. Третьим следует упомянуть культовый комплекс из двух каменных набросов, раскопанный под руководством С. Н. Братченко в 1977 г. у с. Кременевка Володарского р-на Донецкой обл., на плато между правыми притоками р. Кальмиус, фукционировавший, судя по находкам материальной культуры, с V по III в. до н. э. [42, с. 309].

Наряду с городищами и гаванями святилища являлись узлами сухопутных коммуникаций — примером тому священные пути, дважды упоминаемые Геродотом (Herod. IV, 52, 81), единодушно считающиеся и культовым центром Скифии, и перекрестком важных торговых путей. Фукидид сообщает о местности «Девять путей» в Южной Фракии (Thuc. I, 100; IV, 102), напоминающей своим сакральным наименованием местность Экзампей в Скифии. Ф. Ф. Велишский, описывая греческие и римские дороги, отмечает, что «при устройстве дорог имелись в виду главным образом религиозные цели», т. е. путь для торжественных процессий, и уже как второстепенное отмечает, что дороги служат и торговым целям [43, с. 87] Трудно судить, насколько это соотношение применимо к Скифии, поскольку выше имелись в виду дороги мощеные, однако взаимосвязь скифских дорог и культовых мест несомненна.

Второй и наиболее важной точкой притяжения торговых трактов Левобережной Скифии являлось Каменское городище — политический, административный, производственный и торговый центр. Многие годы работы в Днепро-Молочанском междуречье дали автору отчетливое представление о курганной топографии региона и возможность «живого совещания с местностями», говоря словами одного из первых отечественных толкователей Геродота Н. И. Надеждина. При нанесении нижнеднепровских курганов на крупномасштабную карту мы обратили внимание на примечательную особенность: почти все крупнейшие курганы Скифии находятся на одной линии, ориентированной почти в меридиональном направлении. На более чем 100-километровом отрезке находятся четыре величайших кургана — Огуз, Козел, Солоха, Чертомлык и несколько отклонившийся от этой оси к востоку по водоразделу курган Александрополь (рис. 3). Объяснить это обстоятельство случайным совпадением не удается, к тому же

Курган Кара-Тюбе исследован автором в 1988 г. В тех случаях, когда мы не даем ссылок на упоминаемые курганы, мы отсылаем читателя к своду «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья» [41]

в месте пересечения этой полосой долины Днепра находилось Каменское городище, возникшее у древнего брода-переправы (Никитин или Микитин Рог в XVII в.) Напрашивается вывод, что все эти курганы воздвигнуты вдоль сухопутного пути, проложенного по водоразделам. При описании местоположения Чертомлыка И. Е. Забелин упоминает проходивший рядом с курганом Чумацкий шлях из Крыма на г. Крюков (правобережная часть современного Кременчуга) [44, с. 74, 75], т. е. к одной из старых днепровских переправ. С другой стороны этот шлях выводил к кусту скифских лесостепных городищ — Матронинскому, Пастырскому, Шарповскому, Макеевскому, Буда-Макеевскому — вероятным поставщикам зерна (рис. 4).

На левобережный ряд курганов, уходящих к югу от Каменского городища, буквально накладывается один из двух вариантов древнерусского Соляного (Солоно́го) пути, по которому и в более позднее время чумацкие обозы доставляли в Лесостепную Украину соль с берегов Сиваша [38, с. 106] Этот путь обходил скалистые берега порожистой части Днепра и являлся кратчайшим в Среднее Приднепровье. Тенденцию использования древних путей для перевозки соли вплоть до появления железных дорог подмечал еще Э. Миннз [45, с. 7] И. Е. Забелин, намеревавшийся в 1865 г. раскопать курган Огуз, в донесении в Археологическую комиссию сообщал: «...на протяжении 100 верст от Чертомлыкского кургана по прямой линии на юг и уже на левом берегу Днепра встречаются одна за другою три весьма значительные могилы. Первая (Солоха.— *Ю. Б.*) верстах в 20 от Днепра и верстах в 10 от с. Знаменка, вторая (Козел.— *Ю. Б.*) у с. Ново-Александровка, в верстах 40 от первой, и третья, самая значительная, называемая Агуз, близ с. Больших Сирагоз» [46, л. 98] Раскопать Огуз не удалось, но, описывая курган и приводя рассказы местных жителей, в путевых заметках Забелин замечает: «Говорят, что давно здесь на могиле жили разбойники и Чумака разбивали, Чумак ходил здесь за солью. Следовательно, здесь соляной путь лежал» [47, с. 475]

Другое ответвление соляного пути шло на юг вдоль левого берега Днепра до Каховки, а оттуда через Черную Долину степью на Перекоп [38, с. 106] Археологически этот вариант пути прослеживается с белозерского времени [6, с. 147], видимо, поэтому более ранние курганы скифов (у с. Великая Знаменка, раскопанные Запорожской экспедицией ИА АН УССР; у М. Лепетихи, раскопанные Н. И. Веселовским) располагаются вдоль этой дороги. Вероятно, еще в V в. до н. э. значение этой дороги было достаточно велико, поскольку вела она к переправе Каховка — Береслав (Кизыкерменская в средневековье), а оттуда и к Ольвии, другая ветвь через Черную Долину направлялась к Ягорлыцкому поселению. В районе Черной Долины пересекались торговые тракты, ведущие из Крыма в Правобережье и путь от Великого Луга к берегам Понта. Важность этого перекрестка и привлекла, вероятно, устроителей Мордвиновских курганов, наиболее значительных в юго-западной части Днепро-Молочанского междуречья [48, с. 267—272; 49, с. 45—60; 50, с. 155—159].

Активизация в IV в. до н. э. торговой и ремесленной деятельности Боспора вызвала появление новых кратчайших сухопутных путей к рынкам сбыта. Поэтому мы считаем, что наряду с маршрутом через Перекоп в IV в. до н. э. осваивается дорога через Арабатскую стрелку, своим магистральным направлением выходящая на ряд больших царских курганов. Она приобретает значение трансскифской, соединяющей и ремесленный Боспор. Попытаемся более подробно проследить эту важную магистраль, используя принцип взаимовстречаемости древних трактов и больших курганов, выступающих в качестве своеобразных реперов, и определение расстояния древнего перехода, данное Геродотом (Herod. IV, 101), равняющееся 200 стадиям, или 35 км [51, с. 21] Принимая за отправную точку Пантикапей, а за конечную Каменское городище (вероятнее всего, здесь была первая крупная обменная станция, магистраль же уходила к Тясминским городищам, а ее ответвление через Экзампей к Немировскому) и разбивая весь путь на дни пути, получаем девять отрезков, т. е. девять дней. Корректируя это

Таблица

Расстояния между крупнейшими курганами Скифии

Курган	Радиус обзора с вершины, км	Фактическая дальность между курганами по прямой, км							
		Огуз	Козел	Рога-чик	Со-лоха	Мамай-Гора	Чертом-лык	Нечаева Могила	Александ-рополь
Огуз (21 + 5 м)*	18		9	35	50	63,1	93,1	105	126
Козел (14 + 5 м)	15,5	33,5		26	41	55,5	85,5	96	118,5
Рогачик (11 + 5 м)	14,2		29,5		18,5	32,5	60,5	69	92
Солоха (18 + 7 м)	17,8			32		13,5	43,5	49	76,5
Мамай-Гора (8 + 23 м)	19,8			34	37,6		30	46	66
Чертомлык (19 + 7 м)	18,5				36	37,9		20	36
Нечаева Могила (15 м)	13,8						31,8		12
Александрополь (21 м)	18						36,5	22	

Максимальная расчетная дальность (в км) визуального наблюдения с вершины кургана в ясную погоду.

* Первая цифра в скобках — высота кургана, вторая — высота возвышенности, на которой стоит курган; отсутствие второй цифры означает отсутствие данных о высоте возвышенности.

формальное деление маршрута топографией курганных групп, которые так или иначе соответствуют зимникам, или многолетним стойбищам, или источникам воды, соотнесем весь путь с археологической картой. Два первых дня занимало движение по Керченскому полуострову, начальная часть пути фиксируется Золотым курганом и Куль-Обой и проходит по плотно заселенной территории [52, с. 72—77, карта 7]. Следующих три дня пути приходятся на Арабатскую стрелку [6] длиной 110 км, состоящую из ракушечно-песчаного наноса, защищенную с двух сторон водой, поэтому эта часть следования была наименее опасной. К исходу пятого дня пути в северной половине стрелки путники оказывались у ключей с хорошей водой [14, с. 672]. Здесь на островках коренной суши, в районе с. Геническая Горка, разведками Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г. зафиксирован ряд скифских курганов. Ныне северная оконечность стрелки отделена от материка узким неглубоким проливом, но, учитывая, что в античное время уровень моря был ниже, эта преграда не являлась существенной (кстати, по стрелке была проложена с 1835 г. почтовая дорога с пятью станциями) [29, с. 672]. Шестой день пути оканчивался близ местности, известной в XVIII в. под названием «Сто колодцев», ныне в этом месте находится с. Стокопани [54, с. 366] От этого села на карте прошлого века идет прямая дорога на Нижние Серогозы, оставляя по бокам увлажненные степные поды. К концу седьмого дня дорога приходила к Серогозской балке, т. е. к кургану Огуз. На схемах прошлого века к западу от Огуза всегда изображали дорогу, ведущую из с. Ивановки в с. Верхние Серогозы, т. е. в интересующем нас направлении. Начиная с Огуза все курганы, стоящие к северу от него, находились в эстафетной видимости, т. е. с вершины одного кургана был виден следующий, с него третий и т. д. Это хорошо иллюстрирует таблица, приведенная ниже. Верхняя часть таблицы отражает расстояния между курганами на местности по прямой, в нижней даны пределы возможного визуального наблюдения с учетом высот курганов и сферичности земной поверхности.

Таким образом, благодаря курганам участок пути от Огуза до Каменского городища приобрел определенную культовую нагрузку. В таблице мы отметили лишь наиболее значительные насыпи, в хронологической принадлежности которых не сомневаемся. Следует заметить, что от курганной группы Козел до обширной группы Солоха помимо окружения кургана Рогачик по маршруту нашей

[6] По одной из версий, Арабатская стрелка получила свое наименование от колесной дороги, называвшейся по тюркски «араба-йол» — дорога для арбы, телеги [53, с. 158].

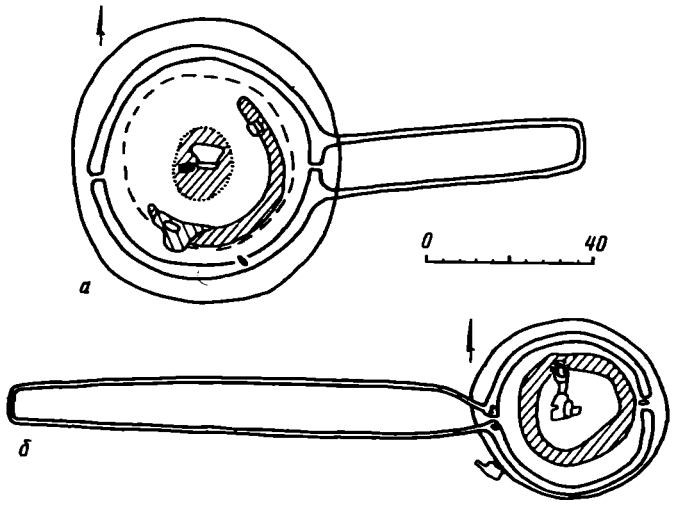


Рис. 8. *а* — План Сахновой Могилы у с. Б. Белозерка Запорожской обл.; *б* — план кург. № 1 у с. Чкалово Веселовского р-на Запорожской обл.

магистрали, которая несколько отклонялась, обходя верховья р. Рогачик, находились еще две курганные группы. Конец пути восьмого дня приходился на район кургана Рогачик и верховья одноименной речки. Путников мог привлекать длинный курган к западу от кургана Рогачик, на котором, вероятно, находилось святилище (рис. 7, *б*). Последний отрезок пути до Каменского городища проходил мимо Лемешовых курганов и группы Солохи и других курганов Каменского окружения (курганов № 13 и 2 у с. Великая Знаменка, примечательно, что в последнем кургане узда фракийского типа крайне близка узде из северной могилы Огуза) [55, с. 60, 61]. При всей безусловной рациональности трансскифской магистрали был еще более «быстрый» путь в центр Скифии — это путь через Кремны. По этому комбинированному пути расстояние от Боспора до Каменского городища можно было преодолеть за сутки плавания и четыре дня движения по суше. Сутки плавания мы определяем со значительным допуском, поскольку при благоприятной погоде пересечь Меотиду в меридиональном направлении можно было за 18 часов; в пересчете сведений Геродота (Herod. IV, 86) среднесуточная скорость судна равнялась 9,62 км/час [56, с. 128]

Первый день сухопутного движения на запад из Кремн мы уже рассматривали выше. Второй день пути проходил близ кургана Шульговка, исследованного в 1890—1891 гг. Н. И. Веселовским, и заканчивался у пос. Веселое. Третий день пролегал по ровной бессточной степи, и ориентирами на этом участке служили курганы у с. Чкалово и группа Сахновой Могилы, исследованные Запорожской экспедицией в 1978—1979 гг. Возможно, наше предположение о прохождении здесь сухопутного скифского тракта объяснит наличие курганов в безводной степи, а с другой стороны, позволит интерпретировать открытые на этих курганах необычные параллельные ровики, примыкавшие к традиционным кольцевым (рис. 8), как своеобразную ритуальную «привязку» курганов к дороге. Подобная «привязка» на более значительных курганах, вероятно, проявлялась в виде каменных оград-бордюров, уходивших от курганов на 200 м и более и являвшихся по сути продолжением ритуальной дорожки, которую часто прослеживают под скифскими насыпями. Каменную вымостку к западу от Чертомлыка отмечает И. Е. Забелин, о подобном сообщает и Н. И. Веселовский для Огуза. Третий дневной переход завершался в долине р. Белозерки, у двух знаменитых курганов — Цимбалки и Чмыревой Могилы, стоящих на правом берегу речки (к группе Чмыревой Могилы следует отнести и курган Орел). Расстояние между Цимбалкой и Чмыревой Могилой — около 3 км. Поскольку курганы по времени не совпадают, вероятно, они стояли напротив бродов через Белозерку, которые в разное время могли быть в разных местах. Отсюда вероятны и два

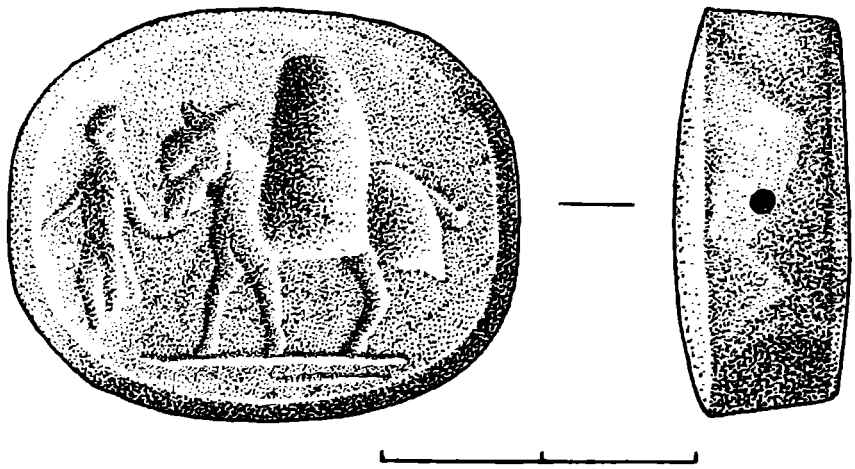


Рис. 9. Литик из кург 21 (с. Гюновка) Рогачикского курганного поля

варианта пути на Каменское городище для последнего дня движения. Первый вариант — через группу Цимбалки по гребню водораздела мимо Рядовых Могил (раскопки Н. И. Веселовского 1909—1910 гг.) к курганам, раскопанным на плато над Каменкой-Днепровской Запорожской экспедицией в 1986 г. Основными ориентирами во втором варианте пути являлись Чмырева Могила, курган № 2 у с. Заповитное, курганы у Днепровки и Бугарская Могила у с. Водяное.

Завершением какого-то восточного тракта, выходящего к Каменскому узлу дорог, является цепь курганов: урочище Носаки — группа Гайматовой Могилы и Казенная Могила, протянувшихся по Днепро-Белозерскому междуречью. Казенная Могила отклоняет трассу нашего гипотетического пути на юг, вероятно, это мог быть еще один путь, ведущий к берегам Меотиды. Если же остановиться на направлении, заданном цепью Носаки — группа Гайматовой Могилы, и продлить его до курганов у с. Орлянки, мы получим направление, уходящее в междуречье Конки и Токмачки и далее на Донбасс, в район древних рудников (?) [57, с. 206].

Таким образом, мы бегло наметили основные сухопутные магистрали, показали наличие дорожной сети Скифии, отражающей определенную ступень развития общества, а возможно, и государственную политику, выразившуюся в вынесении сооружений всех курганов знати на основные магистрали государства. Возможно, в этом выразилось своеобразное подражание античной традиции — хоронить у дороги даже своих царей в отличие от древней традиции скрывать могилы своих вождей в таинственных Геррах. С другой стороны, сооружение могил своих царей у дорог есть показатель стабильности и силы государства, способного оградить священные могилы предков.

Завершая наш экскурс, необходимо остановиться на транспортном обеспечении скифской системы коммуникаций. Античная литературная традиция свидетельствует о скифских повозках-жилищах, которые по сути являлись транспортными средствами [58, с. 151] Материальное подтверждение наличия развитого колесного транспорта у скифов получено благодаря погребальной традиции помещать части повозок во входные ямы скифских катакомб [59, с. 119; 60, с. 33] Деревянные повозки, окантованные железными полосами, представлялись весьма надежным транспортом, а при использовании пары волов в качестве тягловой силы их грузоподъемность могла достигать 1 т [10, с. 92]. Даже одна лошадь в зависимости от состояния дороги может везти от 10 до 50 пудов [14, с. 117] Гужевым перевозкам благоприятствовали слабоволнистые формы рельефа Левобережной степи В Правобережье, где доминировали контрастные

формы рельефа, такие, как скалистые долины рек бассейна Буга, движение колесного транспорта было, безусловно, затруднено; надо полагать, здесь господствовала караванная форма транспортировки товаров. Иллюстрацией использования вьючных животных в скифское время может служить литик с изображением человека, ведущего навьюченную лошадь или мула (рис. 9), из наших раскопок у с. Гюновка в 1977 г

Подход к реконструкции древней системы сухопутных коммуникаций с использованием курганов в качестве определяющих признаков древних путей кажется нам весьма перспективным. Привлечение к предложенной системе реконструкций анализа данных аэрофотоснимков позволило бы полнее и подробнее выявить инфраструктуру Скифии, нацелить археологический поиск в места пересечений древних путей как в наиболее перспективные, полнее использовать уже открытый массив памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брашинский И. Б.* Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
2. *Анохин В. А.* Торговля и денежное обращение // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1986.
3. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М.: Наука, 1974.
4. *Чапров Б.* О дороге Абдера — Филиппополь — Истрос в I тысячелетии до н. э. // Actes du II Congres international de thracologie. I. Bucuresti, 1980.
5. *Суботін Л. В., Черняков І. Т.* Новотроянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // Археологія. 1982. Вип. 39.
6. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н, Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
7. *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. 1947 № 1.
8. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—III вв. до н. э. // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
9. *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1978.
10. *Островерхов А. С.* Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
11. *Шилик К. К.* Транспортные пути античного Северного Причерноморья // Материалы II Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VII—V вв. до н. э.). Тбилиси, 1979.
12. *Ганіна О. Д.* Античні бронзи з Пішаного. Київ: Мистецтво, 1970.
13. *Максимович. Н.* Днепр и его бассейн. Киев, 1901.
14. *Дулов А. В.* Географическая среда и история России, конец XV — середина XIX в. М.: Наука, 1983.
15. *Брун Ф. К.* Черноморье. Исследование по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880.
16. *Котляревский А.* О погребальных обычаях славян. М., 1868.
17. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: Наука, 1982.
18. *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.* О местонахождении гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987
19. *Hind J* Colonies and Ports of Trade on the Northern Shores of the Black Sea — the Cases of Olbiopolis and Kremnoi in Herodotus // II Междунар. симпоз. Тракия Понтика II. Обща тема: «Крайбрежна Тракия и нейната роля в античния свят». Ямбол, 1985.
20. *Браун Ф.* Розыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.
21. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА 1969. Вып. 116.
22. *Карасев А. И.* Планы Ольвии XIX в. как источник исторической топографии города // МИА. 1956. № 50.
23. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л. 1925.
24. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
25. *Robinson D. M.* Necrolynthia, a Study in Greek Burial Customs and Antropology // Excavations at Olynthus. Pt X. Baltimore; London, 1942.
26. *Бутков П.* О местности Танаиса // Древности. 1873. Т. III.
27. *Баренбейм Д. Я.* О пути греков через Черное море // СА. 1958. № 3.
28. *Граков Б. Н.* Отчет Скифской степной экспедиции за 1949 г. // Архив ИА АН УССР. № 1949/16.
29. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Новороссия и Крым. СПб., 1910. Т. XIV.

30. *Терещенко А.* Очерки Новороссийского края. СПб., 1854.
31. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветинское городище на Дону — поселение городского типа (к проблеме городов в степной Скифии IV—III вв. до н. э.) // Древние города. Материалы Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977.
32. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.
33. *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска // ВДИ. 1956. № 1.
34. *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. и др.* Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО — 1978. М., 1979.
35. *Черненко С. В.* Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданів // Археологія. 1970. Вип. 23.
36. *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила // Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
37. *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых отношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 104.
38. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М.: Наука, 1948.
39. *Блаватская Т. В.* Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // СА. 1986. № 4.
40. *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наук. думка, 1988.
41. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
42. *Братченко С. Н.* Раскопки курганов в Северо-Восточном Приазовье // АО — 1978. М., 1979.
43. *Велишский Ф. Ф.* Быт греков и римлян. Прага, 1878.
44. Древности Геродотовой Скифии. Вып. 2. СПб., 1872.
45. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. A survey of ancient history and arhaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
46. Архив ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 256.
47. Архив ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 7.
48. *Макаренко Н. Е.* Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. № 11—12.
49. *Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974.
50. *Лесков А. М.* Курганы, находки, проблемы. М.: Наука, 1981.
51. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
52. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
53. *Фоменко В. Г.* Материалы к топонимике Запорожской области (тюркские элементы топонимики) // Изв. Мелитопольск. отд. Геогр. о-ва УССР и Запорожск. обл. отд-ния О-ва охраны природы УССР. Днепропетровск, 1965.
54. Історія міст і сіл УРСР. Херсонська область. Київ, 1972.
55. *Ковалев Н. В.* Новая находка узды фракийского типа // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев, 1981.
56. *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
57. *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. 1977. № 4.
58. *Бессонова С. С.* Транспортные средства // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.
59. *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
60. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.

Y. V. BOLTRIK

LAND ROUTES OF SCYTHIA
(on the materials of excavations of construction sites between the Sea of Azov and the Dnieper)

The author reconstructs the network of land routes that crossed the south of Russia in the Scythian time. He cites evidence that the Scythian port of Kremny was found near the contemporary village of Botievo. The „barrow alleys" that fan from the village inland indicate the location and direction of the ancient roads (Figs. 3, 4). The Kamenskoe fortified settlement on the Dnieper was another place where the trade routes met. It was a production and trade centre conveniently placed at a ford across the Dnieper. The largest Scythian burial mounds of the 4th century B. C. are placed along the 100 km-long axis that runs through the Kamenskoe settlement. They are Oguz, Kozel, Solokha, Chertomlyk and Alexandropol. It should be indicated that all of them were placed along the land route running in the watersheds that were the first to dry up in spring. In the south the mound row coincided with a variant of the Russian Salt Route as it existed in the early Middle Ages. Along it salt was taken from Sivash to the Middle Dnieper. In the Early Iron Age this route that crossed into the Crimea and reached Bosporus became a trans-Scythian road. The road between the Kamenskoe settlement and Kremny was flanked with mounds that belonged to a lower social group. One of the roads that went inland to the north-east joined the Muravksy road on the Azov upland that was frequently used in the Middle Ages and probably led to the Belskoe fortified settlement. Sanctuaries were important landmarks along the land routes. The fact that the burial mounds of Scythian nobility were placed along the major roads indicated that in the 5th and 4th centuries B. C. the state had been already developed. This tradition differed from the earlier custom of concealing the royal burials. The royal burials placed along the roads show that the state can protect the sacred graves of its ancestors.

В. Д. КУЗНЕЦОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В АФИНАХ

Эпиграфические документы, находимые при археологических раскопках, являются одним из важнейших источников для изучения организации работ по строительству различных общественных зданий и сооружений в древней Греции. В статье будут рассмотрены некоторые из вопросов такого строительства на основе данных афинской эпиграфики классического времени. Особое внимание будет уделено архитектору, занимавшему ключевое место на строительной площадке. Тема греческого общественного строительства сложна, поэтому предлагаемая работа не претендует на исчерпывающую полноту.

Решение о строительстве какого-либо сооружения для нужд полиса принималось, как правило, народным собранием. Строительство сооружений общественного назначения предпринималось и частными лицами, но они строились реже и не были столь крупными. Предложение о начале строительства исходило от совета (буле) и обсуждалось в народном собрании, либо от самой экклесии. Это предложение носило форму пробулевмы: «совет... с эпистатами и архитектором вынесли пробулевму народу» (IG I^2 88. 17—9). Положительное решение экклесии о начале строительства записывалось в качестве псефисмы, носившей обычно самый общий характер [1, с. 4 сл.; 2, т. 2, с. 13 сл.]. Приведем в качестве примера одну из них, датирующуюся временем около середины V в. до н. э. [3, № 44]: «... назначить жрицу Афины Ники из всех афинянок и сделать дверь для храма в соответствии с описанием (χσυγγράφσει)), которое даст Калликрат; полеты сдадут с подряда [ее изготовление] в пританию Леонтиды;... построить храм и каменный алтарь в соответствии с описанием, которое даст Калликрат. Гестией предложил: выбрать трех человек из совета, которые, составив описание вместе с Калликратом, предъявят его совету ...». Иногда народное собрание делало какие-либо уточнения, например требовало выполнить работу максимально качественно («... сделать как можно лучше и дешевле...» — IG I^2 44.8—10; ср.: IG I^2 54.12). Экклесия выбирала строительную комиссию и архитектора. Члены строительной комиссии назывались эпистатами. Они выбирались из совета афинян, а иногда из членов совета [3, № 44.14—5] Обычно эпистаты избирались, как и прочие магистраты, сроком на один год. Так, например, было при строительстве Эрехтейона, для которого было выбрано три эпистата (IG I^2 372.1—3), и Пропилей (IG I^2 363.51; 365). Строительная комиссия Пропилей состояла, видимо, из пяти человек (тексты надписей попорчены: [3, № 60.4—6]). Количество эпистатов Парфенона в отчетах не указано (так же, как и их число для хрисэлефантинной статуи Афины: IG I^2 354—362 и [4, с. 56—75]). Возможно, что они были выбраны на весь срок строительства [4, с. 76] [1]

Эпистаты имели в своем распоряжении секретаря и иногда еще помощника

[1] Страбон (IX 1, 12) сообщает, что строительные работы на афинском Акрополе велись под наблюдением (ἐπιστατοῦντος) Перикла. Может быть, он входил в состав строительной комиссии?

© В. Д. Кузнецов, 1990 г

секретаря, которые могли выбираться больше, чем на один год (например, Антикл на строительстве Парфенона: IG I^2 343.78; 345.7; 352.2 и др.). Круг забот эпистатов был достаточно обширным: от составления совместно с архитектором описания (συγγραφή) или рассмотрения предлагаемого «чертежа» (γράμμα) объекта, который собирались строить (IG I^2 88.8—9), распоряжения финансовыми средствами, выделяемыми народным собранием на покупки необходимых материалов и производство строительных работ, найма рабочей силы до постоянного контроля за ходом строительства [3, № 58 B.8], проверки качества выполненных заданий, составления финансовой отчетности о расходах и др. [5, с. 175]

Для строительства здания народное собрание (иногда строительная комиссия) выбирало архитектора [2] Фигура греческого архитектора привлекает особое внимание современных исследователей. Кто он? Где и как учился? В чем заключались его функции? Даже на эти вроде бы простые вопросы однозначные ответы отсутствуют. Греческие общественные здания поражают своей красотой и совершенством, но мы имеем немного сведений о тех, кто их проектировал. А проектировал ли вообще?

В соответствии со строительной практикой архитектор должен был представить συγγραφή — спецификацию, т. е. детальное описание здания с указанием размеров не только его составных элементов, но и даже мелких деталей вплоть до размеров отдельных блоков, а также технические указания по выполнению работы для ремесленников [3] В литературе уже давно дискутируется вопрос о том, в чем заключалась работа архитектора. Был ли он похож на современного проектировщика-дизайнера, вычерчивающего многочисленные чертежи, аксонометрии и изготавливающего макеты зданий, которые надлежит построить, или смысл его работы заключался в чем-либо ином? К сожалению, в письменной традиции и в эпиграфических документах отсутствуют прямые указания на этот счет. Одно из наиболее часто цитируемых свидетельств по этому поводу — слова Геродота (V, 62) о том, что Алкмеониды построили в Дельфах храм более прекрасный, чем предполагалось (ἐξεργάσατο τοῦ παραδείγματος κάλλιον) От перевода ключевого слова παραδείγμα [4] зависит определение одного из методов работы архитектора. Например, если переводить слово «парадигма» как «модель», «макет», то можно сделать вывод о том, что греческие архитекторы не пользовались чертежами, а работали по макетам. Однако в таком переводе и соответственно интерпретации нет никакой уверенности. Более того, многие исследователи склоняются к тому, что парадигма означала словесное описание храма — спецификацию, аналогичную более поздним и отличную от них только меньшей детальностью [6, с. 57 слл.; 8, с. 187]

В некоторых афинских надписях, как кажется, речь может идти об использовании в работе архитектора чертежей. Во всяком случае, слово γράμμα, которое в них употребляется, может быть переведено не только как «описание при помощи слов», но и как «чертеж». Например «... народ примет решение о двери, должна она быть сделана из меди или золота и слоновой кости... всякий желающий может начертить (?) (γράφσαντα) [ее] и предъявить чертеж? (γράμμα) в течение десяти дней со дня принятия решения; быть ему не больше локтя; начертивший (?) обращается к эпистатам» (IG I^2 88.1—9).

Приведем еще один пример из второго декрета Каллия, который датируется

---

[2] «...архитектора, выбранного посредством голосования народом (IG II/III ^{2} 463 = [2, № 11.6]; см.: [6, с. 21]).

[3] «...в соответствии с описанием (χσυγγράφσει), которое сделал архитектор Демомел... (IG I^2 81.16—7).

[4] В строительных надписях слово παράδειγμα встречается довольно часто (например: IG II/III ^{2} 1668.95; IG IV ^{2} 102.296, 303; 103. 91 и др.). Там оно обычно обозначает модель, как правило деревянную или восковую, для изготовления какой-либо архитектурной детали. По мнению Дж. Коултона, еще один технический термин, который встречается в надписях,— ἀναγραφεύς — обозначает шаблон [7, с. 302 слл.]

434/3 г. до н. э. [3, № 58 B. 9] Здесь речь идет о каких-то дополнительных работах на Акрополе, на которые выделялось 10 талантов ежегодно. Между прочим говорится, что «чертеж (?) (γράμμα) делает архитектор Пропилей».

Таким образом, даже если переводить слово γράμμα как «чертеж» [9, с. 6], все еще не будет уверенности в том, что архитекторы обычно вычерчивали чертежи строящихся зданий, поскольку в первом из приведенных случаев речь идет о двери, а во втором вообще неясно о какой работе.

Наиболее распространенной точкой зрения на специальность древнегреческого архитектора можно считать положения, высказанные Д. Бундгаардом [10, с. 95 слл., 184 сл.]. Одна из основных идей его работы заключается в следующем. Древнегреческая архитектура коренным образом отличается от современной. Архитектура Греции V—IV вв. до н. э. была очень консервативной, каменные здания были просты с точки зрения структуры. Например, храмы традиционно состояли из целлы, портика вокруг нее, деревянной крыши, антаблемента и т. д. В этих условиях архитектор не изобретал ничего нового, он лишь шел по традиционному пути, сооружая храм по тем же принципам, по которым строили и до него. К тому же мастера-ремесленники, непосредственно участвующие в осуществлении проекта, были высококлассными специалистами, имеющими опыт в своем деле. Им нужны были прежде всего размеры изготавливаемых деталей. Остальное же было за интуицией, опытом и мастерством. В этих обстоятельствах архитектор, как полагает Д. Бундгаард, был в первую очередь организатором строительных работ. Его правильнее называть не архитектором, а мастером-строителем (ср. [1, с. 6; 11, с. 93 сл.]). Одной из главных его обязанностей было составление συγγραφή — спецификации, а не изготовление чертежа строящегося здания, которая одновременно является списком контрактов, сдававшихся подрядчикам. Для того, чтобы яснее понять истоки гипотезы Д. Бундгаарда, приведем в качестве примера отрывки из двух таких συγγραφαί. Один документ является надписью о строительстве арсенала для корабельных снастей в Пирее, другой — надписью о строительстве портика в святилище Деметры и Коры в Элевсине. Оба датируются примерно серединой IV в. до н. э.

IG II/III ^{2} 1668.1—21.

«Боги.

Описание (συγγραφαί) каменного арсенала для снастей Евтидема, сына Деметрия, из Мелиты и Филона, сына Эксекестида, из Элевсина. Построить арсенал для снастей в Зее, начиная от пропилона агоры, позади помещения для кораблей с общей крышей, длиной 4 плетра, шириной 55 футов, включая толщину стен. Подрезать место для строительства на глубину 3 фута от самой высокой точки, остальное он (т. е. подрядчик.— *В. К.*) выкопает так, чтобы положить фундамент на плотный грунт, и поднимет его до верха весь совершенно горизонтально, проверяя инструментом. Уложить фундамент для колонн, отступая от каждой стены на 15 футов, включая толщину колонны; количество колонн в каждом ряду — 35; оставить проход для людей через середину арсенала между колоннами шириной 20 футов. Фундамент сделать толщиной 4 фута, укладывая камни попеременно то крест-накрест, то вдоль. Сооружать стены арсенала и колонны он будет из камня из Акте, укладывая эвтинтерию для стены шириной 3 фута, высотой 3 полуфута; длина камней 4 фута, длина же угловых камней 4 фута и 3 ладони (= 4,75 фута.— *В. К.*). Он будет класть орфостаты посередине эвтинтерии длиной 4 фута, толщиной 5 полуфутов и 1 дактиль, высотой 3 фута; длину же угловых орфостатов исходя из размеров триглифов ...»

IG II/III ^{2} 1666 A. 8—16. «... Вырубить из мягкого однородного камня на Эгине блоки, каждый длиной 4 фута, шириной 3 фута, толщиной 3 полуфута, обтесать ровно со всех сторон, оставив припуск, и привезти их в Элевсин, в святилище неповрежденными, числом 24 ...» [5]

---

[5] Следует обратить внимание на характерный для полисной идеологии (где дух соревнова-

На наш взгляд, трудно оспорить основную идею Д. Бундгаарда. Действительно, греческие храмы, стои, театры и другие сооружения отличались друг от друга (внутри гомогенной группы, естественно) главным образом своими размерами, высотой колонн и некоторыми другими деталями. Архитектору было крайне трудно внести что-либо принципиально новое. После того как было решено, к какому ордеру будет принадлежать, например, храм, одна из главных задач, стоявших перед ним, заключалась в вычислении модулей, в соответствии с которыми должно было вестись строительство, и расчете размеров деталей. Причем многое из этой работы делалось не до начала строительства, а во время его. Единство различных частей здания достигалось, помимо прочего, при помощи моделей-парадигм, которые часто изготавливал сам архитектор [6, с. 16 сл.].

Однако невозможно согласиться с Д. Бундгаардом и разделяющими его мнение исследователями [9, с. 7] в том, что он, пытаясь определить роль архитектора в строительстве, считает его просто мастером-строителем. Э. Берфорд, солидаризуясь с этим мнением, считает, что архитектор проходил свой курс обучения непосредственно на строительной площадке. Но поскольку храмы и другие крупные общественные сооружения строились не так часто, то он должен был постоянно путешествовать в поисках работы [11, с. 102 сл.; 12, с. 25 сл.]. Это заключение служит одним из доказательств для ее вывода о том, что в подавляющем большинстве греческих полисов постоянно ощущалась нехватка высококвалифицированных ремесленников (в том числе и архитекторов), почему последние и должны были постоянно переезжать с места на место [13, с. 191].

Дж. Коултон совершенно справедливо отметил, что греческий архитектор — это не просто и не только мастер-строитель, но и высокообразованный специалист [6, с. 23 сл.]. Несмотря на всю традиционность греческой архитектуры, которая лишает архитектора возможности быть проектировщиком в современном смысле слова, он должен был учиться, чтобы стать специалистом в своей области. Причем учиться не только непосредственно на строительной площадке, но и получать теоретические знания. Такая возможность существовала уже начиная с VI в. до н. э., когда появились первые «учебники» по строительству (Vitr. 7, praef, 12; Xen. Mem. IV, 2, 8—10).

Кроме того, на наш взгляд, часто неоправданно забывается тот факт, что архитектор работал не только на строительной площадке. В сферу его компетенции входили и другие, не менее важные обязанности. Эпиграфические документы свидетельствуют о том, что архитектор должен был устанавливать стелы с решениями народного собрания, статуи и т. п. [14, с. 233] [6], он участвовал в ремонте общественных зданий, имел прямое отношение к градостроительству и т. д. [17, с. 70]. Кроме того, тот же традиционный храм требовал привязки, каждый раз индивидуальной, на местности [18, с. 1 сл.] Все это требовало от архитектора не только, а часто и не столько личного опыта, но и знания опыта других — теоретических знаний, воспитанного чувства вкуса и такта, столь важных в архитектуре. Очевидно, что обучение будущих специалистов происходило у известных архитекторов, как это было, например, у скульпторов (Plato. Prot. 311c). Многие же архитекторы наследовали свое ремесло от отца (Vitr. X, 2, 12; VI praef. 4, 6).

Таким образом, греческий архитектор был, на наш взгляд, не просто мастером-строителем, но теоретически подготовленным сложившейся системой обра-

---

ния ставился очень высоко) момент, заключающийся в том, что описание мог сделать любой, кто пожелает: «...номофеты постановили, чтобы архитекторы, нанятые полисом, и всякий желающий предоставили описания (συγγραφάς) по каждому из проектов (τῶν ἔργων)...» (IG II/III ^{2} 244 = = [2, № 10 A.6—7]). Ср.: IG I ^{2} 88 (перевод давался выше).

[6] Показательны фразы, иногда встречающиеся в надписях. В одной из них, происходящей с Делоса (начало III в. до н. э.), говорится, что стела с текстом псефисмы должна быть установлена в святилище наилучшим образом [15, № 16 B.8]. Аналогично распоряжение в надписи из Оропа (начало III в. до н. э.) [16, № 61.21]. Очевидно, что эти распоряжения диктовались требованиями эстетики.

зования специалистом. Сама профессия — архитектор, ее сложность и многогранность требовали значительных знаний. Этим зодчий отличался от других мастеров — специалистов в прочих областях ремесла, для которых первостепенное значение имел прежде всего опыт, приобретаемый непосредственно в работе.

Коснемся еще одного вопроса, относящегося к архитекторам. Естественно, что не все они имели одинаковую квалификацию, одинаковые способности. В литературе утвердилось мнение, что всех архитекторов можно разделить на две группы. К первой принадлежали те из них, кто занимался разработкой проекта строительства какого-либо общественного здания. Это были наиболее высококлассные специалисты в своей области. Другие же, в целом уступающие первым по уровню квалификации, непосредственно участвовали в осуществлении проекта на строительной площадке [1, с. 6; 5, с. 172 сл.; 6, с. 27 сл.; 17, с. 69 сл.]. В обязанности последних входили сдача работ исполнителям, постоянный контроль за ходом работ, проверка качества выполненных заданий и т. д. Таким образом, они были одними из тех, на ком лежала ответственность за организацию работ непосредственно на строительной площадке, за практическое осуществление проекта.

Видимо, из этой категории специалистов выбирались архитекторы — должностные лица, находившиеся на службе у полиса. Для классического времени о них имеются лишь отрывочные и неясные сведения. В более же поздний период, эллинистический, мы знаем о них гораздо больше [14, с. 232 сл.]. Должность полисного архитектора была необходима для решения текущих градостроительных вопросов, контроля за состоянием общественных зданий, их ремонтом, для осуществления небольших по объему общественных строительных работ, установления стел с текстами декретов, статуй и т. п. в общественных местах и т. д. В Афинах и многих других полисах для этих целей выбирались специальные магистраты: астиномы, комиссия стеностроителей, комиссии, отвечающие за ремонт храмов в городе, святилищах, и некоторые другие (Arist. Ath. Pol. II, 50; Arist. Pol. VI, 5, 3 1321 b 17—29; VI, 5, 11 1322 b 20—22). Эти должностные лица, видимо, работали в контакте с архитектором (или архитекторами), которого нанимал полис. В качестве примера, подтверждающего наличие таких нанятых полисом архитекторов (одного или нескольких), обычно приводится надпись 337/6 г. до н. э. о строительстве Длинных Стен (с принятыми восстановлениями): τοὺς μὲν ἀρχι[τέκτονας τοῦς παρὰ τῆς πόλειως μιϑοφορούντα (IG II/III^2 244 = [2, № 10 A. 6]).

Афинские ремесленники, участвовавшие в строительстве общественных зданий (в частности, на Акрополе), были специалистами высочайшего класса [7] Именно поэтому здания на том же Акрополе, построенные при Перикле, в первую очередь Парфенон, восхищали современников и стали символом достижений античной цивилизации. Роль мастера-ремесленника на строительной площадке, будь то камнетес, плотник, скульптор или кто-либо другой, не сводилась к простому исполнению работы по шаблону-парадигме. Это была работа, которая требовала как высокой точности и качества, так и творчества. Об этом свидетельствует такой характерный пример. Парфенон и Пропилеи, которые, по всей видимости, строились одной (или примерно одной) группой ремесленников, но под руководством разных архитекторов, обнаруживают больше сходства между собой, чем Парфенон и храм Аполлона в Бассах, построенные под руководством одного архитектора (Иктина), но разными группами ремесленников [10, с. 96 сл.]

В соответствии с традицией считается, что Парфенон был построен под руководством архитектора Иктина и Калликрата, Пропилеи — Мнесикла (Paus. VIII, 41, 5; Plut. Per 13; Strabo. IX, 1, 12, 16 и др.) [10, с. 157 слл.; 19, с. 69 слл.] В строительных отчетах этих зданий их имена отсутствуют. Плутарх (Per 13) сообщает, что руководил проектом строительства на Акрополе Фидий. То, что

[7] Плутарх (Per 13) называет их «великими» (μεγάλους ἀρχιτέκτονας ἐκόντων καὶ τεκνίτας τῶν ἔργων)

во главе строительства стоял скульптор, не должно рассматриваться как событие чрезвычайное. Э. Берфорд объясняет этот факт тем, что поскольку Фидий руководил сооружением главной святыни Акрополя — статуи Афины, то он должен был отвечать за оформление окружающего ее пространства [12, с. 25]. Дж. Маккреди предполагает, что при строительстве Парфенона Фидий отвечал за план храма, где должна была стоять изготовленная им статуя, Иктин занимался внешним оформлением храма, а Калликрат был ответствен за организацию выполнения этой задачи [19, с. 73].

Как бы то ни было, назначение Фидия в качестве главного лица на строительстве можно объяснить достаточно просто. Во-первых, он был специалистом самого высокого уровня. До начала работ на Акрополе он участвовал в сооружении храма Зевса в Олимпии, где ваял статую этого бога и приобрел всегреческую славу. Участие в этом строительстве, а также, возможно, и в других дало ему незаменимый опыт работы по осуществлению грандиозного проекта на Акрополе. Немаловажным фактором, во-вторых, является и то, что между греческими архитекторами и скульпторами, в первую очередь высококлассными, не было непроходимой пропасти. Известны примеры, когда обе специальности совмещались одним человеком [6, с. 23]. Поэтому Фидий мог при необходимости вполне квалифицированно судить об архитектурных и иных, связанных со строительством, проблемах.

Строительство общественных зданий и сооружений в Афинах, впрочем, как и во всей Греции, поражающих своим совершенством, держалось на двух китах — на четкой, продуманной до мелочей организации строительства (включая тщательный контроль за выполнением заданий ремесленниками) и на достигшем очень высокого уровня мастерстве строителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Boersma J.* Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B. C. Groningen, 1970.
2. *Maier F.* Griechische Mauerbauinschriften. B. 1-2. Heidelberg. 1959—1961.
3. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969.
4. *Donnay G.* Les comptes de l'Athéna chryséléphantine du Parthenon // BCH. 1961. T. 91.
5. *Martin R.* Manuel d'architecture grecque. 1. Matériaux et techniques. P., 1965.
6. *Coulton J. J.* Ancient Greek Architects at Work. Ithaca, 1977.
7. *Coulton J. J.* The Meaning of Anagrapheus // AJA. 1976. V. 80.
8. *Jeppesen K.* Paradeigmata. Three Mid-Fourth Century Main Works of Hellenic Architecture Reconsidered. Aarhus, 1958.
9. *Scranton R.* Greek Building // The Muses at Work. Arts, crafts, and professions in ancient Greece and Rome. Camb. (Mass.); L., 1969.
10. *Bundgaard J. A.* Mnesicles. A greek architect at work. Kobenhavn, 1957.
11. *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. L., 1972.
12. *Burford A.* The Builders of the Parthenon // Parthenos and Parthenon. «Greece and Rome» Suppl. to V. X. Oxf., 1963.
13. *Burford A.* The Greek Temple Builders at Epidauros. Liverpool, 1969.
14. *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983.
15. *Durbach F.* Choix d'inscriptions de Délos. P., 1921.
16. *Moretti L.* Iscrizioni storiche ellenistiche. V. 1. Firenze, 1967.
17. *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P., 1956.
18. *Scully V.* The Earth, the Temple, and the Gods. Greek sacred architecture. N. Y.; Wash.; L., 1969.
19. *McCredie J. R.* The Architects of the Parthenon // Studies in Classical Art and Archaeology. Locust Valley, 1979.

V. D. KUZNETSOV

SOME QUESTIONS OF PUBLIC CONSTRUCTION WORKS IN ATHENS

Summary

The author looks at how public construction works were organised in Athens during the Classical period. He pays particular attention to the architects who were, he believes, both experienced construction workers and theoretically trained specialists.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

ИЕРАРХИЯ САЛТОВСКИХ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОСКОЛЬЯ

Одна из актуальных задач изучения на современном этапе системы салтовских поселений бассейна Среднего Дона состоит в переходе на качественно новый методический уровень исследования: от формального картографирования памятников и их субъективного сопоставления к изучению археологических карт путем создания проверяемых моделей пространственной археологии, под которой подразумевается научное направление, ориентированное на получение исторической информации методом выявления пространственных связей между археологическими объектами [1, с. 1—32] Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, активные археологические разведки в регионе, проводимые с начала 70-х годов в плане решения общегосударственных задач по составлению сводов памятников истории и культуры, а также охранные археологические работы в зонах народнохозяйственного строительства, значительно пополнившие банк археологических источников, требующих исторической интерпретации. Во-вторых, значительно усилились поиски методических приемов изучения пространственных связей археологического материала с помощью количественных, статистических процедур анализа [2, с. 141—173] Основная цель такого подхода заключается в том, чтобы исторические концепции, базирующиеся на пространственном распределении археологического материала, могли быть объяснены с большей степенью объективности путем создания проверяемых математических моделей, характеризующих пространственное поведение человека в прошлом. Настоящая работа посвящена исследованию пространственных связей салтовских поселений лесостепного Приосколья и созданию на их основе иерархии долговременных населенных пунктов, дифференциации региона на исторически сложившиеся социально-экономические и административные микрорегионы.

Древности лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры впервые стали известны в 1869 г., когда в имении госпожи Муравьевой был найден так называемый «Муравьевский клад» — богатое погребение воина, впущенное в более древний курган [3] В начале века изучением памятников региона занимался Н. Е. Макаренко [4]; в 30-х годах информацию о находимых древних предметах собирал местный краевед Г Ф. Денисенко [5]; в 1958, 1973 гг. археологическую разведку в долине Оскола провела С. А. Плетнева [6]. В дело открытия салтовских памятникова в Приосколье в 1973—1987 гг особенно значительный вклад внес А. Г Николаенко [7—10] И наконец, автор настоящей работы в 1977—1985 гг. обследовал и нанес на крупномасштабные топографические карты все известные здесь ранее и вновь открытые салтовские поселения, составив обобщающую сводку этих памятников [11, с. 174—180] Полученный материал создает весомую источниковедческую базу для изучения схемы расселения носителей салтово-маяцкой культуры в долине Оскола. В данной статье рассматривается только одна категория поселений — долговременные сели-

© Г Е. Афанасьев, 1990 г.

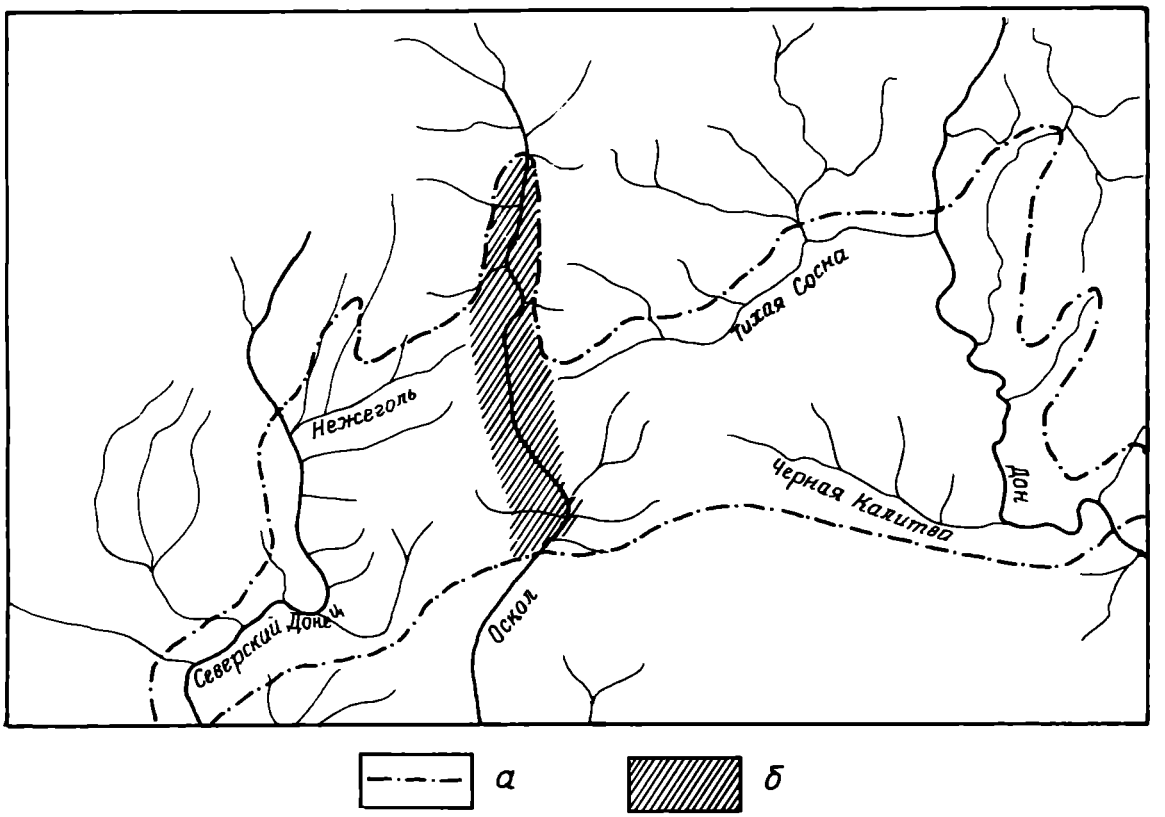


Рис. 1. Ареал памятников салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья. *а* — граница распространения памятников салтово-маяцкой культуры; *б* — лесостепное Приосколье

ща [1], которые представляют собой относительно стабильные структуры средневековых общин с близкими социально-экономическими характеристиками. Список этих памятников на протяжении 130-километрового участка долины (рис. 1) состоит из 74 наименований. Все они тяготеют к реке и образуют компактный район.

Прежде чем перейти непосредственно к аналитической части работы, следует оговорить одну исходную позицию. Вопрос состоит в установлении одновременности объектов. Совершенно очевидно, что, приступая к исследованию системы поселений региона, необходимо установить одновременность компонентов этой системы. Однако несмотря на то что хронологические разработки являются традиционной темой в салтовской археологии, мы должны признать, что и сейчас наука не располагает такой хронологической шкалой керамики — основного подъемного материала, которая позволила бы надежно устанавливать более узкие даты поселенческих памятников, чем общепризнанные рамки существования этой культуры в бассейне Среднего Дона. По этой причине автор вынужден допустить, что все крупные салтовские поселения, которые легли в основу настоящего исследования, существовали приблизительно одновременно.

Для изучения системы распределения поселений в долине Оскола были отобраны 68 из 74 долговременных салтовских селищ, о которых имеются сведения в научной литературе или в архивных источниках (табл. 1), шесть памятников были исключены из работы, так как ввиду изменений ориентиров на местности вновь найти эти объекты не удалось.

[1] Под долговременными салтовскими селищами понимаются поселения со сложившимся культурным слоем, что отличает их от известных в этом же районе салтовских временных пастушеских стойбищ и сезонных стоянок металлургов, где культурного слоя фактически нет. Исследование культурного слоя на 59 долговременных селищах показало, что его толщина в центральной части памятников колеблется от 0,2 до 1,2 м.

Таблица 1

Список долговременных поселений салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне Приосколья

№ памятника	Памятник	Площадь, га
1/119*	Ивановка 2	2,5
2/120	Ивановка 1	1,7
3/121	Волоконовское	20,3
4/122	Окуни 1	0,8
5/123	Окуни 2	3
6/125	Чернянское	21,9
7/127	Чернянская Мельница	1,1
8/130	Елецкое	18,9
9/131	Оскольское	20,9
10/132	Голубинское	24
11/133	Свистовка	2,6
12/135	Новооскольское 2	0,7
13/136	Новооскольское 3	0,3
14/137	Новооскольское 4	1,9
15	Подольхи 4	15,5
16/139	Песчанка	?
17	Песчанка 4	0,15
18	Песчанка 2	0,8
19	Песчанка 1	0,1
20/142	Таволжанка	18,6
21	Таволжанка 5	0,6
22/143	Слоновка	?
23/144	Слоновка 1	9,45
24/145	Макешино	?
25/146	Жилино-северное	7,5
26/147	Жилино-южное	22
27/148	Новоивановка 1	0,7
28/149	Новоивановка 2	0,6
29/150	Новоивановка 3	2
30/152	Афоньевское	44
31	Афоньевское 3	1,3
32/154	Коровино 5	1,8
33/156	Коровино 1	2,8
34/157	Коровино 3	0,75
35/158	Староивановское	0.51
36/159	Новорождественское	1,3
37/161	Столбище 1	12,4
38/162	Столбище 2	18,9
39/164	Заломное-северное	13,5
40/165	Заломное-южное	1,6
41/168	Ютановка 1	18
42/169	Ютановка 2	42,3
43/170	Нижнелубянское	5,5
44/177	Среднелубянское 1	13,8
45/178	Среднелубянское 2	7,8
46/179	Евдокимовское	1,8
47/180	Пятницкий Питомник	1,9
48/181	Пятницкое-северное	24,4
49/183	Пятницкое-центральное	3,4
50/184	Пятницкое	?
51/185	Козловка 1	0,96
52/186	Верхнеяблоновское 2	1,6
53/187	Верхнеяблоновское	1,1
54/188	Ветчининовское	1,4
55	Овчинниково 5	0,9
56	Овчинниково 7	1,3
57	Овчинникова 8	1,1

Таблица 1 (окончание)

№ памятника	Памятник	Площадь, га
58/189	Пузинское	27,7
59/191	Поминово	0,28
60/192	Гладково 2	6,8
61/193	Хохлово 1	2,7
62/194	Хохлово 2	3,7
63	Хохлово 3	2,2
64/195	Колосково 1	1,8
65/196	Колосково 2	1,7
66/197	Кузнецовка 1	6,7
67/198	Кузнецовка 2	12
68/199	Агошевка 1	?
69/200	Агошевка 2	?
70/201	Симоновка 1	6,7
71/203	Хурцовка	6,2
72/228	Колыхалино	2,5
73/208	Тогобеевка 1	8
74/209	Тогобеевка 2	7

* Номер в знаменателе соответствует номеру этого памятника в приложении 1 к книге автора «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв.».

Основополагающий вопрос нашей темы — определение размера порядка поселений. В 1913 г. немецкий географ Ф. Ауэрбах установил следующую зависимость: население n-го по размеру города составляет $1/n$ числа жителей самого большого из городов. Эта зависимость, названная правилом Ципфа или правилом «ранг-размер», была в дальнейшем подтверждена большой серией практических наблюдений, вновь суммированных на теоретическом уровне в работах П. Хаггета [12, с. 410—415] Правило размера порядка, подразумевающее, что изменения в величине поселений являются результатом экономических, политических и других явлений, основано на предположении о существовании взаимосвязи между размерами поселений и их рангом-значением среди других в данном регионе.

Величина поселения исчисляется по формуле: $P_r = P_1/R$, где P_r — население города соответствующего ранга, P_1 — население самого крупного города, R — ранг данного города в последовательности населенных пунктов анализируемого региона. В эту исходную формулу иногда вводят константу (q), что позволяет учесть возможные отклонения от правила «ранг-размер». Поскольку определение единовременного числа обитателей древних поселений имеет в археологии еще слабое обоснование, то И. Ходдер предложил использовать в данной формуле площадь древних поселений (S) вместо численности населения (P) [13, с. 220]. В итоге была сохранена основная идея правила, что поселение n-го порядка является функцией самого большого поселения в регионе. В археологии модифицированное правило «ранга-размера» уже прошло успешную апробацию и подробно изложено в специальной теоретической работе Г Гиббона [14, с. 254, 255].

Проанализируем салтовские долговременные лесостепные поселения Приосколья описанным методом. С этой целью рассматриваемые памятники были распределены в порядке уменьшения размера их площади; населенные пункты <1 га включены в группу поселений площадью до 1 га [2]. Одним из условий

[2] Многолетние наблюдения автора статьи и А. Г Николаенко над распашкой этих памятников челночным методом показали, что разброс культурных остатков за пределы ранее зафиксированных границ поселений минимален, на два порядка меньше, чем цифры, которыми характеризуются площади поселений. Этот вывод подтверждается и сопоставлением площадей салтовского поселения у с. Большое Городище, определенных методами компьютерной дешифровки аэрофотоснимка па-

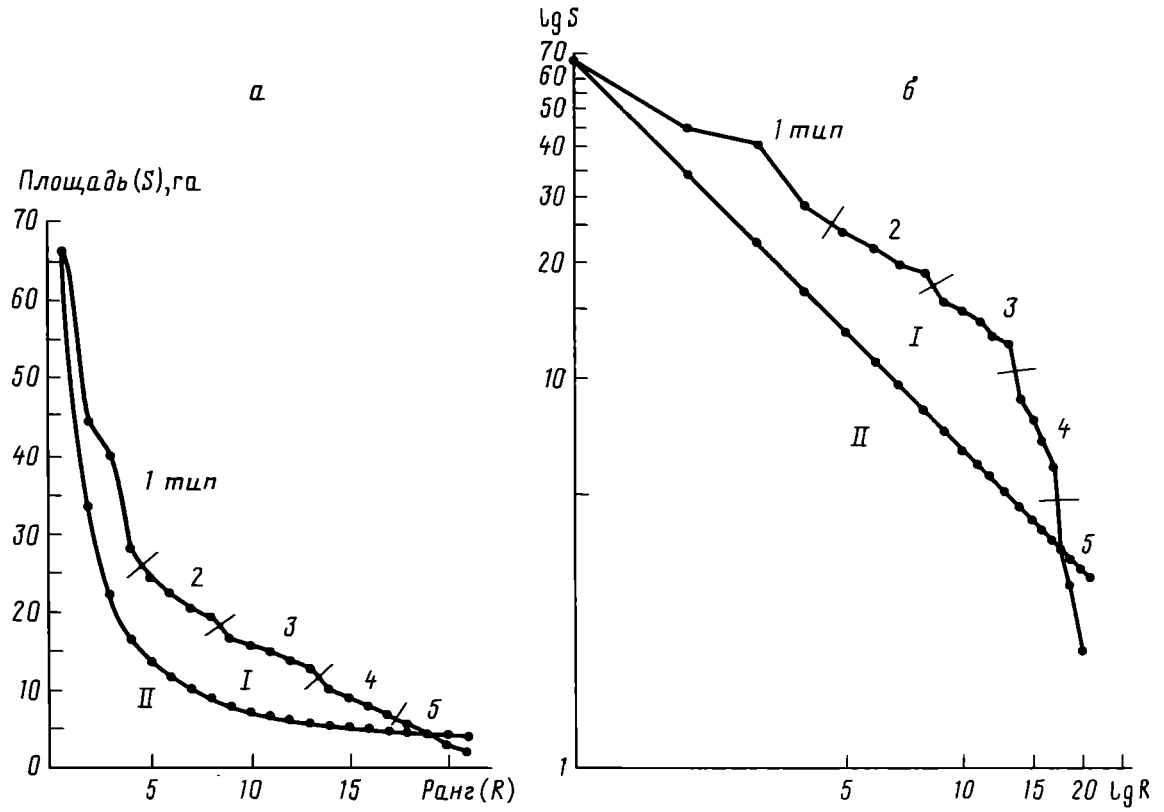


Рис. 2. Графики распределений поселений долины Оскола по размеру порядка. *а* — график арифметического распределения; *б* — график логарифмического распределения; I — действительное распределение; II — теоретическое распределение

группировки было объединение некоторых селищ в агломерации. Так как расстояние между этими памятниками было очень незначительным (<0,5 км), то трудно говорить о них как о совершенно самостоятельных населенных пунктах; скорее это компоненты единого поселения. Таким образом были объединены в один населенный пункт Елецкое и Оскольское селища, которые хотя и вытянуты вдоль реки сплошной полосой на 750 и 1350 м, но разделялись 300-метровой зоной, свободной от подъемного материала. Кроме того, в один населенный пункт были объединены поселения Ютановское 1, Ютановское 2 и Нижнелубянское, так как они разделялись 100—300-метровой, вероятно, свободной от застройки территорией. В единый условный населенный пункт были объединены поселения Кузнецовка 1 и Кузнецовка 2. И наконец, в один населенный пункт объединились поселения Тогобеевка 1 и Тогобеевка 2.

В итоге все поселения распределились на 21 ранг, начиная от самого крупного, площадью 66 га, и кончая маленькими, площадью до 1 га (в процессе ранжирования площадь памятников округлялась до целых величин). На основании проделанной дифференциации памятников в арифметической системе координат был построен график (рис. 2, *а*) действительного распределения «размера порядка» оскольских поселений и график теоретического распределения рангов поселений. Последний дал правильное J-образное распределение рангов, показывающее, что действительное распределение порядка значительно отличается от теоретического. Так, если в идеальном случае поселение 2-го ранга должно иметь площадь в 33, 3-го — 22, 4-го — 16,5, 5-го — 13,2 га и т. д., то в действительности оскольское поселение 2-го ранга имеет площадь 44, 3-го —

мятника и по ареалу подъемного материала после первой распашки памятника в 1982 г. Работы Я. М. Паромова на Таманском полуострове показали, что при аналогичной глубине залегания культурного слоя и систематической распашке поселений ареал подъемного материала все же соответствует границам памятников, определенным путем дешифровки аэрофотоснимков.

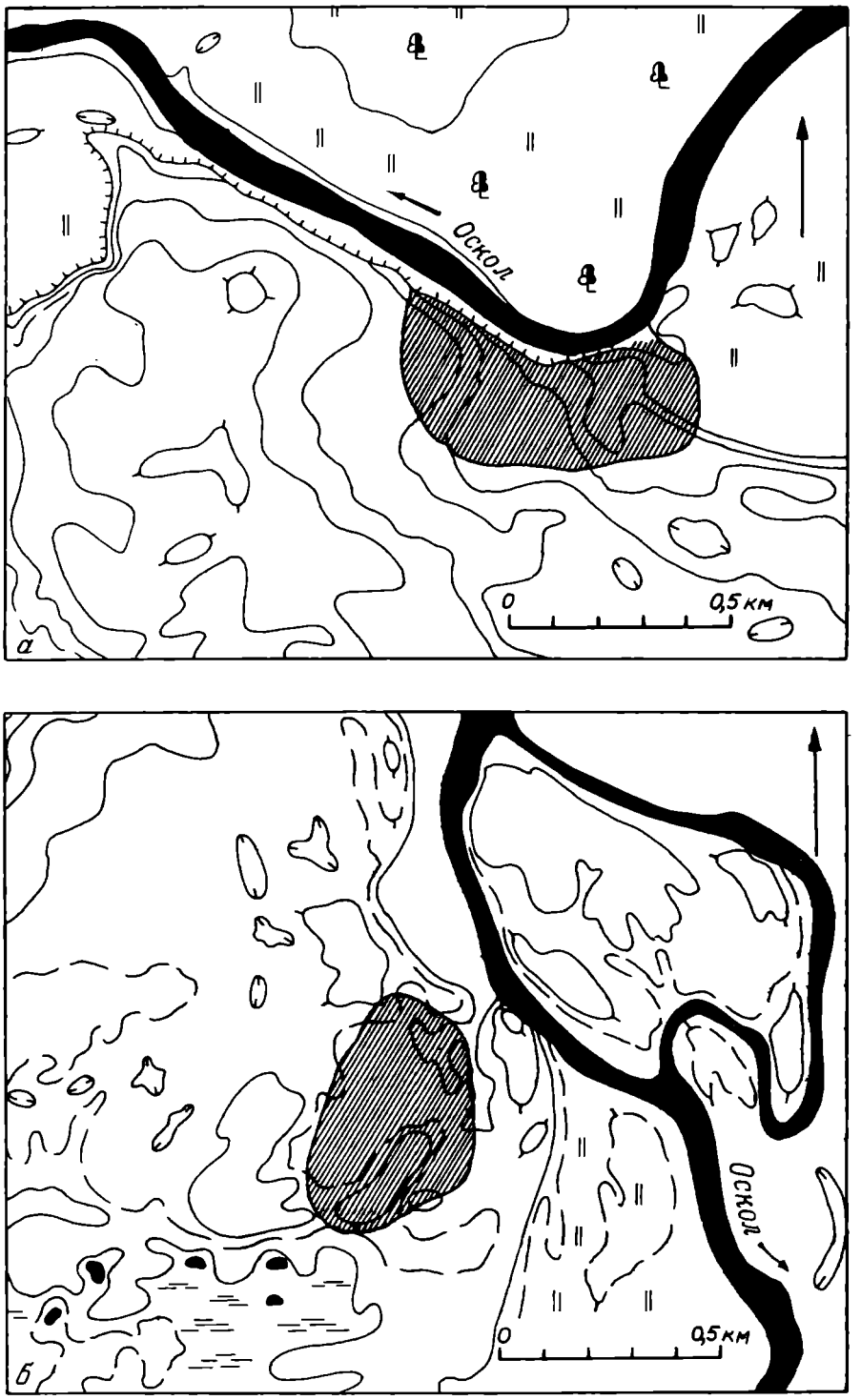


Рис. 3. Схемы расположения Таволжанского и Среднелубянского 1 селищ.
а — Таволжанское селище; *б* — Среднелубянское 1 селище

40, 4-го — 28, 5-го — 24 га и т д. И только на уровне 18-го ранга две кривые пересекаются: здесь теоретическое и фактическое соотношение «размеров порядка» поселения полностью согласуются и определяют размер площади поселения в 4 га. Приведенные графики показывают, что фактическое соотношение «размера порядка» салтовских поселений в лесостепном Приосколье отличается от теоретического значительно более крупными размерами поселений на всех рангах между 1-м и 18-м. Все это говорит о том, что для салтовских поселений долины Оскола в лесостепной зоне характерен такой тип распределения

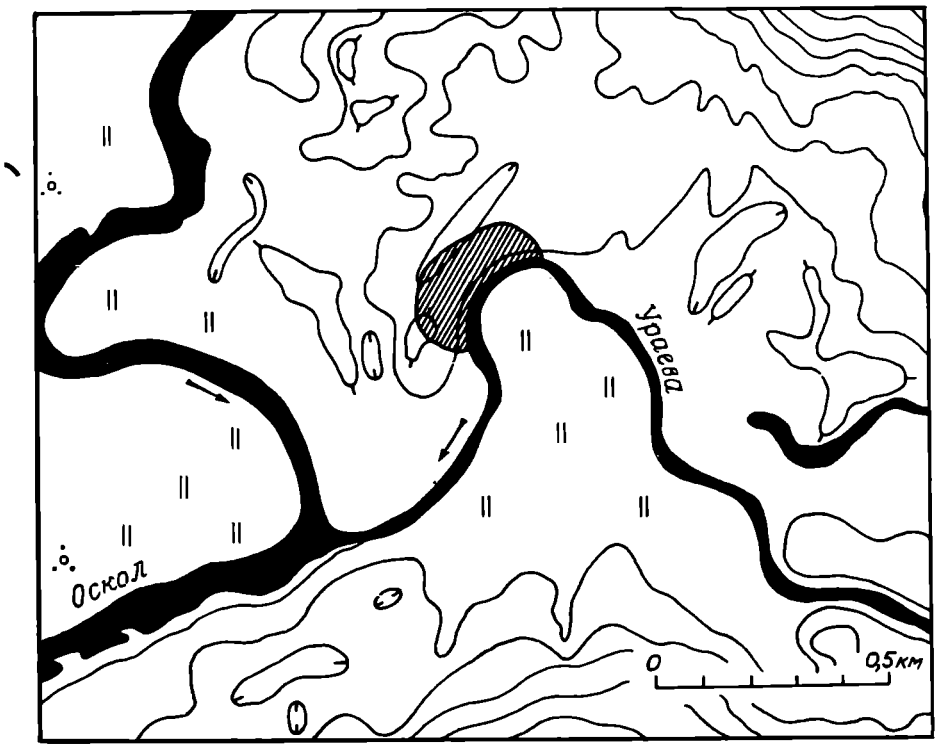


Рис. 4. Схема расположения Колыхалинского селища

населенных пунктов, при котором два крупнейших поселения региона доминируют над системой довольно крупных поселений большего размера, чем должно быть при нормальном распределении.

Переходя к оценке полученных результатов, прежде всего необходимо обратить внимание на вывод, к которому пришел известный специалист в области теории систем Г Саймон: правило «ранг-размер» представляет собой своего рода уравновешивающий механизм в общем процессе роста [15, с. 425—440] Действительно, учет данных по 72 странам земного шара, находящимся на самых разнообразных уровнях социально-экономического и политического развития, показал, что в совокупности населенные пункты образуют правильную последовательность по схеме «ранг-размер» [16, с. 55] Отклонения же от этого правила и определяют особенности того или иного региона, являясь предметом изучения. Анализируя специфику распределения «размера порядка» населенных пунктов, Б. Берри установил, что, как правило, оно укладывается в один из трех основных типов. Первый характеризуется логарифмически-нормальным распределением, отражающим процесс урбанизации в регионах, для которых типична большая территория, длительный процесс урбанизации, сложная экономическая и политическая структуры. Второй тип представлен доминантным распределением, представляющим собой результат урбанизации тех регионов, для которых характерна территория среднего размера, короткий период урбанизации, простая экономическая и политическая структуры. Третий тип — промежуточный между типами с логарифмически-нормальным распределением и доминантным [17, с. 573—588]

Как же соотносится распределение «размеров порядка» салтовских поселений лесостепного Приосколья с разработанной Б. Берри типологией? Для сопоставления салтовских поселений Приосколья с названными типами распределения «размера порядка» нам необходимо преобразовать график из арифметической системы координат в логарифмическую систему: $\lg P_r = \lg P_1 - q \lg R$, где $q = 1$. Полученный график (рис. 2,*б*) можно отнести к третьему, промежуточному типу распределения «размера порядка» населенных пунктов. Малый наклон кривой указывает на то, что уменьшение размера поселений с увеличением

их порядкового номера происходит крайне медленно. Было бы интересно сопоставить распределение поселений лесостепного Приосколья с распределением поселений в других регионах бассейна Среднего Дона, а также на территории распространения роменской и боршевской археологических культур с целью выявления специфических особенностей развития поселений в аналогичной или соседней этнокультурной среде. Однако этому должна предшествовать исчерпывающая археологическая разведка, так как неполнота материала может повлиять на конечный результат работы.

Некоторые исследователи полагают, что правило «ранг-размер» можно использовать не только для изучения распределения «размера порядка» поселений, но и для построения их типологии [12, с. 412]. Для разработки систематики селищ на этой основе необходимо иметь объективные критерии оценки типологии. Если мы вновь обратимся к графику действительного распределения «размера порядка» салтовских поселений Приосколья, сделанного в арифметической или логарифмической системе координат, то заметим, что изогнутая кривая действительного распределения в зависимости от наклона на том или ином участке делится на пять отдельных отрезков, которые могут соответствовать пяти типам долговременных поселений. Первый тип характеризуется самым верхним отрезком кривой на графике, охватывающим поселения 1—4-го рангов площадью от 66 до 26 га. Второй тип отражен отрезком кривой, включающим поселения 5—8-го рангов площадью 25—18 га (рис. 3, *а*). Третий тип представлен отрезком кривой с поселениями 9—13-го рангов площадью 17—11 га (рис. 3, *б*). Четвертый тип объединяет поселения 14—17-го рангов площадью 10—5 га. Пятый тип характеризуется на графике самым нижним отрезком кривой с поселениями 18—21-го рангов площадью <5 га (рис. 4). В целом же количественное соотношение выделенных типов салтовских поселений в лесостепном Приосколье находится в следующей пропорции: первый тип — 6,3, второй — 12,7, третий — 7,9, четвертый — 11,1, пятый — 61,9% (рис. 5).

Располагая типологией салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья, мы можем теперь рассмотреть их взаимосвязь путем моделирования и оценки транспортной сети в регионе. Важным переменным фактором здесь является форма рельефа, наличие водных преград, которые могут затруднять транспортные связи. Для решения поставленной задачи были отобраны наиболее крупные поселения — первые четыре типа. Из работы на первом этапе исключены селища пятого типа, поскольку, являясь сателлитами крупных населенных пунктов, они в меньшей степени оказывали влияние на формирование транспортных сетей и скорее сами тяготели к основным дорожным артериям. Кроме того, анализируя поселения первого — четвертого типов, мы с большей уверенностью можем относить их к одному хронологическому срезу, тогда как маленькие селища пятого типа могли и быстро возникать, и быстро затухать.

При формировании путей сообщений наиболее оптимальным вариантом считается тот, который позволяет объединять населенные пункты по прямой, самым кратчайшим расстоянием. Отклонения от прямой между двумя поселениями могут быть положительными и отрицательными. Положительными считаются те отклонения, которые обеспечивают бóльшую интенсивность использования транспортного пути (например, если недалеко от дороги находится промежуточный населенный пункт и дорога делает небольшой изгиб, чтобы его охватить). К отрицательным относятся такие отклонения, которые вынуждена сделать транспортная магистраль для того, чтобы обойти естественные препятствия.

В процессе реконструкции сети путей сообщения салтовских поселений долины Оскола были оценены вероятности как положительных, так и отрицательных отклонений. Моделируя предполагаемую транспортную линию между парами населенных пунктов первого — четвертого типов учитывалось расположение между ними мелких селищ пятого типа, которые гипотетически должны тяготеть к дорогам, т. е. возможные положительные отклонения. Равным обра-

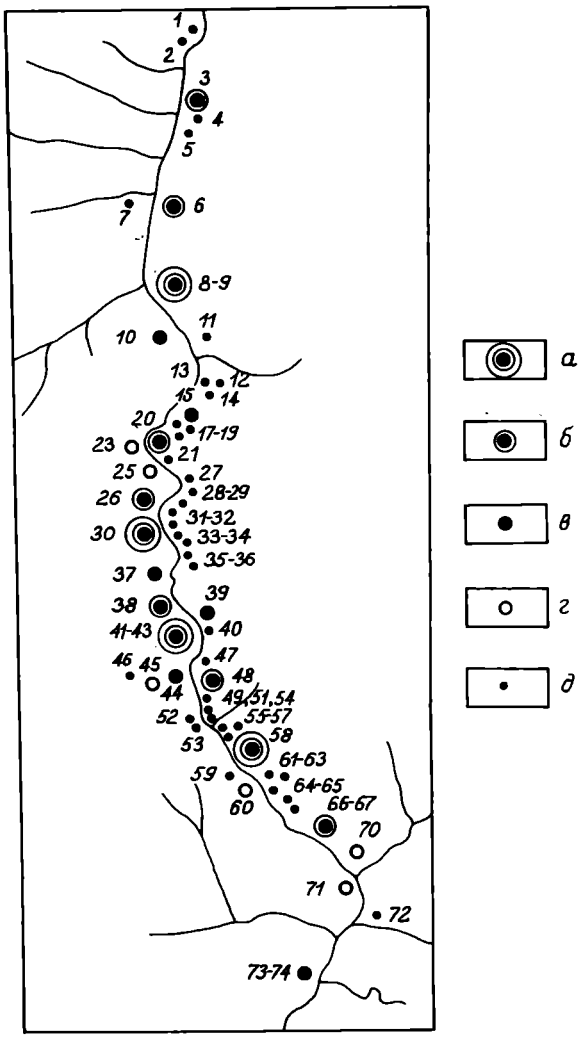


Рис. 5. Схема расположения в долине Оскола типов долговременных салтовских поселений. *а* — поселение 1-го типа; *б* — 2-го типа; *в* — 3-го типа; *г* — 4-го типа; *д* — 5-го типа

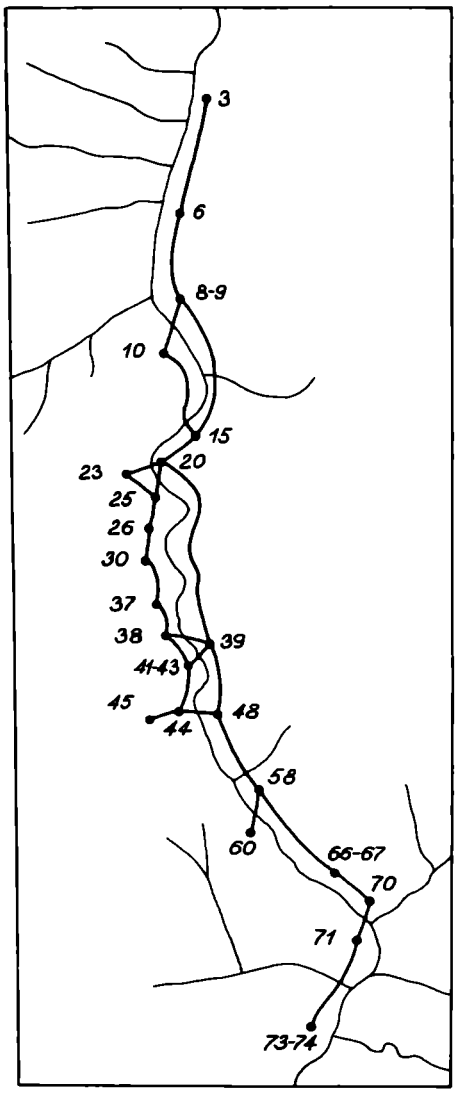


Рис. 6. Реконструкция транспортной сети долины Оскола

зом учитывался рельеф местности: наличие между двумя населенными пунктами изгибов крутого коренного берега Оскола, мест сезонного блуждания русла реки, болота и т. д. Таким образом, сочетание археологической карты поселений с особенностями рельефа местности позволило смоделировать транспортную сеть этого региона (рис. 6). Она состоит из 27 отрезков, объединяющих между собой 23 населенных пункта первого — четвертого типов и подавляющее большинство селищ пятого типа. Реконструированная сеть путей сообщения региона может быть охарактеризована и оценена рядом критериев и индексов.

Для исторической интерпретации дорожной сети наиболее важна мера центральности того или иного населенного пункта, которая может быть рассчитана двумя методами. Первый способ — это определение ассоциативного номера каждого из группы поселений первого — четвертого типов, который представляет собой самое длинное расстояние до любого другого одновременного населенного пункта в данном регионе. Наиболее связным поселением будет считаться то, у которого обнаружится самый маленький ассоциативный номер. С целью определения ассоциативных номеров анализируемых поселений была составлена матричная таблица, в которую помещены расстояния между каждой парой населенных пунктов, измеренные в соответствии с реконструированной транспортной сетью (табл. 2). Оказалось, что самый низкий ассоциа-

Матрица расстояний между салтовскими населенными пунктами 1—4-го типов

№ объек-та	3	6	8—9	10	15	20	23	25	26	30	37
6	16										
8—9	25	9									
10	29	13	4								
15	41	25	16	11							
20	47	31	22	17	6						
23	51	35	26	21	10	4					
25	52	36	27	22	11	5	5				
26	54	38	29	24	13	7	7	2			
30	60	44	35	30	19	13	13	8	6		
37	65	49	40	35	24	18	18	13	11	5	
38	68	52	43	38	27	21	21	16	14	8	3
39	72	56	47	42	31	25	25	20	18	12	7
41—43	73	57	48	43	32	26	26	21	19	13	8
44	77	61	52	47	36	30	30	25	23	17	12
45	79	63	54	49	38	32	32	27	25	19	14
48	80	64	55	50	39	33	33	28	26	20	15
58	94	78	69	64	53	47	47	42	40	34	29
60	99	83	74	69	58	52	52	57	55	39	34
66—67	109	93	84	79	68	62	62	67	65	59	55
70	112	96	87	82	71	65	65	60	58	52	47
71	116	100	91	86	75	69	69	64	62	56	51
72—73	129	113	104	99	88	82	82	77	75	69	64

Матрица количества путей между салтовскими населенными пунктами 1—4-го типов

№ объекта	3	6	8—9	10	15	20	23	25	26	30	37
6	1										
8—9	2	1									
10	3	2	1								
15	3	2	1	1							
20	4	3	2	2	1						
23	5	4	3	3	2	1					
25	5	4	3	3	2	1	1				
26	6	5	4	4	3	2	2	1			
30	7	6	5	5	4	3	3	2	1		
37	8	7	6	6	5	4	4	3	2	1	
38	6	5	4	4	3	2	3	3	3	2	1
39	5	4	3	3	2	1	2	2	3	3	2
41—43	6	5	4	4	3	2	3	3	4	3	2
44	7	6	5	5	4	3	4	4	5	4	3
45	8	7	6	6	5	4	5	5	6	5	4
48	6	5	4	4	3	2	3	3	4	4	3
58	7	6	5	5	4	3	4	4	5	5	4
60	8	7	6	6	5	4	5	5	6	6	5
66—67	8	7	6	6	5	4	5	5	6	6	5
70	9	8	7	7	6	5	6	6	7	7	6
71	10	9	8	8	7	6	7	7	8	8	7
72—73	11	10	9	9	8	7	8	8	9	9	8

Таблица 2

38	39	41—43	44	45	48	58	60	66—67	70	71	Ассоциативный номер
											113
											104
											99
											88
											82
											82
											77
											75
											69
											65
											68
4											72
5	2										73
9	6	4									77
11	8	6	2								79
12	9	7	3	5							80
26	23	21	17	19	14						94
31	28	26	22	24	19	5					99
52	49	47	43	34	29	15	18				109
44	41	39	35	37	32	18	21	3			112
48	45	43	39	41	36	22	25	7	4		116
61	58	56	52	54	49	35	38	20	17	13	129

Таблица 3

38	39	41—43	44	45	48	58	60	66—67	70	71	Число Кёнига
											10
											9
											9
											8
											7
											8
											8
											9
											9
											8
											7
1											6
1	1										7
2	2	1									7
3	3	2	1								8
2	1	2	1	2							6
3	2	3	2	3	1						7
4	3	4	3	4	2	1					8
4	3	4	3	4	2	1	2				8
5	4	5	4	5	3	2	3	1			9
6	5	6	5	6	4	3	4	2	1		10
7	6	7	6	7	5	4	5	3	2	1	11

Матрица гравитационной связи салтовских поселений 1—4-го типов

№ объекта	3	6	8—9	10	15	20	23	25	26	30	37
6	1,74										
8—9	1,29	10,76									
10	0,6	3,11	24,9								
15	0,19	0,54	2,4	3,8							
20	0,17	0,42	1,5	1,5	8						
23	0,07	0,17	0,6	0,5	1,47	11					
25	0,06	0,13	0,4	0,4	0,96	5,58	2,85				
26	0,15	0,33	1	0,9	2,01	8,35	4,26	82			
30	0,25	0,5	1,4	1,2	1,89	4,85	2,5	5,15	26,9		
37	0,06	0,11	0,3	0,24	0,33	0,71	0,36	0,55	2,25	21,8	
38	0,08	0,15	0,4	0,3	0,4	0,8	0,4	0,55	2,12	13	26
39	0,05	0,09	0,2	0,2	0,21	0,4	0,2	0,25	0,92	4,12	3,42
41—43	0,25	0,44	1,1	0,9	1	1,8	0,92	1,11	3,99	17	12,6
44	0,05	0,08	0,2	0,1	0,16	0,28	0,14	0,16	0,57	2,1	1,19
45	0,02	0,04	0,1	0,1	0,1	0,14	0,07	0,08	0,27	0,95	0,49
48	0,08	0,13	0,3	0,2	0,25	0,42	0,21	0,23	0,79	2,68	1,34
58	0,06	0,1	0,2	0,2	0,15	0,23	0,12	0,12	0,38	1,05	0,41
60	0,01	0,02	0,1	0,1	0,03	0,05	0,02	0,01	0,05	0,2	0,07
66—67	0,03	0,05	0,1	0,1	0,06	0,09	0,05	0,03	0,1	0,24	0,08
70	0,01	0,02	0,1	0,1	0,03	0,03	0,01	0,01	0,04	0,1	0,04
71	0,01	0,01	0,1	0,1	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,03	0,09
72—73	0,02	0,02	0,1	0,1	0,03	0,04	0,02	0,02	0,06	0,14	0,04

тивный номер приходится на поселение Столбище 1, а самый большой пришелся на Волоконовское поселение, наиболее северный населенный пункт в долине Оскола из группы селищ первых четырех типов, и на Тогобеевские поселения на юге. Однако данный метод, с помощью которого анализируются распределения археологических памятников [13, с. 250—253], несколько отличается от процедуры, используемой в экономической географии при анализе дорожных сетей с помощью теории графов [12, с. 479]. Основное отличие заключается в том, что при определении меры связанности поселений географы используют не абсолютную величину расстояния, а количество путей между населенными пунктами — число Кёнига. Такой подход аргументирован тем, что при передвижении затрачиваются усилия не только на преодоление самого расстояния, но и на пребывание и деятельность в промежуточных населенных пунктах. Отсюда мера центральности поселений определяется путем исчисления отрезков путей, отделяющих каждый населенный пункт от другого в регионе.

Рассчитав количество отрезков пути между всеми населенными пунктами по парам и поместив их в матричную таблицу (табл. 3), мы получаем следующие результаты. Самое низкое число Кёнига имеют поселения Заломное-северное и Пятницкое-северное, а самое большое число Кёнига приходится на Волоконовское и на Тогобеевские поселения. Все это приводит к выводу, что в аспекте развития и функционирования транспортной сети в регионе ведущие места (как наиболее связные) занимают три поселения — Столбище 1, Заломное-северное и Пятницкое-северное. И здесь важно подчеркнуть тот факт, что эти три поселения концентрируются вокруг крупнейшей по площади поселенческой агломерации — Ютановского комплекса, населенного пункта 1-го ранга. Следовательно, ограниченная 8-километровым радиусом зона вокруг Ютановского комплекса является наиболее связанной дорожными артериями региона.

Следующий этап работы состоит в определении степени взаимодействия между населенными пунктами первого — четвертого типов и на ее основе в группировке поселений, имеющих между собой сильные связи. Выполнение этой задачи будет способствовать дифференциации археологического распределения

Таблица 4

38	39	41—43	44	45	48	58	60	66—67	70	71
15,9										
49	220									
3,22	5,2	56,3								
1,2	1,64	14,1	26,9							
3,2	4,1	32,5	37,4	7,61						
0,77	0,7	4,1	1,32	0,6	3,45					
0,13	0,12	0,7	0,19	0,19	0,46	7,53				
0,13	0,1	0,55	0,14	0,13	0,54	2,3	0,39			
0,06	0,05	0,29	0,07	0,04	0,16	0,57	0,1	13,9		
0,03	0,05	0,04	0,06	0,03	0,12	0,35	0,07	2,37	2,6	
0,07	0,06	0,3	0,08	0,04	0,15	0,34	0,07	0,7	0,35	0,55

памятников долины Оскола на отдельные группы из иерархически соподчиненных поселений, образующих ряд микрорегионов и отражающих в той или иной степени социально-экономическое и административное районирование долины в VIII—X вв. Для определения величины связи между общинами целесообразно использовать так называемую гравитационную модель, в которой величина связи исчисляется по формуле $M_{ij} = P_i P_j / D^2_{ij}$, где M_{ij} — величина связи между населенными пунктами, P_i — население одного пункта (i), P_j — население второго пункта (j), D_{ij} — расстояние между сопоставляемыми поселениями. Для анализа археологического материала И. Ходдер и К. Ортон предложили использовать площадь памятника (S) вместо количества населения (P) [18]. При расчетах величины гравитационной связи между поселениями первого — четвертого типов использовались расстояния между населенными пунктами, измеренные в соответствии с реконструированной транспортной сетью в регионе. В итоге была составлена матрица гравитационных связей (табл. 4), которая позволила сформировать соответствующий граф (рис. 7) При построении графа коэффициенты гравитационных связей выделены в четыре уровня: 1—5 — слабые связи, 5,1—12,5 — средние связи, 12,6—20 — сильные связи, > 20 — очень сильные связи.

Полученный граф показывает, что поселения первого — четвертого типов дифференцируются на восемь основных блоков и гипотетический девятый блок, который в дальнейшем исключается из рассмотрения, так как он не имеет поселений-сателлитов. В основе каждого из восьми блоков лежат самые крупные поселения первого-второго типов площадью от 66 до 18 га, выполняющие в своих микрорегионах функции центральных. Эти поселения расположены на расстоянии от 9 до 22 км друг от друга; в среднем разделяющая их дистанция составляет 16,1 км. Скелет общей модели взаимосвязей салтовских населенных пунктов в лесостепном Приосколье значительно конкретизируется, если в него включить и поселения пятого типа. Расчет гравитационных связей между селищами всех пяти типов по каждому из восьми блоков-микрорегионов позволяет воссоздать ряд структурных групп (рис. 8).

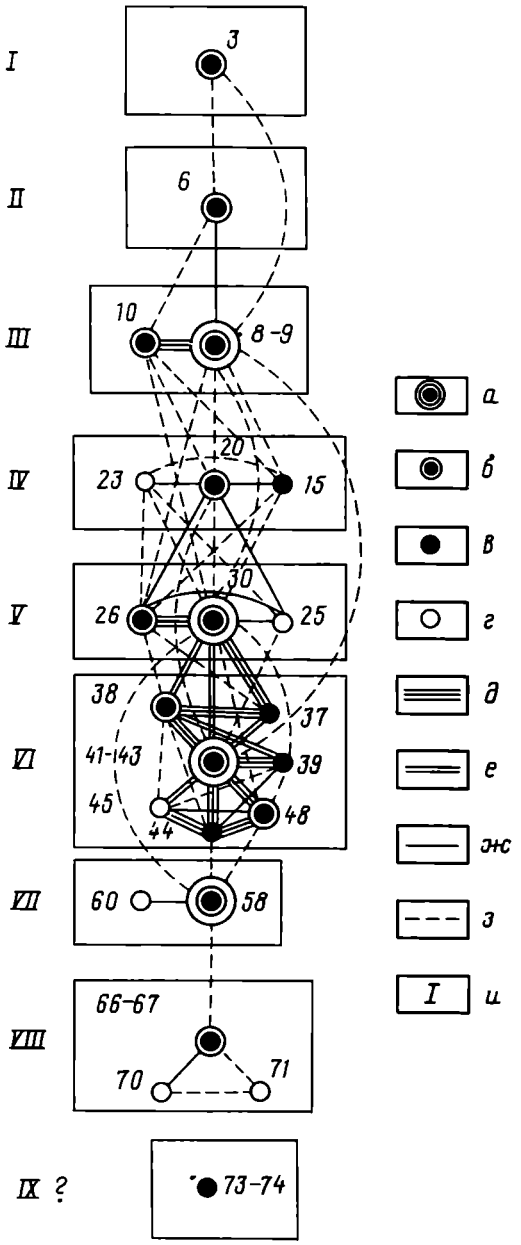


Рис. 7

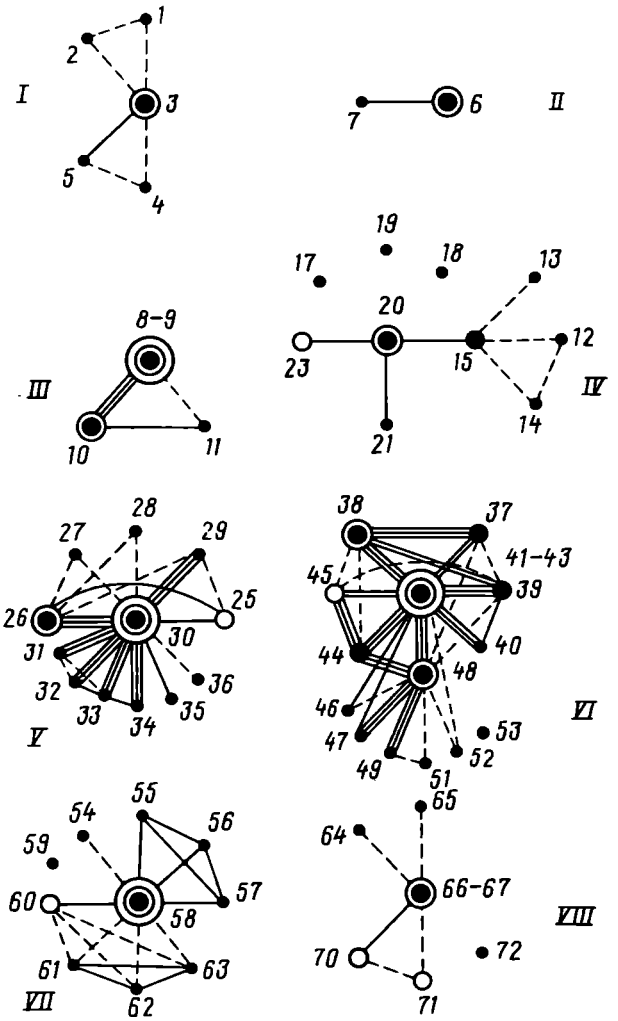


Рис. 8

Рис. 7 Граф гравитационной связи поселений 1—4-го типов. *а* — поселения 1-го типа; *б* — 2-го типа; *в* — 3-го типа; *г* — 4-го типа; *д* — гравитационная связь свыше 20; *е* — связь 12,6—20; *ж* — связь 5,1—12,5; *з* — связь 1—5; *и* — номер блока-микрорегиона; I—IX — блоки-микрорегионы
Рис. 8. Графы гравитационной связи поселений 1—5-го типов в I—VIII блоках-микрорегионах (I—VII — блоки-микрорегионы)

В основе I микрорегиона лежит Волоконовское селище второго типа, к которому тяготеют четыре поселения пятого типа. Центральный населенный пункт имеет среднюю степень связи с селищем Окуни 2, а с остальными — Ивановка 1, Ивановка 2, Окуни 1 — слабую. Все поселения-сателлиты расположены на расстоянии не далее 6,5 км от центрального. Южная граница I микрорегиона рисуется на уровне широты правого притока Оскола — р. Ольшанки [3]

Центральным поселением II микрорегиона является Чернянское селище второго типа, имеющее средние связи со своим сателлитом — поселением пятого

[3] Границы микрорегионов определялись методом построения полигонов Тиссена.

типа Чернянская Мельница, расположенным на расстоянии 1,5 км от центрального. Северная граница этого микрорегиона определяется на уровне р. Ольшанка, а южная — на широте левого притока Оскола — ручья в б. Грязновский Яр.

В III микрорегионе центральным поселением выступает Елецко-Оскольская агломерация, относящаяся к поселениям первого типа. Оно имеет очень сильные связи со своим крупным сателлитом, населенным пунктом второго типа,— Голубинским селищем, расположенным в 4 км. Слабые связи зафиксированы между центральным поселением и селищем пятого типа Свистовка, расположенным на расстоянии 7 км. Северная граница этого микрорегиона проходит на уровне б. Грязновский Яр, а южная — на широте левого притока Оскола — р. Беленькая.

Сердцевиной IV микрорегиона является поселение второго типа Таволжанское селище, имеющее среднюю степень связей с тремя сателлитами: поселением третьего типа Подольхи 4, поселением четвертого типа Слоновка и поселением пятого типа Таволжанка 5. Кроме того, три других памятника пятого типа — Новооскольское 2, Новооскольское 3, Новооскольское 4 — тяготеют слабыми связями к селищу Подольхи 4, выступающему в данном случае как ядро нового структурного образования меньшего таксономического порядка, чем Таволжанское селище. Наконец, еще три поселения пятого типа — Песчанка 1, Песчанка 2, Песчанка 4 — включены в рассматриваемую модель условно, поскольку их гравитационная связь с другими поселениями этого микрорегиона значительно меньше, чем связи, отнесенные в разряд слабых. Однако правомерность включения этих памятников именно в IV микрорегион оправдывается тем, что с памятниками соседних микрорегионов они имеют еще меньше связи. Северная граница рассматриваемого микрорегиона определяется на уровне р. Беленькая, а южная — на широте б. Боровков Яр на левобережье Оскола.

Центральным поселением V микрорегиона является Афоньевское селище, относящееся к населенным пунктам первого типа. Оно имеет очень сильные связи с поселением второго типа Жилино-южное, расположенным в 6 км, и среднюю степень связи с поселением четвертого типа Жилино-северное, находящимся в 8 км от центрального. Кроме того, к Афоньевскому селищу тяготеют девять поселений пятого типа, отделенных от него расстоянием в 1—4,5 км. С пятью из них, находящимися на расстоянии 1—2 км, центральное поселение имеет очень сильные связи: Новоивановка 3, Афоньевка 3, Коровино 5, Коровино 1, Коровино 3. Средняя степень связей фиксируется между Афоньевским и Староивановским селищами, разделенными расстоянием в 2,5 км. И наконец, очень слабые связи с центральным поселением имеют три селища — Новоивановка 1, Новоивановка 2, Новорождественское, находящиеся в 2,5—4 км от Афоньевского поселения. Северная граница этого микрорегиона проходит на уровне б. Боровков Яр, а южная — на широте урочища Мананкое.

В основе VI микрорегиона лежит Ютановская агломерация, относящаяся к населенным пунктам первого типа и 1-го ранга. Она имеет очень сильные связи с двумя поселениями второго типа — Столбище 1 и Пятницкое-северное, расположенными от него на расстоянии 5 и 7 км. В число сателлитов центрального поселения входят три населенных пункта третьего типа — Столбище 1, Заломное-северное, Среднелубянское 1, которые проявляют очень сильные или сильные связи с центром и отделены от него дистанцией в 2—7 км. Группу памятников, таготеющих к центральному поселению, дополняют два селища пятого типа — Заломное-южное и Евдокимовское, расположенные на расстоянии 1,5 и 4 км от центрального и проявляющие с ним в первом случае очень сильную, а во втором среднюю величины связей. Кроме того, четыре селища пятого типа тяготеют или очень сильными, или слабыми связями к поселению Пятницкое-северное, выступающему в данном случае ядром нового сруктурного образования в этом же микрорегионе. Эти памятники: Пятницкий Питомник, Пятницкое-центральное, Козловка 1, Верхнеяблоневское 2 — расположены от Пятницкого-северного на расстоянии от 1 до 5,5 км и связаны с ним в большей

степени, чем с Ютановской агломерацией. Наконец, поселение пятого типа Верхнеяблоневское 1 включено в этот микрорегион условно. Оно имеет незначительные связи как с поселениями VI, так и с поселениями VII микрорегиона. Северная граница рассматриваемого микрорегиона проходит на уровне урочища Мананкое, а южная — на широте излучины Оскола в районе пос. Ульяновка.

В VII микрорегионе центральным поселением выступает Пузинское селище, относящееся к салтовским населенным пунктам первого типа. Оно имеет среднюю степень связи с поселением четвертого типа Гладково 2, расположенным в 5 км от него. Кроме того, в группу сателлитов центрального поселения входят семь селищ пятого типа, расположенных на расстоянии от 1,5 до 7,5 км и имеющих с центральным слабую или среднюю степени связи: Ветчининовское, Овчинниково 5, Овчинниково 7, Овчинниково 8, Хохлово 1, Хохлово 2, Хохлово 3. К числу сателлитов Пузинского поселения можно условно отнести селище пятого типа Поминово, которое имеет очень слабую связь с центральным поселением, но территориально явно к нему тяготеет. Северная граница этого мигрорегиона проходит на уровне излучины Оскола в районе пос. Ульяновка, а южная — на широте излучины Оскола в районе дома отдыха «Красная Поляна».

Сердцевиной VIII микрорегиона является Кузнецовская агломерация, относящаяся к салтовским поселениям второго типа. К ней тяготеют два поселения четвертого типа — Симоновка 1 и Хурцовка, расположенные на расстоянии 2,5 и 6,5 км от центрального. Первый памятник проявляет с Кузнецовской агломерацией среднюю связь, а второй — слабую. Кроме того, в группу сателлитов центрального поселения входят два селища пятого типа — Колосково 1 и Колосково 2, расположенные на расстоянии 4,5 и 2,5 км от центрального и имеющие с ним слабые связи. К этой же группе памятников условно отнесено селище пятого типа Колыхалино, территориально тяготеющее к описанному микрорегиону. Таким образом, северная граница микрорегиона проходит на уровне излучины Оскола в районе дома отдыха «Красная Поляна», а южная — на широте места впадения в Оскол его правого притока, р. Козинки.

Не исключена вероятность того, что в будущем южнее VIII микрорегиона выделится еще один микрорегион на базе Тогобеевской (Подлысенковской) агломерации, но пока ввиду недостаточной изученности окружающей территории говорить о нем не приходится.

Проведенный анализ показал, что общим центральным местом для системы салтовских поселений лесостепного Приосколья, а также центральным местом для своего микрорегиона является самое крупное по площади поселение — Ютановская агломерация. Этот населенный пункт в силу своего высокого порядка, по-видимому, обладал макисмально широким набором административных функций и услуг, оказываемых носителям салтово-маяцкой культуры в лесостепном Приосколье, что и обусловило более высокую концентрацию здесь населения. Центральные поселения микрорегионов выступают как населенные пункты более низкого порядка, чем общее центральное место региона. Нельзя не обратить внимания на факт полной корреляции центральных поселений микрорегионов с распределением в долине Оскола городищ, использовавшихся местным населением в качестве убежищ. То есть статус центральных поселений подтверждается и наличием рядом с некоторыми из них городищ. Остальные поселения хотя и отличаются друг от друга по размерам и, вероятно, по количеству обитавшего там населения, но выступают преимущественно как центры по экономическому обслуживанию собственного населения. Обитатели этих селищ-сателлитов имели возможность пользоваться частью необходимых услуг экономического, политического и конфессионального характера в собственных поселениях; в несколько большей степени — в центральном поселении микрорегиона; еще в большей степени — административными функциями в общем центральном месте региона. Таким образом, изучение пространственных связей между поселениями на макроуровне создает предпосылки для получения качественно новой информации об отношении, динамике и связях между

открытыми путем археологической разведки долговременными поселениями лесостепного Приосколья. Оно позволило создать проверяемую модель системы заселения региона носителями салтово-маяцкой культуры, оценить и проанализировать накопленный материал на базе теории пространственного археологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Clarke D. L.* Spatial Information in Archaeology // Spatial Archaeology. L., 1977
2. *Crumley C. L.* Three Locational Models // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 2. N. Y., 1979.
3. *Афанасьев Г Е.* Муравьевский клад. К проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь // СА. 1987. № 1.
4. *Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК. 1906. Вып. 19.
5. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
6. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967 № 142.
7 *Николаенко А. Г* Отчет об охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4982.
8. *Николаенко А. Г* Археологическая разведка в зоне лесостепного Приосколья в 1985 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 1144.
9. *Николаенко А. Г.* Археологическая разведка в зоне лесостепного Приосколья в 1986 г // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11712.
10. *Николаенко А. Г.* Отчет о черняховско-пеньковско-салтовских поселениях Поосколья в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9044.
11. *Афанасьев Г Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // АОН. 1987. Вып. 2.
12. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979.
13. *Hodder I.* Some New Directions in the Spatial Analysis of Archaeological Data at the Rigional Scale (Macro) // Spatial Archaeology. L., 1977
14. *Gibbon G.* Anthropological Archaeology. Analisis and Interpretation at the Regional and Interregional Levels. N. Y., 1984.
15. *Simon H. A.* On a Class of Skew Distribution Function // Biometrica. 1955. № 42.
16. *Гарнер Б. Дж.* Модели географии городов и размещения населенных пунктов // Модели в географии. М.: Прогресс, 1971.
17. *Berry B. G. L.* City Size Distribution and Economic Development // Economic Development and Cultural Change. 1961. № 9.
18. *Hodder I., Orton C.* Spatial Analysis in Archaeology. N. Y., 1976.

G. E. AFANASYEV

THE HIERARCHY OF THE SALTOVO PERMANENT SETTLEMENTS IN THE FOREST-STEPPE ZONE ALONG THE OSKOL

Summary

The author looks at the string of permanen Saltovo settlements discovered in the forest-steppe zone of the Oskol River Basin, on an area that is 130 km long. By applying the "status-size„ rule to their studies he has established how they were distributed according to their sizes and classified them so that they can be studied by simulating the transport network in the region. An analysis showed that the zone withing eight kilometres around the Yutonovo fortified settlement — the Yutanovo Agglomeration — had the densest network of roads. The gravitational model was used to determine the degree to which individual settlements interacted. The author has identified in this way the central core of the area and eight micro-regions formed by the central settlement and surrounded with satellite settlements. In this way, the studies of spatial ties at the macrolevel provide preliminary information of the relations, dynamics and contacts between the permanent settlements in the Oskol basin.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТОПОГРАФИЯ БУЛГАРСКИХ ГОРОДИЩ

Изучение городищ Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов и отчасти времени Казанского ханства (общие сведения, первые полевые описания, начальные сводные работы по архивным данным и сообщениям губернских и волостных управлений, небольшие сборы подъемного материала и частных коллекций) начато еще в дореволюционную эпоху и связано с именами В. Н. Татищева [1], П. И. Рычкова [2], Н. П. Рычкова [3, 5], Н. И. Второва [5], А. Артемьева [6], К. И. Невоструева [7], Н. Вячеслава [8], С. М. Шпилевского [9], Н. А. Толмачева [10], В. Н. Поливанова [11]. Среди этой благородной когорты первоисследователей следует особо подчеркнуть деятельность профессора Казанского университета С. М. Шпилевского, давшего своего рода свод 110 городищ на территории Казанской губернии, принадлежность большинства которых к булгарской и булгаро-татарской [1] культуре определена высокой научной интуицией автора (он не был археологом и не проводил полевых исследований) и впоследствии была подтверждена работами советских археологов.

Накопление данных о булгарских городищах, но уже путем проведения археологических разведок и небольших раскопок связано с плодотворной деятельностью Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, представленной в первую очередь поисками И. А. Износкова, В. А. Казаринова, Г. Н. Ахмарова, Е. Т. Соловьева, Н. Ф. Высоцкого [2], особенно П. А. Пономарева — первого общепризнанного казанского археолога-булгароведа [13], а также топографа и археолога В. Карасева [14].

Проблемам города Волжской Булгарии и Казанского ханства: вопросам основ булгарского и булгаро-татарского градостроительства, возникновения и развития городов и укреплений в Среднем Поволжье, исторической и социальной топографии городов региона X—XVI вв., истории отдельных, наиболее крупных городских центров посвящается специальная монография автора. Цель настоящей небольшой статьи — обобщение накопленных к настоящему времени сведений о всех известных булгарских и булгаро-татарских городищах в плане их типологической и хронологической классификации и исторической географии.

Первый, еще небольшой опыт подобной классификации булгарских городищ, правда без картографирования, проделан известным казанским историком-археологом Н. Ф. Калининым в работе, посвященной итогам археологических исследований 1946—1952 гг., где кратко описаны 29 городищ с разделением их на четыре группы по размерам площадей: 1 — до 3 га; 2—3 — 5 га; 3—8 — 13 га; 4—28 — 100 га [15, с. 63—108]. Естественно, этот узкий круг памятников отнюдь не дает ясной картины о типах всех булгарских городищ; да такая цель в данной работе и не ставилась.

При классификации городищ Волжской Булгарии, как и любого другого средневекового государства, важна вся совокупность имеющихся о них данных. В основу такой классификации необходимо положить принцип разделения их по

---

[1] Под «булгаро-татарскими» имеются в виду памятники поздней Волжской Булгарии и Казанского ханства.

[2] Работы этих и целого ряда других ученых и краеведов — членов названного общества указаны в сводной работе Р. Г. Фахрутдинова о булгарских археологических памятниках [12].

© Р. Г. Фахрутдинов, 1990 г.

типам, в той или иной степени отвечающий на вопрос, что собой представляют эти памятники, остатками чего они являются. Предварительная и весьма краткая классификация городищ именно в таком историческом плане была сделана нами в тезисной форме в начале 1970-х годов [16]. В 1970—1971 гг. нами проведено обследование центральных и южных районов Волжской Булгарии в Татарии и в Ульяновской обл. с целью рекогносцировки ранее не изученных или недостаточно обследованных городищ [17, 18] Этими разведками была закончена сравнительно полная фиксация булгарских городищ, что позволяет сделать их общую типологическую классификацию и установить историческую географию. Данная типология, естественно, имеет значительную условность, ибо лишь небольшое число (20) городищ исследовано стационарно; основная их часть обследована пока разведочно. В то же время эти работы, особенно с начала 1960-х годов, выделяются широтой обследования: большинство городищ изучено путем снятия точных планов, нивелировки укреплений, сбора обильного подъемного материала и определения стратиграфии слоев закладыванием шурфов (2×2 или 1×1 м) при сплошной разведке окружающей местности и бассейна всей реки, в котором расположены городища, что дало возможность получения довольно богатых сведений об этих памятниках.

На основе археологических исследований, проведенных в Среднем Поволжье в дореволюционный и советский периоды, к настоящему времени известно 161 булгарское и булгаро-татарское городище [3] Судя по размеру, форме, характеру обороны, мощности культурного слоя, наличию или отсутствию окружающих селищ, при учете всей топографии местности, городища можно разделить на три типа: 1 — остатки городов и их детинцев-кремлей; 2 — остатки феодальных замков; 3 — остатки военных крепостей. Городищ, представляющих города или их кремли, насчитывается 38. Большинство памятников (73) относится к типу феодальных замков. Довольно большое число (39) городищ является остатками военных крепостей-форпостов, расположенных на больших стратегических и торговых, главным образом водных, путях и на пограничных зонах. Характер небольшой группы памятников (11) остается пока неопределенным из-за отсутствия необходимых сведений вследствие их малой изученности. В данной статье дается общая типологическая и хронологическая классификация городищ при их картографировании, сделанная впервые в науке за 200 с лишним лет изучения подобных памятников.

Городища, представляющие города, в свою очередь подразделяются на несколько групп: остатки больших, средних и малых городов. Большие города имеют площадь от 1 млн. м^2 и выше (100 га и более — почти до 600 га). Остатками средних городов можно назвать городища площадью от 500 тыс. до 1 млн. м^2 К малым отнесены городища площадью от 100 тыс. до 500 тыс. м^2 Несмотря на определенную условность такого деления, проявляется значительная его закономерность. Например, почти все остатки больших городов, за исключением лишь двух городищ — Староалейкинского и в какой-то степени Валынского («Муромский городок»), имеют подлинные исторические названия. Билярское (площадь 5 730 000 м^2, № 14 на карте рис. 1 и соответственно в классификационной таблице — рис. 2), Булгарское (3800 тыс. м^2, № 51), Суварское (1 млн м^2, № 43), Кашанское 1 (1080 тыс. м^2, № 110), Балынгузское (~4 млн. м^2, № 21) городища являются остатками городов Буляра-Великого города, Булгара, Сувара, Кашана, Торцска. Эти города были столицами государства и центрами крупных княжеств. Характеристике Булгарского, Билярского, Суварского и Кашанского городищ посвящена большая литература [4],

[3] В данную классификацию включены городища, расположенные на основной государственной и этнической территории Волжской Булгарии. За пределами этой территории имеются отдельные небольшие группы памятников, среди которых выделяется пензенская — по исследованиям М. Р Полесских.

[4] Историография этих и других городищ дана в работе автора [12] (см. Свод памятников, с. 87 сл.), а также в некоторых последующих работах по Билярскому [19] и Булгарскому [20, 21] городищам и по общей истории Волжской Булгарии [22]

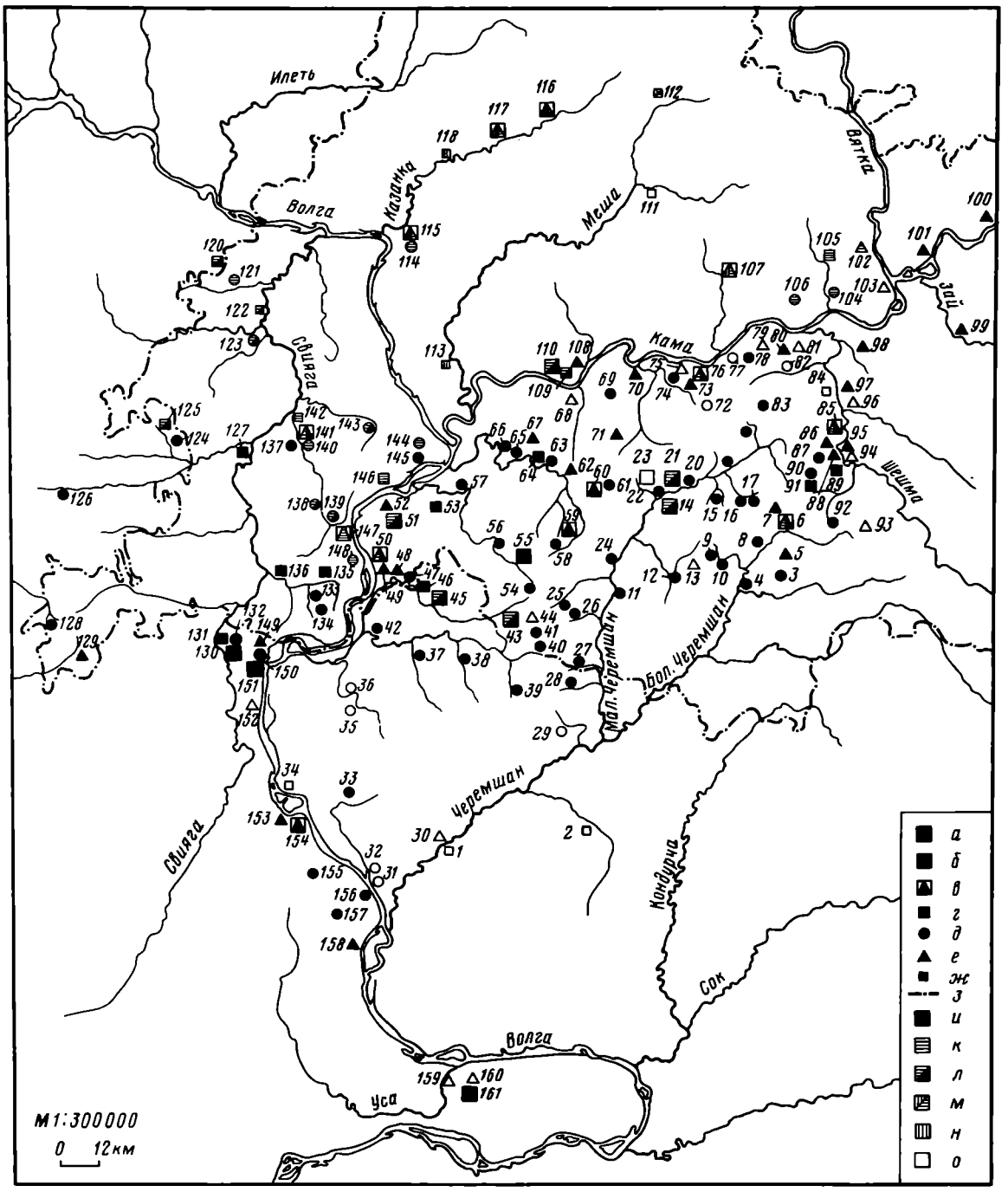


Рис. 1. Карта городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства. *а* — остатки больших городов; *б* — остатки средних городов; *в* — остатки детинцев (кремлей) городов; *г* — остатки малых городов; *д* — остатки феодальных замков; *е* — остатки военных крепостей; *ж* — городища, характер которых неопределен; з — границы Татарской АССР; *и* — городища домонгольского периода; *к* — городища золотоордынского периода; *л* — городища домонгольского и золотоордынского периодов; *м* — городища золотоордынского периода и Казанского ханства; *н* — городища времени Казанского ханства; *о* — городища общебулгарские

и нет необходимости останавливаться на ней. Балынгузское городище, уступающее по своим размерам только Билярскому и датируемое двумя периодами булгарской истории — домонгольским и золотоордынским (X—XIV вв.), представляет собой бесспорные остатки большого средневекового города, и мы склонны связывать его с летописным городом Торцским, упомянутым под 1184 г. в связи с походом русских князей на Великий город волжских булгар [17, с. 97]. Остатками одного из больших, пока безымянных городов Булгарии

СВОДНАЯ КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ТАБЛИЦА ГОРОДИЩ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

№ п/п	Наименование городища	Географ. район	Администр. район	Дата	Площадь	Форма	К-во укрепл.	К-во частей	Толщина к. слоя	Степень изучен.	Сохранность	К-во окруж. селищ	Характер	Местное название	Историч. название
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	Коротково-Городищенское	Закамье	Ульянов. обл.	Б.	не опред.	не опред	1 вал	1	не опред.	развед.	затоплено	1	?		
2	Красноярское	—11—	—11—	Б.	23000 м²	4-угольная	1 вал, 1 ров	1	не опред.	—11—	задернов.	—	?		
3	Новомокшинское	—11—	ТАССР	Б. Р.	16400 м²	4-угольная	2 вала, 2 рва	1	60 см	—11—	—11—	6	феодальн. замок		
4	Карасинское	—11—	—11—	Б. Р.	18000 м²	4-угольная	1 вал, 1 ров	1	не опред.	—11—	распахано	1	—11—	Кала-тау	
5	Новоаксубаевское	—11—	—11—	Б. Р.	10400 м²	деформиров.	1 вал, 1 ров	1	40 см	—11—	—11—	—	крепость	Хир-хула	
6	Барско-Екарускинское	—11—	—11—	Б. Р. П.	30400 м²	4-угольная	1 вал, 2 рва	1	30 см	—11—	—11—	1	кремль города	Хула-ду Кереметь	
7	Иляшкинское	—11—	—11—	Б. Р.	12400 м²	3-угольная	1 вал, 1 ров	1	30 см	—11—	задернов.	—	крепость		
8	Аксубаевское	—11—	—11—	Б. Р	16000 м²	4-угольная	1 вал, 2 рва	1	35 см	—11—	распахано	2	феодальн. замок		
9	Щербеньское II	—11—	—11—	Б. Р.	20000 м²	деформиров.	1 вал, 1 ров	1	80 см	—11—	—11—	1	—11—	Кече-кала, Кызлар калясы	
10	Щербеньское I	—11—	—11—	Б. Р.	30400 м²	овалообраз.	3 вала, 2 рва	1	75 см	—11—	застроено	3	—11—	Кала-тау	
11	Чувбродское	—11—	—11—	Б. Р.	13300 м²	4-угольная	1 вал, 2 рва	1	18 см	—11—	—11—	—	—11—	Кала-тау	
12	Новоальметьевское	—11—	—11—	Б Р	40000 м²	овалообраз.	2 вала, 1 ров	1	не опред.	—11—	—11—	5	—11—		
13	Новоамзинское	—11—	—11—	Б.	2000 м²	4-угольная	2 вала, 1 ров	1	—	—11—	залесено	—	крепость		
14	Билярское	—11—	—11—	Б. Р. П.	5730000 м²	округленная	4 вала, 4 рва	2	150 см	стацион.	распахано застроено	6	столичн. город		Буляр, Великий город
15	Старотатадамское	—11—	—11—	Б. Р.	34000 м²	овалообраз.	1 вал, 1 ров	1	не опред	развед.	распахано	2	феодальн. замок		
16	Атляшкинское	—11—	—11—	Б. Р	12000 м²	полукруглая	1 вал, 1 ров	1	50 см	—11—	задернов.	1	—11—		
17	Савгачевское	—11—	—11—	Б. Р.	12825 м²	деформиров.	2 вала, 2 рва	2	18 см	—11—	—11—	5	—11—		
18	Изгарское	—11—	—11—	Б. Р.	33000 м²	4-угольная	1 вал, 2 рва	1	50 см	—11—	распахано	—	—11—		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
19	Крещелтанское	Закамье	ТАССР	Б Р.	7500 м²	4-угольная	I вал 2 рва	1	не опред.	развед.	распахано	2	феодальн. замок		
20	Горкинское	—II—	—II—	Б. Р.	13400 м²	круглая	I вал 1 ров	1	40 см	—II—	—II—	5	—II—	Кала-тау	
21	Балынгузское	—II—	—II—	Б.Р.П.	4000000 м²	округленная	I вал 1 ров	3	50 см	—II—	—II—	3	город	Балын-гузя	Торцк /?/
22	Ник Баранское I	—II—	—II—	Б Р.	7850 м²	круглая	I вал 1 ров	1	не опред.	—II—	—II—	3	феодальн. замок	Городок	
23	Ник. Баранское II	—II—	—II—	Б.	630000 м²	4-угольная	I вал 1 ров	1	—	—II—	—II—	2	город		
24	Старокамкинское	—II—	—II—	Б Р	36000 м²	3-угольная	I вал 1 ров	1	50 см	—II—	—II—	3	феодальн замок	Нугай-кала	
25	Татбурнаевское	—II—	—II—	Б Р	16000 м²	круглая	I вал 2 рва	1	32 см	—II—	задернов.	4	—II—	Алка	
26	Нижнекачеевское	—II—	—II—	Б. Р	25500 м²	круглая	3 вала 2 рва	1	55 см	—II—	распахано	7	—II—	Кала-тау	
27	Чуваппаковское	—II—	Ульянов. обл.	Б Р.	11504 м²	—II—	2 вала 2 рва	1	30 см	—II—	задернов.	2	—II—	Аппак каласы	
28	Боровкинское	—II—	—II—	Б. Р.	15386 м²	—II—	I вал 1 ров	1	35 см	—II—	—II—	2	—II—	Кала	
29	Подбелщинское	—II—	—II—	Б.	70000 м²	овалообразная	3 вала 2 рва	1	не опред.	—II—	распахано	?	—II—		
30	Никольское	—II—	—II—	Б.	50000 м²	—II—	I вал 1 ров	1	30 см	—II—	залесено	—	крепость		
31	Белоярское I	—II—	—II—	Б.	44000 м²	4-угольная	I вал 1 ров	1	40 см	—II—	распахано	1	феодальн замок		
32	Белоярское II	—II—	—II—	Б.	30000 м²	полукруглая	2 вала	1	20 см	—II—	—II—	1	—II—		
33	Андреевское	—II—	—II—	Б. Р	27000 м²	4-угольная	I вал 2 рва	1	80 см	стацион.	—II—	4	—II—		
34	Крестово-Городищенское	—II—	—II—	Б.	не опред	не опред.	I вал	1	не опред.	развед.	затоплено	1	?		
35	Ивановское	—II—	—II—	Б.	12800 м²	овалообразная	3 вала 2 рва	1	значитель.	—II—	залесено	—	феодальн. замок	Городок	
36	Юрманское	—II—	—II—	Б.	50000 м²	—II—	2 вала 1 ров	1	25 см	—II—	—II—	1	—II—		
37	Краснореченское	—II—	—II—	Б. Р.	18000 м²	4-угольная	I вал 1 ров	1	не опред.	—II—	распахано	2	—II—		
38	Большекандалинское	—II—	—II—	Б. Р.	12400 м²	4-угольная	I вал 1 ров	1	60 см	—II—	задернов.	1	—II—		
39	Тинаркинское	—II—	—II—	Б. Р.	15000 м²	круглая	3 вала 3 рва	1	40 см	—II—	—II—	—	—II—		
40	Налеткинское	—II—	ТАССР	Б. Р.	15500 м²	—II—	I ров	1	30 см	—II—	—II—	1	—II—	Сэет каласы	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
41	Старобаранское	Закамье	ТАССР	Б. Р	8100 м²	округленная	2 вала 2 рва	1	15 см	развед.	задернов.	1	феодальн. замок	Калалар эсте	
42	Старомайнское /Грязнухинское/	—11—	—11—	Б. Р.	15000 м²	3-угольная	3 вала 3 рва	1	50 см	стацион.	распахано	1	—11—		
43	Суварское	—11—	—11—	Б.Р.П.	1000000 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	100 см	—11—	—11—	8	город	Шам-Сувар, Татарский городок	Сувар
44	Якимово-Стрелкинское	—11—	—11—	Б.	88000 м²	деформиров.	1 вал 1 ров	1	—	развед.	залесено	—	крепость		
45	Кокрятьское	—11—	Ульянов. обл.	Б.Р.П.	772000 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	2	37 см	—11—	распахано	—	город		Тухчин
46	Шмелевское	—11—	—11—	Б Р.	282600 м²	круглая	2 вала 2 рва	1	не опред.	—11—	—11—	—	—11—		
47	Танкеевское I	—11—	ТАССР	Б.Р	60000 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	80 см	стацион.	залесено	1	феодальн. замок	Мары	
48	Танкеевское II	—11—	—11—	Б. Р.	9600 м²	—11—	1 вал 1 ров	1	—	развед.	—11—	—	крепость		
49	Маклашеевское I	—11—	—11—	Б. Р.	12800 м²	3-угольная	2 вала 2 рва	1	не опред.	—11—	задернов.	—	—11—		
50	Балымерское	—11—	—11—	Б.Р.П.	35000 м²	округленная	2 вала 2 рва	1	70 см	стацион.	застроено	1	кремль города		Балымер
51	Булгарское	—11—	—11—	Б.Р.П.	3800000 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	2	200 см	—11—	распахано, застроено	5	столичн. город.	Шахре-Болгар, Болгары	Булгар, Болгары Великие
52	Кривельское	—11—	—11—	Б. Р.	не опред.	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	не опред.	развед.	затоплено	—	крепость	Городок	
53	Щербетьское	—11—	—11—	В. Р.	126000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	35 см	—11—	распахано	2	город		
54	Таттюгульбаевское	—11—	—11—	Б. Р	13300 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	30 см	—11—	залесено	2	феодальн. замок	Кала-баш	
55	Красноключинское	—11—	—11—	Б Р.	670000 м²	полукруглая	2 вала 2 рва	1	не опред.	—11—	распахано	1	город	Кала-тау	
56	Гусихинское	—11—	—11—	Б Р	12900 м²	4-угольная	3 вала 3 рва	1	25 см	—11—	—11—	—	феодальн. замок		
57	Старокуйбышевское	—11—	—11—	Б. Р.	17200 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	2	164 см	—11—	—11—	4	—11—		
58	Староматакское	—11—	—11—	Б. Р.	42600 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	2	30 см	—11—	—11—	1	—11—		
59	Старонохратское	—11—	—11—	Б. Р.	38000 м²	3-угольная	3 вала 3 рва	1	70 см	—11—	—11—	2	кремль города	Нохрат-кала	Нухрат
60	Ромоданское I	—11—	—11—	Б. Р.	28000 м²	овалообразн.	1 вал 1 ров	2	40 см	—11—	задернов.	6	кремль города		
61	Ромоданское II	—11—	—11—	Б. Р.	16000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	30 см	—11—	—11—	5	феодальн. замок	Городок	
62	Караваевское	—11—	—11—	Б. Р.	20000 м²	—11—	1 вал 1 ров	1		—11—	залесено	—	крепость	Маришин клад	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
63	Восточно-Войкинское	Закамье	ТАССР	Б. Р.	80 000 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	2	не опред.	развед.	распахано	2	феодальн. замок		
64	Западно-Войкинское	—11—	—11—	Б. Р	110 000 м²	—11—	3 вала 3 рва	1	—11—	—11—	—11—	3	город		
65	Бураковское	—11—	—11—	Б. Р.	45000 м²	деформиров.	4 вала 5 рвов	1	100 см	—11—	задернов.	1	феодальн. замок		
66	Коминтерновское	—11—	—11—	Б Р	44800 м²	полукруглая	2 вала 2 рва	1	20 см	—11—	—11—	2	—11—		
67	Березовогривское	—11—	—11—	Б. Р.	59600 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	—	—11—	залесено	—	крепость	Сковорода, Дворец Ермака	
68	Балахчинское	—11—	—11—	Б.	1125 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	40 см	—11—	задернов.	—	—11—		
69	Алексеевское	—11—	—11—	Б. Р	60000 м²	4-угольная	3 вала 2 рва	1	85 см	стацион.	застроено	3	феодальн. замок		
70	Остолоповское	—11—	—11—	Б. Р	3000 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	25 см	развед	распахано	—	крепость		
71	Куркульское	—11—	—11—	Б. Р.	1600 м²	деформиров.	1 вал 1 ров	1	30 см	—11—	задернов.	—	—11—	Городок	
72	Нарат-Елгинское	—11—	—11—	Б.	15300 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	30 см	—11—	—11—	2	феодальн. замок.	Кала	
73	Белогорское	—11—	—11—	Б Р.	11700 м²	4-угольная	1 вал	1	30 см	—11—	—11—	—	крепость		
74	Утяковское	—11—	—11—	Б. Р.	56000 м²	—11—	3 вала 2 рва	1	75 см	—11—	задернов.	2	феодальн. замок		
75	Кубасское /Березовское/	—11—	—11—	Б.	не опред.	3-угольная	1 вал 1 ров	1	не опред	—11—	—11—	—	крепость		
76	Джукетауское	—11—	—11—	Б.Р.П.	58000 м²	3-угольная	3 вала 2 рва	1	80 см	стацион.	застроено	2	кремль города	Джукетау	Джукетау (Жукотин)
77	Змеевское I	—11—	—11—	Б.	20000 м²	4-угольная	3 вала 3 рва	1	не опред	развед.	—11—	1	феодальн. замок	Городок	
78	Змеевское II	—11—	—11—	Б Р	14400 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	20 см	—11—	задернов.	1	—11—		
79	Булдырское	—11—	—11—	Б.	2700 м²	—11—	2 вала 1 ров	1	—	—11—	—11—	—	крепость	Кала-тау	
80	Малополянское	—11—	—11—	Б.	9000 м²	—11—	2 вала 1 ров	1	40 см	—11—	—11—	—	—11—		
81	Русскосарсазское	—11—	—11—	Б.	5850 м²	—11—	2 вала 1 ров	1	20 см	—11—	—11—	—	—11—		
82	Малотолкишское	—11—	—11—	Б.	29500 м²	—11—	1 вал 2 рва		60 см	—11—	—11—	—	феодальн. замок		
83	Староромашкинское	—11—	—11—	Б.	20000 м²	деформиров.	2 вала 2 рва	1	55 см	—11—	—11—	—		Калюш	
84	Городищенское	—11—	—11—	Б.	30 000 м²	не определ.	?	1	не опред.	—11—	застроено	1	?		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
85	Тубулгатауское	Закамье	ТАССР	Б.Р.П.	19500 м²	4-угольная	3 вала 2 рва	1	70 см	разведка	задернов.	—	кремль города	Тубулгатау	Тубулгатау
86	Сосновское II	—II—	—II—	Б.Р.	7600 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	не опред.	—II—	распахано	2	крепость		
87	Елховское	—II—	—II—	Б.Р.	28000 м²	трапецевид.	2 вала 2 рва	1	50см	—II—	—II—	4	феодальн. замок		
88	Сосновское I	—II—	—II—	Б.Р.	18200 м²	4-угольная	1 вал 2 рва	1	40см	—II—	—II—	—	крепость		
89	Новошешминское I	—II—	—II—	Б.Р.	159200 м²	полукруглая	1 вал 1 ров	1	25 см	—II—	—II—	1	город	Урва городок	
90	Екатеринино-Слободинское II	—II—	—II—	Б.Р.	14000 м²	круглая	2 вала 2 рва	1	60 см	—II—	задернов.	3	феодальн. замок	Круглый вал	
91	Екатеринино-Слободинское I	—II—	—II—	Б.Р.	180000 м²	овалообразн.	3 вала 3 рва	2	60 см	—II—	распахано	4	город		
92	Черемухово-Слободинское	—II—	—II—	Б.Р.	11600 м²	—II—	2 вала 2 рва	1	40 см	—II—	—II—	2	феодальн. замок	Татарский городок	
93	Ивашкинское	—II—	—II—	Б.	30400 м²	овалообразн.	1 вал 1 ров	1	—	—II—	застроено	—	крепость		
94	Новошешминское III	—II—	—II—	Б.Р	3900 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	—	—II—	задернов.	—	—II—		
95	Новошешминское II	—II—	—II—	Б.Р.	24000 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	—	—II—	—II—	—	—II—	Арапов городок	
96	Утяшкинское	—II—	—II—	Б.	11200 м²	—II—	1 вал 1 ров	1	—	—II—	залесено	—	—II—		
97	Елантовское	—II—	—II—	Б.Р	10400 м²	деформиров.	1 вал 1 ров	1	10 см	—II—	—II—	—	—II—	Елан тавы	
98	Ошинское	—II—	—II—	Б.Р.	4500 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	10 см	—II—	—II—	1	—II—	Жмяк	
99	Краснокадкинское	—II—	—II—	Б.Р.	19200 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	15 см	—II—	распахано	—	—II—		
100	Елабужское	Предкамье	—II—	Б.Р.	30000 м²	—II—	3 вала 3 рва	1	не опред.	—II—	задернов.	—	—II—	Чертово городище	
101	Котловское I	—II—	—II—	Б.Р.	48000 м²	—II—	2 вала 2 рва	1	—	—II—	залесено	—	—II—	Шишка	
102	Красногорское	—II—	—II—	Б.	23000 м²	—II—	1 вал 1 ров	1	не опред.	—II—	распахано	—	—II—		
103	Граханьское	—II—	—II—	Б.	8576 м²	—II—	1 вал 1 ров	1	не опред.	—II—	задернов.	—	—II—		
104	Омарское	—II—	—II—	Б.П.	9200 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	40 см	—II—	—II—	1	феодальн. замок		
105	Кирменское	—II—	—II—	Б.П.	100800 м²	—II—	2 рва	1	40 см	стационар.	распахано	1	город		Керменчук
106	Дигитлинское	—II—	—II—	Б.П.	15000 м²	—II—	1 вал 1 ров	1	не опред.	разведка	не опред.	—	феодальн. замок		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
107	Чаллынское	Предкамье	ТАССР	Б.П.Т.	11500 м²	4-угольная	4 вала 4 рва	1	50 см	стационар.	задернов.	2	кремль города		Чаллы
108	„Ежевичная стрелка"	—11—	—11—	Б. Р.	не опред.	3-угольная	1 вал 1 ров	1	40 см	разведка	распахано	2	крепость	Ежевичная стрелка	
109	Кашанское II	—11—	—11—	Б. Р.П.	280000 м²	3-угольная	2 вала 2 рва	1	20 см	—11—	залесено	—	город	Кашан-кала	Кашан
110	Кашанское I	—11—	—11—	Б. Р.П.	1080000 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	40 см	стационар.	распахано	—	—11—	Кызлар каласы	Кашан
111	Старозюринское	—11—	—11—	Т	не опред.	не опред.	1 вал 1 ров	1	не опред.	разведка	застроено	—	?		
112	Утернясьское	—11—	—11—	Б.П.Т.	—11—	—11—	—	1	—11—	—11—	распахано	—	?	Кала-тау	
113	Тангачинское	—11—	—11—	Т.	10473 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	не опред.	—11—	застроено	—	?		
114	Кабанское	—11—	—11—	Б. П.	7500 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	—11—	—11—	—11—	—	феодальн. замок		
115	„Казанский кремль"	—11—	—11—	Б.П.Т.	130000 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1		стационар.	—11—	—	кремль города	Казан, Казань	Казан, Казань
116	Арское	—11—	—11—	Б.П.Т.	24000 м²	—11—	1 вал 1 ров	1	не опред.	разведка	—11—	1	кремль города	Арча, Арск	Арча, Арск
117	Камаевское	—11—	—11—	Б.П.Т.	61200 м²	—11—	2 вала 1 ров	1	20-40 см	стационар.	распахано	1	кремль города	Иске Казан, Иски Казань	Иске Казан, Старая Казань
118	Бимерское	—11—	—11—	Т.	не опред.	не опред.	1 вал 1 ров	1	не опред.	по сообщ.	застроено	—	?		
119	Свияжское	Предволжье	—11—	Б. П.	не опред.	не опред.	не опр.	не опр.	не опред.	по письм. источник.	—11—	—	?		
120	Альменевское	—11—	ЧАССР	Б. Р. П.	340000 м²	трапецевид.	1 ров.	1	—11—	разведка.	распахано	1	город	Иски юрт	
121	Тавлинское	—11—	ТАССР	Б.П.	6800 м²	3-угольная	2 вала 2 рва	2	30 см	—11—	—11—	—	феодальн. замок	Кала-тау	
122	Городищенское	—11—	—11—	Б. Р.П.	не опред.	не опред.	1 вал 1 ров	1	не опред.	—11—	застроено	—	?		
123	Луковское	—11—	—11—	Б.Р.П.	23000 м²	деформир.	2 вала 2 рва	2	100 см	—11—	задернов.	1	феодальн. замок	Япанчы	
124	Староянашевское	—11—	ЧАССР	Б. Р.	13500 м²	4-угольная	1 вал	1	20 см	—11—	распахано	1	феодальн. замок	Хула-вырым	
125	Большетоявинское	—11—	—11—	Б.Р.П.	275625 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	80 см	стацион.	—11—	—	город		
126	Тигашевское	—11—	—11—	Б. Р.	20000 м²	круглая	2 вала 2 рва	1	60 см	—11—	—11—	—	феодальн. замок		
127	Деушевское	—11—	ТАССР	Б. Р.	282000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	45 см	разведка	—11—	—	город	Штаб	
128	Чувбезднинское	—11—	—11—	Б.Р.	20000 м²	3-угольная	2 вала 1 ров	1	30 см	—11—	задернов.	1	феодальн. замок		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
129	Городищенское	Предволжье	ТАССР	Б. Р.	7850 м²	округленная	1 вал 1 ров	1	не опред.	разведка	распахано	2	крепость/?/		
130	Староалейкинское	—11—	Ульянов. обл.	Б. Р.	2300000 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	2	20-60 см	—11—	—11—	1	город	Городок	
131	Красносундюковское I	—11—	—11—	Б. Р	459200 м²	4-угольная	2 вала 1 ров	2	30 см	—11—	—11—	2	—11—		
132	Красносундюковское II	—11—	—11—	Б. Р.	97000 м²	3-угольная	2 вала 2 рва	1	35 см	—11—	—11—	2	феодальн. замок	Городок	
133	Киртелинское	—11—	ТАССР	Б. Р.	18400 м²	4-угольная	2 вала 2 рва	1	не опред.	—11—	—11—	1	—11—		
134	Кильдюшевское	—11—	—11—	Б. Р.	40000 м²	трапецевид.	2 вала 2 рва	1	30 см	—11—	задернов.	1	—11—		
135	Богдашкинское	—11—	—11—	Б. Р.	770000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	2	80 см	—11—	распахано	—	город		Ошель
136	Хулашское	—11—	—11—	Б. Р.	112000 м²	—11—	3 вала 3 рва	1	150 см	стационар.	—11—	1	—11—	Хулаш	
137	Староеналейское	—11—	—11—	Б. Р.	24316 м²	круглая	1 вал 1 ров	1	20 см	разведка	—11—	1	феодальн. замок		
138	Льяшевское	—11—	—11—	Б. Р. П.	42600 м²	овалообразн.	1 вал 1 ров	1	не опред.	—11—	—11—	—	—11—		
139	Зеленовское	—11—	—11—	Б. Р. П.	40600 м²	овалообразн.	1 вал 1 ров	1	—11—	—11—	—11—	2	—11—		
140	Танай-Тураевское	—11—	—11—	Б. П.	36000 м²	круглая	1 вал 1 ров	1	—11—	—11—	застроено	—	—11—		
141	Чуру-Барашевское	—11—	—11—	Б. П.	37700 м²	округленная	2 вала 2 рва	1	—11—	—11—	задернов.	1	кремль города		
142	Шонгутское	—11—	—11—	Б. П.	не опред.	4-угольная	не сохр.	1	—11—	—11—	размыто	—	?		
143	Большеклярининское	—11—	—11—	Б. П.	33000 м²	круглая	3 вала 3 рва	1	60 см	—11—	задернов.	1	феодальн. замок		
144	Уразлинское	—11—	—11—	Б. П.	24000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	35 см	—11—	—11—	—	—11—	Кала-тау	
145	Янтиковское	—11—	—11—	Б. Р.	28600 м²	—11—	2 вала 2 рва	1	85 см	—11—	застроено	—	—11—		
146	Сюкеевское	—11—	—11—	Б. П.	125000 м²	трапецевид.	2 вала 2 рва	1	не опред.	—11—	распахано	2	город	Кызлар уйки торган жир. Татарское жилище	
147	Тетюшское I	—11—	—11—	Б. П.	9700 м²	округленная	1 вал 1 ров	1	15 см	—11—	застроено	1	кремль города		Тэтэш Тетюши
148	Колунецкое	—11—	—11—	Б. П.	18000 м²	круглая	1 вал 1 ров	1	не опред.	—11—	распахано	1	феодальн. замок		
149	Ундорское I	—11—	Ульянов. обл.	Б. Р.	6000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	—11—	—11—	залесено	1	крепость		
150	Ундорское II	—11—	—11—	Б. Р.	21450 м²	—11—	3 вала 3 рва	1	35 см	—11—	застроено	—	феодальн. замок		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
151	Городищенское	Предволжье	Ульянов.обл.	Б. Р.	809000 м²	4-угольная	1 вал 1 ров	1	40 см	разведка	распахано	—	город		
152	Поливноовражное	—11—	—11—	Б.	1800 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	не опред.	—11—	залесено	—	крепость		
153	Криушское I	—11—	—11—	Б. Р.	28000 м²	3-угольная	1 вал	1	40 см	—11—	не опред.	—	—11—		
154	Криушское II	—11—	—11—	Б. Р.	19925 м²	—11—	3 вала 3 рва	1	40 см	—11—	—11—	1	кремль города		Арбухим ?
155	Сенгилейское	—11—	—11—	Б. Р.	29250 м²	трапецевид.	1 вал 1 ров	1	30 см	—11—	распахано	1	феодальн. замок		
156	Буеракское	—11—	—11—	Б. Р.	20000 м²	деформиров.	3 вала 3 рва	1	40 см	—11—	задернов.	1	—11—		
157	Елаурское	—11—	—11—	Б. Р.	25000 м²	не опред.	2 вала	1	не опред.	—11—	распахано	1	—11—		
158	Бектяшское	—11—	—11—	Б. Р.	7500 м²	3-угольная	1 вал 1 ров	1	40 см	—11—	задернов.	—	крепость		
159	Жигулевское	—11—	Куйбышев. обл.	Б.	25000 м²	округленная	1 вал 1 ров	1	10-15 см	—11—	залесено	—	—11—		
160	Александровское	—11—	—11—	Б.	не опред.	—11—	1 вал 1 ров	1	—	—11—	—11—	—	—11—		
161	Валынское	—11—	—11—	Б. Р.	1000000 м²	—11—	1 вал 1 ров	2	150 см	стационар.	распахано	1	город	Муромский городок	

Условные обозначения

Б.Р. – булгарские ранние /домонгольского периода/
Б.П. – булгарские поздние /золотоордынского периода/
Б.Р.П. – булгарские ранние и поздние / домонгольского и золотоордынского периодов/
Б.П.Т – булгарские поздние и татарские / периода Золотой Орды и Казанского ханства/
Т – татарские /периода Казанского ханства/
Б. – общебулгарские, т.е. не датированные конкретным периодом

является Староалейкинское городище (площадь 2300 тыс. м^2, № 130) — вдвое больше Сувара или Кашана по размерам и расположенное в верхнем течении р. Свияги в Ульяновской обл. Это городище, состоящее из двух частей (детинец площадью 256 тыс. м^2 и посад свыше 2 млн. м^2 обследованы нашими разведками в 1971 г.), с солидными крепостными укреплениями, несомненно, свидетельствует о существовании в юго-западных районах Волжской Булгарии крупного городского центра. Остатками такого же большого экономического и культурного центра является Валынское городище (1 млн м^2, № 161) с упомянутым выше местным названием «Муромский городок», находящееся еще южнее — на Самарской Луке, важнейшем стратегическом районе Булгарского государства. Статус города для этого памятника определяется не только его большими размерами, но и наличием на нем целой серии остатков общественных, жилых сооружений и производственных комплексов, выявленных исследованиями В. В. Гольмстен в 1920-х годах и Г. И. Матвеевой в начале 1970-х годов.

Города средней величины представляют городища: Городищенское (809 тыс. м^2, № 151) на Волге и Кокрятьское (772 тыс. м^2, № 45) на Утке в Ульяновской обл.; Богдашкинское (770 тыс. м^2, № 135) в бассейне Свияги; Красноключинское (670 тыс. м^2, № 55) на Бездне; Николаев-Баранское II (630 тыс. м^2, № 23) в бассейне Малого Черемшана в Татарии. Два из них являются остатками городов с историческими названиями — Богдашкинское от известного летописного Ошеля, взятого войсками князя Святослава в 1220 г [15, с. 74, 92—93; 22, с. 91], и Кокрятьское от города Тухчина, названного также в русских летописях в связи с упомянутыми событиями 1184 г Первые из этих пяти городищ состоят из двух частей, т. е. детинца и посада, разделенных между собой валами и рвами.

Помимо вышеназванных 12 городищ, площади которых ограждены крепостными валами и рвами, имеются 13 городищ, представляющих собой детинцы (кремли) больших и средних городов, посады которых оставались открытыми. Эти города, являясь центрами больших княжеств или даже столицами новообразованных государств, оставили яркий след в истории Волжской Булгарии и Казанского ханства. Из них 10 являются остатками политико-административных центров городов с историческими названиями: Камаевское (или Иски-Казанское) городище и «Казанский кремль» (Казань — Старая и Новая), Джукетауское (Джукетау, или Жукотин русских летописей), Тубулгатауское (Тубулгатау), Арское (Арск), Балымерское (Балымер), Тетюшское (Тэтеш), Чаллынское (Чаллы), Криушское (Арбухим?). Селища-посады некоторых из этих городищ давно уже застроены, и выделить их археологически очень трудно. Незастроенные посады совместно с городищами представляют собой солидные памятники, например Иски-Казань — 1301 тыс м^2, Чаллы — 581 тыс. м^2, Джукетау более 500 тыс. м^2 (№ 117, 107, 76 соответственно на карте и в таблице). Остальные три городища также можно назвать остатками кремлей городов, но пока без исторических названий: Чуру-Барашевское (37 тыс. м^2, № 141) на Улеме, притоке Свияги с большим селищем-посадом в 800 тыс. м^2, где в конце 1940-х годов исследованы остатки чугунолитейного производства [15, с. 75—78]; Барско-Енарускинское (30,4 тыс. м^2, № 6) на Сульче, притоке Большого Черемшана в середине большого селища площадью 635 тыс. м^2 с богатым материалом как на городище, так и не селище. Здесь обнаружены эпиграфические памятники и джучидские монеты XIV в., комплекс вещей и керамики (обследованы в 1970 г. [17, с. 98]). И наконец, Ромоданское 1 городище (28 тыс. м^2, № 60) в бассейне Ахтая с еще большим селищем-посадом в 975 тыс. м^2, на которых также выявлен интересный вещевой и керамический материал [17, с. 96]. В целом район расположения Ромоданского комплекса, по работам 1970 г., выделяется исключительной насыщенностью и богатством памятников: рядом находится еще одно синхронное городище и до 14 селищ.

Большинство упомянутых городищ-детинцев имеет сравнительно позднюю

датировку — время Золотой Орды и Казанского ханства, частично переходного домонгольско-золотоордынского периода. Форма открытого города характерна в целом для золотоордынской эпохи. Монголы не строили у себя укрепленных городов и того же требовали от покоренных народов. «Городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск»,— писал Марко Поло, совершивший путешествие в монгольские земли в XIII в. [23, с. 109] Последующие западноевропейские путешественники и историки, например Иосифат Барбаро (XV в.) и Павел Иовий (XVI в.), также отмечали отсутствие стен и башен у татарских городов Нижнего Поволжья [24, с. 24, 32; 25, с. 148] Известно, что столицы Золотой Орды Сарай-Бату и Сарай-Берке были без крепостных стен. Конечно, все это относится в первую очередь к районам Нижнего Поволжья и Подонья, т. е. к южному кипчакско-половецкому миру, однако такая политика Золотой Орды в отношении подвластных ей областей, в том числе и булгаро-татарской земли, имела определенную силу, о чем свидетельствуют вышеперечисленные города и городища. Однако, с другой стороны, несмотря на все эти ограничения, булгары и казанские татары, будучи оседлым народом, в периоды Золотой Орды и Казанского ханства продолжали традиции домонгольского градостроительства с мощными оборонительными укреплениями.

К категории малых городов мы относим 13 городищ: Красносундюковское I (459 тыс. м^2, № 131) на Верхней Свияге в Ульяновской обл., Альменевское (340 тыс. м^2, № 120) в бассейне Свияги на границе Чувашской и Татарской АССР, Шмелевское (282,6 тыс. м^2, № 46) на Утке в Ульяновской обл., Деушевское (282 тыс. м^2, № 127) на Средней Свияге, Кашанское II (280 тыс. м^2, № 109) на Каме, Большетоябинское (275 тыс. м^2, № 125) в бассейне Свияги в Чувашской АССР, Екатеринино-Слободинское I (180 тыс. м^2, № 91) и Новошешминское I (159 тыс. м^2, № 89) в бассейне Шешмы, Щербетьское (126 тыс. м^2, № 53) и Сюкеевское (125 тыс. м^2, № 146) на Волге, Хулашское (112 тыс. м^2, № 136) на Свияге, Западно-Войкинское (110 тыс. м^2, № 64) на Ахтае, Кирменское (100,8 тыс. м^2, № 105) в бассейне Омарки, правого притока Камы (городища, административные районы расположения которых отдельно не указаны, находятся в Татарии). Два из перечисленных 13 городищ являются остатками городов с историческими названиями: Кашанское II (часть Кашана), Кирменское (Кирменчук). Два городища — Красносундюковское I и Екатеринино-Слободинское I — состоят из двух частей, т. е. детинца и посада.

Планы целого ряда городищ — остатков городов и их детинцев — уже опубликованы в прежних работах, посвященных археологии и истории крупнейших городов (Булгара, Сувара, Буляра, Джукетау, Иски-Казани) [19, 20, 26—29] и результатам больших разведок казанских археологов, в некоторых общих работах по истории Волжской Булгарии [15, с. 85, 98; 18, с. 245, 247—249; 22, с. 69, 96, 112]

Как уже отмечено выше, 73 городища можно назвать остатками феодальных замков. Об этом свидетельствуют мощные оборонительные укрепления при небольших площадях городищ и наличие нескольких окружающих селищ, представляющих собой открытые поселения-деревни в поместье феодала. Площадь самых маленьких городищ данного типа, Кабанского и Крещелтанского, составляет по 7,5 тыс. м^2, самого большого — Красносундюковского II — 97 тыс. м^2 Средняя величина остальных колеблется в пределах 15—30 тыс. м^2. Большая часть городищ-замков расположена на краях невысоких террас рек и речек; часть памятников занимает удобные мысы между рекой и оврагом. В первом случае они образуют четырехугольную, круглую, овальную и полукруглую формы; во втором их форма зависит от конфигурации мысов, на которых они находятся — в основном треугольная. В первом случае их оборона бывает круговая или полукруговая с одной открытой стороной на берегу реки; во втором — с напольной стороны, дополненная нередко боковыми линиями валов. Статистика по форме городищ-замков такова: 26 четырехугольных (обычно

с округленными углами), 15 круглых, 8 треугольных, по 7 овальных и деформированных, 6 трапециевидных, 3 полукруглых (о форме одного городища сведений нет). Их оборонительные укрепления представляют собой двух- или трехрядную (иногда однорядную, редко четырех-пятирядную) линию валов и рвов с общей шириной обороны от 15 до 60 м при высоте валов со дна рвов от 1,5 до 5 м; общераспространенная высота составляет в среднем 3 м. Мощность культурных слоев городищ доходит от 30 до 100 см, средняя же толщина в пределах 40—60 см. Вблизи городищ, в радиусе примерно до 1 км, находятся от одного до семи-восьми селищ, одно из которых, как правило, примыкает к городищу; остальные располагаются в некотором отдалении от него за речкой, оврагом, суходолом. Проявляется определенная закономерность в расположении городищ с окружающими селищами в бассейнах большинства рек Татарии и сопредельных районов: почти на каждом притоке реки находится по одному городищу с группой селищ. Эта картина, несомненно, свидетельствует о существовании там целого феодального поместья или небольшого княжества с присущими им ранними родо-племенными или этнокультурными особенностями. Эти особенности, на наш взгляд, позднее нашли отражение в топонимике Северного Предволжья, особенно Заказанья, куда переселились булгары в конце домонгольского и в золотоордынский периоды. Речь идет об общем названии для многих населенных пунктов почти на каждом притоке той или иной реки этих районов [5].

Третий тип городищ представляет собой остатки военных крепостей-форпостов по охране стратегических и торговых путей и пограничных зон (всего 39). Эти городища обычно небольшие, средняя площадь в пределах 8—12 тыс. м^2 (за редким случаем двух-трех памятников площадью от 50 тыс. м^2 до 88 тыс. м^2). Размеры примерно 15 городищ менее 10 тыс. м^2, среди них есть совсем небольшие — от 1125 до 3000 м^2 Расположенные на высоких и узких мысах, они чем-то напоминают первобытные родовые укрепления. Высота расположения многих городищ по Волге, Каме, Шешме, низовью Зая достигает 100 м и более над уровнем воды или лугов. С них открывается широкая панорама на окружающую местность в радиусе от 20—25 км, а при особо ясной погоде и до 40 км, и тем самым эти городища занимают очень удобные стратегические позиции. Формы городищ, как правило, зависят от формы мысов, на которых они находятся: половина всех этих памятников имеет треугольную форму; остальные формы близки к ней, а также подчетырехугольные, трапецевидные, овальные. Оборона городищ сравнительно однообразная — по одному валу и рву с напольной стороны; иногда встречаются памятники с двумя валами и одним рвом между ними (единственный случай с тремя валами — это Елабужское «Чертово» городище на Каме). Культурный слой городищ-крепостей также небольшой, весьма редко доходит до 40 см. В отдельных случаях он вообще отсутствует; тогда их культурная принадлежность определяется по характеру оборонительных укреплений, т. е. по наличию в валах проездов-«ворот», присущих в крае только средневековым, т. е. булгарским и булгаро-татарским, городищам. Следующей характерной особенностью этого типа городищ является почти полное отсутствие окружающих селищ, за исключением двух-трех случаев. Наконец, эти городища не имеют исторических названий, которые носят только остатки городов или их кремлей.

Наиболее заметно расположение городищ-форпостов в двух-трех районах Волги и Камы и по правобережью Шешмы. Пять городищ составляют как бы одну группу по правому берегу Волги на пограничных районах современных

---

[5] Например: Верхние, Средние и Нижние Аты, Субаш-Аты, Утар-Аты в бассейне реки Ата, правого притока Казанки; Верхняя Кня, Кня-Баш, Нижняя Кня в бассейне речки Кня, левого притока Шошмы; Верхняя, Средняя и Нижняя Сунь, Малая Сунь в бассейне речки Сунь, левого притора Берсута (Берсулы); Тябердино-Челны (Чаллы), Козяково-Челны, Челны-Баш и др. в бассейне Шумбута и множество других сел и деревень Татарии.

Ульяновской и Куйбышевской областей, включая Самарскую Луку: Поливно-овражное (№ 152), Криушское (№ 153), Бектяшское (№ 158), Жигулевское (№ 159), Александровское (№ 160). Другая группа, числом до восьми городищ, занимает левобережье Камы между устьями Ахтая и Шешмы: Березогривское (№ 67), Балахчинское (№ 68), Остолоповское (№ 70), Куркульское (№ 71), Кубасское (№ 75), Булдырское (№ 79), Малополянское (№ 80) и Русскосарсазское (№ 81). Чуть выше по Каме от этого района, в правобережье реки от устья Вятки до современной Елабуги, имеется еще одна группа городищ: «Чертово» (№ 100), Котловское I (№ 101), Красногорское (№ 102) и Граханьское (№ 103). Именно Волга и Кама являлись крупнейшими военными и торговыми путями в Восточной Европе, и роль перечисленных городищ по охране этих путей была огромной. При этом отдельные оборонительные и наблюдательные пункты играли выдающуюся роль. Например, каменная крепость с ее уцелевшей башней на «Чертовом» городище, по справедливому замечанию крупнейшего советского булгароведа А. П. Смирнова, по своей мощи намного превышала кавказские боевые башни [27, с. 93] и являлась серьезной стратегической базой по охране северо-восточных рубежей основных булгарских земель.

Еще одна группа городищ из пяти памятников занимает правобережье Шешмы в ее нижнем течении: Новошешминские II и III (№ 94, 95), Утяшкинское (№ 96), Елантовское (№ 97), Ошинское (№ 98). Эта зона была пограничной для основных земель Волжской Булгарии на востоке. Восточнее Шешмы, по р. Зай, булгарские памятники почти отсутствуют, за исключением нескольких местонахождений и Краснокадкинского городища (№ 99), расположенного на очень высоком правом берегу низовья этой реки и являющего собой яркий пример городища-крепости.

Помимо отмеченных групп имеются отдельные городища, которые служили для охраны фортификационных сооружений в виде длинных валов, некоторых городских центров, тех или иных районов. В системе укреплений по правобережью Утки имелись опорные пункты, представленные в настоящее время Танкеевским II (№ 48) и Маклашеевским (№ 49) городищами. Остатками таких же наблюдательных точек в зоне размещения больших фортификационных сооружений в левобережье Шешмы являются Сосновское I (№ 88) и Ивашкинское (№ 93) городища. К дополнительным форпостам при городах Булгаре и Суваре можно отнести городища Кривельское (№ 52) и Якимово-Стрелкинское (№ 85). Новоаксубаевское городище (№ 5) могло быть крепостью, наблюдательным пунктом за сухопутными караванными дорогами на юго-восток. Да и ряд других городищ-крепостей, несомненно, представляет остатки военно-стратегических точек, сыгравших немаловажную роль в политической жизни Булгарского государдства и его отдельных княжеств. Ознакомившись с булгарскими городищами-крепостями в отдельности и целой их системой в различных районах Среднего Поволжья в комплексе с большими оборонительными укреплениями, невольно убеждаешься в правоте слов А. П. Смирнова о том, что система булгарской обороны отвечала требованиям тогдашней военной техники и их военно-инженерное дело стояло на должной высоте [27, с. 89, 102]

Вот вкратце данные о булгарских городищах — остатках феодальных замков и военных крепостей, составляющих преобладающее число памятников с укреплениями. Небольшая часть планов городищ, известных еще в дореволюционное время, представлена в уже упоминавшихся работах Н. А. Толмачева и В. Карасева. Ряд планов городищ, обследованных в довольно большом количестве в 40-х — начале 50-х годов, содержит исследование Н. Ф. Калинина [15, с. 69] Основное число планов городищ-замков и военных крепостей представлено в серии публикаций автора в «Советской археологии» о результатах сплошного археологического обследования территории Татарии и сопредельных районов [18, с. 249, 250, 252; 30, с. 229; 31, с. 218], а также в его

монографии по истории Волжской Булгарии [22, с. 32, 33, 66, 69] К упомянутым работам мы и отсылаем уважаемого читателя для подробного ознакомления с этими интересными памятниками средневековой археологии Поволжья. Пользуясь случаем, считаем своим долгом отметить, что автору этих строк пришлось побывать на 79 городищах (что составляет половину всего количества городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства), вести на них исследования различной полноты; 35 из этих памятников выявлены и обследованы впервые в науке.

Хронологическая классификация городищ Волжской Булгарии и отчасти Казанского ханства выглядит следующим образом: 92 городища домонгольского периода, 13 — золотоордынского, 18 городищ обоих периодов, т. е. домонгольского и золотоордынского, 5 — периода Золотой Орды и Казанского ханства, 3 городища только времени Казанского ханства, 30 городищ пока не имеют точной даты вследствие недостаточности необходимых археологических и исторических датирующих данных.

География городищ дает следующую статистику: 99 в Закамье (93 из них в Западном Закамье между Волгой и Шешмой, т. е. в центральных землях бывшей Волжской Булгарии, 6 — в Восточном Закамье), 43 в Предволжье, т. е. в правобережье Волги, 19 в Предкамье — севернее Камы (17 из них в Западном Предкамье, так называемом Заказанье, между Волгой и Вяткой, 2 — в Восточном). Статистика по административным районам: 124 городища находятся в Татарской АССР, 30 в Ульяновской обл., 4 в Чувашской АССР, 3 в Куйбышевской обл. Помимо 18 исторических названий, которые носят остатки некоторых больших и средних городов или кремлей таких городов, что было отмечено выше, у большого числа городищ, остатков также городов, феодальных замков и военных крепостей зафиксированы местные названия. Наиболее широко распространенные названия: татарские — «Кала-Тауы» или «Кала-Тау» («Гора, на которой был город», «Городская гора»), «Кала» (Город), «Калалэр эсте» (Место города), «Кызлар каласы» (Девичий город), «Кызлар капкасы» (Девичьи ворота), «Иски-Юрт» (Старое жилище); русские — «Городок», «Татарский городок», «Татарское жилище», «Девичий город»; чувашские — «Хула-Ду» (Городская гора), «Хула-Вырын» (Место города), «Хир-Хула» (Девичий город). Следует отметить, что русские, переселившиеся на территорию Татарии во второй половине XVI — в XVII в., и чуваши, переселившиеся в начале XVIII в., переняли эти названия от местного населения. Кроме указанных имеются локальные, чисто индивидуальные названия, связанные с отдельными историческими личностями, этнонимами, тотемами и т. д.

Вот те краткие, обобщающие сведения о типологии, хронологии и исторической географии городов и городищ Волжской Булгарии (отчасти Казанского ханства), которые накоплены в результате долголетних стационарных и разведочных исследований, проведенных в Среднем Поволжье. Они ярко свидетельствуют не только о социально-экономическом развитии средневекового Булгарского государства, но и достаточно высокой, широко распространенной городской культуре его основного, коренного населения уже с начала X в. Тезис С. А. Плетневой о том, что элементы кочевничества слабо прослеживаются в Волжской Булгарии [32, с. 110, 111] (речь идет о IX—X вв.), прекрасно подтверждается сводными данными о булгарских и булгаро-татарских городах и городищах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. Т. I—V М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961—1965.
2. *Рычков П.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767
3. *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 г СПб., 1770.

4. *Рычков Н.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства, 1770 г СПб., 1772.
5. [*Второв Н. И.*] Памятники древности в пределах Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Ч. XXXVIII. № 8.
6. *Артемьев А.* Древний болгарский город Жукотин. СПб., 1851.
7. *Невоструев К. И.* О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. 1871. Т. II.
8. [*Вячеслав Н.*] Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874.
9. *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
10. *Толмачев Н. А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. 1884. Т. 1. Отд. 1.
11. *Поливанов В. Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.
12. *Фахрутдинов Р. Г* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975.
13. *Пономарев П. А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии // ИОАИЭ. 1892, 1893. Т. X. Вып. 3, 5; т. XI. Вып. 2, 4.
14. *Карасев В.* Материалы для археологической карты Казанской губернии: Отчет о поездке в Чистопольский уезд // ИОАИЭ. 1911. Т. XXVII. Вып. 1.
15. Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1946—1952 гг.// Тр. КФАН СССР. Сер. ист. наук. Казань, 1954.
16. *Фахрутдинов Р. Г* Картографирование и классификация городищ Волжской Булгарии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в СССР в 1970 г. (археол. секции). Тбилиси, 1971.
17 *Фахрутдинов Р. Г* Новые городища и укрепления Волжско-Камской Булгарии // Тез. докл. итоговой науч. сес. ИЯЛИ им. Г Ибрагимова АН СССР за 1970 г. Казань, 1971.
18. *Фахрутдинов Р. Г.* Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.)// СА. 1981. № 1.
19. Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
20. Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987.
21. Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988.
22. *Фахрутдинов Р. Г* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
23. *Минаев И. П.* Путешествие Марко Поло. СПб., 1902.
24. *Семенов В.* Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
25. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в./Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Скржинской Е. Ч. Л.: Наука, 1974.
26. *Смирнов А. П.* Сувар // ТР ГИМ. 1941. Вып. 16.
27. *Смирнов А. П.* Волжские булгары // Тр. ГИМ. 1951. Вып. 19.
28. *Хлебникова Т. А.* К истории Жукотина (Джуке-тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.) // СА. 1975. № 1.
29. *Фахрутдинов Р. Г* Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984. № 4.
30. *Фахрутдинов Р. Г* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. 1969. № 1.
31. *Фахрутдинов Р. Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии // СА. 1978. № 1.
32. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

R. G. FAKHRUTDINOV

THE BULGAR FORTIFIED SETTLEMENTS' CLASSIFICATION AND TOPOGRAPHY

The author provides a generalised picture of all the fortified settlements of the Volga Bulgaria dated to the pre-Mongol and the Golden Horde period and partly to the time of the Kazan Khanate. All in all 161 settlements are know today. The article touches on their typology and chronology and historical topology. The settlements are divided into three groups according to the size, shape, the nature of defence constructions, the thickness of the cultural layer, the presence or absence of neighbouring settlements and the topography. There are three groups: (1) remnants of the settlements and their kremlins (38); (2) feudal castles (73) and (3) military fortifications (39). Lack of the necessary information prevents the author from classifying eleven sites. The settlements can be divided into large (more than 100 hectares), average and small. The greater part of them preserved their historical names in written sources and folk memory. The bulk of them (80 per cent) are found on the territory of the Tatar Autonomous Republic. The author has studied in greater or lesser detail half of the sites. The great number of urban settlements that were found in all three geographical regions of the Middle Volga is a graphic evidence that the Bulgar state enjoyed a high social and economic development level and that starting with the early 10th century urban culture was deeply rooted there.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

О НАДПИСИ НА «КРЕСТЕ» МАНАСИИ (С. ЦАР АСЕН, БОЛГАРИЯ)

В 1954 г. при раскопках средневековой крепости в низовьях Дуная был найден своеобразный памятник в виде четырехгранной многоступенчатой пирамиды из известняка. На всех его гранях — рисунки и орнаменты, а на лицевой — рельефное изображение четырехконечного симметричного креста на постаменте. Возле креста и на постаменте в несколько рядов вырезаны надписи, переходящие на соседнюю правую грань пирамиды (рис. 1).

Этот памятник со славянскими надписями впервые был опубликован только в 1980 г. Н. Ангеловым. Издатель дал первое прочтение надписи и определил находку как надгробный памятник монаха Манасии. На основании палеографического анализа и археологической среды (камень был найден в насыпи возле восточного входа крепости, сооруженной в начале X в.) он датировал надписи концом IX в., предположив, что камень с рисунками и надписями был переиспользован при сооружении крепостных ворот. Там же приведено подробное описание памятника и прочитанные Н. Ангеловым надписи [1, с. 35—38] Как он справедливо считает, читать ее следует с той стороны, где находится изображение креста. В средокрестии читается: НС҃Ъ ХР҃СЪ, ниже начинается связный текст: Nи ГО҃С ПЖ҃Н; эта строка продолжается уже на соседней грани:

Ъ ДЄNЬ

ПОСТАВЛЄNЬ

КРСТЬ

.СЪ ЭѠРК

...МЬ НЗВА

....Ь ТЬ

.....Ч Ж

На лицевой стороне, на специально подготовленной выпуклой площадке, служащей основанием креста, прочитано

ГН ПОМѮЛОУН М

МАNАСНЇNЪК

Н. Ангелов отмечает наличие глаголических букв «иже» — в слове «помилуй» и трех, по его мнению, с титлом и лигатурой в начале пятой строки), затрудняющих прочтение. Это обстоятельство и утраты букв в следующих строках

© А. А. Медынцева, 1990 г.

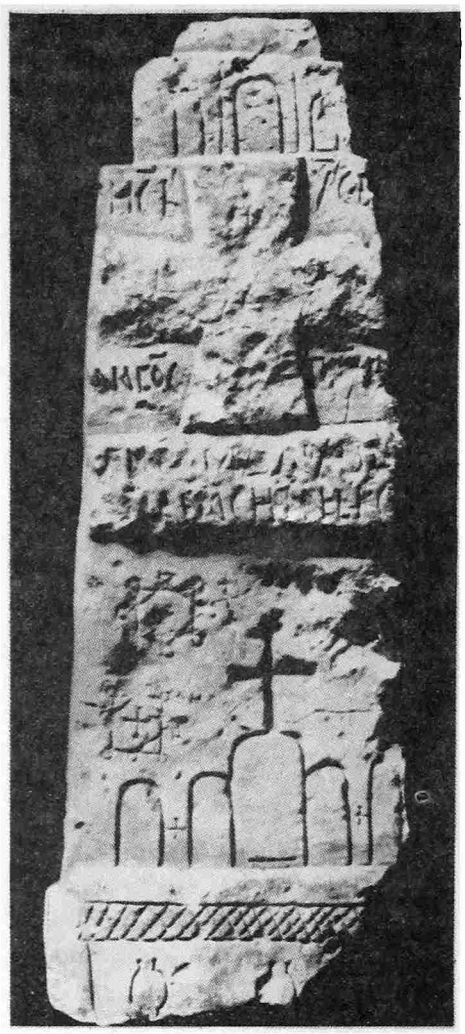


Рис. 1 «Крест» инока Манасии. Общий вид, лицевая сторона

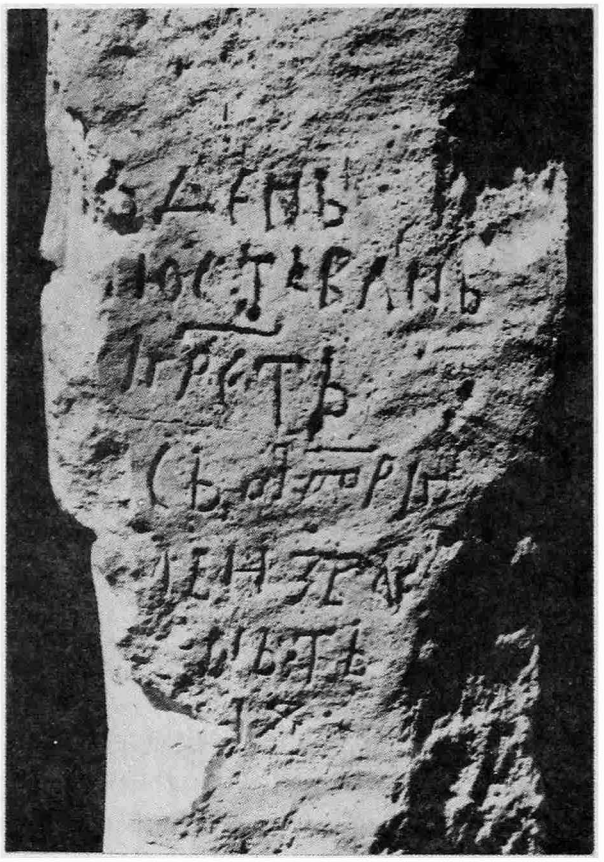


Рис. 2. «Крест» Манасии. Надписи правой грани

помешали целостному прочтению надписи. На основании прочитанной части Н. Ангелов в общих чертах объясняет найденную «пирамиду» как надгробный памятник монаха по имени Манасий. На правой ее грани указан день установки памятника — «на госпожин день», праздновавшийся, как он полагает, 28 августа. Остатки известкового раствора на правой и левой гранях памятника, найденного в насыпи перед входом в восточные ворота, показывают, что он был использован при ее строительстве. Так как строительство укреплений на основе стратиграфических наблюдений и находок (керамика и монеты) относится к началу X в., то Н. Ангелов датировал памятник с надписями концом IX в., чему не противоречит и палеографическая датировка — вторая половина IX — начало X в.

Публикация этого памятника привлекла внимание прежде всего наличием глаголических букв, как один из ранних примеров, где смешивается глаголическое и кирилловское письмо. Удалось прочесть глаголические буквы в четвертой строке надписи на правой грани, где предполагалась лигатура двух букв (рис. 2). Как показывают изучение надписи в натуре и контекст, скорее всего здесь имеется ошибка писца, который начал вырезать букву Ⱁ /O/ и по каким-то причинам вынужден был вырезать ее еще раз, правее. Следующая глаголическая буква ⰒⰏ /T/ с титлом над ней читается отчетливо, полностью все слово читается как Ⱁ ⰒⰏ РКМЬ — ОТРОКОМЬ [2, с. 27—37]

Наличие глаголических букв в надписи, найденной в восточной Болгарии, увеличивает количество известных нам памятников эпиграфики глаголического письма X в. и подтверждает точку зрения, что глаголица уже в столь раннее время использовалась наряду с кириллицей в северо-восточных болгарских землях.

Несколько позднее К. Попконстантинов делает попытку дать полное прочтение надписи и уточняет ее датировку и назначение самого памятника [3, с. 43—49]. Он восстанавливает утраченные буквы в начале последних двух строк, предлагая следующее чтение: НЗ ВИЗ[И]НЪ ТНЖ, считая, что в этих строках надписи указано происхождение отрока — Вазантион (Константинополь), так как это наименование Константинополя продолжает употребляться в X в. В таком понимании — отрок — должно означать слуга, юноша (из Константинополя) (рис. 3).

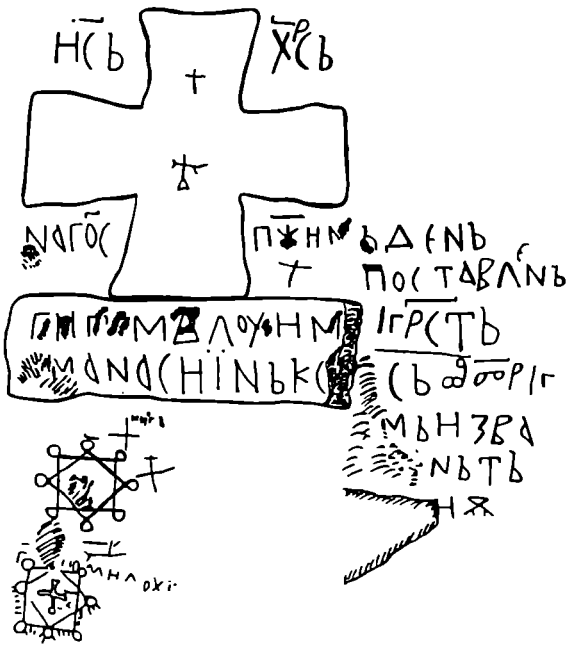


Рис. 3. Прорись надписей на «кресте» Манасии

По его мнению, сложная композиция надписи позволяет по-разному восстанавливать ее смысл. В качестве равноправных вариантов он предлагает такие переводы: «Исус Христос. На Госпожин день (Успение Богородицы) поставлен крест, Господи, помилуй меня, Манасия инока (монаха) с отроком из Византион (Константинополя)». Или: «На Госпожин день поставлен крест с отроком из Византион. Господи, помилуй меня Манасия инока с...» [3, с. 47].

Сам памятник К. Попконстантинов не считает надгробным, как это и следует из полностью прочитанного текста. Он также высказывает предположение о личности «инока Манасия». По его мнению, он мог быть выходцем из какого-то цареградского монастыря и прийти со своим отроком в Болгарию исполнять просветительскую деятельность в северо-восточных землях болгарского государства. Основываясь на палеографических особенностях надписи и ее исторической интерпретации, К. Попконстантинов датирует ее концом IX — началом X в. Он также предполагает, что памятник был использован как строительный материал, но не во время первичного строительства крепостных сооружений, а при восстановлении крепости, позже, во второй половине X в., так как этот район был активной ареной сражений между русскими войсками и византийскими после 971 г. [3, с. 48].

Таким образом, надписи и сам памятник получили полное истолкование.

Присоединяясь к исследователям надписи, отмечавшим ее важность для истории болгарской культуры как по ранней дате, необычности самого памятника, достаточно обширным надписям, так и особенно по использованию в них двух алфавитных систем, следует отметить, что не все ясно в прочтении надписей. Прежде всего сомнения вызывает прочтение последних трех строк на правой грани из-за необычности предположительного написания — **ВНЗАНЪТНѪ** и падежной несогласованности. Отсутствующие буквы (даны в квадратных скобках) логичнее восстановить следующим образом:

ꙋ҃ РКМЬ ИЗВА[Ꙗ]NЪ ТЪ[ЩАN]НѪ.

В слове «изваян» отсутствует только одна буква — в начале предпоследней строки — **Ꙗ** или, если судить по остатку сохранившейся горизонтальной черточки,— ѣ; такая замена (ѣ вместо **Ꙗ**) часто встречается в других древнеболгарских текстах. «Изваян» — производное от глагола «**ВАЮТН**», зафиксированного уже древнейшими письменными памятниками. В тексте «Изборника 1073 г.» встречено слово «**ИЗВАЮNНЄ**» [4, стб. 1037] Применение этого глагола оправдано сложной формой памятника. От одной до трех букв утрачено в начале последней строки. От всего слова сохранилось только: **тъ···нѫ**. Скорее всего отсутствуют буквы **ЩАN** в начале последней строки, а все слово восстанавливается как **ТЪ[ЩАN]НѪ** — (тв. п. ед. ч. от) **ТЪЩАNНЄ** — поспешание, ревность, старание, усердие. В таком значении оно встречается в древнейших рукописях (X—XI вв.), например в Остромировом евангелии (1056 г.) [5, стб. 1060]. Величина скола в начале строки вполне допускает наличие трех букв; кроме того, слово могло быть написано и под титлом. Но все же расположение строк указывает, что скорее всего здесь было не более трех букв, что позволяет предположить использование **Щ** вместо ШТ.

При такой реконструкции окончание следует понимать как «Отроком изваян, усердием», т. е. по усердию (творительный падеж причины). Единственное противоречие — окончание **НѪ** вместо ожидаемого **ЄМЬ**, т. е. в данном случае слово склоняется по образцу слов женского рода и именительный падеж мы должны восстанавливать как **ТЪЩАNЬ** вместо **ТЪЩАNНЄ**.

Но история русского словообразования убедительно демонстрирует, что от одной основы слова были возможны синонимические образования, оформленные либо разными суффиксами, либо с нулевой суффиксацией. Исследователями отмечается устойчивая синонимия слов начиная с памятников XI в., типа: студенъ, студена, студено, *студень* [1] [6, с. 40—42].

Эти процессы, устойчиво засвидетельствованные русскими памятниками, позволяют предположить аналогичные явления и в памятниках южнославянских и подтверждают предложенное прочтение последнего слова текста.

Надпись не имеет аналогий в древнейших болгарских текстах, но использование подобной формы в более поздних, в основном русских, убеждает в правомерности такой реконструкции. Например, во вкладной надписи на киоте архиепископа Дионисия (1383 г.) говорится: «**БНЪЮ СТР/АС/ТН ВЕЛНВОГО БОГА СП/А/СА НАШЕГО ХРНСТА ПРЕНЕСЕНЪІ ПОДЩАНЬЄМ МНОГІМ Н ПОДВНГОМ**» [7, с. 47]. Или другой пример — из Лаврентьевской летописи, повествующий о благочестивых деяниях Андрея Боголюбского: «...по вере же его и по тщанью его к святей Богородице» [8, с. 349].

Встречается глагол «потщатися» и в ктиторской надписи Николая-Драгослава Тутича (1332 г.) из Сербии. Хотя сама плита с надписью разрушена, сохранившиеся фотографии фрагментов и прориси позволяют полностью восстановить ее текст. В нем говорится, что Николай, в мире — Драгослав Тутицъ с «подругом» Белом «...**ПОТЬЩАСВѢ СЄ**» сотворить храм святого Николы [9, с. 52—53]. Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в распро-

[1] Пользуясь случаем, выражаю благодарность Т. В. Рождественской за консультацию по этому поводу и указанную литературу.

страненности подобной вкладной формулы, где указывается, чьим «тщанием», «поспешанием» произведено какое-либо благое деяние, что подтверждает и правомерность предложенной реконструкции текста.

Но такое прочтение позволяет несколько по-иному интерпретировать надпись. Очевидно, основной текст находится на лицевой стороне, под изображением креста: «Господи помилуй мя. Манасий инок». Здесь следует видеть две фразы, так как два последних слова употреблены в именительном падеже, это подпись заказчика — Манасия-инока. Остальной текст начинается на лицевой и продолжается на правой грани: «**НА ГОСПОЖ/Д/НЬ ДЕНЬ ПОСТАВЛЕНЬ КРС҃ТЬ СЬ ОТРК(О)МЬ НЗВА/Ѣ/НЬ ТЬ[ЩАН]** НѪ.— «На госпожин день (Успения Богородицы — 15 августа, по старому стилю) поставлен кресть сей, отроком изваян тщанью (поспешанием)».

Данный контекст требует перевести СЬ как указательное местоимение мужского рода — СЬ (сей).

По общему смыслу аналогию этой надписи представляет текст вкладной надписи на кресте Симеона-чернеца из Новгорода: «Господи, спаси и помилуй раба своего Симеона грешнаго чернеца Оркажа манастыря. Аминь. А поставлен святый крест сей в лето 6742-е, месяца августа в 15 день на память святыя Богородицы Успение владычица» [7, с. 38, 39]. Совпадают даже монашеский сан заказчика и день «поставления» креста. Новгородская запись отличается более развернутым текстом и наличием даты, в болгарской указан еще и непосредственный исполнитель. Возможно и иное понимание слова «отрок». Смысл его: «отрок, мальчик, слуга» — распространен во многих славянских языках [10, с. 172, 173] и допустим в данном контексте. Но все же, как правило, во вкладных надписях указывается имя заказчика или исполнителя. «Отрок» может быть и личным именем. По древнерусским источникам XVI—XVII вв. известно имя Отрок, Отрошко [11, с. 349, 350]. В русских летописях это имя встречается и в более раннее время: Отрок, спасший киевлян во время осады Киева печенегами (968 г.), Отрок (Отрак) — князь половецкий (1257 г.). Поэтому более оправданным будет понимать это слово как имя собственное, возможно, тюркского происхождения, так как и киевлянин Отрок был, вероятно, жителем южнорусских степей. Во всяком случае летопись рассказывает, как он пробрался сквозь печенежские заслоны с уздечкой в руке, спрашивая: «не видали ли где моего коня?» [12, стб. 54, 716]. Не исключено, что имя Отрок (Отрак) из надписи Манасии — протоболгарское. Это допущение объясняет, почему в начале имени он начал вырезать глаголическое ꙋ ꙋ (у) (нижнюю часть) и лишь потом исправил на ꙋ /о/ Такое колебание в произношении о>у засвидетельствовано в древнетюркском словаре, а стойкое изменение о>у сохранено в ряде поволжских тюркских языков (татарском, чувашском, башкирском) [13, с. 15]

Возможен вопрос о соотношении имен Манасий и Отрок, одно ли это лицо или два? К сожалению, по тексту надписи это установить невозможно. Могло быть, что Отрок — мирское имя Манасия, но не исключено, что Отрок — второе лицо, непосредственный исполнитель памятника (ваятель) и надписей, в пользу чего говорит более мелкий почерк последних строк. В древнерусских вкладных записях нередко встречаются имена не только заказчиков, но и исполнителей, и тогда они исполняются более мелкими буквами или даже зашифровываются тайнописью [7, с. 38, 39] Кроме того, в древнерусских рукописях известны случаи, когда имя писца пишется глаголицей. Некоторые исследователи были склонны видеть в этом тайнопись, другие считали, что, напротив, писцы щеголяют знанием глаголицы, желая обратить внимание читателей на свое имя [14, с. 250] Вероятно, и в надписи «на кресте» Манасии мастер-исполнитель выделил свое имя начальными глаголическими буквами.

Палеографические особенности надписей достаточно подробно рассмотрены в предшествующих публикациях, поэтому нет необходимости останавливаться на них еще раз. Необходимо лишь коснуться одной графической особенности. К. Попконстантинов считает, что в надписи 10 раз встречен знак Ъ, снабженный

небольшим (1—2 мм) косым отчеркиванием. Скорее всего, это знак **ь** с небольшим отчеркиванием вертикальной мачты. Это особенно наглядно демонстрирует конечный **ь** в слове «**ОТРКОЛЬ**», где должен быть на конце **ь** и в указательном местоимении **сь**. Но такие же начертания имеет этот знак в словах «**КРСТЬ**», «**ТЬЦИИNНЖ**», где должен быть **ъ**. Таким образом, перед нами одноеревый памятник, где используется один лишь знак — **ь** для обозначения обоих редуцированных.

Как известно, в южнославянских рукописях правописные школы с использованием одного знака для редуцированных (**ъ** или **ь**) появляются уже в X—XI вв. Известны они и среди древнейших памяников болгарской эпиграфики. В частности, к одноеревой школе, использующей только один знак — **ь** относятся надписи из Круглой церкви в Преславе [15, с. 31; 16, с. 89—95].

Исследователи по-разному определяют время возникновения и причины появления одноеревых систем, но большинство признают их использование уже в болгарских памятниках X в. В последнее время одноеревые тексты стали известны в русских рукописях и памятниках эпиграфики, связанных с болгарской графической традицией [17, с. 49—61; 18, с. 21—27; 19, с. 41—45]. Это обстоятельство имеет значение и для датировки болгарских письменных памятников этой школы, не имеющих абсолютной датировки. На Руси они появляются уже в 70-х годах X в., что дает абсолютный хронологический критерий и для памятников Болгарии — не позже этого времени. К одноеревой школе, вероятно, относится и надпись на «кресте» Манасии. В этой надписи отражена и другая особенность одноеревых памятников — отсутствие иотации (**ТЬЦИИNНЖ**).

Отнесение надписи к IX — началу X в. вполне допустимо, хотя отсутствие датированных памятников IX в. не позволяет обосновать раннюю дату, тем более, что в надписи есть пример с прояснением слабого «**ДЄNЬ**», но в надписях, непосредственно связанных с живой речью, многие фонетические процессы засвидетельствованы раньше, чем в рукописях. Во всяком случае датировка надписи X в. не может быть оспорена, и вполне вероятно вторичное использование камня при переустройстве крепости в 70-х годах X в., как предполагал К. Попконстантинов. Необходимо отметить, что использовался он, конечно, не как обычный строительный материал. Крест был вмонтирован в крепостную стену над воротами лицевой стороной наружу, о чем свидетельствует отсутствие строительной штукатурки на лицевой стороне. Это говорит об отношении к нему как к сакральному и декоративному элементу. Таким же образом вторично, в более позднее время, использовался уже упоминавшийся русский памятник — крест Симеона-чернеца вместе с другим, безымянным. Оба они были вмонтированы в городскую стену Новгорода по сторонам иконы Николая в Никольской часовне у бывших Владимирских кремлевских ворот [20, стб. 94].

Остается лишь сказать несколько слов о названии памятника, найденного в безымянной средневековой крепости у современного села Цар Асен. Следуя за автором надписи (Манасием, Отроком?), он назван «крестом», но в сущности таковым не является. Его сложная скульптурная форма схематично изображает, вероятно, модель многоярусной церкви с куполом. Этот замысел подчеркивается рисунками многокупольных церквей в разрезе, изображенными на боковых гранях памятника.

Необычная форма, уникальность самого памятника, плохая сохранность надписи сильно затрудняют его интерпретацию. Пока ничего нельзя сказать о личности «инока» Манасия и конкретной причине «воздвижения» креста. Но обращение к другим, аналогичным памятникам, особенно русским (вкладным, обетным записям, русским летописям и другим материалам), помогает не только сопоставить данный памятник с близкими ему по назначению, но и более точно прочесть и истолковать текст надписи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ангелов Н.* Старобългарски надпис от края на IX в. от с. Цар Асен, Силистренски окръг // Археология. 1980. Кн. 2.
2. *Попконстантинов К., Медынцева А.* За глаголическите надписи от X в. // Археология. 1982. Кн. 2.
3. *Попконстантинов К.* За четенето и толкуването на надписа от с. Цар Асен, Силистренски окръг // Археология. 1982. Кн. 3, 4.
4. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893.
5. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903.
6. *Николаев Г А.* Русское историческое словообразование. Казань, 1987
7. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. // САИ. 1964. Вып. Е1-44.
8. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
9. *Томовић* Г Морфологіа кириличких надписа на Балкану. Београд, 1974.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971.
11. *Тупиков М. Н.* Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. 1903. Т VI.
12. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1908. Т. II.
13. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
14. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
15. *Гълъбов Ив.* Старобългарски език с увод в славянского езикознание. София, 1980.
16. *Медынцева А., Попконстантинов К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984.
17. *Медынцева А. А.* Новгородские надписи и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4.
18. *Рождественская Т. В.* Основні етапі розвитку східнослов'янскоі писемності та давньоруська епіграфика // Мовознавство. 1985. № 5.
19. *Рождественская Т В.* Письманная традиция северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987
20. *Арх. Макарий.* Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Изв. РАО. 1861. Т. II.

A. A. MEDYNTSEVA

ABOUT THE INSCRIPTION ON THE CROSS FROM THE VILLAGE OF TSAR ASEN (BULGARIA)

Summary

The author describes an original limestone memorial dated to the 10th century that carries Cyrillic and Glagolitic inscriptions found in Bulgaria. She compares the „cross" with similar objects (including Russian crosses) and suggests her interpretation of the inscriptions.

О. Г. УЛЬЯНОВ

К ПРОБЛЕМЕ РАБОТЫ «ПО ОБРАЗЦУ» В МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОРУЖИЯ XVI—XVII ВВ.

Выбранная нами тема представляет своего рода terra incognita не только для специалистов-оружиеведов, но и для любого исследователя средневекового ремесла. Сразу оговоримся, что понятие «образец» нами рассматривается применительно к художественному оружию позднего средневековья, исключая уставные образцы строевого вооружения.

Разнообразие технико-технологических возможностей русской оружейной школы, функционирующей определенным образом как «открытая система», отражает целый ряд описей Оружейной палаты XVII в., где упоминаются сабли, выполненные на «турской, ширинской, кизилбашской, тавризской, литовский выков» или на «черкасское, польское, угорское, немецкое дело». Однако в данной работе тип оружия, взятый за образец в современной ему историко-культурной ситуации, не станет объектом исследования.

Наше внимание привлек в этой проблеме аспект «традиционализма», когда исключительный по уровню своего исполнения памятник художественного ремесла, попадая спустя длительную временну́ю лакуну в совершенно иную культурную среду, обретает какое-то «возрождение» в создаваемых «по его образу и подобию» репликах. В качестве ближайших параллелей можно привести шедевр русского черневого дела XVI в.— блюдо царицы Марии Темрюковны и по крайней мере три известные на сегодняшний день копии с него, выполненные в XVII в.

Надо заметить, что, называя памятник шедевром, мы не следуем за буквальным значением этого термина в цеховой организации западноевропейского типа; вопросы квалификации, работа «по образцу» на звание мастера требуют специального изучения и в настоящее время в отношении ремесленных корпораций на Руси остаются открытыми.

Эзотерический характер технического обучения в средневековье, когда «ремесло было мастерством, а мастерство — искусством», предусматривал непрерывное совершенствование определенного ремесла из поколения в поколение, что вело к созданию высокой традиции и предельному раскрытию технических и художественных возможностей производства [1, с. 221, 222]

Как отмечают исследователи, средневековому сознанию присуще восприятие любого обновления как реставрации, как возвращения к прошлому, ибо только от века существующее могло иметь моральную силу и непререкаемый авторитет. К тому же средневековое знание было «знанием об умении»: чтобы познать вещь, освященную вековой традицией, надо ее сделать [1, с. 195; 2, с. 31, 35]

Исследование обозначенной нами проблематики строится на материалах одной из старейших в Европе коллекций Оружейной палаты Московского Кремля, которая впервые была выделена как особое хранилище оружия из остальной Государевой Казны в 1508 г., при учреждении великим князем Василием III особого звания оружничего [3, с. 188] Источники формирования и местонахождение данной коллекции обусловили наличие в ней исключительных образцов скорее церемониального, нежели боевого назначения, где слились воедино техническая мысль и художественная одаренность оружейников.

© О. Г Ульянов, 1990 г.

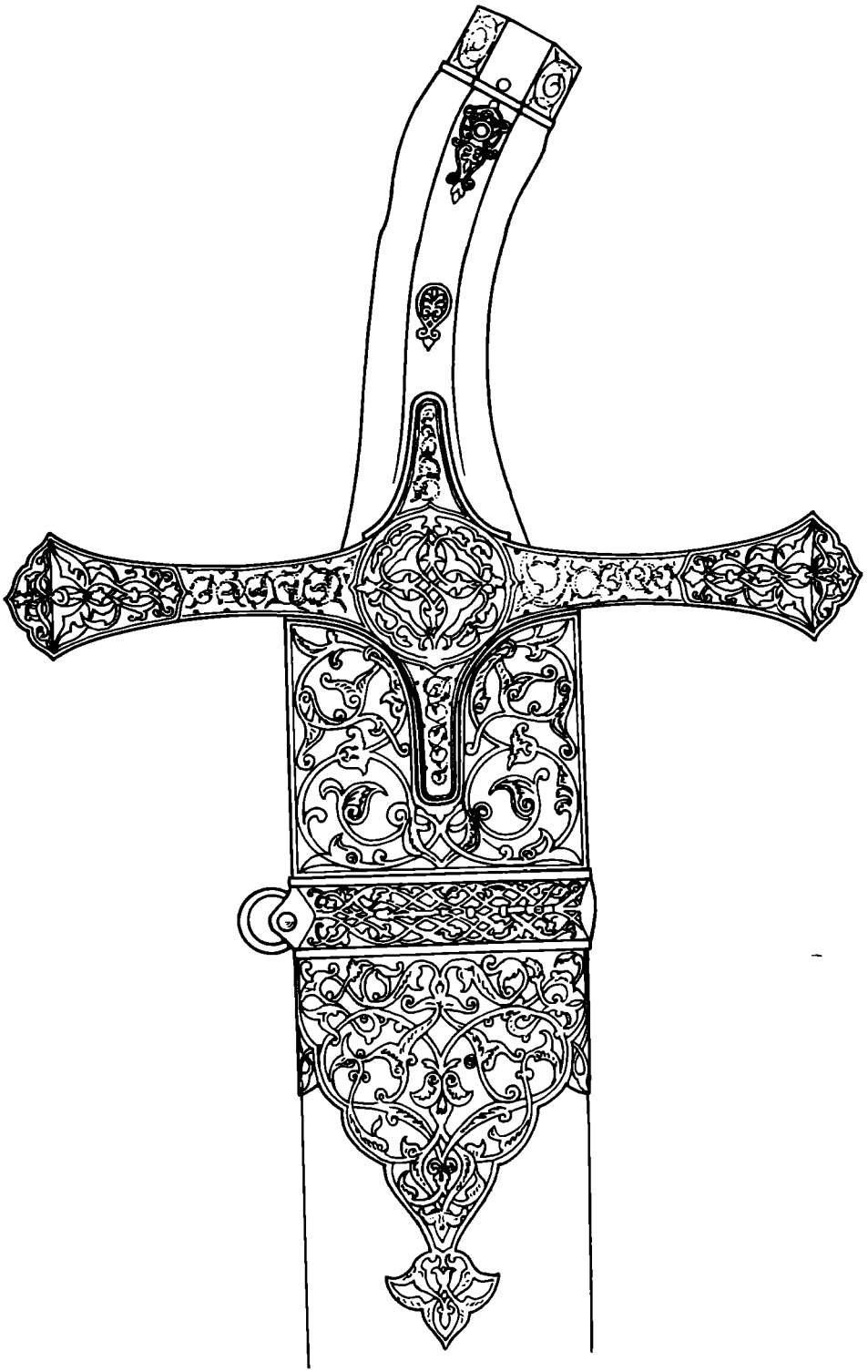


Рис. 1. Рукоять и устье ножен сабли князя Ф. М. Мстиславского. Прорисовка

Ко времени зарождения Оружейной палаты относится редчайший образец парадного оружия русской знати — сабля князя Федора Михайловича Мстиславского (? 1550 г.), находившая до сих пор лишь косвенное упоминание в литературе [4, с. 30; 5, с. 145] В настоящей работе автор полемизирует с принятой точкой зрения на происхождение этого памятника из Турции (рис. 1).

Среди дошедшей до настоящего времени продукции европейских оружейных мастерских позднего средневековья сабли столь раннего времени, тем более выполненные с исключительным художественным мастерством, весьма

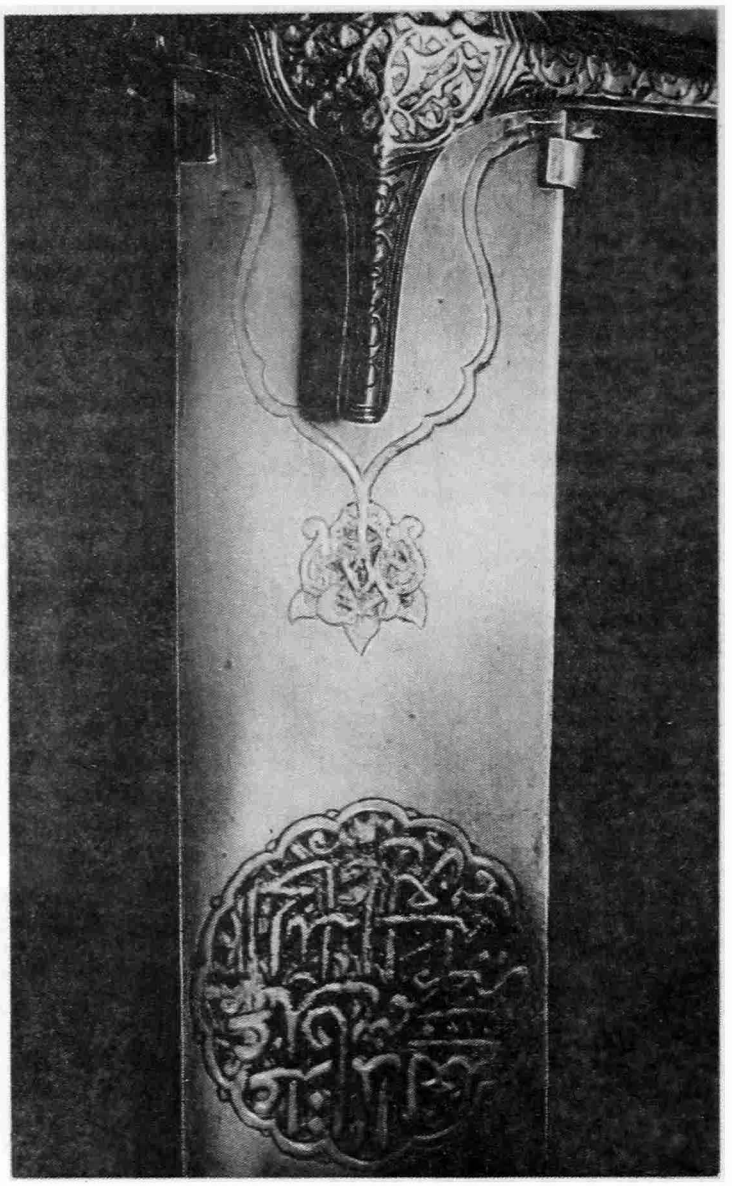


Рис. 2. Стилизованный «отметец» на пяте клинка и арабское клеймо

редки. Именно этими обстоятельствами вызвано впервые предпринимаемое специальное исследование этой сабли в рамках нашей темы.

Сабля князя Ф. М. Мстиславского состояла в основном собрании Оружейной палаты и в наиболее полной из ранних описей Государевой Казны 1687 г. записана [1] как «сабля булат красной дол кованой ширинской, а на нем мишень слова арапские и каемка наведены по нареске золотом, на обрезе на тылье подпись: „сабля княж Федора Михайловича Мстиславского", по обе стороны подписей и на черену травы наведены золотом по нареске, на ножнах оправа

Здесь и далее сохраняется орфография первоисточника. Попутно заметим, что в делопроизводной записи XVII в. огниво и набалдашник описаны вслед за ножнами, будучи объединенными понятием «оправа», что подразумевало нередко в XVII в. работу мастера определенной специальности — сабельного мастера и огнивщика. Так, в челобитной 1653 г. мастера Бронной слободы Андрона Ефремова царю Алексею Михайловичу говорится: «...пожалуй меня... быть в Оружейной палате **у своего Государева дела** в сабельных мастерах и огнивщиках» [6; 7, с. 60].

серебряная, резная, **с огнивом и набалдашником,** в четырех местах травы на обрез, пояс шелк червчат с серебром, оправа на поясу серебряная воляшная, в четырнадцати местах, на ножнах хоз черной» [8, л. 52, № 28]

В описи Оружейной палаты 1885 г. содержится более точная характеристика сабли, и в частности перевод арабского клейма (рис. 2) на клинке: «полоса булатная, по турецкому образцу, на пяте мишень с отметцем были золочены; выше мишени круглое клеймо с арабской надписью в переводе: „Будет крепкая защита во брани" и „Изделие мастера Касима из Каира"» [9, ч. 4, кн. 3, с. 180, 181, № 5921]

Рассматриваемая нами сабля (ГММК № 6229 охр.), в ножнах с поясом достигающая общего веса в 2,6 кг, поражает редкой величиной, которая особенно выделяет ее в собрании сабель Оружейной палаты. При общей длине 1015 мм длина клинка составляет 860 мм с шириной у пяты 55 мм и в начале елмани 60 мм. Столь же внушительно выглядит массивная рукоять при длине черена 125 мм и креста с перекрестьем — 220 и 97 мм соответственно. Наконец, ножны достигают длины 960 мм с шириной 80 мм у обоймицы.

Полоса сабли изготовлена из бледно-тусклой дамасской стали, носившей на Руси название «булат» (ср. иран. пулад джадхердер — «волнистая сталь»), той ее разновидности, что именовалась «шам» (турецкое название Сирии). Этот весьма низкий сорт булата отличает рисунок, линии которого почти прямые, с незначительными изгибами и поворотами. Восточные клинки с подобным рисунком стали ведут свое происхождение из Малой Азии, Албании, Египта (откуда родом мастер нашего клинка), а также Стамбула [2]

Следует иметь в виду, что для восточных клинков в определенной степени была решена и проблема некоторой хрупкости полосы из такой стали за счет особых типов «выкова» (например, «тавризского», «черкасского» или «турского», как в нашем случае), при которых сила сопротивления клинка увеличивалась выковкой широкого тупья (максимальная ширина тупья у пяты клинка сабли князя Мстиславского — 9 мм), утолщенного лезвия, а также разного вида долов.

Вдоль всей полосы исследуемой сабли проходит широкий отлогий дол, охарактеризованный в описи 1687 г. как «кованой ширинской». Имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении историко-лингвистические свидетельства позволяют связать происхождение этого термина с волжскими владениями беев Ширинских — завоевателей Крыма. На Руси первые выходцы из Ширинских появляются при великом князе Иване III, а в первой половине XVI в. получает известность как боевой воевода Иван Васильевич Ширинской.

Национальные традиции военного дела, как в технике, так и в тактике сориентированные на лучшие достижения западных и восточных оружейников, вполне допускали использование конструктивных особенностей их продукции [11, с. 324, 325] По отношению к «ширинской» традиции данный вопрос приобретал особую остроту в силу постоянных набегов крымских татар; к тому же устойчивый интерес России к волжскому региону, в частности к Астрахани, был обусловлен известными здесь «булатного сабельного дела сварщиками самыми добрыми мастерами» [10, с. 42, 43]

Популярность «ширинского» дола на саблях XVI—XVII вв. подтверждает опись 1687 г., где упомянуты «полоса булат красной турское дело ширинской дол», «полоса черкасская штыком, гладкая, демешковая, дол ширинской», наконец, русская полоса «булат красной на турское дело, делана из булатных головень, по обе стороны дол ширинской с опушкой» [8, л. 64, № 10, л. 18, № 33, л. 65, № 12]

Последнее замечание относительно «булатных головень» указывает на то,

---

[2] В собрании Эрмитажа на клинке из булата того же сорта таушировано золотом надпись «Бейад Истамбул» — «Белизна Стамбула» [10, с. 32, ф. 7]

что при изготовлении русским оружейником булатной сабли по турецкому образцу использовалось привозное сырье, которое, по описаниям европейских путешественников, вывозилось из Индии на Дальний Восток, в Японию, Аравию, Сирию, Персию и Россию слитками размерами с небольшой хлебец весом в 600—700 г. [12, т. I, с. 401].

По всей видимости, Россия получала это сырье через Иран, так как во время приема в июле 1613 г «поминок» от кизылбашского шаха Аббаса I Великого (1587—1628 гг.) царю Михаилу Федоровичу составлявший «ценовную» память дьяк различал «кашанский», «ширазский» и «кизылбашский» булат [10, с. 41] Не случайно по договорной записи 1634 г. между Россией и Голштинией вывоз оружия из Персии составлял привилегию русских купцов. В то же время оружейники на Западе в отличие от своих русских коллег ни в XVI, ни в XVII вв. не обладали мастерством проковки булата из привозного сырья [12, т. I, с. 402]

Кроме отмеченных «ширинского» дола и прямого широкого тупья для сабли князя Ф. М. Мстиславского характерна несколько выступающая елмань, далее к острию — клинок двулезвийный. По тупью золотом насечена надпись о принадлежности, обрамленная с двух сторон узором в виде вьющегося спиралью стилизованного стебля (рис. 3). В палеографическом отношении можно заключить, что надпись была исполнена на Руси в XVI в., чему подтверждением служит написание букв «Я» и «Фита», традиционное для XVI в. и почти не встречающееся в XVII в. [13, табл. 10, с. 368] Того же происхождения и одновременная ей орнаментальная кайма.

Рис. 3. Надпись с именем владельца на тупье клинка. Прорисовка

Судя по описи 1885 г., ближе к острию на тупье была также золотая насечка, которая к настоящему времени совершенно счистилась. Однако в нашем распоряжении имеется насечка на пяте клинка, сохранившаяся достаточно отчетливо, несмотря на утрату золочения (рис. 2).

В первую очередь нужно заметить, что образующий узор трехлопастный картуш, увенчанный стилизованным растительным «отметцем», как бы облегает нижний шип перекрестья, а подобная деталь возможна лишь при одновременном исполнении насечки на пяте клинка и общей монтировки сабли. В противном случае наблюдалась бы явная несогласованность, которая нередко обнаруживается при использовании европейскими оружейниками привозных восточных полос, чей подчас уникальный золотой узор большей частью оказывается скрытым под крестовиной.

Особый интерес вызывает сам «отметец», представляющий собой сердцевидную композицию из сплетающихся жгутов, увенчанную (рис. 4) ростком. Впервые этот мотив как главный символ флоры в Древней Руси был разобран Б. А. Рыбаковым на примере ритуальных серебряных браслетов XII—XIII вв. [14, с. 705, рис. 126, 133] Исследовательница плетеного орнамента А. К. Елкина, опираясь на известный складень Лукиана 1412 г., назвала данную композицию «узлом живота и смерти» [15, с. 66, 67, рис. 7]

Таким образом, можно предположить, что орнаментация клинка выполнена в основном русским мастером, в то время как «булатного дела сварщиком» выступил скорее всего мастер Касим, на происхождение которого в арабском клейме указано: «из Каира». Для сравнения заметим, что, по данным М. Н. Ларченко, в России над изготовлением одной сабельной полосы в 1624—1625 гг. трудились четыре мастера [16, с. 25]

Дальнейшее описание сабли князя Ф. М. Мстиславского строится в той порядковой последовательности, которая отражена в названиях деталей ее устройства. Длинный прямой крест и вдвое короче его перекрестье обложены

серебром, украшенным слабым чернением и гравировкой, при этом на лопастные завершения креста и на огниво нанесен с помощью оброна и золочения растительный орнамент (рис. 1).

Всю композицию можно разделить на две части. Одна из них, обращенная к рельефному краю, выполнена в виде стилизованных растительных спиралей, связанных в центре небольшим путиком, заключенным в миндалевидное обрамление, которое в свою очередь увенчано трехчастным ростком. Вторая часть орнамента простирается от концов креста к огниву и представлена пересекающимися миндалевидными картушами с симметричными отростками-завитками, причем в центре каждого картуша помещены чередующиеся раскрытые и нераскрытые трехчастные ростки.

Далее по кресту идет такой же орнамент из вьющегося спиралью стилизованного стебля с отростками и характерными утолщениями листочков. Следует отметить черты явного сходства этого гравированного узора на кресте с золотой насечкой на тупье клинка, вокруг надписи с именем владельца, что заставляет предположить единую художественную традицию.

Помещенный с лицевой стороны на огниве картуш сориентирован своими килевидными выступами по центральным осям креста и перекрестья. Его заполняет выполненная в обронной технике четырехчастная крестообразная композиция, составленная из миндалевидных фигур, увенчанных трилистником, с трехчастным ростком внутри каждой из них, от которого вовне отходят попарно соединяющиеся острия растительных завитков.

Согласно исследованиям Б. А. Рыбакова, данная композиция окончательно утверждается в русском прикладном искусстве в X—XII вв., переходя на предметы христианского культа [14, с. 578, рис. 100]. В знаковой системе русских мастеров средневековья эта заклинательная идеограмма пространства закрепилась довольно прочно, получив свое дальнейшее развитие с привнесением в декоративное искусство Руси ряда ближневосточных и «фряжских» мотивов. Наиболее близкой по времени к нашему памятнику является фресковая роспись Благовещенского собора Московского Кремля, выполненная на нижней пелене мастером Феодосием в 1508 г [17, илл. 10]

Продолжая исследование устройства рукояти сабли князя Ф. М. Мстиславского, переходим к черену, который обтянут черным хзом, прикрепленным по ребрам четырьмя серебряными гравированными полосками со следами золочения. На черене один серебряный репеек и фигурная серебряная накладка над проймой для темляка украшены обронным орнаментом, также со следами золочения. Определенное функциональное значение имеет наклон изогнутого черена к лезвию, поскольку в этом случае при сабельном ударе клинок не образует тупого угла к оси протянутой руки, а лежит с ней в одной горизонтальной плоскости [18, ч. I, с. 42]

Рукоять сабли всегда несла на себе определенную значимость, вследствие чего с большой тщательностью подходили к ее декорировке. Серебряные репеек и накладка на черене исследуемой сабли представляют собой сердцевидные фигуры, увенчанные трилистниками. В центре «сердечка» помещен папоротникообразный пятизубчатый росток, получивший на Руси в XII—XIII вв. характер идеограммы «процветания», «благополучия» (рис. 1).

Укрепиться в такой трактовке позволяет традиционное расположение подобной композиции острием вниз, означающее, что небесная сила, дарующая жизненную крепость, должна быть устремлена вниз [3] Как видим, устройство черена выполнено в той же семантико-стилистической традиции, что и насечка на пяте клинка нашей сабли.

Наконец, завершающий рукоять серебряный золоченый набалдашник имеет восемь граней с чередованием гладких и обронных с чернением; сходным

[3] В качестве ранних параллелей можно привести золотую диадему 1167 г. из Девичьей Горы у Сахновки [14, с. 618, 637—640, рис. 108]

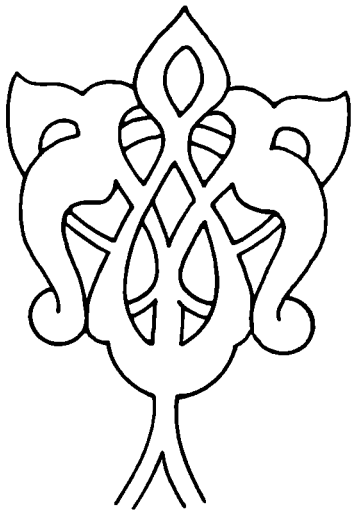


Рис. 4. Композиция «отметца». Прорисовка

образом украшена и вершина. Орнамент представляет собой уже знакомый нам стилизованный стебель в виде двойной спирали.

Переходя к описанию деревянных ножен сабли князя Ф. М. Мстиславского, следует отметить, что, как и черен, они обтянуты черным хзом и оправлены в серебряные устье с кольцом (длина — 180 мм), обоймицу с кольцом (200 мм) и наконечник (210 мм). Каждая деталь оправы отделана характерным фигурным краем в виде магометанской арки, увенчанной трилистником, что свидетельствует о знании мастером-серебряником основных приемов декорировки, встречающейся на персидских и турецких саблях XVI—XVII вв.

Оправа ножен украшена с лицевой стороны обронным орнаментом в виде вьющихся спиралью стилизованных стеблей, ответвляющихся один от другого, с боковыми спиралевидными отростками-завитками. При этом центральную ось составляет линия переходящих друг в друга миндалевидных картушей с трехчастными ростками внутри. На устье и обоймице орнаментация усилена выпуклыми золочеными поясками с черненым узором из плетенки растительных побегов (рис. 1).

Особого внимания заслуживает художественное решение устья ножен, от начала которого узор прекрасно скомпонован по сторонам полости для нижнего шипа перекрестья, так что закругленный низ полости обрамлен килевидным картушем, а от него справа и слева размещены два уже не раз упомянутых стилизованных стебля.

Близкая орнаментация, выдающая единую систему художественного мышления ее создателей, встречена нами в резьбе вокруг киотцев на царских вратах из церкви Иоанна Лествичника в Кирилло-Белозерском монастыре, а также на «городках» шапки Казанской, выполненной на Руси около 1553 г. (рис. 5). Кирилло-Белозерские врата, равно как и происходящие оттуда же оклад иконы Кирилла и два серебряных позолоченных панагиара, панагиары игуменов Никона и Герасима первой половины XVI в. из Троице-Сергиевой лавры, серебряная чара Оружейной палаты, принадлежавшая Ивану Грозному, и ряд других произведений впервые были выделены А. Л. Якобсоном в единую, близкую как стилистически, так и хронологически группу предметов прикладного искусства, относящихся ко времени около середины XVI в. и носящих признаки одной художественной школы, связанной, вероятнее всего, с мастерскими Оружейной палаты в Москве [17, с. 238]. Всех их объединяет ведущий стилистический принцип орнаментации, а именно узор в виде вьющихся спиралью стилизованных стеблей с «глазком» или гирлянда пересекающихся полукруглых жгутов, увенчанных трилистником.

Указанный декор, несомненно, восточного происхождения появляется на

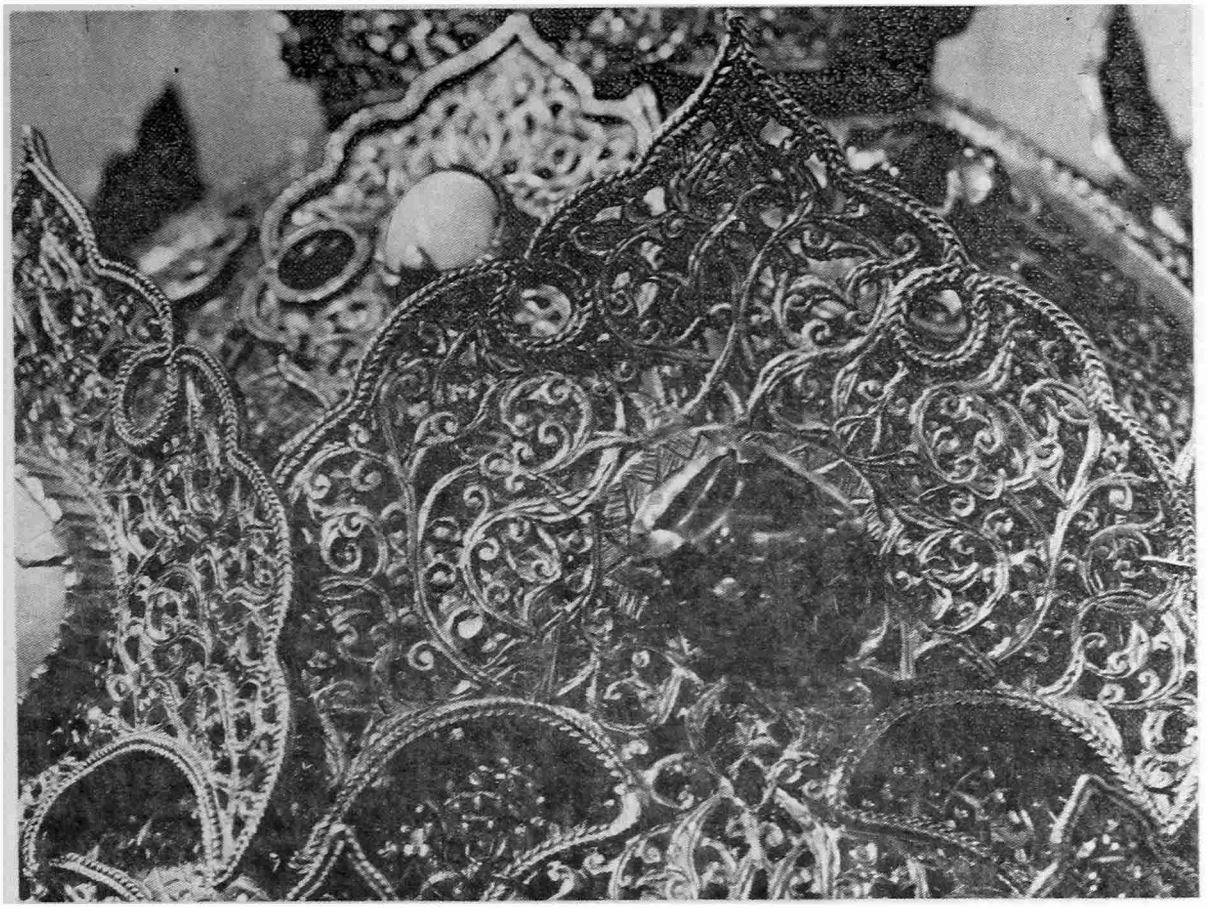


Рис. 5. Ажурный «городок» шапки Казанской

Руси в конце XV в. и получает наибольшее распространение в первой половине XVI в. Кроме отмеченных А. Л. Якобсоном двух источников его проникновения — через московских мастеров, побывавших на Востоке, и привоз восточных изделий с подобной декорировкой — следует назвать и западный путь — через Львов, где после эмитрации «второй волны» 1475 г. из Крыма образовались значительные армянские колонии [17, с. 243, 246, 247] В этой же работе А. Л. Якобсон приводит обоснование русской атрибуции этого орнамента.

Чтобы подтвердить цельность группы серебряных изделий московской школы конца XV — середины XVI в. с данной орнаментикой, следует в нескольких словах остановиться на окладе иконы «Богоматерь Владимирская т. н. запасная», также упомянутом А. Л. Якобсоном в этой группе. В последнем исследовании оклада И. А. Бобровницкой приводится новая дата — конец XIV — начало XV в. Среди выделенных ею трех мотивов орнаментальной басмы по крайней мере два — стилизованный спиралевидный стебель и широколистный цветок — имеют многочисленные аналогии на рубеже XV—XVI вв. Однако И. А. Бобровницкая придерживается выдвинутой ею датировки на том основании, что матрицы для тиснения использовались в широких временны́х пределах [19, с. 231, рис. 76].

Необходимо заметить, что спиралевидный узор, нанесенный на басменных полосках одновременно с другими мотивами, обнаруживает явное сходство с орнаментацией серебряного оклада евангелия, вложенного в 1499 г., при Иване III, в Успенский собор [17, рис. 7; 19]

В поле зрения исследователей до сих пор не попадала сама дата, а между тем именно в 1499 г. великий князь снова заложил «двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот» [20, с. 145] Все 6 лет до этого события

в Кремле налаживалась жизнь после опустошительного пожара 28 июля 1493 г., прервавшего лишь начавшееся в 1492 г. строительство в принципе нового каменного дворца вместо старого деревянного. Видимо, вклад в патрональную святыню Москвы, Успенский собор, был совершен при Иване III с целью заручиться покровительством начавшемуся столь неудачно строительству.

На существование в архаическом сознании подобных представлений можно найти указание в специальных работах, трактующих что в целях обеспечения реальности и долговечности строению повторяют божественный акт образцового созидания — сотворение миров и человека. Сначала достигается «реальность» места с помощью освящения соответствующего участка земли, т. е. путем превращения его в «центр», а затем через повторение сакрального жертвоприношения подтверждается действенность акта строительства [21, с. 45]

Нередко таким сакральным жертвоприношением в Древней Руси выступали оклады евангелия и храмовой иконы, которые почитались «святынями» не только в храме, но и при совершении различных церемоний вовне его.

Следовательно, наравне с окладом евангелия при Иване III должен был быть исполнен кремлевскими мастерами и оклад на храмовую икону «Богоматерь Владимирская», служившую палладиумом Русского государства. Но именно для этой иконы был создан в начале XV в. в мастерских митрополита Фотия золотой сканый оклад с чеканными изображениями праздников на полях. Ввиду этого «сакральная дача», т. е. полный вклад в 1499 г. в Успенский собор, должна была включить как оклад на храмовое евангелие, так и оклад на созданный в этом же столетии список иконы «Богоматерь Владимирская», так называемая «Владимирская запасная», размещенный в Успенском соборе на почетном месте — против царских врат, у резного амвона. Таким образом, выделенная А. Л. Якобсоном группа серебряных изделий с восточной орнаментикой московской школы целиком и полностью укладывается в хронологические рамки конца XV — середины XVI в.

Предлагаемое нами расширение круга произведений этого стиля и направления за счет памятников оружейного дела основывается кроме всего прочего и на таких характерных стилистических признаках данной школы, как двухплоскостная декорировка, а также контрастность узоров в виде «плетенки» и спиралевидного стебля.

Сабли с такими длинными, тяжелыми клинками, как у сабли князя Ф. М. Мстиславского, массивным череном рукояти, нередко слегка наклонным к лезвию и подчас увенчанным круглым или граненым металлическим набалдашником, с богатой оправой ножен и характерным рельефным оформлением их деталей получают широкое распространение на рубеже XV—XVI вв. в Венгрии, Польше, России, имея своим происхождением Турцию. Интересно отметить, что большая часть импорта из Турции в Польшу в этот период (эпоху Ягеллонов) шла преимущественно через Львов, где, следовательно, вполне могли встретиться восточная орнаментика и туреций тип сабли [22, с. 86, 99, рис. 37]

Основываясь на вышеприведенных наблюдениях относительно явного сходства гравировки на кресте с золотой насечкой по тупью клинка, вокруг имени владельца (само это сходство предполагает одновременность их исполнения), учитывая особую композицию «отметца» на пяте клинка и обронного картуша на огниве, наконец, характерные формы репейка и накладки черена, можно прийти к заключению, что в художественном оформлении сабли князя Ф. М. Мстиславского своеобразно сочетаются московская модификация восточной орнаментики и традиционные для древнерусского прикладного искусства художественные мотивы.

Исключительно высокий уровень исполнения этой сабли позволяет предположить ее изготовление в Оружейной палате Московского Кремля. Таким образом, перед нами один из древнейших образцов московской школы художественного оружия.

Рис. 6. Серебряная насечка на пяте клинка парной сабли первой половины XVII в.

Укрепиться в данной точке зрения нам позволяет обнаруженная в фонде русского холодного оружия Оружейной палаты парная с ней сабля (ГММК № 6238 охр), которая в описи 1687 г. записана как «сабля полоса широкая сталная, на правой стороне от крыжа травы наведены серебром и местами золочены; **с отметом на левой стороне орел в клейме;** ножны крыты хзом черным; крыж, набалдашник, устье с брейцаром, наконечник железные, посеребрены и позолочены; на черене, по тылью и против острия наведено серебром золоченым, стороны крыты хзом черным; пояса у ней нет» (рис. 6) [6, л. 57, № 39]

До настоящего времени сабля дошла с большими утратами, однако сохранившиеся детали позволяют воссоздать с помощью данных описи 1687 г. былое сходство. Однотипно с саблей Мстиславского у нее выполнен клинок, правда, не из булатной стали; ширина у пяты та же — 54 мм и у елмани — 61 мм, а длина незначительно превышает первую.

Хотя рукоять до наших дней не сохранилась, но опись 1687 г. фиксирует наличие крыжа и набалдашника, относительную же длину черена можно опре-

делить, исходя из длины хвостовика — 110 мм. Он повторяет тот же наклон к лезвию, что и черен рукояти сабли князя Мстиславского.

О покрытии ножен хзом черным и золочении оправы позволяют судить лишь описи 1687 и 1885 гг., но по сохранившимся деталям оправы также можно определить полное совпадение как в ширине (80 мм) и длине устья (180 мм), обоймицы (200 мм) и наконечника (205 мм), так и в наличии железных колец при устье и обоймице.

По всей видимости, сходным образом у них было выполнено и убранство: на пяте клинка с лицевой стороны до сих пор прослеживаются следы серебряной насечки и золочения, которые, судя по описи 1687 г., располагались, как и на клинке Мстиславского, от креста по тупью и ближе к острию; то же самое на рукояти и оправе ножен. Безусловно, мотивы узора уже не совпадают, но принципы компоновки орнамента и его размещение на предмете сохраняются полностью.

Более того, клеймо мастера Касима из Каира на клинке сабли князя Мстиславского получает свою параллель в виде нанесенного с исподней стороны «отмета орел в клейме». Еще Н. В. Гордеев вслед за Э. Ленцем указывал на то, что изображение орла в клеймо Московской Оружейной палаты было введено уже в XVI в. и служило как знаком местного производства, так и арсенальным знаком собственности [23, с. 20]

Единственное отличие, обнаруживаемое при сравнении с саблей Мстиславского, состоит в небольшом фигурном валике, которым завершается наконечник ножен рассматриваемой реплики. Подобные рельефные выступы в окончании ножен встречаются на целом ряде памятников преимущественно первой половины XVII в. из собрания Оружейной палаты. Тем же временем датируются и некоторые аналогии из польских собраний [22, рис. VI, VIII, XII, XIV, *88, 91*] Кроме того, примерно на середину XVII в. указывает и звездчатый орнамент в картуше, насеченном на пяте клинка этой реплики. Аналогичные мотивы широко бытуют в это время на произведениях московских оружейников (например парадный топорик московской работы (ГММК, № 55 охр.) [24]).

Правомерно поставить вопрос: когда же именно могли быть созданы сабля князя Ф. М. Мстиславского и парная с ней, а также с какой целью была выбрана первая как «образец»? В ответе на первую часть вопроса нам должен помочь небольшой историко-генеалогический экскурс.

Первое упоминание о Ф. М. Мстиславском находим в Вологодско-Пермской летописи, где приводится неизвестная по другим сводам заметка под 1526 г.: «Того же лета приехал из Литвы к великому князю служить кн. Федор Михайлович Ижеславской (в Академическом списке — Мстиславский), и Государь князь великий Василий Иванович прия его с великою любовию честно и пожаловал его, дал ему княж Васильевские городки Шемячича в вотчину: Ярославец да Кременец, да волость Мышец, да дал ему город Коширу в кормление» [25, с. 147].

Думается, совершенно не случайно отъезд в Москву князя Ф. М. Мстиславского от польского короля Сигизмунда I Старого (1467—1548 гг.), одновременно и великого князя литовского с 1506 г. (Жигмонта), у которого он оставил свои родовые владения, был приурочен к 1526 г., когда приближенным великого князя Василия III с женитьбой последнего на княжне Елене Васильевне стал ее дядя князь Михаил Львович Глинский, пользующийся колоссальным авторитетом в Литве.

По свидетельству Герберштейна, «у московита (Василия III) появилась твердая надежда занять всю Литву, пользуясь советами Глинского» [26, с. 189]. Не последняя роль в этой дипломатической игре была отведена и князю Мстиславскому, отдаленному потомку великого князя литовского Гедимина по линии его сына Евнутия. Так, нам удалось обнаружить в наказе посольству от великого князя Василия III к польскому королю Сигизмунду Казимировичу ближнего человека Бориса Голохвастова (в августе 1529 г.) следующее сви-

детельство: «А нечто вопросят Бориса про князя про Мстиславского, где ныне и жалует ли его князь великий? И Борису говорити: князь Федор ныне при государе, а государь его жалует, а был на жалованье на Кошире...» [27, с. 807, № 106].

Не исключено, что одно из лучших ранних творений дворцовых оружейников — парадная сабля в серебряной оправе была создана для князя Ф. М. Мстиславского в ряду прочих пожалований от великого князя. Вновь попасть в Оружейную палату эта уникальная сабля смогла скорее всего со смертью последнего в роду Мстиславских князя Федора Ивановича в 1622 г., когда в числе прочих родовых «пожитков» поступила в Государеву Казну.

Нас не должен смущать некоторый «турецкий» облик сабли князя Мстиславского, заставлявший ранее исследователей считать ее турецкой работой. Отвечая на запросы моды, царившей в этот период в кругах русской знати, московские оружейники создавали предметы, удивительно похожие на турецкие. Эта способность мастеров была отмечена еще в дневнике Маскевича, находившегося вместе с интервентами в Москве Смутного времени: «Все русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлены, что все, что сроду не видывали, не только не делывали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: сабли с золотой насечкой. Все вещи не уступают турецким» [28, ч. II, с. 47]. Об этих поразительных возможностях русского оружейного мастерства красноречиво свидетельствует эпизод, имевший место в Оружейной палате в начале правления царя Михаила Федоровича: «поднесли ко Государю Турскую саблю и начали хвалить, и Михаил Салтыков учил говорить, что и на Москве Государевы мастера такую саблю сделают. И Государь пожаловал тое саблю дать в руки Гавриле (Хлопову) и говорил ему: „чает ли он, что такую саблю сделают на Москве“ И он де говорил, что чает сделают, только, чает, не такову, какова та. И Михайло тое саблю у него из рук вырвал и молвил, что он говорит, не знаючи» [8, с. 3]

Чтобы ответить на вторую часть поставленного нами вопроса (с какой целью?), следует иметь в виду, что первая половина XVII в., начало правления династии Романовых, характеризуется тяготением к определенной стабилизации как внутренней жизни, так и династических основ после Смуты. В качестве символа былого привлекаются шедевры, отмеченные печатью национального своеобразия и святости, а по их «образцу» создаются произведения, долженствующие засвидетельствовать полнокровность старых традиций.

В организационном отношении данная тенденция связана, например, с приглашением к оружейному делу в 1613 г. рабочих, мастеров и старост Оружейного приказа, сидевших в палате до погрома (например, сабельник Конон Михайлов и староста Никита Давыдов) [29, с. 17]

Безусловно, вновь созданные копии декорировались несколько иначе, поскольку, как верно отмечала М. М. Денисова, орнамент на оружии всегда соответствовал стилю эпохи [30, с. 40] Однако основные композиционные особенности повторялись полностью, так как (возвращаясь к преамбуле нашей работы), лишь повторив вещь, можно было до конца понять ее и продолжить вековую традицию.

При этом подобными «образцами» могли выступать лишь произведения национальной школы, ибо, с точки зрения истории культуры, использование в данном контексте предметов иноземного происхождения представляет собой nonsens.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем еще раз, что сабля князя Ф. М. Мстиславского выполнена, как мы предполагаем, в оружейных мастерских Московского Кремля между 1526 и 1550 гг. В данной атрибуции нас убеждает анализ орнамента, который, по мнению английского оружиеведа Хэйварда, способен выполнять подобные функции, особенно на вещах «междуна-

родного типа» [31, с. 5] [4]. Проведенное исследование позволяет расширить круг произведений с восточной орнаментикой московской художественной школы XVI в. за счет памятников оружейного дела.

В силу исключительной историко-художественной ценности сабля князя Мстиславского, попав вновь после 1622 г. в Оружейную палату, была признана за «вековой образец», и с нее ближе к середине XVII в. была сделана копия. Таким образом, эта пара сабель (уникальная в своем роде) помогает нам составить довольно отчетливое представление о том, какими путями шло формирование отечественной оружейной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
2. *Харитонович Д. Э.* Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982.
3. *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв.// Ист. зап. 1958. Т. 63.
4. *Денисова М. М., Портнов М. Э.* Русское оружие XI—XIX вв. М.: Изд-во ГИМ, 1953.
5. *Miller J.* Iranian Swords of the Seventeen Century with Russian Inscriptions in the Collection of the Hermitage // Islamic Arms and Armour. L., 1979.
6. ЦГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 267.
7. *Арсеньев Ю. В.* К истории Оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904.
8. ЦГАДА. Ф. 396. Ед. хр. 936.
9. Опись Московской Оружейной палаты. М., 1885.
10. *Беляев Н. Т* О булатах СПб., 1906.
11. *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985.
12. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1986.
13. *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М.: Госполитиздат, 1956.
14. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.
15. *Елкина А. К.* Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М.: Наука, 1983.
16. *Ларченко М. Н.* Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII в.// Материалы и исследования ГММК. Вып. 2. М.: Сов. художник, 1976.
17. *Якобсон А. Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в.// Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971.
18. *Ленц Э.* Указатель Отделения средних веков и Возрождения. СПб., 1908.
19. *Бобровницкая И. А.* Золотой склад с деисусным чином иконы «Богоматерь Владимирская»// Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М: Наука, 1985.
20. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. М., 1895.
21. *Мирча Элиаде.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987.
22. *Nadolski A.* Polska bron. Bron biala. Wroclaw, 1984.
23. *Гордеев Н. В.* Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Госполитиздат, 1954.
24. Russian Arms and Armour. Л.: Аврора, 1982.
25. *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи // Русское летописание. М.: Наука, 1979.
26. *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.
27. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1. 1487—1533 гг.// Сб. РИО. 1892. Т. 35.
28. *Устрялов Н. Г* Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859.
29. *Яковлев Л. П.* История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени. Ч. 1. Ок. 1863 г.// АМК. Ф. 1. Д. 73.
30. *Денисова М. М.* Художественные доспехи и оружие // Русское декоративное искусство. Т. 1. М.: Искусство, 1962.
31. *Hayward J. F.* Swords and Daggers. L., 1963.
32. *Paulsen P.* Schwertortbänden den Wikingezeit. Stutgart, 1953.

[4] Для сравнения можно привести методику, примененную археологом П. Паульсеном (ФРГ) для наконечников ножен [32, с. 14].

O. G. ULYANOV

ON THE PROBLEM OF MAKING THINGS ACCORDING TO A PATTERN IN THE MOSCOW SCHOOL OF DECORATIVE WEAPON OF THE 16th-17th CENTURIES

Summary

The author takes two outstanding objects from the Armoury collection—a sabre that belonged to Prince Fedor Mstislavsky (?-1550) and the twin sabre of the first half of the 17th century (Figs. 1, 6) — to discuss little-known pages of the history of the Russian weapon making in the 16th and 17th centuries. He raises the question on the role and significance of artistic traditions and explains how they were transferred from one generation to another. Mstislavsky's sabre is a real rarity among the objects of that kind produced in Europe in the Late Middle Ages. A detailed semantic and stylistic analysis of its ornamentation revealed the features that belonged to the Mediaeval Russian craftsmen's sign system (Figs, 3, 4). The object also exhibits the specific features of the Moscow school of artistic silver dated to the late 15th-middle of the 16th centuries (Fig. 5). Evidently, the sabre belonged to that school. In this way, the number of objects of the Moscow school that carry Oriental ornaments has increased. In the historical and cultural situation that emerged in the country during the first Romanovs made Mstislavsky's sabre an „eternal pattern" Its historical and artistic value prompted a replica that was made in the first half of the 17th century when the sabre was returned to the Armoury after 1622.

Дискуссии

В. И. МАРКОВИН

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (МАЙКОПСКАЯ КУЛЬТУРА)

Уже почти 100 лет материалы майкопской культуры неизменно привлекают внимание археологов-кавказоведов. Занимая в основном западную часть Северного Кавказа, она сосуществовала с не менее известной куро-аракской культурой. Изучение древностей обеих культур особенно перспективно для исследования «такой важнейшей проблемы... как возникновение и развитие кавказской этнической общности, резко отличной от индоевропейской, семитской и других этнолингвистических общностей мира» [1. с. 11] В силу этого выявление новых археологических материалов является открытием первоисточника, необходимого для воссоздания всесторонней истории населения Северного Кавказа в древности. Так, находкой на Луговом поселении у с. Мужичи (Чечено-Ингушетия) очажных подставок и керамики куро-аракского типа вместе с обломками посуды майкопского облика [2, с. 101 и сл., рис. 28] был поставлен вопрос о взаимодействии носителей данных культур. Это не одиночный случай. В нижнем слое Сержень-Юртовского поселения [3, с. 37; 4, с. 177—181] и в курганах у с. Бамут в той же Чечено-Ингушетии, где были вскрыты погребения представителей племен майкопской и куро-аракской культур, обнаружены материалы, еще раз подтверждающие данный факт. В Бамуте исследованы единые комплексы с сосудами обеих культур [4, с. 187, 188; 5, с. 56—58; 6, с. 42, 43], в том числе и сосуды на ножках, аналогии которым имеются среди курганных материалов с. Дзуарикау в Северной Осетии [7, с. 18, 80] Последние находки Р. М. Мунчаев рассматривает как отражающие «процесс культурного развития тех районов Северного Кавказа, где в III тысячелетии до н. э. столкнулись и пришли во взаимодействие майкопская и куро-аракская культуры» [8, с. 38] Как видно, несколько севернее среднего течения Терека и проходила зона смыкания двух культур [1, с. 150, рис. 17] Из ближайших районов Грузии сюда «просачивались» отдельные представители куро-аракских племен и занимали небольшие участки на территории современных Чечено-Ингушетии и Северной Осетии [1, с. 364; 9, с. 154] С западной стороны, в свою очередь, шло влияние майкопской культуры, и ее носители стремились утвердиться вдоль местных предгорий [10, с. 52, 53] Действительно, керамика майкопского облика обнаружена в кургане у с. Бачи-Юрт; вместе с змеевиковым долотом найдена она у с. Зандак в Чечне [11, с. 63, 64; 12, с. 118—120, рис. 1, *1*]. В связи с этим интересны материалы, происходящие из Миатлы, Мискинбулака, Великента и Топрак-Кала. Все эти пункты находятся в приморской части Дагестана, достигая Дербента. Здесь речь идет не только о керамике майкопского типа, но и о кромлехах и галечных вымостках, столь характерных для памятников данной культуры [13, с. 34, 35]

© В. И. Марковин, 1990 г.

Вопрос о границах куро-аракской и майкопской культур и взаимоотношениях их носителей тесно связан с хронологией оставленных ими памятников. Важно знать, синхронно ли их развитие, с какого момента возникли контакты между племенами обеих культур и насколько длительными они были. Возникает и попутный вопрос: можно ли считать жителей зоны контактов более передовыми по сравнению с обитателями глубинных районов этих же культур [14, с. 27]? Очевидно, решение подобных вопросов требует специального рассмотрения.

Памятники «куро-аракса», обнаруженные в Дагестане, Р. М. Мунчаев относит к среднему и позднему этапам развития этой культуры [1, с. 195]. Ученые по-разному датируют эти этапы: от середины IV тыс. до н. э. и до середины III тыс. до н. э. и несколько иначе — от рубежа IV—III тыс. до н. э. и до конца III тыс. до н. э. [1, с. 192; 15, с. 13, 14; 16, с. 7; 17, с. 14—21]. М. Г. Гаджиев считает, что куро-аракская культура имела два этапа в своем развитии и датирует их от последней четверти IV тыс. до н. э. и по третью четверть III тыс. до н. э. [18, с. 28, 29].

Если вспомнить традиционную датировку майкопской культуры — от середины III тыс. до н. э. и до начала II тыс. до н. э. [19, с. 21; 20, с. 145], то получается, что «куро-аракс» древнее «майкопа». Однако в последнее время появилось иное мнение: ранний период в развитии майкопской культуры приходится на время существования куро-аракской культуры уже в полном ее расцвете [21, с. 71—75]. Аналогии майкопским материалам, подобранные М. В. Андреевой среди предметов Древнего Востока, позволили ей писать о времени бытования культуры как о «переходном периоде от энеолита к ранней бронзе» [22, с. 55, 56]. И все же для того чтобы объяснить сочетание в археологических комплексах позднемайкопских черт с ранними куро-аракскими, ученые допускают предположение «о долговременной консервации куро-аракских материалов на Северном Кавказе», в то время как в Передней Азии и Закавказье такие формы уже отошли в прошлое [21, с. 75, 76], а определенную синхронность названных культур для центральной и северо-восточной части Кавказа объясняют тем фактом, что здесь известны памятники средней ступени в развитии «майкопа», когда еще бытовал «куро-аракс» [23, с. 45—53, 79—84]. Как видно, вопрос о хронологии обеих культур должен быть изучен более тщательно.

Для воссоздания истории такого обширного региона, как Северный Кавказ, совершенно не безразлично, кем же в этническом плане являлись носители куро-аракской и майкопской культур. Если племена первой из них могли принадлежать к южнокавказскому и нахско-дагестанскому населению, связанному с хурритами [1, с. 411—413; 24, с. 23; 25, с. 893, 894], то о носителях майкопской культуры, их этническо-языковой принадлежности вопрос решается далеко не так просто.

Для Северо-Восточного Кавказа и тем более для Дагестана эпохи ранней бронзы майкопская культура не являлась ведущей, но для Западного и Центрального Кавказа она была главенствующей. Ее памятники, судя по последним раскопкам, являются реальной подосновой древностей последующего времени, которые условно можно назвать древностями средней бронзы — II тыс. до н. э. Это те памятники, которые я уже давно отношу к северокавказской культурно-исторической общности, обладающей в массовом материале специфическими, присущими только ей чертами [26, с. 192], и которую ныне Н. А. Николаева, сузив понятие, называет «кубано-терской культурой» [27, с. 3—15] [1]. Для нас в данном случае не так уж важны названия, более существенным является в достаточной степени исследованный факт, что майкопская культура генетически связана с северокавказской общностью.

---

[1] Утверждение Н. А. Николаевой, что ею впервые вводится понятие «кубано-терской культуры», не соответствует действительности. Кубанский и Терский районы с «окрашенными костяками» были выделены А. А. Спицыным еще в 1899 г. [28, с. 53, 74, 81].

Таково на сегодняшний день не только мое мнение, но и А. А. Формозова, Р М. Мунчаева, И. М. Чеченова, А. Л. Нечитайло и других исследователей. Племена северокавказской общности не исчезли в последующее время. Имеются элементы ее трансформации в кобанскую культуру. На такой точке зрения стоял в свое время Е. И. Крупнов, об этом с некоторыми оговорками пишут И. М. Чеченов, В. Б. Виноградов, В. И. Козенкова и др. Иначе говоря, для исторической этнографии Северного Кавказа важно установление факта, кем же являлись носители майкопской культуры. Каково их этническое лицо? Знать это тем более необходимо, так как удается проследить и дальнейшие связи кобанских древностей с более поздними культурами и этнографической современностью. Такая интересная работа уже проделана В. М. Батчаевым. В ней отмечены черты преемственности от эпохи железа и до наших дней в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев [29]

Итак, обратимся к вопросу об этнической принадлежности носителей майкопской культуры. Как известно, А. А. Иессен делил ее материалы на древности майкопского и новосвободненского облика, находя между ними генетические связи. Имеется попытка выделения памятников промежуточного типа, что дает возможность охарактеризовать три этапа в бытовании культуры (А. А. Формозов, Р М. Мунчаев). Однако этим точкам зрения противостоит мнение В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, которые отделяют материалы «майкопа» от «новосвободненских». Основанием для этого служит то, что отдельные сосуды культуры шаровидных амфор обладают чисто внешним сходством с некоторыми керамическими формами, происходящими из дольменов ст. Новосвободной. Это и послужило для них поводом, чтобы писать о проникновении носителей культуры шаровидных амфор на Кавказ и об их участии в сложении местной культуры дольменов [27, с. 4; 30, с. 175—194] Однако мнение указанных авторов не всегда последовательно. Так, описывая материалы кургана 9 у осетинского с. Дзуарикау, они относят их к «кубано-терской культуре» (т. е. северокавказской общности), но тут же среди сосудов из трех захоронений в ямах находят прямо-таки «амфоры тюрингского типа» [7, с. 52—56, 74, рис. 20] Из этого следует, что не только новосвободненские древности, связанные с дольменами, но и грунтовые могилы более позднего времени могут иметь отношение к культуре шаровидных амфор, которая, таким образом, для Северного Кавказа приобретает у них характер глобальной культурообразующей силы.

Вероятно, то обстоятельство, что на территории Северной Осетии указанные авторы обнаружили столь «европейскую культуру», произвело на М. М. Блиева сильное впечатление. Он считает, что трудно переоценить данный факт для воссоздания научной истории народов Северного Кавказа [31, с. 3, 4]. Но вот появляются некоторые дополнения. Новосвободненские находки, по Н. А. Николаевой, оказываются связанными и с другими, вполне европейскими древностями, теперь уже оставленными носителями культуры шнуровой керамики [32, с. 96—98] Очевидно, это понадобилось ей для того, чтобы связать дольмены новосвободненского типа с памятниками «кубано-терской культуры» (северокавказской общности), так как в дальнейшем, пользуясь хронологией, выработанной для дольменов, Н. А. Николаева строит свою периодизацию древностей, украшенных шнуром и бытовавших на Северном Кавказе во II тыс. до н. э. [33, с. 79 и сл.] Можно на это заметить, что шнуровый декор на дольменной керамике отсутствует и она не может служить мерилом для датировки внедольменных памятников.

Судя по последним публикациям, А. Д. Резепкин, вопреки мнению предыдущих авторов, возвращает памятники новосвободненского типа в круг древностей майкопской культуры, но привносит их в ареал «культур воронковидных кубков и ранних шаровидных амфор» [34, с. 29] Однако ни одного предмета в качестве аналогий он не приводит. Они и не были найдены. Единственный используемый им аргумент — сходство колчанообразных изображений на

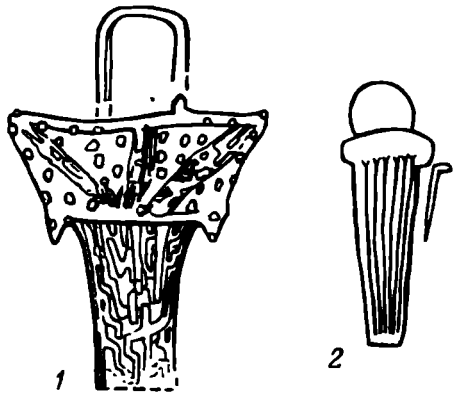


Рис. 1. Колчанообразные изображения на плитах гробниц из ст. Новосвободной (*1*) и из Галле в ГДР (*2*). По А. Д. Резепкину

плитах гробничных построек, обнаруженных у ст. Новосвободной и в Галле (ГДР) [34, с. 28—30, рис. 1, *2*, 2]. Как видно, речь идет о предметах вооружения (рис. 1), которые никогда не вписывались в узкотерриториальные рамки, они могли обслуживать совершенно разнокультурное население.

В связи со сказанным весьма важно мнение И. К. Свешникова. Изучая памятники культуры шаровидных амфор на территории СССР, он наметил карту их распространения. Западнее Киева и Винницы носители культуры, по-видимому, не заходили, и лишь отдельные их поселения известны в Молдавии. Откликаясь на трактовки В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, И. К. Свешников пишет, что перенесение на почву Кавказа памятников культур шаровидных амфор и шнуровой керамики — беспочвенная вольность и свидетельствует «о слишком свободном применении авторами типологического метода» [35, с. 13—20]. Занимаясь этим же вопросом, мне пришлось сделать две сравнительные таблицы (рис. 2, 3), с левой стороны которых дважды повторены основные формы инвентаря из гробниц ст. Новосвободной, а ниже — из дольменных памятников Западного Кавказа, справа изображены предметы, характерные для культур шаровидных амфор и шнуровой керамики, для чего использованы работы Т. Вислянского, И. К. Свешникова, Г Лукаса, В. Маттиаса и др. [36, с. 14, 15, рис. 1, 2]. Не думаю, чтобы данные таблицы служили бы в пользу разбираемых здесь версий, а если же учесть фактуру сопоставляемой керамики, технологию ее изготовления, декор и прочие детали, то вообще не придется говорить даже о приблизительном сходстве инвентаря культур Северного Кавказа и Западной Европы. Полная публикация материалов новейших раскопок у ст. Новосвободной, очевидно, позволит исключить из «списка» древних племен, проникавших на Кавказ, и носителей культуры воронковидных кубков (*Trichterbecherkultur*), для памятников которых характерны раструбовидные сосуды с рифленым корпусом, культовые янтарные «топорики» и боевые каменные топоры с «кнопкой» на обушке. Ничего этого нет среди известных сейчас новосвободненских находок.

Если коснуться вопроса, кем же были носители упоминавшихся европейских культур, то обычно их считают индоевропейцами, вне которых стоит население, говорившее на иберийско-кавказских языках [37, с. 7]. Но дело в том, что, согласно теориям, выдвигавшимся Г Коссиной, индоевропейцы — носители этих культур, суть германцы, но обращенные в древность. Говоря об этом, Г Коссина употребляет собирательное название, которое звучит как *Beginn der Germanen* — «начало германцев». И данному «началу» принадлежала территория на востоке от Кенигсберга (Калининграда) до Одессы [38, с. 72—77; 39, с. 70; 40]. Эта теория, звучание которой порой возобновляется в научной литературе, хорошо разобрана А. Я. Брюсовым [41, с. 219] и А. Л. Монгайтом [42, с. 41, 42]. В любой редакции, и в той, которая преподнесена В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой, она не подходит для этногенетической интерпретации древних памятников Кавказа. К тому же известен более продуктивный взгляд

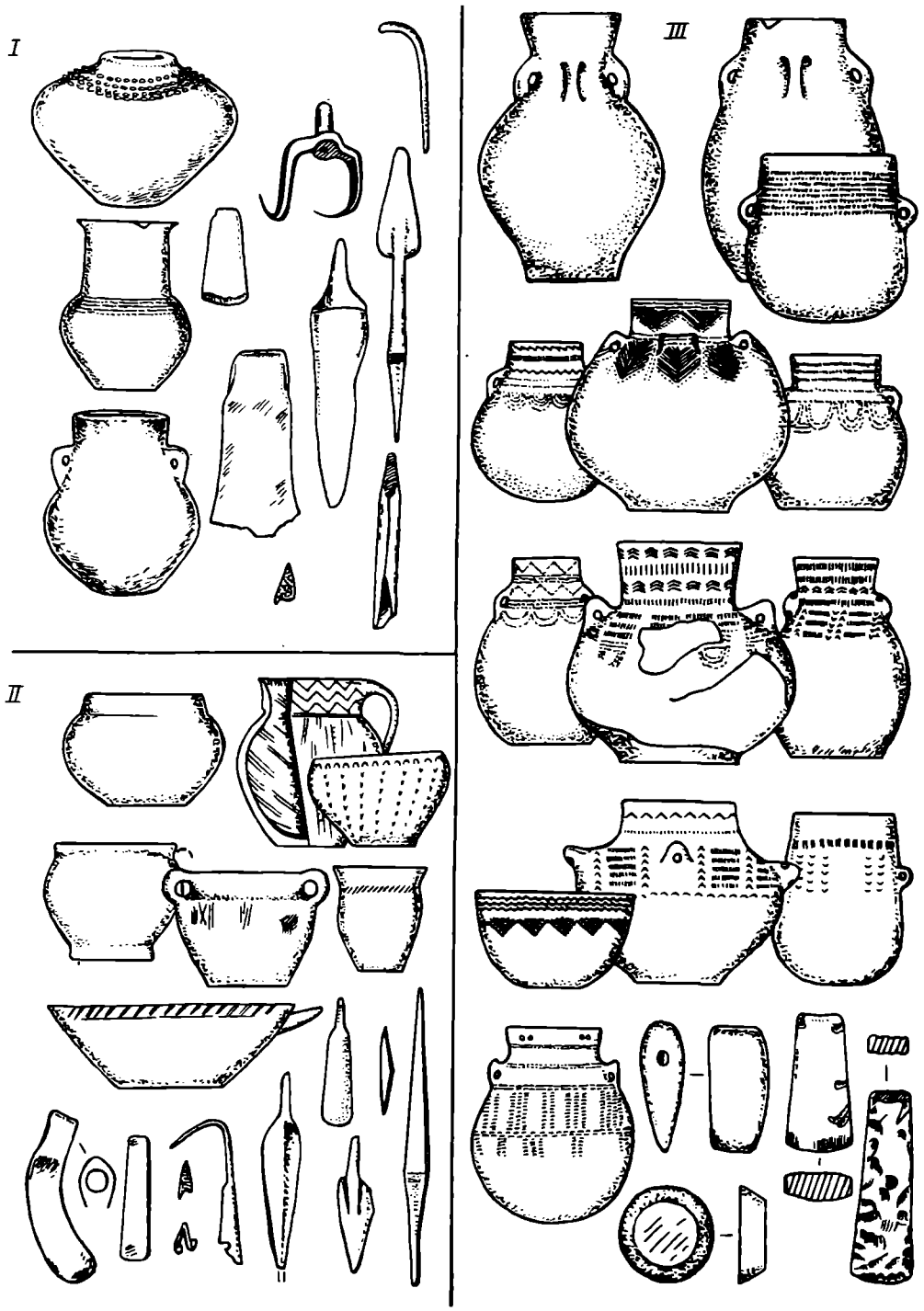


Рис. 2. Сравнительная таблица инвентаря из дольменов ст. Новосвободной (I), из дольменных памятников Западного Кавказа (II) и памятников культуры шаровидных амфор (III)

на передвижение племен, украшавших свои предметы шнуровым узором, с востока на запад — из районов Причерноморья и Поволжья к Центральной Европе [25, с. 952, 953]

Относительно недавно И. М. Мизиев, бегло проведя «лингвистический экскурс» в шумероведение и найдя, по его словам, «многочисленные шумеро-тюркские схождения», как бы мимоходом упомянул об «этнической близости майкопцев с племенами Двуречья» [43, с. 31] Этим, очевидно, была подведена черта под мнением, что и шумеры, и носители майкопской культуры — *тюрки*,

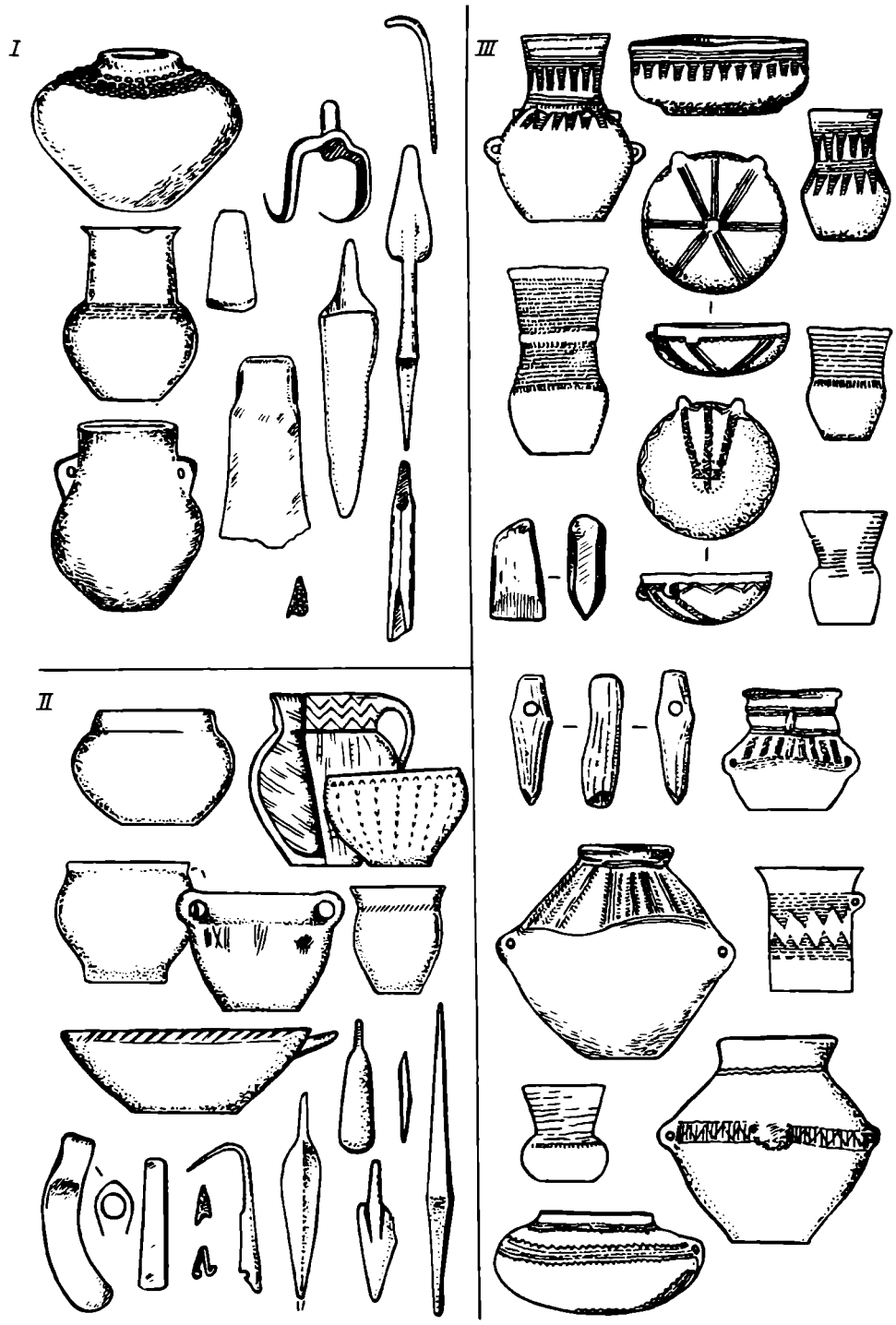


Рис. 3. Сравнительная таблица инвентаря из дольменов ст. Новосвободной (I), из дольменных памятников Западного Кавказа (II) и памятников культуры шнуровой керамики (III)

естественно, родственно близкие карачаевцам и балкарцам (в книге И. М. Мизиева о другом тюркоязычном, довольно древнем народе Кавказа — кумыках говорится лишь мельком).

Без какого-либо серьезного археологического и лингвистического анализа, а лишь на основании нескольких созвучий он приходит к таким важным в историческом плане выводам. Его балкаро-карачаевско-шумерские параллели в конечном итоге, как показал Ю. С. Гаглойти, встречаются в разных по происхождению языках. Однако «это не мешает ему обращаться не только к

Таблица

Шумерские слова	Балкаро-карачаевские слова	Кумыкские и тувинские слова
Ер, ерен, ери — воин	Ер — мужчина	Ер — земля, адам, эркек — мужчина, *чер* — земля, *дайынчы* — воин, **эркижи** — мужчина
Чар — круг	Чарх — круг, колесо	Айланма — круг, кольцо, чарх — туша животного, *дээрбек*, долгандыр*ыг*, *тырыкы* — круг
Ки — земля	Кир — грязь (вернее, кир — грязь на одежде)	Батмакъ — липкая грязь, хав — жидкая грязь, маркъ, нас — грязный, кир — грязь на теле и белье, *хир* — нечистота, *малгаш* — грязь
Угу — сверху	Огары — выше, вверх, сверху	Бийик — высоко, уьст — верх, огъар — показатель направления движения, *устунде* — сверху, *бедик, узун* — высокий
Руш — свирепый	Уруш — война, ругань	Дав — война, *чаа, дайын* — война *калчаа, дошкун* — свирепый
Гаг — всаживать	Къакъ — всаживать, прибивать	Къадамакъ — вонзать, *кадай кагар, кир кагар* — вонзить
Сахарра — из пыли	Зыгъыр — песок	Къайыр, хум — песок, зыгъы — мокрый, *кум, элезин* — песок
Ту — родить	Туу — родить (вернее, родной)	Къозламакъ — рожать, родить, *божуур* — родить
Таг — украсть	Таг — повесь, повесить	Бувмакъ — душить, бувнамакъ — опоясывать, уру — кража, уручулукъ — воровство, *оорлап алыр* — украсть
Сиг — удар	Сёк — ругай	Къагьру — гнев, злость, урунмакъ — сталкиваться, **бак сёглээр, бактаар** — ругать, **согары, шанчары** — удар

тюркскому языковому материалу, но реконструировать на тюркской основе шумерские, китайские, грузинские, армянские и иранские этно- и топонимические названия и отдельные слова, обнаруживая при этом полную неосведомленность в языках, привлекаемых им для сравнительного анализа» [44, с. 172].

Интересно, что балкаро-карачаевские слова, предлагаемые в качестве эквивалентов шумерским, часто не совпадают с кумыкскими словами и, наоборот, близки тувинским, что несколько ломает «словник» И. М. Мизиева. Возникает мысль: а не могли ли у Саян поселиться древние шумеры, а как же быть тогда с майкопской культурой?

В приведенной таблице «шумерские» и балкаро-карачаевские слова подобраны И. М. Мизиевым, а кумыкские и тувинские взяты мною из соответствующих словарей [45, с. 32, 65, 74 и др.; 46, с. 75, 76, 96 и др.], тувинские слова выделены курсивом, совпадения — полужирным шрифтом. Как видно, кумыки, живущие в северной части Дагестана, к шумерам имели почти такое же отношение, как и тувинцы.

Просмотр карачаево-балкарского словаря также показал довольно тенденциозный подход к подобранным параллелям к шумерским словам. Так, слово «кир» в балкаро-карачаевской речи — это грязь на одежде [47, с. 127], оно происходит от «къыр» — асфальт. В речь многих народов такое наименование пачкающего начала действительно могло попасть в средние века с Востока вместе со сфероконусами и даже намного раньше, с привозом нефти как лечебного средства.

Историко-лингвистические экскурсы И. М. Мизиева также построены на созвучиях. Например, известное выражение «ей-богу», восходящее к арабскому

«валлаху» и бытующее на Кавказе в формах «воллагьи — биллягьи» (клянусь богом) и «воллагъ» (ей-богу) [45, с. 93; 48, с. 48], если следовать за И. М. Мизиевым, должно содержать имя аккадского бога Беля (Биля) или вавилонского Билла — верховного «бога земли и владыки воздуха» [43, с. 21], в то время как здесь просто фигурирует несколько видоизмененное слово «Аллах» — бог. Несомненно, языковая первооснова его восходит к наименованиям древнейших языческих божеств, которым поклонялись арабы и их предки. В любом случае слово «Аллах» во всех своих видоизменениях попало в тюркскую речь непосредственно из арабского языка (вместе с мусульманским вероучением).

Если вернуться к приведенной сравнительной таблице и, следуя методе И. М. Мизиева, подобрать для нее соответствующие слова в азербайджанском языке, то можно будет говорить, что и азербайджанцы, как и «балкаро-карачаевцы», являются равноправными потомками шумеров (мужчина, супруг — эр, колесо — чарх, грязь на теле — кир, «мокредь на земле» — зыгъ, виновность — *тагсыр* и т. д.). Может показаться странным, но и турки также являются потомками шумеров (мужчина — ер, колесо — чарк, грязь на теле и одежде — кир, сахарный песок — тоз *шекер),* и даже далекие предки туркмен являются равноправными наследниками шумерского языка (мужчина, муж — эр, колесо — чарх, грязь — кир, война — ирш, бить — *гагтаг* и т. д., см. соответствующие словари).

Я не собираюсь иронизировать над мнением ученых, которые пытаются доказать тюркоязычность древнего шумерского населения. Это их дело. Но у меня все тот же вопрос к И. М. Мизиеву: как же быть при наличии таких совпадений с майкопской культурой, которая известна лишь в западном и центральном регионе Северного Кавказа? Нет сомнения, что тюркские языки родственны. Этот вывод бесспорен, но также ясно и то, что тюркоязычное население к племенам майкопской культуры никакого отношения не имеет. Тут нужен не лингвистический, а археологический анализ памятников. Вот почему работа И. М. Мизиева в той части, которая касается глубокой древности, мне представляется ничем не обоснованной и слишком тенденциозной. Можно согласиться с мнением С. Л. Тихвинского, отметившего вполне определенный привкус в работах подобной направленности [49, с. 10, 11].

Я не думаю отрицать сам факт связей носителей майкопской культуры с населением Месопотамии, Малой Азии, Египта и Индии. Этому вопросу посвятили свои труды многие ученые. Сейчас успешно и с большим знанием дела занимаются им М. В. Андреева и В. А. Трифонов. Ареал памятников с наиболее ощутимыми чертами сходства с «майкопом» намечен М. В. Андреевой. Таков примыкающий к Закавказью район «от оз. Ван на севере до оз. Урмия на востоке», причем автор уверенно говорит не о простых торгово-обменных контактах, а о «генетических связях» между населением очерченного региона и Прикубанья. Речь идет о «выплеске населения за пределы древневосточного мира» с последующим проникновением его в пределы бассейна р. Кубани [22, с. 44—56].

Несомненно, данный вывод требует дальнейших проработок, тем более что генетические связи намечены пока лишь по нескольким превалирующим керамическим формам и небольшому количеству изделий из металла и камня, для которых подобраны соответствующие аналогии. И самое главное, М. В. Андреева обошла весьма важный вопрос: имелось ли какое-либо население на Кубани до прихода «будущих майкопцев» или же здесь была полная культурная пустота? Этот же вопрос может быть обращен и ко всем изучающим древности майкопской культуры.

Далее, проведя тщательный анализ серебряных сосудов из Майкопского кургана, М. В. Андреева приходит к выводу, что изображения на них находят близкое сходство среди произведений конца IV — начала III тыс. до н. э. Египта и Восточного Средиземноморья [50, с. 31, 34]

Интересно, что поиски аналогий майкопским сосудам среди произведений шумерского искусства, по мнению М. В. Андреевой, «малоперспективны». Они не дают возможности «их объединения в рамках одной художественной традиции» [50, с. 29] Это утверждение является своеобразным ответом на претензии уже упоминавшегося И. М. Мизиева.

Рассмотрим взгляды В. А. Трифонова. Он, не отделяя древности майкопского типа от новосвободненских, считает, что «на новосвободненском этапе связи майкопской культуры сохранили прежнее направление (имеется в виду Передняя Азия. — *В. М.*), но утратили, несмотря на яркие проявления, первоначальную культурную глубину». По его мнению, население данного времени являлось не только проводником культурного влияния на жителей «восточноевропейских степей», но и само стремилось «территориально» распространиться в том же направлении [51, с. 23] Здесь уже речь идет не о движении переднеазиатцев на Кавказ, а наоборот, о проникновении «поздних майкопцев» в более северные районы, о чем пишет в своих работах А. Л. Нечитайло [52, с. 17, 18].

В свете многих исследований, как ставших достоянием историографии, так и самых последних, ясно, что майкопская культура была близка переднеазиатским цивилизациям, тем более что Кавказ в определенной степени входит в ареал ближневосточного региона [53, с. 25 и сл.]. Очевидно, трудно сказать, кем же являлись «майкопцы», отдаленные от нас тысячелетиями, и М. В. Андреева написала об их переднеазиатском происхождении в самой общей форме, без уточнения. И вот появилась версия В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой с «уточнением» вопроса о населении майкопской культуры. Попробуем разобраться в этом, по словам В. Б. Виноградова, «блоке объемных и весьма целенаправленных работ» с «плотно сбитой» теорией о происхождении «майкопцев» [54, с. 4, 5] Думаю, что моя попытка в этом направлении не будет единственной.

Работа Н. А. Николаевой, посвященная общим проблемам майкопской культуры, является своеобразной преамбулой к решению вопроса о ее носителях. В ней много интересных мыслей, но наиболее существенна, по моему мнению, одна. Речь идет о связи древностей ст. Новосвободной не только с «кубано-терской культурой» (северокавказской общностью), но и с «майкопом». Она пишет: «Можно говорить о существовании новосвободненской керамической традиции в период существования майкопской, не фиксируя конца последней» [55, с. 17]. Я это понимаю как утверждение взаимосвязанности древностей обеих групп, что еще совсем недавно полностью отрицалось и ею, и В. А. Сафроновым [30, с. 177—180].

Вторая статья этого цикла, написанная упомянутыми авторами, является подсобным материалом для последующего использования в решении вопроса об этнической принадлежности людей, оставивших Майкопский курган. Здесь рассматриваются все те же произведения искусства, найденные в этом кургане, но подвергнутые «структурно-типологическому анализу». Как пишут авторы, «основа такого анализа — иерархия структур от *элемента* — простейшей структуры до *картины* (комозиции)» [56, с. 29] Взятые ими аналогии укладываются в III тыс. до н. э., при этом анализируются художественные изображения животных по отдельным видам. Это приводит авторов к выводу, что египетское искусство не несет «прообразов» или «образов», близких гравировкам на сосудах и фигурным бляшкам, найденным в Майкопском кургане. Ближе всего, по их мнению, изучаемым предметам стоят произведения искусства Элама и Тель-Хуэйра — поселения в Сирии [56, с. 30—49].

Последний объект, поставленный во главу всего исследования, несколько удивляет, так как самым характерным персонажам на сосудах из Майкопа — львам и целым сценам с животными и объемным фигуркам быков — аналогии в Тель-Хуэйра найдены не были. Но В. А. Сафронов и Н. А. Николаева уже в этой статье подсчитали, что Тель-Хуэйра «ближе всего расположен к Северному Кавказу (около 600 км по прямой)», сразу же решив, что такое

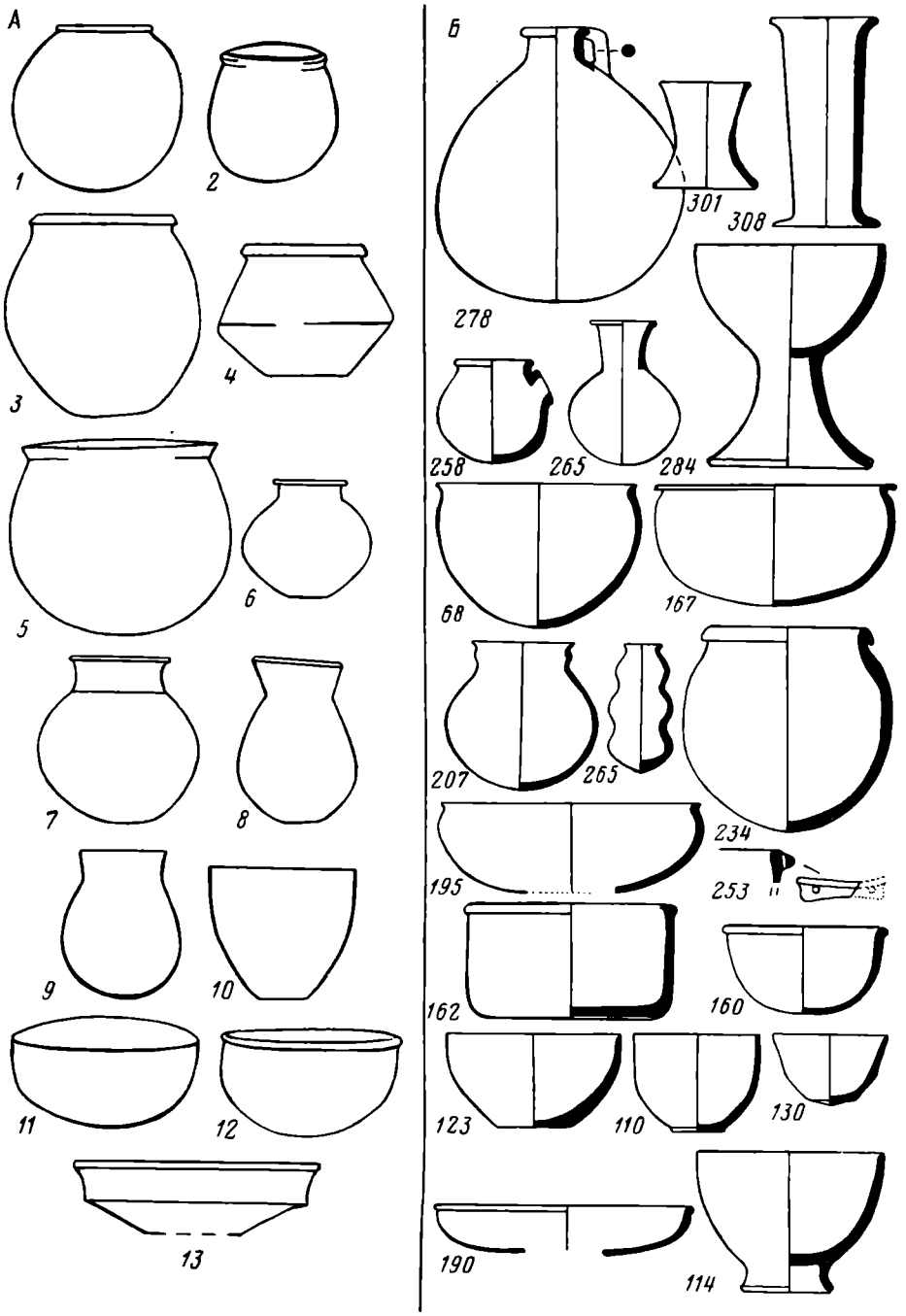


Рис. 4. Керамика из Тель-Хуэйра в Сирии: *А* — прорисовки по работе В. А. Сафронова *(1—13)*; *Б* — прорисовки по публикации Х. Кюне (цифры — номера каталога)

расстояние может быть свободно преодолено «кочевыми племенами» [56, с. 48] Так была предсказана, без особых сомнений, первооснова и майкопских племен, и их искусства. Авторы забыли, что в горах и по безводьям по прямым направлениям не ходят и что относительное сходство отдельных изобразительных мотивов еще не доказательство. «Бродячие сюжеты» издавна существовали как в искусстве, так и в литературе, будучи эпохальными явлениями. Кстати замечу, что майкопская культура датируется ими с XXVI в. до н. э. и до начала II тыс. до н. э., причем сложение «майкопского стиля» приходится на середину XXIV в. до н. э. [56, с. 31, 32, 45, 49] Даты эти продиктованы материалами Тель-Хуэйра [57, с. 59, 115; 58, с. 43, 52]

Конкретизации всех этих предпосылочных данных посвящена специальная

Рис. 5. Сравнительная таблица инвентаря майкопского типа (I), из дольменов ст. Новосвободной (II) и поселения Тель-Хуэйра в Сирии (III): *а* — сосуд из Усть-Джегутинска; *б* — сосуд из Адагума; *в* — статуэтка из поселения Мешоко; *г—е* — медные сосуды (по Х. Кюне), остальные предметы из Тель-Хуэйра по А. Моортгату

статья В. А. Сафронова [59, с. 63—98] В ней, считая, что анализ произведений искусства уже сделан, автор останавливается лишь на керамике. Он делит ее на группы и подбирает каждой группе довольно однородных майкопских сосудов соответствующие аналогии из Тель-Хуэйра, но, как это ни странно, в своем описании он даже не упомянул многообразие форм сирийской керамики, пропустив фляги, фиалы, сосуды с ручками разных форм, специальные подставки, на которые ставились сосуды с округлыми днищами [2] и многие

Известны только два пункта с находками подставок: в районе Адлера — Очажный грот Воронцовской пещеры и стоянка Гумарея, т е. на стыке с культурами Абхазии и Грузии (находки

другие изделия (рис. 4) [57, рис. 110, 114, 123; 58, с. 45, 46; рис. 32 и др.] Сосуды такого многогранного назначения пока не известны среди майкопских древностей, нет их и в других памятниках Северного Кавказа. Только в Дагестане были найдены керамические подставки в могильнике 2 у с. Карабудахкент (раскопки К. Ф. Смирнова).

Сопоставляя «майкоп» и Тель-Хуэйра, пропустил В. А. Сафронов и огромные серии антропо- и зооморфных статуэток, а также фигурные расписные сосуды — один из них in der Form eines Igels (рис. 5). Это касается и других изделий, характерных для Тель-Хуэйра: глиптики, алебастровых мужских статуй с завитыми бородами и такой же волнистой прической, керамических рельефов, порой в виде сосудов, украшенных скульптурными фризами из фигурок людей и животных. Пропущены и дымовые трубы с рельефами (die Räucherständer) и многое другое (рис. 5) [60, с. 27, 28, 33, 42, 46, рис. 25, 31 и др.; 61, с. 11—13, 16—20, 29—33, рис. 7, 8, 12 и др.] По-видимому, здесь повторяется то же самое, что имело место и ранее, когда речь шла об инвентаре культур шаровидных амфор и шнуровой керамики. Акцентировалось внимание лишь на явно сходных по форме предметах, а другие опускались. В силу этого, очевидно, здесь опущен и сравнительный архитектурный экскурс. Постройки «майкопцев», судя по отдельным поселениям Прикубанья, воздвигались из камня (оборонительные стены) и сочетания турлука и камня (жилье) [20, с. 98—103], а в Тель-Хуэйра это прекрасно сложенные постройки из глиняных кирпичей (die Lehmziegeln, размером 35×35 см), которые сопутствуют жизни местного населения от I до V слоя [58, с. 7, 12, 13, рис. 3; 60, с. 25, 26, рис. 24; 61, с. 20, 21, рис. 16]

Я не собираюсь этой справкой полностью перечеркивать подборку сходных материалов в майкопской культуре и Тель-Хуэйра, проделанную В. А. Сафроновым, хотя это сходство очень приблизительно. Наоборот, его таблицы можно дополнить серией посоховидных булавок почти новосвободненского облика, найденных в этом телле (рис. 5), но которые он почему-то пропустил. Однако и эта деталь не снимет сомнений в непосредственном переселении «древних сирийцев» на Кубань. Имеются веские основания, которые существенно дополняют высказанный мною скепсис в утверждаемом сходстве материальной культуры жителей Тель-Хуэйра, обитавших в районе Харрана, и населения, оставившего древности майкопского облика. Для этого рассмотрим теоретические основы версии В. А. Сафронова.

Причин движения на Северный Кавказ жителей Тель-Хуэйра, по мнению автора, две: пожары на самом поселении и разгром Саргоном I (XIX в. до н. э.) аморейского семитического населения, что вызвало «деление харранских племен» и одна их часть «откочевала на Северный Кавказ (ее археологический эквивалент — майкопская культура)» [59, с. 70] Интересно, что здесь же попутно представлена новая теория о связи «майкопа» с новосвободненским комплексом, который, оказывается, по керамическим традициям близок кувшинным погребениям Библа (XXIII—XXI вв. до н. э.). Но эта связь осуществлялась не без участия европейских культур шаровидных амфор и шнуровой керамики [59, с. 71—73] Здесь нет никакой конкретизации, как все это могло происходить. Кстати, небольшие сосуды с детскими захоронениями на Северном Кавказе найдены только в Дагестане (могильник Гинчи, работы М. Г Гаджиева).

Для изучения политической ситуации до переселения и в период предполагаемого переселения на Кавказ В. А. Сафронов более всего привлекает Библию — книги Ветхого завета. И автор следует за ними настолько некритично, что напоминает мне библеиста-археолога Н. Глюка, который в своих изысканиях каждую страницу Библии рассматривал как наилучший путеводитель [62, с. 5, 6] Так, В. А. Сафронов вспоминает Фарра, его сына и осененного

Л. Н. Соловьева). Эти памятники, очевидно, введены В. А. Сафроновым в число майкопских [59, рис. 5, 12]

богом праотца хананцев Авраама, его племянника Лота и многих других. Напомню, что по библейскому родословию Фарра происходит от Сима, сына Ноя, а тот является потомком Адама и Евы. Жил Фарра 205 лет (Бытие, 5, *25—32;* 11, *10—32*). Начиная от Фарры, автор оживляет до полной реальности эту, достаточно легендарную часть Библии, строя на ее основе специальный очерк, придает ему историчность и детально обрисовывает все ситуации, связанные с библейскими героями [59, с. 84—87] Свое повествование он доводит до царя Саула (1020—965 гг. до н. э.), т. е. почти до разделения древнего Израиля на два царства — Израиль и Иудею (около 935 г. до н. э.). На вопрос, зачем все это нужно, у В. А. Сафронова имеется ответ: «Этот же источник (Библия. — *В. М.*) помогает определить в общих чертах этнический состав жителей Харрана, а следовательно, и населения Тель-Хуэйры и майкопских племен» [59, с. 76]. Конечным итогом данного экскурса является утверждение, что в Харране жили представители арамейского племени Фарры — отца Авраама, и далее: «Топонимика, фиксируемая в новоассирийских текстах, локализует поселение этого племени непосредственно в районе Тель-Хуэйра, а археологическое доказательство миграции носителей культуры Тель-Хуэйры является в этом случае и доказательством миграции на Северный Кавказ арамейцев Харрана» [59, с. 94]

Однако всю эту часть Библии — от ветхозаветных праотцов до Саула — историк Дж. ван Ситер (Дж. ван Сетерс, *van Seters J.*) относит ко II тыс. до н. э. [63], как это и принято обычно для так называемого «библейского времени» [64, с. 34, 35], но так как к этому времени племена майкопской культуры уже исчезали со страниц истории, то В. А. Сафронов предпринял свою критику Библии. Он перенес всю указанную ее часть с «еврейскими миграциями» в III тыс. до н. э. [59, с. 73—81] С этой целью, следуя за библейским текстом, автор приводит цифры царствований отдельных царей, междуцарствий, перемирий и т. д., забывая, что верить в таких случаях этому источнику порой просто невозможно, ведь «Бог, по словам одного богослова, оказывал людям благочестивым милость свою, облегчал несчастья их и давал им долгую жизнь». Так, Адам прожил 930, Сиф — 912, сын его Енос — 905, а Мафусаил — 969 лет [65, с. 11]. К этому можно добавить и ту символику чисел, которая пронизывает всю Библию. Вот почему в ее текстах мы сталкиваемся с единообразным набором количества лет, что могло бы насторожить нашего автора. Приведу некоторые из них, упоминаемые В. А. Сафроновым: Иаков через *20 лет* переселился в Ханаан; скитания Моисеева племени длятся *40 лет*; при Аоде мир длился *80 лет;* Сиссарой на *20 лет* подчинил себе Израиль; после этого мир длился *40 лет*; филистимляне покоряют Израиль на *40 лет; 40 лет* правит Илия и т. д. [59, с. 77, 78]. Библия пестрит такими датами. В. А. Сафронов помимо выписанных здесь цифр приводит целую колонку их [59, с. 82], и снова пестрят 20, 40, 80 лет. К этому можно добавить еще число 12. Вполне естественно, что в периоды создания Библии (X—II вв. до н. э.) [66, с. 320—327, табл. 1] ее писцам, духовно управляемым «единым, сущим богом Яхве», история представлялась «как последовательность „отрицательных" или „положительных" богоявлений, каждое из которых имеет свою внутреннюю ценность» [67, с. 103]. Очевидно, в какой-то степени этим и объясняется такая «нарезанность» исторических деяний на четкие, временные доли. Как пишут С. С. Аверинцев и М. Б. Мейлах, в Библии господствует «ритм исторического движения»; не замыкаясь, каждое его звено «получает свой окончательный смысл лишь по связи со всеми остальными» [68, с. 589]. Сказанное подводит к пониманию числовой символики.

Число 4 можно рассматривать как статическую целостность: четыре стороны света, четыре времени года, квадрат и проч. В производных от этого числа (40, 80, 20 и даже 12, которое при делении на три дает цифру 4, а при делении на четыре — цифру 3, символизирующую абсолютное совершенство) [69, с. 630] заложены те же начала целостной беспредельности. Особенно в этом отношении

характерно число 40, употреблявшееся у многих народов в качестве понятия «неопределенного большого множества» [70, с. 41—44] Став единицей измерения, оно могло удваиваться (80), вдвое уменьшаться (20) и выступать в фигуральных выражениях («сорок сороков»). Очевидно, это число было «угодно» богу Яхве и его первосвященникам, затем перешло в христианство и другие религии (в православии: «сороковина» — поминки на 40-й день после смерти; «сорокоуст» — сорокадневные молитвы по умершему; сорокадневный пост и т. д.) [71, с. 275].

Не учтя мифологическую основу начальных книг Библии, мистику чисел и прочие детали, свойственные сугубо религиозной литературе, В. А. Сафронов суммировал упоминавшиеся даты и приплюсовал их к «дате первого царя Израиля Саула», а чтобы все имело вполне убедительный вид, сопряг с «основными хронологическими вехами», взятыми из истории Египта, Месопотамии, Сирии и других стран древности [59, с. 83—94] Вот и получилось, что библейский Фарра, чьи потомки «создали» майкопскую культуру, переселился из Ура в Харран в 2423 г. до н. э., в период процветания фараонов VI династии Египта [59, табл. I]. В таком же духе поданы и другие библейские вехи. Думаю, востоковеды более внимательно просмотрят этот раздел работы В. А. Сафронова. Возможно, здесь имеются рациональные зерна, но главный вывод, который можно сделать, один: никакого отношения Библия и ее персонажи не имеют к майкопской культуре. Это ясно как из сопоставления археологического материала из Майкопа и Тель-Хуэйра, так и после спокойной оценки самого главного привлекаемого источника — Библии.

Если бы семитское племя арамейцев стало бы населением Северного Кавказа, то, вероятно, в языке местных народов остались бы отголоски такого внедрения. Так, в языке многих коренных народов Дагестана имеются слова общего словарного фонда (названия частей тела, некоторых диких и домашних животных, орудий и предметов быта), которые уходят в глубочайшую древность, к системе «относительного единства языка». Оно могло иметь место не ближе энеолита, как пишет Е. А. Бокарев [72, с. 8—18]

Вероятно, следы арамейского языка, пришедшего на Кавказ с племенами столь высокой культуры, сохранились бы среди адыгов (адыгейцев, черкес и кабардинцев) и вайнахов (чеченцев и ингушей), на территориях которых известны древности майкопского типа. Древние археологические культуры последовательно друг с другом связаны, переходят в средневековье и достигают наших дней. Отголоски арамейского языка должны бы еще звучать в их среде. Увы, этого нет. Если и имеются в языках названных народов семитические элементы, то они касаются арабского языка и проникли к ним вместе с мусульманским вероучением и лексиконом Корана [73, с. 163; 74, с. 180; 75, с. 54, 106—108; 76, с. 200 и сл.] Отдельные арамейские слова вошли в кавказские языки и с христианским вероучением [77; с. 78—84] вместе с появлением на Кавказе семитоязычных рукописей и печатных изданий Библии.

В версии, предложенной В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой, более всего удивляет их глубокая уверенность в истинности древнейших глав Библии. В связи с этим можно вспомнить дискуссию между Эразмом Роттердамским и Мартином Лютером о «свободе воли» (начало XVI в.). В процессе ее был затронут вопрос — реальны ли факты, преподносимые Библией, в том числе повествующие об Аврааме и близких ему персонажах? Эразм относился к ним как к символике, полной «тайн, прикрытых словом» [78, с. 100] Лютер же «дела» Авраама рассматривал с «мирской и нравственной позиций» [78, с. 521, 522]. Вероятно, недаром богословы «реалии» жизни Авраама, в том числе и его, по словам Э. Мирча, «внешне абсурдное» жертвоприношение сына Исаака, рассматривают как «начало нового религиозного опыта — *веры*» [67, с. 105], той самой веры, которая породила и иудаизм, и христианство с его сектами, ересями, богоискательством и богостроительством. Как видно, прав

Густав Гече, замечая, что по Библии «необычайно трудно реконструировать давно ушедшее прошлое. Библейские истории полны вымыслов», в силу чего и надо их оценивать с «точки зрения критического реализма» [79, с. 233, 234] И именно таким образом не были оценены библейские тексты В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой. Они были приняты ими на веру, а далее, без должного анализа археологических материалов, была создана теория, по которой огромнейшая территория Западного и Центрального Кавказа была «зеселена» мнимыми выходцами из местечка Тель-Хуэйра.

Но зададим снова уже несколько раз звучавший здесь вопрос — кем же были «майкопцы»? Р. М. Мунчаев предлагает осторожный ответ. Я согласен с такой осторожностью. В исторических исследованиях она часто уместнее поспешной прямолинейности. Р М. Мунчаев говорит о возможной «двуприродности» майкопского населения. «С одной стороны, мы видим сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам». Это может быть, по Р. М. Мунчаеву, «местный этнический массив, говоривший на западнокавказских языках». Но в культуре «майкопа» ощущается и «другой элемент», возможно, по его словам, это даже кашки, жившие в это время «на северо-востоке Понта» [1, с. 413].

Вопрос о происхождении майкопской культуры нельзя считать сколько-нибудь решенным, и можно только пожелать исследователям ее древностей новых открытий и вдумчивого изучения их. И начинать здесь надо со специального обобщения всего наличного археологического материала по майкопской культуре, с выявления сложнейшего вопроса о связи «майкопа» и «новосвободной», с полного выявления предметов импорта, попавших в комплексы данной культуры. При этом широкое знание археологии и истории Кавказа, как и знание этнографии местных народов, будет только на пользу предпринятому делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
2. *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа//МИА. 1961. № 100.
3. *Мерперт Н. Я.* Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году//КСИА. 1962. Вып. 88.
4. *Мунчаев Р. М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3.
5. *Мунчаев Р. М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии//КСИА. 1961. Вып. 84.
6. *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований//КСИА. 1965. Вып. 100.
7. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау//Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
8. *Мунчаев Р. М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
9. *Чубинишвили Т Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.
10. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973.
11. *Марковин В. И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни//КСИА. 1963. Вып. 93.
12. *Марковин В. И.* Материалы по археологии горной части Восточной Чечни//АЭС. 1966. Т. 1.
13. *Магомедов Р Г* Об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана// XIV КЧ по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Оджоникидзе, 1986.
14. *Марковин В. И.* Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы//Культурный прогресс в эпоху бронзы и железа: Тез. докл. Всесоюз. симпоз., посвященного 60-летию образования СССР Ереван, 1982.
15. *Иессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры//КСИА. 1963. Вып. 93.
16. *Джапаридзе О. М.* Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии//VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. М. 1964.
17. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т Н.* Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.//СА. 1963. № 3.
18. *Гаджиев М. Г* Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. Ереван, 1987
19. *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка//Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, 1961 г. М., 1962.
20. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
21. *Кавтарадзе Г Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
22. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
23. *Бетрозов Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа (энеолит и ранняя бронза). Нальчик: Эльбрус, 1982.

24. *Дьяконов И. М.* Языки Передней Азии. М., 1967.
25. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.
26. *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
27. *Николаева Н. А.* Кубано-терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация кубано-терской культуры): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1987.
28. *Спицын А. А.* Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. 1899. Т. XI. Вып. 1, 2.
29. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986.
30. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменов Западного Кавказа // Сообщ. Научно-методического совета по охране памятников культуры МК СССР. Вып. VII. М., 1974.
31. *Блиев М. М.* О некоторых проблемах изучения Северного Кавказа // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
32. *Николаева Н. А.* Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
33. *Николаева Н. А.* Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
34. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192.
35. *Свешников И. К.* Культура шаровидных амфор // САИ. 1983. Вып. В1-27.
36. *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
37. *Бокарев Е. А., Климов Г. А.* Иберийско-кавказские языки. Введение // Языки народов СССР. Т. IV (Иберийско-кавказские языки). М., 1967
38. *Kossina G.* Indogermanen // MB. 1921. N 26.
39. *Kossina G.* Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit // MB. 1921. N 6.
40. *Kossina G.* Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragent nationale Wissenschaft // MB. 1934. N 9.
41. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
42. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
43. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
44. *Гаглойти Ю. С.* Действительность и домыслы // Известия ЮОНИИ. Вып. XXXI. Тбилиси: Мецниереба, 1987.
45. Кумыкско-русский словарь/Ред. Бамматов З. З. М., 1969.
46. Русско-тувинский словарь/Ред. Пальбах А. А. М., 1954.
47. Русско-карачаево-балкарский словарь/Ред. Суюнчев Х. И., Урусбиев И. Х. М., 1966.
48. Арабско-русский словарь. Т. I./Сост. Баранов Х. К. М., 1970.
49. *Тихвинский С. Л.* Состояние и задачи координации исторических исследований//ВИ. 1986. № 9.
50. *Андреева М. В.* Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1.
51. *Трифонов В. А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
52. *Нечитайло А. Л.* Контакты населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху энеолита — ранней бронзы // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
53. *Авдиев В. И.* Кавказ и культура Древнего Востока // Archiv Orientalni. V. XVIII. N 1—2. Praha, 1950.
54. *Виноградов В. Б.* Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
55. *Николаева Н. А.* Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
56. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
57. *Kühne H.* Die Keramik vom Tell Chuēra und ihre Beziehungen zu Funden aus Syrien — Palästina der Turkei und dem Iraq. B. I. Berlin, 1976.
58. *Moortgat A.* Tell Chuēra in Nordost — Syrien. Bericht über die Vierte Grabung-skampagne 1963//WAAF 1964. B. 31.
59. *Сафронов В. А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
60. *Moortgat A.* Tell Chuēra in Nordost — Syrien. Vorläufiger Bericht über die Grabung 1958 / WAAF. 1959. B. 14.
61. *Moortgat A.* Tell Chuēra in Nordost — Syrien. Vorläufiger Bericht über die dritte Grabung-skampagne 1960//WAAF. 1962. B. 24.
62. *Glueck N.* The River Jordan. N. Y., 1968.
63. *Van Seters J.* Abraham in History and Tradition. L., 1975.
64. *Harding G. L.* The Antiquites of Jordan. Amman, 1976.

65. *Темномеров А.* Священная история Ветхого завета. СПб., 1912.
66. Настольная книга атеиста/Под ред. акад. Сказкина С. Д. М., 1971.
67. *Элиде Мирча.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987.
68. *Аверинцев С. С., Мейлах М. Б.* Иудаистическая мифология//Мифы народов мира. Т. I. М., 1980.
69. *Топоров В. Н.* Числа//Мифы народов мира. Т. II. М., 1982.
70. *Бородин А. И.* Число и мистика. Донецк: Донбасс, 1970.
71. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка Т. IV. М., 1955.
72. *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. М., 1961.
73. *Кумахов М. А.* Адыгейский язык // Языки народов СССР. Т. IV (Иберийско-кавказские языки). М., 1967.
74. *Шагиров А. К.* Кабардинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. (Иберийско-кавказские языки). М., 1967
75. *Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
76. *Алироев И. Ю.* Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
77. *Гоцадзе К. М.* Аклдама (склеп) — погребальное сооружение (по данным письменных источников и археологических материалов) // Вест. ГМГ 1986. Вып. XXXVIII-В.
78. *Эразм Роттердамский.* Философские произведения. М.: Наука, 1987.
79. *Гече Г* Библейские истории. М.: Мысль, 1988.

V. I. MARKOVIN

DEBATABLE PROBLEMS OF THE ETHNOGENETIC STUDIES OF THE NORTH CAUCASIAN ANTIQUITIES (THE MAIKOP CULTURE)

Summary

For one hundred years archaeologists have been studying the antiquities of the Maikop culture of the Early Bronze period. The ethnic affiliation of the Maikop culture population proved to be the stumbling block. The author disagrees with N. Nikolaeva and V. Safronov to tried to separate the earlier, proper Maikop, cultural complexes from the later ones, the Novosvobodnaya complex and to associate them with the European tribes of the spheric amphoral and cord pottery cultures. There was also an unsubstantiated attempt to associate the Maikop tribes with the Sumers or to consider them the anscestors of the contemporary Karachaevtsy and Balkars (Turkic North Caucasian ethnic groups) (I. Miziev). M. Andreyeva regards the "Maikop population" as newcomers from the region of lakes Van and Urmia. N. Nikolaeva and V. Safronov insist that they might be the Arameans from Harran who lived in the region of Tel Hueira in Syria and were the ancestors of Biblical Terah from the tribe of Shem. The author subjects this opinion to a critical and detailed analysis. His comparison of the archaeological materials from the Northern Caucasus and from Tel Hueira and an analysis of the Bible demonstrate that the version of Nikolaeva and Safronov does not hold water. This question still awaits its solution. The author sides with R. Munchaev who thinks that the Maikop population was the ancestors of the Abhasians-Adyghes who probably had contacts with the earlier population of the southern Pontic area.

М. В. АНДРЕЕВА

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
(несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры)

1. Конечной, «идеальной» целью исторических наук является познание прошлого человечества в максимальной полноте, многосторонности и взаимосвязи. По мере продвижения в глубь времен постепенно сужается диапазон исторических источников, меняется структура наших знаний. В этой постепенности иногда можно отметить некоторые переломные моменты (или эпохи), когда в поле зрения историка впервые попадают письменные исторические свидетельства, однако основными поставщиками исторической информации

© М. В. Андреева, 1990 г.

продолжают оставаться археология, сравнительное языкознание и палеоразделы естественных наук. Надо признать, что изучение этих эпох таит в себе определенный соблазн для исследователя, состоящий в том, чтобы резко, «скачком» расширить доступную проблематику, не располагая при этом ни надежными данными, ни опытом работы с непривычным видом источника. Легко представить себе нетерпение археолога-первобытника, когда лишь «один шаг» отделяет его от соединения молчаливых археологических свидетельств с ожившим, звучащим словом. О том, как труден этот шаг, сколь иллюзорны могут быть решения и выводы на основе «здравого смысла» (во многом состоящего из общепринятых предрассудков), и свидетельствует в первую очередь дискуссия, проводимая на страницах «Советской археологии».

2. Кавказ в эпоху ранней бронзы (финал IV—III тыс. до н. э. в системе традиционной исторической хронологии) — яркий пример описанной выше ситуации. По свидетельству археологических источников материальная культура и Северного Кавказа, и Закавказья формировалась в непосредственном контакте с передневосточным культурным миром, пережившим «городскую революцию» и вступившим в эпоху письменной истории. В настоящее время мне представляются несомненными (хотя и весьма слабо формально-исследовательски разработанными) три основных направления кавказских связей: закавказско-анатолийское (куро-аракская культура); северокавказско-переднеазиатское (майкопская культура; имеются в виду памятники, близкие к Большому Майкопскому кургану в Прикубанье, с одной стороны, и памятники областей к юго-западу от Кавказа — с другой); северокавказско-центрально- и восточноевропейское (майкопская культура: имеются в виду памятники типа Новосвободной, с одной стороны, и широкий круг позднеенеолитических — раннебронзовых культур Европы — с другой [1]). В распоряжении исследователей помимо археологических данных оказались новейшие достижения палеолингвистики в области изучения индоевропейских, афразийских, северокавказских и картвельских языков; появился повод для привлечения к рассмотрению древневосточных письменных памятников.

3. Приводимый В. И. Марковиным в его статье критический разбор различных точек зрения, подкрепленный высказываниями других участников дискуссии, позволяет констатировать существенные расхождения во взглядах. Мне, однако, представляется наиболее актуальным и важным в поисках «камня преткновения» на пути к достоверному знанию сосредоточиться на общих чертах этих иногда противоположных позиций.

4. Прежде всего обращает на себя внимание, что число смельчаков, рискнувших прямо высказаться по вопросу об этнической принадлежности населения Северного Кавказа раннебронзовой эпохи, невелико. Это В. А. Сафронов, Н. А. Николаева, А. Д. Резепкин (писавший в цитируемой В. И. Марковиным работе о «блоке культур с чернолощеной керамикой как носителе индоевропейского этноса»), И. М. Мизиев и сам В. И. Марковин. Остальные исследователи, писавшие о связях майкопской культуры, избегали (по-видимому, не без оснований) этнокультурных реконструкций. Все перечисленные выше авторы являются профессионалами-археологами. Это обстоятельство само по себе придает обсуждению явно междисциплинарной проблемы «узкоцеховой» характер, сильно искажающий перспективу рассмотрения.

4. К числу таких искажений относится, на мой взгляд, выведение на первый план сугубо археологической проблематики: вопросов классификации материала, периодизации и хронологии памятников, выделения археологических общностей, сравнительного анализа материалов различных памятников и культур и т. п. Спору нет: без существенного пополнения фонда источников (в первую очередь за счет малоизвестных пока поселений), без подъема

---

[1] Подробный список литературы, приложенный к статье В. И. Марковина, освобождает меня от необходимости библиографических отсылок на рассмотренные им работы.

систематики на качественно новую ступень (вспомним, что понятие «майкопская культура» для обозначения круга памятников энеолита — раннего бронзового века Северного Кавказа сменило в нашей науке более нейтральное — «эпоха больших кубанских курганов» без сколько-нибудь развернутых обоснований [2]; что до сих пор не получены достаточные стратиграфические основания для проверки предложенных периодизаций; что расхождения в предлагаемых датировках для Большого майкопского кургана составляют ни много ни мало около тысячи лет), без повышения строгости методов сравнительных исследований (по сей день споры ведутся на уровне «похоже — не похоже» или даже «по-моему, похоже — а по-моему, нет») — без всего этого археология оказывается сегодня не готовой к решению проблем этнокультурной истории. Однако ошибочно было бы полагать, что такое «естественное» развитие археологического источниковедения само по себе приведет к достоверным историческим реконструкциям. Тем не менее создается впечатление, что рядом авторов установление сходства элементов материальной культуры ipso facto воспринимается как доказательство этнического и языкового родства. Вопрос о том, каким образом от археологических свидетельств культурных контактов и преемственности можно восходить к реалиям другого порядка, ни в общем виде, ни в конкретном приложении к кавказским древностям не встает. Истинный или мнимый параллелизм *в результатах* археологических, исторических или палеолингвистических штудий признается не за отправную точку разработки проблемы, а за ее решение.

5. Хочется еще раз привести высказывание И. М. Дьяконова, однажды уже цитированное в археологической литературе [1, с. 47], о привязке «лингвистических материалов к археологическим: отдельные схождения ничего не доказывают — сопоставлять можно только систему с системой, структуру со структурой. Особенно важна такая привязка в эпохи крупных общественных и культурных сдвигов, когда появляется возможность синхронизировать появление многих новых реалий и новых терминов для них» [2, с. 12] Если отнестись ответственно к понятию «система», не подменяя его в конкретных исследованиях куда более доступным понятием «набор», то становится очевидным, что археологи, вводящие в свои работы лингвистический материал, в известном смысле узурпируют чужую область. Выделить систему (или системы) взаимосвязанных терминов и вычленить среди них структуры, доступные реконструированию на материалах археологии должен лингвист, работающий в контакте с археологом. В свою очередь археологу следует сосредоточить усилия на разработке связанных с языковыми реалиями поведенческих моделей и изучении способа отражения их в памятниках материальной культуры. В настоящее время достижения обеих наук таковы, что вопрос о возможной языковой и этнической принадлежности населения, оставившего археологические памятники раннего бронзового века Кавказа, должен возникать не на стадии обобщающих исследований по той или иной археологической культуре или эпохе, а на стадии первичной обработки материала: проще говоря, археолог должен выезжать в поле, имея определенную программу сбора данных по этой проблематике (но, разумеется, ею не ограничиваясь).

6. Сказанное предполагает необходимость организации контактов археологов со специалистами других наук на несколько ином уровне, чем это имело место до сих пор. Участие в конференциях по той или иной общеисторической проблеме, как показывает практика, само по себе не приводит к междисциплинарному диалогу, скорее можно говорить о сериях монологов (см., например, [3, 4]). Примеров совместных работ археологов и лингвистов, явившихся результатами личных контактов, очень мало [5] Чрезвычайно сомнительно, что при столь

---

[2] Переход был закреплен фактическим использованием нового термина в работах московских археологов (Е. И. Крупнова, Т. Б. Поповой, Р. М. Мунчаева, А. А. Формозова) в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

слабом организационном обеспечении нам когда-нибудь удастся перевести этнокультурную интерпретацию материалов каменного и бронзового веков из разряда маргинальных в ранг приоритетных проблем археологии (насколько мне известно, такой поворот предусмотрен перспективным научным планом Института археологии). В связи с этим было бы весьма актуально создание на базе нашего института постоянно действующего семинара «Первобытная археология и сравнительно-историческое языкознание: точки пересечения» с привлечением археологов, лингвистов, этнографов, историков первобытного общества. Цель работы этого семинара — подготовка совместных лингво-этноархеологических разработок, в том числе и по кавказской тематике.

7 Очевидно, непосредственное участие в семинаре ученых смежных специальностей снимет с рассмотрения ряд вопросов, которые могли появиться только при обсуждении, так сказать, при закрытых дверях: например, о том, что понятия «этнос» и «язык» не синонимичны, или о том, как следует строить библейскую хронологию в соответствии с достижениями библейской критики.

8. Должна сказать, что ограничиться вышесказанным, не вступая в обсуждение существа различных точек зрения по дискутируемому вопросу, меня побуждает отнюдь не невнимание к работам коллег, но убеждение, что, лишь значительно продвинувшись по пути совместных междисциплинарных исследований, мы сможем различить, что в теориях сегодняшнего дня было прозрением, а что — заблуждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Черных Е. Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
2. *Дьяконов И. М.* Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. и докл. конф. Ч. 2. М., 1984.
3. Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
4. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. и докл. конф. Ч. 1. М.: Наука, 1984.
5. *Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингвоархеологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. и докл. конф. Ч. 2. М.: 1984.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

К ДИСКУССИИ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С момента открытия на рубеже века памятники типа Майкопа — Новосвободной сопоставлялись с переднеазиатскими материалами. А. А. Иессен [1, 2] предполагал сложение майкопской культуры (термин вошел в широкое употребление после 1957 г. [3, с. 56]) под влиянием ближневосточных импортов. Узко локализовать к югу от Кавказа их источник не удалось до сих пор. Так, Р. М. Мунчаев очень осторожно пишет о сходстве майкопской керамики с посудой Северной Месопотамии [4, с. 375] В. А. Трифонов относит майкопскую культуру к гаврскому кругу [5, с. 20] Накопление нового материала за последние десятилетия все более подтверждает своеобразие Майкопа — Новосвободной, отсутствие аналогичных культурных комплексов за пределами Кавказа. Спустя 30—40 лет после выхода в свет работ А. А. Иессена дискуссионными стали вопросы хронологии, внутренней периодизации, формирования раннего бронзового века (РБВ) Предкавказья. Подвергается сомнению присутствие импортов среди бронзовых, серебряных, золотых изделий Большого

© С. Н. Кореневский, 1990 г.

Майкопского кургана (БМК) [6, 7] Миграционный путь возникновения Майкопа М. Гимбутас предположила в 1956 г. Она связывала появление памятников такого типа с переселением на Северный Кавказ населения с Ближнего Востока (Near East) [8, с. 59]. В 1982 г. Н. А. Николаева и В. А. Сафронов опубликовали цикл статей, призванный убедить читателей в том, что этим народом являлись арамейцы Харрана. Основные моменты построения их концепции таковы. Материалы круга Майкопа рассматриваются как отдельная культура по сравнению с кругом памятников Новосвободной. Художественный стиль кубков БМК отождествляется с искусством Тель-Хуэйры, несмотря на то, что кубки с пейзажем, зооморфной символикой в натуралистической манере, выгравированной на металле, среди находок телля отсутствуют. Дата Майкопа в Предкавказье определяется концом XXIV в. до н. э., эпохой Саргона. Время сложения Майкопа за пределами Предкавказья датируется периодом РД III. Керамика Майкопа, по мнению В. А. Сафронова, имеет полные аналогии лишь в коллекции Хуэйры. В итоге объявляется единство материальной культуры Майкопа и северосирийского памятника, означающее тождество их этнических носителей. Находится письменный источник арамейской миграции в Предкавказье, происходящий из Харрана,— Библия. Ее события передатируются, чтобы приблизить время действия библейских персонажей к датам РБВ Предкавказья и Тель-Хуэйры [9—11; 12, с. 15] Круг вопросов, затронутых публикациями В. А. Сафронова, довольно широк. Остановлюсь только на некоторых. Н. А. Николаева одним из поводов к написанию упомянутого выше цикла статей называет передатировку майкопской культуры концом IV— первой половиной III тыс. до н. э. (без учета калиброванных дат C^{14} памятников Южного Кавказа) [9, с. 97] Действительно, со второй половины 70-х годов в литературе вновь наметился процесс удревнения хронологии памятников Майкопа — Новосвободной относительно установленных А. А. Иессеном дат 2500—2000 гг. до н. э. М. В. Андреева акцентировала внимание на сходстве стиля майкопских кубков с традициями зооморфного натурализма Урука и протописьменного периода, вернувшись к точке зрения М. И. Ростовцева [13, 14]. Аналогии золотым граненым бусам из погр. 3 кург. 5 у с. Чегем I удалось найти в контексте классификации украшений царского кладбища Ура. Л. Вулли специально отмечает отсутствие такого вида бус в саргонских могилах [15]. Находки бронзовых копий со штыковидным насадом из слоя Джемдет-Насра в Арслан-Тепе отвергли доводы о причастности этого типа оружия только к саргонскому времени [7, с. 96; 16] и поставили под сомнение традиционные даты новосвободненского этапа — 2300—2000 гг. до н. э. [17]. А. А. Нехаев опубликовал печать, сделанную в стиле додинастического времени, из захоронения майкопской культуры близ г. Красногвардейска и датировал ее концом IV — началом III тыс. до н. э. [18] Керамику, близкую к майкопской посуде, Л. И. Глонти и А. И. Джавахишвили обнаружили в слое, подстилающем куро-аракские напластования на пос. Бериклдееби [19, с. 84, рис. 3] Ее формы, представленные фрагментами пифоса и шаровидного сосуда, нетипичны для куро-аракской культуры. В какой-то мере эти горшки можно сопоставить с позднеэнеолитической керамикой цопи-гинчинской группы [20, с. 49; 21, с. 31, рис. 9, *18—20,* с. 47, рис. 18, *1, 20*; 22, с. 11, 16]. Охристая посуда ее поселений неоднократно сравнивалась с майкопской. Г Г Пхакадзе сообщает об обнаруженной на поселении Абастумани керамике типа пещерных стоянок Рион-Квирильского бассейна, Майкопа и чернолощеных сосудов куро-аракской культуры [20, с. 51] Таким образом, можно прийти к выводу, что охристая «майкопоподобная» керамика, с примесями или «без примесей», с лощеной поверхностью, появляется на селищах бассейна Куры, южных склонах Большого Кавказа еще на заре становления бронзового века в этом регионе. Она, возможно, в какой-то мере сосуществует с традициями посуды куро-аракской культуры и предшествует времени Саргона в Месопотамии, а также соответствующих напластований Тель-Хуэйры. Конечно, пока преждевременно полностью отождествлять племе-

на майкопской культуры Предкавказья с носителями охристой посуды гор и долин Грузии. Так, например, в «предкуро-аракском» слое Бериклдееби найден фрагмент кости руки человека с медным многовитковым браслетом — атрибутом не майкопского, а южнокавказского погребального обряда эпохи РБВ. В свете археологической типологии хронологический диапазон предкавказских памятников Майкопа — Новосвободной, видимо, приходится на период более поздний, чем энеолит цопи-гинчинской группы, и простирается до наступления этапа РБ III в долине Куры, на южных склонах Главного хребта, т. е. он соответствует периодам РБ I, РБ II по терминологии К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили: концу IV — началу и первой половине III тыс. до н. э. [23, с. 257, 258]. Ту же синхронизацию подтверждают стадиально своеобразные бронзы Майкопа — Новосвободной, которые находят аналогии среди материалов куро-аракских поселений Дагестана (втульчатые топоры, отливаемые с брюшка) [24].

Можно ли считать, что переднеазиатские, южнокавказские параллели сейчас узко датируют время БМК? Является ли последний памятник эталоном культуры и репером ее нижней даты? Конечно, нет. Найденные в Майкопском кургане девять глиняных сосудов и металлический инвентарь ни в коей мере не отражают весь ассортимент посуды поселений и набор металлических изделий. Критериями «эпохи Майкопа» в целом могут быть лишь находки более широкого круга захоронений, поселенческий материал. БМК уникален. В нем захоронен человек высокого ранга. Нет уверенности в том, что погребенные в могиле сокровища были изготовлены в момент жизни этого человека, а не являлись долговременными родовыми символами. Поэтому для установления нижней даты памятников Майкопа — Новосвободной в отмеченном выше диапазоне так необходима корреляция сведений погребального обряда и поселений, данные о которых стали проникать на страницы печати пока лишь в тезисном порядке.

Что же нового для периодизации Майкопа дает цикл работ Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова? Хронология РБВ Предкавказья иллюстрируется В. А. Сафроновым по данным пяти могил из Дзуарикау в рамках схемы с тремя подпериодами — a, b, c (в тексте 1982 г. «b» и «c»). Все пять погребений содержали инвентарь, что существенно, по мнению авторов, для выделения эволюции керамических форм. Стратиграфия курганов показывает перекрытие основных могил 1/20, 2/8 впускными ямами 1/7, 2/5 с галечной вымосткой на дне, устроенной на уровне погребенного дерна или чуть ниже, как пишет Н. А. Николаева [9, с. 18] Однако в статье 1980 г. основной могилой кург. 2 является погребение 2/5. Из пяти захоронений с майкопской атрибутацией оба основных разграблены, не содержат инвентаря [1] В остальных могилах (1/7, 1/8, 2/8) найдена только керамика. Реконструировано семь форм мисок и шаровидных сосудов [26, с. 21, 22, 30] Это скудный материал для выводов в масштабах всего Предкавказья. Стратиграфическая ситуация в кург. 1 не вполне ясна. Опубликованные профили не имеют расшифровки условных обозначений. Была ли насыпь над основной могилой 1/20? При описании перекрывшего его захоронения 1/7 в публикациях 1980 и 1982 гг. приводятся противоречивые сведения. Выкид могилы 1/7 лег на древний слой погребенной почвы и в то же время захоронение 1/7 врезалось в более раннюю насыпь над могилой 1/20 [9, с. 18; 26, с. 22] Неверно типологически (как новосвободненский) определен топор из более позднего захоронения 1/19 [26, с. 29]. Его конфигурация близка к формам постмайкопского времени — типа «Московское» [27, с. 24, рис. 3, 1—5] Обратить внимание на последнюю параллель следует для того, чтобы не соотносить сосуды на ножках из могилы 1/19 Дзуарикау с посудой

[1] В моей работе вышедшей в 1988 г. [25], допущена неточность в упоминании количества разграбленных могил Дзуарикау. Пользуюсь случаем ее исправить. На выводы статьи она влияния не оказывает.

майкопско-новосвободненской общности. На материалах Дзуарикау остался недоказанным методический прием В. А. Сафронова, примененный при выделении этапов, согласно которому начиная с 1974 г. [28] при игнорировании классификации всех артефактов погребального обряда, сплошного рассмотрения взаимовстречаемости предметов в комплексах захоронений им излагается периодизация курганных памятников Предкавказья. В каждом конкретном случае надо специально обосновывать, может ли любое стратиграфическое перекрытие отождествляться с «горизонтом», «этапом» культуры.

Н. А. Николаева и В. А. Сафронов верно подметили острую нужду в классификации керамики майкопской культуры. К сожалению, В. А. Сафронов сделал шаг в ее создании только для отождествления посуды Майкопа с керамическими формами Тель-Хуэйры. Всего им рассмотрено более 140 сосудов. Источником информации служат рисунки, фотографии вещей, помещенные в публикациях порой в разных ракурсах. В результате перекалькировки изображений получилась подборка форм керамики Предкавказья и северосирийского памятника, не всегда соответствующих первоисточнику. Чертежи Кюне с изображением профилей сосудов заменены целыми контурами на рисунках [11] Особенности венчиков северосирийского памятника потеряли свою выразительность. Их словесное описание [11, с. 69] не заменяет графического сопоставления с целью выяснения тождества и различий (последние очевидны). По рисункам Кюне [29] заметно, что для шаровидных форм Тель-Хуэйры нетипичны, например, переходы под острым углом на внутренней предвенчиковой части, характерные для майкопской посуды. Из намеченных восьми групп майкопской керамики В. А. Сафронов описал только четыре. Абсолютные размеры сосудов в классификации полностью игнорируются. Попытки В. А. Сафронова дать «технологические» характеристики предкавказской керамике дискуссионны. Спорна методика определения быстро или медленно вращающегося гончарного круга. Рекомендуется, но только с помощью специальной методики, определять функцию круга при производстве посуды [30, с. 37—66]. Неверно утверждение об отсутствии растительных примесей в керамике майкопской культуры. Неубедительна попытка придать цветовым гаммам сосудов хронологический аспект, не говоря уже о неправомерности суждений о посуде Пятигорья по коллекции из разрушенных могил Усть-Джегутинского некрополя [11, с. 66, 67] Для решения подобных вопросов только погребальной керамики недостаточно. Заключительный вывод о совпадении во всех деталях технологического процесса изготовления сосудов Майкопа и Тель-Хуэйры проблематичен. Вопрос о технологии изготовления керамики РБВ Предкавказья далеко еще не изучен. Классификация В. А. Сафронова прежде всего является наблюдением за сосудами из захоронений. Она не учитывает комплексы поселений, несмотря на отдельные ссылки о «непогребальных» формах из селищ [11, с. 65] Например, те типы, которые в могилах круга Майкопа, по В. А. Сафронову, не представлены, в частности сосуды с ручками, известны на поселениях с керамикой Майкопа [31, 32]. В связи с открытием в последние годы новых поселений майкопской культуры: Псекупского, Серегинского, Большетегинского, Галюгаевского и др.— видимо, еще предстоит выяснить, в чем заключается специфика форм посуды РБВ Предкавказья. Вывод о том, что керамический комплекс Майкопа находит полные аналогии на Тель-Хуэйре и только там, сомнителен. С другой стороны, многие сосуды северосирийского памятника отличны от предкавказских находок. Сравнение категорий металла, кости, камня между Майкопом и Тель-Хуэйрой В. А. Сафроновым не проведено. В результате при сопоставлении этих коллекций полноценного анализа не получилось. Не ясно, какие данные имеются у В. А. Сафронова, чтобы писать о происхождении бронзовых топоров майкопской культуры от плоских тесел с муфтой из Тель-Хуэйры [11, с. 70] Таких данных нет. В итоге обобщающий вывод В. А. Сафронова «о полном совпаде-

нии материальной культуры Майкопа и Тель-Хуэйры» [11, с. 70] не может претендовать на научную достоверность.

С точки зрения анализа археологического материала почва для отождествления населения Тель-Хуэйры с носителями материальной культуры и погребальных обрядов Майкопа отсутствует. Нет научных обоснований и для мнения об арамейской основе этноса майкопской культуры [9, с. 27]. Вряд ли следует подкреплять доводами аксиому о том, что без данных лингвистики, при практически полном отсутствии антропологических сведений о типе населения майкопской культуры ее носителей нельзя сопоставлять с каким-либо конкретным народом, отмеченным в письменных источниках, в том числе с арамейцами Харрана.

Если рассмотренную выше попытку интерпретации этноса майкопской культуры нельзя признать обоснованной, то невольно возникает вопрос: можно ли вообще говорить о перспективах перевода археологических данных на информацию о древних этносах [33]? Методически эта проблема для эпохи бронзы Предкавказья еще не решена. Очевидно, в ее основе должен лежать всесторонний анализ материальной культуры, погребальной практики, бытовых памятников, наиболее полно отражающих черты культуры носителей. Затем, видимо, следует искать специфические элементы археологического комплекса, которые потенциально способны содержать информацию об этническом носителе. Вспомним, например, известные в средневековой археологии предметные индикаторы этнородовых групп: височные подвески вятичей, кривичей, радимичей, северян и тому подобные атрибуты погребальных костюмов. Археологическая традиция, как правило, увязывает этнос с обликом керамики. Но можно ли об этом говорить во всех случаях и в каких нельзя? Одно ясно: анализ керамики для постановки таких проблем должен быть всесторонним, учитывать ее формальные особенности, технологию производства, весь спектр информации о гончарном искусстве. В итоговом исследовании целесообразно было бы рассмотреть вопрос, отражают ли наши археологические источники по «культуре» бронзового века один или несколько этносов, каковы критерии правомерности таких выводов. В отдельных, конкретных ситуациях оправдана будет гипотетическая постановка вопроса: какой это был этнос? В других — заключение о невозможности этнической интерпретации археологических источников.

В этнографической литературе понятие «этнос» трактуется по-разному. Применительно к родоплеменному обществу с производящей экономикой попытаемся предложить «усредненную» формулировку, опираясь на мнения специалистов-этнографов [34, с. 147; 35, с. 77, 78] Этнос — это локальная общность, которая характеризуется сходством языка, диалектов (но не обязательно), обладает самосознанием единства. Этносу присущ определенный хозяйственно-культурный тип, ландшафтная ниша обитания, близость материальной, духовной культуры, религии, моно- или полиритуализм в погребальных обрядах. Этнос находится в постоянном контакте с другими этносами. В нем есть элементы застоя наряду с тенденциями развития. Он может иметь моно- или полигенетическое сложение, адаптировать выходцев из других этнических групп, создавать условия для вычленения за его границы своих носителей. Естественно, что археологические источники могут только частично отразить черты этноса. На их основе более уместно ставить вопросы о палеоэтносах, для которых восстановить языковую группу, антропологический облик, генетические корни весьма проблематично, порой невозможно. В любом случае исследования в этом направлении должны опираться на методику, на систематизированный археологический материал, способный по своим свойствам создать базу для такой этнокультурной интерпретации.

В статье, посвященной дискуссионным вопросам этногенетической истории населения бронзового века Северного Кавказа, В. И. Марковин, на мой взгляд, справедливо высказывает скептическое отношение к арамейской атри-

бутации носителей майкопской культуры. Более осторожно на современном этапе накопления источников, мне кажется, должен решаться вопрос о наследии Майкопа — Новосвободной. Хорошо известен факт о резких изменениях материальной культуры, погребальных обрядов племен Прикубанья, Кавминвод, Моздокских степей в эпоху СБВ. Носителями новых традиций стали различные племена с «новотитаровским ритуалом», скорченным на спине, «энеолитическим» и вытянутым на спине способом ингумации. Скорченный на боку обряд положения сородича отмечен, например, в Кабардинской долине. Слабое освещение данных антропологии сейчас не позволяет полноценно судить об изменениях в этом плане. В горной зоне Северного Кавказа прослеживается миграция посткуро-аракского населения [36, 37] Ее влияние проникает в долины и горы Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии (Т-образные булавки, арочные топоры, комплекс Андреевской долины, беденский тип топора из могильника Гатын-Кале и т. п.). Все это заставляет думать, что переход к эпохе средней бронзы в Предкавказье носил этнически многокомпонентный, многообразный характер. Он включал в отдельных районах элементы наследия ранней бронзы, черты воздействия степных пространств севера и Южного Кавказа. Конкретизация данного процесса является уделом будущих работ кавказоведов, связанных с систематизацией уже имеющихся материалов и с расширением источниковедческой базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейших корнях металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. Вып. 120.
2. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Вып. XII.
3. *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
4. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
5. *Трифонов В. А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987 Вып. 192.
6. *Кореневский С. Н.* К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
7 *Кондрашев А. В., Резепкин А. Д.* Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. 1988. № 193.
8. *Gimbutas M.* The Prehistory of Eastern Europe. Pt I. Cambridge, 1956.
9. *Николаева Н. А.* Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибутации майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
10. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
11. *Сафронов В. А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
12. *Сафронов В. А.* Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники азово-каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
13. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 3.
14. *Андреева М. В.* Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1.
15. *Кореневский С. Н.* Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. 1981. № 1.
16. *Palmieri A.* Excavations at Arslantepe (Malaiya) // Anatolian Studies. 1981. V 31.
17 *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // Тез. докл. на заседаниях ИА АН СССР, посвящ. итогам полевых исследований 1961 г М., 1962.
18. *Нехаев А. А.* Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. 1986. № 1.
19. *Глонти Л. И., Джавахишвили А. И.* Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы — Бериклдееби // КСИА. 1987. Вып. 192.
20. *Пхакадзе Г Г* К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV — середина III тыс. до н. э.) // СА. 1988. № 2.
21. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
22. *Кавтарадзе Г Л.* Некоторые вопросы хронологии Грузии эпохи энеолита, ранней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
23. *Кореневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984.

24. *Гаджиев М. Г.* Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987
25. *Кореневский С. Н.* Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
26. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
27. *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
28. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников Северного Кавказа // Сообщ. НМСОПК. М.: Знание, 1974.
29. *Kühne H.* Die Keramik vom Tell Chuera und ihre Beziehungen zu Funden aus Syrien Palästina, der Turkey und dem Iraq. B., 1976.
30. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
31. *Ловпаче Н. Г., Дитлер П. А.* Псекупское поселение № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
32. *Кореневский С. Н.* Охранные раскопки на Галюгаевском поселении майкопской культуры // XV КЧ. Тез. докл. Махачкала, 1988.
33. *Клейн Л. С.* Этнос и археологическая культура // Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. 90-летию М. И. Артамонова. Л., 1988, 12—15 декабря. Л., 1988.
34. *Крюков Л. Е.* Этнические и политические общности: динамика, взаимодействие // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
35. *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
36. *Кореневский С. Н.* Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
37. *Ростунов В. Л.* Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роль в этнокультурном процессе второй половины III — начала II тыс. до н. э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

И. М. МИЗИЕВ

О СОЗДАТЕЛЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Открывающая дискуссию статья В. И. Марковина прежде всего резко противоречит мнению Р. М. Мунчаева о пришлом компоненте в составе майкопских племен: «Что это за племена, откуда они сюда проникли и на каком языке говорили, остается неясным. Во всяком случае несомненно, что они расселились по всему Северному Кавказу. Можно ли их связывать с хеттскими племенами, в частности с кашками, обитавшими в конце III или начале II тыс. до н. э. на северо-востоке Понта? Для ответа на этот вопрос и подобные ему мы не располагаем сколь-нибудь надежными данными» [1, с. 413]

На мой взгляд, обсуждаемая работа порождает ряд вопросов, наглядно характеризующих методику автора: 1) всегда ли «движение вещей» свидетельствует об этнических перемещениях? 2) можно ли говорить об этническом содержании археологической культуры только на основе отдельных предметов быта, без анализа погребального обряда? 3) оправдано ли рассуждение о происхождении майкопской культуры в отрыве от происхождения курганного обряда? 4) разве курганы впервые появляются в земледельческой, кавказской, дольменной культурах? 5) в конечном счете можно ли говорить об этнической атрибутике культуры, если вовсе не затрагивается история зарождения погребального обряда?

Как видно из статьи, об этническом содержании «майкопа» автор судит лишь по предметам быта и роскоши. Однако подобные предметы имеют и свои «ноги»: легко кочуя из культуры в культуру, они фиксируют уровень и интенсивность культурно-экономических контактов. Если «движение вещей» в эпоху энеолита и бронзы не сопровождается керамикой, говорить о перемещениях этниче-

© И. М. Мизиев, 1990 г.

ских групп трудно [2, с. 26]. Но даже «сходство керамики нередко может свидетельствовать лишь о том, что население заимствовало у своих соседей неизвестное ему ранее искусство выделки и орнаментации сосудов» [3, с. 37] Когда предметы культуры и быта, специфическая керамика подкрепляются еще и погребальным обрядом, тогда есть основания обсуждать проблему этнических перемещений и этнического содержания культур.

О критике, прозвучавшей в мой адрес. Не скрою, рад, что «рецензент» ни одного моего довода не опровергнул, ни на один из многочисленных вопросов, вытекающих из первоисточников, не ответил, хотя я и предупреждал, что не все в моей книге может восприниматься однозначно. Сказать, что книга плохая, легко, труднее спокойно разобраться во всех ее положениях. Грубое отторжение из контекста отдельных фраз превращает в бессмыслицу любой вывод ученого, как это случилось с упомянутым выводом Р. М. Мунчаева.

О логике. 1. Под прикрытием слова «очевидно» оппонент и мне приписал то, чего я не говорил. Можно сравнить: «В обозримом прошлом, применительно к Северному Кавказу, можно лишь предполагать, что они могли зарождаться еще в эпоху знаменитой майкопской археологической культуры конца III тысячелетия до н. э. Ни одна из предшествовавших и последующих за ней культур не имела таких прямых и всесторонних параллелей с культурами Передней Азии, в т. ч. городов Киши, Ур, Лагаш и др. К сожалению, никто не пытался связать наличие массы шумеро-тюркских языковых параллелей с кругом поразительных параллелей между майкопской культурой и культурами древней Передней Азии. Для постановки такого вопроса теперь материал накапливается» [4, с. 30] Вот все, что сказано во всей моей книге о майкопской культуре.

2. В. И. Марковин упрекает меня в том, будто бы я «мимоходом заметил об этнической близости майкопцев с племенами Двуречья». Во-первых, нет необходимости каждый раз муссировать тезис, постулируемый со времен Н. И. Веселовского. Во-вторых, в моей книге, специально не посвященной майкопской культуре, такой необходимости и вовсе нет. Несколькими строками ниже В. И. Марковин пишет: «Я не думаю отрицать сам факт связей носителей майкопской культуры с населением Месопотамии, Малой Азии, Египта и Индии. Этому вопросу посвятили свои труды многие ученые». Стоило ли тогда упрекать меня? Тем более, что перед вырванной В. И. Марковиным из контекста фразой я посвятил этим связям 1,5 страницы, а в специальной статье оппонента об этом всего лишь процитированное предложение. Вряд ли уместно соизмерять, кто — «бегло», что — «мимоходом».

Ссылаясь на статью С. Л. Тихвинского [5, с. 10, 11], В. И. Марковин выражает согласие с его взглядами. Я этих взглядов не разделяю.

О тюркизмах. Я думаю, опрометчиво вступать в спор о тюркских языках, ведая о них по русско-тувинскому и русско-кумыкскому словарям. Для подкрепления своих суждений В. И. Марковину следовало, видимо, обратиться не к Ю. С. Гаглойти, а ко многим словарям тюркских языков, к трудам востоковедов, индоевропеистов, тюркологов [6—15]. Считаю необходимым предостеречь оппонента от дальнейших ошибок.

1. «Русско-карачаево-балкарский словарь» явился серьезным подспорьем в возрождении печатной культуры в первые годы восстановления автономии карачаевцев и балкарцев. Однако он не вобрал в себя и $^{2}/_{3}$ лексического фонда, поскольку был наспех составлен по заготовленному русскому словнику для нужд тех лет. Не зная этого, оппонент опрометчиво повторил, что слово «къыр» происходит от понятия «асфальт».

2. В. И. Марковин, очевидно, перепутал слова ЭР и ЕР, не учел, что в тюркских языках есть еще масса сходно звучащих слов, означающих совершенно разные понятия: ЭР — муж, мужчина; ЕР — земля, место; ЙЕР — седло, ИЕР — отпускать; ЁР — вертикаль, ЮЮР — семья, ЮР — лаять или же: АТ — лошадь, АТ — имя, АТ — бросать; ЭТ — мясо, ЭТ — сделать; ЁТ — проходить, ЁТ — дух, смелость; КИР — грязь, КИР — заходить, КИРИУ — десна, КЕР —

растягивать, КЁР — могила, КЁР — смотреть; ҚЪЫР — истреблять, КЪЫР — скоблить, КЪЫР — окраина; ЧАРХ — колесо, ЧАРХ — стан, тело, организм, ЧАРХ — ствол дерева. Наивно полагать, что европейские ученые в точности могли воспроизвести всю эту гамму фонетических разночтений в клинописных текстах.

О шумерском вопросе. 1. Шумеро-семитские, шумеро-индоевропейские и другие языковые параллели давно имеют место в науке. Никто не обходится с ними так бестактно, как с шумеро-тюркскими, лишая последние научного статуса. Объявить десятки уникальных шумеро-балкаро-карачаевских лексических схождений простым созвучием довольно легко, но ведь я ставил вопрос о том, почему же столь разительные «созвучия» в массе обнаруживаются именно в тюркских языках? Я и теперь думаю, что этот вопрос требует самого пристального изучения.

2. В вину мне ставится то, что слово «Биллахи» восходит к арабскому и встречается во многих кавказских языках. Иначе и быть не могло. Разве можно отрицать влияние шумерского на арабский и кавказские языки? Для них он был таким же древним источником. Многие слова из греческого вошли в различные языки мира, но они ведь не перестают оставаться греческими. Каждый из кавказских народов вправе выявлять свои языковые параллели с этим древним источником. Я предпринял это с позиций своего языка, не притесняя, не ущемляя возможности других. Материал более чем позволил мне это сделать. Признать или не признать результаты — это дело оппонентов. Важно, что от их отношения к проблеме не исчезают сами параллели. Кстати, слово «Биллахи» на арабском означает не «аллах», как думает В. И. Марковин, а «с аллахом». Да и само слово «аллах» арабы не этимологизируют; возможно, оно тоже уходит в глубь истории шумерского наследия, поскольку даже такие мусульманские термины, как «намаз», «шукур», также шумерские: «искусство врачевать», «благотворительная повязка».

3. На с. 18 своей книги [4] я предупреждал, что выбираю почти не встречающиеся в других языках слова. В. И. Марковин преднамеренно «не заметил» этого, чтобы упрекнуть меня за то, что он не находит их в кумыкском и тувинском словарях. Их нет еще во многих словарях, я же специально подбирал специфические совпадения шумеро-балкаро-карачаевских лексем.

4. Если ученые уверены, что родство шумерского с другими языками не устанавливается [16, с. 84], то зачем преграждать путь никогда не проводившимся сопоставлениям его с карачаево-балкарским языком?

5. На с. 18, 29, 159 [4] я писал, что если верны принятые в науке переводы шумерских текстов, то нельзя просто отмахнуться от очевидных, уникальных шумеро-балкаро-карачаевских языковых схождений, охватывающих важнейшие терминологические пласты этих языков. Как можно отмахнуться, например, от таких фраз, понятных каждому балкарцу и карачаевцу: БА-РА-Е-ДИ (БАРА ЭДИ) — «он шел», У-НА-ТУ (Д) — (АНГА ТУУДУ, ОНА ТУУДУ) — «ему родился», «у него родился»; СУ-ИМ-ЕН-ТАГ — (СОИМ ЭТЕИҚ, СОИМ ЭДААҚ) — «жертву сделаем», «жертву принесем». От таких «созвучий» мало отмахнуться, их надо исследовать.

Глава о шумеро-балкаро-карачаевских параллелях в моей книге в 2 раза больше по объему, чем обсуждаемая статья. Видимо, оппонент поторопился, назвав ее «беглым лингвистическим экскурсом». Если даже беглый экскурс археолога дает такие разительные параллели, легко представить, каковы могут быть результаты исследований специалиста-языковеда.

6. Шумеро-вавилонское «бил» — бог на древнетюркских языках означает близкое по смыслу понятие «мудрость», «знание» [15, с. 97, 98]

7 Шумерский и тюркские языки отличаются своей агглютинативностью в словообразовании [9, с. 58—59; 12, с. 184; 17, с. 43] Достаточно привести один пример. На карачаево-балкарском языке слово ЗАН означает «бок», «сторона». С помощью агглютинации образуется понятие: ЗАН + ы + м + да + гъы + н +

+на+н. Переводится оно: «От того, кто рядом (был, стоял, шел, сидел)». Разве не интересно, почему И. М. Дьяконов, найдя почти эту фразу на статуе Гудея (XXIII в. до н. э.), перевел ее точно так же? [16, с. 432, 433]. Критика хороша, когда предлагается конструктивная альтернатива; если же с порога отбрасывается все новое и на щит поднимается совершенно беспочвенное предположение типа «кашки по всему Северному Кавказу», когда отсутствует осмысление накопленного с 1867 г археологического и историко-этнографического материала, то о каком прогрессе науки можно говорить?

Как создавалась майкопская культура? Мое отношение к этой теме заключается в ответах на следующие вопросы: 1) имеются ли на Северном Кавказе в домайкопское время комплексы степного происхождения и курганные захоронения? 2) находят ли раннемайкопские захоронения по своему инвентарю и погребальному обряду аналогии в Урало-Донском междуречье? 3) является ли курганный обряд привнесенным на Северный Кавказ? 4) можно ли назвать самых ранних «курганников» первыми степняками-кочевниками, проникавшими в Предкавказье? Поскольку ничего другого, кроме единодушного «да», на поставленные вопросы я не предвижу, следовательно, курганный обряд погребения и специфический набор предметов привнесены на Кавказ древнейшими степняками [1, с. 224—236; 18, рис. 10; 19, рис. 5; 20, с. 328; 21, с. 21—34; 22, с. 43; 23, с. 96]

Попав в кавказскую среду в пространстве между протоабхазо-адыгским на северо-западе и протонахско-дагестанским массивами на северо-востоке Предкавказья, степняки испытывали влияние их культуры, многое заимствовали, приспосабливаясь к новому ландшафту и этнографическому региону, многое привнесли сами. Курганы с этого времени надолго входят в предкавказский пейзаж. Даже дольмены «заходят» под курганную насыпь, которая «дольменникам» прежде не была знакома. Последнее обстоятельство, на мой взгляд, серьезный индикатор силы влияния курганной культуры.

В отмеченный промежуток позднее вклиниваются в «катакомбники» эпохи бронзы. «Курганников» и «катакомбников» того периода я склонен рассматривать как праоснову позднейших клиньев в кавказскую среду в лице далеких предков тюркского и иранского населения Центрального Кавказа. Возможно, такой глубокой древностью связей и объясняется чрезвычайная этнокультурная близость современных осетин и карачаево-балкарцев при совершенном различии их языков.

На ранних этапах формирования майкопской культуры еще сохранялись степные традиции: могильная яма облицовывалась деревом, дно устилалось корой, чистой желтой глиной, камышом; умерших сопровождали прежде не характерные для туземного населения конечности, лопатки и астрагалы овец и пр. Позднее все более проявляются кавказские черты: каменные наброски над могильной ямой, галечная вымостка на дне могил и др. [1, с. 315, 316; 24, с. 145—146, 161, 163; 25, с. 49, 50] Меняется и хозяйственный облик племен: если для ранних (автохтонных) слоев майкопских поселений характерно преобладание в стадах свиней (50%), то позднее, под влиянием степных племен, возрастает роль овцеводства, выросшего с 18 до 48% [26, с. 141]

Вожди кочевых племен, сосредоточившие в своих руках огромные стада, знакомясь с достижениями культуры и экономики Южного Кавказа и Передней Азии, совершая туда военные набеги, устанавливая мирные контакты, все более обогащались. Ко времени Большого майкопского кургана мы наблюдаем небывалый ни до, ни после пышный набор роскошных предметов искусства древнейших цивилизаций Востока.

Внезапное прекращение жизни на поселениях куро-аракса в XXIII в. до н. э. многие археологи склонны объяснять влиянием внешних сил [27, с. 27; 28, с. 331; 29, с. 7, 8] Археологически это вполне можно связать с появлением в Закавказье курганов майкопского типа [30, с. 11]

Кто такие майкопцы? 1. «Майкопцы» — это «окавказившиеся» потомки

древнейших «курганников». Главный их этнический определитель — это курганный погребальный обряд, зародившийся в Волго-Уральском междуречье. Симбиоз культуры древнеямников и предкавказских племен в середине III тыс. до н. э. дает, на наш взгляд, раннюю майкопскую культуру.

2. На новосвободненском этапе майкопской культуры курганы проникают на Южный Кавказ, оттуда в Малую Азию. Эта часть «майкопцев» ворвалась в мир древнейших земледельцев. Слияние их культур представляет первую своего рода интеграцию земледельческих и кочевнических культурных течений на далеком юге. В таких случаях, как говорил Ибн-аль-Асир, «земля берет верх». Кочевники превращаются в оседлых и полуоседлых земледельцев и скотоводов.

3. Сведения о вторжении неизвестных племен в Месопотамию с севера и северо-востока, со стороны гор, давно уже стали хрестоматийными [17, с. 43; 31, с. 42, 44, 70; 32, с. 14, 15]

4. Поскольку археология фиксирует «движение курганов» только с севера на юг, а не наоборот, нет возможности говорить о каких-то южных истоках этнической истории майкопских племен-«курганников». О южных истоках майкопцев можно говорить только применительно к их материальной культуре.

Древнейшие «курганники»-праалтайцы. Увязав курганную культуру с предками скифов [18, с. 149—158], ученые остановились на полпути, искусственно прервав эволюционный ряд. Дело в том, что ведущие черты курганного обряда живут в культуре средневековых кочевников евразийских степей (за исключением средневековых «катакомбников») и закладывают основу традиционной культуры тюрко-монгольских народов. Паспортизирующие скифов погребальный обряд (срубы, колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь) и культурные характеристики типа «доители кобылиц», «пьющие кумыс», «живущие в войлочных шатрах» и пр., навсегда приписанные им греко-византийской традицией, во всем комплексе сохранились в тюрко-монгольской среде и не оставили никакого следа в культуре индоевропейцев и ираноязычных народов. Попытка объяснить этот феномен переходом к оседлости, сменой хозяйственно-экономического уклада ираноязычных кочевников слабо аргументируется. Об указанных специфических особенностях культуры скифов не сохранилось сведений даже в фольклоре, языковом фонде ираноязычных кавказцев, в которых Ж. Дюмезиль, В. И. Абаев и др. видят чуть ли не постраничную историю «скифо-сетин» [33—36] Однако при этом ученые игнорируют весьма примечательные и многозначительные факты: у ираноязычных «потомков» скифов не сохранилось своих индоевропейских терминов для обозначения таких хорошо известных скифам понятий, как «море», «лев», «лошадь», «кумыс» [33, с. 47; 37, с. 253; 38] Даже перешедшие к оседлости, изменившие хозяйственный уклад потомки скифов должны были сохранить либо в языке, либо в фольклоре, либо в традиционной культуре что-нибудь из специфически скифского. История знает и нынешних иранцев-кочевников, но и они также не имеют понятия о кумысе, доении кобылиц, употреблении конины, о коневодстве.

Доверяя ретроспективному методу при определении корней скифской культуры, на наш взгляд, нельзя закрывать глаза на то, что истоки традиционной культуры тюрко-монгольских народов восходят к культуре скифов.

Контакты носителей курганной культуры в Европе, Азии и на Кавказе с индоевропейскими и кавказскими племенами могут пролить свет на объяснение присутствия тюркизмов в языках последних, причем на всех историко-культурных уровнях [11, с. 120, 121, 131; 13, с. 437—438; 39, с. 26]

Тюркологи устанавливают, что примерно в IV тыс. до н. э. происходит разделение тюркского и монгольского языков-основ [10, с. 23, 24] Это синхронно с бытованием генетически, антропологически и культурно родственной ямно-афанасьевской этнокультурной общности [20, с. 330, 331; 40, с. 107; 41, с. 116; 42, с. 165], заложившей основу такой же родственно-близкой срубно-андроновской общности. Последнее корреспондируется с разделением на западно-тюркские и восточно-тюркские языки II тыс. до н. э. что в свою очередь, вероятно, легло

в основу известного разделения тюркского этноса на западные и восточные «дома».

На крайнем восточном ареале смешения с неолитическими племенами Прибайкалья, особенно в период синкретизма с окуневцами, в их облике характерным становится эпикантус, которого избежали «курганники», еще в древности переселившиеся из древнейшего очага на запад [20, с. 330, 331; 43, с. 57, 58] В силу этого нам представляется, что, когда речь идет о древности, вероятно, настала пора отказаться от голословно постулируемого мнения: раз тюрки, значит монголоиды [44, с. 27] Наши исследования определяют возможность пересмотра вопроса об изначальной прародине прототюркского этноса в пользу Волго-Уральского междуречья. Алтай и Саяны были «вторичной» территорией их скопления и дальнейшей этнокультурной интеграции. Примерно к такому же выводу приходит Ю. Немет, который писал, что нет оснований отрывать тюркские племена от уральских и относить их первоначальную территорию расселения к Восточной или Средней Азии. По его словам, «старые теории о Средне- или Восточно-Азиатской прародине тюрков либо недостаточно обоснованы, либо устарели» [45, с. 127, 128]

Древнейший язык «курганников» (протоалтайский?) распространялся не из Двуречья на север и северо-восток, а из евразийских степей через Кавказ и юг Туркмении в Месопотамию. Вот почему саяно-алтайские, приаральские, анатолийские, кавказские и другие тюркские языки имеют отношение к шумерскому как целое к своей еще в древности оторвавшейся части.

Таково мое мнение по обсуждаемой проблеме, которая далека еще от окончательного решения и нуждается в тщательном, комплексном, объективном исследовании с применением сравнительно-исторического, культурно-типологического, ретроспективно-этнографического методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
2. *Косарев М. Ф.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // СА. 1972. № 4.
3. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.
4. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
5. *Тихвинский С. А.* Состояние и задачи координации исторических исследований // ВИ. 1986. № 9.
6. *Винклер Г* Духовная культура Вавилона в ее отношении к культурному развитию человечества. М.: Польза, о. г.
7. *Гоммель Ф.* История древнего Востока. СПб., 1905.
8. *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Т. 1. Л., 1966.
9. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии / Пер. Виноградова В. А., Нерознака В. П. М.: Прогресс, 1987
10. *Киекбаев Дж. Г* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа: Башкнигоиздат, 1972.
11. *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
12. *Мамедов Айдын.* Тюркские согласные: анлаут и комбинаторика. Баку: Элм, 1985.
13. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. Кудрявцева Д. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.
14. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986.
15. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
16. *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967
17 *Грозный Б.* Древнейшие судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3—4.
18. История СССР С древнейших времен до наших дней. Первая сер. Т. 1. М.: Наука, 1966.
19. *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973.
20. Энеолит СССР Археология СССР. М.: Наука, 1982.
21. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
22. ОАК за 1899 год. СПб., 1902.
23. ОАК за 1904 год. СПб., 1907
24. *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай, Быллым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984.
25. *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у с. с. Чегем-I, Чегем-II, Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984.

26. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
27. *Меликишвили Г. А.* Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965. № 1.
28. *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1961 (на груз. яз.).
29. *Ростунов В. Л., Наглер А. О.* Об этнокультурных и социально-экономических процессах в Центральном Закавказье в конце III тыс. до н. э. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
30. *Кушнарева К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 134.
31. *Авдиев В. И* История древнего Востока. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1953.
32. *Струве В. В.* Предисловие к кн.: *Маккей Э.* Древняя культура долины Инда. М.: Изд-во иностр. лит., 1951.
33. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
34. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
35. *Калоев Б. А.* Осетины. М.: Наука, 1967 (Изд. 2-е. М.: Наука, 1971).
36. Осетинские нартские сказания / Пер. Либединского Ю. Дзауджикау, 1948.
37. *Исаев М. И.* Осетинский язык // Языки народов СССР Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966.
38. Русско-осетинский словарь. Орджоникидзе, 1974.
39. *Добродомов И. Г* Пути проникновения булгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974.
40. *Алексеев В. П.* Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. Тр. ИЭ. Нов. сер. 1961. Т. 71.
41. *Алексеев В. П.* О брахикранном компоненте в составе афанасьевской культуры // СА. 1961. № 1.
42. *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л.: Наука, 1968.
43. *Киселев С. В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
44. *Дьяконов И. М.* Пути и судьбы // Знание — сила. 1988. № 9.
45. *Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопр. языкознания. 1963. № 6.

В. А. САФРОНОВ

НОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В 1982 г. в серии работ совместно с Н. А. Николаевой мы изложили свою систему взглядов на происхождение, датировку и этногенез майкопской культуры [1—3]. Ранее, в 1974 г. [4, с. 174—199], мы аргументировали тезис о разнокультурности Майкопа и Новосвободной и предложили центральноевропейское происхождение для культуры дольменов Новосвободной, которая до этого традиционно рассматривалась как этап майкопской культуры [5, 6]

Систему своих воззрений мы рассматриваем как альтернативу традиционно сложившейся сумме взглядов, высказанной разными исследователями в разное время, а потому не согласованной в своих звеньях и не являющейся системой. Системный подход, который продемонстрирован нами в работах «майкопского цикла», — это учет всех аспектов майкопской проблемы, рассмотрение всех составляющих майкопского культурного комплекса порознь и в сумме с учетом связей в ареале и диахронии. Системный подход к майкопской проблеме предполагает учет двух основополагающих постулатов: 1) майкопская культура — это система составляющих ее признаков; 2) майкопская культура в свою очередь является частью системы культур энеолита — бронзового века Кавказа и Восточной Европы. В этом суть нашего метода исследования майкопской проблемы, последовательное применение которого помогло бы избежать колебаний дат Майкопа в пределах нескольких тысячелетий и объединения вопреки логике Майкопа и Новосвободной в рамках одной культуры [1, с. 22, 23]

Опровергнуть систему можно только противопоставлением ей альтернативной системы, а не реанимацией отдельных звеньев старых разрозненных схем, неоднократно критикуемых как в прошлом, так и в настоящее время, сущность

© В. А. Сафронов, 1990 г.

которых удачно определена В. А. Трифоновым как «совокупность представлений, лишенная культурно-исторической ценности» [7, с. 18—26].

К таким устаревшим догмам относится никем не обоснованное утверждение, а точнее заблуждение, восходящее к началу века, об однокультурности майкопских и новосвободненских памятников, а также о генетической связи майкопской и северокавказской культур, культурно-исторической общности или области, по В. И. Марковину [8, 9] С этой научной платформы, не поддержанной большинством специалистов (А. Д. Столяр, Л. И. Лавров, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева, Л. С. Клейн, М. В. Андреева, Ю. Ю. Пиотровский, А. Н. Гей, В. Б. Виноградов, В. Б. Дударев и др.), предпринимается В. И. Марковиным критическое изложение основных узлов нашей концепции бронзового века Северного Кавказа в целом, и по Майкопу в частности.

Поскольку изложение оппонентом нашей системы воззрений создает у читателя неверное представление о ней, имеет смысл кратко остановиться на главных выводах наших исследований по майкопской проблеме, акцентируя внимание на степени их обоснования.

Проверка на «однокультурность» памятников Майкопа и Новосвободной предваряет работу по установлению генезиса как Майкопа, так и Новосвободной. Для обоснования отсутствия генетической связи между Майкопом и Новосвободной мы привели 26 признаков погребального обряда Новосвободной, отсутствующих в майкопской культуре, но присутствующих в культуре шаровидных амфор Западной Украины и Польши. Анализ керамического комплекса Майкопа и Новосвободной подтвердил существование двух совершенно разных керамических традиций, тогда как керамика Новосвободной по 9 технологическим признакам и типологии связывается с культурой шаровидных амфор [4, с. 195—199]

Справедливости ради следует отметить, что В. И. Марковин тоже относил дольмены Новосвободной к дольменной культуре и исключал их из майкопской культуры, причем энергично настаивал на разнокультурности эпонимных памятников в следующих выражениях: «...пытались даже найти общее сходство между Майкопом и Новосвободной... общие черты сводились к скорченности костяков, засыпке их охрой и южной ориентации... стало ясно, что памятники майкопского типа и дольменные комплексы представляют собой разные культуры» [10, с. 44] Эти энергичные высказывания не сопровождались доказательствами, но об их «основательности» можно судить хотя бы по утверждаемой в этой же работе миграции дольменной культуры из Пиренеев по южным морям на Западный Кавказ, по аналогиям новосвободненскому крюку и подвеске в полтора оборота, обнаруженным В. И. Марковиным в процессе скрупулезных поисков на Сицилии и в Африке.

Парадоксально, но 4 года спустя В. И. Марковин отказался от идеи разнокультурности Майкопа и Новосвободной, хотя после нашей работы число доказательств возросло многократно [11].

Мы, наоборот, продолжали развивать эту концепцию, включив ее составной частью в решение индоевропейской проблемы. В 1983 г. в монографии «Проблемы индоевропейской прародины» мы привели модель, объясняющую существование аналогий для Новосвободной в ряде культур Причерноморья и Западной Европы, и высказали предположение о хетто-палайской атрибуции Новосвободной [12, с. 84]

Новый исторический уровень, на который мы вывели проблему дольменов Новосвободной, был замечен В. И. Марковиным, который, оставив в стороне археологические факты и всю систему наших доказательств, обрушился на «коссинизм», понимая под этим любой западноевропейский генезис восточноевропейских культур, в том числе и культуры Новосвободной. Резонно было бы спросить нашего оппонента, почему его «африканские» аналогии предпочтительнее 35 аналогий, проводимых нами из памятников Польши и Западной Украины в постулировании западноевропейского происхождения дольменной культуры.

Что касается «антикоссинизма», питаемого работами А. Я. Брюсова и находящего сторонников в лице В. И. Марковина, то сейчас это не актуально. Хочу только напомнить В. И. Марковину, знающему работы Г Коссины понаслышке, из вторых рук, и процитировать тезис из доклада Е. Неуступного в 1976 г.: «Самой обычной (наряду с диффузионистской и скандинавской эволюционистской парадигмами.— *В. С.*) и до сих пор действительной парадигмой среднеевропейского неолита является парадигма Г Коссины. Ее исходным пунктом является мысль, что археологические источники свидетельствуют об истории отдельных этнических групп населения; основной комплекс вопросов этой парадигмы представляют вопросы происхождения отдельных культурных групп, их контактов и их миграций» [13, с. 131]. После серии работ и двух монографий по индоевропейской проблеме, где мы изложили систему своих доказательств по происхождению ряда культур энеолита и бронзового века Восточной Европы и Северного Кавказа, но которые В. И. Марковин игнорирует и не вспоминает, мы не считаем возможным вступать с ним в дискуссию по индоевропейской проблеме из-за явной его неосведомленности в азах этой проблемы, смутного представления о комплексе культуры воронковидных кубков как о «раструбовидных сосудах с рифленым корпусом, культовых янтарных топориках и боевых каменных топорах с кнопкой на обушке» [14, с. 109] и явной заинтересованности перевести дискуссию в ненаучное русло.

Стержневым в проблеме Майкопа является вопрос датировки майкопских памятников в системе относительной и абсолютной хронологии. Установленная нами атрибуция и датировка предмайкопского горизонта на Северном Кавказе как Средний Стог II и период B2/C1 Триполья представляет сейчас уже общепризнанный факт [7, с. 25, сн. 7, 24; 15], поддерживаемый Н. И. Гиджрати, В. А. Трифоновым, А. Д. Резепкиным, А. А. Нехаевым и др. Этот горизонт включает памятники: «Замок» у Пятигорска, нижний слой поселений Мешоко и Свободное в Закубанье, могильник Комаровский курган 2, погребение 18 у Моздока, Веселая Роща в Минводах, Нальчикский могильник, Верхний Акбаш, Джангр 1/3, Архара 18/3 в Калмыкии. Немайкопская атрибуция предмайкопского хронологического горизонта доказывает, что у майкопской культуры нет местных корней, и, таким образом, снимает последние препятствия к установлению происхождения Майкопа через миграционную модель. В то же время дата этого предмайкопского горизонта — Триполье B2/C1 — дает нижнюю хронологическую границу для майкопских памятников в системе относительной хронологии не ранее конца Триполья C1. Вся *система дат* не позволяет удревнить майкопскую культуру ранее середины III тыс. до н. э.

В. И. Марковин вслед за М. В. Андреевой игнорирует данные относительной хронологии для майкопских памятников. Но если М. В. Андреева логично «отрезает» все новосвободненские памятники от новой даты Майкопа IV/III тыс. до н. э. ссылкой на наши работы о разнокультурности Майкопа и Новосвободной [16, с. 39—56], то В. И. Марковин не только не отказывается, а вновь настаивает и на генетической, и на хронологической связи Майкопа и Новосвободной и, не подозревая о том, вменяет себе в обязанность разработать новую систему дат для бронзового века Северного Кавказа с опорой на дату Майкопа IV/III тыс. до н. э., поскольку нельзя изменить дату Майкопа и не изменить даты связанных с ним памятников. Однако кажется, что отсутствие последовательной методики в рассуждениях Марковина позволяет ему не заметить этого логического нонсенса с датами.

Абсолютные даты для майкопской культуры приводятся В. И. Марковиным без указания той системы, из которой взята дата, тогда как расхождение между датами в «средней» и «длинной» шкалах исторической хронологии для второй половины III тыс. до н. э. достигает 200 лет. Сама по себе дата не может рассматриваться вне системы доказательств; осознанное принятие той или иной даты предполагает, что система доказательств должна быть рассмотрена и либо принята, либо отвергнута. Если дату М. В. Андреевой для Майкопа — IV/III тыс. до н. э. мы отвергаем после рассмотрения всех оснований дати-

ровки [17, с. 12, 13], то В. И. Марковин должен был бы, принимая дату М. В. Андреевой, либо отвергнуть наши возражения по дате IV/III тыс. до н. э., либо разрушить нашу систему доказательств. Ни того, ни другого наш оппонент не делает, и, таким образом, дата становится символом веры тому или иному исследователю, знаком ведомственного единства. Но может быть и проще: опровергнуть предложенную нами дату для Майкопа — XXIV — XXIII вв. до н. э. (по системе Биккермана) — просто невыполнимая задача для В. И. Марковина.

Действительно, дата конец XXIV в до н. э. является результирующей 26 дат для составляющих майкопский культурный комплекс, которые находятся в пределах Раннединастический III — начало аккадского периода, т. е. XXV — XXIV вв. до н. э. Точная дата для Майкопа — конец XXIV в. до н. э. — стала возможной, потому что было определено историческое событие, вызвавшее миграцию носителей майкопской культуры из верхнемесопотамских регионов на Северный Кавказ. Это событие — экспансия Аккада на северо-запад.

Эти 26 дат для Майкопа складывались из *даты керамического комплекса Майкопа* (РД III — по памятнику Тель Хуэйра), из *даты* (РД III) *ювелирного стиля* майкопских украшений, из *даты металлокомплекса* (РД III по памятникам шумеро-эламского круга в Мари, Уре, Кише А, Асмаре, Хафадже, Эламе), из *даты печати* (РД III — аналогия в царских гробницах Ура), из *даты начала рафинирования серебра,* т. е. появления той технологической операции, которая позволила перейти к изготовлению больших форм сосудов из серебра (РД II — РД III), *даты изготовления круглой полой и литой скульптуры* (РД II — РД III), *даты начала изготовления медных и бронзовых, золотых рельефов* (РД II/РД III — РД III), *даты сложения майкопского художественного стиля* (РД III). В свою очередь дата майкопского художественного стиля определяется датами бытования каждого из 10 персонажей майкопской композиции на серебряных сосудах в памятниках Древнего Востока, а также пяти сцен, сюжетов. Даты некоторых персонажей («львица», «пятнистый хищник», «кабан»), заходящие в начало аккадской эпохи, позволяют помещать дату сложения майкопской культуры на Древнем Востоке в конец Раннединастического III. Некоторые элементы декора, а также черты нарождающегося ювелирного стиля Аккада (тип ожерелья; полые головки животных с битумным заполнением и креплением, каковая имеется в Старомышастовской, в майкопской культуре) позволяют сближать дату Майкопа и Аккада.

Таким образом, дата майкопского культурного комплекса лежит на стыке хронологических диапазонов существования всех составляющих этого комплекса. Системный подход к датировке Майкопа позволил повысить надежность даты.

Генетическая связь майкопских памятников с памятниками бассейна Верхнего Евфрата (РД III, по месопотамской периодизации, или РБ III — по анатолийской) *впервые была установлена нами в результате сопоставления прежде всего керамических комплексов майкопской культуры (142 сосуда) и поселения Тель Хуэйра (165 сосудов)* — одного из 36 аналогичных памятников, находящихся в Верхней Месопотамии, на территории около 70 тыс. км^2 Если весь наличный объем майкопской керамики сравнивается с одним из 36 памятников Верхнего Евфрата, то не должно быть сомнений у В. И. Марковина, «могут ли выходцы из местечка Тель Хуэйра заселить половину Северного Кавказа», хотя такие «демографические» изыскания вообще малонаучны.

Проведенная нами классификация майкопской керамики разрушила представление о ней как об однообразной, привела в соответствие многообразие майкопской керамики с многообразием керамического комплекса Тель Хуэйра и позволила выполнить сравнительный анализ двух памятников. Было выявлено 40 общих форм, объединенных в 8 функциональных групп (горшки,

кувшины, миски, котлы, дуршлаги, бутыли, сковороды, мангалы). Сходство майкопского комплекса и Тель Хуэйры несомненно, что выражается объективно через коэффициент совмещения, равный 1 (методика расчета этого коэффициента изложена Н. А. Николаевой [18]). Это означает, что все типы майкопской керамики находят точные и полные аналогии в Тель Хуэйре. Этого более чем достаточно, чтобы говорить о связях генетического порядка между двумя памятниками. Если учитывать формы, отсутствующие в Майкопе, но присутствующие в Тель Хуэйре («фиалы и дымовые трубы»), то коэффициент сходства, рассчитанный по формуле $K = s^2 / m \cdot n$, будет равен 0,9. Учитывая наблюдения Кларка, который подтверждает, что коэффициент сходства между памятниками, относящимися к разным вариантам одной культуры, может колебаться от 0,3 до 0,7, в пределах одного варианта — от 0,7 до 1,0, памятники Майкопа и Тель Хуэйры можно считать однокультурными [19, с. 167]

Не имея возможности «перечеркнуть подборку сходных материалов в майкопской культуре и Тель Хуэйра, проделанную В. А. Сафроновым» [14, с. 117], В. И. Марковин обращает внимание, что комплекс Тель Хуэйра объемнее майкопского и по этой причине Майкоп не может быть генетически связан с Тель Хуэйрой.

Если весь набор майкопской материальной культуры находит убедительные аналогии в комплексе из поселения Тель Хуэйра, содержащем лишь несколько типов предметов не обнаруженных в майкопских памятниках, то это может означать лишь культурное и генетическое единство памятников типа Майкопа и Тель Хуэйры.

Несостоятельна попытка В. И. Марковина показать, что мы провели одностороннее сравнение комплексов Майкопа и Тель Хуэйры, опустив архитектуру, глиптику, пластику, хотя тщательность своего прочтения монографии Г. Кюне о Тель Хуэйре В. И. Марковин подчеркивает прописыванием немецких лексических эквивалентов. Так, по Марковину, в Тель Хуэйре только сырцовая архитектура, нет каменных строений, представленных на майкопских поселениях. Однако факты говорят, что каменные постройки зафиксированы как в нижних слоях поселения Тель Хуэйра (каменное здание 5-4), так и в верхних слоях (каменное здание 1) [20, с. 843, 844, № 64]

Осталось неясным, знает ли В. И. Марковин о существовании цилиндрической печати в майкопском погребении у с. Красногвардейское Усть-Лабинского р-на. Если знает, то почему глиптика Тель Хуэйры относится им к чертам отличия ее от Майкопа. В 1988 г. мы писали: «Исключительно важная находка цилиндрической печати в майкопской культуре... завершает портрет майкопской культуры как культуры древневосточного облика наряду с уже отмеченными нами элементами древневосточных культур как сырцовая архитектура, („конуса", стелы-обелиски и т. д.)» [21, с. 30—33] В отличие от первоисследователя ее, А. А. Нехаева, мы нашли аналогию печати в РД III, в царских гробницах Ура, что подтверждает нашу общую датировку Майкопа 1982 г. как конец XXIV в. до н. э., учитывая запаздывание их появления на севере Месопотамии, как полагал Мэллоуэн [22, с. 10], и тем более в Майкопе.

«Огромные серии алебастровых статуэток», по В. И. Марковину, оказываются тремя статуэтками, а глиняная пластика Тель Хуэйры служит хорошим дополнением к ближневосточным аналогиям для майкопских статуэток, уже приводимым А. А. Формозовым [1, с. 24] Таким образом, пластика Тель Хуэйры учитывается нами и не противоречит тезису о генетической связи Майкопа и Тель Хуэйры.

Следует подчеркнуть, что мы впервые ввели в круг аналогий датирующего порядка для майкопской культуры ранее не использующиеся в этих целях категории культурного комплекса Майкопа: это «сирийские бутыли», глиняные конуса как элемент декора в ближневосточной архитектуре (присутствуют и в Тель Хуэйре), рифленый глиняный сосуд с серебристо-черным ангобом (принадлежащий к типам сирийской металловидной керамики). Именно в

Тель Хуэйре сосредотачиваются и другие части майкопского культурного комплекса: серебряные сосуды, скульптурные изображения лошади (вообще редкие в памятниках Месопотамии), медведя, клады украшений, комплекс оружия: топор-тесло, проушной топор, копье с насадом. Все это дает основание думать, что проведенное нами сравнение Майкопа и Тель Хуэйры выдержано в требованиях системного подхода.

Верхнеевфратские истоки для майкопской культуры, выявленные нами, а также указание Г Кюне на сходство керамики Тель Хуэйры с комплексами, которые теперь, как правило, относятся к культуре калициформной керамики, имеют большие последствия для раскрытия этнических процессов, имевших место в Верхней Месопотамии и Плодородном Полумесяце в последней трети III тыс. до н. э., и прямое отношение к той обстановке, в которой проходила миграция майкопской культуры. Возникновение верхнеевфратской цивилизации, представленной памятниками типа Тель Хуэйры, по общему признанию, имело место под сильнейшим культурным влиянием Нижней Месопотамии и связано скорее всего с проникновением оттуда каких-то групп населения. Мэллоуэн называет Тель Хуэйру провинцией Шумера и доказывает присутствие там шумерских ремесленников [23, с. 67] В то же время генетическую связь верхнеевфратских памятников с культурой калициформной керамики Эблы можно считать твердо установленным и признанным фактом. Дж. Мелларт считает, что памятники Северо-Восточной Сирии (тип Тель Хуэйра) явились «прямым потомком калициформной керамики Эблы» [23, с. 27] Вероятно, в результате разрушения Эблы Нарамсином [23, с. 16] носители культуры калициформной керамики продвинулись в Палестину [23, с. 57], где обнаружены позднейшие памятники культуры калициформной керамики, существование которых в этом районе определяется последней четвертью III тыс. до н. э. по ^{14}C и привязкам к абсолютно датированным памятникам Египта, Сирии, Месопотамии [23, с. 55, 56].

Выявленная археологическая ситуация является по сути зеркальным отражением библейской картины передвижения племен Фары из Ура (Нижняя Месопотамия) в Харран (в 60 км от Тель Хуэйры) и после долгого проживания там — в Палестину (кн. *Бытия*, 11:31, 12:4—6). Других исторических событий, так увязывающихся с этой археологической ситуацией, нет, как нет и другой альтернативной археологической ситуации. В течение 215 лет обитали переселенцы в Палестине [3] Приблизительно столько же времени в этом регионе находились и носители культуры калициформной керамики, исчезновение которой исследователи связывают с вторжением в Палестину на рубеже III—II тыс. до н. э. аморейцев [23, с. 60] Прямые указания Библии на войну с аморейцами патриарха Израиля (кн. *Бытия,* 48:22) показывают что, вероятно, явилось причиной переселения его племени в Египет.

Аморейцы являются хорошим индикатором на достоверность библейских событий, а также хронологическим репером, поскольку на исторической арене они присутствовали в течение 4 веков. В конце XVII в. до н. э. хеттами было разрушено государство аморейцев Ямхат; с середины II тыс. до н. э. аморейцы вообще не упоминаются в сохранившихся документах Древнего Востока.

Совершенно такой же период отводится аморейцам в Библии. Они явились той главной силой, против которой была направлена борьба Союза 12 израильских племен после их 215-летнего египетского плена и 40-летнего скитания по пустыне. Эта борьба продолжалась 130 лет. Эта историческая связка исключает всякую возможность помещения Исхода во вторую половину II тыс. до н. э. и точно соотносится с разработанной нами колонкой корреспонденций между эпохальными событиями Библии (таких нами выделено 90) и истории Древнего Востока.

Библейские разработки в нашем исследовании 1982 г. во много раз по значению превышают археологические разработки майкопской проблемы, однако вопреки пониманию В. И. Марковина (или преднамеренной акцен-

тировке) не библейские даты определяют дату Майкопа, а, наоборот, историчность ветхозаветных преданий в своей «доисторической части» стала возможной при адекватной интерпретации археологической ситуации, надежных корреспонденциях и хронологии. Истинность волнующего В. И. Марковина тезиса, были ли «майкопцы» семитами, можно подтвердить другими источниками, а именно материалами Эблы. Исходя из сходства культуры калициформной керамики (археологический эквивалент Эблы) с материалами Тель Хуэйры, мы считаем комплекс Тель Хуэйры общим звеном между майкопской культурой и культурой Эблы. Эблаитские документы упоминают рядом с Харраном город Арманум и армийцев, причем последний является топонимом семитского происхождения, по И. М. Дьяконову (сравни с арамеянами Библии), так же, как и Харран, и топонимика, зафиксированная текстами Мари рубежа III—II тыс. до н. э. Все это служит бесспорным доказательством западносемитской атрибуции населения Тель Хуэйра. Возможно, Тель Хуэйра и есть город Арманум.

Намереваясь дискредитировать и Библию как исторический источник, В. И. Марковин вместо анализа событий Пятикнижия обращается к «магии» чисел Библии. Доведя родословие Фары до Адама (хотя мы использовали только достоверные события Библии) и обнаружив там действительно мифические цифры, В. И. Марковин стремится показать через их призму нелепость и условность всех цифр Библии. Он выводит «правило», по которому в основном повторяются цифры, производные от 4, т. е. 12, 20, 40, 80, хотя каждый может убедиться, что в Библии встречается практически весь натуральный ряд чисел от 1 до 23 и далее вразброс до 100.

Вряд ли научные споры смягчат атеистическую предубежденность В. И. Марковина, да они вряд ли кого и убеждают. Вспомним хотя бы знаменитый диалог Воланда и Берлиоза. Что касается колебаний В. И. Марковина, «кем же были майкопцы?», и «уместности осторожных ответов» Р. М. Мунчаева (кашки, шумеры, хурриты, отдельные группы людей или «излишки населения из Месопотамии», «местный этнический массив, говорящий на западнокавказских языках», местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам [24, с. 376, 412]), то венцом их могут стать слова М. А. Булгакова: «Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере...».

В заключение выражаю благодарность редакции «Советской археологии» за приглашение принять участие в дискуссии. Не могу не высказать сожаления, что личностный характер статьи В. И. Марковина не позволил ему сосредоточиться на майкопской проблеме. Попытки рассмотреть мимоходом такие глобальные проблемы, как индоевропейская или библейская, оказались не подкрепленными ни работами, ни знаниями. В этой связи непонятна безальтернативная и категоричная оценка выводов других авторов. Думается, больше пользы принесло бы обсуждение проблемы за «круглым столом», а не обсуждение статьи В. И. Марковина, являющегося новичком и в «собственно» майкопской проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николаева Н. А.* Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
2. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
3. *Сафронов В. А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
4. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения НМС МК СССР. Вопросы охраны, использования и классификации памятников. М.: Знание, 1974.

5. *Столяр А. Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам работы ГЭ за 1959 г. Л., 1960.
6. *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. АИЯЛИ, 1960. Т. XXXI.
7 *Трифонов В. А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
8. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // МИА. 1960. № 93.
9. *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
10. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа и этногенез абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974.
11. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
12. *Сафронов В. А.* Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983.
13. *Neustupny E.* Paradigmata ve stredoevropskem neolitu // Sbornik praci filozoficke fakulty Brnenske Univerzity. R. XXIV—XXV Brno, 1976.
14. *Марковин В. И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) // СА. 1990. № 4.
15. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
16. *Сафронов В. А.* Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.
17 *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977 № 1.
18. *Николаева Н. А.* Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение кубано-терской культуры): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1987
19. *Федоров-Давыдов Г А.* Статистические методы в археологии. М.: Высш. шк., 1987.
20. *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. B. III/2. München, 1974.
21. *Сафронов В. А.* Металлокомплекс Майкопа, проблема датировки и происхождения майкопской культуры // Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: Тез. докл. Башпаксарского полевого археологического семинара. Сухуми; Башпаксара, 1988.
22. *Mellowan M. E.* The Early Dynastic Period in Mesopotamia // Gambridge Ancient History. V 1, chap. 16, fasc. 62. Cambridge, 1968.
23. Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М.: Прогресс, 1985.
24. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.

И. М. ЧЕЧЕНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Опубликованная выше статья В. И. Марковина прежде всего обращает на себя внимание тем, что в ней на основании не только археологических источников, но и библейских текстов и данных лингвистики уточнены определенные вопросы древней истории северокавказского региона и достаточно убедительно показана спорность и, на наш взгляд, ошибочность суждений и выводов А. В. Сафронова, Н. А. Николаевой, И. М. Мизиева и некоторых других авторов в освещении сложнейших проблем происхождения и этнолингвистической атрибуции майкопской культуры [1, с. 174—198; 2, с. 97—119; 3, с. 9—28; 4, с. 29—62; 5, с. 63—104; 6, с. 82, 83; 7, с. 26—33; 8, с. 28—30]. Вместе с тем актуальность этой статьи для нас обуславливается и тем, что она лишний раз заставляет задуматься не только и не столько об очевидных достижениях, сколько об ощутимых издержках и искажениях в изучении ранней истории и археологии данного региона, хотя нам уже приходилось прежде высказать некоторые свои соображения по данному вопросу [9, с. 4—6].

Если проявлять определенную компетентность и объективность, то нельзя не признать, что, несмотря на более или менее значительные пробелы и отклонения, все же в решении узловых проблем древней и средневековой истории Северного Кавказа, как, впрочем, и прилегающих областей Восточной Европы и Закавказья, произошли к настоящему времени весьма существенные позитив-

© И. М. Чеченов, 1990 г.

ные сдвиги. По этим проблемам выработан ряд довольно веско обоснованных, можно сказать, фундаментальных положений, связанных с вопросами хронологии, а также социального, хозяйственного и этнокультурного развития, которые получили едва ли не всеобщее признание в отечественной и зарубежной историографии. Мы далеки от мысли считать все эти положения абсолютно верными, незыблемыми. Но в любом случае несомненным представляется тот факт, что для их коренного пересмотра и изменения потребуется накопление большого количества качественно новых материалов, глубокий анализ и тщательно взвешенный подход к интерпретации соответствующих источников.

Напоминать о таких общеизвестных фактах и прописных истинах приходится по той причине, что вопреки всему этому за последний период (в 1970—1980-х годах) весьма широкое распространение получили определенные методологически ущербные и научно несостоятельные концепции, которые накладывают в целом явно негативный отпечаток на изучение всей ранней истории Северного Кавказа. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об обычных спорных и даже ошибочных в чем-то суждениях и выводах по частным вопросам, а именно о совершенно необоснованных попытках в корне пересмотреть основные положения по важнейшим проблемам социально-экономического и этнокультурного развития региона в древности. Крайне ограниченный объем нашей статьи не позволяет дать сколько-нибудь полный обзор и развернутый критический анализ всех этих версий и построений. В качестве примеров обратим внимание лишь на наиболее характерные из них, которые хотя и различаются по своей тематике, но в то же время проявляют между собой, а также с опровергаемыми выше В. И. Марковиным концепциями заметные черты сходства по абсолютно неприемлемым для науки методам отбора и интерпретации фактических данных.

Одним из случаев проявления заведомо неверного и предвзятого подхода к решению чрезвычайно сложной и важной проблемы ранней социальной истории Северного Кавказа могут служить суждения и выводы филолога Г. Ф. Турчанинова, который пишет относительно Прикубанья конца эпохи средней бронзы (точнее, района г. Майкопа в XIII—XII вв. до н. э.), что «считал и считает местное население этого времени *классовым*» (здесь и далее курсив мой.— *И. Ч.*) [10, с. 7] и что на данной территории, будто бы входившей в состав Колхидского *государства*, находился *город* под названием Айа или Ах [10, с. 5—8, 11—34; 11, с. 97—109; 12, с. 82—98]. Предпосылкой для таких многообязывающих заявлений послужила случайно найденная в 1960 г. близ г. Майкопа каменная плитка с загадочными знаками «линейно-пиктографического облика» [13, с. 99]. Г. Ф. Турчанинов вскоре же «прочитал» их, пользуясь абхазским языком, датировал XIII—XII вв. до н. э. и на этой основе поддержал точку зрения о том, что местному населению Западного Кавказа (в том числе Прикубанья) «уже в эпоху бронзы не чужда была письменная культура» [10, с. 11—34; 11, с. 97—109; 12, с. 82—98; 14, с. 206]

Ошибочность расшифровки, датировки и интерпретации Г. Ф. Турчаниновым изображений на Майкопской плитке была показана в свое время в ряде убедительных критических выступлений И. М. Дьяконова [13, с. 99—104], Е. И. Крупнова [15, с. 209—211; 16, с. 206—208], Л. И. Лаврова [17, с. 203—205], П. У. Аутлева [18, с. 104—107] и др. Однако Г. Ф. Турчанинов и после этого продолжает настаивать на признании приемлемости его широко разрекламированных «сенсационных» открытий [10, с. 5—8, 11—34], отголоски которых порой слышны в регионе и по сей день. В этой связи считаем необходимым обратить особое внимание на определенные, совершенно неправомерные допускаемые Г. Ф. Турчаниновым приемы аргументации в защиту своих суждений и выводов, связанных с весьма важными вопросами.

Так, представляется очевидным, что уровень социально-экономического развития на Северо-Западном Кавказе во II тыс. до н. э. был еще не настолько высоким, чтобы здесь могли появиться города и сложиться письменная культура. Однако Г. Ф. Турчанинов довольно просто и своеобразно «развязывает» та-

кой узел противоречия. Основываясь на гипотезе о широком расселении абхазов в Прикубанье во второй половине II тыс. до н. э., он включает эту область в сферу непосредственного влияния образовавшегося якобы в тот период Колхидского государства и таким образом считает доказанным факт существования на современной территории Адыгеи (как и почти на всем Западном Кавказе) классового общества, объективно способствовавшего возникновению соответствующей высокой (в том числе и письменной) культуры [10, с. 6—8, 19—33; 12, с. 82—98] Естественно, такие исторические построения, противоречащие множеству конкретных фактов, также не выдерживают никакой критики [13, с. 99—104; 15, с. 209—211; 16, с. 206—209; 17, с. 203—205]

В частности, определенную ясность в эти принципиально важные вопросы могут внести вполне справедливые и интересные высказывания А. А. Иессена, А. А. Формозова и других исследователей о том, что по сравнению с носителями майкопской культуры эпохи ранней бронзы Северного Кавказа (III тыс. до н. э.), у которых отчетливо прослеживается довольно глубокое социально-имущественное (но не классовое) расслоение, племена эпохи средней бронзы той же территории (II тыс. до н. э.) вернулись к менее дифференцированному общественному строю [19, с. 195—197; 20, с. 156—158; 21, с. 61—63] И поскольку Г Ф. Турчанинов, судя по неоднократным ссылкам на труды названных авторов, хорошо знал о таких особенностях исторического развития региона в бронзовом веке, то представляется не случайным, что он в своих работах умалчивает именно этот важный для рассматриваемого вопроса вывод о заметном регрессе здесь во II тыс. до н. э. Более того, вопреки этому факту, Г Ф. Турчанинов пишет, что «если майкопская и новосвободненская культуры с полной очевидностью свидетельствуют о глубоком социальном расслоении в обществе местных горцев то не будет удивительным, когда тысячелетием позже классовая дифференциация в обществе окажется здесь четко выраженной, о чем говорит текст Майкопской эпиграфической находки» [10, с. 33; 12, с. 98]

Как видим, для более веской аргументации правомерности своей расшифровки и интерпретации изображений Майкопской плитки Г Ф. Турчанинов в конечном итоге пытается подвести такую «теоретическую» базу, на основании которой многовековое историческое развитие Северного Кавказа в эпоху бронзы представляется как постоянное восхождение по прямой линии. Думается, нет особой необходимости раскрывать всю глубину методологической несостоятельности подобного подхода к решению научных проблем. Она очевидна. Заметим только, что если придерживаться этой «теоретической» линии для освещения вопросов общественного развития региона на протяжении последующих эпох, то, обладая некоторым даром фантазии и используя определенные методы отбора и интерпретации источников, можно легко «доказать», что к феодализму население данной территории перешло еще в раннежелезном веке, а в эпоху средневековья здесь уже складывалась капиталистическая система. Впрочем, эти наши последние высказывания не должны показаться чрезмерно утрированными, если вспомнить, например, об очередном «сенсационном» открытии И. М. Мизиева, утверждающего, что развитие товарно-денежных отношений и втягивание Балкарии и Карачая в орбиту международных связей» имело место не позднее XVI—XVII вв. [22, с. 39] Более чем странными и неожиданными здесь представляются именно сами «открытия» подобного масштаба, ибо в данном конкретном случае речь идет о «товарно-денежных отношениях» в одном из самых высокогорных и довольно изолированных от внешнего мира районов Кавказа, где даже во второй половине XVIII — начале XIX в. монеты служили не для торговли, а использовались в качестве украшений и «оберегов» [23, с. 139—144] или «переплавлялись на блюдца и тарелки» [24, с. 257].

Возвращаясь к рассмотренным выше суждениям и выводам Г Ф. Турчанинова о социально-экономическом и культурном развитии региона в эпоху бронзы, остается лишь заключить, что их дальнейшим обоснованием и популяризацией в последние годы занимается Н. Г Ловпаче [25, с. 80—86; 26; 27] Так, ссыла-

ясь на содержание «прочитанных» Г Ф. Турчаниновым изображений Майкопской плитки, он пытается подтвердить версию об основании на месте современного г. Майкопа *в апреле-мае 1200 г. до н. э.* вышеупомянутого города Айа (или Ах), который принадлежал «царю великому Мрану» [27] Более того, «развивая и конкретизируя» высказывания своего предшественника, Н. Г Ловпаче пишет о возникновении на Северо-Западном Кавказе в эпоху ранней бронзы уже нескольких городов. Причем самый крупный и древнейший из них, якобы располагавшийся «на левом берегу р. Белой, в урочище Майкоп вероятно, послужил *прототипом столицы Хетского царства* в Малой Азии Хаттусы», и этот город, «возможно ... тоже назывался Хаттуса или, вернее, Хаттупса» [26; 27] И далее, продолжает Н. Г Ловпаче, «судя по наличию укрепленных поселений довольно *широкому распространению* иероглифической письменности, ремесел логично предположить существование *Хаттского государства и на Северном Кавказе*» [26]. Основу населения этого государства составляли «пришедшие родственники шумеров Двуречья», ассимилировавшие здесь еще более древние кавказские племена, но будто бы получившие от последних свое этническое наименование — хатты, т. е. земледельцы. По его же словам, в первой половине *III тыс. до н. э.* в Прикубанье вторглись арии, которые, «увлекая за собой местных горцев, к тому времени хаттоязычных совершили переход с Кавказа в Малую Азию», о чем свидетельствует каменная плита из района г Кархемиша с иероглифической надписью «о завоевании народом хаттун в *3750 г. до н. э.* страны Гильданы» [26], т. е. почему-то более древний памятник.

И наконец, по мнению Н. Г. Ловпаче, хатты — «это позднейшие фаты Диодора Сицилийского»; они же основные создатели и носители майкопской культуры, которая, оказывается, бытовала, как он считает, на протяжении не только всего раннебронзового века, но и эпохи *средней* бронзы [25, с. 81, 82]

Мы не беремся судить, насколько соответствует действительности отождествление древних хаттов (протохеттов) с фатами античного периода. Но что касается попытки Н. Г Ловпаче поднять верхнюю хронологическую границу майкопской культуры почти на 1000 лет (!) путем произвольного расширения времени ее существования до эпохи средней бронзы включительно, надо прямо сказать, что свои претензии на такие серьезные изменения известных точек зрения по данному вопросу [19, 20, 28—31], требующие очень веской аргументации на основании глубокого анализа большого количества новых материалов, автор не подкрепляет по существу никакими конкретными данными.

В целом нетрудно заметить, что обрисованные Н. Г Ловпаче исторические этюды общественного развития Северо-Западного Кавказа в бронзовом веке, не имеющие под собой реальной почвы, искусственно наделены основными признаками древневосточных цивилизаций и тем самым заметно превосходят по тенденциозности в освещении этого процесса даже вышеуказанные версии Г Ф. Турчанинова по этим же вопросам.

Если теперь обратиться к состоянию изучения ранней этнической истории Северного Кавказа, то становится очевидным, что методически неприемлемых, тенденциозных и в корне ошибочных по содержанию публикаций в течение тех же 70—80-х годов появилось здесь в несравнимо большем количестве, чем по вопросам социального и хозяйственного развития региона.

В качестве примера в этом отношении можно привести суждения проф. М. М. Блиева (кстати, специалиста по новой истории), который пытается утвердить и распространить идею о «почти беспрерывном существовании катакомбного обряда захоронения на протяжении трех тысячелетий истории Северного Кавказа», конкретнее, от эпохи средней бронзы до конца аланского периода в регионе, т. е. до XIII в. [32, с. 3]. Тем самым он недвусмысленно указывает на существование якобы прямой этногенетической преемственности между современными осетинами и носителями катакомбных культур (или катакомбной культурно-исторической области) Восточной Европы, включая и Предкавказье. Эта идея является по сути повторением гипотезы, высказанной еще в 1966 г. на

сессии по происхождению осетинского народа [33, с. 95, 96], которая в свою очередь основывалась главным образом на устаревшей версии о генетической связи ираноязычных царских скифов с племенами предкавказского варианта катакомбной культуры [34, с. 32 и сл.]

Упрочению этой концепции, казалось бы, должно было содействовать заявление В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой и других археологов, которые вскоре же после раскопок близ предгорий Северной Осетии около двух десятков катакомб эпохи средней бронзы (сел. Ногир, Чикола и др.) сочли «позволительным ставить вопрос об отнесении территории республики к одному из основных районов обитания катакомбных племен» [35, с. 140, 141]. Такая постановка вопроса является в лучшем случае преждевременной, если иметь в виду, например, факт открытия на трех относительно близко расположенных курганных могильниках той же зоны Карачаево-Черкесии более 60 подобных могильных сооружений (г. Усть-Джегутинск, станицы Суворовская и Холоднородниковская) [36, с. 11—13, 124—127], не говоря уже о широком распространении несравнимо большего количества памятников данной категории в Прикубанье, Калмыкии и др.

Однако дело не только в местонахождении таких «основных районов обитания катакомбных племен». На безнадежность попыток «реанимаций» М. М. Блиевым и другими авторами этой версии уже в достаточной мере указывает тот наглядный факт, что между катакомбами эпохи бронзы и раннеаланского (позднесарматского) времени на всей территории Северного Кавказа существует почти 1000-летний хронологический разрыв. К тому же, как известно, генетические истоки появления сармато-аланских катакомб в регионе специалисты связывают с Волго-Уральскими степями или со Средней Азией, хотя при этом не отрицается полностью возможность влияния на их происхождение здесь некоторых традиций погребального обряда ираноязычных племен предшествующего (скифского) периода (историографию вопроса см. [37, с. 88—137]).

И наконец, трудно пройти мимо грубых искажений некоторыми авторами вопросов освещения раннетюркской проблемы. Среди них наибольшую активность в этом отношении в последнее время (особенно с начала 80-х годов) проявляет И. М. Мизиев, который не только в своей книге «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» [7], частично охарактеризованной выше в статье В. И. Марковина, но и в многократных выступлениях на страницах местных (преимущественно кабардино-балкарских) газет, литературных журналов и прочих изданий настойчиво стремится оживить, объединить и популяризировать ряд научно несостоятельных и безнадежно устаревших версий по данной проблеме [22, 38—43 и др.] В целом суть этих публикаций сводится к очередным попыткам обосновать грандиозную по масштабам и обескураживающую по содержанию «концепцию» об изначальной тюркоязычности древних «мертвоязычных» шумеров и касситов, ираноязычных сако-массагетов, скифов, алан и асов (ясов, осов), а также ассиро-вавилонских надписей на камнях времен Урартского царства (VIII в. до н. э.) в Закавказье и алано-асской надписи XI—XII вв. на Зеленчукской плите в Верхнем Прикубанье и, наконец, многочисленных этнонимов, опонимов, топонимов и прочего, распространенных во времени на протяжении почти 5000 лет, а территориально — в обширных регионах Передней и Средней Азии, Алтая, Восточной Европы, Кавказа.

Причем особое недоумение вызывает тот факт, что археолог И. М. Мизиев пытается аргументировать такую глобальную концепцию главным образом путем *собственного анализа* разновидных материалов и источников по фольклору, этнографии, эпиграфике и особенно по лингвистике (этимологии), почти не придерживаясь при этом основных методов исследования, принятых в указанных дисциплинах. Естественное, подобное вторжение в интимные глубины этих самостоятельных (хотя и родственных) наук при решении сложнейших проблем ранней этнической истории зачастую сопровождается курьезными суждениями автора и постоянно уводит его в темные дебри от верного пути научных изысканий.

В этой связи напомним хотя бы о том, что, довольно просто устанавливая «многочисленные шумеро-балкаро-карачаевские лексические схождения» и причисляя современных балкарцев и карачаевцев к одному из основных хранителей остатков древнешумерского языка (а вместе с тем также к потомкам носителей майкопской культуры), И. М. Мизиев не задумывается о закономерностях развития языков на протяжении тысячелетий, полностью игнорирует методы исследования в области исторической грамматики, не представляет всю необычайную сложность этнолингвистической атрибуции шумеров, не затрудняет себя изучением богатой историографии данного вопроса [7, с. 16—34]

Не менее упрощенный подход у него проявляется и при определении этимологии любых слов и понятий. Так, по его мнению, «имена древнейших языческих божеств — Инанна, Иштар, Мардук, Ши, Биль, Эа, Эрида и др. в виде божественных формул, заклинаний, наговоров, песнопений, одобряющих восклицаний и пр. бытуют до сих пор в балкаро-карачаевский среде в форме — Ешт-Ешта! (равно: Аллах, Аллах — Боже, Боже!), Инанн сени! (равное: Тейри сени! Оллахи сени!), Эа, Марджа! Маржама мен! (одобряющий клич, обращенный к Мардуку)» и т. д. и т. п. [7, с. 21, 22; 43, с. 138]

Из области этнографии в качестве одного из примеров, характеризующих «методы» аргументации И. М. Мизиевым своих выводов, можно привести следующий факт: пытаясь как-то обосновать версию об этническом родстве между скифами и карачаево-балкарцами, он со ссылкой на Геродота (526 г. до н. э.) пишет, что скифские воины перед решительным сражением с войском Дария погнались за пробегавшим мимо зайцем, а через 2500 лет почти так же поступили балкарские парни, помогавшие М. Ковалевскому (1883 г.) раскапывать склепы, т. е. они тоже «разыграли погоню за зайцем» [7, с. 53; 43, с. 138]. По мнению И. М. Мизиева, о родстве между скифами и балкаро-карачаевцами свидетельствуют и такие этнографические данные: те и другие употребляли в быту войлочные изделия, ели вяленое мясо, пили кумыс и кислое молоко и т. д. [7, с. 51, 52; 43, с. 135—137]

Надо прямо сказать, что и по теоретическому уровню, и по методике освещения тех или иных конкретных вопросов, и по общему содержанию, и по характеру изложения в «полупопулярном жанре» все эти работы И. М. Мизиева далеки от подлинно научных исследований. О правомерности такой оценки достаточно наглядно (хотя далеко и не в полном объеме) свидетельствуют рецензии В. А. Кузнецова [44, с. 133—135], Ю. С. Гаглоева [45, с. 170—194] и В. Н. Каминского [46, с. 272—281], а также опубликованная выше статья В. И. Марковина.

В этой связи у нас нет особой необходимости (да и места) останавливаться на конкретном анализе указанных версий И. М. Мизиева по вопросам ранней этнической истории Северного Кавказа и других областей. Отметим только, что в книге «Шаги к истокам...», а также в периодической печати он прямо или косвенно стремится убедить читателя в том, что историческая наука в освещении этих вопросов находится по существу почти на уровне XIX в., что среди современных ученых-кавказоведов господствуют схоластические суждения и догматизм; и в отличие от таких исследователей он якобы предлагает «*новое,* более соответствующее исторической действительности толкование конкретных источников с подробным разбором и критикой всей аргументации авторов», что им впервые введены в научный оборот «шумеро-балкаро-карачаевские лексические схождения и скифо-тюркские параллели» и т. д. [7, с. 10—15, 158—161; 47]

Можно попытаться объяснить стремление И. М. Мизиева выдать желаемое за действительное. Также объяснимо, что подобные попытки могут вызвать интерес у массового читателя, совершенно неосведомленного в вопросах этнической истории региона. Но нам непонятен тот факт, что о подобном же «шаблонном», «одностороннем» и «рутинном» подходе современных исследователей к «оценке этнических процессов на Северном Кавказе» с одной стороны, и о новизне исторических построений и новаторстве в решении тех же проблем в книге «Шаги к истокам ...» — с другой, пишут ответственный редактор и автор предисловия

этой монографии проф. В. Б. Виноградов [48, с. 5—8] и автор ее послесловия проф. И. Х. Ахматов [49, с. 162—164] Хотя названные авторы, претендуя на объективность, неоднократно указывают на спорность основных суждений и выводов данной работы, обращают внимание на «вполне очевидные элементы тюркского этноцентризма» в них и предостерегают читателей «от чрезмерной доверчивости» к ним, они тем не менее горячо рекомендуют эту книгу широких масс, поскольку в ней «много нового» и будто бы с ее появлением сделаны едва ли не первые шаги к подлинным истокам этнической истории региона, и в частности к истории ранних тюрок.

Вопреки всем этим суждениям, необходимо подчеркнуть, что концепции И. М. Мизиева не только в корне ошибочны, но и не новы, так как по существу были широко и давно известны у нас в стране и за рубежом, только не получили сколько-нибудь серьезного признания в науке.

Допустимо, что, не будучи специалистами по эпохе бронзы и средневековью, и в частности по проблеме ранней этнической истории тюркоязычных народов, археолог В. Б. Виноградов и особенно лингвист И. Х. Ахматов могли и не знать о том, что еще до выхода из печати книги «Шаги к истокам ...» об этногенетической связи балкаро-карачаевцев с носителями майкопской культуры без особых оговорок писал Б. Х. Мусукаев [50, с. 13 и сл.], а начиная с конца 1950—1960-х годов изначальную тюркоязычность алан и асов (овсов), а также самих этих этнонимов кроме И. М. Мизиева доказывали У Б. Алиев, Х.-М. И. Хаджилаев, Х. Х. Биджиев, А. М. Байрамкулов и другие ученые Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии [50—54], взгляды которых подвергались справедливой научной критике [55, с. 239—247; 56, с. 76—94; 57, с. 106, 107] Но вместе с тем вполне естественное недоумение вызывает тот факт, что В. Б. Виноградов, специализировавшийся главным образом по скифо-сарматской археологии, не знал о том, что еще в 1960-х — начале 1980-х годов версии о тюркоязычности скифских племен, о скифо-карачаево-балкарских лингвистических схождениях и об этническом тождестве хазар по «Картлис цховреба» со скифами VII в. до н. э. выдвигали К. Т. Лайпанов, А. Ж. Будаев, М. А. Хабичев [58, с. 207—214; 59, с. 173—176; 60; 61, с. 9—21 и сл.]

При определенной компетентности и более внимательном отношении ответственного редактора к работе И. М. Мизиева «Шаги к истокам...» не трудно было бы заметить и то, что ее основные положения о «шумеро-балкаро-карачаевских» и «скифо-балкаро-карачаевских» лексических и этнографических «параллелях» заимствованы из научно-популярной книги известного казахского поэта О. Сулейменова «Аз и Я» [62, с. 192—301]

Помимо того, тюркоязычность шумеров, саков, скифов и других древних племен пытались отстаивать, особенно начиная с 1960-х годов, отдельные азербайджанские исследователи, взгляды которых также подвергаются все возрастающей критике, причем и со стороны ряда видных бакинских ученых [63, с. 56—77; 64, с. 23, 24] Напомним, что в 1920—1930-х годах и позднее версию о тюркоязычности шумеров активно защищала определенная часть турецких ученых, однако «ныне и они, как правило, от этого отказались» [65, с. 89]. Можно привести еще ряд подобных же примеров, в частности напомнить о работах некоторых европейских исследователей XIX — первой половины XX в. (Ф. Хоммель, Г Винклер, Б. Грозный и пр.), пытавшихся сблизить шумерский и иные древние языки с тюркскими, а вместе с тем назвать также новые имена ученых, в том числе известных тюркологов и специалистов по истории древневосточных стран, вполне резонно отрицающих правомерность таких версий [66—70]

И наконец, необходимо отметить, что часть этих историографических сведений при желании несложно было извлечь из содержания самой книги «Шаги к истокам...». Учитывая такую немаловажную для данного случая оговорку и основываясь на изложенных выше фактах, следует заключить, что стремление ответственного редактора этой монографии В. Б. Виноградова представить ее, вслед за И. М. Мизиевым, как новаторский труд, насыщенный будто бы свежими

идеями и «содержащий много нового», объясняется не только его недостаточной компетентностью в затронутых в книге проблемах, но и прямой ориентацией на сиюминутную конъюнктуру, которая создается активным спросом определенной части широкой читательской аудитории в северокавказском регионе, неосведомленной в сложных вопросах ранней этнической истории местных народов. К сожалению, это далеко не единственный случай, когда В. Б. Виноградов в качестве ответственного редактора или автора собственных исследований проявляет подобную же поверхностность, некомпетентность и тенденциозность, содействуя тем самым публикации и распространению заведомо ущербных и даже несостоятельных в научном отношении работ, на что неоднократно обращалось внимание исследователей [71, с. 348; 72, с. 9—11; 73, с. 13; 74, с. 119, 120]

Таковы наши суждения и выводы относительно отдельных явно ошибочных и тенденциозных версий и построений по определенным вопросам древней истории и археологии Северного Кавказа. Зачастую они по методологии и содержанию настолько далеки от науки, что, казалось бы, даже не заслуживают сколько-нибудь серьезного критического отношения к себе. Однако необходимость самого пристального внимания и всесторонней критики таких, с позволения сказать, «концепций» обуславливается тем, что они получают весьма широкое распространение не только и не столько в научных изданиях, сколько через каналы самой массовой информации на страницах местных научно-популярных изданий, литературно-художественных журналов и газет, а также по телевидению и радио, вводя в заблуждение массы людей, слабо ориентирующихся в вопросах древней истории и археологии Северного Кавказа.

В заключение следует заметить, что подобные же несостоятельные, тенденциозные и антинаучные версии и построения по вопросам уже средневековой истории и археологии северокавказского региона, также требующие объективного критического анализа, имеют, к сожалению, в местной печати еще более широкое распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменов Западного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использование исторических памятников. Сообщение научно-методического Совета по охране памятников культуры МК СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974.
2. *Николаева Н. А.* Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
3. *Николаева Н. А.* Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
4. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
5. *Сафронов В. А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
6. *Сафронов В. А.* Проблема индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983.
7. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
8. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192.
9. *Чеченов И. М.* К историографии ранней этнической истории Северного Кавказа // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы доклада). Махачкала, 1988.
10. *Турчанинов Г Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.
11. *Турчанинов Г Ф.* Древнейший письменный памятник Кавказа. Ч. 1 // ВДИ. 1965. № 3.
12. *Турчанинов Г Ф.* Древнейший письменный памятник Кавказа. Ч. 2 // ВДИ. 1966. № 2.
13. *Дьяконов И. М.* Майкопские письмена. (К методике расшифровки) // ВДИ. 1966. № 2.
14. *Турчанинов Г Ф.* По поводу заметки Е. И. Крупнова «О загадочной Майкопской надписи» // ВИ. 1965. № 4.
15. *Крупнов Е. И.* О загадочной Майкопской надписи // ВИ. 1964. № 8.
16. *Крупнов Е. И.* Ответ Г Ф. Турчанинову // ВИ. 1965. № 4.
17. *Лавров Л. И.* К попытке чтения Майкопской надписи // СЭ. 1967 № 2.
18. *Аутлев П. У.* К вопросу о возрасте Майкопской надписи // ВДИ. 1966. № 2.

19. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII.
20. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
21. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1973.
22. *Мизиев И. М.* Важнейшие этногенетические аспекты истории и традиционной культуры балкарцев и карачаевцев: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.07 Ереван, 1988.
23. *Депуева А. Б.* Исторический комментарий Ташлы-Талинской сумочки с монетами // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
24. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 годах // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.
25. *Ловпаче Н. Г* Киммерийцы на Северо-Восточном Причерноморье // Изв. СКНЦВШ. 1987. Вып. 2.
26. *Ловпаче Н.* С самых древних времен // Адыгейская правда. 1988. 1 июня.
27 *Ловпаче Н.* Давно на берегах Белой // Адыгейская правда. 1988. 13 июля.
28. *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 года. М., 1962.
29. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1961.
30. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
31. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
32. *Блиев М. М.* Катакомбные памятники Северного Кавказа // Катакомбные культуры Северного Кавказа (межвузовский сборник). Орджоникидзе, 1981.
33. *Гаглойти Ю. С.* Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967
34. *Клейн Л. С.* Происхождение скифов царских по археологическим данным // СА. 1963. № 4.
35. *Сафронов В. А., Николаева Н. А., Гиджирати Н. И. и др.* Работы в Северной Осетии // АО-1977. М., 1978.
36. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
37 *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988.
38. *Мизиев И. М.* Выступление на региональной конференции по аланской проблеме в 1971 г. // МАДИСО. 1975. Т. III.
39. Коммунизимге жол. 1979: 14 авг., 16 дек.; 1981. 21 нояб.; 1982. 8 янв.; 1983. 19 февр.; 1985. 9 янв. (на балк. языке).
40. Кабардино-Балкарская правда. 1983. 1 марта; 1984. 19 сент., 20 дек.; 1989. 11 февр.
41. Советская молодежь. 1988. 2 сент., 26 авг., 9 сент., 30 окт.; 1989. 23 марта.
42. Дружба (Нальчик). 1981. № 3; 1982. № 2 (на балк. яз.).
43. *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984.
44. *Кузнецов В. А.* Рец. на кн.: *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986 // Изв. СКНЦВШ. 1987. № 3.
45. *Гаглоев Ю. С.* Действительность и домыслы. Рец. на кн.: *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986 // Изв. ЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI.
46. *Каминский В. Н.* Рец. на кн.: *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986 // СА. 1988. № 4.
47. *Мизиев И. М.* Горизонты науки // Кабардино-Балкарская правда. 1986. 8 янв.
48. *Виноградов В. Б.* Назревшая проблема и поиски ее решения // Предисловие к кн.: *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
49. *Ахматов И. Х.* Своевременная книга // Послесловие в кн.: *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
50. *Мусукаев Б. Х.* Балкаро-кабардинские языковые связи. Нальчик: Эльбрус, 1984.
51. *Алиев У. М.* Выступление на сессии о происхождении балкарцев и карачаевцев // Материалы науч. сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
52. *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
53. *Биджиев Х. Х.* К вопросу об этническом составе населения Карачаево-Черкесии в раннем средневековье // V КЧ по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1975.
54. *Байрамкулов А. М.* Алано-асские этнические названия, фамилии, имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.
55. *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ. 1966. Вып. 5.
56. *Кузнецов В. А.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС. 1974. Вып. 1.
57 *Алиев И. Г* Выступление на конференции по аланской проблеме в 1971 году // МАДИСО. 1975. Т. III.
58. *Лайпанов К. Т* О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
59. *Будаев А. Ж.* Скифо-балкарские лексические схождения // Вестн. КБНИИ. 1970.
60. *Будаев А.* К истории карачаево-балкарского языка // Куммунизмге жол. 1979. 6, 9 и 10 окт. (на балк. яз.).
61. *Хабичев М. А.* К гидромике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982.
62. *Сулейменов О.* Аз и я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.
63. *Алиев И. Г* Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977—1987 годах // ВДИ. 1988. № 1.

64. *Буниятов З. М.* Молчать не приучен // Огонек. 1988. Ноябрь. № 45.
65. *Новосельцев А. П.* Древнейшие государства на территории СССР Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. 1985. № 6.
66. *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967
67 История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия / Ред. Дьяконов И. М. Ч. 1. М., 1983.
68. *Баскаков Н. А.* Выступление на XII пленуме Советского комитета тюркологов // Сов. тюркология. 1986. № 3.
69. *Генишев Э. Р.* Выступление на XIII пленуме Советского комитета тюркологов // Сов. тюркология, 1987. № 6.
70. *Агаджанов С. Г., Жданко Т А., Мухамедьяров Ш. Ф., Табышалиев С. Т* Состояние и задачи изучения этнических и историко-культурных связей тюркских народов СССР // Тез. докл. и сообщений V Всесоюз. тюркологической конф. «Тюркология-88». Фрунзе: Ылым, 1988.
71. *Марковин В. И.* Рец. на кн.: *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 // СА. 1976. № 3.
72. *Ибрагимбейли Х. М.* Некоторые вопросы народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20—50-е годы XIX в.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Тез. региональной науч. конф. Махачкала, 1987.
73. *Марковин В. И.* Некоторые вопросы осмысления древностей майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докл. Махачкала, 1988.
74. *Гамзатов Г* Перестройка и национальное сознание // Вопр. литературы. 1989. № 1.

В. И. МАРКОВИН

ОТВЕТ НА СТАТЬИ, ПРИСЛАННЫЕ В СВЯЗИ С ДИСКУССИЕЙ О МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Мои доклады, посвященные вопросам научной интерпретации майкопской культуры, прочитанные на теоретических семинарах в Институте археологии АН СССР (11 февраля и 13 апреля 1988 г.) и на XV Крупновских чтениях в Махачкале [1, с. 11—13], вызвали помимо устных выступлений и письменные отклики, в том числе И. М. Мизиева и В. А. Сафронова. Я тщательно ознакомился с ними.

В тезисно изложенной заметке М. В. Андреевой «Традиционные проблемы и новые пути их решения» автор предлагает проводить комплексное изучение спорных вопросов в археологии, но не узким кругом специалистов, а учеными разного профиля. С ее мнением нельзя не согласиться.

Действительно, обычно археологические изыскания носят «узкоцеховой характер», когда одни комплексы сравниваются с другими по принципу «похоже» или «непохоже». Это почти всеобщая методика. Однако в кавказоведении, когда культура многих ныне здравствующих народов вполне рельефно обращена в глубь веков, интерпретация археологических источников обычно соседствует с исторической этнографией, знанием современного быта и народного искусства. Целый ряд ученых — А. А. Иессен, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, В. Г Котович и многие другие — знали не только археологию, но и этнографию исследуемых ими регионов. Этнограф Л. И. Лавров являлся компетентным археологом и языковедом, искусствовед Ш. Я. Амиранашвили великолепно использовал данные археологии и этнографии Грузии и сопредельных стран. Такого масштаба специалистов в кавказоведении много. Они обладают умением видеть и осмысливать материал широко, не замыкаясь в узких рамках одной изучаемой эпохи, одной культуры или даже этноса. Для археологии Кавказа это очень важно. Любой археологический экскурс здесь всегда может найти отклик в истории живого народа. Здесь не может быть отвлеченных, «чисто научных» споров о тех или иных древностях, как это имеет место в дебатах об «андроне», «алакуле» и других давно известных и ныне выделяемых «культурах» и «общностях». Вот почему мною был поднят вопрос о майкопской культуре и предполагаемых ее носителях. Для истории народов

© В. И. Марковин, 1990 г.

Северного Кавказа он не абстрактен. Предлагая то или иное решение, авторы версий должны были «заглянуть» в последующие тысячелетия и века, решив прежде всего для себя вопрос — а могло ли такое случиться в действительности?

В опубликованной в данном дискуссионном разделе статье С. Н. Кореневского «К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры» высказано его отношение к «арамейской» теории В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой. В его статье мне показалось особенно важным и интересным предположение, что высокохудожественные предметы из кургана Ошад в Майкопе (БМК) могли быть созданы задолго до похорон в нем, будучи «долговременными родовыми символами». Эта мысль, требующая еще определенного обоснования, является одной из предпосылок к аргументам удревнения раннего комплекса майкопских предметов. Думаю, что она найдет свое подтверждение, тем более что С. Н. Кореневский ныне занят изучением поселений майкопской культуры в Предкавказье. Дата, которую он предлагает для всего круга изучаемых древностей, — конец IV — начало III — первая половина III тыс. до н. э. — мне представляется вполне приемлемой. Она согласуется с разработками грузинских археологов О. М. Джапаридзе и Г Л. Кавтарадзе [2, с. 337 и др.; 3, с. 38, 59—81] Не вызывает возражений и позиция С. Н. Кореневского, согласно которой нельзя «носителей майкопской культуры сопоставлять с каким-либо конкретным народом, отмеченным в письменных источниках, в том числе и с арамейцами Харрана». Для этого нет не только вполне реальных материалов, нет даже и чисто археологических оснований. Данный раздел статьи С. Н. Кореневского, в моем представлении, может в дальнейшем вылиться в самостоятельное исследование.

И. М. Чеченов в статье «К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа» останавливается не только на проблематике, связанной с майкопской культурой, Он дает развернутый анализ тех искажений, которые, наслаиваясь друг на друга, вырастают в целый ком, не имея под собой прочного фундамента. И. М. Чеченов вполне убедительно показывает, что созданные таким образом обобщения не отвечают канонам простой логики. Я могу поблагодарить его, что в своей работе он детально останавливается на тюркологических опытах И. М. Мизиева, называя его предшественников и последователей. Это избавляет меня от лишних слов по данному поводу. Экскурс И. М. Чеченова показывает методику и технику подобных умозаключений. Думаю, что публикуемая статья И. М. Мизиева является тому иллюстрацией. Написана она очень противоречиво и далеко не в академическом тоне.

Поражает прежде всего принятый И. М. Мизиевым метод цитирования. Приводя отрывок из книги Р М. Мунчаева «Кавказ на заре бронзового века», он усекает его, опуская главную мысль. Р М. Мунчаев говорит о двуприродности этнической принадлежности «майкопцев»: «С одной стороны, мы видим сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Он, вероятно, отражает местный этнический массив, говоривший на западнокавказских языках. Вместе с тем здесь присутствует и другой элемент, по всей вероятности, и стимулировавший тот общий подъем, который здесь наблюдается во второй половине III тыс. до н. э.» [4, с. 413] Опуская первую часть приведенного высказывания Р М. Мунчаева, И. М. Мизиев тем самым искажает его мнение о возможной двуприродности этноса майкопской культуры. А это весьма важно, так как протокашки, упоминаемые Р М. Мунчаевым, обитали почти по соседству с «майкопским» населением.

Все пять вопросов, поставленных в самом начале статьи И. М. Мизиева («о движении вещей», анализе погребального обряда и т. д.), автору следует обратить прежде всего к самому себе и, ответив на них, тогда уже утверждать тезис, что «майкопцы» — это шумеры, а шумеры — не кто иные, как предки «балкаро-карачаевцев» [5, с. 21—31]

Изучив словари тюркских языков (я не боюсь сказать об этом, так как элементарно знаком только с речью кумыков), мне удалось показать, что если пользоваться версией И. М. Мизиева, то носителей майкопской культуры можно будет искать на Алтае, в Якутии, Средней Азии и т. д. Могу добавить, что ведущие тюркологи нашей страны не разделяют его мнение о безусловном сходстве тюркских языков с шумерским [6]. Вероятно, их подходы к данному вопросу построены на более глубоком знании общей и специальной лингвистики.

Приложенный к заметке И. М. Мизиева небольшой раздел о появлении курганов на Кавказе, возможно, найдет соответствующую оценку в среде специалистов.

Статья В. А. Сафронова «Новые пути решения майкопской культуры» создана как своеобразное дополнение к ранее опубликованным работам. Упрек В. А. Сафронова в мой адрес, что относительно недавно я отделял комплексы Майкопа и Новосвободной, рассматривая их как разнокультурные [7, с. 44], справедлив. И сейчас приходится основательно задумываться над проблемой появления майкопских (по общему облику) вещей в дольменах ст. Новосвободной и в гробницах Нальчика и Кишпека. Здесь, очевидно, дело не в их резкой разнокультурности, а в неясных формах взаимодействия строителей дольменных сооружений с майкопским населением. Этот вопрос, вероятно, требует особого рассмотрения.

Говоря о майкопской культуре, я не вижу повода думать, что мною проводится «реанимация отдельных звеньев старых разрозненных схем». Объем вещевых источников, которые имеют в виду, когда говорят о майкопском круге памятников или о новосвободненских материалах, всегда довольно конкретен. Тут «реанимировать» нечего. Вопрос об их хронологии и происхождении более сложен. Он разными специалистами понимается по-разному: одни строят свою систему дат по Триполью B2/C1, другие стараются учесть общекавказское развитие культуры. Я — сторонник второго пути. Иное дело — вопрос о происхождении. Если для Р. М. Мунчаева этнос культуры может быть двуприродным, для М. В. Андреевой — пришлым, имеющим свои истоки среди населения нагорий в районе озер Ван и Урмия (см. выше), то О. М. Джапаридзе считает, что данная культура имеет местное происхождение [2, с. 366, 398] Эта мысль интересна, и она базируется на анализе материалов всего Кавказского региона.

В. А. Сафронов и Н. А. Николаева вопрос о происхождении памятников новосвободненского круга рассматривают отдельно от древностей «майкопа». Для новосвободненских памятников исходными являются культуры шаровидных амфор, шнуровой керамики, а судя по этой статье, и воронковидных кубков. В. А. Сафронов пишет о 35 аналогиях между двумя первыми культурами и дольменами ст. Новосвободной и другими дольменными памятниками. Мне эти аналогии кажутся умозрительными, так как на Северном Кавказе не найден комплекс вещей, характерных для данных культур (см. рис. 2, 3 в моей статье), а речь может идти лишь о чисто внешнем сходстве некоторых керамических форм. Я видел в Веймаре тюрингские амфоры и больше, в данном случае верю себе, а также мнению И. К. Свешникова, В. С. Титова [8, с. 13—20; 9, с. 88] и других специалистов.

Решение вопроса о происхождении майкопской культуры еще более настораживает меня. Никто не отрицает связей ее носителей с культурами Древнего Востока. Это имело место почти во все периоды жизни населения Кавказа — и в древности, и в средние века. Так могла попасть на Кавказ цилиндрическая печать, о которой упоминает В. А. Сафронов. Но арамейское происхождение майкопской культуры путем миграции библейского Фарры и его потомков воспринимается не только мною, но и большинством моих коллег, археологов-кавказоведов, чуть ли не как сказка. Здесь снова придется обратиться к некоторым вопросам, связанным с Библией. Я не собираюсь дискредитировать Библию как исторический источник, это уже сделал за меня сам

В. А. Сафронов, изменив ее общепринятую между библеистами хронологию. Не мною начата и критика Библии, она давно как раздел науки существует и процветает. Ею занимаются отнюдь не одни атеисты, но и богословы.

Арамейский язык начинает распространяться только с IX в. до н. э. и только с эпохи Ахеменидов получает более широкое употребление [10, с. 32] Судя по тому, что прямая речь Иисуса Христа в ранних, грекоязычных текстах Евангелия с его «таргумами» — ссылками на Ветхий Завет всегда приводится в них на арамейском языке [11, с. 72, 73], можно думать, что ранние записи Библии падают на указанное выше время, т. е. не ранее IX в. до н. э. Однако для того чтобы понять, о чем далее пойдет речь, надо сказать, что библейские персонажи здесь будут упоминаться как вполне реальные лица, а не как герои красивых, овеянных верой преданий. Именно так и рассматривает их В. А. Сафронов.

Обратимся к Фарре, о котором упоминает в своих работах В. А. Сафронов. Имя его встречается впервые в книге «Бытие» (гл. 11, ст. 26) как имя человека, породившего сына Авраама в 70 лет. Происходит оно от глагола farach — «обращаться, выселяться, уходить» — как предсказание об уходе его из Ура Халдейского (местность Мугейр), где он родился [12, с. 83, 84]. О времени рождения Фарры богословы приводят следующие данные: это 1878 и 1876 годы эры от Адама, т. е. от «сотворения мира» по еврейской традиции [13, с. 881; 14, с. 73, таблица] Время «сотворения мира» по ней приходится на 7 октября 3761 г. до н. э. [15, с. 68]. Эта дата является исходной для современной хронологии у жителей Израиля. Как бы теперь ни манипулировать с указанными цифрами [16, с. 114—118; 17, с. 27], надо помнить, как пишут сами богословы, что в Библии «нет строгой и четкой хронологии, а имеющаяся или сильно пострадала от различных причин, или привнесена в нее позднее» [12, с. 82, 83] Даты жизни Фарры (он жил 205 лет) не заходят при этом за пределы II тыс. до н. э.

Сын Фарры Авраам родился в 1948 г. эры от Адама [14, с. 73] Он первый «познал лживость служения идолам» и переправился за Евфрат в Землю Ханаанскую, «обетованную Богом ему и его потомству», за что и был прозван *А,га-иври,* откуда и пошло слово «еврей» [18, с. 128]. Во время сильного голода в Ханаане Авраам вместе с женой Саррой и своими приближенными бежал в Египет. Это, как предполагают библеисты, произошло в царствование одного из первых фараонов XII династии [12, с. 89] По Э. Бикерману, все цари данной династии правили в период 2000—1785 гг. до н. э. [15, с. 177, табл. VI]. Добавлю, что даты жизни личностей, количество предметов и прочие бытовые детали сохраняют в Библии обычный счет, не подчиняясь ритмике и прочим особенностям этого произведения.

Не имея возможности проверить реальность самого факта жизни Фарры, Авраама и других персонажей Библии, я тем не менее не могу не верить хронологическим таблицам Э. Бикермана, да и датировкам других специалистов, как и датам, публикуемым богословами. Упомянутые временны́е вехи никак не уходят за пределы II тыс. до н. э. [19, с. 21—25] Это первая причина, почему я не могу разделить чисто хронологический аспект построений В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой о происхождении носителей майкопской культуры. Вторая причина приведена мною в статье, вокруг которой развернулась дискуссия. Это археологический аспект. Я не вижу реальных оснований связывать культуру поселения Тель-Хуэйра с культурой «майкопцев». Третья причина: теория, на которой настаивает мой оппонент В. А. Сафронов, обрывает историко-археологическую перспективу в развитии культур Северного Кавказа. В действительности, судя по археологическим материалам, этого не могло быть.

Думаю, что дискуссия была полезной и она еще привлечет внимание к археологическим памятникам Кавказа, в том числе и к памятникам майкопского облика. Хотелось бы, чтобы подобные научные диспуты вошли в нашу жизнь, но вести их надо в более ясном и спокойном тоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марковин В. И.* Некоторые вопросы осмысления древностей майкопской культуры // XV КЧ по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988.
2. *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1989.
3. *Кавтарадзе Г Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
4. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
5. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
7. *Марковин В. И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974.
8. *Свешников И. К.* Культура шаровидных амфор // САИ. 1983. Вып. В1-27
9. История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988.
10. *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Наука, 1972.
11. *А. Ю.* Об арамеизмах в тексте Четвероевангелия // ЖМП. 1989. № 3.
12. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхаго и Новаго Завета. Т. 1. СПБ., 1904—1907 (Переиздание: Стокгольм, 1987).
13. Фарра // Энциклопедический словарь А. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLIa. СПб, 1904.
14. *В. К.* Генеалогия, хронология, расселение народов древнего мира согласно Библии // ЖМП. 1988. № 11.
15. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира (Ближний Восток и античность). М.: Наука, 1975.
16. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972.
17. *Каменцева Е. И.* Хронология. М.: Высш. шк., 1967.
18. *Bernstein.* Ursprung der Sagen von Awraam, Isaak und Yacob. B., 1871.
19. Симфония (Словарь — указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета). Т. I. А—Г., М: Изд-во Моск. Патриархии, 1988.

Публикации

А. В. УТКИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МАЛАЯ ЛАМНА III В БАССЕЙНЕ Р. ЛУХ

В 7 км к северу от г. Южи (Ивановская обл.) находится Ламненское (Богоявленское) озеро. Оно расположено на южной окраине небольшого массива коренных пород (известняков), перекрытых тонким плащом морены, состоящей из бурой супеси с галькой и маленькими валунами [1] Озеро карстового происхождения [2], площадь его около 173 га (по другим сведениям,— 103,6 га), глубина до 9 м. Через речку Исток водоем соединен с р. Лух, левым притоком Клязьмы.

В юго-восточном углу Ламненского озера, при впадении в него лесной р. Вокши, находится стоянка Малая Ламна III. Стоянка расположена на низком песчаном мысу, высота которого у кромки берега составляет около 0,5—0,1 м, а к востоку (за пределами распространения культурного слоя) доходит до 2 м. Территория стоянки свободна от дерева и кустарника и представляет собой прибрежный луг, превращенный местным совхозом в летний загон для выпаса скота.

Памятник открыт в сентябре 1981 г. Е. Л. Костылевой. Ею собран подъемный материал на затопленной оконечности мыса и заложены два шурфа. Коллекция состояла из 250 предметов, из них 235 кремней (включая 58 орудий и ножевидных пластинок без ретуши правильной огранки), около 10 фрагментов позднесредневековой русской керамики и железный однолезвийный нож [3—4].

В августе 1983 г Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова провела на стоянке Малая Ламна III раскопки [5]. Первый раскоп (площадью 128 м^2) был заложен в прибрежной части. В нем найдена достаточно многочисленная и выразительная серия кремней (табл. 1), а по восточной стенке кв. 9 прослежена следующая, наиболее полно характеризующая памятник стратиграфия: 0—0,04 м — дерн; 0,04—0,08 м — размытая почва с тонкими (1—2 см) углистыми прослойками и редкими обломками керамики [1] (распространена только в западной части раскопа); 0,08—0,24 м — плотный, заиленный песок, постепенно светлеющий к востоку, с находками кремней (культурный слой), 0,24—0,29 м — влажный белый песок без находок (не составлял единого слоя, а залегал «пятнами» различных размеров и конфигураций); ниже — плотные, вязкие, сильно обводненные светло-зеленые глины (материк).

Из бытовых объектов в раскопе в основании культурного слоя прослежена углистая прослойка и расчищены остатки кострища. Первая в плане прослеживалась небольшими пятнами неопределенных очертаний, но в профиле стенки

Найдено 11 обломков (и 12 экз. во втором раскопе). Все черепки представлены черной (мореной дымом) круговой керамикой серебристого лощения, характерной для конца XVI — начала XVIII в. Эту датировку подкрепляет находка фрагмента узкого горлышка маленького сосудика-кубышки. Последние широко известны по многочисленным монетным кладам конца XVI — третьей четверти XVII в. [6]

© А. В. Уткин, 1990 г.

Таблица 1

Распределение категорий находок по местонахождениям

Категория находок	Раскоп I	Раскоп II	Сборы в озере	Всего
Орудия	93	3	214	310
Пластинки без ретуши	19	—	64	83
Отщепы	143	5	378	526
Осколки	179	—	849	1028
Чешуйки	242	5	475	722
Куски	46	—	100	146
Нуклеусы	8	—	20	28
Ребристые пластины	8	—	20	28
Резцовые сколы	10	—	2	12
Корковые сколы с желваков	10	—	13	23
Итого	758	13	2135	2906

раскопа выражена достаточно четко и компактно. Толщина прослойки была незначительной — 2—3 см, а длина — 1,37 м.

В 2,5 м к западу от нее находилось кострище, частично уходившее за пределы раскопа. Кострище имело почти черную окраску, чем резко выделялось на сером фоне культурного слоя и зеленоватого материка. Очертания пятна зафиксированы на глубине 0,21 м от современной поверхности. В плане оно было овальной формы (0,81×0,68 м), в профиле напоминало сегмент с опущенной вниз дугой, а максимальная толщина его составляла 0,11 м. В кострище никаких находок не было. Заполнение состояло из мелких древесных углей, для образца которых радиоуглеродным методом получена дата 8800±90 (Ле-2610) л. н.

Второй раскоп (20 м^2), заложенный на более возвышенной части мыса, в 30 м к востоку от первого, имел слабо выраженный культурный слой с редкими находками в виде светло-серого песка мощностью 12—19 см (табл. 1), который перекрывался тонким дерном.

Кроме проведенных раскопок была тщательно обследована и затопленная, но еще не полностью размытая часть стоянки. Кремни залегали в донном песке полосой, вытянутой с востока на запад на 40 м при ширине 35—38 м, но наибольшая их концентрация зафиксирована вдоль берега на протяжении 20—25 м и от берега (в виде клина) на 25—30 м.

Таким образом, общая площадь распространения кремней составляет около 2 тыс. м^2, площадь же собственно стоянки, очевидно, была меньше и совпадала с зоной наиболее плотного залегания находок.

Материальные остатки стоянки Малая Ламна III насчитывают 2904 кремня, осколок светло-розового песчаника и одно сланцевое орудие. Две трети всех находок собраны в озере, остальные найдены в основном в первом раскопе [2] (табл. 1).

Отходы производства составляют 2596 экз. (89,33% всех находок). Наибольшее количество их приходится на отщепы, осколки неправильных очертаний, чешуйки и бесформенные куски. Прочие категории: ребристые пластины, корковые сколы с галек (включая одну гальку, расколотую на четыре части), резцовые сколы, неудачно отжатые пластинки, их обломки и сечения — менее многочисленны.

К отходам отнесены и нуклеусы. Их в коллекции 28 экз. По размерам ядрища маленькие, полностью сработаны. Десять утратили первоначальную форму, остальные призматические (рис. 1, *32, 33, 35—38*) или подконические (рис. 1, *30, 31, 34*). Все одноплощадочные. Площадки в большинстве случаев имеют неболь-

[2] Изучение находок в отдельности по местонахождениям не дало каких-либо различий в технико-морфологических характеристиках, что свидетельствует об их одновременности.

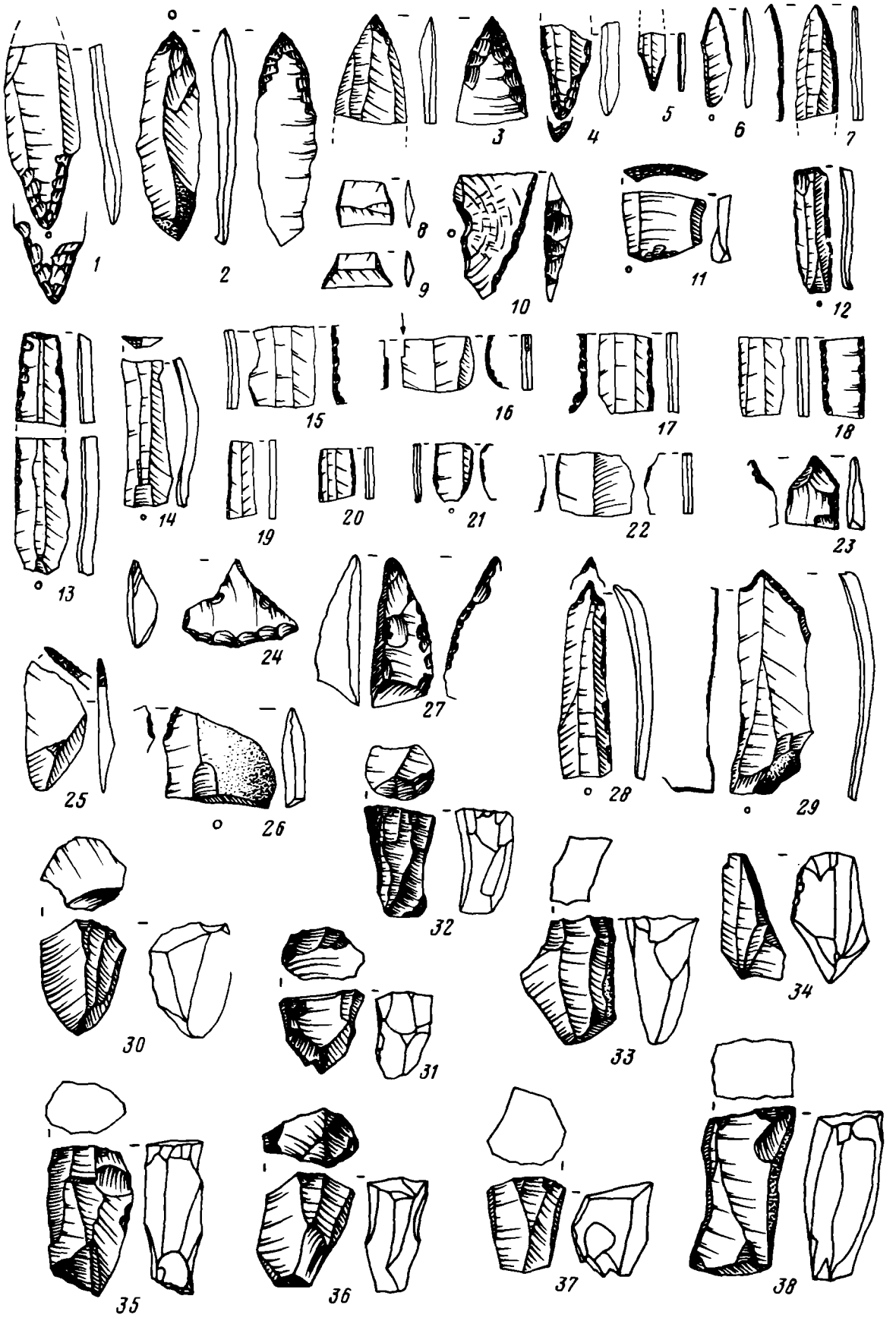


Рис. 1 Наконечники стрел (*1—7*), микролиты (*8—22*), перфораторы (*23—28*), резчик (*29*), нуклеусы (*30—38*)

Таблица 2

Соотношение категорий орудий и типов заготовок

Орудия	Заготовки										
	пластинки	отщепы	осколки	нуклевидные куски	ребристые пластинки	чешуйки	неясный характер заготовки	корковые сколы	сланцевая плитка	всего	процент
Наконечники стрел	5	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1,61
Микролиты	6	1	—	—	—	—	—	—	—	7	2,25
Вкладыши	9	—	—		—	—	—	—	—	9	2,9
Скребки	11	72	10	3	2	—	9	1	—	108	34,83
Резцы	10	10	14	1	—	—	—	—	—	35	11,29
Ножи	28	5	—	—	—	—	—	—	—	33	10,64
Скобели	9	6	—	—	—	—	—	—	—	15	4,83
Комбинированные орудия	2	3	3	—	—	—	—	—	—	8	2,58
Перфораторы	—	1	4	—	—	—	—	—	—	5	1,61
Резчик	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,32
Зубило	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	0,32
Пила	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,32
Тесло	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	0,32
Долото	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	0,32
Топор	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0,32
С нерегулярной ретушью	37	21	6	3	—	9	—	—	—	76	24,51
Термические осколки	2	1	—	—	—	—	—	—	—	3	0,96
Итого	121	120	37	10	2	9	9	1	1	310	100

шой наклон относительно вертикальной оси, реже горизонтальные; три специально подработаны (рис. 1, *30, 31, 36*). С двух нуклеусов снимались пластинки (рис. 1, *34, 37*), с прочих — отщепы.

Большой процент отходов производства, высокая частота встречаемости расщепленных кремней, сохранивших желвачную корку, и находки корковых сколов с галек убедительно свидетельствуют, что вся обработка кремня, от первичной обивки желвака до выхода готового изделия, производилась непосредственно на стоянке.

Орудия, включая около 10 предметов с визуально определимыми следами утилизации, представлены 310 экз., что составляет 10,66% всех находок. Сырьем для их производства служил местный валунно-галечный кремень различных расцветок, главным образом светло-серых оттенков. Качество исходного материала крайне низкое, на многих орудиях сохранилась желвачная корка. Основными заготовками являлись отщепы малых и средних размеров и ножевидные пластинки правильной огранки, распределяющиеся в коллекции почти поровну (табл. 2). Орудия изготовлялись также на случайных осколках и нуклевидных кусках, а в единичных случаях были использованы крупные чешуйки, ребристые пластины и корковый скол с желвака. Одно орудие сделано из сланца.

Наконечников стрел «прямого боя» (или «колющие», по терминологии Л. В. Кольцова [7]) найдено 5 экз. Все они изготовлены на пластинах. Два орудия сохранились полностью, остальные обломаны. Один представлен обломком основания, черешок которого ретуширован по краям спинки мелкими фасетками (рис. 1, *5*); два — обломками боевой части. У первого плоской ретушью с брюшка и частично со спинки обработано острие (рис. 1, *3*), у второго — противолежащей только края (рис. 1, *7*). Все обломки происходят из первого раскопа. Там же найден и один целый наконечник [3] У него крутой

[3] С формальной точки зрения это орудие следовало бы считать острием, однако отсутствие явных следов работы в виде залощенности или выщербин на кончике пера свидетельствует об использовании его в качестве наконечника стрелы.

ретушью со спинки подправлены лишь края острия (рис. 1, *6*). Второй наконечник найден в озере. Изготовлен на неудачно отжатой трехгранной пластинке. Форма листовидная, острие подработано плоской ретушью с брюшка и частично со спинки [4] (рис. 1, *2*).

Геометрические микролиты представлены тремя трапециями. Две найдены в первом раскопе. Изготовлены на правильных трехгранных пластинках темно-желтого кремня с коричневым отливом. Обе низкие, симметричные, обработаны крутой ретушью только по торцам со стороны спинки (рис. 1, *8—9*). Третий экземпляр — высокая асимметричная трапеция на отщепе светло-розового цвета. Найдена в озере. Один край брюшка (со стороны ударного бугорка) обработан отвесной ретушью, другой — крутой (рис. 1, *10*).

Пластинок с затупленными концами найдено 4 экз. У всех торцы, противоположные бугорковым, оформлены крутой ретушью (рис. 1, *11—14*): у двух с брюшка (на одной частично), у остальных со спинки. Кроме этого, последние имеют еще приостряющую ретушь по краям (рис. 1, *12, 13*).

Серия вкладышей состоит из 9 экз. (рис. 1, *15—22*). Они прямоугольной формы, изготовлены на правильных коротких сечениях двух-, трехскатных пластинок. Мелкой приостряющей ретушью у них обработаны, как правило, один или оба края спинки или брюшка (у некоторых ретушь противолежащая). Углы сечений часто закруглены или смяты (рис. 1, *17, 21*), а у одного экземпляра имеется короткий скол резцового характера (рис. 1, *16*). И то и другое, очевидно, образовалось в результате трения вкладыша о вкладыш в пазу орудия, которым работали.

Единственный резчик (на конце пластинки) найден в первом раскопе. Клювовидное лезвие оформлено крутой ретушью, а мелкой затупливающей — основание и левый край брюшка заготовки (рис. 1, *29*).

Перфораторов 5 экз. Они невыразительны, не имеют устойчивой формы. У всех небрежно подправлена только рабочая часть: или угол, или острый конец заготовки [5] (рис. 1, *23—27*). По-видимому, функциональное назначение их — сверла.

Самая многочисленная и наиболее интересная в коллекции группа изделий — это скребки (рис. 2; 3, *21—28*). Их насчитывается, включая обломки и одну микроформу, 108 экз., что составляет почти одну треть всех орудий.

Среди заготовок (табл. 2) доминируют отщепы, небольшое количество изготовлено на ножевидных пластинках и осколках, три скребка сделаны на сколотых с нуклеусов площадках (рис. 2, *18*), дважды использованы обломки ребристых пластин (рис. 2, *36;* 3, *21*) и один раз — корковый скол с желвака (рис. 3, *25*).

По форме заготовки скребки делятся на округлые (почти половина изделий) и подчетырехугольные, реже подтреугольных и случайных очертаний; по размерам — на маленькие (максимальная длина до 2,5 см) и средние (от 2,5 до 5 см). Первые составляют около 70% всех скребков (рис. 2, *1—37*).

Все орудия, за исключением одного экземпляра, изображенного на рис. 2, *7*, имеют по одному лезвию, среди которых преобладают дуговые (степень изогнутости дуги различна) и округлые. Небольшим количеством представлены скошенные (рис. 2, *1, 30*) и прямые (рис. 2, *5*); единичными — скребки со слегка вогнутым и с клювовидным (рис. 2, *31*) рабочим краем.

---

[4] Еще два обломка оснований наконечников стрел найдены в озере Е. Л. Костылевой осенью 1981 г. [3]. Оба изготовлены на трехскатных пластинках. У первого обработан полукрутой ретушью со спинки и плоской с брюшка только черешок (рис. 1, *1*), а у второго — черешок и края пера со спинки (рис. 1, *4*). Кроме этого, у последнего на кончике основания имеется несколько фасеток-выколов. Очевидно, наконечник после того, как сломался, использовался уже в качестве сверла.

[5] Более выразительны перфораторы из сборов 1981 г. Первый — на конце изогнутой пластинки — имеет четко выделенное крутой ретушью со спинки короткое жало, дополнительно подправленное тремя фасетками с брюшка (рис. 1, *28*). Использовался, возможно, в качестве проколки. Второй представляет собой сверло, изготовленное на массивном нуклеобразном куске, у которого ретуширован выступающий толстый конец [3].

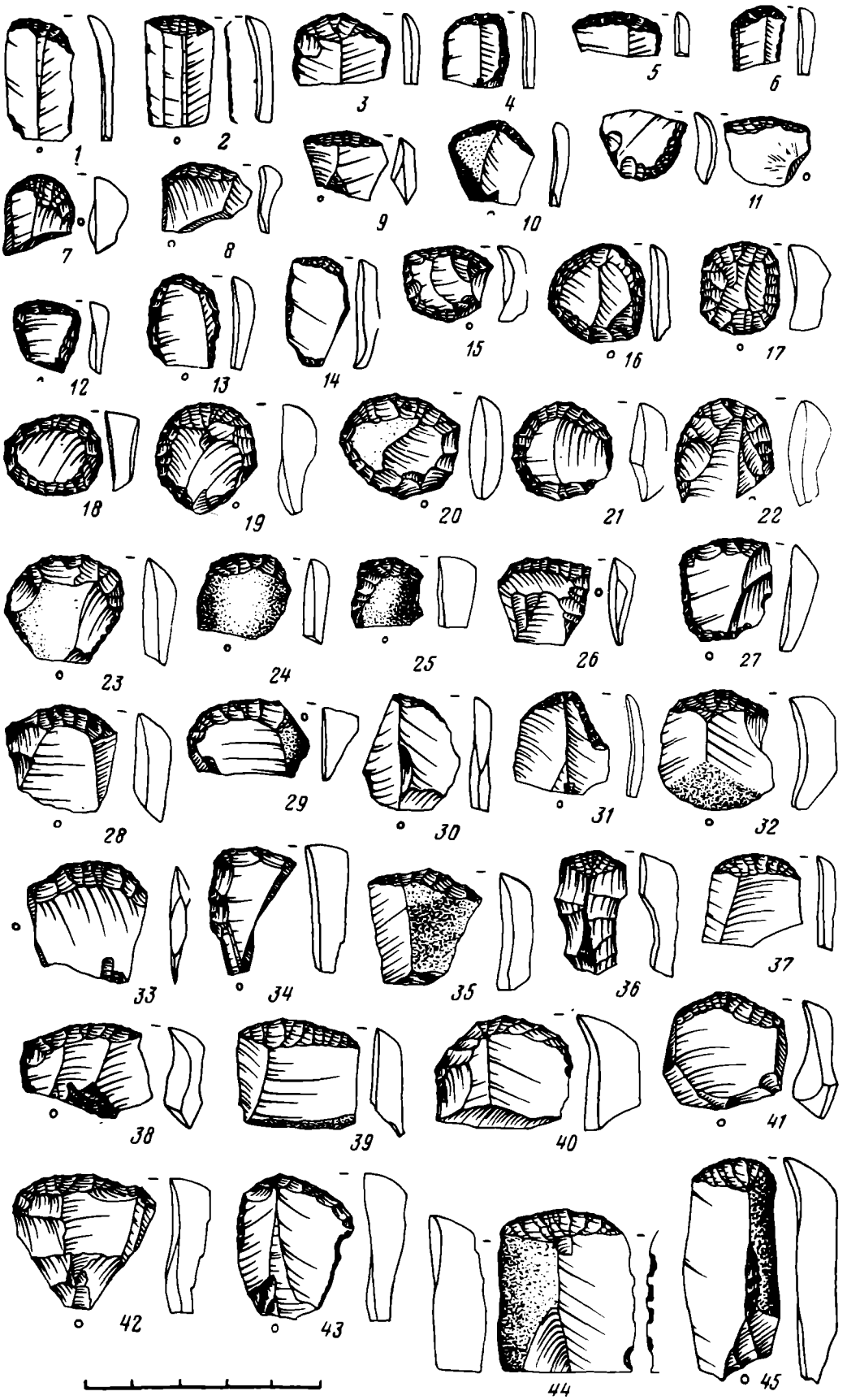


Рис. 2. Скребки

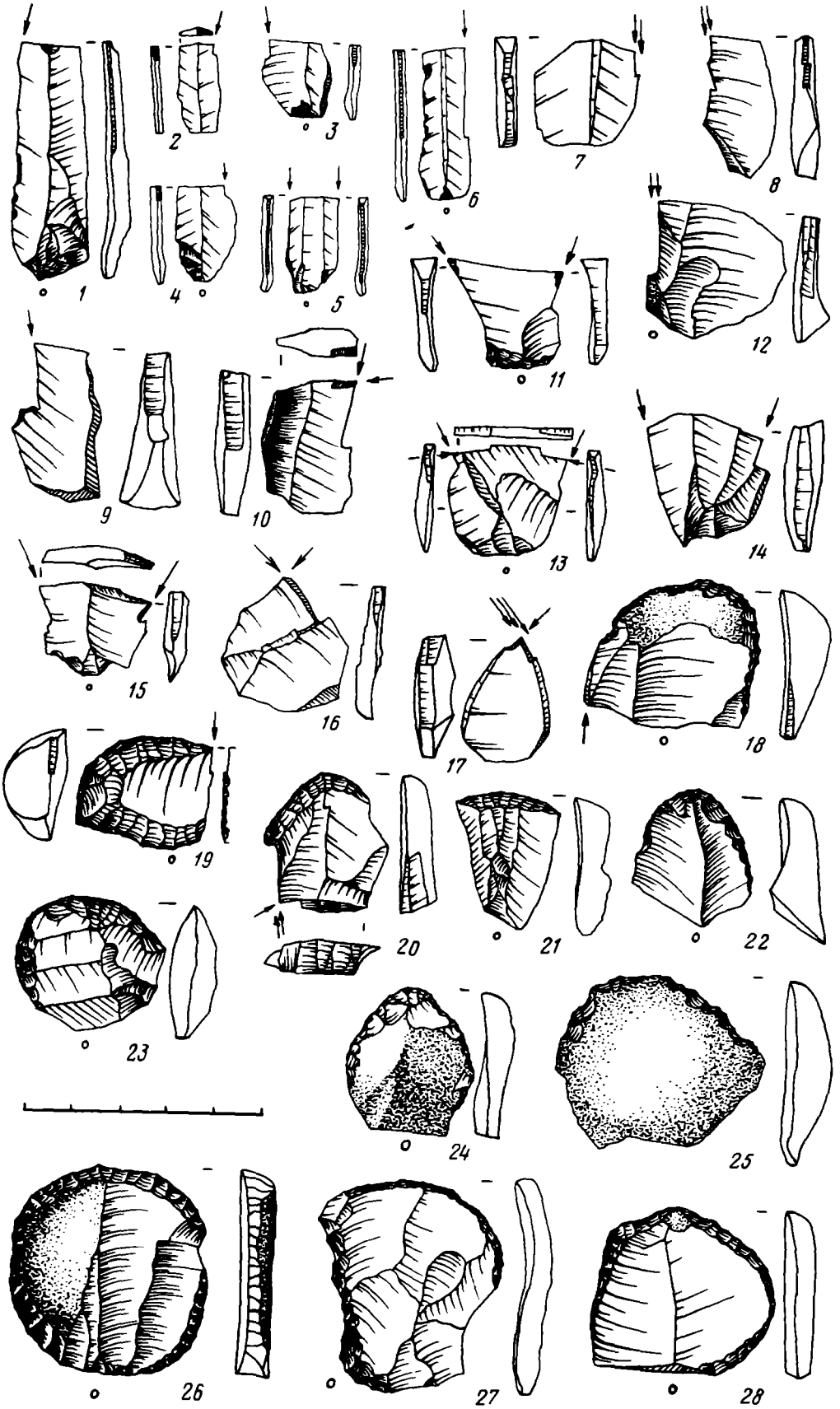


Рис. 3. Резцы (*1—17*), резцы-скребки (*18—20*), скребки (*21—28*)

Основная масса скребков обработана полукрутой (реже крутой) ретушью, которая, как правило, формует только лезвие, и лишь у двух орудий она заходит на спинку заготовки (рис. 2, *7*; 3, *23*). У некоторых экземпляров, в основном изготовленных на пластинках, дополнительно подработаны затупливающей или приостряющей ретушью боковые края (рис. 2, *1—6, 14, 43, 44*).

Резцов найдено (в основном в озере) 35 экз. Заготовками служили осколки, отщепы, пластинки и один раз кусок кремня случайных очертаний (табл. 2). Форма большинства крайне невыразительна.

27 орудий представлены простым типом — резцами на сломе заготовки [6] (рис. 3, *1—4, 6—9, 12*), из них семь имеют по две режущие кромки, расположенные на параллельных (рис. 3, *5, 11, 14, 15*) или диагонально противоположных углах.

К типу срединных резцов отнесено 8 экз.: пять симметричных (рис. 3, *16, 17*), два асимметричных (рис. 3, *10*) и один двойной асимметричный (рис. 3, *13*).

Группа орудий, выделенная в категорию ножей, однообразна. 5 экз. изготовлены на пластинчатых отщепах удлиненных пропорций (рис. 4, *8*), а остальные 28 экз.— на пластинках (рис. 4, *2—7*). Для тех и других характерна приостряющая регулярная ретушь по краям заготовки, которая чаще нанесена со спинки, реже со стороны брюшка.

К скобелям отнесено 15 экз. Отличительной чертой этих орудий является наличие краевой выемки, сформованной подкрутой или крутой ретушью. Количество их на заготовке колеблется от одной до пяти (рис. 4, *11*). Ширина и изгиб выемок различные. На орудиях, изготовленных из небольших и тонких пластинок и сечений, они в основном короткие и относительно глубокие (рис. 4, *9, 12, 13*), реже мелкие (рис. 4, *10, 11*). Скобели на отщепах и крупных пластинах имеют слабовогнутые, но широкие выемки (рис. 4, *15, 16, 18*). Столь резкое разделение одного вида инструментов на две группы обусловлено, во-первых, размерами заготовок, а во-вторых (и это, по-видимому, главное), различным (специализированным) назначением каждой из них.

Комбинированных орудий найдено 8 экз. На двух отщепах и трех осколках объединены скребки с резцами. Все скребковые лезвия размещены на концах заготовок; по форме два из них полуокруглые (рис. 3, *18, 19*), остальные дуговые (рис. 3, *20*). Резцовые же кромки этих орудий можно разделить, исходя из морфологически образующих признаков, на следующие типы: ретушную (рис. 3, *19*), срединную (рис. 3, *20*) и три кромки на естественном окончании заготовки (рис. 3, *18*).

Прочие комбинированные орудия (3 экз.) представляют собой совмещение двух-, трехфасеточных скобелей с ножами (рис. 4, *1, 14, 17*).

Редкой для мезолита является находка орудия типа pièce écaillée (рис. 4, *20*), найденного в озере. В качестве заготовки использован полностью сработанный нуклеус клиновидной формы, максимальная длина которого составляет чуть более 2 см. У орудия одно лезвие. Оно слегка вогнуто, имеет сбитость и плоскую с заломами ретушированность с обеих сторон. Обух утолщен, края частично сбиты, очевидно, ударами колотушки. Использовался скорее всего в качестве зубила, возможно, клина.

Единственным экземпляром представлено и абразивное орудие — пила на массивной пластине. Рабочий край неровный, в профиле волнистый, грубо обработан крутой сплошной ретушью со спинки и тремя фасетками плоской с брюшка (рис. 4, *19*).

Рубящих орудий в коллекции три: долото, тесло и топор. Первое переделано из крупного призматического нуклеуса, у которого на нижнем конце с двух сторон ретушными сколами оформлено лезвие. Лезвие узкое, в плане изогнутое и имеет короткую, слегка намеченную выемку типа желобка (рис. 4, *22*). Тесло

---

[6] У резцов, изображенных на рис. 3, *2, 15*, площадки сколов после оформления кромки лезвия были частично подправлены ретушью.

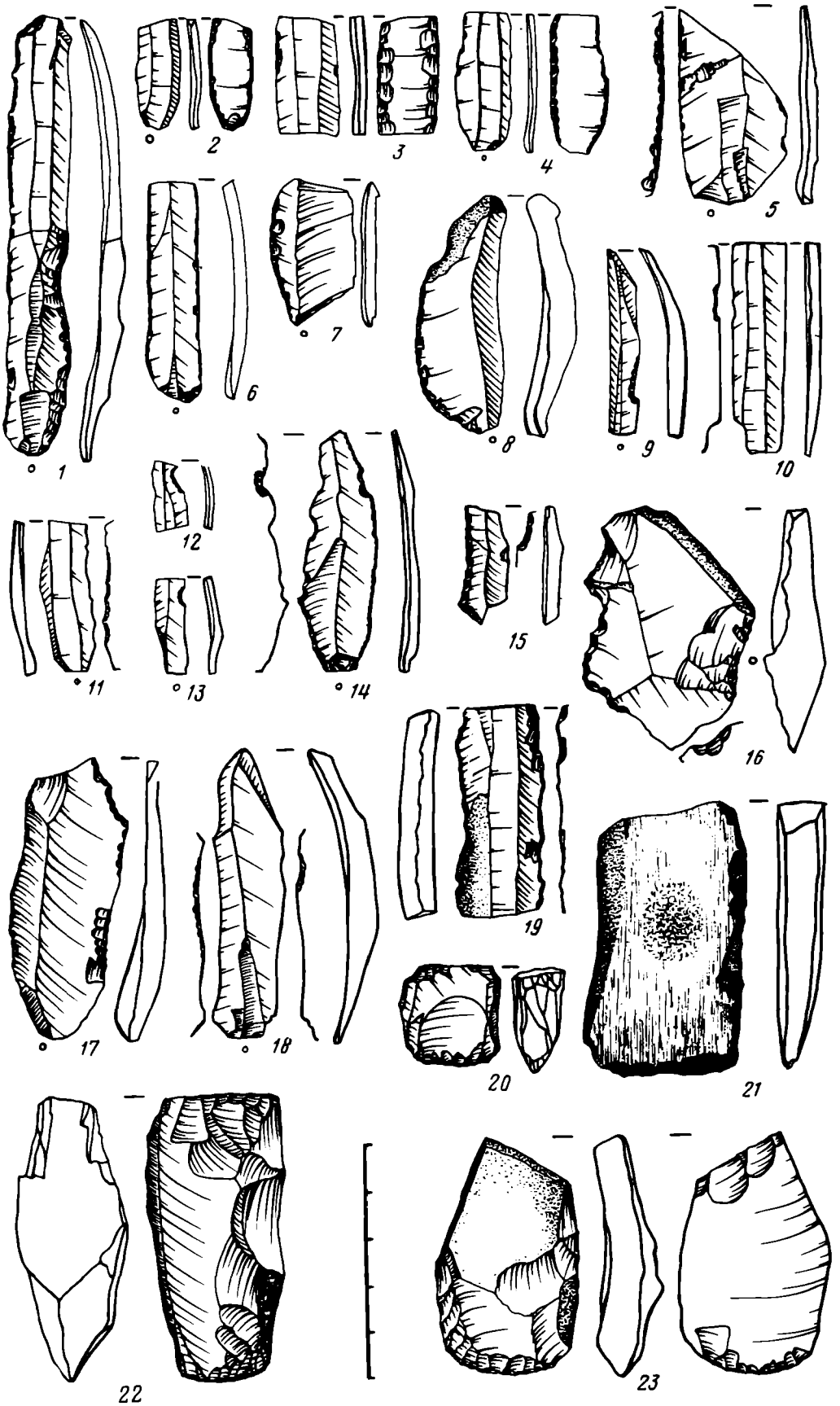


Рис. 4. Ножи-скобели (*1, 14, 17*), ножи (*2—8*), скобели (*9—13, 15, 16, 18*), пила (*19*), зубило (*20*), долото (*22*), топор (*21*), тесло (*23*)

меньше по размерам. У него кроме подправленного (также с двух сторон) рабочего края дополнительно подтесан широкими фасетками с брюшка еще и обушок (рис. 4, *23*). Очевидно, подтеска явилась результатом подгонки тесла в гнездо рукояти. Топор изготовлен из сланцевой плитки светло-зеленого цвета. Плитка плоская, в плане и в сечении прямоугольная, один конец ее превращен двусторонней пришлифовкой в лезвие, которое в процессе работы было сбито. После этого топор приспособили под наковаленку, о чем свидетельствуют следы точечных ударов на одной из сторон (рис. 4, *21*).

И наконец, последние две группы предметов, отнесенные к орудиям,— это три термических ретушированных осколка и 76 кремней с нерегулярной обработкой и явными следами утилизации (табл. 2). Половину из них составляют ножевидные пластинки и обломки, имеющие по краям частичную подправку приостряющей ретушью или выкрошенность от работы. Использовались они в качестве режущих инструментов, а остальные — осколки, отщепы, крупные чешуйки — выполняли функции скребков с скобелей.

Отнесение стоянки Малая Ламна III к кругу памятников, выделенных Л. В. Кольцовым в позднебутовскую культуру, не вызывает сомнений; весь облик, характер обработки и состав орудий (за исключением, может быть, сланцевого топора) укладывается в технико-типологическую характеристику последней [8].

Наиболее полные аналогии малоламненским находкам дают сборы на стоянке Мордовское I [9] и особенно материалы среднего культурного слоя Елина Бора [10, 11], причем некоторые серии орудий (маленькие скребки с дуговым и округлым лезвиями и резцы на сломе заготовки) имеют почти абсолютное тождество. Однако есть и различия: в Елином Бору найден прямоугольник, но нет трапеций, отсутствуют и рубящие орудия [7] Все это можно объяснить в какой-то степени различной хозяйственной деятельностью на поселениях.

Сложнее вопрос с датировкой. В настоящее время хронологические рамки позднебутовской культуры Л. В. Кольцов определяет ранним атлантикумом [12] Полученная же для кострища стоянки Малая Ламна III дата — 8800 $\pm$ $\pm$90 л. н.— фиксирует начало второй половины бореального периода, что противоречит типологической датировке памятника. Не исключена возможность ошибочности этой даты, однако здесь небезынтересно вспомнить ситуацию залегания среднего культурного слоя Елина Бора. Он, что довольно-таки четко зафиксировано при раскопках и П. И. Борисковским [10, с. 18], и Л. В. Кольцовым [11, с. 178—179], перекрыт среднеголоценовой погребенной почвой. Время погребения последней, судя по небольшой серии радиоуглеродных дат, относится к интервалу от 5590 $\pm$ 280 (МГУ-132) до 5870 $\pm$ 40 (ИГАН-76) л. н., время же начала образования предположительно определяется первой половиной атлантического периода [13], т. е. средний культурный слой на елиноборской дюне логически должен быть несколько древнее и датироваться, очевидно, второй половиной (или концом) бореаля, а в абсолютных выражениях — в пределах VII тыс. до н. э.

Исходя из этого предположения, допускаю возможность датировать начало отложения культурного слоя стоянки Малая Ламна III первой четвертью VII тыс. до н. э. Дальнейшее же накопление фактов (и особенно радиоуглеродных дат) по хронологии мезолитических памятников Волго-Окского междуречья и смежных территорий даст возможность проверить справедливость такого вывода.

---

[7] Преобладание в объединенной коллекции из среднего слоя Елина Бора орудий на пластинках (73,5%, по подсчетам Л. В. Кольцова [11, с. 180—181, табл.]) объясняется, очевидно, характером сборов П. П. Кудрявцева, который брал только наиболее ярко выраженные орудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Терехов М. Г.* Гидрологический очерк бассейна реки Луха, левого притока реки Клязьмы, в пределах Иваново-Вознесенской губернии // Тр. ИВГНОК. 1929. Вып. 7.
2. *Чикишев А. Г* Карст Русской равнины. М.: Наука, 1978.
3. *Костылева Е. Л.* Отчет о разведочных работах Приволжско-Луховского отряда Верхневолжской экспедиции в Ивановской области // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8787.
4. *Костылева Е. Л.* Разведки в Ивановской области // АО — 1981. М., 1983.
5. *Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Раскопки стоянки Малая Ламна III на Ламненском озере // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9784.
6. *Мец Н. Д.* Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV.
7 *Кольцов Л. В.* О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. 1985. № 3.
8. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
9. *Кольцов Л. В.* Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы // СА. 1970. № 1.
10. *Воеводский М. В., Борисковский Д. И.* Стоянка Елин Бор // СА. 1937. № 3.
11. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
12. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР // СА. 1983. № 4.
13. *Чичагова О. А.* Радиоуглеродное датирование гумуса почв. М.: Наука, 1985.

A. V. UTKIN

MALAYA LAMNA III, A MESOLITHIC CAMP IN THE LUKH RIVER BASIN

Summary

The author analyses the materials obtained through excavations and random finds from the Mesolithic camp of Malaya Lamna III studied by the Upper Volga Expedition of the Institute of Archaeology (USSR AS).

There are 2904 objects with 310 tools the rest being production waste. The tools included arrowheads on blades, three trapezes, hafted tools, knives, scrapers and burins. One third of the whole amount were racloirs mainly on small flakes with arch-shaped or rounded blades. A knife, a saw and chopping tools were not numerous. The expedition also found a fire place in the cultural layer's foundation with the charcoal dated to 8800±90 (LE-2610) B. P.

Н. Н. ТЕРЕХОВА

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛЕНИЯ НАРТАН (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)

Открытие и исследование в 1978—1979 гг. курганного могильника у сел. Нартан в Кабардино-Балкарии [1] вновь привлекло внимание ученых к проблеме взаимоотношения местного населения с пришлыми племенами ираноязычных кочевников.

Памятник, расположенный на территории расселения племен кобанской культуры, дал богатейший вещевой комплекс, имеющий ярко выраженные синкретические кавказско-кочевнические черты. Его культурная и этническая атрибуция неоднозначна. Автор публикации материалов из раскопок Нартанского могильника В. М. Батчаев относит памятник к числу кочевнических скифо-савроматского круга, рассматривая кобанские черты как проявление влияния местной среды [1, с. 34, 35; 2, с. 53]. Существует и противоположная точка зрения, о том, что Нартанский комплекс оставлен группой кобанских племен, которые восприняли «в силу близкого территориального контакта с чужеродной культурой... некоторые черты военизированного кочевнического быта, костюма, даже... обычай сооружения надмогильных курганов» [2, с. 4]

Материалы из Нартана введены в научный оборот пока лишь в качестве предварительной публикации и, по-видимому, надолго останутся предметом дискуссий. В этой связи особое значение приобретает объективный анализ различных категорий, составляющих богатый и разнообразный инвентарь погребального комплекса.

Специальному спектро-аналитическому изучению уже подвергнут цветной металл Нартана [3, с. 116—127].

Помимо разнообразных предметов из цветного металла в погребальном комплексе могильника Нартан присутствуют изделия из черного металла. В настоящее время благодаря применению металлографических методов исследования железные предметы превратились в полноценный исторический источник, который не только помогает изучать этапы развития одного из важнейших производств, но в комплексе с другими данными может быть использован при решении важных вопросов социально-экономической истории древних племен, этнокультурных связей и контактов.

В могильнике Нартан, который автор публикации датирует рубежом VII—VI—V в. до н. э. [2, с. 48, 49], железные изделия содержались в инвентаре каждого из 24 раскопанных погребальных комплексов. Обычно в одном погребении было от 1 до 5 предметов из черного металла, в редких случаях количество их достигало 10—11 экз. Общее число — 90 экз. (не считая маловыразительных фрагментов и спекшихся скоплений).

В коллекции представлены такие категории, как наконечники копий и подтоки, боевые топоры, наконечники стрел, панцирные пластины, умбоны, кинжаль-

[1] Раскопки произведены экспедицией сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики. Выражаю глубокую признательность за предоставление материала.

© Н. Н. Терехова, 1990 г.

ные клинки, детали конской узды, ножи, шилья, булавки, браслеты, обоймицы. Пригодными для металлографических исследований [2] по состоянию сохранности оказались 59 предметов из 22 курганов: удила — 14 экз., псалии — 18, кольца удил — 1, наконечники копий — 9, кинжалы — 1, боевые топоры — 2, панцирные пластинки — 5, ножи — 2, шилья — 1, булавки — 1, кольца — 2, язычок колокольчика — 1, пластина — 1, подток — 1 экз.

Предметы конского снаряжения богато представлены в могильнике Нартан. Материалом для их изготовления служили кость, бронза, железо. Наиболее представительную коллекцию составляют железные изделия. Это прежде всего удила и псалии. Удила обнаружены в 13 курганах из 24 (2—5, 8, 10, 12, 14—16, 18, 20, 23). В некоторых курганах находилось по паре и более комплектов. Многие железные удила воспроизводят типы бронзовых и в ряде случаев присутствуют в одном комплексе вместе с бронзовыми экземплярами (курганы 12, 20). Так же как и бронзовые, они состоят из двух звеньев и подвижно соединены либо петлевидно загнутыми концами обоих звеньев, либо посредством петли на одном из звеньев, продетой через кольцо на другом.

В коллекции из Нартана зафиксированы двукольчатые, однокольчатые, стремечковидные типы удил и с петлевидно загнутыми концами (рис. 1). Для металлографического исследования отобраны 14 экз. из 11 курганов. Материалы из двух курганов (16 и 18) по условиям сохранности оказались непригодными для аналитического изучения.

Железные псалии (трехпетельчатые и двудырчатые) происходят из 14 курганов (2—5, 8, 12, 16—18; 20). Для металлографического исследования отобрано 18 экз. из 6 курганов (2—4, 8, 12, 20). В курганах 5, 16—18 сохранность псалий оказалась неудовлетворительной.

Чтобы получить как можно более полную информацию о технологии изготовления предметов конского снаряжения, образцы для металлографического изучения отбирались с различных элементов удил и псалий (грызла, внешние кольца, стержни, шишечкообразные завершения концов псалий и т. д.). На основании металлографического анализа выделено несколько групп изделий, представляющих три основные технологические схемы.

1. Целиком из железа откованы три изделия: удила (ан. 3631) и псалии (ан. 3627, 3629) из кург 12. Микротвердость феррита — 110, 116, 135 кг/мм^2.

2. Целиком из стали — 14 экз.: а) из мягкой стали — 5 экз.; в эту группу входят удила (ан. 3630) и псалии из курганов 2 (ан. 3635); 8 (ан. 3616), 20 (ан. 3648, 3650); микротвердость — 151, 161 кг/мм^2; б) из неравномерно науглероженной — 5 экз.: удила из курганов 2 (ан. 3638); 5 (ан. 3614), 23 (ан. 3641), псалии из курганов 20 (ан. 3647, 3649); микротвердость — 181—236 кг/мм^2; в) из высокоуглеродистой — 4 экз.; удила из курганов 3 (ан. 3657 Б), 20 (ан. 3637), псалии из кургана 12 (ан. 3626, 3628); микротвердость — 274, 297, 322 кг/мм^2

3. Прием поверхностной цементации представлен 15 экз.; в эту группу входят удила из курганов 8 (ан. 3622), 14 (ан. 3653—3655), 15 (ан. 3664), 20 (ан. 3651, 3652) и псалии из курганов 3 (ан. 3657А, 3657В), 4 (ан. 3656А, 3656Б), 20 (ан. 3643—3646).

Таким образом, при изготовлении удил и псалий предпочтительно использовались либо различные сорта стали, либо на поверхности изделия создавался сталистый слой путем цементации; железо (а как показывает микротвердость феррита, оно было очень мягким) применялось крайне редко (3 случая из 32). В 9 случаях и на удилах, и на псалиях зафиксирован прием термообработки (закалка, нормализация). Термообработанным оказалось и кольцо удил (сорбитная структура, микротвердость 350—383 кг/мм^2, ан. 3613).

Ведущей схемой при изготовлении удил архаических типов (двукольчатых,

[2] Металлографические исследования осуществлены автором в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР (микроскопический анализ проводился на металлмикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости — на приборе ПМТ-3)

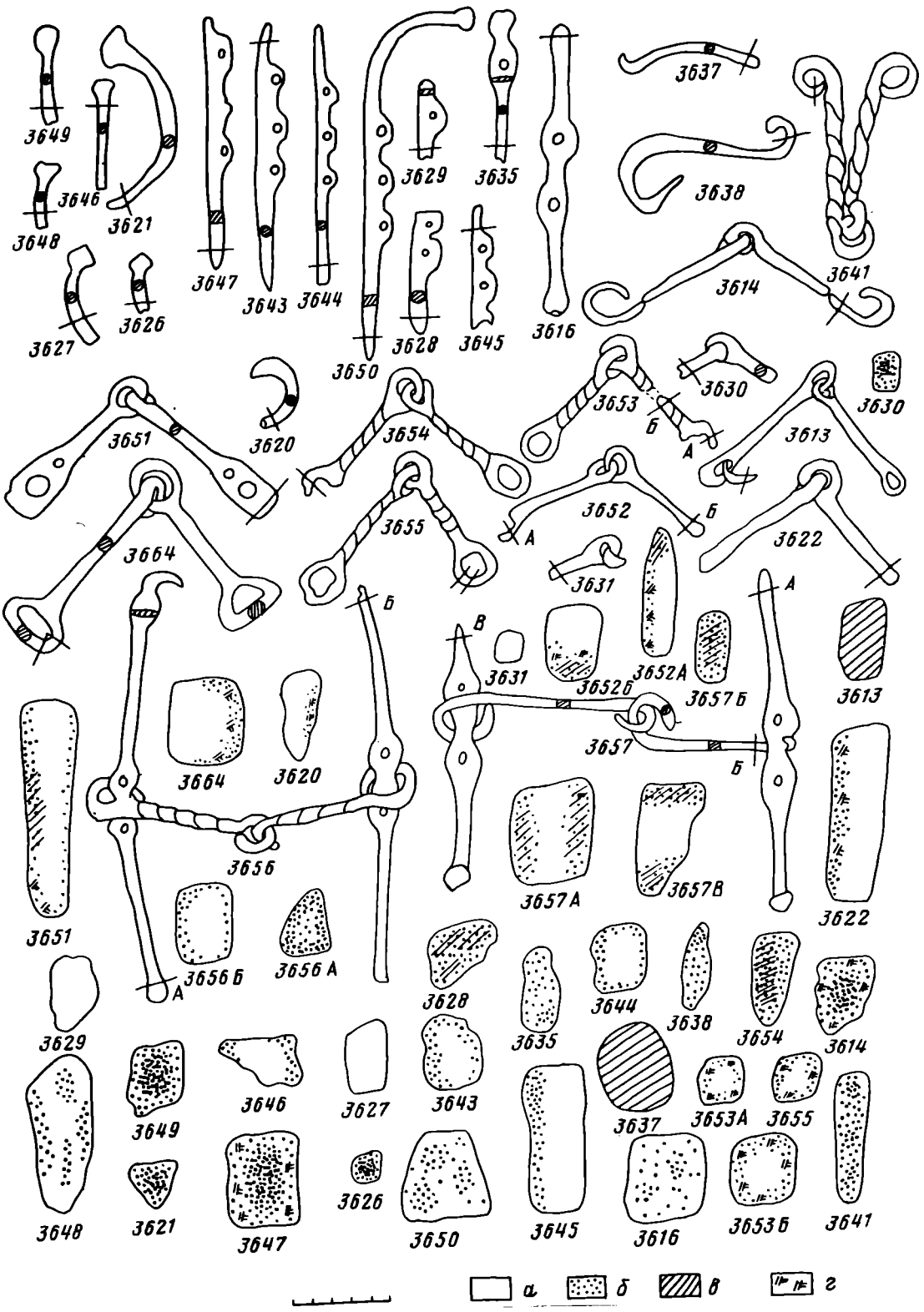


Рис. 1. Предметы конского снаряжения из могильника Нартан и их технологические схемы (место взятия образца для металлографического анализа показано секущей; цифры на рисунке соответствуют номеру анализа). Кург 1 — 3635, 3637, 3638; кург. 3 — 3657 А — В; кург. 4 — 3656 А — В; кург. 5 — 3614; кург 8 — 3616, 3620—3622; кург 10 — 3613; кург. 12 — 3626—3631, кург. 14 — 3653 А, Б, 3654, 3655; кург. 15 — 3664; кург. 20 — 3643—3652; кург. 23 — 3641. *а* — железо; *б* — сталь; *в* — термообработка; *г* — структура перегрева

однокольчатых, стремечковидных) является поверхностная цементация (6 экз).

При формовке трехпетельчатых (ранних) псалиев применялись все варианты перечисленных выше схем, однако с некоторым преимуществом приема по-

верхностной цементации. Этот же прием как ведущий сохраняется и при изготовлении двудырчатых псалиев.

Оценивая качество исходного сырья, следует подчеркнуть его чистоту в отношении шлаковых включений: присутствие их в металле, как правило, незначительное; они обычно сильно измельчены или вытянуты в виде тонких прослоек в направлении ковки. В структуре металла значительного числа изделий отмечены следы перегрева (видманштеттова структура).

Формовка изделий рассмотренной категории предполагает использование целого ряда разнообразных кузнечных операций, каждая из которых требовала нагрева заготовки до соответствующей температуры. Первоначально формовалась заготовка в виде стержня, для чего необходимы были рубка и вытяжка металла, круговая ковка или придание стержню четырехгранной формы. Следующая операция — осадка для увеличения диаметра заготовки в тех местах, где предполагалась пробивка отверстий (например, кольцевидных или стремечковидных завершений звеньев удил, петлевидных выступов или восьмеркообразных расширений на псалиях). Затем следовали плющение этих участков и пробивка соответствующей формы отверстий. Необходима была и такая операция, как высадка для конусовидных грибообразных или шишечкообразных завершений на псалиях. При конструировании колец, петель широко применялись различные виды гибки металла. При формовке витого стержня удил использовались приемы кручения — закручивания заготовки по продольной оси. В заключение изделие подвергалось шлифовке, полировке.

Качественное выполнение перечисленных операций требовало профессиональных навыков в пластической обработке черного металла.

Наконечники копий. Эта категория железных изделий представлена в могильнике Нартан в количестве 10 экз. в 9 курганах. Только в одном погребении (кург. 2) обнаружено 2 экз. наконечников копий, в остальных — по одному.

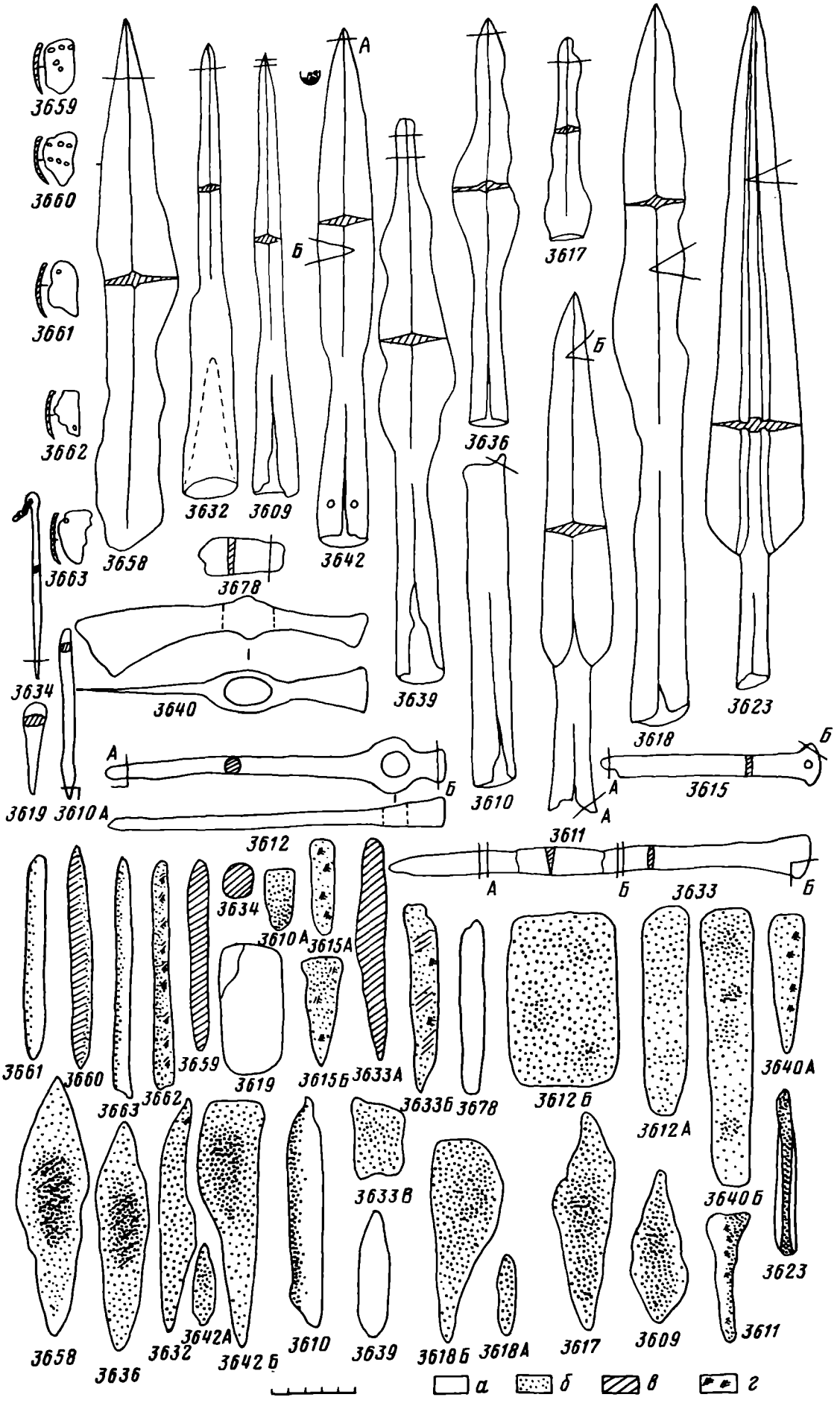
Для металлографического изучения отобрано 9 экз. (рис. 2): из кург. 1 (ан. 3611), 2 (ан. 3636, 3639), 9 (ан. 3619), 18 (ан. 3632), 19 (ан. 3623), 20 (ан. 3642), 22 (ан. 3609), 24 (ан. 3617). Один наконечник копья из кург. 16 оказался полностью непригодным для проведения анализа. Все наконечники копий — втульчатые, двухлопастные, перо лавролистной или остролистной формы, ромбического или сложнопрофилированного сечения.

Металлографическое изучение наконечников копий показало, что при их изготовлении применялись четыре технологические схемы: 1) целиком из железа — 1 экз. (ан. 3659), микротвердость феррита 122—128 кг/мм^2; 2) целиком из стали — 6 экз. (мягкая сталь — 5 экз., ан. 3609, 3617, 3618, 3632, 3642; неравномерно науглероженная — 1 экз., ан. 3636); содержание углерода — 0,2—0,3; 0,2—0,7%, микротвердость феррито-перлита 181—221, 236 кг/мм^2; 3) поверхностная цементация (односторонняя) — 1 экз. (ан. 3611); 4) сварка из трех полос: в центре — стальная, по краям — железные — 1 экз. (ан. 3623); центральная полоса — содержание углерода — 0,3—0,4%, микротвердость 193—206 кг/мм^2, микротвердость феррита боковых полос 151 кг/мм^2).

Таким образом, за исключением одного цельножелезного изделия, наконечники копий откованы либо целиком из стали, либо имеют сталистую поверхность или сердцевину. В одном случае отмечены следы термообработки (мягкая закалка, ан. 3636).

Большинство изделий имеет признаки перегрева металла — обезуглероженность поверхности. В сочетании с мелкозернистостью структурных составляющих этот факт может рассматриваться как следствие высокотемпературного нагрева во время ковочных операций, а не вторичного перегрева уже готового изделия (например, в пламени погребального костра).

Рис. 2. Железные изделия из могильника Нартан и их технологические схемы (место взятия образца для металлографического анализа показано секущей; цифры на рисунке соответствуют номеру анализа). Кург. 1 — 3610, 2612; кург. 2 — 3632, 3636; кург. 5 — 3615; кург. 7 — 3633, 3634; кург. 9 — 3618, 3619; кург. 11 — 3678; кург. 15 — 3659—3663; кург. 17 — 3658; кург. 28 — 3632; кург. 19 — 3623; кург. 20 — 3642; кург 22 — 3609; кург. 23 — 3640; кург. 24 — 3617 *а* — железо; *б* — сталь; *в* — термообработка; *г* — структура перегрева


3659
3660
3661
3662
3663
3634
3619
3610 А
3658
3632
3609
3678
3640
А
Б
3642
3639
3636
3610
3617
3618
3623
3615
3611
3612
3633
3634
3610 А
3615 А
3661
3660
3663
3662
3659
3619
3615 Б
3633 А
3633 Б
3678
3612 Б
3612 А
3640 А
3640 Б
3623
3633 В
3658
3636
3632
3642 А
3642 Б
3610
3639
3618 Б
3618 А
3617
3609
3611
а
б
в
г

Выделяется наконечник копья из кург. 19 (ан. 3623) как по форме, пропорциям и размерам, так и по технологии. Его перо имеет четкую форму вытянутого треугольника с резко выраженными углами у основания при переходе ко втулке (рис. 2). Изделие отличается высоким качеством как самого металла, хорошо освобожденного от шлаковых включений, так и ковочных операций: сварочные швы тонкие, чистые, структура мелкодисперсная, признаков перегрева не наблюдается.

Помимо наконечников копий металлографически был изучен также подток из кург. 1 (ан. 3610), представляющий собой цилиндрическую трубку с незамкнутым концом (длина — 20 см, диаметр — 2,5 см). Как показал технологический анализ, изделие было отковано из заготовки, подвергнутой поверхностной цементации.

Кинжальный клинок кавказского типа. 1 экз. такого клинка плохой сохранности обнаружен в кург. 17 (ан. 3658); он имеет вытянуто-треугольное обоюдоострое лезвие с четко выделенным ребром жесткости треугольного сечения. Длина лезвия — 31 см. Металлографический анализ поперечного сечения клинка показал, что он был откован целиком из стали, сохранившей на отдельных участках (в районе ребра жесткости) следы мягкой закалки (сорбитная структура, микротвердость 254—322 кг/мм^2). На остриях лезвий — обезуглероженность.

Боевые топоры. Этот вид железных изделий представлен в могильнике Нартан 2 экз. Топор-секира (ан. 3640) происходит из кург. 23 (рис. 2). Он имеет слегка изогнутый корпус, клиновидное лезвие, длинный узкий обушок, слегка расширяющийся к концу, проушину овальной формы. Общая длина топора — 18 см, длина лезвия — 9 см, ширина — 4 см, толщина — 0,5 см, длина обушка 6 см, ширина на конце — 2,8 см, ближе к обушку — 1,2 см.

Необычной формы второе орудие из Нартана (кург. 1), которое, возможно, представляет редкую форму топора-клевца (ан. 3612, рис. 2). Автор раскопок интерпретирует этот предмет как булавку (!). Общая длина изделия — 21 см. Оно имеет длинное стержнеобразное лезвие (длина — 16 см), слегка заостренное на конце, переходящее в округлое расширение с круглым отверстием-проушиной (диаметр — 1,5 см) и заканчивающееся коротким (1,5 см) обушком трапециевидной формы (ширина на конце — 2 см).

Для микроскопического изучения указанных предметов отбирались образцы как с лезвийной, так и с обушковой части. Металлографический анализ показал, что технология изготовления обоих изделий была одинаковой: они откованы целиком из стали неравномерно науглероженной (содержание углерода 0,2—0,3, на отдельных участках 0,3—0,4%, микротвердость феррито-перлита 143—170, 181—221 кг/мм^2). Специальных приемов по улучшению рабочих качеств изделий не обнаружено. Можно лишь заметить, что лезвийная часть проковывалась более тщательно, чем обушковая, о чем свидетельствует измельченность структурных составляющих. Сам же металл загрязнен хотя и немногочисленными, но крупными шлаковыми включениями.

Панцирные пластинки. Защитный доспех в виде металлических пластинок от чешуйчатых панцирей представлен в четырех погребениях могильника Нартан (курганы 1, 4, 15, 16). Пластинки либо железные, либо бронзовые, в одном случае (кург. 20) — костяные [2, с. 48].

Для исследования удалось отобрать только 5 экз. железных пластинок из кург. 15 (ан. 3659—3663, рис. 2). В остальных случаях сохранность их неудовлетворительная. Пластинки слегка изогнуты, имеют прямоугольную форму с закругленными углами, у верхнего края, а иногда и ниже — ряд небольших отверстий для крепления на основу с помощью продернутых ремешков.

Как показало технологическое изучение поперечного среза пластинок, 3 экз. были изготовлены целиком из стали (среднеуглеродистой — ан. 3662 и высокоуглеродистой — ан. 3659, 3660), 2 экз.— из железных заготовок, подвергнутых односторонней цементации, в результате чего на внешней поверхности образо-

вался сталистый слой (содержание углерода 0,1—0,4%; микротвердость феррита 143 кг/мм^2, ферритоперлита — 160—236 кг/мм^2). 2 экз. пластинок были термообработаны (ан. 3659, 3660) (мягкая закалка, микротвердость сорбитной структуры 254—322 кг/мм^2).

Таким образом, можно заключить, что технология изготовления панцирных пластинок обеспечивала им необходимую твердость и достаточную упругость. Металл очень чистый, хорошо прокован и освобожден от шлаковых включений. Однако признаки обезуглероженности некоторых экземпляров и видманштеттный характер структуры свидетельствуют о том, что металл в ходе ковки подвергался перегреву.

Бытовые предметы. Ножи обнаружены в восьми погребениях (курганы 3, 5, 7, 12, 17, 19, 21, 22) по 1 экз. Типологически они различны: с прямым лезвием и слегка выгнутой спинкой (курганы 3, 21); с прямым лезвием и спинкой, без выделенного черешка (курганы 5, 7); со слегка изогнутой спинкой и лезвием, без выделенного черешка (кург. 17); с прямым лезвием и спинкой, с выделенным коротким черешком (курганы 12, 19, 22).

В большинстве случаев сохранность ножей плохая. Для металлографического исследования оказались пригодными 2 экз.— из курганов 5 (ан. 3615) и 7 (ан. 3633). Ножи однотипные — узкие, длинные, с прямыми лезвием и спинкой, черешок не выделен (меняется лишь сечение: клиновидное — на полотне ножа, прямоугольное — на черешке), заканчивается небольшим расширением. На одном экз. в расширенной части черешка — небольшое отверстие.

Длина целого экземпляра из кург. 7 (ан. 3633, рис. 2) — 25,5 см, ширина лезвия и черешка — 1,5 см (на конце черешка — 2,5 см); диаметр отверстия на ноже из кург. 5 — 0,5 см. Наиболее полная картина для технологической реконструкции получена при микроскопическом изучении целого экземпляра (ан. 3633). Образцы для исследования взяты с поперечного сечения клинка, с черешка (в месте перехода клинка в рукоять), на расширенном конце рукояти. Металлографический анализ показал, что изделие было отковано из мягкой стали (содержание углерода 0,1—0,3% на образце с рукояти), затем клинок был подвергнут цементации и закален в холодной воде; микроструктура: мартенсит (микротвердость 420—464 кг/мм^2) — на клинке; феррито-перлит виданштеттного характера, сорбит (микротвердость 206— 254 кг/мм^2) — при переходе от клинка к рукояти; крупнозернистый феррито-перлит (содержание углерода 0,1—0,2%, микротвердость 135—160 кг/мм^2) — на рукояти.

Аналогичным образом был, видимо, изготовлен и второй нож (ан. 3615). К сожалению, клинок оказался плохой сохранности, но образцы, взятые с рукояти (в месте перехода клинка в рукоять и на конце), обнаруживают при микроскопическом исследовании ту же картину, что и на предыдущем экземпляре: ферритоперлитная структура мягкой стали — на конце рукояти, крупнозернистая, видманштеттного характера — в месте перехода от клинка к рукояти. По-видимому, как и в первом случае, клинок готового изделия был подвергнут цементации и, возможно, закален.

Единичными экземплярами представлены в погребениях Нартанского могильника такие железные изделия, как шилья (кург. 1), булавки (кург. 7), браслеты (кург. 6). Для металлографического изучения оказались пригодными (рис. 2): шило (ан. 3610А), одна из булавок из погребения 7 (ан. 3634), кроме того, обломки железных колец разного диаметра из кург. 8 (ан. 3620, 3621), обломок пластины из кург. 11 (предмет неясен, ан. 3678), язычок бронзового колокольчика из кург. 9 (ан. 3619).

С технологической точки зрения указанные предметы представляют две группы изделий: 1) изготовленные целиком из железа; 2) изготовленные целиком из стали.

В первую группу входят такие предметы, как язычок колокольчика (ан. 3619) — стержень длиной 6 см, сечение одного конца — подпрямоугольное (ширина — 1,2 см, толщина — 6 мм), другого — круглое (диаметр — 5 мм);

обломок железного кольца из дрота круглого сечения (диаметр — 6 мм, внутренний диаметр кольца — 2,5 см, ан. 3620); обломок пластины длиной 5 см, шириной 2,5 см (ан. 3678). Микроструктурные данные (крупнозернистая структура феррита) свидетельствуют о том, что ковка велась при повышенных температурах. Металл, из которого откован язычок колокольчика, отличается от остальных значительной загрязненностью шлаковыми включениями и повышенной твердостью (микротвердость феррита 193—221 кг/мм^2). Во вторую группу включены булавки, шило, обломок браслета. Булавка представляет собой стержень длиной 11,5 см, круглого сечения (диаметр — 3—4 мм), один конец заострен, другой загнут в виде петли, к которой прикреплена бронзовая цепочка, соединявшая булавку с другой, аналогичной [2, табл. 23, *13, 14*], но более плохой сохранности. Как установлено при микроскопическом исследовании, изделие было откован из высокоуглеродистой стали и подвергнуто термообработке (мягкая закалка, микротвердость сорбитной структуры 322—350 кг/мм^2).

Шило (ан. 3610А) — стержень подпрямоугольного сечения (ширина — 7 см, толщина — 5 мм), длиной 10,5 см — было изготовлено из неравномерно науглероженной стали (содержание углерода колеблется от 0,2—0,3 до 0,4—0,6%).

Согнутый в кольцо дрот круглого сечения (диаметр 6—9 мм) откован из среднеуглеродистой стали (содержание углерода 0,35—0,40%). В процессе ковки поверхность дрота была обезуглерожена, что свидетельствует о перегреве металла.

Обобщая результаты данных металлографического исследования железных предметов из могильника Нартан, можно прийти к следующим выводам. Исходным материалом для нартанских изделий служили железо и сырцовая сталь, получаемые в сыродутном горне. Железо отличается повышенной мягкостью (микротвердость феррита — 122, 135, 143 кг/мм^2), сталь используется как мягких сортов (содержание углерода 0,2—0,3%), так и неравномерно науглероженная, с преобладанием среднеуглеродистых участков. Однородная высокоуглеродистая сталь используется реже (табл. 1).

Качество металла, с точки зрения очищенности от шлаковых включений, как правило, хорошее. Группу железных предметов составляют всего лишь 7 экз. Основная же масса изделий изготовлена либо целиком из стали (31 экз.), либо с использованием приемов цементации (20 экз.) с целью создания сталистого слоя на поверхности или рабочей части.

К сожалению, в количественном отношении изученные категории изделий не представляют достаточно выразительных серий, поэтому трудно говорить о предпочтительном использовании определенной технологической схемы в конкретной категории. Можно лишь заметить, что наконечники копий, например, чаще изготавливали целиком из стали (преимущественно мягкой), прием поверхностной цементации в этой категории зафиксирован только в одном случае (табл. 1). При формовке удил и псалий в равной степени использовали цельностальные заготовки или приемы поверхностной цементации готовых изделий.

Сварка как основа технологической схемы зафиксирована только в одном случае (наконечник копья, ан. 3623). Показательно, что в материалах из Нартана совершенно отсутствуют пакетованные изделия.

Приемы термообработки обнаружены на 15 экз. В основном это мягкая закалка и закалка с отпуском (14 экз.) и только в одном случае — твердая (нож, ан. 3633). Выразительной особенностью черного металла из Нартана являются признаки его перегрева, такие, как обезуглероженность поверхности, видманштеттный характер структурных составляющих, крупнозернистость, фиксируемые микроскопически на целом ряде изделий.

Поскольку в погребальном обряде могильника присутствуют частичное или полное трупосожжение (курганы 12, 13, 16), а также следы огненного ритуала: кострище (кург. 18), угольки и зола, обожженная докрасна земля в могильной

Таблица 1

Технологическая характеристика железных изделий из Нартана

Категория	Технология						Итого	Из них термообработано
	целиком из железа	целиком из стали			поверхностная цементация	сварка		
		мягкая	неравномерно науглероженная	высокоуглеродистая				
Удила	1	1	3	2	7		14	5
Псалии	2	4	2	2	8		18	3
Кольца удил				1			1	1
Наконечники копий	1	5	1		1	1	9	1
Подтоки					1		1	
Кинжалы							1	1
Боевые топоры		2					2	
Панцирные пластинки			1	2	2		5	2
Ножи		1			1		2	1
Шилья			1				1	
Булавки				1			1	1
Кольца	1		1				2	
Язычок колокольчика	1						1	
Пластина	1						1	
Итого	7	13	10	8	20	1	59	15

Таблица 2

Распределение изделий с признаками перегрева металла

Группа	№ кургана	Общее количество исследованных предметов	Изделия с признаками перегрева металла		
			обезуглероженность поверхности	структура видманштеттного характера	крупнозернистость
Комплексы без следов огненного ритуала	1	4	—	1	—
	2	5	1	—	1
	3	3	—	—	—
	4	2	—	—	—
	5	2	1	2	—
	7	2	—	1	—
	8	4	—	1	—
	9	2	1	—	1
	10	1	—	—	—
	11	1	—	—	1
	15	6	—	2	—
	17	1	1	—	—
	22	1	1	—	—
	23	2	2	—	—
	24	1	1	—	—
Комплексы со следами огненного ритуала	12	6	1		1
	14	3	—	2	—
	18	1	—	—	—
	19	1	—	—	—
	20	11	3	4	—

засыпи (курганы 16, 19, 20) [2, с. 52],— возникает вопрос, не являются ли признаки перегрева металла некоторых изделий результатом пребывания их в погребальном кострище. Анализ распределения по комплексам подобных предметов показывает, что они представлены в равной степени как в погребениях со следами огненного ритуала (I группа), так и без них (II группа) (табл. 2). Из 22 предметов I группы, изученных металлографически, признаки перегрева зафиксированы на 11 экз.; из 37 экз. II группы — на 18.

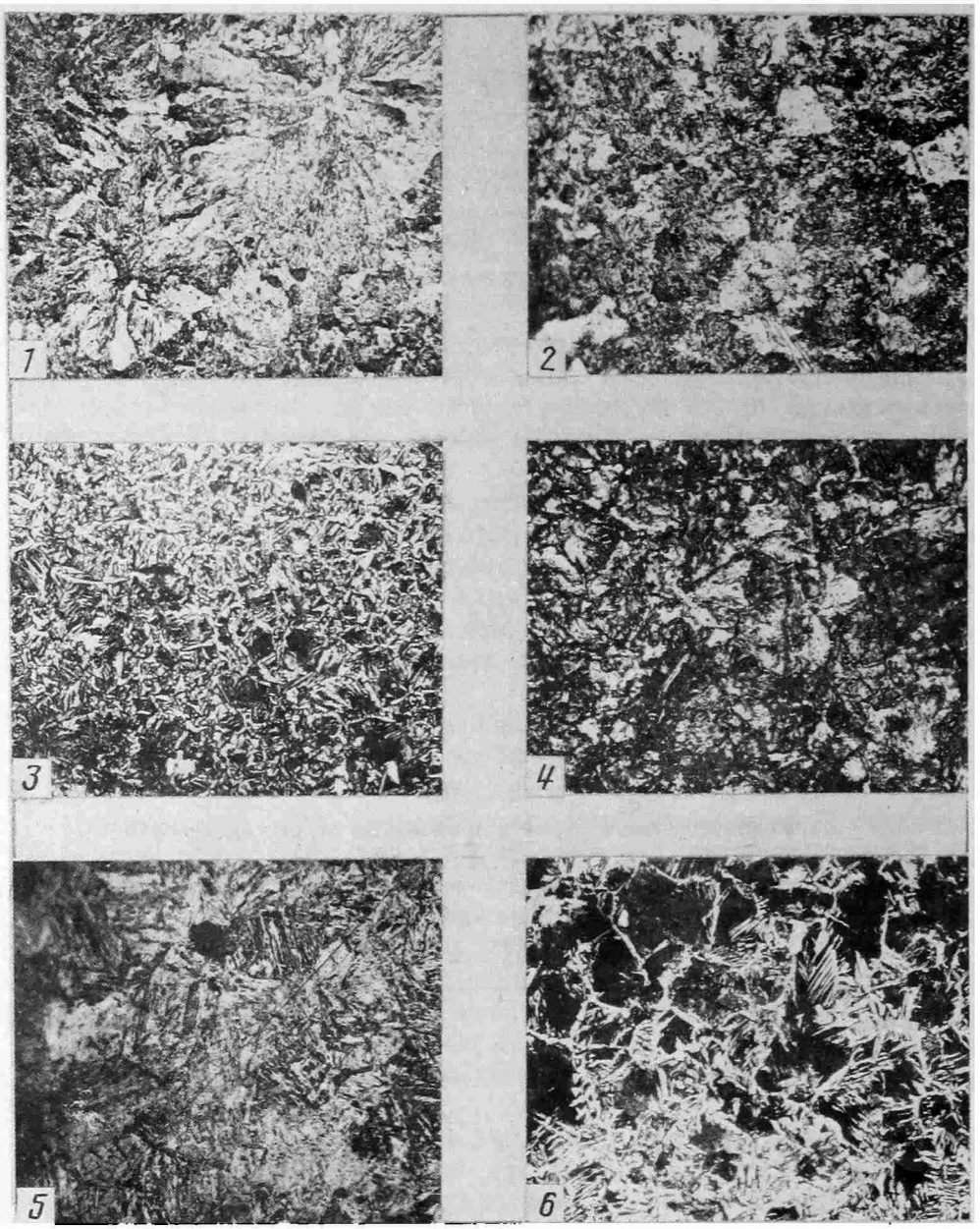


Рис. 3. Фотографии микроструктур стальных изделий из могильника Нартан. *1* — кольцо удил, ан. 3613, ув. 200; *2, 3* — удила, ан 3637, ув. 200, ан. 3653, ув. 70; *4* — псалий, ан. 3649, ув. 70; *5—6* — нож, ан. 3633, ув. 200 (*5* — клинок; *6* — рукоять)

В обеих группах имеются погребения, в инвентаре которых среди железных изделий не выявлены предметы с признаками перегрева металла (группа I — курганы 18, 19; группа II — курганы 3, 4, 10).

Показательно, что из шести железных предметов из погребения кург. 12, совершенного по обряду полного трупосожжения, следы перегрева обнаружены только на одном (ан. 3626). На других предметах сохранились такие микроструктурные признаки, как удлиненность зерен феррита (ан. 3629), следы термообработки (ан. 3628), мелкозернистость (ан. 3630). Все это свидетельствует о том, что длительному, вторичному воздействию огня готовые изделия не подвергались. В этом же погребении хорошо сохранились и такие предметы, как деревянные цилиндрические столбики [2, с. 32] В остальных курганах I группы, в которых зафиксированы обожженная земля, частички угля, зола, заметного вторичного влияния огня на структуру металла не отмечено (сохра-

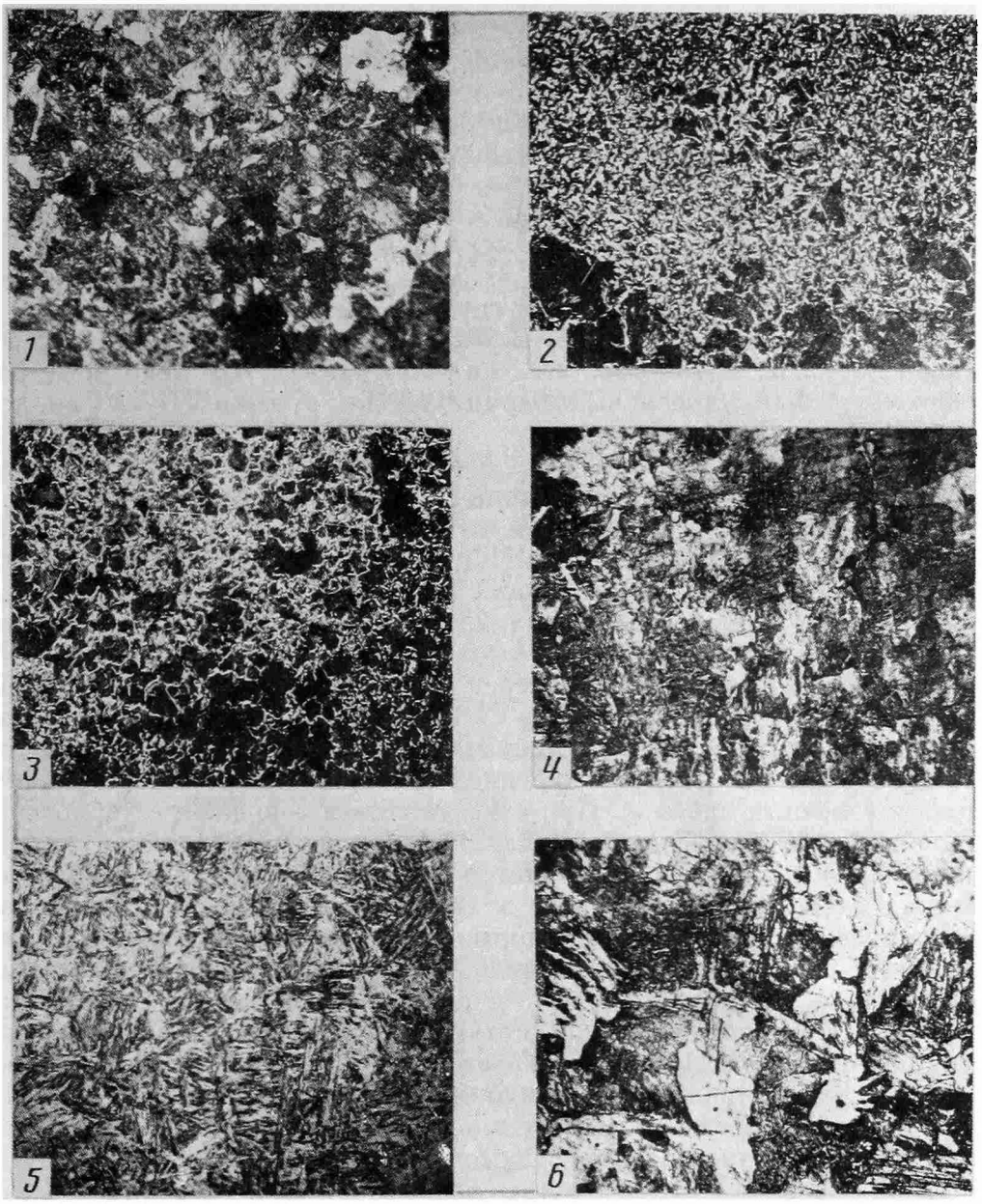


Рис. 4. Фотографии микроструктур стальных изделий из могильника Нартан. *1* — булавка, ан. 3634, ув. 200; *2* — топор—клевец, ан. 3612, ув. 70; *3* — наконечник копья, ан. 3636, ув. 70; *4* — панцирная пластина, ан. 3662, ув. 200; *5, 6* — панцирная пластина, ан. 3663, ув. 70 и 200

нилась, например, структура термообработки: ан. 3651, кург. 14; ан. 3652, 3654 — кург. 20).

Таким образом, можно достаточно уверенно связывать выявленные микроскопически признаки перегрева металла нартанских изделий с процессом их производства и квалифицировать его как одну из характерных черт рассматриваемой коллекции.

На основании полученных данных кузнечную технику, продукцией которой являются изделия из могильника Нартан, можно характеризовать следующими показателями: преимущественное использование в качестве материала стали, хорошо освобожденной от шлаковых включений (рис. 3 и 4); применение в основном таких вариантов технологических схем, как формовка изделия из цельностальной заготовки или поверхностная цементация заготовки, готового предмета; отсутствие технологии сварки (исключение составляет только один предмет) и пакетования; использование приемов термообработки (часто на из-

делиях, функциональное назначение которых не требует подобного улучшения механических свойств, например псалии, кольца удил); перегрев металла в процессе ковки и цементации.

По частоте встречаемости на первом месте из технологических схем — изделия, изготовленные целиком из неравномерно науглероженной стали; на втором — с использованием приема поверхностной цементации; на третьем — из высокоуглеродистой стали; на последнем — целиком из железа. Сварка, как уже отмечалось, представлена единственным экземпляром. В хронологическом отношении материалы из могильника Нартан предварительно разделены автором публикации на две группы: раннюю (VI в. до н. э.) и позднюю (V в. до н. э.). В раннюю группу В. М. Батчаев включает курганы 6, 9—23, в позднюю — 1—5, 7, 8, 24, вместе с тем подчеркивая, что некоторые ранние погребения могут быть удревнены до конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э. [2, с. 51, 52]

Несколько иное распределение комплексов предлагают авторы предисловия к публикации материалов из Кабардино-Балкарии. Так, курганы 2—5, 7, 8, предлагается относить к VI в. до н. э., а кург. 10 — к V в. до н. э. [2, с. 3] В. Г Петренко группирует курганы из Нартана следующим образом: ко второй половине VII—VI в. до н. э. она относит курганы 12—14, 16, 19—22; к VI в. до н. э.— курганы 6, 7, 9—11, 15, 17, 18, 23; к концу VI—V в. до н. э.— курганы 1—5, 8, 24 [4, с. 218, 219]

В аспекте нашей темы особый интерес представляют наиболее архаические комплексы конца VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. Таковыми из числа тех, материалы которых были нами исследованы, по-видимому, можно достаточно обоснованно считать погребения в курганах 12, 14, 20, содержащих архаические типы стрел и уздечных наборов. При сопоставлении основных технологических показателей, характеризующих металл этой группы погребений и металл из комплексов VI—V вв. до н. э., выявляется устойчивое сочетание основных технологических схем (за исключением технологии сварки, представленной во второй группе единственным экземпляром, близко их количественное соотношение), низка доля цельножелезных изделий при преобладании цельностальных, а также изделий, изготовленных с использованием метода поверхностной цементации. В обеих группах присутствуют как термообработанные изделия, так и предметы с признаками перегрева металла. В количественном выражении эти показатели имеют тенденцию к увеличению в более поздней группе (18,1 и 19,8% — в первой группе и соответственно 29,7 и 30,5% — во второй). Несколько меняется соотношение изделий, изготовленных из неравномерно науглероженной сырцовой стали и с помощью поверхностной цементации: в первой группе таких изделий соответственно 31,8 и 40,9%, во второй — 43,2 и 29,7%, т. е. в более позднее время при сохранении ведущей роли указанных технологических схем предпочтение отдается первой. Возрастает количество предметов из высокоуглеродистой стали (с 9,09 в первой группе до 16,2% во второй).

Отмеченные хронологические изменения не имеют принципиального значения для общей оценки коллекции черного металла из Нартана как достаточно однородной. По-видимому, они в первую очередь связаны с характером металлургических процессов, целенаправленными поисками наилучших режимов, обеспечивающих получение стали непосредственно в горне. Сырцовая (горновая) сталь вполне могла обеспечивать необходимые механические свойства большинства категорий исследованного инвентаря. Даже мягкие ее сорта выгодно отличались от железа нартанских изделий, обладавшего повышенной мягкостью (микротвердость феррита — 112, 116, 135 кг/мм^2, в то время как микротвердость феррито-перлита стали, содержащей 0,2—0,3% углерода,— 181—236 кг/мм^2). Значительная неоднородность в результате неравномерной науглероженности крицы, получаемой в ходе металлургического процесса, требовала определенного искусства при дальнейшей ее обработке. Возможно, именно с неоднородностью исходного сырья и с определенными трудностями

отсюда в выборе правильного температурного режима для придания металлу необходимой пластичности в процессе кузнечных операций связаны фиксируемые структуры перегрева металла в нартанских изделиях. По этому признаку железные изделия из могильника Нартан имеют наиболее близкие соответствия в материалах из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника [5, с. 103—118]

В целом по своим основным технологическим характеристикам черный металл из Нартана вполне вписывается в продукцию кобанских кузнецов, хорошо известную по материалам из могильников Уллубаганалы II. Сержень-Юрт, Нестеровский, Луговой и др. [6, 7]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батчаев В. М.* Об уточненной датировке и культурной атрибуции Нартанских курганов // Тез. докл. конф. по археологии Северного Кавказа. М., 1982.
2. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1985.
3. *Барцева Т. Б.* Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1985.
4. *Петренко В. Г.* Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
5. *Терехова Н. Н.* Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагинском районе // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
6. *Терехова Н. Н.* Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3.
7. *Терехова Н. Н.* Развитие техники железообработки у восточно-кобанских племен // Тез. докл. конф. по археологии Северного Кавказа. М., 1982.

N. N. TEREKHOVA

TECHNOLOGICAL DESCRIPTION OF THE IRON OBJECTS FROM A SCYTHIAN MOUND BURIAL AT THE VILLAGE OF NARTAN (KABARDINO-BALKARIA)

Summary

The burial mound discovered and studied in 1978—1979 is dated to the 7th-5th centuries B. C. The varied grave goods are of a clearly syncretic Caucasian nomadic nature. This prompted the researchers to turn once more to the problem of relations between the local population and the Iranian-speaking nomads who made their appearance in the region. It is very important in this connection to obtain objective information on all categories of grave goods. N. Terekhova offers the results of her metallographic analysis of the iron objects (Fig. 1; 2). She has discovered that the ferrous metal from Nartan was part of the local production where its technological description is concerned: thermal treatment was used and various types of steel.

О. Р. ДУБОВСКАЯ

РАННЕСКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У СТ. НОВОКОРСУНСКОЙ

В 1980 г. экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. С. Бочкарева у ст. Новокорсунской Краснодарского края были открыты два погребения [1], представляющие несомненный интерес в свете раннескифской проблематики.

В кург. 1 обнаружено погребение (№ 2), впущенное в центральную часть насыпи на глубину 1,35 м от нулевой отметки («0»). В стратиграфическом разрезе центральной бровки (восточная сторона) могила фиксировалась как яма с подбоем (рис. 1, *1*). Входная шахта, заполненная гумусированным суглинком, располагалась с южной стороны. На глубине 0,8 м от «0» прослежена ступенька шириной 0,75 м, высотой 0,6 м. Северная часть камеры была перекрыта выкидом материкового суглинка из основного погребения, что подтверждает подбойную конструкцию могилы. Камера прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,65×0,9 м, ориентирована в широтном направлении. На дне находился костяк человека зрелого возраста в скорченном положении, на правом боку, головой к востоку. Кости рук сохранились не полностью: отсутствуют кисти и правое предплечье. Судя по остаткам, левая рука слегка согнута в локте, правая протянута к коленям (рис. 1, *2*).

У затылочной части черепа стоял наклонно узкогорлый грушевидный сосуд (рис. 1, *3*) с подлощенной поверхностью неровного обжига: цвет — от бурого до черного. Черепок в изломе серый, в глине известковистые включения. Высота сосуда — 18,5 см, диаметр венчика — 10 см, диаметр тулова — 20,5 см; диаметр дна — 8 см. В районе голеней и щиколоток найдены четыре костяные поделки: одна — в виде цилиндрика, конец которого закруглен и подчеркнут пропиленной канавкой (длина — 1,4 см, диаметр — 0,7 см; рис. 1, *4*); три — с полушарной головкой диаметром 0,7 см и пластинчатой ножкой треугольной формы длиной 0,6—0,8 см, шириной 0,5—0,7 см, толщиной 0,2 см (рис. 1, 5—7).

В кург. 2, в центре, открыто погребение 3, впущенное на глубину 1,75 м от «0». Могильное сооружение представляло собой яму с подбоем или, по классификации Б. Н. Гракова, катакомбу I типа [1, с. 83]. Входная шахта прямоугольной формы, размерами 2,42×0,57 м ориентирована в широтном направлении. Вдоль всей северной стенки — подбой, в плане яйцевидной формы, размерами 2,25×0,87 м; высота ступени — 0,10 м; свод обрушен. Вход в подбой был закрыт плахами шириной ~0,20 м. На дне шахты, в западной части, на древесной подстилке находились конечности и ребра лошади, частично сползшие в камеру, кости барана (?), некоторые из костей обожжены.

В подбое ближе к северной стенке — скелет мужчины на левом боку, со слегка согнутыми ногами, головой к западу. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть — на тазовых костях. Под умершим обнаружен тлен желто-зеленого цвета, подобный же тлен перекрывал череп погребенного. В области таза и нижних конечностей прослеживалась меловая посыпка, по дну подбоя на всей его площади — тлен коричневого цвета (рис. 1, *8*).

У черепа лежал согнутый предмет неизвестного назначения, железный, дли-

---

Выражаю глубокую признательность В. С. Бочкареву за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы его раскопок.

© О. Р. Дубовская, 1990 г.

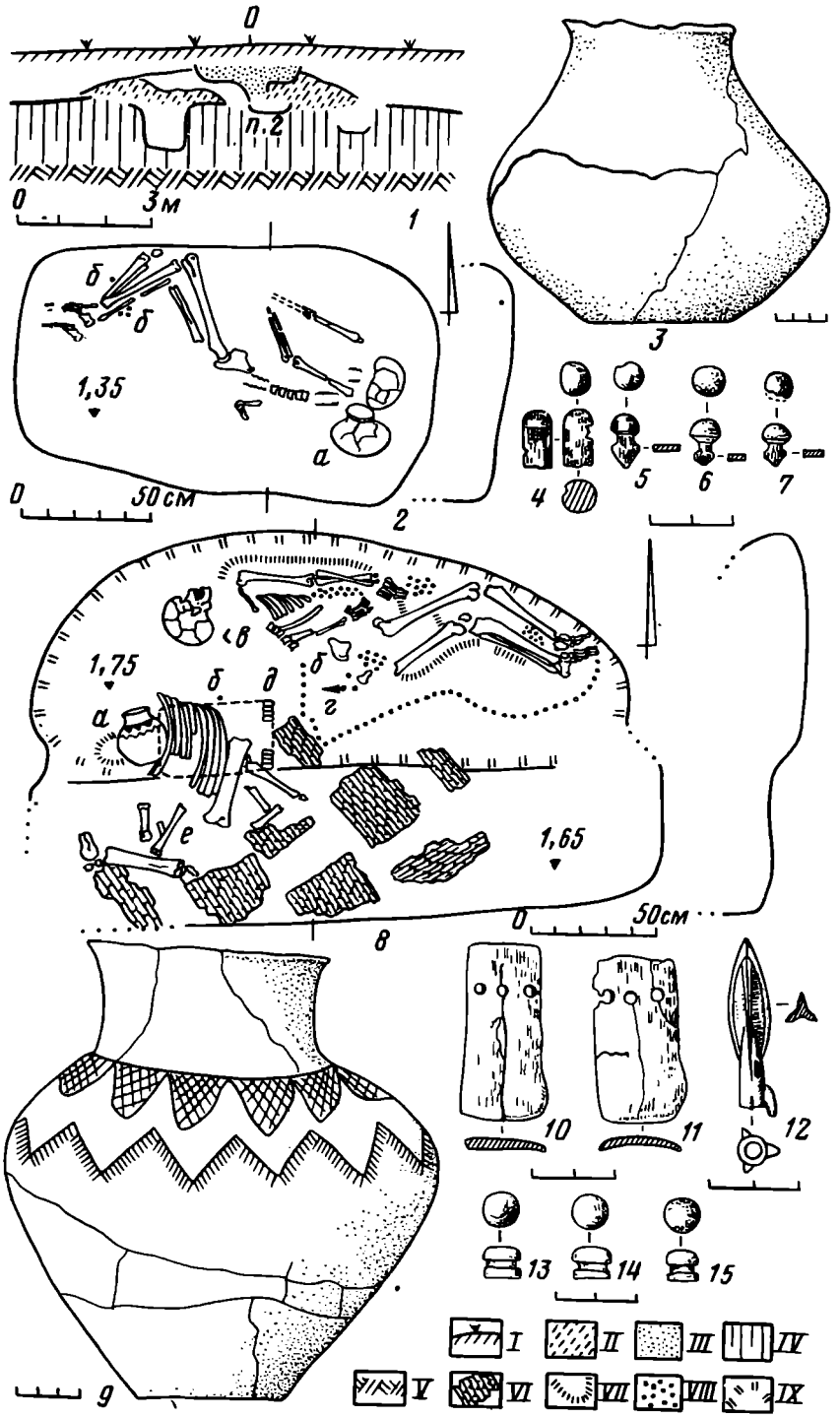


Рис. 1. Погребения у ст. Новокорсунской. *1.* — восточная сторона центральной бровки кург. 1; *2* — погр. 2 кург. 1: *3* — сосуд, *4—7* — костяные поделки; *8* — погр. 3 кург. 2: *9* — сосуд, *10, 11* — панцирные пластины, *12* — наконечник стрелы, *13—15* — костяные поделки. *а* — сосуд; *б* — костяные поделки; *в* — железный предмет; *г* — наконечник стрелы; *д* — панцирь; *е* — кости животных. I — пахотный слой; II — выкид из основного погребения; III — гумусированный суглинок заполнения погр. 2; IV — погребенная почва; V — материк; VI — дерево; VII — желто-зеленый тлен; VIII — мел; IX — коричневый тлен

ной 6 см. В изголовье, ближе к ступени, находился сосуд с цилиндрической шейкой, биконическим туловом и небольшим плоским дном. Поверхность его серого цвета, залощена. Плечики орнаментированы полосой свисающих треугольников в сетчатой штриховке и зигзагом с отходящими от него короткими насечками («ресничками»). Орнамент выполнен врезными линиями и затерт белой пастой.

Высота сосуда — 23 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 21 см, диаметр дна — 7,5 см (рис. 1, *9*).

Рядом с сосудом лежал свернутый в несколько раз наборный панцирь из костяных пластин. Пластины прямоугольной формы, размером 5×2 см, толщиной 2,0—2,5 мм, с тремя отверстиями в верхней части, диаметром 2—4 мм, и закругленным нижним левым углом (рис. 1, *10, 11*), что позволяет считать данный набор левым [2, с. 31] Пластины накладывались одна на другую так, что последующая закрывала 2/3 предыдущей, при этом пластины верхнего ряда перекрывали нижние на половину их высоты. Возле панциря найден костяной столбик с грибовидной шляпкой и коротким круглым основанием. Два таких же находились в области таза. Высота изделий — 0,8 см, диаметр — 0,9 см (рис. 1, *13—15*). Здесь же бронзовый наконечник стрелы, трехлопастный, с узкой лавролистной головкой и выступающей втулкой с боковым шипом. Длина наконечника — 4 см, диаметр втулки — 0,7 см (рис. 1, *12*).

Оба погребения у ст. Новокорсунской, несмотря на некоторые различия в погребальном обряде (противоположные ориентировка и трупоположение), хронологически близки. В пользу этого свидетельствуют такие детали, как камерная конструкция могильных ям, слабая скорченность погребенных, сходство в позиции рук и наличие в инвентаре обоих погребенных костяных грибовидных поделок, хорошо известных по памятникам скифской архаики. Наиболее полная сводка этих предметов дана в работе Е. Н. Черненко [3, с. 143, 144]. Им учтено 25 комплексов. Погребения, исследованные в Крыму [4, с. 15, рис. 8], Предкавказье [5, с. 195—212] и Закавказье [6, с. 28, 29], а также открытия последних лет в Молдавии [7, с. 100, 101, рис. 33], Поднепровье [8, с. 38, 281], на Нижнем Дону [9, с. 162; 10, с. 39, 179, рис. 25; 11, с. 21], в Краснодарском крае [12, с. 160, рис. 4, *9*] и Приазовье [13, с. 177, 178, рис. 7, *2*] увеличили количество комплексов до 37. Автору известно еще шесть памятников, содержащих подобные костяные предметы.

В 1976 г. в кургане у с. Приморское Донецкой обл., близ г. Жданова, в насыпи, вытянутый к западу — юго-западу скелет взрослого человека сопровождался чернолощеным сосудом с врезным орнаментом, двухлопастным бронзовым наконечником стрелы с шипом на втулке, костями животного и пятью грибовидными «столбиками» [14, с. 4—6].

В 1977 г. экспедицией ИА АН УССР под руководством С. Н. Братченко у с. Кременевка Володарского р-на Донецкой обл. в насыпи 3-метрового кургана 2, на глубине 2,0 м от «0», вскрыто погребение (№ 5) взрослого человека, лежавшего на спине, вытянуто, головой к северо-востоку, кисти рук — у таза. Слева от скелета, на камнях, находились кости крупного животного (передняя конечность в сочленении с лопаткой) (рис. 2, *1*); в области грудной клетки и у левой кисти — два «столбика» [15, с. 5]. Высота предметов 1,3—1,4 см, диаметр 1,0—1,3 см (рис. 2, *2*).

За последние годы в Донецкой обл. открыто еще три погребения. В 1979 г. у с. Петровское Старобешевского р-на, в насыпи кургана, под каменным закладом, на глубине 1,28 м от «0» найдено погребение, где вытянутый головой на запад скелет сопровождался двумя «столбиками» и костями овцы (рис. 2, *3*). «Столбики» находились у запястья левой кисти, лежавшей на тазе. Высота изделий 1,4—1,5 см, диаметр 0,9—1,0 см [16, с. 5] (рис. 2, *4*) [2] В том же году в кургане у с. Набережное Новоазовского р-на, в насыпи, на глубине 0,95 м от «0», при вытянутом головой на юго-запад погребенном у правой плечевой его кости найдены четыре «столбика» [17]. В 1986 г. у с. Ново-Андреевка Волновахского р-на открыто погребение с шестью «столбиками» [18, с. 284].

В 1986 г. в урочище Клин-Яр близ Кисловодска в позднекобанском грун-

[2] Выражаю глубокую признательность О. Я. Приваловой за разрешение опубликовать данный комплекс.

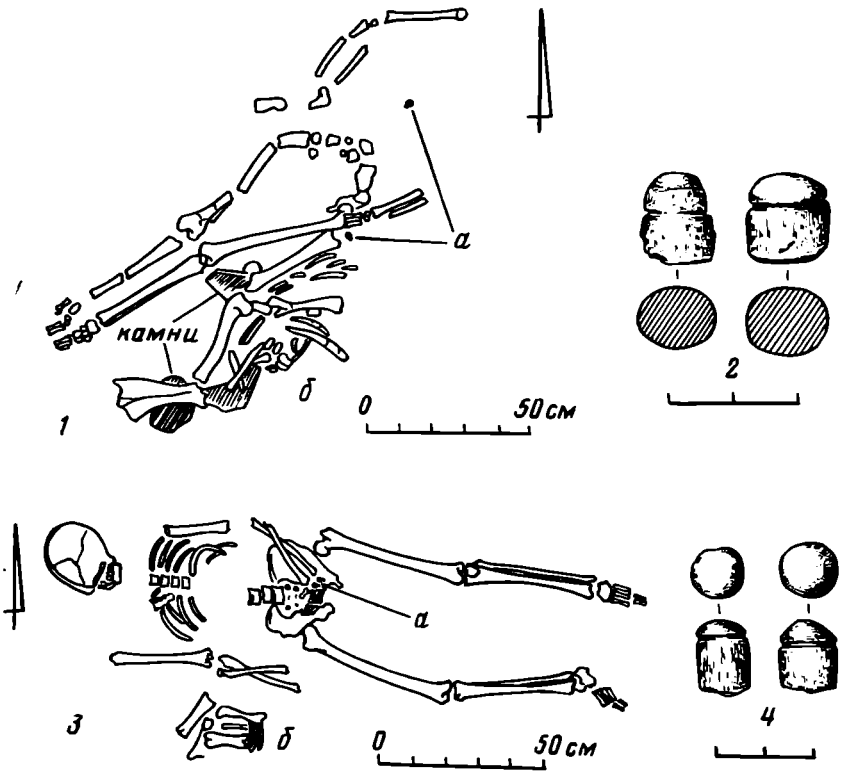


Рис. 2. Погребения Приазовья с грибовидными поделками. *1* — погр. 5 кург. 2 у с. Кременевка: *а* — костяные поделки; *б* — кости животного; *2* — костяные «столбики» из погр. 5 кург. 2 у с. Кременевка; *3* — погр. 1 кург. 3 у с. Петровское: *а* — костяные поделки; *б* — кости животного; *4* — костяные «столбики» из погр. 1 кург. 3 у с. Петровское

товом могильнике [3] было исследовано погребение 79. В грунтовой яме, перекрытой каменными плитами, на глубине 0,98 м от современной поверхности лежал скелет взрослого человека, на правом боку, в скорченном положении, головой к западу. Погребенный сопровождался неорнаментированным сосудом, железным однолезвийным ножом и четырьмя костяными грибовидными «столбиками» (рис. 3, *1—14*). Один «столбик» найден у верхнего сустава правой бедренной кости на дне могилы, остальные — в этом же районе чуть выше дна. Высота изделий 1,5—1,7 см, диаметр 0,9—1,1 см. (рис. 3, *5*).

Таким образом, с учетом новокорсунских погребений по опубликованным данным насчитывается 45 комплексов с грибовидными «столбиками» и «гвоздиками». Функциональное назначение этих предметов исследователи связывают с горитами в качестве деталей скрепления [19, с. 150] или декора [3, с. 33], что подтверждается частым нахождением поделок совместно с наконечниками стрел, стержневидными застежками и другими предметами сагайдачного набора. Присутствие подобных изделий в комплексах с конской сбруей позволило также трактовать их как деталь уздечки [12, с. 162] Однако в некоторых погребениях: Кирово, Никополь, Новокорсунская (погр. 2), Петровское, Кременевка, Набережное и Клин-Яр — какие-либо следы горита или предметы узды отсутствуют, что допускает, на наш взгляд, более широкую трактовку данных изделий, возможно как деталей одежды (застежек).

Хронологические рамки бытования грибовидных поделок определяются серединой VII — второй половиной VI в. до н. э. Ранняя дата подтверждается находкой в комплексе со «столбиком» обкладки дышла с изображением богини

---

[3] Работы Клин-Ярской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством В. С. Флёрова. Выражаю искреннюю признательность В. С. Флёрову за предоставленный материал.

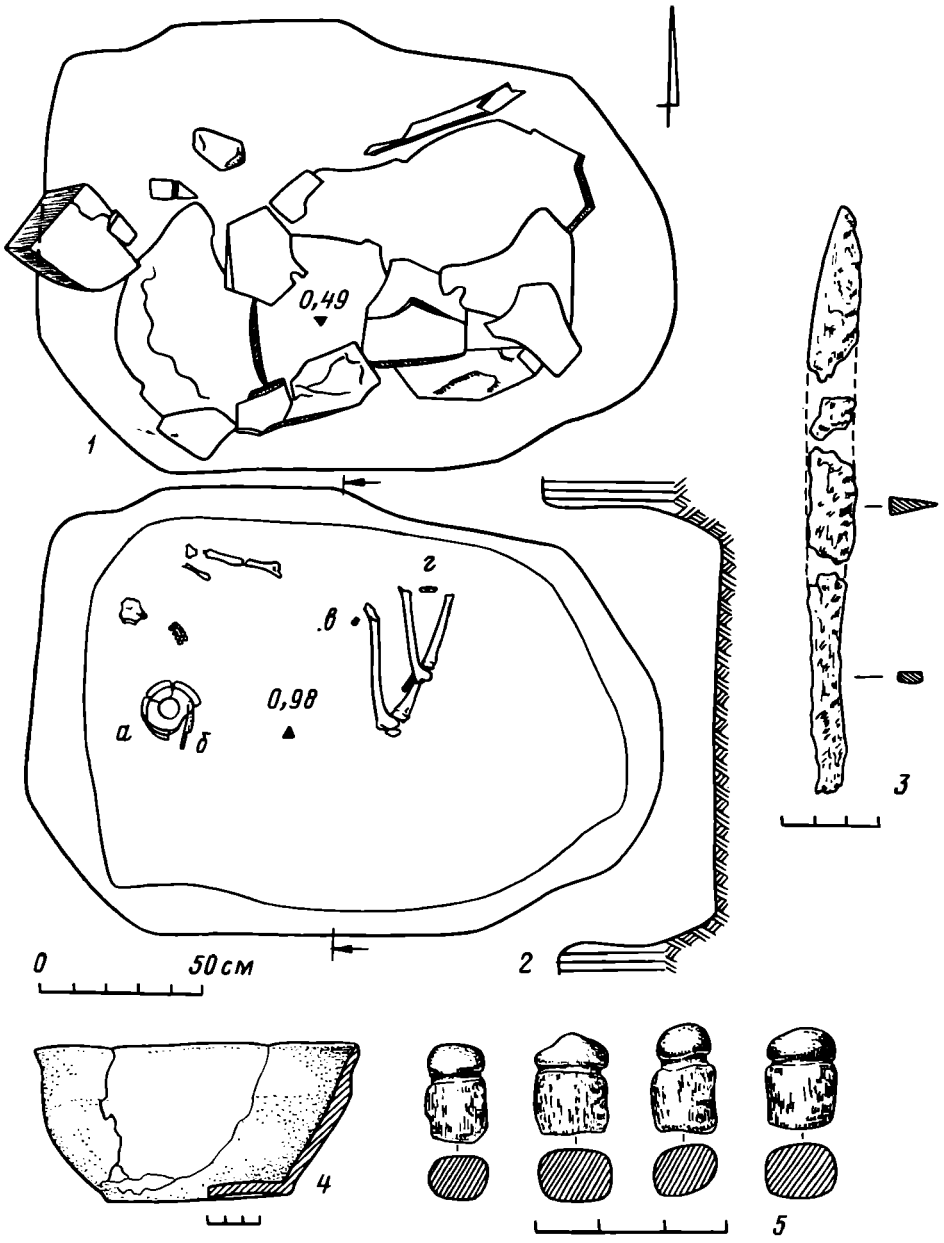


Рис. 3. Комплекс погр. 79 могильника Клин-Яр. *1* — каменное перекрытие могилы; *2* — план и разрез погребения: *а* — сосуд; *б* — нож; *в* — грибовидный «столбик»; *г* — железная пластина; *з* — железный нож; *4* — сосуд; *5* — грибовидные «столбики»

Иштар середины — третьей четверти VII в. до н. э. в кургане у хут. Красное Знамя [20, с. 18; 21, с. 44], родосско-ионийским сосудом третьей четверти VII в. до н. э. в кургане Темир-гора [22, с. 261] и типом уздечных компонентов в погребении 27 Келермесского могильника [12, с. 163]. Поздняя — самосской и фасосской амфорами второй половины VI в. до н. э. из погребений у с. Новоалександровка и Репяховатой Могилы [9, с. 157; 23, с. 63].

Вопрос о происхождении грибовидных застежек пока остается открытым. Лишь предположительно, в качестве отдаленного прототипа, можно выделить костяное изделие, найденное в позднесрубном горизонте многослойного поселения в урочище Зливки Краснолиманского р-на Донецкой обл. [4]. Изделие

[4] Работы Донецкой археологической экспедиции 1985 г. под руководством М. Л. Швецова. Пользуясь случаем, благодарю М. Л. Швецова за разрешение опубликовать этот предмет.

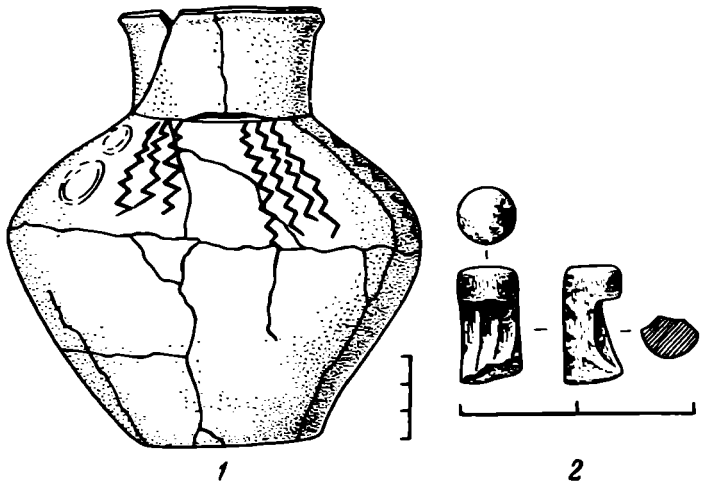


Рис. 4. Сосуд и костяной предмет из Приазовья. *1* — Провалье; *2* — урочище Зливки

представляет собой цилиндрик высотой 1 см, диаметром 0,5 см, с выделенной тремя углубленно-вертикальными срезами «полушляпкой» (рис. 4, *2*).

Поскольку грибовидные поделки на пластинчатой треугольной ножке из погребения 2 у ст. Новокорсунской ближайшую аналогию находят себе в «гвоздиках» из Репяховатой Могилы [23, с. 36, рис. 6, *35—37*, с. 45, рис. 14, *12, 19*] и пока неизвестны в других комплексах, наиболее вероятная дата новокорсунских погребений — вторая половина VI в. до н. э.

Этой дате не противоречит и наконечник стрелы из новокорсунского погребения 3. Он сопоставим с трехлопастными скифскими наконечниками, выделяемыми А. И. Мелюковой в 1-й тип II отдела, характерный для памятников VII—VI вв. до н. э. [24, с. 19, 28, рис. 1]. По классификации К. Ф. Смирнова, подобные наконечники характерны для конца VII — начала V в. до н. э. [25, с. 44—46, табл. II]. Наконечники, аналогичные новокорсунскому, встречаются в тех же комплексах, что и грибовидные застежки: Старые Куконешты, Ситняжка, Репяховатая Могила, Луки, Нижние Серогозы, Новоалександровка, Высочино и Красное Знамя [5, 10, 12, 20, 22, 26, 27].

В обеих могилах у ст. Новокорсунской найдены лощенные сосуды, традиционно близкие к керамике предскифского времени, что подтверждает генетическую преемственность доскифского и скифского керамического комплексов [28, с. 15—24; 29, с. 88]. Так, сосуд из погребения 3 по форме и пропорциям подобен лощенному сосуду из погребения черногоровского типа у с. Провалья Ворошиловградской обл. [30, с. 259]. Последний, правда, меньших размеров и имел ручку, отбитую в древности (рис. 4, *1*). Нарезной орнамент с инкрустацией и сам орнаментальный мотив — с незаштрихованным зигзагом между двумя орнаментальными поясами — находят себе аналогии в кобяковской и кобанской керамике [31, с. 49, рис. 19, *2е*; 32, с. 439, 443, табл. XVII, XXI].

Значительный интерес представляет панцирь с костяным пластинчатым набором из погребения 3 у ст. Новокорсунской. До этой находки было известно лишь два панциря, набранных из костяных пластин; оба происходят из скифских погребений IV—III вв. до н. э. в курганах у с. Волковцы и Лозовая [33, с. 48, 54, 55, 80]. Кроме того, одна костяная панцирная пластина найдена на поселении IV в. до н. э. у с. Буды на Ворскле [33, с. 101] Пластины из Новокорсунской отличаются от днепровских наличием на левой боковой стороне округлого выступа, в то время как у последних вместо выступа имеется небольшой вырез [2, с. 27, рис. 8, *18, 19*]. Редкость костяных наборов панцирей и известность их до сих пор только на территории Днепровской левобережной Лесостепи позволили утвердиться мнению о данной территории как исконной для происхождения костяных панцирей [33, с. 54, 55] и рассматривать использование их как

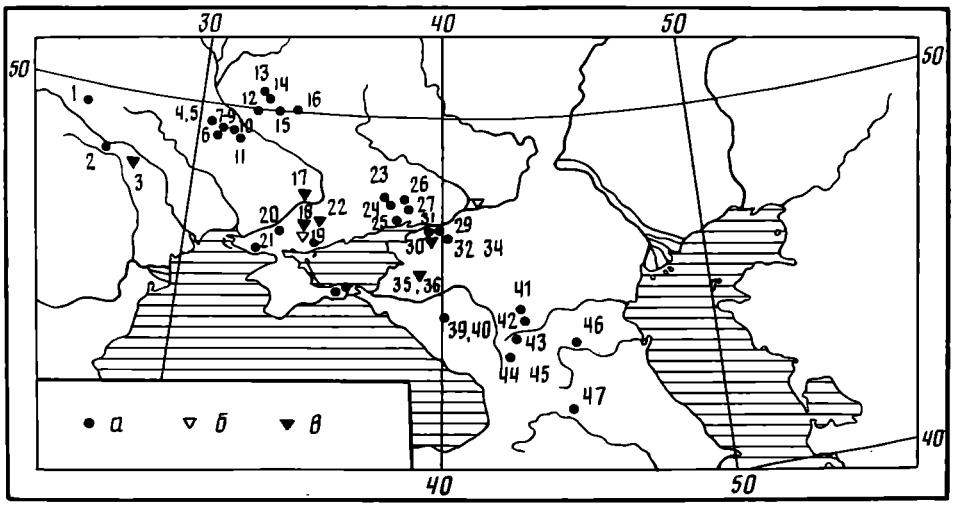


Рис. 5. Карта-схема памятников, в комплексах которых встречены грибовидные поделки, и скифских погребений VII—VI вв. до н. э., совершенных в катакомбах. *1* — Новоселки Гримайловские; *2* — Перебыковцы; *3* — Старые Куконешты; *4, 5* — Медвин (кург. 3 группы I и кург. 3 группы III); *6* — урочище Дарьевка; *7—9* — Репяховатая Могила (гробница 1; гробница 2, гориты 1, 2); *10* — Журовка, к. 432; *11* — Оситняжки, к. 474; *12* — Луки; *13* — бывший Роменский уезд; *14* — Поповка; *15* — Осняги; *16* — Бельское городище; *17* — Никополь (кург. 5, погр. 12); *18* — Нижние Серогозы; *19* — Новотроицкое; *20* — Софиевка; *21* — Новоалексеевка; *22* — Таврия; *23* — Новоандреевка; *24* — Кременевка; *25* — Приморское; *26* — Петровское; *27* — Набережное; *28* — Константиновск-на-Дону; *29* — Койсуг (кург. 5, погр. 3); *30* — Новоалександровка; *31* — Кулешовка; *32—34* — Высочино; *35, 36* — Новокорсунская; *37* — Кирово; *38* — Темир-гора; *39, 40* — Келермесская; *41* — Красное Знамя; *42* — Минводы; *43* — Клин-Яр; *44, 45* — Эшкакон; *46* — Комаровский могильник; *47* — Самтаврский могильник. *а* — грибовидные поделки; *б* — погребения в катакомбах или ямах с элементами подбоя; *в* — случаи взаимовстречаемости

одну из черт, характеризующих этот район в скифское время [2, с. 23, 34, с. 122] Новокорсунский панцирь, датируемый по остальным вещам в комплексе не позднее второй половины VI в. до н. э., позволяет усомниться в этих предположениях.

Еще одни вопрос, который позволяют затронуть новокорсунские погребения, — вопрос о возникновении и распространении у скифов погребальных сооружений типа катакомб. До недавнего времени число древнейших скифских катакомб ограничивалось тремя, а район их распространения не выходил за рамки степной части Северного Причерноморья [35, с. 61]. Это погребения у Нижних Серогоз [27, с. 84, 85], Новотроицкое на Херсонщине [35, с. 51; 36, с. 16] и погребение на Никопольском курганном поле [1, с. 109, рис. 8, *4*] Теперь к ним можно добавить погребения из Старых Куконешт, Новокорсунской, Таврии и, возможно, могилы с элементами подбоя из Новоалександровки [10, рис. 24] и Константиновска-на-Дону [37, с. 170] К тому же новокорсунские погребения включают в зону распространения архаических катакомб и Прикубанье.

На данном уровне накопления источников картографирование позволяет условно наметить три зоны наибольшей концентрации памятников с грибовидными поделками: Лесостепное Поднепровье, Северный Кавказ и территория вокруг Азовского моря (Северное и Северо-Восточное Приазовье, Нижний Дон, Прикубанье, Керченский полуостров) (рис. 5). Для последней характерно также сосредоточение древнейших скифских катакомб и могил с элементами подбоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Градков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
2. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
3. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
4. *Лесков А. М.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
5. *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
6. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.

7 *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). Кишинев: Штиинца, 1982.
8. *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
9. *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
10. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов: Изд. Рост. ун-та, 1983.
11. *Парусимов И. Н.* Исследования курганов у г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (Тез. докл. к областному семинару.) Азов, 1987
12. *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.
13. *Гошко Т Ю., Отрощенко В. В.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.
14. *Беляев А. С., Рудаков А. П., Збенович В. Г., Кротова А. А., Швецов М. Л.* Отчет о работе Донецкой экспедиции в 1976 г. // Архив ИА АН УССР. № 1976/4.
15. *Братченко С. Н., Кротова А. А., Швецов М. Л., Гершкович Я. П. и др.* Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 году // Архив ИА АН УССР. 1977/12. № 8698.
16. *Привалова О. Я., Привалов А. И., Санжаров С. Н.* Отчет о научно-исследовательской работе по археологии за 1979 г. // Архив ИА АН УССР № 1979/85.
17 Отчет археологической экспедиции Донецкого госуниверситета // Архив ИА АН УССР № 1979/89.
18. *Клименко В. Ф.* Раскопки курганов у г. Волновахи // АО-1986. М., 1988.
19. *Клочков В. И.* Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах VI в. до н. э. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977
20. *Петренко В. Г.* Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162.
21. *Петренко В. Г* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23.
22. *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-горе // СА. 1972. № 3.
23. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
24. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964.
25. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
26. *Іллінська В. А.* Із неопублікованих матеріалів скіфського часу в лівобережному Лісостепу // Археологія. 1968. Т. XXI.
27. *Браун Ф. К.* Отчет о работах в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. 1906. Вып. 19.
28. *Тереножкин А. И.* Скифская культура // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
29. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
30. *Гладких М. И., Писларий И. А., Кротова А. А., Гераськова Л. С., Швецов М. Л.* Работы Северско-донецкой экспедиции // АО-1973. М., 1974.
31. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. 1980. Вып. В1-11.
32. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
33. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
34. *Спицын А. А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65.
35. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
36. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
37. *Киященко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.

O. R. DUBOVSKAYA

THE EARLY SCYTHIAN BURIALS AT THE VILLAGE OF NOVOKORSUNSKAYA

Summary

The author discusses two burials discovered in 1980 in the burial mounds at the village of Novokorsunskaya (Krasnodar Area). Both were catacomb burials with the burial rites and grave goods presented by burnished vessels, a set of armour made of bone plates, a three-bladed arrowhead and the objects that look like bone «nails». All of them have close analogies among the Scythian antiquities and date the burials to the second half of the 6th century B. C. At the same time, the burial construction's tupe allows to include the Kuban River basin into the zone of the earliest catacomb burials formerly limited to the Northern Pontic steppes. On the whole, mapping tentatively shows three zones of the greatest concentration of sites with mushroom-shaped fastenings. They are the forest-steppe part of the Dnieper basin, the Northern Caucasus and the Azov shores. The earliest Scythian catacombs and burials with elements of shaft-and-chamber burials are found in great numbers along the Azov Sea.

А. Б. БЕЛИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ШЛЕМОВ АССИРИЙСКОГО ТИПА НА КАВКАЗЕ

В 1988 г. археологической экспедицией Ставропольского пединститута проводились исследования известного кобанского могильника Клин-Яр близ Кисловодска. Исследуемый участок явился непосредственным продолжением большого кобанского могильника в урочище Клин-Яр, южнее подножия горы Паровоз. Погребения были в грунтовых ямах и каменных ящиках. Костяки ориентированы головой в основном на юг. В женских погребениях чаще находили украшения: бронзовые бляшки, сердоликовые и стеклянные бусы, булавки с витым стержнем. Мужские погребения сопровождались предметами вооружения, среди которых преобладали наконечники копий. В отдельных случаях встречались железные кинжалы, бронзовые двухлопастные наконечники стрел, каменные боевые молотки. Встречены и принадлежности конской узды, бронзовые двухкольчатые удила и бронзовые бляшки от сбруи с солярным орнаментом. Наиболее интересный набор вооружения сопровождал погребение № 186. Могильная яма этого погребения размером 140×110 см имела прямоугольную форму. Перекрытие не зафиксировано. В юго-восточном углу могилы, у стенки, находились два вертикально стоящих камня. Скелет мужчины лежал скорченно, головой на юг, лицом на восток. Позвоночник изогнут по дуге, ноги сильно подогнуты, пятками приближались к тазу. Берцовые кости левой ноги находились на бедренной и берцовых костях правой ноги. В голенях они были перекрещены (рис. 1).

В юго-восточном углу ямы, перед лицом погребенного, находился бронзовый шлем с нащечниками (рис. 2, *1*). Он скроен из тонкого кованого бронзового листа толщиной 1 мм и имеет конусовидную форму. Высота тульи — 31 см, в нижней части она выгнута по форме головы. Нащечники, слегка сужающиеся в средней части, расширены к окончанию. Шов сделан на передней части тульи. Края листа заходят друг за друга на 1,15 см и скреплены четырьмя бронзовыми скобками шириной 0,3 см. В нижней части тульи и нащечников пробиты парные отверстия диаметром 3 мм. Расстояние между отверстиями в паре — 0,7 см, расстояние между парами отверстий 2,8—2,9 см. Всего насчитывается 24 пары отверстий. Ширина нащечников у основания — 10,3 (правый) и 10 см (левый), в средней части — 6, в нижней части — 6,6 см (рис. 3, *1*). Внутри шлема лежали бронзовые удила, псалии и четыре бляшки от сбруи (рис. 2, *2*).

Удила литые, бронзовые, с двумя кольцами на наружных концах. Стержни звеньев подовальные в сечении, орнаментированы на одной из сторон двумя параллельными рядами небольших выступов квадратной формы. Длина звена — 8,9 см, диаметр колец по внешнему краю 1,4—2,3 см (рис. 3, *5*).

Псалии бронзовые, литые, в виде прямого, подовального в сечении стержня с небольшими шляпками диаметром 1,1 см и загнутыми концами с выделенными утолщениями на окончании, напоминающими копыта. В стержне три литые выступающие петли с внутренним диаметром 0,6 см. Длина псалиев — 8,7 см, диаметр стержней 0,8—0,9 см (рис. 3, *6*).

Бляшки от сбруи (4 шт.) бронзовые, литые, подквадратной формы, диамет-

© А. Б. Белинский, 1990 г.

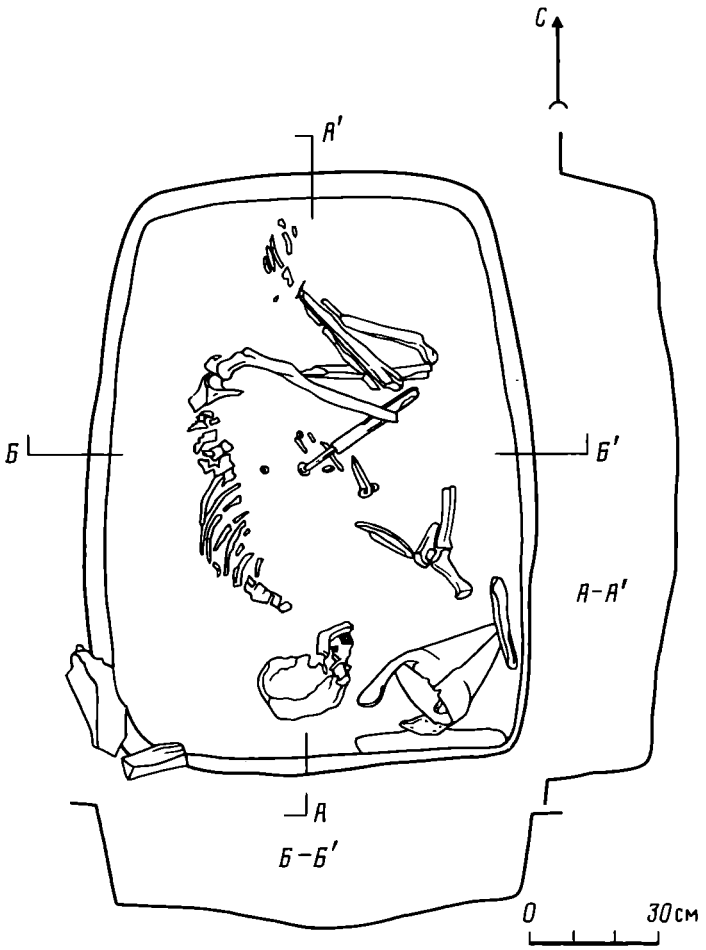


Рис. 1. Общий план погребения 186 из могильника Клин-Яр

ром 2,5 см, с прорезным солярным знаком на выпуклой стороне. На обороте — петля с внутренним диаметром 1,3 см (рис. 3, *7*).

За шлемом вдоль стены лежал железный, сильно коррозированный наконечник копья. Его форма полностью не восстанавливается. Общая длина — 25 см, длина втулки — 13 см, диаметр втулки в сохранившейся части — 2,4 см. Внутри втулки сохранились остатки дерева (рис. 3, *3*).

Ниже его у восточной части стенки находились кости животного — нога с частью туши мелкого рогатого скота. Кинжал был положен рукоятью к поясу погребенного, а нижняя часть клинка находилась под его коленями. Он имел бронзовую округлую, сужающуюся книзу рукоять с грибовидным навершием и прямым перекрестием с выемкой в основании. На одном из концов перекрестия сделано отверстие. Длина рукояти по центру — 11 см, диаметр навершия — 2,6 см, диаметр рукояти в средней части — 1,4 см. Клинок железный, треугольной формы, сужающийся книзу, длиной 21 см. На лезвии прослеживался тлен от деревянных ножен прямоугольной формы (рис. 3, *2*). На рукояти кинжала у перекрестия был положен железный нож черешком к востоку (рис. 3, *9*). Нож сильно коррозирован, форма и размеры не восстанавливаются. Около ножа находились две бронзовые полусферические бляшки. Такие же три бронзовые бляшки обнаружены у оселка, который лежал несколько южнее, у локтя правой руки. Две из них находились с разных сторон отверстия. Они литые, полусферической формы, с петлей на обороте и солярным знаком на выпуклой стороне. Диаметр бляшек 1,60—1,75 см (рис. 3, *8*). На петлях бляшек, находящихся у оселка, выявлен органический тлен (кусочки кожи).

Оселок подпрямоугольной формы, длиной 12 см, шириной в средней части

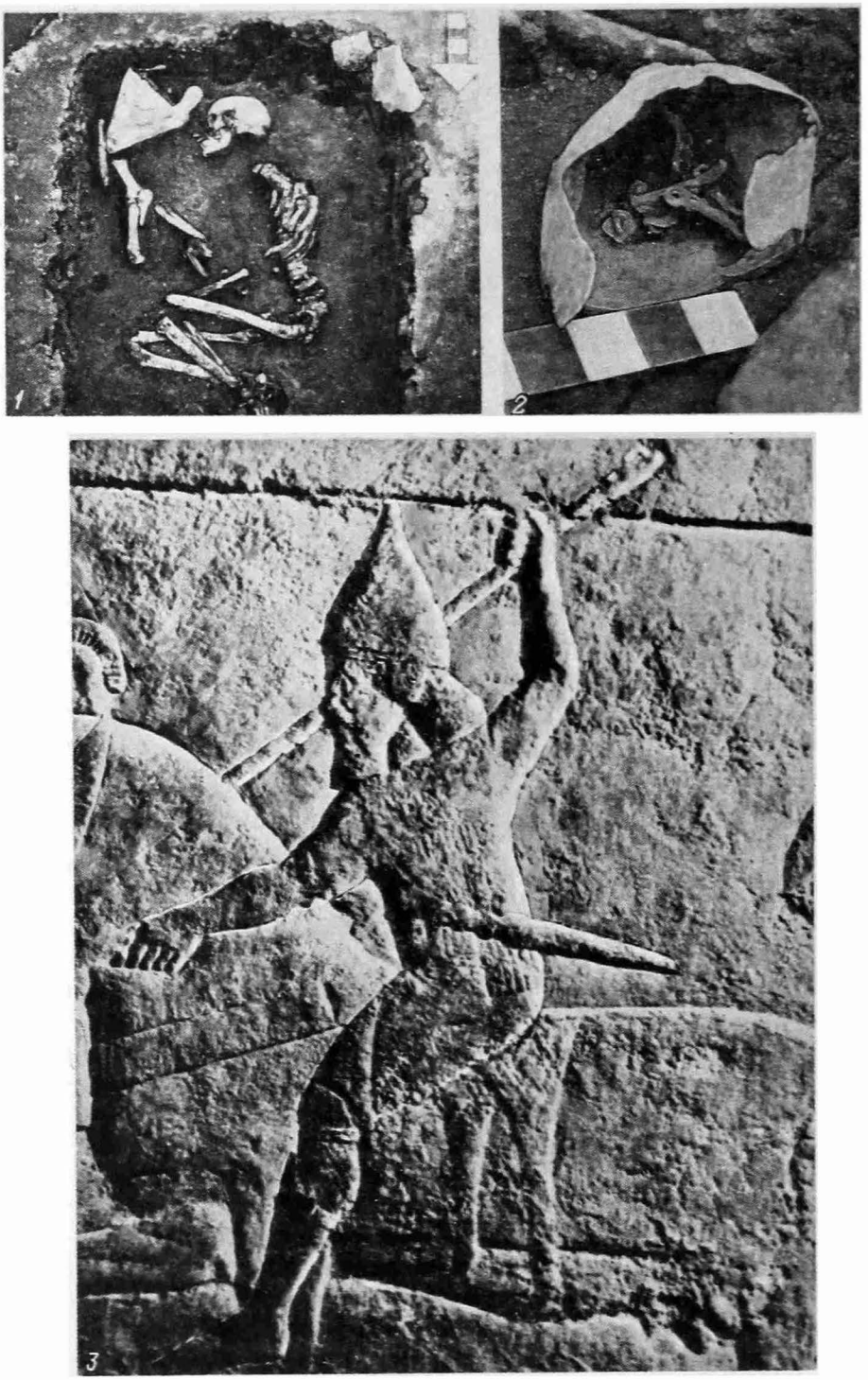


Рис. 2. *1* — погребение 186 могильника Клин-Яр; *2* — деталь погребения 186; *3* — деталь настенного рельефа из Ниневии

2,5 см, толщиной 1,7 см сделан из песчаника. На одном из концов просверлено отверстие диаметром 0,6 см (рис. 3, *4*).

Как уже говорилось, наиболее интересной находкой в рассматриваемом погребении является бронзовый шлем. Фрагменты шлема, подобного найденному в описанном погребении, были обнаружены на могильнике Клин-Яр в 1987 г. и хранятся сейчас в Кисловодском музее [1] Они происходят из погре-

---

Приношу благодарность Я. Б. Берзину за предоставленную возможность ознакомиться с находкой.

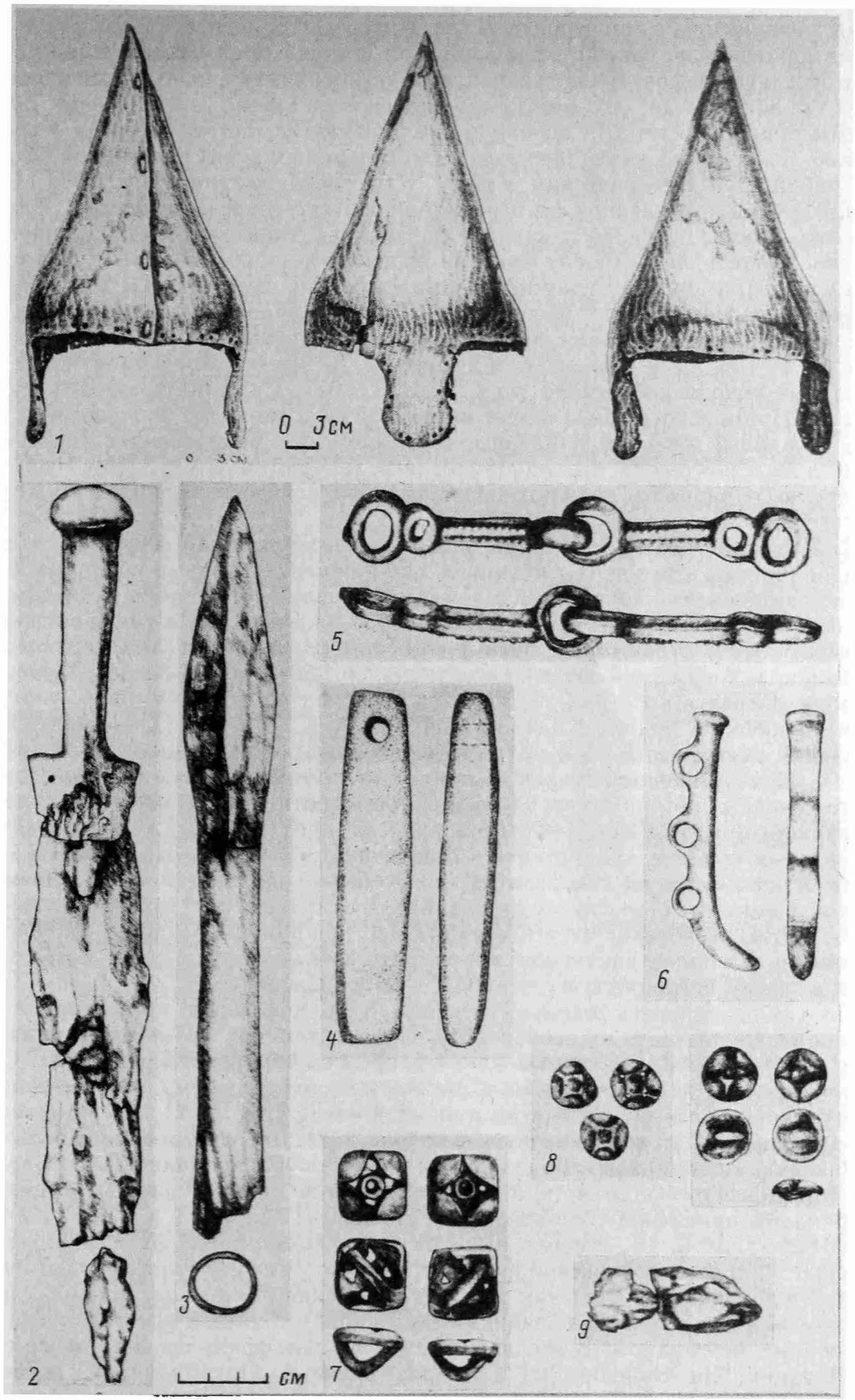


Рис. 3. Инвентарь погребения 186 из могильника Клин-Яр. *1, 5—8* — бронза; *2* — бронза, железо; *3, 9* — железо; *4* — камень

бения, разрушенного при строительстве. Интересно отметить, что высота тульи, форма нащечников, способ скрепления при помощи бронзовых скоб их совпадают. Исключение составляет лишь пуансонный орнамент, нанесенный в нижней части тульи в виде зигзага между двух поясков на шлеме из погребения 1987 г. Шлемы подобного типа, в основном во фрагментах, встречались на Кавказе и ранее. Так, один из них происходит из могильника Фаскау в Северной Осетии, был приобретен Историческим музеем у местного жителя [1, с. 277]. Судя по описанию и приведенной фотографии он соответствует клин-ярским. Плохая его сохранность, особенно в нижней части тульи, по-видимому, объясняет отсутствие нащечников. Другая находка фрагмента подобного шлема была сделана у пос. Приморский Гудаутского р-на в Абхазии. Вместе с ним в нескольких разрушенных погребениях были найдены вещи кобанского облика: биметаллический кинжал, бронзовая шейная гривна, наконечник копья, массивная фибула [2, с. 106, 107] Впоследствии на этом же месте были обнаружены два бронзовых топора кобанского типа [3, с. 62, 63]. Судя по фрагменту тульи, шлем из Приморского также имеет высоту 31 см и скреплен бронзовыми скобками. Подобный же шлем, найденный в Триалети, у с. Бешташени, в могильнике раннего железного века, был опубликован Б. А. Куфтиным [4, с. 68]. Несмотря на плохую сохранность, судя по описаниям и полевой фотографии, он также был аналогичен клин-ярским экземплярам.

Б. А. Куфтин первым предпринял попытку интерпретации известных к тому времени шлемов этого типа. Он считал, что наиболее близкими по форме могут считаться бронзовый конический шлем, датирующийся VI в. до н. э., составленный из двух кусков, склепанных между собой, украшенный в греко-восточном орнаментальном стиле, найденный в Оппеано (Верхняя Италия) археологом Пагорини, и конический шлем, датирующийся 550—450 гг. до н. э., происходящий из Поречья в Истрии, также с заклепанным продольным швом, употребленный в качестве урны для пепла покойника [4, с. 139—143]. Обращаясь к ассирийским рельефам, Б. А. Куфтин констатировал, что шлемы, изображенные на них, характеризуются тульей не прямой, а гнутой по форме головы. Исходя из этого положения, он отвергал возможность соотнесения кавказских шлемов с ассирийскими. В качестве подтверждения он предлагал ближе ознакомиться с бронзовым шлемом, хранящимся в Британском музее, происходящим из Нимруда. Однако шлем из Нимруда не может быть сопоставлен с публикуемым, так как форма и технология изготовления его отличаются от упомянутых выше. Он состоит из нескольких частей, соединенных при помощи заклепок с крупными головками. А главное заключается в том, что шлем из Британского музея относится к иному историческому периоду — эпохе Сасанидов [2]

Плохая сохранность шлемов, учтенных Б. А. Куфтиным, не позволила ему в полной мере выявить их особенности. Представляется, что аналогии кавказским шлемам можно и нужно искать именно в ассирийских древностях. Судя по клин-ярскому экземпляру 1988 г., полностью сохранившему первоначальную форму, тулья была именно гнутая в нижней части (рис. 3, *1*), как на шлемах, изображенных на ассирийских рельефах (рис. 2, *3*). Детальный анализ рельефов из Ниневии, хранящихся в Британском музее и опубликованных Р. Д. Барнеттом [5], позволяет соотнести бытование шлемов близкой формы в Ассирии с периодами правления Синнахериба (705—680 гг. до н. э.) и Ашурбанипала (668—626 гг. до н. э.). Именно на рельефах времени правления Синнахериба появляются шлемы конической формы с выгнутой нижней частью тульи, снабженные нащечниками. Большая часть изображений показывает шлемы с приклепанными к низу тульи нащечниками, но наряду с ними существуют и цельнокроенные экземпляры. В это время, судя по рельефам, шлемы такого типа преобладали. На Ниневийских рельефах времени Ашурбанипала, особенно в ранний период, изображения таких шлемов еще имеются, сосуществуя

[2] Любезное сообщение М. В. Горелика.

с другими типами. Наиболее близкими по форме можно считать шлемы, изображенные на рельефах под названием «Война против арабов» из 50-й комнаты Ниневийского дворца и «Поражение эламитов от Ашурбанипала на реке Улаи».

Дата последнего события — 653 г. до н. э. На изображениях периода Ашурбанипала, отражающих более поздние события, формы шлемов уже другие. Таким образом, можно считать, что шлемы, близкие по форме найденным на Кавказе, существовали как элемент защитного вооружения с рубежа VIII—VII вв. до н. э. до середины VII в. до н. э. Не противоречит этой датировке и сопутствующий набор инвентаря из погребения № 186 Клин-Ярского могильника — биметаллический кинжал и уздечный набор, бытовавшие на обширной территории в этот же период [6, 7].

По-видимому, на данном этапе исследования еще нельзя однозначно решить вопрос о месте изготовления этих шлемов. Изображения их на рельефах позволяют лишь подтвердить их соответствие по форме и времени существования. Однако уже сейчас можно предполагать, что шлемы, найденные на Кавказе, были сделаны в одном центре. Об этом говорит полное совпадение конструктивных особенностей высот тульи (30—31 см) шлемов. Несомненно также то, что эти шлемы близки ассирийским образцам, известным по рельефам, и то, что они существовали непродолжительное время, не оставив традиций в кавказском защитном вооружении. Подобные находки в сопоставлении с другими материалами переднеазиатского облика в могильниках Кавказа подкрепляют предположения некоторых исследователей о возможности участия в переднеазиатских походах представителей автохтонных племен Северного Кавказа [8, с. 70; 9, с. 175]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.
2. *Стражев В. И.* Бронзовая культура в Абхазии // ИАИО. 1926. Вып. 4.
3. *Шамба Г. К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.
4. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд. АН ГССР, 1941.
5. *Barnett R. D.* Assyrian palace reliefs. L., 1975.
6. *Треножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
7. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII.
8. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
9. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 1.

A. B. BELINSKY

ABOUT THE DATE THE ASSYRIAN-TYPE HELMETS FIRST APPEARED IN THE CAUCASUS

Summary

A bronze helmet with cheek-pieces (Fig. 2, *1*) came in 1988 from Klin-Yar, a Koban burial near Kislovodsk. His analysis of the find and generalisation of similar finds allowed the author to conclude that the analogies could be found among the Assyrian antiquities. Similar helmets were in use in Assyria between the turn of the 7th to the middle of the 7th century B. C. The finds of such helmets in the Caucasus and other West Asian materials provide the ground for assertions that members of the North Caucasian autochthnous tribes took part in West Asian marches.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ, Л. Л. ГАЛКИН

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС НА УСТЮРТЕ
(предварительное сообщение)

Каменистое плато Устюрт, расположенное в западной части Казахстана, относится к числу интереснейших природно-геологических образований азиатской части СССР. Находится оно (рис. 1) восточнее Каспия, на севере ограничено Прикаспийской низменностью, на востоке — Аральским морем. Плато простирается на 600 км в меридиональном направлении и на 300—400 км — в широтном; площадь его достигает 200 тыс км^2 При сложном рельефе с максимальными высотами до 300 м границы плато резко очерчены высокими (120—200 м), сильно расчлененными обрывами — чинками, имеющими извилистые очертания. По соотношению тепла и влаги (осадков выпадает до 150 мм/год), особенностям колебания температуры и другим метеорологическим показателям большая часть Устюрта относится к подзоне южной пустыни [1, с. 45—47]. Существующие здесь глубокие (30—60 м) колодцы относительно малочисленны и не обеспечивают овцеводство водой в достатке [2, с. 114, 115].

Отдаленность и труднодоступность Устюрта, неустойчивость военно-политической обстановки препятствовали историко-географическому изучению плато вплоть до начала XIX в., хотя русские и западноевропейские купцы и дипломаты в XVII—XVIII вв. неоднократно пересекали Устюрт, направляясь в Хиву [3, с. 8, 9; 4, с. 10—13] Попытка военного проникновения в Приаралье в 1717 г. окончилась неудачей: отряд А. Бековича-Черкасского, пересекший Устюрт с северо-запада на юго-восток, был уничтожен хивинским ханом Ширгазы, захватившим власть в результате дворцового переворота и отказавшимся выполнять ранее заключенные с правительством России договоры.

Научное открытие Устюрта следует относить к 1825—1826 гг., когда большая экспедиция под руководством Ф. Ф. Берга провела комплексные исследования значительного участка плато по 45° северной широты (от Куйконакты до Арала) и вдоль берега Арала до спуска Курсай. При этом были зафиксированы развалины древних городищ, культовых и погребальных сооружений. Несомненный интерес представляют топографическое описание северной части Устюрта и зарисовки многих памятников древнего монументального искусства, осуществленные поручиком Алексеевым в 1851—1853 гг. В частности, на бугре Козыбай-Дюрт-куль, в 18 верстах от местности и кладбища Уали, он обнаружил несколько крупных каменных скульптур, воспроизводящих мужчин и женщин [3, с. 264] Однако представленные зарисовки столь необычны, что заставляют усомниться в их соответствии изваяниям-оригиналам.

В течение последующих 100 лет древности Устюрта систематическому изучению не подвергались, хотя древние погребения, поселения, предметы материальной культуры и другие следы жизнедеятельности человека неоднократно фиксировались при геологических и топографических изысканиях.

Планомерное и широкомасштабное изучение Устюрта с конца 1940-х годов проводилось Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, а с начала 1960-х годов — экспедициями сектора археологии и этнографии ИИЯЛ Каракалпакского филиала АН УзССР При этом наиболее исследованной оказалась

© В. С. Ольховский, Л. Л. Галкин, 1990 г.

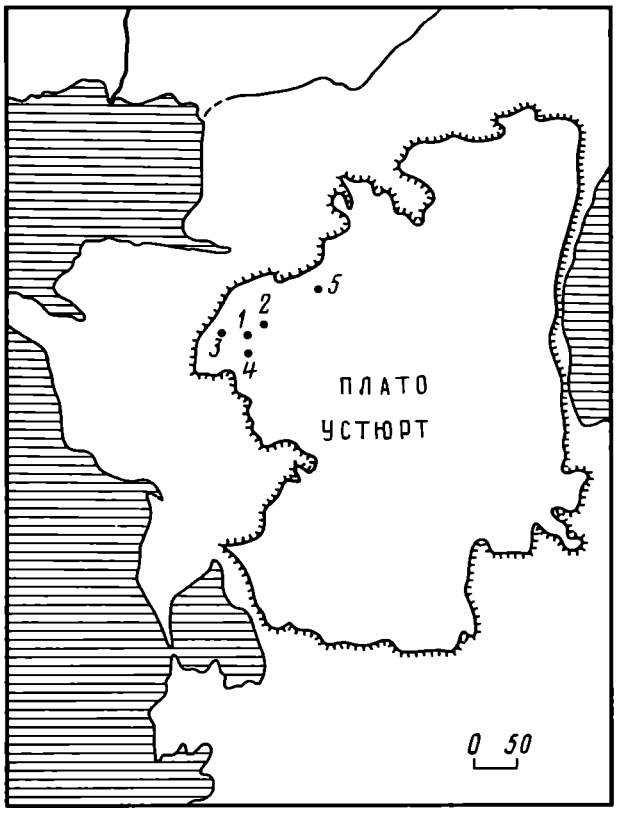


Рис. 1. Плато Устюрт. *1* — Байте I—III; *2* — Уали; *3* — 7-й разъезд; *4* — Кзыл-Кую (скважина № 39), *5* — 4-й разъезд

юго-восточная часть Устюрта, где открыты многочисленные памятники, датируемые от эпохи неолита до позднего средневековья [4, с. 15—17] Изучение же Западного Устюрта, остававшегося «белым пятном» на археологической карте Восточного Прикаспия, в последние годы осуществлялось главным образом экспедициями Института археологии АН СССР [5—9] и других учреждений [10, 11]

В данной статье подводятся первые, сугубо предварительные итоги исследования группы памятников Байте на Западном Устюрте. Памятники, получившие наименование от расположенных в непосредственной близости скотопрогонных колодцев Байте, находятся между разъездами № 6 и 7 железнодорожной ветки Бейнеу — Мангышлак (в 3—4 км к юго-востоку от нее), в 6—12 км к югу от разъезда № 6, приблизительно в 15 км к юго-западу от древнего могильника Уали. Ближайший к памятникам населенный пункт — п. Сай-Утес Мангистауского р-на Гурьевской обл. Казахской ССР — находится в 45—50 км западнее. Памятники планиграфически обособлены (между Байте I и Байте III $\sim$ 6 км), однако во многом схожи, что позволяет предполагать их культурно-хронологическую близость; в дальнейшем будем именовать их комплексом Байте.

Первые сведения о наличии обломков древних изваяний в районе колодцев Байте поступили руководству Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в декабре 1983 г. от сотрудников 1-й космоаэрогеологической экспедиции МинГЭО СССР Е. Г Фарахова и В. П. Гусева. Летом 1984 г Волго-Уральской экспедицией (начальник — Л. Л. Галкин) на памятниках были проведены разведка и глазомерная съемка, на Байте I раскопан курган [8] На следующий год той же экспедицией на Байте I и III была вскрыта площадь $\sim$ 100 м^2 [9] С 1988 г. Устюртская экспедиция ИА АН СССР по согласованию и при содействии дирекции Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР приступила к полномасштабным работам на Байте. По пред-

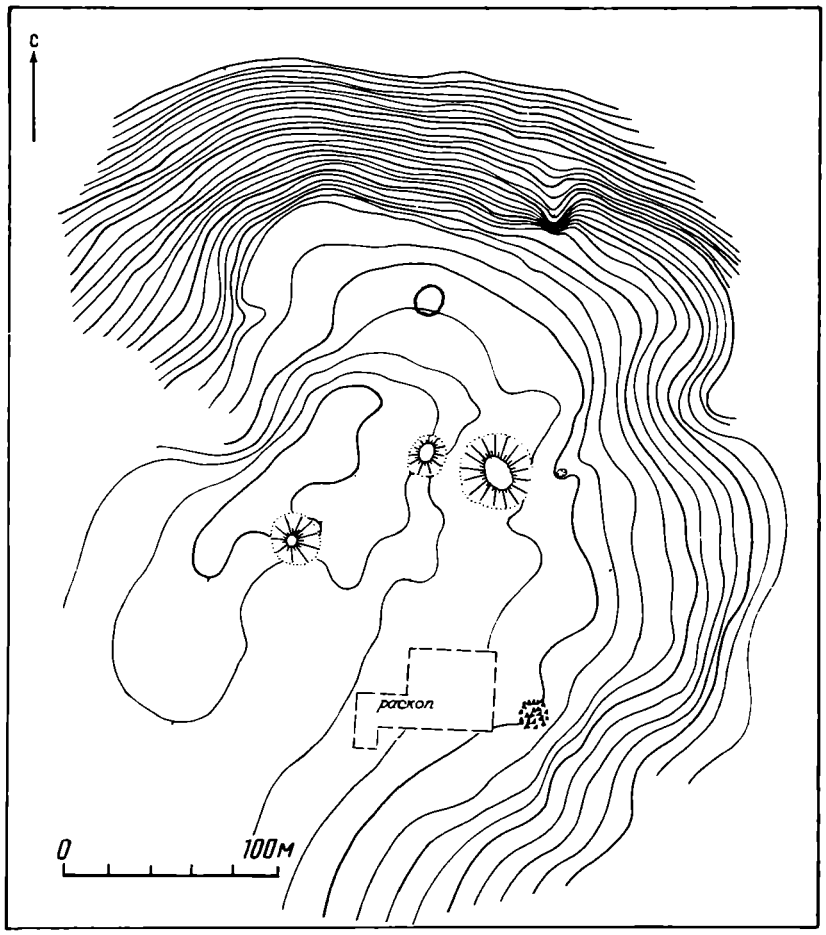


Рис. 2. Байте I. План (сплошные горизонтали проведены через 0,25 м)

варительным подсчетам, для полного исследования комплекса потребуется не менее 7 лет, так как предполагается исследовать вручную практически всю площадь памятников и все находящиеся там курганы.

Мензульная топосъемка отчетливо выявила особенность всех трех памятников — расположение их на возвышенных участках плато, выдвигающихся «языками», образующими юго-восточный «берег» древнего водотока — сая, и с одной — трех сторон ограниченных достаточно кругыми склонами — чинками. Сходными являются и геолого-стратиграфические условия местности Байте. Под верхним слоем сероватого лёссовидного суглинка, на глубине 0,2—0,5 м, залегает слоистый неогеновый известняк в виде сплошного щита или слоя щебня. Поверхность щита неровная, волнообразная; по склонам-чинкам он выходит на поверхность.

Байте I (рис. 2). Территория памятника на севере и северо-западе ограничена крутым краем чинка; уклон к востоку и юго-востоку значительно менее выражен. Площадь вытянутого с юго-запада на северо-восток выступа плато, на котором расположен памятник, достигает 50 тыс. м^2. В центральной, наиболее возвышенной части выступа ломаной цепочкой с востока — северо-востока на запад — юго-запад расположено три кургана. Не исключено, что останцом кургана является и невысокое — до 0,1 м — грунтовое всхолмление диаметром 14 м, насыщенное битым камнем и почти полностью разрушенное землеройками-песчанками; находится оно в юго-восточной части памятника, в 100 м к югу от самого крупного на памятнике кургана 1.

Курган 1 замыкает курганную цепочку с востока. Высота его достигает 3 м, диаметр — 36 м. Вершина его деформирована большой грабительской воронкой, имеет форму уплощенного овала. В ее северо-западной части установлена

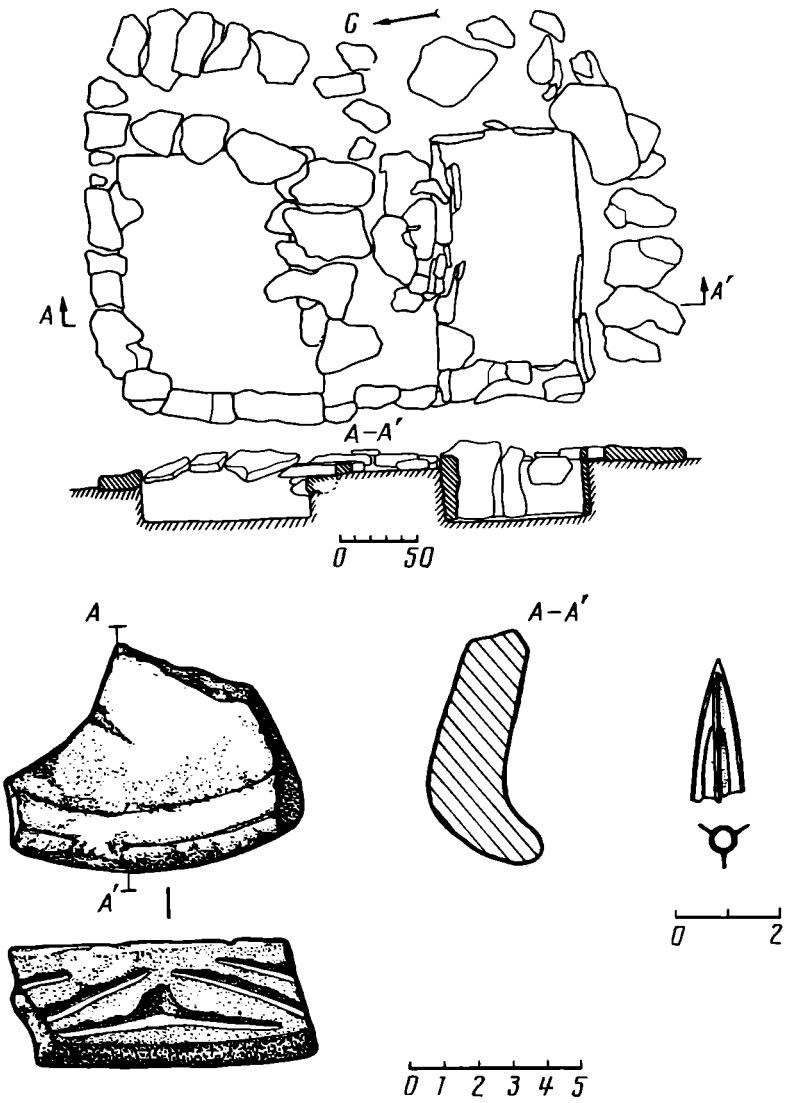


Рис. 3. Байте I. Курган 2: погребальные сооружения, фрагмент каменного блюда, бронзовый наконечник стрелы

триангуляционная вышка. По периметру насыщенную камнем насыпь опоясывает заплывшая выемка глубиной 0,1—0,25 м. Два расположенных западнее кургана значительно меньше: высота ~ 0,3 м, диаметр 18—23 м; насыпи их повреждены землеройками.

В раскопанном в 1984 г. невысоком кургане 2 (15 м к западу от крупнейшего кургана 1) были зафиксированы две погребальные камеры (рис. 3). Погребальная камера 1 (южная) представляет собой прямоугольную яму, опущенную в грунт до материковой скады и по периметру оставленную каменными плитами на ребре. Размеры камеры, ориентированной длинной осью с востока — юго-востока на запад — северо-запад, 305×195 см, высота плит обкладки — до 100 см. Камера ограблена, костей человека обнаружить не удалось; сохранились остатки жертвенной пищи (ребра животного), трехгранный втульчатый бронзовый наконечник стрелы, небольшой фрагмент песчаникового блюда-жертвенника с бортиком. Прямоугольная погребальная камера 2, расположенная в 1,5 м к северу от камеры 1 параллельно ей, была выкопана в плотной насыпи; размеры ее 320×260 см. В заполнении ограбленной камеры, кроме обломков каменных плит, ничего найдено не было. Обе камеры первоначально были перекрыты каменными плитами, отмеченными на поверхности насыпи. Наиболее вероятная дата создания кургана 2 — конец V—IV в. до н. э. Курганы

V—II вв. до н. э. с каменными конструкциями, ямами и каменными ящиками, напоминающими рассмотренные погребальные сооружения, известны, в частности, на Юго-Восточном Устюрте [4, с. 187].

К югу и юго-западу от курганов 1 и 2 на большом удалении от них отмечено до 15 округлых каменных выкладок диаметром 0,5—1,3 м, сложенных из диких камней. Камни почти полностью перекрыты грунтом, что позволяет предполагать открытие и других выкладок в ходе раскопок. Зачистка четырех кольцевых выкладок выявила в их центре неглубокие ямки без явных следов горения. По всей вероятности, кольцевые выкладки являются жертвенно-поминальными сооружениями.

Привлекает внимание находящееся в 60 м к северу от кургана 2 кольцо диаметром 13 м, сложенное из камней среднего размера в один ряд. Расчистка его пока не производилась.

В 25 м к востоку — юго-востоку от кургана 3 отмечено несколько обломков сильно фрагментированного крупного известнякового жертвенника, вероятно, прямоугольной — «столообразной» — формы. Плита жертвенника опиралась на массивные, круглые в сечении ножки.

Особый интерес представляют многочисленные обломки каменных антропоморфных изваяний, основная масса которых сосредоточена на участке приблизительно 100×50 м в 60—110 м к югу от курганов 1 и 2. Район их максимальной концентрации был исследован поквадратно раскопом площадью 2000 м^2 Грунт снимался вручную на глубину 0,25 м с последующей зачисткой по дну раскопа. Таким образом удалось обнаружить ~ 30% общего количества найденных на Байте I фрагментов изваяний; остальные 70% лежали на современной поверхности или выступали из грунта. Глубина залегания обломков не превышала 0,2 м. Некоторые фрагменты расслаивались и рассыпались от прикосновения, но большинство их было достаточно прочно; отмеченное различие объясняется физическими характеристиками разновидностей известняка. Сохранность обломков различна: лежавшие в грунте сохранились очень хорошо (иногда видны следы инструментов ваятеля), а на поверхности — сильно повреждены лишайниками и выветриванием. Фрагментированность изваяний при отсутствии следов выветривания свидетельствует о разрушении по крайней мере некоторых изваяний вскоре после их установки. Отдельные изваяния сильно измельчены, расслоились; почти у всех отбиты головы.

При уничтожении памятников их выворачивали из грунта, однако в трех случаях их основания сохранились in situ. Лежавшие рядом обломки торсов и ног тех же изваяний позволили установить уровень древней дневной поверхности, который иными признаками не выделялся, а также глубину выкапываемых под изваяния ям и ориентировку антропоморфов. Естественным ограничителем глубины ям служил материковый скальный щит; ямы под изваяния выкапывались в слое лёсса и достигали глубины 0,3—0,35 м от уровня древней поверхности (0,5—0,6 м от современной поверхности). В качестве забутовки иногда использовались отдельные обломки известняка небольшого размера; границы ям четко не прослеживались. Вследствие небольшой глубины ям изваяния легко можно было выворотить из грунта и разбить.

Судя по сохранившимся в первоначальном положении основаниям, изваяния были ориентированы меридионально (дважды — лицевой гранью на север) и широтно (лицевой гранью, вероятно, на запад).

Хотя обломки изваяний рассеяны на значительной площади, очевидна их концентрация в южной части памятника. Основная их масса образует цепочку скоплений, вытянутых с северо-востока на юго-запад. Так как часть обломков, несомненно, перемещена, количество скоплений и их границы определяются приблизительно. На исследованном участке площадью 2000 м^2 таких скоплений 6—7 В каждом скоплении насчитывается 3—6 изваяний, расположенных на расстоянии 2—4 м друг от друга. Общее количество стоявших на Байте I изваяний до завершения раскопок указать трудно; представляется, что их было 25—30.

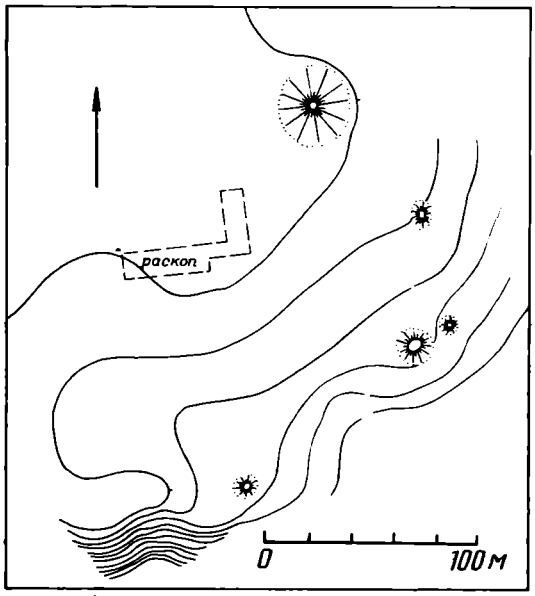


Рис. 4. Байте III. План (сплошные горизонтали проведены через 0,25 м)

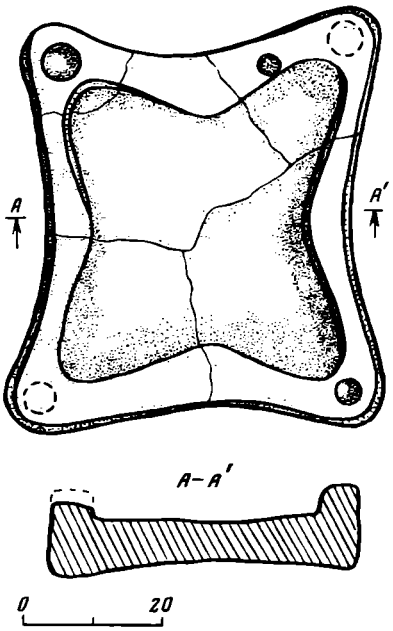


Рис. 5. Байте III. Жертвенный «стол»

Байте II. Памятник расположен в 1,5 км к юго-западу от Байте I, с юга и юго-запада ограничен крутым склоном чинка. С востока к памятнику вплотную примыкает небольшое современное кладбище.

Планиграфически Байте II напоминает Байте I, однако антропоморфные изваяния и жертвенники здесь обнаружены не были. Курганы (всего 5) вытянуты изогнутой цепочкой вдоль чинка. Крупнейшая насыпь (№ 1) достигает высоты 1 м и диаметра 26 м, остальные не превышают 0,4 м при диаметре до 6 м. Возле них отмечено несколько кольцевых каменных выкладок.

Данный памятник интересен наличием явных следов каменоломен на склоне чинка к юго-востоку от кургана 1. Отчетливо видны следы вырубки из выходящих на поверхность горизонтальных пластов известняка блоков толщиной 0,3—0,5 м. Вырубка приводила к образованию нешироких горизонтальных площадок — уступов, из-за чего склон местами приобрел «террасный» профиль. Обломки либо заготовки изваяний, какой-либо подъемный материал на месте вырубки камня обнаружить не удалось. Не исключено, что каменоломня функционировала не только в период существования памятника, но и в более позднее время. Раскопки здесь пока не производились.

Байте III (рис. 4). Памятник находится в 5 км к юго-западу от Байте II, у юго-западного склона возвышенности, отделенной от возвышенности, где расположены Байте I и II, широкой долиной — саем. На дне долины находятся колодцы Байте и зимники.

Площадь памятника, определяемая встречаемостью находок и различных культовых сооружений (курганов, выкладок, изваяний и т. д.), сравнительно невелика, достигает 6—7 га. Крупнейший на данном памятнике курган имеет высоту ~ 4 м при диаметре до 35 м. Вершина его немного повреждена при установке триангуляционной вышки. По периметру насыпь окружает неглубокая (0,1—0,2 м) прерывистая выемка шириной 6—11 м. У западной и северной полы насыпи отмечено несколько небольших каменных выкладок, подобных обнаруженным на Байте I и II.

К югу от большого кургана по краю чинка ломаной цепочкой расположены четыре невысоких — до 0,25 м — расплывшихся насыпи диаметром 8—16 м. Все они (за исключением одной) сопровождаются одной — четырьмя кольцевыми каменными выкладками. Не исключено, что большинство насыпей относится к эпохе средневековья.

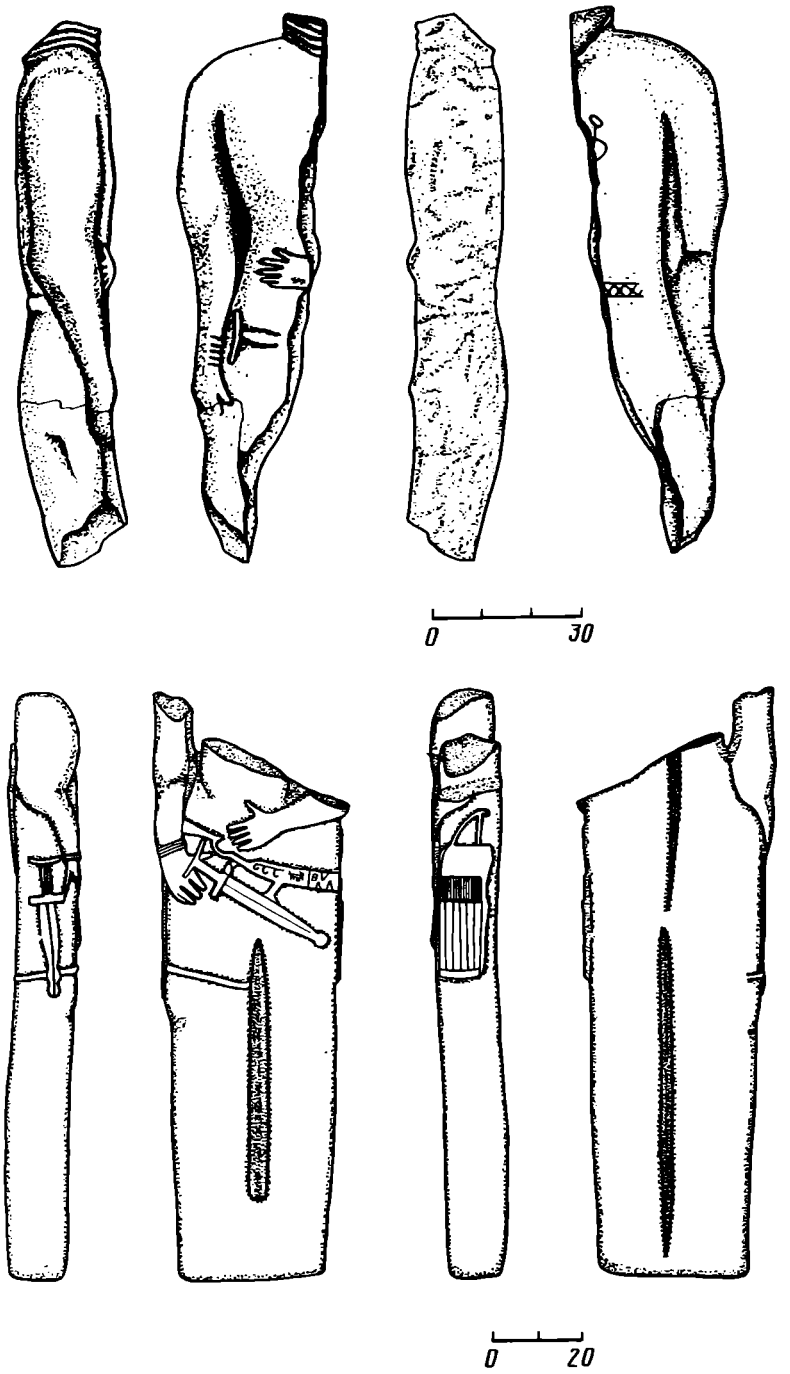


Рис. 6. Изваяния с Байте I (*а*) и Байте III (*б*)

В 90—100 м к западу от полы большого кургана в естественном — горизонтальном — положении находились два каменных жертвенных «стола», перекрытых тонким слоем грунта. Они разбиты, но сохранили правильный порядок фрагментов. Жертвенники вырублены из цельных известняковых плит, в плане имеют вид прямоугольника со слегка «вдавленными» сторонами и скругленными углами. Средняя часть плиты большого жертвенника (125×105×91 см) выбрана на глубину до 0,1 м четырехлепестковой розеткой, ограниченной бортиком шириной 9—18 см (рис. 5). В углах (в бортике) жертвенного стола — круглые углубления диаметром до 0,1 м. Второй жертвенный стол имел размеры 0,92—0,72 м, слегка вогнутую верхнюю грань с бортиком, опирался на четыре ножки усеченно-конической формы.

На небольшом удалении к югу от жертвенных столов найдено два округлых

каменных жертвенника — чаши диаметром 0,28—0,35 м, высотой 0,12 м; изготовлены они довольно грубо из небольших известняковых блоков, имеют уплощенное, слегка вогнутое дно и невысокий бортик.

Южнее самого крупного кургана обнаружено скопление фрагментов крупного жертвенника, имеющего вид цилиндрической ребристой чаши диаметром ~ 0,8 м и высотой до 0,4 м. Дно жертвенника плоское, внутренняя поверхность чаши хорошо заглажена.

Основная масса фрагментов изваяний, найденных на Байте III, была сосредоточена на участке в 40—100 м юго-западнее большого кургана. Изваяния, судя по размещению их обломков и обнаруженным in situ основаниям, образуют локальные скопления, вытянутые дугой. На исследованной раскопом площади (840 м^2) таких скоплений не менее 5, при этом в каждое входит 3 изваяния и более. Судя по количеству крупных обломков, на Байте III стояло не менее 25—30 изваяний.

8 оснований изваяний сохранились в первоначальном положении — вкопанными на глубину 0,25—0,55 м от уровня древней дневной поверхности. Почти все они лицевой гранью были обращены на запад либо северо-запад.

* * *

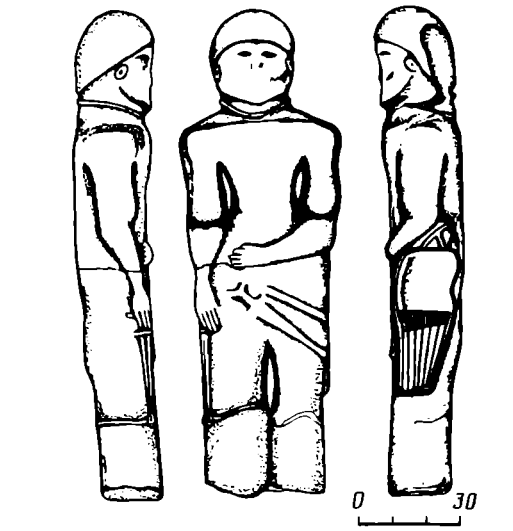
Комплекс Байте неординарен не только фактом наличия изваяний, но и большим количеством последних; их не менее 50—55. Найденные на Байте I и II изваяния после подборки и частичной реставрации, несомненно, станут важным источником изучения искусства, идеологии и этнографических реалий древнего населения Устюрта.

Морфографически [12, с. 109] подавляющее большинство изваяний относится к числу плоских скульптур, подтеской и гравировкой достаточно реалистично передающих натуру (рис. 6). Отдельные, наиболее совершенные экземпляры морфографически приближаются к круглым скульптурам. Единичны и нетипичны изваяния — антропоморфные столбы. Высота антропоморфов различна — от 0,5 до 4 м.

Иконографически изваяния воспроизводят стоящую (почти во всех случаях, несомненно, мужскую) фигуру. Положение рук строго фиксировано: правая опущена книзу и раскрытой ладонью прижата к животу (исключения редки; рис. 7). Какие-либо предметы (ритон, плеть и т. д.) в руках не изображались. Весьма выразительны лица: рельефом показываются брови, нос, глаза, тонкие усы, углублением — рот; примечательно отсутствие изображений бороды (рис. 8). Скульптурность ряда изваяний подчеркивается использованием сквозных просветов у бедер и предплечий; в остальных случаях конечности подчеркиваются несквозными углублениями.

При несомненном сходстве в иконографии изваяния различаются степенью мастерства воплощения заданного канонического образа. Так, предварительное ознакомление с материалом позволяет разделить плоские скульптуры на две группы, в одну из которых войдут изваяния, выполненные более реалистично, во вторую — менее реалистично (с элементами геометризации и упрощения).

Набор воспроизводимых на изваяниях предметов невелик, но выразителен; это прежде всего оружие: мечи, кинжалы, луки. Мечи показаны подвешенными к поясу спереди с помощью двух ремешков; кинжалы в ножнах с бутеролями прикреплялись ремешком к правому бедру. Мечи и кинжалы однотипны: перекрестия прямые, навершия серповидные, брусковидные, в виде расходящихся под углом усиков-антенн. Луки (почти во всех случаях, несомненно, сложные) показаны в горитах на левой грани изваяния. Гориты преимущественно прямоугольной формы с разного вида магазинами для стрел; на лицевой крышке некоторых изображен полусферический умбон. Судя по геометрической правильности контура, на головах изваяний воспроизводились шлемы либо кожаные (?) головные уборы, а не прическа. Помимо пояса, нередко орнаментиро-



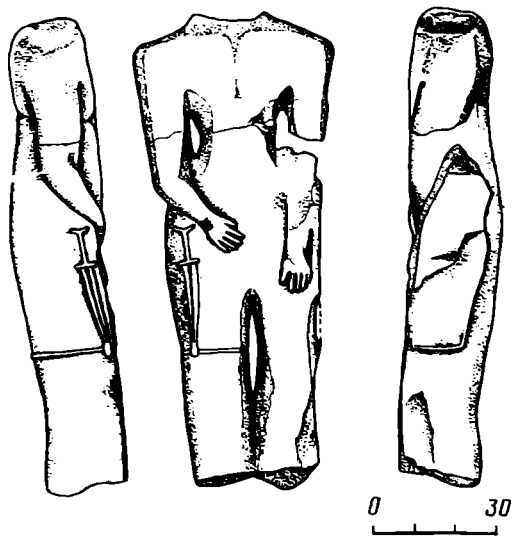
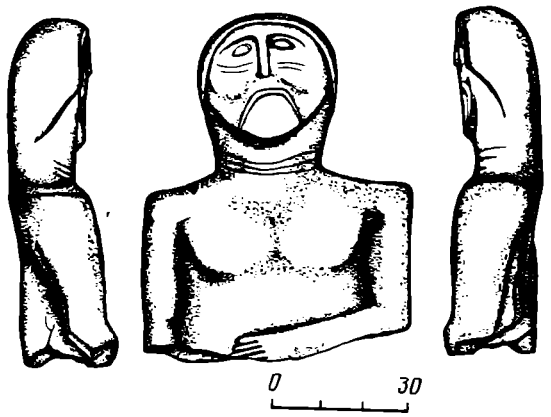


Рис. 7 Байте III. Изваяния



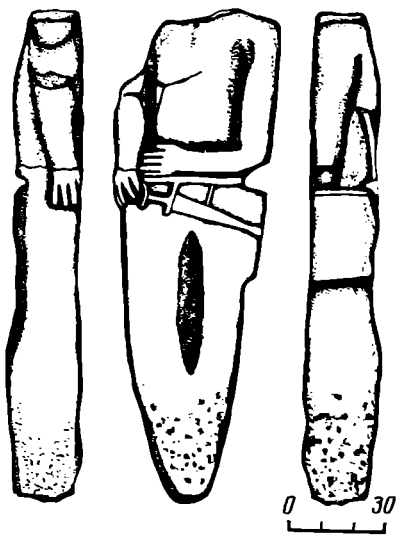


Рис. 8. Байте III. Изваяния

ванного зигзагообразным либо ромбовидным узором, на изваяниях показаны одно- и многовитковые гривны, браслеты.

В отличие от абсолютно преобладающих плоских скульптур изваяния — антропоморфные столбы на Байте очень редки. Они весьма схематично воспроизводят подквадратную в сечении, столбообразную человеческую фигуру с выделенной головой и едва намеченными гравировкой или рельефом руками; изображения предметов на указанные антропоморфы не наносились. Антропоморфные столбы резко отличаются от плоских скульптур и значительно меньшими размерами: высота их — менее 1 м.

Особый интерес представляют вырезанные на отдельных изваяниях знаки-тамги, имеющие несомненное сходство с сарматскими знаками Северного Причерноморья. Знаки (пока их известно шесть) наносились гравировкой на переднюю, изредка на заднюю грань изваяния, обычно в области груди (рис. 6, *а*). Детальный анализ тамг с учетом возможных новых находок будет произведен позднее, пока же отметим следующие их особенности. Тамги трехэлементны: в качестве элементов фигурируют круг, вертикальная черта, сдвоенный крюк, треугольник, сдвоенная волюта (в виде «капители» или «усиков»). На одно изваяние могло наноситься по две-три тамги. Так, одна из тамг на изваянии с Байте III (рис. 6) идентична тамгам скифского либо сарматского царя I в. н. э. Фар-

зоя [13, 14] и боспорского царя первой половины III в. н. э. Ининфимея [15, с. 24; 16, табл. XIV, 8 (*3—8*)], другая тамга напоминает знаки римского времени на плитах из Горгиппии и Кривого Рога [16, табл. VI, *388*, табл. XI, *839*]

Описанные памятники Байте I—III во многом схожи, что с учетом их географической близости позволяет предполагать их относительное культурно-хронологическое единство. Присутствие на них помимо курганов явно культовых сооружений (выкладки, жертвенники) и большого числа антропоморфных изваяний дает основание рассматривать Байте I и III как святилища, связанные с культом предков, родовых и племенных божеств, а также, возможно, стихийных сил (огня? воды?). Размещение изваяний (в пределах одного памятника) скоплениями по три — шесть скульптур, возможно, отразило принадлежность скоплений отдельным группам кочевого населения, скорее всего родам.

Подобный, но значительно меньший по масштабам культовый комплекс Кзыл-Кую, включающий курган и около десятка изваяний, был открыт Волго-Уральской экспедицией ИА АН СССР (начальник — Л. Л. Галкин) в 20 км к югу от Байте I, у артезианской скважины № 39. Разведочные работы показали наличие сходных комплексов не только на Устюрте (4-й, 7-й разъезды, и др.), но и на Мангышлаке [17].

Более отдаленное сходство с памятниками Байте демонстрирует и известный культовый комплекс IV—III вв. до н. э. у ст. Преградная на Северном Кавказе; там у основания большого кургана в ряд были установлены три крупных изваяния — двух вооруженных мужчин и женщины [18, с. 197—200].

Несомненные аналогии святилищам Байте дают и гиеротесийоны государства Коммагены (Юго-Восточная Анатолия). Каждый гиеротесийон (Нимруд-Даг, Кара-Куш и др.) являлся погребально-поминальным комплексом и святилищем, включавшим царскую гробницу под (?) высокой курганной насыпью, статуи богов, царя и его предков, священных животных, рельефы, надписи, алтари, ряды стел. Изваяния и стелы устанавливались у подножия насыпи в определенном порядке, обычно рядами или группами. Гиеротесийоны Коммагены, воздвигнутые в I в. до н. э., использовались, очевидно, для совершения культовых церемоний в честь царя, его предков, различных божеств [19, с. 44—50]

К сожалению, почти полное отсутствие на Байте датирующих материалов пока (до раскопок всех курганов) не позволяет указать точное время функционирования комплекса. Так, обнаруженные в кургане 2 на Байте I наконечник стрелы и фрагмент каменного блюда-жертвенника (рис. 3) могут быть датированы V—IV вв. до н. э. Изображенные на изваяниях мечи и кинжалы с прямым перекрестием, брусковидным, серповидным и в виде усиков-антенн навершием находят аналогии среди материалов раннесарматской (прохоровской) культуры Поволжья и Южного Приуралья IV—II вв. до н. э. [20, табл. 11; 21, с. 12, 14, 23; 22, с. 115; 23, с. 430, 432], в погребениях кочевников того же времени на Узбое [24, с. 51] и т. д.

Воспроизведенные на изваяниях многовитковые гривны и браслеты входят в употребление у кочевников Евразии [25, с. 16—20] не позднее IV в. до н. э. и бытуют в степях не менее трех-четырех веков.

Иконографически изваяния Байте довольно близки северопричерноморским скифским V—IV вв. до н. э. [26] при наличии определенного своеобразия. Так, и на байтинских, и на скифских изваяниях на верхних крышках горитов изображались однотипные полусферические умбоны, находящие аналогии и в археологических материалах. Однако характерное для байтинских скульптур положение рук на скифских изваяниях встречается крайне редко.

Тамги, нанесенные на отдельные изваяния Байте, как отмечалось, близки северопричерноморским сарматским знакам I в. до н. э. — III в. н. э. Но этот факт не может считаться доказательством синхронности указанных групп антропоморфов, так как пока не решена проблема генезиса и не установлено время появления подобных тамг в Восточном Прикаспии. К тому же пока не ясно, существовал ли хронологический разрыв между временем создания изваяний

и нанесения на них тамг. Обычай же нанесения тамгообразных знаков на антропо- и зооморфные изваяния был известен, например, населению Северного Причерноморья в последние века до н. э. — первые века н. э.

Таким образом, функционирование комплекса Байте сугубо предварительно может быть отнесено к концу V—II в. до н. э. Будущие исследования, очевидно, позволят уточнить эту дату.

Относительно этнокультурной принадлежности создателей Байте что-либо определенное пока сказать трудно; несомненна принадлежность их к кочевому скифо-сарматскому (в широком понимании) населению степной Евразии. Возможно, это были племена, родственные сарматам либо сако-массагетам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартиневский И. Л., Кенисебаев А. Я., Асенов Г А.* Устюртский очаг чумы. Нукус, 1987.
2. *Абраимов С. А.* Аридные пастбища Казахстана. Алма-Ата, 1988.
3. Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963.
4. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1976.
5. *Галкин Л. Л.* Разведки и раскопки в Северо-Восточном Прикаспии // АО-1981. М., 1983.
6. *Галкин Л. Л.* Работы в Северо-Восточном Прикаспии // АО-1982. М., 1984.
7. *Галкин Л. Л.* Памятники Северо-Восточного Прикаспия // АО-1983. М., 1985.
8. *Галкин Л. Л.* Работы в Северо-Восточном Прикаспии // АО-1984. М., 1986.
9. *Галкин Л. Л.* Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // АО-1985. М., 1987.
10. *Мелентьев А. Н.* Разведка памятников древности в Западном Казахстане // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
11. *Настюков Н. З., Прасолов Н. Д.* Новые памятники каменного века на западном чинке Устюрта // УСА. 1972. Вып. 1.
12. *Ольховский В. С.* О методике источниковедческого анализа антропоморфных изваяний // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.
13. *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
14. *Симоненко О. В., Лобай Б. І.* До визначення етнічної належності Фарзоя та Інісмея // Археологія. 1989. № 1.
15. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
16. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
17. *Галкин Л. Л., Ольховский В. С.* Комплекс святилищ Байте (начало исследования) // Маргулановские чтения (Сб. материалов конференции). Алма-Ата, 1989.
18. *Шульц П. Н., Навротский Н. И.* Прикубанские изваяния скифского времени // СА. 1973. № 4.
19. *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. М., 1985.
20. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9.
21. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
22. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
23. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
24. *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
25. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д3-9.
26. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

V. S. OLKHOVSKY, L. L. GALKIN

A CULTIC COMPLEX ON USTYURT (PRELIMINARY INFORMATION)

The authors offer preliminary results of their studies of the cultic complex Baite. It is dated between the 4th and 1st centuries B. C. and is found on the Ustyurt plateau (Guriev Region, Kazakhstan). It consists of three sites—Baite I, II, and III with mound burials and sacrificial constructions (round stone pavements). A large number of fragments of stone anthropomorphic statues came from Baite I and III. They showed a standing male figure holding a sword, a dagger and a bow in a gorythos. On some of the statues (there are no less than 50 of them) there are the so-called "Sarmatian signs" The archaeologists also discovered several large oblong and rectangudar stone sacrificial altars. There are also traces of old stone pits in Baita II and III.

On the whole, the complex was, probably, a cultic centre composed of three burail-memorial sites and sanctuaries associated with the ancestors' cult and the clan and tribal gods and fire (?). It is dated to the 4th-1st centuries B. C. through the realia seen on the statues. Further investigations of the mounds may introduce certain corrections. The burial complex is ascribed to the nomads, the Saks-Massagets.

Б. Г. ПЕТЕРС, А. Г. АВДЕЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА У С. МИХАЙЛОВКА В IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Одной из задач данной статьи является попытка реконструкции экономических связей античного городища у с. Михайловка (Ленинский р-н, Приозерский с/с Крымской обл.) в период с конца IV до середины III в. до н. э. Эти связи складывались из отношений внутренней торговли и обмена, соединявших полис и хору в единый экономический организм. Характер этих связей определяется развитием товарного производства, а особенности их проявления зависят от степени товарности и структуры производящего хозяйства, активности денежного обращения и ряда других факторов (ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 215. Т. 20. С. 283. Т. 46. Ч. 1. С. 36). Экономические связи между объектами имеют избирательный характер, т. е. их направление определяется тяготением объекта к тому или иному центру, а интенсивность их зависит от наличия транспортных коммуникаций и отчасти — от расстояния между объектом и центром тяготения, «будучи наиболее высокой в зоне их непосредственного контакта, понижается с увеличением расстояния между ними» [1, с. 82, 83]

Термин «экономические связи», по нашему мнению, более емко отражает (хотя и не исчерпывает полностью) одну из форм взаимоотношений между полисом и хорой как «экономически целым» организмом, составные части которого выступают в диалектическом единстве города и деревни (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 465, 466, 471).

Своеобразие развития экономических связей в эту эпоху заключается в особенностях античного способа производства (подробнее см. [2, с. 8, 14, 32, 34, 35]). Иначе говоря, эти связи являются одной из форм распределения произведенного общественного продукта в замкнутой экономической системе «полис — хора», которая предполагает сосуществование нескольких форм товарообмена при слабом развитии торговли внутри этой системы и преобладании прямого обмена над товарно-денежными отношениями, товарного обращения — над денежным (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 360, 361). При этом, разумеется, нельзя отрицать, что само существование подобных связей в конечном итоге неизбежно ведет к превращению полиса в центр обмена и, как следствие этого, к вызреванию экономических основ противоположности между городом и деревней. Но в целом товарно-денежные отношения в античную эпоху еще не достигли уровня того развития, при котором можно говорить о полной противоположности данных структур (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 364. Ср.: [3, с. 222—224, 226]).

Экономические связи внутри античных государств Северного Причерноморья мало изучены. Отдельные их аспекты исследовались И. Б. Зеест [4], И. Т. Кругликовой [5], А. Н. Щегловым [6]. И. Б. Брашинский выделил следующие характерные черты этих связей: 1) зависимость интенсивности экономических связей от общего уровня экономического развития государств; 2) осуществление регулирующей роли во внутренней торговле столичными центрами; 3) наличие определенной специализации в производстве и торговле городских центров; 4) основа внутренней торговли — торговля сельскохозяй-

© Б. Г. Петерс, А. Г. Авдеев, 1990 г.

ственными и ремесленными продуктами местного производства, подчиненное положение торговли импортными товарами; 5) широкое развитие оптовой и розничной торговли; 6) высокоразвитое денежное обращение [7, с. 186]

Одним из способов археологической реконструкции экономических связей античного сельского поселения мы считаем увязку добытого в результате археологических исследований материала с анализом общей политической и экономической ситуации в регионе и палеогеографической реконструкцией изучаемого района с привлечением данных письменных источников. Ведущее место мы отводили изучению массового керамического материала. Как выборку из данной категории источников мы использовали амфорные клейма, которые в силу своей специфики позволяют провести качественный анализ возможных направлений экономических связей. Для уточнения и конкретизации выводов, полученных при изучении массового керамического материала и клейм, привлекались найденные на городище монеты, терракотовые статуэтки, граффити, предметы глиптики во взаимосвязи с их археологическим контекстом.

Систематические раскопки на городище античного времени у с. Михайловка и в примыкающем к нему районе ведутся экспедицией ИА АН СССР под руководством Б. Г. Петерса с 1963 г.[1] Здесь прослежены семь культурных слоев и пять прослоев, соответствующих различным периодам жизни городища от эпохи неолита до позднего средневековья[2]. Наряду с весьма многочисленным амфорным материалом здесь обнаружено 10 амфорных клейм, 4 из которых относятся к IV—III вв. до н. э. (соответственно слои 1б и 1а).

Особенностью этих слоев является их небольшая мощность. В ряде случаев слои не выделяются стратиграфически, поскольку культурные напластования V—II вв. до н. э. были почти полностью снивелированы при перестройках оборонительных сооружений, проводившихся на городище в римское время. В этом случае указанием на наличие более ранних слоев в центральной части городища, в основании которого выявлены выходы скальных пород, служил массовый керамический материал классического и эллинистического времени, выявленный в более поздних слоях. В этой связи находки из слоев V—II вв. до н. э. постоянно сопоставлялись нами с материалом, обнаруженным при изучении слоев римского времени, что позволило выделить некоторые закономерности экономической жизни на городище у с. Михайловка.

Первоначально было высказано мнение, что городище слоя 1б (IV — начало III в. до н. э.) — это земледельческое поселение на хоре Нимфея [10, с. 118, 119]; в процессе дальнейших исследований городища — что это — царская крепость, описанная Диодором [12, с. 343]. В пользу последнего предположения говорит следующее: 1) стратегически выгодное местонахождение городища в районе, связанном удобными коммуникациями с Пантикапеем, Нимфеем и Тиритакой и обеспечивающем оборону находившейся за пределами Тиритакского оборонительного вала центральной части Керченского полуострова; 2) остатки мощных оборонительных сооружений, вскрытые в процессе археологического исследования памятника; 3) совпадение описания местности вокруг царской крепости у Диодора с рельефом местности вокруг городища. Было также высказано предположение, что Эвмел выделил переселенцам из Каллатиса принадлежавшие Спартокидам земли вокруг царской крепости, обезлюдевшие в результате междоусобной войны (Diod., XX, 23) (слой 1а, конец IV—III в. до н. э.) Первое же предположение, видимо, будет справедливо для более раннего времени: к V в. до н. э. относится первая нарезка клеров в окрестностях городища, вероятно, связанная с размежеванием хоры Нимфея на земельные участки [10, с. 117, 118; 13, с. 23].

Фрагменты амфор[3] относящиеся к изучаемому времени, сравнительно

---

[1] Информацию о ходе раскопок см. [8, с. 119—124; 9, с. 97—104] и в АО за 1965—1975, 1978—1984 гг.

[2] Характеристику слоев см. [10, с. 117—127, 11, с. 3—6; 12, с. 343; 13, с. 23—27]

[3] Амфорный материал из раскопок городища у с. Михайловка см. [14, с. 53—57, 15, с. 182—195]

немногочисленны, но они свидетельствуют о том, что характер и интенсивность поступления импортных товаров в керамической таре на городище у с. Михайловка мало чем отличались от аналогичных показателей, полученных при исследовании других сельских поселений европейского Боспора [16, с. 223, рис. 93, с. 226, 227, рис. 4]. Так, на исследуемом памятнике ведущее место среди амфорных фрагментов, относящихся к слою 1б, принадлежит продукции южнопонтийских центров — Синопы и Гераклеи Понтийской. Менее интенсивно поступали товары из средиземноморских центров: Хиоса, Фасоса, Менды и др. В более позднее время (слой 1а) наряду с продукцией Синопы, сохранившей ведущее положение, значительное место стала занимать продукция Родоса. Малочисленность синопских клейм [4], найденных на городище, их рассредоточенность в большом временно́м промежутке, а также нерепрезентативность их набора свидетельствуют об отсутствии прямых торговых контактов жителей городища слоев 1б и 1а с Синопой. То же самое можно сказать и о торговых контактах с другими центрами, в том числе с Гераклеей: единственное клеймо этого центра происходит из раскопок курганной группы севернее городища. О малой интенсивности ввоза родосских амфор, на наш взгляд, свидетельствует полное отсутствие на изучаемом памятнике клейм этого центра, которые, кстати сказать, весьма немногочисленны и на других сельских поселениях европейского Боспора.

Нужно отметить, что синопские клейма одного штемпеля с найденными на городище обнаружены в важнейших центрах Северного Причерноморья, являющихся конечными пунктами морского пути, ведшего в данный регион от южного побережья Черного моря (Ps.— Scyl., 68; подробнее см. [17, с. 11—19]): в Херсонесе, Ольвии и Пантикапее. Находки клейма одного штемпеля на городище у с. Михайловка и в столице Боспора (и отсутствие таковых, по данным рукописи IosPE, III, в Тиритаке и Нимфее) свидетельствуют, что на городище у с. Михайловка импортные товары, скорее всего, поступали из Пантикапея, который являлся крупнейшим торговым центром европейского Боспора (Strab., XI, 2, 10). Большую роль в развитии данного направления экономических связей городища у с. Михайловка сыграла избирательность этих связей, создававшаяся тяготением мелких населенных пунктов к более крупным — центрам ремесла и торговли. О существовании крупных центров тяготения на Боспоре сообщает Демосфен: в одной из его речей упоминается некий землевладелец, перевозивший на корабле амфоры с косским вином из Пантикапея на одно из поселений феодосийской хоры (Demosth., XXXV (adv. Lacr.), 32, 34); см. также [18, с. 198, примеч. 1]

Разумеется, это предположение не отрицает наличия экономических связей жителей городища у с. Михайловка с располагавшимися по соседству Тиритакой и Нимфеем, и введение в научный оборот материалов, обнаруженных в последние годы на этих памятниках, возможно, позволит сделать необходимые уточнения. Интенсивность и направленность этих связей в разное время могли быть различными. Так, если в первые годы существования поселения каллатийцев ведущая роль, бесспорно, могла принадлежать Пантикапею, централизованно снабжавшему переселенцев всем необходимым (Diod., XX, 25, *1*), то материалы из раскопок позднеантичных и раннесредневековых слоев городища у с. Михайловка находят полные аналогии с материалами этого же времени из раскопок Тиритаки [14, с. 53—57]. Тем не менее выборка клейм из раскопок Тиритаки и Нимфея, зафиксированная в рукописи IosPE, III, кажется достаточно репрезентативной для вывода о большей значимости для жителей городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э. экономических связей с Пантикапеем, который являлся центром тяготения для поселений, расположенных в его контактной зоне. Так, терракотовые статуэтки [19, с. 112—114, табл. 53, 54; 20]

[4] Аналогии см. IosPE, III, раздел «Синопа», № 1911 (III хронологическая группа, по Б. Н. Гракову), 2548, 5692 (II хронологическая группа, по Б. Н. Гракову). Рукопись IosPE, III, подготовленная к печати Е. М. Придиком и Б.-Н. Граковым, хранится в архиве ИА АН СССР, д. № р-2/2157—2198.

и другие предметы, обнаруженные при раскопках городища у с. Михайловка, имеют прямые аналоги с находками в Пантикапее.

Различные источники свидетельствуют, что на Боспоре тяготение мелких населенных пунктов к более крупным в середине IV — первой четверти III в. до н. э. в значительной степени определялось экономическими связями: крупные центры, такие, как Пантикапей или Феодосия, были портовыми городами, через которые осуществлялся экспорт в Афины хлеба, свозимого с поселений хоры европейского Боспора (Demosth., XX (adv. Lept.), 31—33; ср. [21, с. 67]). Не исключено, что направленность и интенсивность связей этих поселений регламентировались и контролировались Спартокидами [22, с. 166].

В процессе археологических исследований на городище у с. Михайловка выявлена развитая система дорог трех типов: 1) грунтовые дороги: а) между каменными стенами границ земельных наделов южнее городища, имевшие ширину 4 м и обеспечивавшие подъезд к любому наделу (рис. 1, *3*); б) подъездные пути и переправы (речной брод у рва и вала); в) дорога, ведущая из Пантикапея в Феодосию, возможно, имевшая на некоторых участках твердое покрытие; 2) мощенные тесаными известняковыми плитами улицы шириной 3 м в центральной части городища (рис. 1, *4*); 3) мощенные камнями проездные пути, в частности пандус шириной 1,70 м и длиной 12,50 м, выявленный в центральной части городища (рис. 1, *5*). Основной транспортной артерией, связывавшей жителей городища со столицей Боспора, была дорога, ведущая из Феодосии в Пантикапей. Следы этой дороги прослежены на аэрофотоснимках и были видны при боковом освещении на местности. Эта дорога частично перекрыта или проходит вблизи современного шоссе Керчь — Феодосия, на восток от 19-го километра которого находится наше городище. Важную роль играло и сообщение с Пантикапеем по реке и по морю, особенно в осеннее и весеннее время, когда грунтовые дороги становились плохо проходимыми и жители предпочитали пользоваться водным путем. Следует отметить, что доступ к морю жителей этого городища — переселенцев из гераклейской колонии Каллатиса — в целях безопасности контролировали города Тиритака и Нимфей, замыкавшие выход из залива (совр. Чурубашское озеро) в море. В этот залив впадала река, огибавшая городище. Существует предположение, что в древности залив был мелководен [23, с. 124, 125]. Мы придерживаемся другой точки зрения, но в любом случае по заливу могли проходить плоскодонные речные суда. Например, известно, что в античное время даже по мелководному Сивашу плавали на легких кожаных лодках, имевших небольшую осадку (Strab., VII, 4, 1).

Обмеление залива, вызванное уменьшением стока реки, и соответственно возрастание роли сухопутной дороги в Пантикапей начались с конца IV в. до н. э. и проходили постепенно. Тогда в связи с новой нарезкой земельных участков в районе городища, выделенных Эвмелом для переселенных на Боспор каллатийцев, вероятно, в значительной части был сведен лес, росший в окрестностях городища [5] Это нарушило экологический баланс данного района [6] и привело к ускорению обмеления и засоления озера выше по течению от нашего городища и к пересыханию вытекавшей из него реки (рис. 2, *4*), но, как мы покажем

---

[5] Частично этот лес был сведен раньше — при первой нарезке клеров, затем он вырубался воинами Сатира при штурме царской крепости во время междоусобной войны конца IV в. до н. э. (Diod., XX, 23). Но еще в первой половине XIX в., осваивая целинные земли в этом районе, русские переселенцы выкапывали окаменевшие корни крупных деревьев [24, с. 11; 25, с. 61]. Последние реликтовые остатки этого леса были сведены в конце XIX в. на горе Опук. Существование леса в районе городища подтверждается также анализом золы из топок печей и остатков деревянных конструкций зданий, для сооружения которых использовались такие породы деревьев, как ясень, ива, вяз, тополь, сосна, дуб. Кроме того, на городище обнаружены костные остатки диких лесных животных: благородного оленя, кабана, лисицы, зайца, куницы. Определение растительных остатков проведено Г. Н. Лисицыной, костных — В. Н. Данильченко в лаборатории ИА АН СССР.

[6] В качестве известной параллели можно напомнить, что хищническая вырубка лесов в Горном Крыму в XIX в. привела к резкому уменьшению водостока всех рек Южного берега Крыма [26, с. 45].

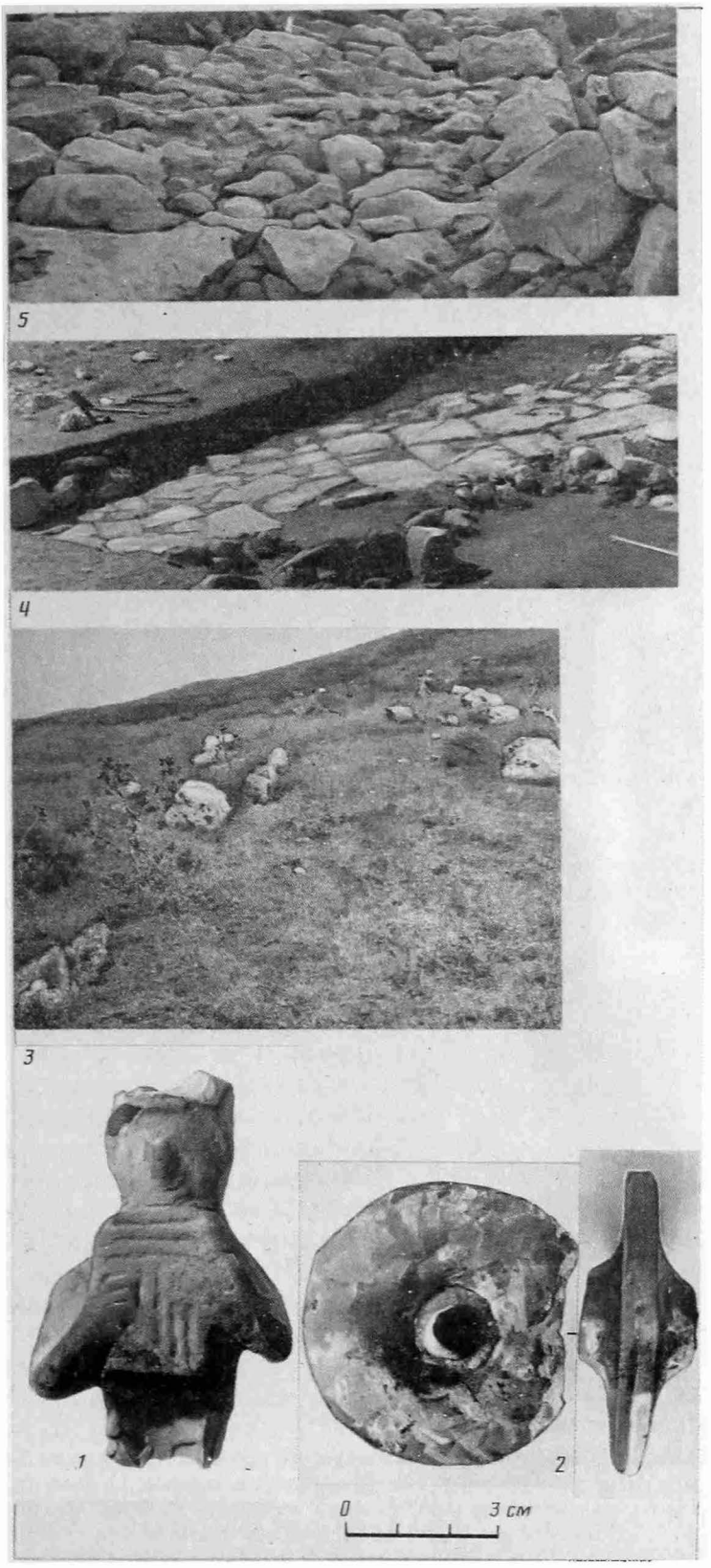


Рис. 1. *1* — пан, терракотовая статуэтка; 1—200 гг. н. э.; городище у с. Михайловка; *2* — терракотовое колесико модели повозки; 100—300 гг. н. э; городище у с. Михайловка; *3*— грунтовая дорога между границами земельных участков, южная часть городища у с. Михайловка; *4* — улица, мощенная тесаными плитами известняка, западная часть городища у с. Михайловка; *5* — пандус, мощенный камнями, центральная часть городища у с. Михайловка

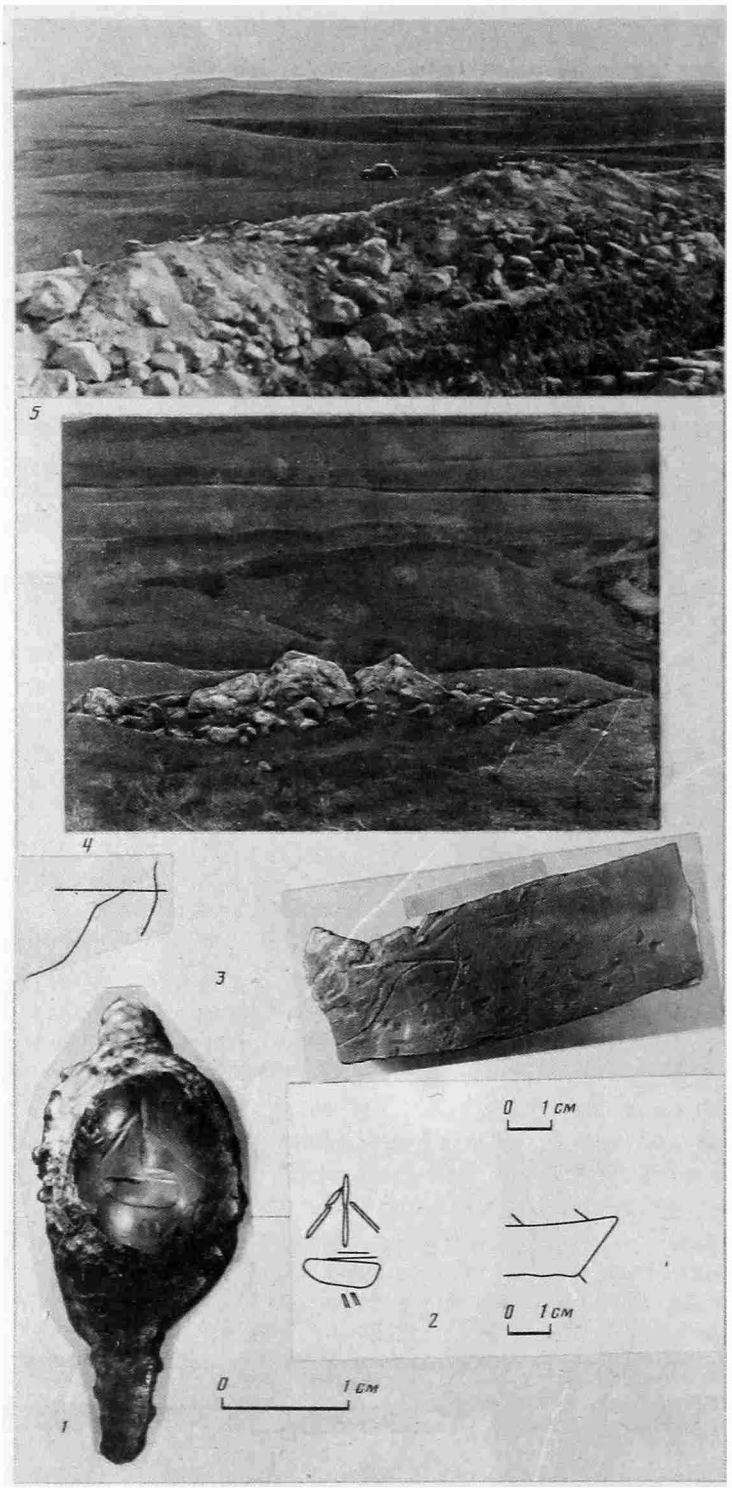


Рис. 2. *1* — торговый корабль (изображение на инталии из горного хрусталя; вставка в железный перстень; 300—100 гг. до н. э., городище у с. Михайловка, раскоп II, склеп); *2* — плоскодонное речное судно (граффити на стенке красноглиняной амфоры; эллинистическое время; городище у с. Михайловка); *3* — вспомогательное или транспортное военное судно с баллистой в носовой части (граффити на стенке красноглиняной амфоры; 200—250 гг. н. э.; городище у с. Михайловка); *4* — древняя речная пойма в северной части городища у с. Михайловка; *5* — чаша древнего озера на юго-восток от городища у с. Михайловка

ниже, роль этого средства сообщения еще сохранялась и в римское время.

Свидетельства античных авторов и памятники материальной культуры позволяют составить представление о развитии морского дела в античных государствах Северного Причерноморья и конструктивных особенностях северопонтийских кораблей этого времени [27] В одном из погребений на городище найден датируемый 300—100 гг. до н. э. бронзовый перстень с инталией из горного хрусталя с резным изображением торгового морского судна (рис. 2, *1*).

Судно изображено носом влево, линия носа округло переходит в днище и в кормовой части резко поднимается вверх. Верхняя часть борта слегка понижается к носу. В кормовой части судна до мачты выше палубы прослеживается надстройка, полуют, или возвышаются сложенные на палубе товары. На судне установлена мачта, но рея с парусом опущена. К корме и носу идут снасти стоячего такелажа. С правого борта на воду опущены два весла, под которыми идет судно.

Известно, что в античном мире изображение судна на каких-либо предметах часто указывало на профессию владельца данного предмета, связанную с морем (Flav. Philostr., Apoll. Tyan. Vita, 1, 24). На первоначальную принадлежность данного перстня купцу или мореплавателю указывают и то, что древние считали корабль символом благополучия и удачи [7], и то, что для изготовления инталии был использован горный хрусталь, являвшийся у греков талисманом мореплавателей [28, с. 10] Впрочем, следует отметить, что у разных народов, в том числе и у греков, корабль являлся символом смерти, и его изображения часто использовались в погребальном ритуале.

Сведения о плаваниях по рекам в Северном Причерноморье в античное время весьма скудны. Древние авторы лишь сообщают о ряде судоходных рек, доступных для захода кораблей с моря (их перечень см. [27, с. 78]). Известны и отдельные описания плаваний морских торговых судо по северопонтийским рекам (Ps.-Anachars., Epist. IX, 35—43). На Керченском полуострове в античное время существовала разветвленная речная сеть [18, с. 198, примеч. 1], и поселения, в том числе и городище у с. Михайловка, часто основывались вдоль рек. Ранее [29, с. 302] было сделано предположение о возможной идентификации реки, протекавшей мимо городища, с рекой Фат, упомянутой у Диодора, которая имела большую глубину и была судоходной (Diod., XX, 22, 3, 8). Шурфовка в пойме реки, огибавшей городище, выявила слой галечника, насыщенный окатанной керамикой и фрагментами двухстворчатых раковин пресноводных моллюсков, а также насыпные сооружения в русле реки, возможно древние причалы. При раскопках городища были найдены предметы рыболовного промысла, кости промысловых рыб (судак, карповые). Особо следует отметить находки костей проходных рыб (севрюга — несколько особей длиной от 100 до 200 см) [8], которые во время нереста заходили в реку из моря и подымались по ней к озеру. На городище найдена стенка красноглиняной амфоры эллинистического времени с граффити, изображающим небольшое судно (рис. 2, *2*).

Судно показано носом вправо, стоящим на якоре, о чем свидетельствует часть якорного каната, уходящего в воду; следовательно, рисовавший изобразил судно только до ватерлинии. Из воды поднимается вздернутая носовая часть судна. В верхней части его слегка прогнутой линией показана часть переднего каната для удержания мачты — вант. В носовой части судна имеется изображение глаза. Таким образом, на граффити изображено небольшое судно, имеющее парусную оснастку, вероятно, совершающее плавание с заходом в реки и стоящее под загрузкой или разгрузкой у причала городища.

---

[7] Так, в «Сноголкователе» Артемидора Далдианского (II, 23, с. 140—141 Pack) увиденный во сне торговый корабль, имевший хорошую загрузку, рассматривался как во всех отношениях благоприятное предзнаменование.

[8] Костные остатки рыб определены в лаборатории ИА АН СССР Е. Цепкиным.

Второе граффити (рис. 2, *3*), также на стенке красноглиняной амфоры, датируемой 200—250 гг. н. э., изображает судно носом вправо. Линия днища плавно переходит в носовую часть и заканчивается в верхней части выдвинутой вперед балкой — бушпритом, завершающимся изогнутым предметом, напоминающим по форме лук. Это, вероятно, изображение вспомогательного или транспортного военного судна, имевшего в носовой части баллисту (ср. [27, с. 96, 97]).

Все это укрепляет наши предположения о том, что в античную эпоху данная река имела постоянное русло и в определенное время года могла быть доступна для захода с моря судов, имевших небольшую осадку. По реке жители городища у с. Михайловка осуществляли связь с приморскими городами Боспора — Нимфеем и Тиритакой, а с выходом в пролив — с Пантикапеем и др.

Хочется обратить внимание на то, что в зимнее время, когда из-за сильных морозов водная поверхность промерзала, река, залив и пролив могли представлять ровную, удобную дорогу для колесного транспорта, о чем неоднократно сообщают античные авторы (Herod., IV, 28, *1*; Strab., VII, 3, 18; Verg., Georg., III, 360—366, и др.).

Приведем свидетельства античных авторов, нумизматические и археологические данные о северопричерноморском колесном транспорте (рис. 3). Так, в рассказе Диодора о событиях конца IV в. до н. э. на Боспоре упоминаются две разновидности колесного транспорта античности: телега (ἁμαξα) и повозка (ἁρμα) (Diod., XX, 22, *3*; 25, *4*; ср. Herod., IV, 28, *1*; 46, 3)[9], причем о последней сообщается, что она была четырехколесной, имела крытый верх и в нее запрягалась четверка лошадей [10] И если повозки использовались как пассажирский транспорт, то телеги, как явствует из сообщения Диодора, применялись для грузовых перевозок, в частности для доставки провианта [11] Колесо от глиняной модели телеги, видимо, имитировавшей такие типы повозок, было найдено при раскопках городища у с. Михайловка (рис. 1, *2*). О наличии на городище гужевого транспорта свидетельствуют и мощенные тесаными плитами известняка дороги, вскрытые в западной части городища (рис. 1, *4*).

Основной тягловой силой в Северном Причерноморье античной эпохи были волы (Hippocr., De aër, 18 Kuehl; Diod., XX, 25, *4*), костные остатки которых найдены при раскопках городища у с. Михайловка [30, с. 28]. Кроме того, на городище найдены терракотовые головы быков (фрагменты статуэток), «запрягавшихся» в игрушечные повозки [31, с. 65, 66, табл. VII]. Широкое развитие скотоводства в этом районе подтверждается наличием пойменных лугов, а также находками на городище статуэток Пана — покровителя пастухов и скотоводов, двух терракотовых (рис. 1, *1*) и одной меловой. Одновременно находки изображений Пана убедительно подтверждают вывод о том, что Пантикапей являлся центром тяготения для жителей большого количества населенных пунктов европейского Боспора, в том числе и городища у с. Михайловка: Пан является божеством-покровителем пантикапейской хоры [34, с. 103—118].

Жители исследуемого городища могли отправляться в Пантикапей также пешком или верхом на лошадях. В этом случае количество товаров, направлявшихся на продажу или закупленных в Пантикапее, могло быть небольшим, причем в первом случае для их переноски использовались рабы, а во втором грузы могли перевозиться во вьючных мешках и коробах, а жидкости — в бурдюках (ср. [35, табл. 5а—с, 8а]). В пользу развития на городище коневодст-

---

[9] Основные значения этого слова, приведенные в LSJ (p. 76, 242—243 s. v.), соответствуют данной терминологии. О конструктивных особенностях северопричерноморских повозок см. [31—33]

[10] В античных трактатах по военному делу под этим термином подразумевались повозки, предназначенные для перевозки пехоты, воинов вспомогательных подразделений и вооружения к театру военных действий (Ascl., Tact., 1), а также боевые колесницы (Arr., Tact., 2,5 Roos).

[11] Интересно отметить, что этот же термин употребляют Геродот (IV, 28, 1; 71) и Гиппократ (De aër 18 Kuehl.) для обозначения скифских повозок.

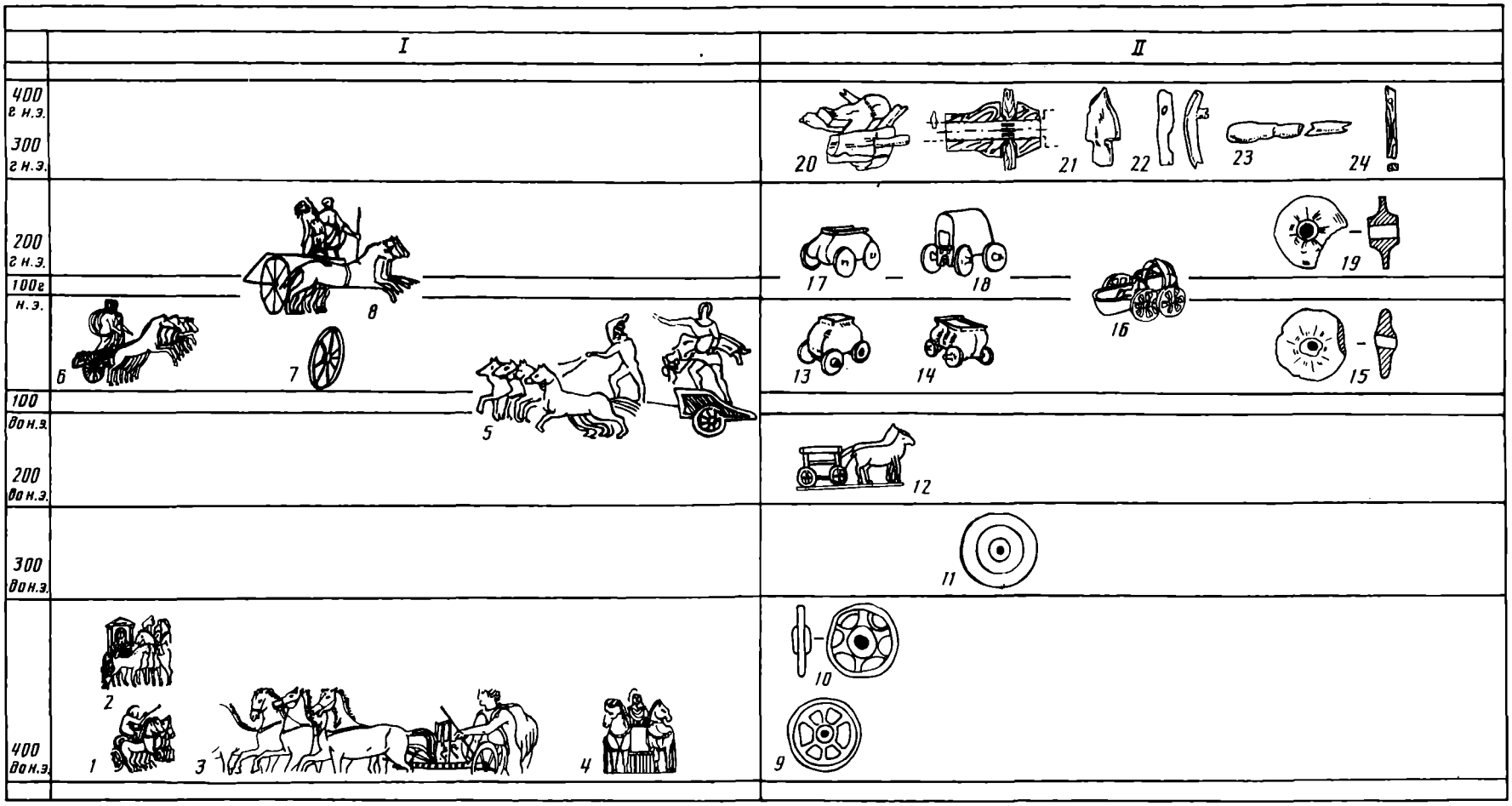


Рис. 3. Колесные транспортные средства Северного Причерноморья: I боевые и выездные колесницы; II — повозки и телеги

Приложение к рис. 3

Колесные транспортные средства Северного Причерноморья

Номер на рисунке	Хронология	Описание	На чем изображено или материал, из которого изготовлено	Способ изображения или изготовления	Место находки или изготовления	Публикация или место хранения
1	350—330 гг. до н. э.	Колесница	Монета, медь	Чеканка	Херсонес, городище, г. Севастополь, Крымская обл.	[55, с. 54, рис. 3]
2	350—300 гг. до н. э.	»	Надгробие, известняк	Рельеф	Трехбратний курган, Ленинский р-н, Крымская обл.	[56, с. 133, рис. 3]
3	400—300 гг. до н. э.		Пластинка из слоновой кости	Резьба	Курган Куль-Оба, г. Керчь, Крымская обл.	[51, с. 89, рис. 26]
4	III в. до н. э.		Пластина, золото	Торевтика	Курган Карагодеуахш у ст. Крымской, Краснодарский край	[57, с. 75, табл. 318]
5	Последние десятилетия I в. до н. э.— первые десятилетия I в. н. э.	»	Склеп Алкима Гегесиппова	Роспись	Пантикапей, городище, г. Керчь, Крымская обл.	АДЖ, атлас, табл. XLIX
6	I—50 гг. н. э.	»	Склеп Деметры	»	То же	АДЖ, атлас, табл. LVI, LIX
7	Конец I—II в. н. э.	Колесо от колесницы	Двойной склеп 1873 г.	Фрагмент росписи		АДЖ, атлас, табл. LXIV, *4*
8	Вторая половина I — начало II в. н. э.	Колесница	Склеп, открытый А. Б. Ашиком	Роспись		АДЖ, атлас, табл. LXXXIX, *1*
9	400—200 гг. до н. э.	Колесо от повозки, модель	Бронза	Литье	Погребение у с. Широкое 2, кург 63, Скадовский р-н, Херсонская обл.	[33, с. 110, рис. 3(1)]
10	То же	То же	Свинец	»	Кург. 11, погребение 7 у с. Львово	То же
11	300—275 гг. до н. э.	»	Кость	Резьба	Ольвия, городище, с. Парутино, Николаевская обл.	[58, табл. XLIX, с. 234]
12	200—100 гг. до н. э.	Повозка, модель	Монета Скилура	Чеканка	То же	[33, рис. 4, с. 111]
13	I—III вв. н. э.	Повозка, модель	Глина	Лепка, обжиг	Пантикапей, городище, г. Керчь, Крымская обл.	[31, табл. IV]
14	То же	То же	То же	То же	То же	[31, табл. VI]

Продолжение приложения к рис. 3

Номер на рисунке	Хронология	Описание	На чем изображено или материал, из которого изготовлено	Способ изображения или изготовления	Место находки или изготовления	Публикация или место хранения
15	Римское время	Колесо от повозки, модель	»	»	Патрей, городище: пос. Гаркуша, Темрюкский р-н, Краснодарский край	ИА АН СССР, ЗП-86, подъемный материал в море, у разрушающихся слоев «батарейки»
16	»	Повозка, модель	»		»	[59, табл. XX. *2*]
17	100—300 гг. н. э.		»	»	»	[59, табл. XX, *3*]
18	То же	»	»	»		[59, табл. XX, *1*]
19	100—300 гг. н. э.	Колесо от повозки, модель	»		Городище у с. Михайловка, Ленинский р-н, Крымская обл.	ИА АН СССР, хранилище находок
20	300—400 гг. н. э.	Часть колеса, ступица	Дерево	Плотницая работа	Кепы, городище, пос. Сенной, Темрюкский, р-н, Краснодарский край	[59, табл. XX, *2*]
21	То же	Часть колеса	То же	То же	То же	[59, табл. XX, *5*]
22	»	Часть колеса, обод		»		[59, табл. XX, *7*]
23		Часть колеса, спица	»	»		[59, табл. XX, *6*]
24		Часть колеса, обод	»		»	[59, табл. XXI, *3*]

ва свидетельствуют удобная система его сухопутных коммуникаций и находки на городище большого количества лошадиных костей, особенно в слоях римского времени. Эти находки связаны с увеличением роли конницы в боспорском войске первых веков новой эры и, следовательно, с увеличением удельного веса коневодства на сельских поселениях Боспора [36, с. 98, 99]. Этот вывод подтверждает и рис. 3, свидетельствующий о возрастании роли колесного транспорта на Боспоре в I—III вв. н. э.

В V—II вв. до н. э. коневодство также играло большую роль, в это время на сельских поселениях европейского Боспора лошади составляли до 1/5 всего стада [16, с. 20]. Таким образом, эту отрасль хозяйства для жителей городища у с. Михайловка можно определить как традиционную, т. е. существовавшую в разные периоды жизни памятника. Отметим, что развитие на городище у с. Михайловка животноводства еще раз подчеркивает важное значение сухопутных коммуникаций для жителей городища — по этой дороге они могли перегонять скот на продажу в Пантикапей.

Совокупность этих данных в какой-то мере дает представление о средствах передвижения и перевозки грузов, использовавшихся жителями городища.

Немногочисленность находок монет раннеэллинистического времени на данном городище при наличии некоторого количества синхронных им привозных изделий в какой-то мере подтверждает мнение И. Т. Кругликовой о том, что в это время денежное обращение на поселениях, расположенных во внутренних районах Керченского полуострова, не было активным [37, с. 119].

Однако само по себе это заключение не дает оснований преувеличивать роль натурального обмена в жизни данных поселений [38, с. 52, 53]. В этой связи необходимо вспомнить вывод К. Маркса о том, что в целом масса денег, находящихся в обращении в определенный отрезок времени, является устойчивой усредненной величиной, не меняющейся при изменениях товарных цен и количества товаров, находящихся в сфере обращения (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 129—131) [12] Применительно к археологическим памятникам античного времени этот вывод позволяет рассматривать всю совокупность монет, обнаруженных на том или ином памятнике, как репрезентативную выборку из данной усредненной величины для более или менее продолжительного отрезка времени.

Иначе говоря, при изучении степени активности денежного обращения на сельскохозяйственной территории античного государства необходимо учитывать не только количество монетных находок (которое само по себе не дает оснований для глубоко идущих выводов) [13], но и состав монет, полноту отдельных монетных выпусков в данной выборке, преобладание тех или иных номиналов, характер преемственности между представленными в ней монетными эмиссиями, археологический контекст находок, а также тип изучаемого памятника и его положение (статус) в системе античного государства [14]. Ведь, например, некоторые поселения, расположенные в центральных районах европейского Боспора, принадлежали осевшим на землю скифам [16, с. 68, 69], находившимся на более низкой, чем греки, ступени общественного и экономического развития. Вполне вероятно, что какая-то часть привозных предметов и ремесленной продукции могла быть получена жителями этих поселений в обмен на излишки сельскохозяйственной продукции. Показательно, что на других, аналогичных памятниках Северного Причерноморья (Елизаветовское городище, позднескифские поселения в Юго-Западном Крыму) малочисленность и нерепрезентативность монетных находок наряду с большим количеством привозных изделий позволяют предположить наличие активного обмена [41, с. 89; 42, с. 117].

---

[12] Связь здесь обратная: увеличение по той или иной причине денежной массы, находящейся в обращении, влечет за собой повышение цен, а не наоборот (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 88, 89, 103).

[13] Иногда ставится вопрос о параллельном сосуществовании на хоре форм натурального обмена и денежного обращения [39, с. 31].

[14] Источниковедческую классификацию монетных находок см. [40, с. 107—111].

Некоторые исследователи [43, с. 35] полагают, что меновая торговля в античную эпоху имела широкое распространение, связывая самое ее существование с тем, что в это время преимущественное значение имело производство потребительных, а не меновых стоимостей продукта (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 313, 314. Т. 23. С. 247). Иначе говоря (и это хорошо видно на примере изучаемого городища), значительная часть вещей, производимых в том или ином населенном пункте античной эпохи, сама по себе не являлась товаром, но становилась таковым лишь в процессе обмена [44, с. 94, 95]. Отсюда вполне понятно, почему проникновение денег на сельскохозяйственную территорию полиса не было активным: по существу поселения хоры являлись самодовлеющими хозяйствами [3, с. 230; 38, с. 52—53; 45, с. 107] [15].

Этот тип хозяйства мог существовать и на Боспоре, но проследить археологически его трудно: сельские жители хотя бы изредка должны были появляться в городе, чтобы приобрести сельскохозяйственные орудия, парадную посуду, оливковое масло и т. п. (ср. Plat., Resp., 370 C). Нельзя исключить и эпизодические наезды на поселения скупщиков урожая и купцов, совершавших меновую торговлю [16, с. 221]. Однако и в этом случае количество монет, найденных на памятниках такого рода, будет небольшим и непрезентативным. В качестве известной параллели можно привести земледельца (αὐτουργός) из трагедии Еврипида «Электра» (ст. 426—430), которого полностью обеспечивает участок земли; деньги же необходимы ему лишь для получения большего веса в обществе (ὥς ἔχει μέγα ὐθένος) и оплаты непредвиденных расходов, например услуг врачей в случае тяжелой болезни [16]

В нашем случае наличие регулярной сетки земельных наделов и развитой системы дорог, позволяющей вывозить с каждого надела готовую продукцию, говорит о хорошо налаженном товарном производстве. При этом присутствие на городище очень небольшой выборки монет раннеэллинистического времени, вернее — наличие в этой выборке отдельных номиналов, принадлежащих разновременным монетным сериям (причем все монеты обнаружены в погребениях курганного могильника севернее городища, где они были использованы в качестве «оболов Харона» [11, с. 5, № 1, 4, 5], свидетельствует о том, что регулярного денежного обращения на городище не существовало. Однако в культурных напластованиях боспорских городов число находок монет местной чеканки увеличивается начиная со второй половины IV в. до н. э. Эти находки распределяются по последовательно сменяющим друг друга монетным сериям, которые в свою очередь представлены с достаточной полнотой номиналов (при преобладании среди них мелких и средних) [47, с. 34, 35]. Они являются свидетельством концентрации денежного обращения внутри города и ведущей роли последнего в развитии оптовой и — в большей степени — розничной торговли [3, с. 240—242]. Именно в городе жители сельских поселений могли реализовывать излишки сельскохозяйственной продукции, покупая на вырученные деньги необходимые товары [17] В эту систему экономических связей, обусловившую ограниченное проникновение монеты на хору, были втянуты и жители изучаемого городища.

Некоторое увеличение роли натурального обмена во внутренней торговле на Боспоре наблюдается в первой половине III в. до н. э. [48, с. 67, 68]: кризис денежного обращения, выразившейся в систематическом обесценении медных

---

[15] По-видимому, необходимо сделать исключение для крупных рабовладельческих хозяйств, специально ориентированных на рынок.

[16] Может быть, такой тип хозяйства существовал в северных районах Керченского полуострова, где для VI—V вв. до н. э. эпиграфически засвидетельствованы небольшие земельные участки, которые принадлежали гражданам небольшого полиса и имели сравнительно невысокую урожайность [46, с. 140, 141].

[17] Такое положение дел, например, хорошо засвидетельствовано в аттическом материале второй половины V — начала IV в. до н. э. (Aristoph., Acharn., 33—36, 623—625, 874—800; Pas, 367—368, 999—1005, 1198—1205 и др.).

монет местной чеканки, составлявших основу денежного обращения на Боспоре в этот период [47, с. 35, 36; 49, 31—42], не нанес ущерба развитию ремесла и внешней торговли, а перестройка структуры хозяйства на сельских поселениях, связанных с рынком, позволила менее болезненно пережить перемены в экономической ситуации [50, с. 116; 51, с. 107]. Показательно, что в этот период в городах и на сельских поселениях европейского Боспора повышается роль скотоводства [16, с. 102—128, 129; 51, с. 100, 104, 105] Не случайно живший в конце III — последней четверти II в. до н. э. Полибий на первом месте среди статей экспорта из понтийских стран называет скот (Polyb., IV, 38, 4). Очевидно, в III в. до н. э. в Пантикапее существовал крупный скотный рынок, куда перегоняли стада на продажу и жители городища у с. Михайловка, что также способствовало укреплению экономических связей этого поселения со столицей Боспора [18]

Следует отметить, что увеличение денежной массы при уменьшении массы товарной, находившейся в это время в обращении на Боспоре, безусловно приведшее к росту цен, нашло отражение и в составе монетных находок на городище у с. Михайловка. Самые ранние монеты, найденные здесь, относятся к периоду денежного кризиса.

Подводя итоги, мы хотели бы отметить, что экономические связи жителей данного городища в IV—III вв. до н. э. не были интенсивными, а складывались спонтанно, при возникновении необходимости в сельскохозяйственном инвентаре и привозных продуктах питания. Среди последних преобладала продукция южнопонтийских центров: Синопы и Гераклеи Понтийской. При этом Синопа являлась основным поставщиком оливкового масла на боспорские рынки [19], в меньшей степени — вина [20] Из Гераклеи главным образом вывозилось вино [21] В эллинистическое и римское время одной из статей гераклейского экспорта являлись грецкие (персидские) орехи [54], скорлупа которых найдена при раскопках культурных слоев этого времени на городище у с. Михайловка, что, впрочем, не исключает и местного происхождения этих продуктов.

Городище у с. Михайловка располагалось в контактной зоне Пантикапея, и в соответствии с этим столица Боспора может быть названа центром тяготения для жителей городища в IV—III вв. до н. э. Ведущей формой экономических связей, существовавших между исследуемым городищем и Пантикапеем, являлся товарный обмен. Для приобретения ремесленной продукции и привозных товаров жители городища могли предоставить на обмен и(или) продажу излишки сельскохозяйственной продукции и промыслов. Среди отраслей сельского хозяйства на городище во все периоды его существования зафиксированы скотоводство, разведение зерновых (ячмень, пшеница, просо) и бобовых (чина, чечевица) культур, садоводство (яблоня), виноградарство, а из промыслов — рыболовство и охота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
2. *Кузищин В. И.* К. Маркс об античной экономике // ВДИ. 1983. № 2.
3. *Кошеленко Г А.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1984.

---

[18] О составе стада на городище у с. Михайловка в эллинистическое и римское время см. [30, с. 28, табл. III]

[19] О посадках культурной маслины на синопской хоре см. (Strab., II, I, *15;* XII, *3, 12*).

[20] О виноградарстве и виноделии в Синопе письменные источники не сообщают, но в легендах синопских клейм и на монетах часты эмблемы, прямо или косвенно связанные с этой отраслью сельского хозяйства [52, с. 87, 88, 92, 97].

[21] О гераклейском вине см.: (Xenoph., Anab., VI, *4, 6,* 5, *1;* 6, *1;* Theophr., De odor., IX, 52 = Athen. 1, 58, 32b). Есть основания полагать, что на гераклейской хоре выращивались и культурная маслина, но оливковое масло вряд ли являлось объектом широкого экспорта из Гераклеи [53, с. 224].

4. *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // МИА. 1955. № 19.
5. *Кругликова И. Т* Торговля в сельских поселениях Боспора // КСИА. 1972. Вып. 130.
6. *Щеглов А. Н.* О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э.// КСИА. 1974. Вып. 138.
7. *Брашинский И. Б.* Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
8. *Петерс Б. Г* Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г.// КСИА. 1965. Вып. 103.
9. *Ефимова Г М., Кожин П. М., Петерс Б. Г* Охранные раскопки курганного могильника у с. Михайловка // КСИА. 1972. Вып. 130.
10. *Петерс Б. Г* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
11. *Петерс Б. Г* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. 1978. Т. XII.
12. *Петерс Б. Г* Исследования Михайловской экспедиции // АО — 1983. М., 1985.
13. *Петерс Б. Г* О работах Михайловской экспедиции // КСИА. 1985. Вып. 182.
14. *Петерс Б. Г., Абрамов А. П.* Красноглиняные амфоры и кувшины из раскопок городища у с. Михайловка // КСИА. 1987. Вып. 191.
15. *Авдеев А. Г., Абрамов А. П., Петерс Б. Г* Функциональная характеристика керамической тары V—II вв. до н. э. с городища у села Михайловка // СА. 1989. № 4.
16. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
17. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116.
18. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд. АН СССР, 1953.
19. *Петерс Б. Г* Терракоты городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г1-11.
20. Терракоты Северного Причерноморья. Ч. III. Пантикапей // САИ. 1970. Вып. Г1-11.
21. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949.
22. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э.// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984. М.: Наука, 1985.
23. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья. 7 О нимфейской гавани // ВДИ. 1984. № 4.
24. *Андреевский А. А.* Замечания о лесоводстве и необходимости разведения лесов в южных губерниях России // Лесной журнал. 1834. Ч. III.
25. *Дюбрюкс П.* Керменджик или дворец царей Воспорских // ЗООИД. 1858. Т. IV
26. *Мамин М. М.* Тропа Боткина. Симферополь: Крым, 1969.
27 *Петерс Б. Г* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
28. *Бордон В. А.* Камни: мистика и реальность. Минск: Наука и техника, 1985.
29. *Петерс Б. Г* Работы Михайловской экспедиции // АО-1980. М., 1981.
30. *Петерс Б. Г* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986.
31. *Беньковский П. О.* О терракотовых повозках из Керчи // ИАК. 1904. Вып. 9.
32. *Кожин П. М.* О сарматских повозках // МИА. 1969. № 169.
33. *Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
34. *Сибирский А. А.* Пан, бог-покровитель Пантикапейской территории по монетам Боспора Киммерийского // ЗООИД. 1860. Т. IV.
35. *White K. D.* Farm Equipment of the Roman World. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1975.
36. *Шургая И. Г* Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 174.
37 *Кругликова И. Т* Монеты из поселения у дер. Семеновки // НЭ. 1963. Т. IV
38. *Рубан В. В., Урсалов В. В.* История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии в догетское время // ВДИ. 1986. № 4.
39. *Абикулова М. И., Пиворович В. Б.* Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея) // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
40. *Потин В. М.* Введение в нумизматику // Тр. ГЭ. 1986. Т. XXVI.
41. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
42. *Высотская Т Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
43. *Бадальянц Ю. С.* Экономические связи эллинистического Родоса: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1987
44. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1986.
45. *Finley M.* The Ancient Economy. L., 1972.
46. *Масленников А. А.* Новое о боспорских землепашцах // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья. М., 1985.
47 *Шелов Д. Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э.// НЭ. 1965. Т. V
48. *Брабич В. М.* Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.// КСИИМК. 1956. Вып. 66.

49. *Шелов Д. Б.* Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э.// СА. 1981. № 2.
50. *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 9. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э.// ВДИ. 1961. № 4.
51. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
52. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН, 1928.
53. *Авдеев А. Г* К вопросу о маслиноводстве в Гераклее Понтийской (тез. докл. на III Юбилейных Сергеевских чтениях кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ) // ВДИ. 1984. № 1.
54. *Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1.
55. *Бертье-Делагард А. Л.* Монетные новости городов Тавриды // ЗООИД. 1911. Т. 30.
56. *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977
57 *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Ленинград: Артия, Сов. художник, 1966.
58. *Наливкина М. А.* Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.// Ольвия. Т. 1. Киев: Изд. АН УССР, 1940.
59. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.

B. G. PETERS, A. G. AVDEYEV

ECONOMIC TIES OF AN ANCIENT SETTLEMENT AT THE VILLAGE OF MIKHAILOVKA IN THE 4TH-3RD CENTURIES B. C.

Summary

The authors recreate the economic ties of the ancient fortified settlement at the village of Mikhailovka (Lenin District, Priozersk, the Crimea) that existed between the late 4th and the mid-3rd centuries B. C. They relied on the archaeological studies and the finds of amphora fragments, amphora stamps, coins, terra-cotta figurines and glyptics from the settlement with their archaeological context taken into account. Barter was the main form of trade that took place in Panticapaeum, Tiritaka and Nymphaeum connected with the settlement by the land and water route. People from the settlement exchanged their surplus agricultural produce for handicrafts and imported foodstuffs (olive oil and wine) in pottery containers.

А. Г. ЛАПШИН

ДВА ПОРТРЕТА ИЗ МАНСУР-ДЕПЕ

Парфянская культура как категория эпохи эллинизма представляет собой результат взаимодействия, синтеза традиционных местных восточных культур и цивилизации эллинского мира [1, с. 204]. Власть царствующей династии Аршакидов даже в периоды своего апогея не была настолько сильна, чтобы способствовать созданию социально-культурных унифицированных структур на всех территориях, подчиненных ей [2, с. 189]. Отражением отсутствия этой унифицированности явилось то, что процесс взаимодействия западных и восточных элементов в разных регионах Парфянского царства шел неодинаково [3, с. 216—214]. В этом аспекте парфянская культура представляет собой довольно неоднородное явление.

При вычленении собственно парфянской традиции особое значение приобретают материалы по истории Парфиены — территории, давшей начало Парфянскому царству [4, с. 5—74]. В ходе археологического изучения Парфиены — практически только за 30 лет — получено огромное количество материалов [1, с. 209—225], совсем недавно пополнившихся новыми данными.

Летом 1986 г. были возобновлены раскопки Мансур-депе — храмового комплекса парфянского времени, расположенного севернее городища Новая Ниса, на расстоянии ~ 3 км. При расчистке полов айвана Главного храма был обнаружен фрагмент тонкостенного хума с портретом молодой женщины на внешней стороне (рис. 1).

Изображение оплечное, в фас: овальное лицо; четко выведенные несимметричные линии бровей, переходящие в контуры носа; крупные выразительные глаза; полные губы, немного растянутые в полуулыбке; плавно очерчены длинная шея и узкие плечи. На голове женщины изображены либо прическа — зачесанные назад и уложенные вокруг головы волосы, либо головной убор круглой формы с изображенными на нем волнистыми линиями и кружками, возможно собственно украшениями убора. В ушах женщины продеты серьги в виде крупных колец. Шею и плечи женщины отделяют две параллельные линии. Левая часть верхней линии раздвоена. Вероятно, эти линии были проведены после того, как прорисовка черт лица была закончена. Сначала была проведена нижняя линия, затем верхняя. Видимо, для художника было важно выдержать расстояние между линиями неизменным. Но нижняя линия изначально была проведена неверно — уведена влево вниз, поэтому и полоса в целом была скошена влево вниз. Автор «подправил» изображение, нарушив ширину полосы между линиями и добившись проведением новой линии большей симметричности и правильности очертаний изображения.

Портрет выполнен в строгой линейной манере. Великолепны мастерство художника, уверенность его руки: портрет отличает реалистичность при простоте приемов изображения. По существу, пользуясь лишь непрерывной линией по контуру, при отсутствии штриховки и теней мастер создал цельный образ молодой красивой женщины. Благородные черты лица, статность осанки не превращают изображение в символ, а в сочетании с плавностью и несимметричностью линий контура делают портрет живым и реалистичным (рис. 2).

© А. Г Лапшин, 1990 г.

Рис. 1 Портрет женщины из Мансур-депе на фрагменте тонкостенного хума

Это впечатление усиливают крупные выразительные глаза: отведенный немного влево взгляд женщины спокоен и полон достоинства. В сочетании же с полуулыбкой взгляд привносит в образ некоторую долю иронии и женского кокетства. Благородство и величавость портрета вместе с дорогими украшениями, думается, указывают на то, что перед нами образ женщины, занимающей значительное положение в обществе,— знатная дама или богиня.

По характеру скола краев черепка трудно судить о том, был ли нарисован портрет на целом сосуде или лишь на его фрагменте. Других фрагментов данного сосуда с рисунком обнаружить не удалось. Фрагмент был найден лежащим на неровном строительном полу портретом вниз. На внутренней стороне фрагмента сохранились остатки растертых красок, аналогичных краскам, использованным при росписи стен айвана [5, с. 47—50; 6, с. 155—161]. Видимо, внутренняя сторона фрагмента служила своеобразной палитрой для мастера, расписывавшего айван.

Вместе с осколком сосуда с портретом молодой женщины из заполнения между полами айвана Главного храма получено незначительное количество фрагментов красноглиняных керамических сосудов: чаши с плоским дном без выступов, плоскодонные кувшины яйцевидной формы с цилиндрическим венчиком, узкогорлые и широкогорлые горшки с размеренно округлым туловом. Керамика аналогичных форм широко использовалась в Парфиене в период начиная со II в. до н. э. по II в. н. э. [7, с. 95—97; 8, с. 79—94]. Это в сочетании со сделанными ранее находками [9, с. 35—39] дает основания отнести найденный нами портрет к группе образцов парфянского искусства. Учитывая место находки осколка с фрагментом (лежал на строительном полу, т. е. был использован в самом начале периода существования помещения), можно предположительно уточнить датировку — II—I вв. до н. э. Одновременно необходимо отметить, что бесспорных свидетельств столь четкой датировки нет.

Портрет отличают некоторые особенности иконографии. Условность прие-

Рис. 2. Портрет женщины из Мансур-депе. Прорисовка

мов, использованных художником, не позволяет определить точно, в головном уборе женщина или без него. Изображение женщины без головного убора, с волосами, лишь уложенными в прическу, часто встречается в изобразительном искусстве Средней Азии античного времени и раннего средневековья: монументальные росписи Топрак-калы [10, с. 170, сл.] и Балалык-тепе [11, с. 129], вазопись и коропластика Маргианы [12, с. 97, сл.; 13, с. 117] дают примеры таких изображений. Но все указанные примеры, за исключением терракотовых фигурок из Маргианы, относятся к поздней античности или раннему средневековью — времени, когда идеологические концепции, художественные вкусы и иконография изображений отличались от господствовавших во II—I вв. до н. э. [14, с. 92, 93] образы росписей Топрак-калы и Балалык-тепе, вазописи Маргианы представляют собой иконографический тип женщины с волосами, либо заплетенными в косы (Балалык-тепе, Маргиана), либо просто ниспадающими на спину и плечи (Топрак-кала). Коропластика Маргианы, активно развивавшаяся в период между III в. до н. э. и III в. н. э. [13, с. 117—173], почти не дает примеров изображений женщины без головного убора. Даже если в изображении головной убор как таковой отсутствует, то хорошо моделированная и рельефно детализированная прическа, как правило, покрыта платком [13, с. 122 сл.; рис. 2, *10, 13*]

Думается, более правильно считать, что на голове женщины изображен головной убор. В пользу этого говорят косвенные данные, например четкость линий контура при умении художника показать прическу лишь несколькими условными мазками. Среди маргианских терракот I—II в. н. э. обнаруживаются изображения женщин в не закрывающих лоб, украшенных рельефно выделенными круглыми бляшками головных уборах круглой формы [13, с. 131—136, рис. 13], иконографически очень близких изображенному на портрете из Мансур-депе. Эти же терракотовые фигурки сближают с портретом из Мансур-депе и крупные серьги в ушах, уверенно прорисованные в портрете и рельефно выделенные в терракотах. В парфянской иконографии выделяют три типа женских головных уборов: лента-повязка, гимантий-накидка, покрывающая голову, зубчатая корона [15, с. 132] Портрет из Мансур-депе представляет новый тип головного убора в парфянской иконографии — круглой формы, отдаленно напоминающий венец.

Другой, не совсем понятной деталью портрета является полоса на шее женщины. Прежде всего можно предположить, что это схематично изображен-

Рис. 3. Портрет мужчины из Мансур-депе II в. до н. э. Прорисовка

ное ожерелье. Но в таком случае непонятно, почему шейное украшение дано лишь условно — в форме полосы, а головной убор изображен с максимальной прорисовкой деталей — волнистые линии и кружки. Думается, более правильно считать, что полоса на шее женщины — это изображение ворота, полосы материала другого цвета, окаймляющей горловину платья. В таком случае становится понятным желание художника добиться стабильности ширины этой полосы, так как в реальности полоса должна была иметь неизменную ширину: в противном же случае покрой платья значительно усложнялся и нарушалась его симметричность. Платья аналогичного покроя были широко распространены в Центральной Азии античного и раннесредневекового времени [14, с. 97—99, 101; 15, с. 133]

Находка портрета женщины не единственный случай на Мансур-депе. В 1968 г. там был обнаружен портрет мужчины, выполненный также в линейной манере, на фрагменте толстостенного хума [16, с. 20]. На портрете изображен средних лет мужчина с бородой и усами (рис. 3). Четко и плавно очерчены брови и нос. Широко открыты крупные выразительные глаза. Усы с приподнятыми концами даны не одинаковой по толщине линией. Контуры рта и бороды показаны довольно условно: рот — прямой горизонтальной линией, борода — лишь несколькими мазками. От прически сохранилась лишь упавшая на лоб прядь волос. Портрет реалистичен и экспрессивен. Образ мужчины спокоен и величественен. Это достигается не столько плавностью линий портрета, сколько выражением глаз, наполненных мыслью и печалью. Но печаль, впечатление которой усиливают морщины на лице мужчины, лишь часть образа. Думается, главная его черта не трагизм, а сила мудрости и величия, которую выражают взгляд и плотно сжатый рост. Оборотная сторона черепка использовалась мастером как палитра, портрет датирован II в. до н. э. [9, с. 33—35].

Итак, на сегодняшний день мы располагаем двумя портретами из Мансур-депе: мужчины и женщины. При сравнении портретов выявляется следующее.

1. Портреты объединяет образность. В обоих случаях созданы цельный образ, довольно полно передано внутреннее состояние человека. Оба образа спокойны, величавы и полны достоинства.

2. Портреты выполнены в единой манере. Условность изображения некоторых элементов лица мужчины — бороды и рта — определена содержанием образа и отнюдь не противоречит четкому овалу лица женщины, хотя именно это несколько различает приемы изображения. В прорисовке лица мужчины преобладают мазки, в то время как в женском портрете основную изобразительную нагрузку несет непрерывная линия.

3. Оба портрета выполнены на фрагментах керамических сосудов, датируемых II—I вв. до н. э. Обнаружены они в заполнении между «строительным» и первым функциональным полосами. Оборотная сторона обоих фрагмен-

Рис. 4. Рисунок на кувшине из Ашшура II—III вв. н. э. Фрагмент

Рис. 5. Рисунок на фрагменте оссуария из Мерва III—IV вв.

тов использовалась как палитра. Затертые края фрагментов, несвежий сглаженный скол — явные свидетельства того, что для разведения красок фрагменты использовались спустя значительное время после того, как разбили сосуд. При сопоставлении самих фрагментов выявляется, что они были частями разных сосудов.

4. Стилистическое и типологическое единство мужского и женского портретов позволяет предположить с довольно высокой степенью вероятности, что их нарисовал один человек — мастер, расписывавший айван Главного храма Мансур-депе.

5. Портреты были нарисованы на разных сосудах (или на их фрагментах), но манера изображения, датировка, использование внутренней поверхности как палитры дают основание рассматривать эти портреты в паре. Определить персонажей изображения на данном этапе представляется довольно сложным.

Характер изображений (линейная манера, практически эскиз) вызывает определенные трудности в сравнении данных изображений с близкими им хронологически и типологически произведениями монументальной живописи, скульптуры, прикладного искусства. Тем не менее типологически портреты из Мансур-депе ближе всего стоят к рисункам на фрагментах кувшина из Ашшура (рис. 4) и оссуария из некрополя Мерва (рис. 5). В первом случае — на ашшурском рисунке — дана сцена возжигания священного огня в честь божественной или обожествленной пары [15, с. 117, рис. 44] На оссуарии из Мерва представлены две фигуры, изображающие погребальные пляски родственниц умершего [14, с. 162—163, рис. 82] В рисунках много общего: фронтальность поз, простота и условность приемов изображения. Портреты из Мансур-депе и мервский оссуарий сближает также определенная степень пластичности и выразительности изображений. Вместе с тем рисунки значительно отличаются друг от друга: реалистичность и яркость образов Мансур-депе резко контрастируют с неподвижностью утративших индивидуальность и духовность ликов участников ритуального возжигания огня из Ашшура. Типологически близкие сравниваемые изображения различаются хронологически: портреты из Мансур-депе — II—I вв. до н. э., ашшурский рисунок датируется II—III вв. н. э. [15, с. 117], фрагменты оссуария из мервского некрополя — III—IV вв. н. э. [14, с. 159]. В данном случае эти различия — художественные и хронологические — показательны для тенденции развития всего позднеэллинистического изобразительного искусства Ближнего и Среднего Востока — от реалистического портрета к канонизированному изображению [14, с. 158, 159]

При значительном различии степени выразительности и реалистичности рисунки из Ашшура и некрополя Мерва близки друг другу по идее изображения: в обоих случаях художника интересует изображаемый ритуал — позы, жесты людей, их одежда. В изображениях из Мансур-депе художник концентрирует

свое внимание на личностях портретируемых, их мыслях и чувствах. В то же время между ашшурским рисунком и портретами из Мансур-депе намечается определенная близость: в обоих случаях главные действующие лица — мужчина и женщина — сюжет довольно распространенный и зафиксированный в росписях Пальмиры [17, с. 151—153]. Дальверзин-тепе [18, с. 103], Балалык-тепе [11, с. 96, сл.], вазописи Маргианы [12, с. 99, 100]. Названные примеры использования данного сюжета, носят либо религиозный характер — изображение божественной пары или сцены поклонения божеству, либо представляют так называемое «официальное искусство», принадлежность к которому определяется не только «приемами изображения, но в большей степени конкретными задачами династийно-ритуальной тематики» [14, с. 80, 86] (сцены инвеституры, семейные портреты). В любом случае главные действующие лица выступают полными достоинства и величия. Эти черты являются главными для образов Мансур-депе. Итак, в анализируемых портретах выявляется определенная степень официозности — соответствия принятым в правящих кругах общества образам и правилам их изображения. Однако портреты из Мансур-депе не могут быть безоговорочно отнесены к «официальному искусству», так как представляют собой не законченные произведения, а лишь эскизы, что в свою очередь не дает возможности бесспорно определить идейное содержание произведений.

Типологическая близость портретов из Мансур-депе рисункам из Мерва и Ашшура, чисто восточным по своему характеру, и отсутствие аналогий в Средиземноморском регионе дают основание констатировать тот факт, что в исследуемых портретах нет следов влияния со стороны эллинского мира. Применительно к мужскому портрету эта особенность отмечалась ранее [16, с. 21] В этом смысле описываемые портреты отличаются от образцов изобразительного искусства расположенной рядом Нисы, где роль эллинских влияний была значительной [19, с. 41—55; 20, с. 48—71; 21, с. 36—44, 60]. Эта же черта отличает описываемые портреты от произведений искусства, происходящих из западных, сильно эллинизированных областей Парфии [15, с. 136] Думается, чисто восточный характер портретов из Мансур-депе можно объяснить следующим образом.

Как уже отмечалось выше, портреты представляют собой эскизы, т. е. варианты, в которых художник мог отступить от принятых норм изображения. В таком случае восточный характер портретов вполне соответствует официальной антиэллинской позиции парфянской знати [14, с. 99].

Портреты были нарисованы на керамических сосудах явно хозяйственного, а не декоративного назначения [7, с. 95, 96], видимо, предназначенных для простых людей, выступающих носителями местных, общеиранских по существу традиций, противников западных идей, привнесенных греками-завоевателями [2, с. 188, 189] Тогда восточный характер портретов — свидетельство силы местных традиций, значительной оппозиции эллинам и их преемникам среди простого населения.

В целом же яркие и самобытные портреты из Мансур-депе, представляя собой географически, хронологически и типологически парфянское искусство, выступают свидетельствами существования в искусстве Парфиены (как части всего царства) направления, основанного только на общеиранских изобразительных традициях — самобытной художественной культуры, не подверженной западным влияниям.

Интересен и другой аспект. Портреты из Мансур-депе, чисто восточные по своему характеру, относясь к памятникам парфянского искусства, не обнаруживают точек соприкосновения с произведениями ахеменидского искусства. Эта особенность описываемых портретов позволяет несколько по-иному взглянуть на концепцию всего эллинистического искусства, в образах которого подчеркивались индивидуализм, преувеличенное греческое начало, искусства, которое интересовалось прежде всего социальными мотивами, лирическо-интимны-

ми и будничными сторонами жизни, острее передавало чувства человека [22, с. 60]. Всем этим характеристикам отвечают и портреты из Мансур-депе. Их образное единство с произведениями искусства не только иранских областей (например, скульптура Халчаяна [23; 24, с. 305, сл.]), но и расположенных далеко на западе (например фаюмские портреты [25, с. 338—341, рис. 230, 231]), очевидно. В литературе довольно распространено мнение о том, что интерес эллинизма к социально-психологическим мотивам был определен «присутствием на востоке греков, привнесением их „натуралистических форм", их философской и научной мысли, их свободомыслия» [26, с. 184, 185]. Действительно, большинство произведений искусства эпохи эллинизма, например скульптура Нисы, декор строений Ай-Ханума, архитектура Пальмиры и т. д., выступает как результат взаимодействия греческих и восточных элементов [6, с. 460; 27, с. 7, сл.; 28, с. 32; 39, с. 494, сл.] Совершенно по-иному дело обстоит с портретами из Мансур-депе: при образности, свойственной эллинизму, в изображениях не удается выявить западные элементы. Гипотетически эту особенность чисто восточных портретов из Мансур-депе можно объяснить тем, что яркость и экспрессивность образов эллинизма были не столько заслугой и результатом воздействия греческой культуры, сколько объективно определены новым этапом развития всех находившихся тогда в контакте народов. Думается, именно поэтому образы и идеи, привнесенные завоевателями-эллинами и вследствие этого враждебные местному населению, были переосмыслены и широко распространились на Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР М.: Наука, 1985.
2. *Кошеленко Г А.* Послесловие // *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. М.: Искусство, 1985.
3. *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М.: Наука, 1966.
4. *Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Тр. ЮТАКЭ. 1955. Т. V
5. *Лелеков Л. А., Берлин Т И., Рузавин Ю. А.* Особенности росписей Мансур-депе по данным химического и спектрографического анализа // Каракумские древности. Вып. 2. Ашхабад, 1968.
6. *Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А.* Монументальная живопись Мансур-депе // Сообщ. ВЦНИЛКР, 1971. Вып. 26.
7. *Крашенинникова Н. И.* Отвал битой тары I в. до н. э. из винохранилища Старой Нисы // Изв. АН ТССР. СОН. 5. Ашхабад, 1963.
8. *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад: Ылым, 1975.
9. *Кошеленко Г А., Пилипко В. Н.* Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы // Каракумские древности. Вып. 2. Ашхабад, 1968.
10. *Топрак-кала.* Дворец // Тр. ХАЭЭ. 1984. Т. XIV
11. *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. Ташкент: Фан, 1960.
12. *Кошеленко Г А.* Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. 1966. № 1.
13. *Пугаченкова Г А.* Коропластика Древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. 1962. Т. XI.
14. *Кошеленко Г А.* Родина парфян. М.: Сов. художник, 1977.
15. *Colledge M. A. R.* Parthian Art. N. Y., 1977.
16. *Лелеков Л. А.* Осколок вазы из Мансур-депе // Памятники Туркменистана. 1971. № 1/11.
17. *Colledge M. A. R.* The Parthians. L., 1967
18. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии. М.: Искусство, 1982.
19. *Массон М. Е.* Некоторые новые данные по истории Парфии // ВДИ. 1960. № 3.
20. *Пугаченкова Г А.* Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967.
21. История изобразительного искусства. М.: Изобраз. искусство, 1984.
22. *Пугаченкова Г А.* Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971.
23. *Кошеленко Г А.* Рец. на кн.: Пугаченкова Г А. Скульптура Халчаяна. М., 1971 // СА. 1974. № 2.
24. *Афанасьев В. К., Луконин В. Г Пománцев Н. А.* Искусство Древнего Востока // Малая история искусств. М.: Искусство, 1976.
25. *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. М.: Искусство, 1985.
26. *Массон М. Е., Пугаченкова Г А.* Мраморные статуи Парфянского времени из Нисы // Ежегодник Ин-та истории искусств. 1956. М., 1957
27. *Кошеленко Г А., Мунчаев Р. М.* Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1968 гг.// Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
28. Всеобщая история архитектуры. Т. II. М.: Стройиздат, 1973.

A. G. LAPSHIN

TWO PORTRAITS FROM MANSUR-DEPE

Summary

There are still many vague aspects in the question about the content of Hellenistic culture and Parthian culture as its part. They resulted from the interaction between the Oriental and Western civilisations. This makes the new materials obtained from Parthiena, the centre of the state of the Arshakids very important. They are all the more interesting since they allow to analyse what were the local and the alien elements and how they interacted. In summer 1986 a woman's portrait was discovered in the temple complex Mansur-Depe. The woman was shown en face and outlined in black on a fine-walled pythos. It is dated to the 2nd-1st centuries B.C. One can surmise that it shows a goddess or a noble lady. The manner of execution and the circumstances in which the portrait was found indicate that it is close to a man's portrait discovered earlier. The rather scetchy manner of execution prevents one from associating the portraits on the semantic level. They have no direct analogies in the East and the West. Typologically they are close to the drawings on a jug from Assur (the 2nd-3rd centuries A. D.) and an ossury from Merv (the 3rd-4th centuries A. D.). Their dates and expressiveness allow to rank them among other objects of Hellenistic art. In this way, one can surmise that there was a trend in Parthian art that relied on the local (Iranian) traditions in graphic art.

А. И. МИНЖУЛИН

ТЕХНОЛОГИЯ ЗЕРНИ

Зернь — это один из приемов художественной обработки изделий из металлов. Его сущность заключается в том, что изделие украшается мельчайшими металлическими шариками, уложенными и припаянными на его поверхности в виде треугольников, ромбов, веточек, гроздьев и т. п. Иногда изделие сплошь покрывалось зернью, набранной строгими рядами; при этом каждое зерно было посажено на отдельное микроскопическое колечко, что придает изделию необычную изящность и неповторимую игру светотени.

Искусство зерни с давних пор было известно в Египте, Микенах, Греции, Византии, Древней Руси. Примерами необычайно высокого мастерства, которого достигли древние ювелиры, могут служить серьги из Феодосии (IV в. до н. э., Государственный Эрмитаж), золотые подвески и серьги, богато украшенные зернью, работы византийских мастеров VII—VIII вв., найденные у с. Глодосы и в Ольвии (Киевский музей исторических драгоценностей), серебряные звездчатые колты рубежа VII—XIII вв. из Тереховского клада (Государственный Русский музей), золотой звездчатый колт XII в. работы киевских мастеров (Киевский музей исторических драгоценностей).

М. М. Постникова-Лосева, касаясь технологии зерни, замечает следующее: «На очень древних изделиях, украшенных сканью и зернью, припой совсем не заметен, поражают необыкновенная чистота и четкость работы. Совершенно непонятным кажется, как могли быть укреплены тончайшие нити скани и едва видимые простым глазом зернышки зерни на таких украшениях, как знаменитая золотая серьга с квадригой из Феодосии...» [1, с. 205; 2, с. 9—15] (рис. 1, *1*).

Ф. Я. Мишуков писал: «Поставленная в конце XIX в. перед лучшими ювелирами Петербурга, а затем и перед приглашенными из Парижа ювелиром задача воспроизвести золотую серьгу из Феодосии (IV в. до н. э.) с квадригой и с зернью и филигранью оказалась невыполнимой из-за незнания способа пайки и состава припоя» [3].

На Руси зерненые изделия широко распространяются начиная с X в. Б. А. Рыбаков считает, что этому способствовал приток с VI—VII вв. зерненых и сканых изделий с Востока [4, с. 355] Анализируя зерненые изделия, трехбусинные кольца X—XIII вв., встреченные как в Киевской земле, так и в Переяславской, Черниговской, Псковской, Владимирской, а также зерневые киевские колты, Б. А. Рыбаков дает подробное описание размеров и количества зерен на этих изделиях. Так, на киевских колтах напаяно до 5000 зерен, а на некоторых серебряных лунницах — по 2500 зерен; на площади 1 $см^2$ укладывается 324 подобных зерна [4, с. 333].

Монголо-татарское нашествие и разгром Батыем Киева в 1240 г. прервали развитие ремесел и культуры Древнерусского государства. В Русской летописи сказано: «...Мастеры всяции бежаху из татар: седельницы и лучницы и тульнице и кузнеце железу и меди и серебру» [5]. Многие мастера погибли или были обращены в рабство, была забыта и утрачена техника перегородчатой эмали и зерни.

© А. И. Минжулин, 1990 г.

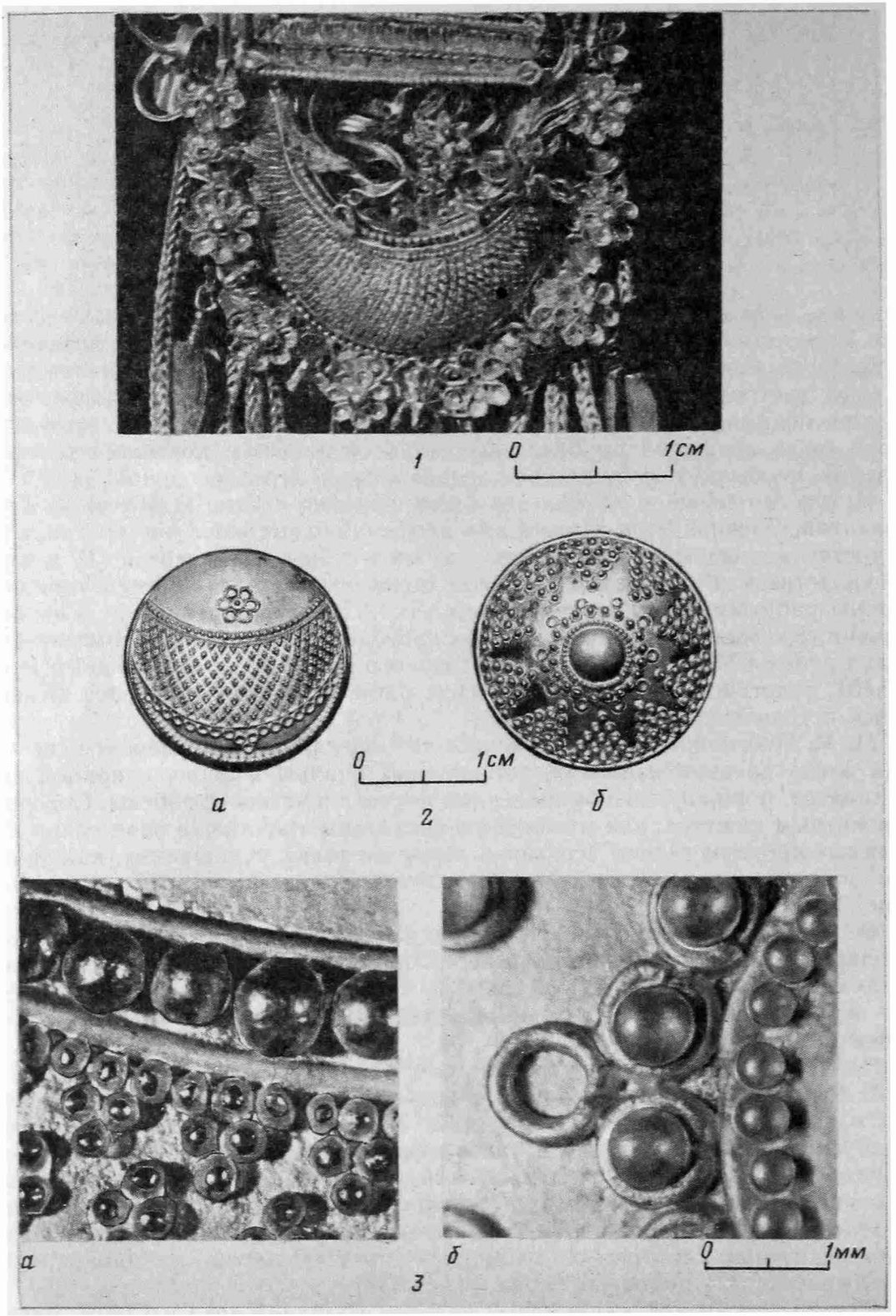


Рис. 1. Технология зерни. *1* — феодосийская серьга IV в. до н. э. (фрагмент с зернью); *2* — экспериментальные работы по реконструкции зерни (*а* — античная, *б* — древнерусская); *3* — пайка зерни: *а* — припой наносился на основу методом «лужения» и раскатывался; *б* — в качестве припоя использовалась гидроокись меди

В последние 100 лет у нас в стране и за рубежом вырос интерес к технологии зерни и филиграни. Во-первых, это чисто научный интерес к развитию ювелирного дела и ремесла в целом. Во-вторых, понятно стремление современников практически возродить технологию зерни. Немалый интерес представляет также техническая сторона пайки микроскопических деталей простыми средствами и методами, она интересует многих умельцев.

В наши дни материалы археологических раскопок и находки случайных кладов древнерусских украшений, зарытых во времена нашествия монголо-татар, вновь и вновь заставляют обращаться к теме, связанной с технологией производства древней зерни, с затратами труда при изготовлении зерненых изделий.

В связи с реставрацией древнерусских женских украшений XI—XIII вв. из нового киевского клада (1986 г.) в Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Министерства культуры УССР были проведены обширные научные исследования найденных материалов [6, с. 66—69] В состав клада входит группа высокохудожественных изделий, украшенных сканью и зернью. Чрезвычайный интерес вызвали трехбусинные серьги так называемого «киевского типа».

Почти во всех научных публикациях подобные украшения рассматриваются как своеобразные височные подвески. Это мнение основано на примере находок из погребений, где подобные кольца находили прикрепленными к ремешку или полоске ткани у каждого виска по несколько штук [4, с. 337—338; 7, с. 117, 221, табл. XIVII, 5]

В письменном источнике XII в.— «Чтение о Борисе и Глебе» рассказывается о женщине, которая молилась в притворе Вышгородской церкви: «И се внезапу испадоста еи злати колоци, иже ношаше в ушию своею и котишися...» [7, с. 24] В Ипатьевской летописи помещен рассказ о том, как в 1150 г. князь Владимир Галицкий потребовал контрибуцию с городов Волыни. Не имея чем откупиться, жители вынуждены были собрать украшения, переплавить их и отдать в счет контрибуции. «Они не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлючи серебро изо ушью и с шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру» [5, стб. 6658] Очевидно, височные кольца-серьги носили древнерусские женщины также и в ушах.

После очистки фрагментов трехбусинных сережек с помощью эндоскопа были обследованы внутренние поверхности бусин. Основа каждой представляет собой каркас из радиально набранной проволоки диаметром 0,2 мм, спаянной между собой, причем каркас составлен из двух полушарий, также спаянных вместе. Бусина покрыта зернью в 12 рядов, по 25 зерен в ряде, каждое зерно посажено на отдельное колечко. Размер зерен колеблется от 0,6 до 0,7 мм, диаметр колец под зернами — 1,2, диаметр проволоки колец — 0,17, общий размер бусин — 11 × 8 мм. Разделяющая бусины филигранная полоска имеет сечение 0,45 × 0,14 мм; проволока, из которой изготовлено кольцо серьги, имеет диаметр 1,25 мм. Общий размер серьги — 31 мм. Вес одной бусины — 1 г, всей серьги — 4,2 г В среднем одна трехбусинная серьга собрана из 2018 деталей, соединенных между собой методом пайки (рис. 2, *1*).

Спектральный анализ показал, что кольцо серьги состоит из сплава, в состав которого входят: серебро — 70%, медь — 15, золото — 6, никель — 4, цинк — 1,2%. В сплаве присутствуют следы свинца, железа, марганца, висмута [1]

Металлографические исследования зерен и основы, к которой они крепятся, дали следующие результаты: зернь, кольцо под ней и основа изготовлены из высокопробного серебра, содержащего не более 10% меди. Все указанные элементы соединены методом пайки. Припой подвергся коррозии, однако на

---

[1] Спектральный анализ проведен в лаборатории ГНИРМ МК УССР Г К. Волковым. Фонды ГНИРМ. П-№ 1307.

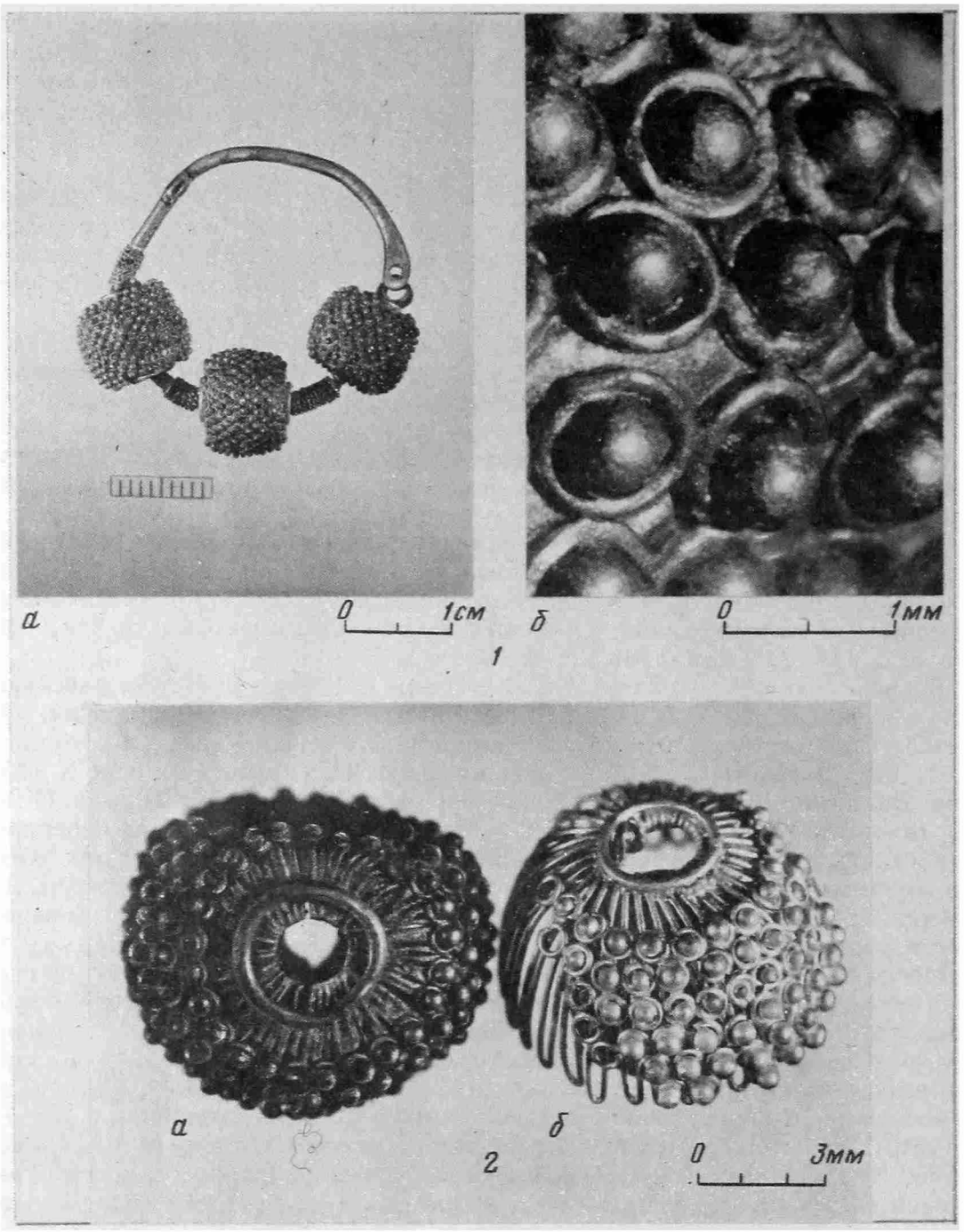


Рис. 2. *1* — трехбусинная серьга с зернью. Киевская Русь XII в. (*а* — общий вид после реставрации, *б* — фрагмент бусины с зернью); *2* — бусина XII в. из Киевского клада 1986 г и натурная реконструкция ее части

основе его строения можно предположить, что это был сплав, содержащий 20—30% меди. Продукты коррозии имеют в проходящем поляризованном свете желтый цвет [2]

Чтобы ответить на вопросы, касающиеся технологии производства зерненых изделий, нами была осмотрена большая группа ювелирных изделий VI—XIII вв., хранящихся в музеях УССР, а также проведен ряд эксперимен-

[2] Исследования проведены канд. техн. наук И. Г. Равич. Фонды ГНИРМ. П-№ 1307

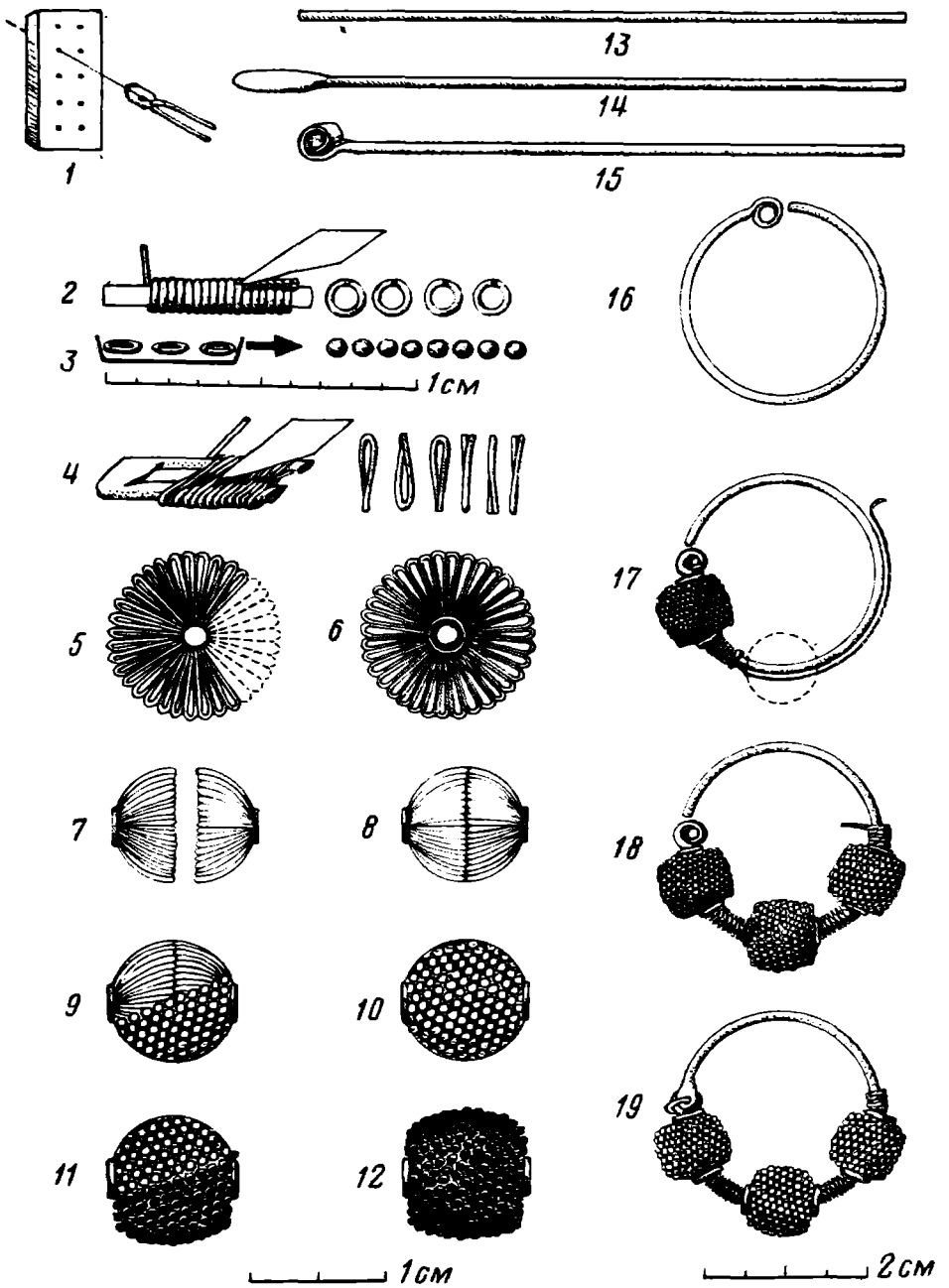


Рис. 3. Технология производства древнерусских трехбусинных сережек XII в. из Киевского клада 1986 г *1* — волочение проволоки; *2* — изготовление колечек; *3* — изготовление зерни (плавка колец в тигле с углем); *4* — изготовление петель для полушарий; *5* — набор «ромашки»; *6* — пайка соединительного кольца; *7* — дифовка полушарий; *8* — пайка шара; *9* — укладка колечек на шар; *10* — пайка; *11* — укладка зерни; *12* — пайка; *13* — заготовка для кольца серьги; *14* — расковка конца заготовки; *15* — загиб ушка; *16* — придание заготовке формы кольца; *17* — монтаж бусин и разделяющей скани; *18* — пайка скани; *19* — изготовление второго ушка и фиксатора

тов по опробованию известных по литературным источникам и публикациям рецептов и методик зернения.

Технология изготовления пластин, проволоки, зерни индивидуальным методом с древнейших времен и до наших дней не претерпела существенных изменений (рис. 3). Во все времена мастер плавил металл в тигле в горне, отливал в изложницу, проковывал и таким образом изготавливал пластину

трубуемой толщины. Современный мастер для расплавления металла может применять пламя горелки или электропечь [9—11] На створках браслета из киевского клада 1966 г отчетливо видны следы проката, что свидетельствует о применении в XII в. этого метода.

Проволоку в глубокой древности изготавливали так же, проковывая пруток до необходимого диаметра. После проковки пруток катали между каменными или металлическими плитами. Подобный прием обработки можно проследить на изделиях различных эпох и народов, однако на изделиях из вышеупомянутого клада использована проволока, изготовленная методом волочения.

Для изготовления проволоки применяется волочильная доска, которая представляет собой стальную пластину с рядом конических отверстий (в промышленных условиях применяются алмазные или твердосплавные фильеры). Откованный пруток — заготовку металла с заостренным концом последовательно протягивают через отверстия, постоянно проводя промежуточный отжиг и смазывание воском. Для получения колец проволоку навивают на круглый стержень, полученную пружину разрезают. Зернь получают при расплавлении одинаковых кусочков металла или колечек в порошке древесного угля [9, с. 26; 10, с. 256—261].

Для мастера во все времена эти процессы не были слишком сложны. Главная трудность при производстве зерненых изделий заключается не в изготовлении деталей, а в последовательности технологических приемов, процессе монтажа и способе пайки.

Теофил в трактате «О разных искусствах», в главе «Нанесение золотого припоя», рассказывает о технике зерни начиная с изготовления тигля для плавки металла. Сосуд (тигель) изготавливается из четырех частей песка, четырех частей глины и двух частей толченого красного кирпича и обжигается в горне. Чистое золото вытягивается в проволоку и прокатывется. Сплющенная проволока наматывается на стержень и разрезается на колечки. На дно сосуда кладется истолченный древесный уголь, затем золотые колечки, которые пересыпаются углем. В горне сосуд нагревается при равномерном дутье, сосуд при этом необходимо периодически встряхивать. После расплавления золота сосуд вынимается и охлаждается. Зернь отделяется от угля, промывается, сушится и просеивается [12, 13]

Просеянная и отсортированная зернь помещается в сосуд с раствором слезы вишни (камедь) и оттуда с помощью пинцета укладывается на изделие. После того как изделие готово и просушено, на зернь наносится кистью из свиной щетины золотая амальгама и осторожно разравнивается, чтобы не повредить орнамент из зерни. Соединение золота, серебра и ртути в соотношении 1:6 по весу производится при температуре темно-красного каления [3, с. 327; 11, с. 101, 102]. Затем изделие необходимо прогреть над углями; при этом клей выгорает, ртуть испаряется, а золотой припой остается. Теофил подчеркивает, что изделие необходимо дважды покрывать амальгамой. Окончательной и самой ответственной операцией является пайка. Для этого изделие ставится в горн (речь идет о зерненом кубке), обкладывается углями так, чтобы они не касались изделия, и при равномерном круговом дутье нагревается до тех пор, пока на поверхности изделия не появится блеск (игра) металла. Затем изделие кипятится в крепком растворе поваренной соли, промывается, сушится и чистится жесткой щеткой из свиной щетины. В случае, если зернь припаялась плохо, все повторяется, но нагрев ведется только в тех местах, где были исправления [12, с. 104, 105; 13].

Несколько иную методику разработал Ф. Я. Мишуков. Идею ему подал в 1927 г. директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов. Ф. Я. Мишуков считал, что древние мастера вместо сравнительно толстослойного золотого припоя (сплав 80% А + 20% А), обычно употребляемого при пайке, пользовались амальгамой; сплавив золото и серебро в этой же пропорции и принимая при-

пой за одну часть, они прибавляли к нему пять-шесть частей (по весу) ртути. Этой амальгамой покрывают, вернее — натирают, спаиваемые детали скани и зерни, на которые ложится, таким образом, тончайший слой припоя. Благодаря наличию ртути отдельные детали скани и зерни прочно прилипают к поверхности и друг к другу и точно удерживаются на нужных местах. Затем производится пайка, сопровождаемая нагревом металла. Ртуть испаряется, а тончайший слой припоя восстанавливается в виде твердого металла и скрепляет зернь [3]

Чтобы установить, не является ли в исследуемых нами изделиях пайка зерни амальгамной, мы провели дополнительные исследования в Институте металловедения АН УССР. Методом электронно-зондового анализа был исследован шлиф зерна с местом пайки к основе на остаточное присутствие ртути и строение структуры паянного шва. Параллельно были исследованы медная, золоченая амальгамным методом экспериментальная пластинка и входящая в состав клада золоченая ромбовидная подвеска. По данным анализа, следы ртути присутствуют только на экспериментальной пластине и ромбовидной подвеске. В зерненых бусинах и в местах пайки следов ртути не обнаружено.

Несколько раньше во ВНИИР И. Г Равич исследовала крепление зерни и бусины из клада, найденного в Смоленске. Здесь так же, как и в наших изделиях, ртуть не обнаружена. Структура паянного шва в обоих случаях литая.

Б. А. Рыбаков совершенно верно предположил, что в современной технике применяют составы припоев, аналогичные древним. Некоторые из приведенных им составов древних припоев [4, с. 332] в принципе соответствуют результатам наших лабораторных исследований.

Мы испытали методы пайки, описанные Теофилом и разработанные Ф. Я. Мишуковым. По Теофилу пайка дала положительные результаты. Мы меняли в своих опытах соотношение золота и серебра в составе припоя и вводили до 7% меди. Необходимо отметить, что пайка давала хорошие результаты с некоторыми отклонениями в ту или иную сторону.

Метод Ф. Я. Мишукова положительных результатов не дал по нескольким причинам. Он предлагает укладывать натертую амальгамным припоем зернь на амальгамированную основу, однако при выкладке зерни, аналогичной той, какой украшена феодосийская серьга, в процессе монтажа ртуть, входящая в состав амальгамы, успевала частично растворить микроскопические шарики. По этой причине весь кропотливый труд сводился к нулю. Второе — это сам процесс пайки. Ф. Я. Мишуков предлагает нагревать изделие до полного испарения ртути, температура кипения которой равна 357° С, в результате чего тончайший слой припоя восстанавливается в виде твердого металла, как и при огневом золочении. Это действительно так, но прочного скрепления деталей между собой в этом случае не происходит, так как прогрев необходимо вести до температуры выше 900° С, т. е. до полного расплавления припоя и его диффузии в основу изделия и шарики зерни.

Известно еще несколько методов зернения. Марк Розенберг описывает метод грануляции, примененный Ф. Штангером в Дармштадте [14, с. 12—13]. Штангер утверждает, что, когда кусочки золота расплавлялись в слое древесного угля и превращались в шарики, их поверхность обогащалась углеродом с образованием карбида золота. В результате этого температура плавления верхнего слоя шариков понижалась с 1064 до 900° С. На основу шарики укладывались с помощью слюны. Пайка проводится без флюса.

Э. Бреполь [10, с. 257, 258] приводит метод грануляции, запатентованный Литтлдейлом в Англии. По этому методу шарики изготавливаются так же, но для укладки их на основу применяют водный раствор гидроокиси меди и гуммиарабика в смеси 1:1. При нагревании клей выгорает, а гидроокись меди первоначально переходит в окись меди, при 850° С восстанавливается в чистую медь и сплавляется с металлом, образуя более легкоплавкий сплав, который прочно соединяет зернь с основой.

Прост метод, предложенный К. Фрейем [14]. Принцип его основан на том, что в сплав золота или серебра вводят небольшое количество меди. Шарики изготавливают на древесном угле, затем прокаливают их и основу до получения полной окисной пленки и после выкладки зерни проводят пайку с флюсом. В данном случае происходит восстановление меди из окислов с последующим образованием легкоплавкой зоны на поверхности основы и зерен.

По мнению Э. Бреполя, наиболее целесообразным является метод, разработанный Унгерером [10, с. 259]. Для изготовления зерненого изделия берется сплав золота не ниже 750 пробы. Шарики готовят на древесном угле так же, как при ранее изложенных методиках. Затем их промывают, сушат, выкладывают на основу с помощью разбавленного флюорона и проводят пайку.

При опробовании всех этих методик мы применяли как современные технические средства (газовую горелку, бензиновый паяльный аппарат, водородную горелку, муфельную печь), так и средства, доступные ювелирам древности (раскаленные угли, горн и пламя, получаемое при продувании воздуха при помощи конусной трубки через горящую свечу).

Опыты проводились при различных режимах нагрева и в различных вариациях. Преднамеренно велись перегрев и недогрев пластинок с зернью различных размеров. Полученные образцы тщательно изучались, на основе допущенных ошибок делались поправки.

По итогам наших опытов метод пайки зерни, предложенный Ф. Штангером, дает положительные результаты в том случае, если основа содержит небольшую присадку меди. Использование химического припоя по Литтлдейлю дает прекрасные результаты. Качество и чистота пайки в данном случае зависят от концентрации гидроокиси меди, которая прямо пропорциональна размеру зерен и устанавливается опытным путем (рис. 1, *3б*).

При опробовании методов Фрейя и Унгерера, по нашим наблюдениям, качественная пайка возможна только средней по размерам зерни (от 1 до 0,5 мм) при соответствующей толщине основы. В данном случае необходимо тонко улавливать момент пайки, а вернее — момент сварки деталей, так как малейший перегрев приводит к оплавлению всего изделия.

В итоге нами найден свой метод, по которому были изготовлены изделия с принципиальной реконструкцией зерни, аналогичной древнерусской (рис. 1, *2б*) и античной (рис. 1, *2а*). Для этого из золота не ниже 850 пробы или серебра не ниже 950 пробы изготавливаются зернь необходимых размеров и пластинка в несколько раз толще будущей основы. Для приготовления припоя берется необходимое количество этого же металла и сплавляется с медью в соотношении 5:1 по весу. Затем припой при помощи мелкого напильника стирается в стружку. Полученный порошок смешивается 1:1 с прокаленным флюсом, к полученной смеси добавляется немного воды, до получения кашицы. В агатовой или каменной ступке массу необходимо тщательно растереть таким же пестиком до получения однородной суспензии.

Приготовленная пластина смазывается припоем-суспензией с одной или обеих сторон тонким ровным слоем и нагревается до тех пор, пока припой не растечется. После удаления флюса должна получиться ровная блестящая поверхность. Затем пластинка проковывается или прокатывается до требуемой толщины, в результате этого слой припоя утоншается в несколько раз. Из полученной пластины вырезаются детали будущего изделия, изгибаются по форме украшаются сканью и зернью.

Зернь укладывается следующим образом. Детали и основа смачиваются очень слабым раствором флюорона и прогреваются до вишневого каления. Приготовленная зернь берется на кончик тонкой колонковой кисти, предварительно смоченной слюной, и укладывается на основу. Далее изделие медленно просушивается и нагревается до начала свечения металла, при этом шарики и накладные детали прочно приклеиваются размягченным флюсом к основе

и между собой. После охлаждения на воздухе изделие внимательно просматривается, дефекты исправляются.

Пайка является самым ответственным звеном технологического процесса. Для этого изделие равномерно нагревается до момента расплавления пленки припоя на основе металла, выдерживается 2—3 секунды и вынимается из горна или муфельной печи (пайку в электропечи необходимо проводить на куске древесного угля). После нагрева детали спаиваются только в местах соприкосновения с основой и между собой (рис. 1, *3а*). Этим методом возможно проводить качественную пайку зерни размером до 0,1 мм, т. е. таких микроскопических шариков на площади 1 см^2 можно поместить 10 000 шт.

Относительно затрат времени и разделения технологических процессов на основе хронометража, проведенного при изготовлении натурных реконструкций, можно предположить, что для изготовления трех сережек с девятью бусинами древнему мастеру потребовалось 23 дня в летние месяцы. В течение одного светового дня при достаточном профессиональном навыке современный мастер может проделать одну из следующих технологических операций: изготовить проволоку; изготовить кольца под зернь; изготовить зернь; изготовить два проволочных каркаса бусин; (рис. 2, *2б*), выложить зернью одну бусину (рис. 2, *2а*); провести пайку девяти бусин. Не все операции требуют непосредственного участия мастера. Такие процессы, как изготовление колечек, сортировка зерни, волочение проволоки, и многие другие подсобные работы могут быть выполнены помощником или учеником под наблюдением мастера.

Подводя итоги экспериментов и исследований, можно сделать вывод, что в древности единой технологии пайки зерни и скани не существовало, так как положительного результата можно достичь несколькими методами, которые могли быть доступны ювелирам древности. Главное — необходимо было понять принцип пайки и научиться наносить тонкий, более легкоплавкий слой припоя на поверхности спаиваемых деталей.

На основе проведенного хронометража можно утверждать, что массовость производства подобных зерненых изделий была исключена, несомненно и то, что стоимость их была очень высокой. По-видимому каждый мастер в древности шел своим путем, имел свои секреты и свою технологию. Все достижения зависели от его терпения, усидчивости, смекалки и накопленного предшествующими поколениями опыта, который передавался от отца сыну. Поэтому в каждом дошедшем к нам из глубины веков изделии мы находим индивидуальную технологию изготовления и можем уловить почерк мастера или мастерской.

Различные варианты технологии производства древних зерневых изделий требуют дальнейшего глубокого изучения на основе тщательного анализа конкретных памятников ювелирного искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М.: Наука, 1974.
2. *Постникова-Лосева М. М.* Русская золотая и серебряная скань. М.: Искусство, 1981.
3. *Мишуков Ф. Я.* Невидимый припой ювелиров древности // Тр. МВХПУ. 1962. Вып. 2.
4. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1908. Т. 2.
6. *Минжулин А. И.* Исследование и реставрация клада древнерусских женских украшений XI—XII вв. // Исследование, консервация и реставрация этнографических предметов. Рига, 1987.
7. *Седов В. В.* Восточные славяне VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
8. *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916.
9. *Андрющенко А. И.* Руководство золотых и серебряных дел мастерства. Нижний Новгород, 1904.
10. *Brepohl E.* Theorie und Praxis des Goldschmieds. Leipzig, 1962.
11. *Флеров А. М.* Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Высш. шк., 1981.

12. *Presbyter Theophilus*. Schedula Diversarum Artium. Budapest, 1986.
13. *Пресвитер Теофил*. Записка о разных искусствах // Сообщ. ВЦНИЛКР. 1963. № 7
14. *Rozenberg M.* Granulation Geschichte der Goldschmiedekunst auf techniseher Grundlage. Frankfurt-am-Main, 1918.

A. I. MINZHULIN

SOLDERING TECHNOLOGY

Summary

By investigating the objects from a Kievan hoard found in 1986 that contained women's ornaments of the 11th and 12th centuries and by comparing them with other similar things the author concluded that there were numerous personal shotting technologies.

Different technologies described in written sources were tried to make and solder on grains from 1 mm to 0,1 mm. Alloys of gold and copper (up to 25 per cent of copper) or silver and copper were used as a solder. Gold amalgam with up to 20 per cent of silver was also employed in the experiments.

The experiments and reconstructions allowed the author to identify four main methods of soldering: amalgam, tin-plating, dispersion and chemical.

История науки

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

СУДЬБЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССИИ И СМОЛЕНЩИНЫ В 20-е — 30-е ГОДЫ XX в.

В годы первой мировой и гражданской войн (1914—1918, 1919—1920) Белоруссия, как известно, попала в зону военных действий. В 1915 г. ее западную часть, а в 1918 г. всю ее территорию заняли кайзеровские войска, в 1919—1920 г. она была оккупирована легионерами Ю. Пилсудского. Прочно Советская власть установилась на Смоленщине в 1917 г. (хотя и тогда там шли бои), а в Белоруссии — в 1920 г. Ясно, что в эти времена никакой серьезной краеведческо-археологической деятельности на этих землях не было. Однако революционные события повсеместно всколыхнули интерес к своему народу, к его прошлому. Самостоятельно в разных местах возникали краеведческие кружки — в Слуцке [1, с. 8], Игуменском уезде [2]. Оживилась деятельность ряда дореволюционных учреждений соответствующего профиля: в 1921 г. Минское общество истории древностей провело даже раскопки курганов в Заславле под Минском [3, с. 40, 41], а Витебское отделение Московского археологического института (МАИ), по отзывам газет, «незаменимое учебное заведение» для «воспитания профессоров — знатоков Белоруссии» [4], возобновило занятия (420 студентов на трех факультетах). Однако это было время неуемной борьбы нового со старым. МАИ со всеми филиалами был закрыт (1922 г.), варварским ревизиям подвергались музеи и бибилиотеки, и все «чуждое» уничтожалось.

Отчаянное письмо бывшего директора Витебского отделения МАИ проф. Б. Р. Брежго ярко рисует то положение, в котором оказались древности в Витебске: «Архитектурные памятники разрушаются от времени и некоторые (...) грозят падением. (...) Церковная живопись гибнет в неремонтируемых храмах. Утварь упраздняемых храмов распродается. Курганы разрываются без разрешения (...) предметы расходятся по рукам, из общественной библиотеки (...) выбрасывается все негодное, куда входят история церкви Голубинского и Макария и т. п. издания. Из музейного имущества выделяется только то, что по их мнению является пригодным только для показательно-исторического музея при (Пед)институте, поэтому собрания икон, облачений и т. п. бывшего Церковно-археологического древлехранилища (собранные А. П. Сапуновым и Е. Р. Романовым.— *Л. А.*) будут, вероятно, куда-либо переданы, а оттуда м. б. будут распродаваться. Доводить об этом до сведения местных административных органов — бесцельно, а посылать доклады в ученые учреждения — рискованно, т. к. последствия докладов дойдут до этих местных органов» [5]

Формально в 1919—1921 гг. исследование и охрана древностей в Белоруссии были в руках Наркомпроса БССР, но на деле он справиться с этим не мог Требовалась специальная организация для проведения подобных работ. Так, в 1922 г. в Минске появился Институт белорусской культуры (Инбелкульт), который соединил в себе все, что относилось к изучению древностей республики. Во главе института стоял проф. М. В. Довнар-Запольский. Инбелкульт вскоре выделил из себя Центральное бюро краеведения (ЦБК), которое занялось регистрацией стихийных краеведческих организаций, координировало их

© Л. В. Алексеев, 1990 г.

работы. Почетным органом ЦБК стал замечательный краеведческий журнал «Наш край», в первом номере которого была помещена серьезная статья Н. Н. Щекотихина о фресках Бельчицкого монастыря XII в. в Полоцке — ныне наш единственный источник на эту тему, так как монастырь в начале 30-х годов был уничтожен [6, с. 22—26]. Из многочисленных общественных организаций, которых объединило ЦБК, более всего проявило себя Витебское общество краеведения во главе с М. Касперовичем (500 его членов входило в пять секций). На его заседаниях читались рефераты по местному историческому краеведению, и издавались даже «Труды» [7, с. 8; 8]. На Могилевщине древними памятниками занималось Могилевское бюро краеведения. В 1925 г. при институте были созданы три археологические комиссии, которые возглавляли раскопки, составляли археологическую карту и охраняли памятники. Благодаря их воздействию в 1924 г. удалось остановить разрушение Бельчицкого монастыря [9, с. 103, 104].

На Смоленщине в тяжелые революционные годы интенсивно работал по археологии основатель Рославльского музея С. М. Соколовский (1860—1927), раскопавший в 1918 г. 43 кургана, в 1919 г.— 55, в 1920 г.— 4 и т. д. Техник местного земства, он 20 лет изучал уезд и к началу 1922 г. подготовил его археологическую карту [10]. С открытием Смоленского университета (1918) энергичную археологическую деятельность начала его профессор Е. Н. Клетнова (1869 — после 1925 г.). В 1921 г. она организовала Смоленское археологическое общество (САО) [11, с. 13], возобновила разведки, а 1 апреля 1922 г. с ее помощью вышел первый номер краеведческого журнала «Смоленская Новь», посвященный, как там указывалось, «вопросам народного просвещения, школы и культуры местного края и республики» [12] Там неизменно освещались вопросы местной археологии и этнографии. 15 марта 1922 г. Е. Н. Клетнова как председатель САО и Комиссии по составлению словаря края обратилась к читателям первого номера журнала с просьбой присылать «смоленские характерные слова» [13, с. 14], а в № 4 сообщала о своих новых раскопках в Гнездове [14, с. 14] В 1923 г. она добилась постановления губисполкома об охране памятников губернии под угрозой штрафа в 300 руб. золотом [15]. Работая в Гнездове, Е. Н. Клетнова заинтересовалась городищем Новые Батеки, заложила там несколько «пробных колодцев» (шурфов) и определила его как... неолитическое (что неоднократно критиковалось исследователями [16, с. 141]). В ее раскопках впервые участвовал ассистент Смоленского университета А. Н. Лявданский. Нужно сказать, что Е. Н. Клетнова вела свои раскопки неквалифицированно, на что указывал А. А. Спицын [17, лл. 1—2; 18, л. 3], и она как будто стремилась исправиться [19]. В 1923 г. в выдаче ей открытого листа было фактически отказано [20, лл. I и II]. Передав свой архив Смоленскому университету, в 1924 г. Е. Н. Клетнова эмигрировала [21].

Широкие работы на Смоленщине в 1923—1925 гг. осуществил А. Н. Лявданский: открыл Лестровское городище в Смоленске [22], городище на Рачевке (также на территории Смоленска), изучал Ковшаровское городище, стоянку каменного века у д. Немыкари и др., составил археологическую карту губернии [23]. При участии В. Р. Тарасенко он выяснил количество гнездовских курганов — первоначальное (около 5 тыс.) и современное (3862) [23, с. 5]. Открыв обширное Гнездовское селище, он установил, что в курганах погребены жители этого селища [23, с. 15].

Большим событием в истории белорусской и смоленской археологии был Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии (36 участников, 21 гость), состоявшийся в Минске 17—18 января 1926 г., где центральное место принадлежало обширному реферату А. Н. Лявданского о классификации смоленских городищ [24] (опубликованному в том же году [25]) и возникшей вокруг него дискуссии. Подчеркивая огромное значение этой работы, А. А. Спицын резюмировал, что, знакомясь «с разведками и исследованиями т. Лявданского в продолжение трех последних лет, убеждаемся в том, что т. Лявданского

можно считать археологом первого разряда...». Развивая мысли референта далее, он указал на сходство белорусских городищ с литовскими «пилькальнисами», что доказывало, по его мнению, что VII—VIII вв. (так А. А. Спицын датировал дьяковские памятники [26, с. 114], а также и рассматриваемые) Смоленщина и Белоруссия были заселены литвой (т. е. балтоязычными племенами, но мы теперь знаем, что это произошло не в VII—VIII вв., а гораздо раньше).

Итак, в 1926 г. А. Н. Лявданский, молодой, никому еще не известный ассистент Смоленского университета, за 3 года работы поднял огромный научный пласт. Теперь стало ясно, что для представления о древнейших судьбах дославянских племен в Восточной Европе необходимо изучать древние городища, но столь массовое их обследование с широкими (может быть, не совсем верными) выводами производилось впервые. В дальнейшем А. Н. Лявданский менял свои взгляды и пришел к более углубленным заключениям, но значение его работ 1923—1926 гг. переоценить невозможно.

Помимо А. Н. Лявданского съезд заслушал еще ряд важных докладов, в том числе и археологических (И. А. Сербова, А. А. Спицына, К. М. Поликарповича). «„Труды Съезда“,— писал С. А. Дубинский,— имели необычайно важное значение для дальнейшего роста белорусской археологии, как своим обобщением ранее сделанного и объединением археологических сил, так и выявлением задач на будущее время» [27, с. 259].

По составленному Инбелкультом плану в 1926 г. на Соже продолжал работать К. М. Поликарпович, на Могилевщине — И. А. Сербов, в Заславле — А. Н. Лявданский, на р. Свислочь — С. С. Шутов и Н. Н. Улащик; под Оршей — А. Л. Аниховский; к раскопкам знаменитого Банцеровского городища под Минском приступил С. А. Дубинский.

Летние сезоны 1925—1926 гг. были поворотными в белорусской археологии: исследования начались на всей ее тогдашней территории. По свидетельству современников, началось повальное увлечение раскопками [28, с. 42], что прекрасно прослеживается по местной прессе. После освобождения Минска, в 1921 г., учитель Н. Г Маслаковец выступает в Минском обществе истории и древностей с рефератом о своих (с В. Сущинским) раскопках в Заславле [29, с. 40—42]; в 1922 г. газеты сообщают лишь об одной экскурсии в Заславль [30, с. 50], видимо, было не до раскопок; в 1923 г. Инбелкульт еще организовывался, археологией не занимался, но помимо него появилось свыше десятка материалов археологического порядка [31]. Нарастающие раскопки в 1923 г производились лишь тем же А. Н. Лявданским и С. Сущинским под Логойском [32] Почти столько же было помещено статей об археологии в 1924 г. [31] А. Н. Лявданский работал на Борисовщине [33], местные краеведы сообщали о памятниках с мест [31, № 2508, 2543]. В 1925 г. мы впервые узнаем о местном деятеле археологии — учителе Осиповичской семилетки А. Немцове [34, с. 21—25].

Активная археологическая деятельность продолжается и во второй половине 20-х годов, всеми работами по-прежнему руководит Инбелкульт. В 1926 г. исследование железного века, например, охватило пять округов (областей). В Оршанском работал А. Л. Аниховский, в Гомельском — И. Х. Ищенко, в Калининском — А. Л. Аниховский (изучение местности Стародединского клада), в Могилевском — И. А. Сербов, под Минском — С. А. Дубинский, С. С. Шутов, Н. Н. Улащик (Банцеровское городище), последние два обследовали и нижнюю Свислочь. Ректор БГУ В. И. Пичета создал и возглавил студенческое археологическое общество [28, с. 42; 35, с. 277, 278]

В 1927 г. раскопок было меньше: Инбелкульт бросил все силы на исследование открытой К. М. Поликарповичем первой палеолитической стоянки в Белоруссии — Бердыж (руководителем работ тогда был приглашен С. Н. Замятин,

Ленинград) [1] Раскапывалось по-прежнему городище в Банцеровщине (С. А. Дубинский). В районе Турова студенческая экспедиция БГУ открыла первый в Белоруссии зарубинецкий могильник в ур. Казаргац (С. С. Шутов, А. Д. Коваленя) [38, с. 351—356]

В 1927 г. Инбелкульт издал первый сборник исторических и археологических трудов [39] Из 16 работ в нем 7 исторических, 2 посвящены истории архитектуры и живописи (И. М. Хозеров и Н. Н. Щекотихин), 2 — нумизматике (П. Харлампович), 3 — археологии (А. Н. Лявданский, И. А. Сербов, К. М. Поликарпович). Работы археологического профиля не претендовали на обобщение и преследовали чисто публикаторские цели. К. М. Поликарпович сообщал о приозерной неолитической стоянке Печенеж, А. Н. Лявданский — о неолитических стоянках у д. Нижние Немыкари и д. Катынь в Смоленской губернии, И. А. Сербов — о раскопках курганов под Минском. Везде детально были описаны памятники, раскопки курганов И. А. Сербова сопровождались подробным описанием строения насыпи и погребального обряда. И. А. Сербов копал курганы современным способом: с оставлением крестовидных бровок, на снос. Выход первого научного сборника Инбелкульта на таком уровне не мог не иметь большого значения для местной археологии.

Историко-археологическая комиссия участвовала в работе Второго Всебелорусского краеведческого съезда (февраль 1927 г.), где сделала несколько предложений по составлению местных археологических карт. В связи с бурным развитием археологии осенью 1927 г. Инбелкульт выделил самостоятельную Археологическую комиссию, в состав которой вошли его сотрудники: секретарь — А. Н. Лявданский, члены — К. М. Поликарпович и С. С. Дубинский. Комиссия теперь смогла обзавестись нужными ей лабораториями (фото, консервации), с помощью В. И. Громова определить колллекцию костей из Бердыжа.

В 1928 г. в Белоруссии было обследовано свыше 30 стоянок на Соже и Днепре, 53 городища, 6 селищ, 132 кургана. Все эти работы проводились по плану комиссии, которой руководил К. М. Поликарпович (эпоха камня и бронзы), А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский (железный век) [40, с. 258—261].

В полевых сезонах 1928—1929 гг. производились исследования палеолитических стоянок в Бердыже и у д. Юрьевичи (под Мозырем), открытой К. М. Поликарповичем. Этот ученый выявил и изучил, кроме того, значительное количество местонахождений эпохи камня и бронзы на Днепре, Соже, Припяти; вблизи Осиповичей (р-н Бобруйска) он обнаружил погребение. По подсчетам С. А. Дубинского, в 1929 г. было раскопано и обследовано 28 городищ, 7 селищ, 4 зарубинецких могильника, 128 курганов.

В 1928 г. Отдел гуманитарных наук Инбелкульта выпустил пятую книгу своих «Записок», посвященную теперь уже исключительно археологии. Это был первый том Трудов Кафедры археологии, именуемых в просторечии «Працы I». В книге в основном издание материалов — для обобщений время еще не наступило. Основу ее составляют две обширные статьи: А. Н. Лявданского — о раскопках в Заславле с подробным описанием каждого кургана, с чертежами и рисунками вещей по комплексам и К. М. Поликарповича — о неисследованном ранее районе среднего и нижнего Сожа (неолит), где также поражает изобилие рисунков орудий и фотографии. Столь детальное описание археологических объектов, как это сделано в двух указанных статьях, в БССР осуществлялось впервые. Подробно освещена в томе и археологическая деятельнось в Белоруссии и на Смоленщине в 1918—1928 гг.

---

[1] В справочнике по экспедициям Института археологии АН СССР неверно сообщено, что Бердыжская экспедиция была якобы организована ГАИМК, а К. М. Поликарпович и С. А. Дубинский были в ней лишь приглашенными сотрудниками [36, с. 47]. В действительности было наоборот: экспедиция была организована Инбелкультом, а приглашенным со стороны ее начальником был С. Н. Замятин (см. [37, с. 1, 7, 479]).

В 1925—1930 гг. одна из археологических экспедиций ГАИМК под руководством К. К. Романова изучала и делала обмеры древних домонгольских храмов Полоцка [36, с. 29].

В 1930 г. тот же отдел выпустил 11-й том «Записок», посвященный в основном археологии (так называемые «Працы II»). Он носил еще более серьезный характер. По-прежнему это были публикации полевых материалов — археологических, остеологических, даже геологических (в связи с палеолитом). Однако здесь во многих случаях (чаще всего у А. Н. Лявданского) находим и соображения исторического характера — об истории заселения края, смене его населения по данным археологии и т. д. Широко освещаются здесь раскопки и разведки на Смоленщине (Н. И. Савина, А. Н. Лявданского); рассматриваются три палеолитических стоянки (две в Белоруссии, одна на Смоленщине). Как и в предыдущих изданиях, освещается археологическая деятельность в БССР и на Смоленщине в целом. «Працы II» — большой шаг вперед по сравнению с предыдущими сборниками.

На Смоленщине археологические работы в 1926—1927 гг. были менее интенсивными, хотя краеведение и развивалось. А. Н. Лявданский раскапывал несколько городищ, а также курганы и неолитические стоянки [41, с. 285 и сл.] Тогда же В. Р. Тарасенко в разведках выявил 18 городищ. С переходом А. Н. Лявданского в Минск (1928 г.) интенсивность изучения края еще более сократилась.

Кроме государственного музея и некоторых университетских обществ, занимавшихся краеведением, в конце 20-х годов на Смоленщине существовали Общество изучения Смоленского края, Общество краеведения и пять местных краеведческих обществ: Бельское и четыре отделения Смоленского общества краеведения (в Дорогобуже, Вязьме, Ярцеве и Сычевке). Общество краеведения, основанное в 1925 г., имело внутри несколько отделений [42, с. 74, 75] Археологическое отделение занималось обследованием памятников Смоленщины (в 1928 г. были открыты одна неолитическая стоянка и два городища в Ельнинском уезде). На заседаниях заслушивались доклады (В. Р. Тарасенко — о разведках в 1926—1927 гг.; И. М. Хозерова — о первоначальной окраске смоленских укреплений Федора Коня и т. д.). На верхнем Днепре смоленские краеведы изучали под руководством В. Р. Тарасенко территорию, ранее специалистам эпохи камня и бронзы неизвестную. Кремневые орудия из этих мест, как оказалось, отличаются от подобных предметов, например, из бассейна Припяти [43, с. 505, 506] Поиски городищ и курганов В. Р. Тарасенко продолжали на средства Смоленского общества краеведения и в 1929 г. [44, с. 516—518]

В целом временем расцвета всестороннего изучения белорусских и смоленских древностей был 1928 год. Кроме указанного археологического тома Инбелкультом, а затем сменившей его Академией Наук БССР (1928) в этот год было издано самое большое количество важных трудов, таких, как «Сборник статей» с работами по этнографии, антропологии, истории искусства и т. д., где, между прочим, было помещено обстоятельное исследование Н. И. Брунова по древней белорусской архитектуре [45], первый том трудов Комиссии по истории искусства со статьей И. М. Хозерова о древней полоцкой архитектуре [46], часть I солидной монографии Н. Н. Щекотихина по истории белорусского и смоленского искусства, начиная с «курганной культуры», и др. [47].

Итак, 20-е годы на описываемых землях были временем становления и расцвета археологии и краеведения. В городах открылись новые учебные заведения, молодежь устремилась к приобретению широких знаний, в частности о своей стране, ее народе и истории. В городах и местечках стихийно создавались местные краеведческие организации. Инбелкульт в Минске, университет в Смоленске и сеть ученых краеведческих обществ возглавили исследования по истории и археологии края. Первый съезд археологов и археографов в Минске объединил исследователей, стимулировал дальнейшее развитие подобных работ. Результаты этих больших, разносторонних обследований не замедлили сказаться, открыли новые страницы в истории Белоруссии и Смоленщины. Выяснилось, что люди населяли Белоруссию с палеолитических времен. Наме-

тились основные вехи в железном веке. Дославянскими аборигенными племенами в Центральной Белоруссии оказались восточные балты, а на северо-востоке республики было найдено несколько городищ дьяковской культуры финнов. В 1930-х годах предстояло развить эти выводы. Но действительность, увы, оказалась иной!

Наступил 1929 год — «год великого перелома», когда, изгнав главного противника, Л. Б. Троцкого, И. В. Сталин взял курс на индустриализацию, на насильственную коллективизацию деревни. Началось широкое наступление и на кадры интеллигенции, которая повсеместно обвинялась во вредительстве («Шахтинское дело», «Процесс Промпартии»» и др.). Не оставлена была «вниманием» и наука. Журнал «Варнитсо» (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники) в 1930—1931 гг. был забит статьями о вредительстве в науке [48]. «Редакция журнала „Варнитсо“, — взывал этот орган, — просит вузовские коллективы нашей Ассоциации присылать в редакцию (Москва, Ильинка, Юшков пер., д. 6) материалы о деятельности правой профессуры...» [49, с. 79]. «Большевик» прямо указывал, что из научных работ можно печатать, а что ей «классово чуждо» (указания И. В. Сталина). В следующем 1931 году «Большевик» услужливо печатал статью некоего Э. Кольмана «Вредительство в науке» [50] Вскоре, как и следовало ожидать, начались аресты...

Перед ГАИМК была поставлена задача пересмотра наследия, нового подхода к археологическим источникам как к средству познания прошлого. В постоянных дискуссиях осваивалась новая марксистская методология исследования [51, с. 106—108; 52, с. 109]. Болезнью роста здесь был вульгарный социологизм: в некоторых номерах «Сообщений ГАИМК» часто даже не было ни одной статьи по археологии [53, с. 58]! В Москве и на периферии велась ожесточенная борьба с религией, повсеместно уничтожались церкви (хотя многие представляли несомненную художественную или историческую ценность). 10 февраля 1934 г. вышло постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР об охране археологических памятников [54, с. 6], однако в конце того же года в Москве была снесена гордость столицы — знаменитая Сухарева башня XVII в.

Новое отношение к науке того времени, ее социологизация на периферии приобрели и новые оттенки. В Белоруссии развитие науки пошло еще в одном направлении, надолго затормозив исторические исследования вообще, и археологические в частности. Дело в том, что создание Белорусской республики (1919) привело к необычайному подъему самосознания белорусского населения, к страстному увлечению своей страной, своим народом. Инбелкульт, а с 1928 г. АН БССР возглавили интереснейшие работы по изучению древнейшей истории края по вещественным остаткам. Однако на фоне интернационального учения марксизма высшими белорусскими инстанциями это было расценено как националистический угар, что привело в конце концов к печальным последствиям. Рубеж 20-х — 30-х годов ознаменовался пресловутой борьбой с «нацдемовщиной». Как это происходило, нагляднее всего можно проследить по одному из лучших научно-популярных журналов Белоруссии того времени — «Наш край» (за 1929—1930 гг.).

Из номера в номер можно видеть, как над этим замечательным журналом сгущаются тучи, как в нем постепенно исчезает историческая тематика, уступая делекому от науки и научной объективности направлению; можно видеть, как его сотрудники безуспешно стремятся его спасти. В 1928 г. там еще много статей по историческому краеведению. В № 12 за тот же год А. Н. Лявданский еще во весь голос говорит о необходимости учета и охраны древних памятников, важности собирания древних предметов материальной культуры и приводит примеры работы краеведов [55] В статьях об экскурсионных маршрутах наряду с современными объектами еще фигурируют и исторические [56]. С 1929 и особенно с 1930 г. положение с исторической тематикой начинает круто меняться. Сообщение В. Глатёнка об археологических памятниках Освейщины в марте

1930 г. оказывается последней археологической статьей [57, с. 55—57]. Вместе с тем с нового 1930 г. резко увеличивается количество статей на современную тему. Открывая первый номер журнала за 1930 г., читатель прежде всего видел воззвание ЦБК о том, что в связи со строительством фабрик и заводов, в связи с «небывалым подъемом (!) коллективизации в сельском хозяйстве» местные краеведческие организации призываются к изучению колхозного строительства, строительства фабрично-заводского и ремесленного предприятий [58]. Здесь же главный редактор Д. Бедуля помещает статью о работе колхоза «Октябрь», о сопротивлении новому со стороны кулаков [59]. А. К. Супинский в летних номерах журнала за 1930 г. пишет, например, следующее: «Чему учит музей нового зрителя? (..) выходит ли зритель из художественного музея с пониманием искусства как средства борьбы за идеологию господствующего класса? (...) С таким явлением,— продолжает он,— встречаемся фактически в музеях разных типов. Об этом нужно (...) кричать!» [60]. С 1929 г. в журнале все чаще публикуются статьи о колхозном строительстве, пятилетнем плане [61—63] Кто-то явно властной рукой распоряжается в нем, переориентирует издателей, нападает на них за историческую тематику, и те из авторов, кто писал раньше на исторические темы, пишут отныне о практически полезном: Д. Васильевский — о рыбах (!) Оршаньщины, А. Немцов — о коллективизации д. Верхи, М. Касперович и вовсе о быте рабочих [64—66]. В конце № 9—10 за 1930 г. сообщается: «От редакции: критический обзор ряда краеведческих материалов, помещенных в журнале „Наш Край", будет даваться в следующих номерах журнала...» [67, с. 89] Журнал явно тонет, его пытаются спасти самокритикой... Но тщетно! Если № 7—8 за 1930 г. редактировал еще Д. Бедуля, то в № 10 имен редакторов уже нет: «Редактор, — сказано там, — редакционная коллегия» [68, № 7—8, с. 84, № 9—10, с. 89]. В конце 1930 г. подписчики с удивлением получили журнал с новым названием «Савецкая Краина» (обозначенный как № 1—2 (11—12). Тираж нового журнала с 1000 был увеличен до 1300 экземпляров. Итак, старый журнал не признавался «савецкім» (!). Действительно, в начале этого номера сообщалось: «Контрреволюционный белорусский национал-демократизм сплел себе мощное гнездо в БАН при преступном попустительстве национал-оппортунистов из былого руководства Академии и Наркомпроса — Игнатовского, Балицкого, Белуги и пр.» (ясно, что все эти лица уже были арестованы!). И далее: «Белорусский национал-демократизм, этот непосредственный агент фашистско-империалистического толка, превратил кафедры и институции АН в свои трибуны (...) творил свое грубое контрреволюционное дело подготовки интервенции (!) против СССР». Их рупором, оказывается, был «Наш Край», основной установкой которого был «курс на самовозрождение капиталистической Белоруссии (...) отсюда понятно, почему краеведение БССР (...) гонялось за древностью, прошлым, копалось в грязи церквей, костелов, синагог, упускало задачи социалистического строительства» [69, с. 1—5] Ложные политические обвинения падали на невинных людей, замечательных специалистов белорусоведения, энтузиастов: Я. Лёсика — первым создавшего «Грамматику белорусского языка», одного из первых белорусских академиков, В. Игнатовского — президента АН БССР, крупного белорусского историка, участника революции 1905 г. и многих других. Все так называемые «нацдемы» были арестованы и погибли в сталинских лагерях; Всеволод Игнатовский, не выдержав травли, покончил с собой [70].

К нашему удивлению, в это недостойное движение — борьбу с «нацдемовщиной», борьбу, которая неминуемо должна была кончиться плачевно для белорусской археологии (и кончилась!), в эту борьбу с варфоломеевской иступленностью включился крупнейший белорусский археолог А. Н. Лявданский (сам позднее погибший в той же сталинской мясорубке!). В статье «Нацдемы в союзе с религией и церковниками против диктатуры пролетариата» [71] он обвиняет директора Белорусского музея, известного нумизмата П. Харлампович в том, что, собирая «церковщину» (древние иконы, старопечатные и ру-

писные Евангели, облачение), он якобы не отличал задач нового советского музея от задач Минского церковно-археологического музея, а после него это делалось якобы уже «организованно под руководством С. Некрашевича и др. нацдемов просвещения БССР. По социальному заказу нацдемов, — продолжал А. Н. Лявданский, — (собирались) этнографические материалы, которые должны были осветить самобытность „белорусской" культуры. Все это, как уже выяснено (sic !), — заключал автор, — делалось с целью организации белорусской автокефальной церкви» (!). Автор возмущался далее собранной в музее церковной живописью, которая привлекала к себе якобы только «попов и архиереев». На то же явление он указывал и в Витебском музее, «нацдемовское руководство» которого во главе с директором Василевичем «всю заботу вкладывало в церковный отдел». «Усиленным темпом изучалась церковщина и в Инбелкульте, а потом в Белорусской АН в лице Щекотихина, Хозерова и пр., которые свои „труды" по истории белорусского искусства почти исключительно строят на древних церквах, костелах, разного рода церковном малярстве (т. е. фресковой живописи. — *Л. А.*), вещах и рисунках, орнаментах церковных книг (Библия Скарины и многое другое)». «Накопив т. о. огромный „музейный фонд" разной церковщины, которая, разумеется, никакой научной ценности не имеет, — продолжает А. Н. Лявданский, — в 1929 г. Ластовский вместе с Красинским, Бурдзейкой (в согласии с Некрашевичем из Главнауки) договариваются во время экспедиций с попами на местах и заводят с ними широкий обмен этих вещей, дающий попам взамен старых „белорусского стиля" церковных вещей новые...». Хлопоты музея и Главнауки об охране старинных церквей и костелов, командировки для этого Щекотихина и Красинского с фотографом, по мнению автора, — бессмысленная трата музейных средств! И это писал археолог! Что же тогда сказать о следующем пассаже: «Обожая свою „святыню" Ефросинью Полоцкую, Ластовский в 1928 г. отправил специальную Комиссию в Полоцк для отыскания т. н. „Евфросиньевского креста" Этот крест с помощью нацдема С. Мелешки был найден в местном финотделе и получен для музея» [71, с. 28, 29]. Выдающийся белорусский археолог А. Н. Лявданский не мог не понимать чудовищной клеветы, которую строчило его перо, не мог не знать, что в наступившую страшную геростратовскую эпоху, когда в злобном антирелигиозном угаре по всей стране уничтожались памятники древней церковной архитектуры и всего, что с нею связано, стремление патриотов собрать и сохранить исчезающие древние церковные реликвии было единственно правильным! Из его статьи 1932 г. [71, с. 60] следует, что разгром (с последующим арестом) деятелей, причисленных к «нацдемам», падает на 1930 г. и статья 1931 г., вероятно, не оказалась политическим доносом на ближайших товарищей (они все уже были взяты). Но что это меняет? Все это писалось бездумно, сплеча — в «нацдемы» попал даже смоленский историк древней архитектуры И. М. Хозеров, который белорусом вообще не был! Для чего городилась эта безудержная «научная» ложь, в которой не участвовали, например, остальные белорусские археологи?! Арестованный в 1937 г. А. Н. Лявданский навсегда унес в могилу эту черную тайну.

Разгром Белорусской Академии наук в 1930 г. нанес республике колоссальный урон; из видных деятелей науки выжили единицы (например, Н. Щекотихин, Н. Н. Улащик). Требование для всех без разбора больше заниматься современностью привело бюрократов на местах в трепет, и они вообще почти запретили занятия прошлым. К 1932 г. в БССР было издано по археологии 96 печ. л., в разных газетах опубликовано 502 статьи — свыше 20 печ. л. [72, с. 58] Количество статей в газетах не учитывалось, но можно с уверенностью сказать, что за 9 лет — с 1932 по 1941 г. их почти не было. Научных же археологических статей можно насчитать лишь единицы (!).

Сокращение исторической тематики немедленно отразилось на полевых археологических исследованиях. Полевые работы, запланированные ранее, в 1930 г имели еще сравнительно широкий объем (по каменному веку на р. Бе-

седь — Клевичи, Печенеж, Кобылянки под Оршей и у Нового Быхова). Разнообразные памятники выявились в Жлобинском, Рогачевском районах, на Лукомке, Березине. Железным веком занимался А. Н. Лявданский (пос. Нивки, Мурава, Оздятичи) [73, с. 226] Раскапывалась палеолитическая стоянка в Юровичах. По 1930 г. цифр у нас нет, но в 1931 г. изучалось: 1 палеолитическая стоянка, 2 мезолитических, 250 неолитических, селищ — 55, городищ — 74, зарубинецких могильников — 10, средневековых курганов — 95 (там же).

Как видим, в 1931 г., как и в 1930 г., велись многочисленные раскопки по старым планам. Исследования 20-х — начала 30-х годов касались всей тогдашней территории Белоруссии, кроме северной ее части — Подвинья. В 1933—1934 гг. из всех экспедиций прошлых сезонов осталась одна (ее участники: А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, А. Д. Коваленя), она и направлена была на Западную Двину и Ловать [74, с. 210] В этом первом систематическом осмотре Северной Белоруссии выяснилось, что палеолитических стоянок здесь нет (хотя кости мамонта нередки). Неолитические стоянки встречаются по одной на 20 км (для сравнения: в Могилевской и Гомельской областях — по одной на каждые 0,5 км). Тем не менее таких стоянок выявлено 60. Для эпохи железного века было обнаружено 72 селища и много городищ. Хронология А. Н. Лявданского стала ближе к современным воззрениям: ранние городища I—IX вв. н. э., раннефеодальные памятники — X—XII вв. Было установлено, что у многих городищ имелись синхронные им селища. Вчерне определилась зона распространения культуры штрихованной керамики в этих местах, т. е. ареал распространения здесь группы племен балтских аборигенов [74, с. 214]

В совещаниях ГАИМК в это время проходили многочисленные дискуссии, задачей которых было поставить науку на подлинно марксистские рельсы. В дискуссиях этих принимали участие и белорусские исследователи (например, на Всесоюзном археологическом совещании 1931 г.), но в дискуссиях преобладало «абстрактное социологизирование и пренебрежение к фактическим данным» [75, с. 83]. К 1934 г. интерес к социологизированию в ГАИМК стал спадать, «возобновились во все возрастающих масштабах полевые исследования» [75, с. 127]. Это возобновление интереса к фактам на новой основе на Белоруссию не распространилось: разгром науки под шапкой «нацдемовщины» был столь памятен, борьба с «уходом в прошлое» так сильна, что археологией стало заниматься очень трудно. Публиковать же результаты исследований, не привязав их к современным задачам, было невозможно. Пытаясь выйти из тупика, А. Н. Лявданский и К. М. Поликарпович решили перейти к проблемам производства, техники. Но и это было все-таки «историей». Попытались привязать работы к «грандиозности задач новой пятилетки»: занимаясь городищами в целом, выделяли производство на них сыродутного железа и, рассчитывая на некомпетентность редакции, утверждали, что этот стародедовский способ якобы может быть использован в современном строительстве (!) [76, с. 55] Расчет оправдался, статья была опубликована, но больше подобного повторять было нельзя. Однако по старым планам в Белоруссии в начале 30-х годов вышли еще две книги по археологии высокого научного уровня: третий том «Прац» и «Библиография» С. А. Дубинского [77, 78]

Третий том «Прац» еще полностью отражал широкий размах тех задач, которые стояли на рубеже 20-х — 30-х годов перед археологами Белоруссии и Смоленщины. Там была и обширная работа А. Н. Лявданского о Смоленщине, построенная целиком на материалах рославльского археолога С. М. Соколовского (см. выше), и труды К. М. Поликарповича по палеолиту р. Судость, а также о фауне четвертичного периода на территории БССР По рекомендации Б. Д. Грекова сюда были включены талантливая студенческая работа Б. А. Рыбакова о радимичах, работа Г Ф. Дебеца об антропологии Люцинского могильника. Ряд статей был посвящен конкретным полевым исследованиям, Первому Всероссийскому съезду археологов и этнографов (1932), хронике текущих событий и т. д.

«Библиография» С. А. Дубинского является результатом многолетнего колоссального труда автора, она подробно, с аннотациями дает сведения о 4031 публикации по археологии, опубликованной главным образом в России до 1933 г. Подобного кропотливого, детального библиографического труда Белоруссия не знает. Вышедшие в последнее время справочники сравнения с ним не выдерживают [79, 80]. Но эта замечательная книга была лебединой песней довоенной белорусской археологии. После ее выхода (1933) и до самой войны, т. е. за 8 лет, в Белоруссии было напечатано всего две статьи по археологии [74, 76] (!). Одна была связана с производством и отражала обширные и очень интересные обследования 1932 г. на пространстве от тогдашней границы с Польшей по течению р. Припять до м. Юровичи [76] А. Н. Лявданский («бригадир»), К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский и А. Д. Коваленя («бригада») кроме чисто научных, достаточно объемных задач выяснения древнейших судеб большой территории обязаны были решать практические задачи, нужные для современности: изучать технику выплавки железа на старых железоделательных заводах, выявлять местонахождение полезных ископаемых — мергеля (для удобрений), торфа (для электростанций), пластичных глин, годных для производства, и т. д. Несмотря на огромные побочные работы, энтузиастам-археологам удалось прийти к важным предварительным выводам: 1) человек в этих местах появился в эпоху вюрмского оледенения; 2) население было редким; 3) 2—3 тыс. лет назад здесь возникли зачатки земледелия, был открыт сыродутный процесс; 4) с I по XI в. количество жителей увеличилось (городища, курганы); 5) нет оснований думать, что прародина славян была здесь.

Особенно интересны в этой последней большой работе А. Н. Лявданского штудии по истории добычи и выработки железа, хотя не все здесь получило признание. Выяснен был не только процесс сыродутного производства в древности, но и распространенность этого процесса на белорусских городищах. А. Н. Лявданский обнаружил следы производственного процесса только на некоторых городищах, в наличии этого факта Б. А. Рыбаков предлагал видеть зачатки ремесленного производства [81, с. 483] Однако в последней своей работе (1936 г.) А. Н. Лявданский на новом материале пришел к выводу, что каждая родовая семья занималась сыродутным процессом самостоятельно [74, с. 214], ныне это предположение поддержал на собственном материале А. Г Митрофанов [82, с. 49]

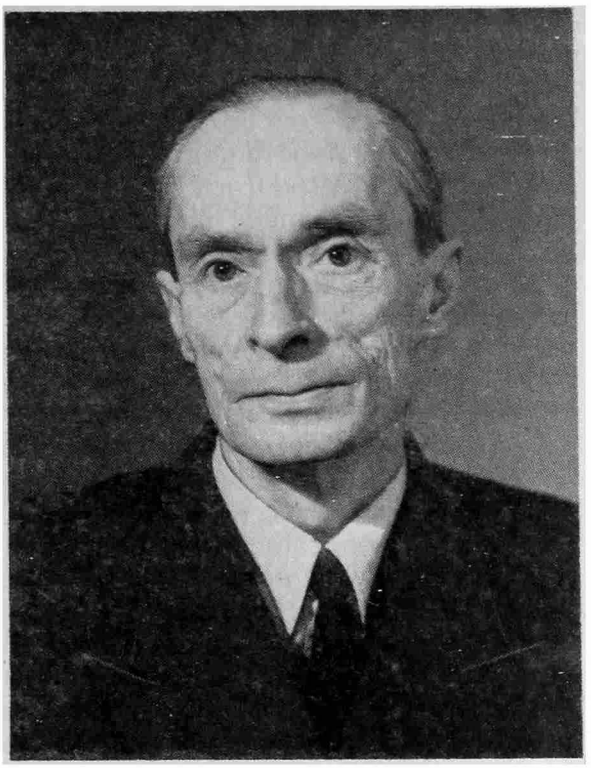
Таков сложный путь, который прошли в своем развитии археология и историческое краеведение Белоруссии и Смоленщины. В 20-х годах был достигнут необычайный подъем, изучение железного века оказалось, можно сказать, впереди всей советской археологии. Мрачные события 1930-х годов полностью оборвали исследования. Борьба с мифическими «нацдемами» начала 1930-х годов, аресты в 1937 крупнейших археологов Белоруссии (А. Н. Лявданского и др.) полностью обескровили белорусскую науку, затормозили ее развитие на 30—40 лет. Лишь в последние два десятилетия научные исследования прошлого Белоруссии и Смоленщины начали становиться на прочные научные рельсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историческое краеведение в Белоруссии. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1980.
2. *Каспяровіч М.* Вялікае краязнаучае сьвята // Савецкая Беларусь. 1928. № 289.
3. Минское общество истории и древностей // Вестн. Народного Комиссариата просвещения БССР. 1921. № 2.
4. *Мялешка М.* Заданні часу (думка) // Савецкая Беларусь. 1921. № 149.
5. Архив ЛОИА. Фонд 2. 1923. № 96.
6. *Шчакаціхін М.* Фрэскі Полацкага Барысаглебскага монастыра // Наш Край. 1925. № 1.
7. Наш Край. 1925. № 1.
8. *Іппель А.* Беларускае мастацтва. Віцебск, 1925.
9. *Хозеров И. М.* Архитектура Белоруссии и Смоленщины (рукопись, хранящаяся в Институте истории АН БССР). О ней: *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины / / Архитектурное наследство. Вып. 6. М.: Гослит. по строительству и архитектуре, 1956.

10. *Соколовский С. М.* Доклады об археологических раскопках курганов в Рославльском уезде Смоленской губ. в 1918—1920, 1923, 1924 гг. (рукопись, хранящаяся и Институте истории АН БССР).
11. От археологического общества // Смоленская новь. 1922. № 5.
12. От редакции к читателям // Смоленская новь. 1922. № 1.
13. *Клетнова Е. Н.* От комиссии по составлению словаря // Смоленская новь. 1922. № 1.
14. *Клетнова Е. Н.* Новые раскопки в Гнездове // Смоленская новь. 1922. № 4.
15. Обязательное постановление Смоленского губисполкома // Рабочий путь. Смоленск. 1923. № 120.
16. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
17. СОГА. Ф. 113 (Е. Н. Клетновой). Оп. 10. № 303 (переписка Клетновой).
18. СОГА. Ф. 113 (Е. Н. Клетновой). Оп. 10. № 351 (то же).
19. Архив ЛОИА. Ф. 1 (Археологической комиссии). 1915. № 92.
20. Архив ЛОИА. Ф. ГАИМК. 1923 г. Оп. 92.
21. СОГА. Ф. 113. (Е. Н. Клетновой). № 70.
22. *Лявданский А. Н., Дмитриев В. В.* Археологические новости // Рабочий путь. № 171. Смоленск, 1923.
23. *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Тр. смоленских музеев. 1924. Вып. 1.
24. Інстытут беларускае культуры // Працы першага съезду дасьледчыкаў беларускае археолёгіі і археаграфіі. Менск, 1926.
25. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии / / Научные известия Смоленского гос. ун-та. 1926. Т. 3. Вып. 3.
26. *Спицын А. А.* Городища дьякова типа // ЗОРСА. 1903. Вып. V
27. *Дубінскі С. А.* Дзейнасць організацыі // Працы І. Менск, 1928.
28. *Улащік Н. Н.* Шутаў С. С. — археолаг і доктар // ПГКБ. 1973. № 3.
29. Вестн. Народного комиссариата просвещения БССР. 1921. № 2.
30. Вестн. Народного комиссариата просвещения БССР. 1922. № 9, 10.
31. *Дубінскі С. А.* Бібліографія па археалёгіі Беларусі і сумежных краін. Менск, 1933.
32. Археологические раскопки // Савецкая Беларусь. 1923. № 204.
33. *Лявданский А.* Археологические исследования в Борисовском округе // Звезда. № 209. Минск, 1924.
34. *Нямцоў А.* Экскурсія вучняў Асіповіцкай сямігодкі // Наш Край. 1925. № 2.
35. *Дубінскі С. А.* Досьледы культур железнага перыяду на Віцебшчыне, Магілёушчыне і Меншчыне // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5 // Працы І. Менск, 1928.
36. Археологические экспедиции ГАИМК — Института археологии АН СССР 1919—1956 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
37. Беларуская Акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11 // Працы II. Менск, 1930.
38. *Каваленя А. Зьм., Шатаў С. С.* Матарьялы па гісторыі Тураушчыны // Працы II. Менск, 1930.
39. Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Менск, 1927
40. *Дубінскі С. А.* Дзейнасць організацый // Працы І. Менск, 1928.
41. *Ляуданскі А. М.* Археолёгічныя досьледы у Смаленскае губерніі // Працы І. Менск, 1928.
42. *Дзмітрыеў В. В.* Краязнаучая праца у Смаленшчыне у 1928 годзе // Наш край. 1930. № 7, 8.
43. *Палікарповіч К. М.* Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыяду у БССР, заходняй Смаленшчыне і Клінцоушчне у 1928—1929 гг // Працы II. Менск, 1930.
44. *Тарасенка В. Р.* Археолёгічныя абследованні на Смаленшчыне у 1929 годзе // Працы II. Менск, 1930.
45. *Бруноў Н. І.* Беларуская архітектура XI—XII ст. // Зборнік артыкулаў. Менск, 1928.
46. *Хозераў І. М.* Полацкае будаўніцтва старадауняга перыяда // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 6. Менск, 1928.
47 *Шакаціхін М.* Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск, 1928.
48. *Корвин Е.* «Ученые» вредители и задачи ВАРНИТСО // Варнитсо. 1930. № 9, 10.
49. Варнитсо. 1930. № 2.
50. *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1932. № 2.
51. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
52. *Пряхин А. Д.* История советской археологии. Воронеж. Изд-во Воронеж. ун-та, 1986.
53. *Рыбаков Б. А.* Место славяно-русской археологии в советской исторической науке // СА. 1957 № 4.
54. *Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологий АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163.
55. *Ляуданскі А. Н.* Краязнаучыя організацыі і археалегія // Наш край. 1928. № 12.
56. *Каспяровіч М.* Куды і як вадзіць экскурсіі // Наш Край. 1929. № 4.
57 *Глацёнак В.* Некоторыя з помнікаў Асьвейскага раёну // Наш край. 1930. № 3.
58. Увага, краязнаўцы! // Наш край. 1930. № 1.
59. *Бядуля Зьм.* З краязнаучага блёк-ноту пісьменніка // Наш Край. 1930. № 1.
60. *Супінскі А. К.* За новый музей // Наш край. 1930. № 7, 8.
61. *Самцевіч В.* Бліжейшыя задачы краязнаучае праце у связі з выкананнем пятігодовага пляну соціялістичнага будаўніцтва // Наш край. 1929. № 7, 8.
62. *Самцэвіч В.* Холопеніскі раён на шляху соцельнай коллективизацыі // Наш край. 1930. № 5—8.
63. *Самцевіч В.* Аб удзеле краязнаучых організацый у выкананні прамфинпляну // Наш край. 1930. № 9, 10.

64. *Васілеўскі Д.* Рыбнае багацьце Аршанчыны // Наш край. 1930. № 7, 8.
65. *Нямцоў А.* Вёска Вярзі і шляхі да яе колектівізацыі // Наш край. 1930. № 1.
66. *Каспяровіч М.* Вывучэньне быту рабочых // Наш край. 1930. № 1.
67 Наш край. 1930. № 9, 10.
68. Наш край. 1930. № 7—10.
69. *Садоўскі Ф. П.* «Савецкая Краіна» — барацьбіт за савецкае краязнаўства // Савецкая Краіна. № 2 (11—12). Мінск, 1930.
70. *Орлов В.* Когда краснеет Клио // Лит. газ. 1988. № 7
71. *Ляўданскі А. М.* Нацдэмы у саюзе з рэлігіяй і царкоунікамі супроць дыктатуры пролетаріату // Савецкая Краіна. 1931. № 3.
72. *Лявданский А. Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской Революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7, 8.
73. *Ляўданскі А.* Археолёгічная праца у БССР за 1930—1932 гг. // Працы III. Менск, 1932.
74. *Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М.* Археолёгічныя досьледы у БССР у 1933—1934 гг.// Зап. БАН. 1936. № 5.
75. *Монгайт А. Л.* Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4.
76. *Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі железнай прамасловасці на Беларусі па данным археалёгіі // Савецкая Краіна. 1932. № 5.
77 Працы сэкціі археалёгіі інстытута гісторыі БАН. Менск, 1932.
78. Бібліаграфыя па гісторыі Беларусі. Мінск, 1969.
79. Беларуская этнаграфія і фальклярыстіка. Мінск, 1972.
80. Археология Белоруссии. Библиографический справочник. 1932—1975./Сост. Коробушкина Т. Н., Минск, 1988.
81. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
82. *Митрофанов А. Г* Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.



Н. Г. ГОРБУНОВА, Н. К. КАЧАЛОВА

ПАМЯТИ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАТЫНИНА

(к 90-летию со дня рождения)

Борис Александрович Латынин принадлежит к числу ученых, которые вошли в науку с начала 20-х годов, к тем, кто закладывал фундамент советской археологии, разрабатывал ее теорию, намечал практические решения.

Он родился 30 сентября 1899 г. в Ашхабаде. После смерти отца, служащего в Ташкентской судебной палате, семья в 1904 г. переезжает в Петербург, и с этим городом связаны все лучшие периоды его жизни. Необыкновенно одаренный от природы, получивший прекрасное образование в детстве, Б. А. Латынин поступает в 1920 г. в Петроградский археологический институт, который позже был присоединен к Петроградскому (Ленинградскому) государственному университету и стал археологическим отделением факультета общественных наук. Его непосредственным учителем становится А. А. Спицын — основоположник ленинградской школы первобытной археологии.

Учеба в университете проходила в трудное время, сказывались последствия гражданской войны. Голодный Петроград, днем — лекции профессоров, вечером — разгрузка вагонов или барж с дровами, ночью — подготовка к занятиям. Готовиться надо было основательно и всерьез. Учителя не делали скидок на особые обстоятельства и на нехватку времени, да ученики и не просили поблажек. Раз и навсегда профессия стала смыслом жизни, ради нее стоило жить, но и она, как показало будущее, помогла выжить.

Б. А. Латынин обладал лучшими чертами своего поколения — беззаветной преданностью делу, кипучей энергией, целеустремленностью и стойкостью. Таким он вошел в науку, таким и оставался до конца своих дней, несмотря на тягчайшие испытания, которые выпали на его долю, на долю его поколения. Будущим исследователям еще предстоит раскрыть феномен этого поколения,

© Н. Г Горбунова, Н. К. Качалова, 1990 г.

пережившего многочисленные репрессии, войну и снова репрессии, но не сломившегося. В чем же они черпали силы, как сумели подчинить себе время, то растягивая его, то не замечая? Те из них, кому повезло уцелеть или вернуться из ада лагерей, как Б. А. Латынину, еще в молодости став энциклопедически образованными людьми, не утратили способности учиться и в старости, жажда знаний так и не покинула их. Пройдя через муки и страдания, потеряв здоровье, они сохранили главное — жизнеутверждающее начало, неутомимую трудоспособность, самозабвенную преданность науке. Понять причину их стойкости — означает понять роль духовной сферы в жизни человека.

В 1923 г. Б. А. Латынин окончил университет и был оставлен сотрудником археологического отделения, а в 1926 г зачислен там же в аспирантуру. Учебу в аспирантуре он совмещал с работой в Государственной академии истории материальной культуры и в Институте языка и мышления АН СССР под руководством Н. Я. Марра, его второго учителя. Профессиональная подготовка Б. А. Латынина, как и большинства его сверстников, была глубокой и всесторонней. Ученик А. А. Спицына, он прекрасно владел археологическим материалом независимо от времени и территории. Особое умение А. А. Спицына — «чувство вещей» передалось ученику и предопределило на всю жизнь его способность безошибочно выделять в массе археологических памятников и предметов те, которые могут стать ключевыми, способными дать поворот, а следовательно, развитие исследованиям. Ученик Н. Я. Марра, он не ограничивал область своих интересов только изучением материальной культуры древних обществ, а стремился проникнуть также в их представления об окружающем мире, познать обычаи и верования.

Становление Б. А. Латынина как ученого проходило в годы все возрастающей активизации археологической деятельности. Появляются новые центральные и периферийные научно-исследовательские центры, создается сеть музеев, резко увеличивается количество экспедиций. Академия истории материальной культуры, в которой он начинает работать, являлась в то время ведущим археологическим учреждением страны и объединяла лучшие силы как старшего поколения, так и талантливую молодежь, таких же энтузиастов, как и он. Впоследствии Б. А. Латынин будет рассказывать своим ученикам о той необычайно творческой обстановке, которая царила в академии. Ученые с мировым именем и начинающие аспиранты в равной мере бурно обсуждали теоретические проблемы, вырабатывали совместно новую методику исследований, намечали их направленность.

Тему своих научных изысканий Б. А. Латынин определил, еще будучи студентом, и конкретизировал с ходом времени — первобытная археология, эпоха бронзы, «курганы со скорченными и окрашенными костяками». Основные культуры бронзового века южнорусских степей — ямная, катакомбная и срубная — будут интересовать его всю жизнь, хотя в дальнейшем он обратится и к другим разделам археологии. Этим культурам была посвящена первая кандидатская диссертация Б. А. Латынина, волею судьбы в его жизни их оказалось две. Он ставит перед собой грандиозную задачу — собрать полностью все известные к тому времени сведения о ямных, катакомбных и срубных памятниках. Точнее, «пропустить через глаза и руки» (любимое выражение) весь археологический материал, т. е. проработать коллекции всех музеев и археологических учреждений от Умани до Саратова. Задача сама по себе предельно сложная, да к тому же аспиранты тех лет не очень могли рассчитывать на командировочные.

В 1928 г вместе с Т. С. Пассек, которая ставила такую же цель в исследовании трипольской культуры, они начали последовательно объезжать город за городом, где поездом, где на подводе, а где пешком. В результате была составлена огромная картотека, типа знаменитых «корочек» А. А. Спицына (учительская выучка сказалась и здесь). Ценность ее состоит еще и в том, что большинство вещей погибло в годы Великой Отечественной войны и известны теперь только по картотеке Б. А. Латынина. Она хранится в Государственном Эрмитаже, и к ней по сей день обращаются специалисты.

В диссертации был предложен принципиально новый подход к изучению культур эпохи бронзы, разрабатывался вопрос о выделении локальных вариантов, намечалось их хронологическое членение, т. е. проблемы, к которым обратятся исследователи 50-х и последующих годов. К сожалению, текст работы пропал за время ссылки и ареста, не сохранился и корректурный экземпляр тезисов, изъятый из печати. Практики защит диссертации тогда еще не было, а присуждение ученых степеней honoris causa введено в 1937 г., когда Б. А. Латынина уже вычеркнули из жизни.

В 1932 г. ГАИМК начинает организацию больших археологических исследований на крупнейших новостройках первых пятилеток. Б. А. Латынин сразу же включается в эту работу со свойственной ему энергией и организаторскими способностями, становится секретарем новостроечного комитета, принимает непосредственное участие в экспедициях.

В 1931 г. он был также зачислен научным сотрудником в только что созданный отдел доклассового общества Государственного Эрмитажа (затем отдел истории первобытной культуры, ныне — отдел археологии Восточной Европы и Сибири).

В те же годы им была начата «ферганская тема». В 1930 г. он по предложению Среднеазиатского музея истории и истории революции проводил разведки в разных районах Ферганской долины. В этой экспедиции впервые участвует и Т. Г Оболдуева, тогда сотрудник Среднеазиатского музея. В 1933, 1934 гг. Б. А. Латынин организует новостроечную экспедицию Государственной академии материальной культуры и Государственного Эрмитажа по обследованию зон строящихся электростанций и ирригационных сооружений в Фергане. В 30-е годы археология Средней Азии делала только первые шаги, и Б. А. Латынин был среди пионеров этой молодой науки. Все было впервые: многочисленные тепе — холмы, скрывавшие древние постройки, незнакомая керамика, многочисленные зернотерки. Под горячим среднеазиатским солнцем Б. А. Латынин и Т. Г Оболдуева ходили с одного тепе на другое, составляя планы, собирая материал, таская собранные материалы на себе до ближайшей железной дороги. Карта поселений Принарынского района — Кызыл-Ярской и Учкурганской степей, составленная Б. А. Латыниным,— единственный документ, свидетельствующий о большом числе древних поселений в этом районе. Б. А. Латынин был первым, кто раскопал одно из ферганских тепе, заглянул внутрь него, начал раскопки ферганского городища Эйлатан, по сей день остающегося единственным известным городищем эпохи раннего железа, впервые раскопал в Фергане «подбойно-катакомбные» курганы (в Исфаре). Б. А. Латынин создал тогда первую классификацию ферганской керамики и, правильно определив относительную ее хронологию, ошибся в отнесении найденной им крашеной керамики к анаусской культуре энеолита. И это было вполне естественно, ибо никакой другой крашеной и расписной керамики в Средней Азии тогда не было известно. Уточнение абсолютной хронологии эйлатанской керамики было сделано позднее.

Казалось, что судьба молодого ученого складывается как нельзя лучше, впереди прекрасные перспективы творческой деятельности, множество планов. Но страшные годы в истории нашей страны коснулись и его. В 1935 г. по решению Особого совещания Б. А. Латынин выслан из Ленинграда в г Куйбышев на 3 года по «соц происхождению» (дворянин), а дальше попадает в цепь беззакония. Прокуратура СССР опротестовала решение Особого совещания, и 2 июня 1936 г. оно отменяется, а Б. А. Латынина реабилитируют. Но не успел он еще вернуться в Ленинград, как 5 ноября того же года был вновь арестован, на этот раз «как привлеченный к делу бывшего партруководства (сам я беспартийный) Государственной Академии материальной культуры» (из письма Б. А. Латынина к Генеральному прокурору СССР).

В декабре 1936 г. Б. А. Латынина судит выездная сессия военной коллегии Верховного суда. Только накануне суда он узнает, в чем его обвиняют, и доказывает необоснованность и невероятность этих обвинений. Суд его оправдывает,

но объявляет, что «оформление приговора откладывается на два-три дня». Но вместо проверки дела оно опять направляется в Особое совещание, откуда возвращается в июне-июле 1937 г на доследование, и затем Б. А. Латынину сообщается, что оно прекращено... В действительности его снова рассматривает Особое совещание, которое 2 сентября 1937 г. приговаривает Б. А. Латынина к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, в Севвостлаге (северо-восточный лагерь) на Колыме, где он работал на золотых приисках чернорабочим. Срок его заключения окончился 6 ноября 1941 г., но до осени 1944 г. он оставался на Колыме, пока по инвалидности не был «списан» на Большую землю — в лагерь на Находке, потом под Комсомольском-на-Амуре, под Хабаровском и освобожден 23 сентября 1946 г.

«Таким образом, не совершив преступлений, реабилитированный Прокуратурой СССР в 1935 г., оправданный по суду в 1936 г., я все же был осужден и, даже без предъявления обвинений, 02.09.37 по Особому Совещанию к пяти годам заключения, которые фактически („по директиве") превратились почти в 10 лет (из них 14 месяцев в тюрьме) и затем (по паспортным ограничениям) еще шесть лет ссылки».

После освобождения Б. А. Латынин смог с трудом устроиться только в Сызрани, где с сохранившейся энергией восстанавливает законсервированный в 1941 г. местный краеведческий музей.

У известного археолога Т. Г Оболдуевой, его ученицы и друга, работавшей вместе с ним в Эрмитаже и уволенной после его ареста, сохранились письма Бориса Александровича с 1946—1950 гг Они написаны из разных мест пребывания и документально свидетельствуют об облике этого человека, его помыслах и чаяниях. В них поражает полное отсутствие жалоб на свой удел, письма полны оптимизма и чувства юмора по отношению к самому себе.

18 марта 1945 г — первое письмо после длительного пребывания в полной неизвестности о родных и друзьях. «Да я совсем молодец! Не могу только быстро ходить, физически работать, что-либо поднимать и т. п., как это и приличествует квалифицированному сердечнику, а в остальном я герой. За зиму болел всего раз и то гриппом. Работа здесь для меня вполне посильная: командую пошивочно-ремонтной мастерской». В другом письме того же года: «Я, даром, что инвалид, а такое желание работать и столько во мне энергии еще оказывается, когда пахнуло волей...»

Он не только полон интереса к археологическим делам, но не утратил и так свойственного ему научного предвидения. 27 июня 1946 г., Хабаровск: «Что нынче люди копают? Будут ли работы по Триполью? Хоть отсюда плохо видно и до Днепра далеко, но я плюнул бы на Днепр и все внимание сосредоточил на Днестре и западнее. А то боюсь, „Триполью" из Триполья никак будет не выбраться, а это самая для действительного „Триполья" — глухая провинциальная окраина». А ведь массовые раскопки трипольских памятников на Днестре еще предстоят, и только через несколько десятилетий трипольскую культуру станут называть Триполье-Кукутени.

Но приступить к практической археологической деятельности ему не так просто. 14 октября 1946 г., Сызрань: «В областные и республиканские центры мне въезда нет... а в местах, вроде Сызрани, я нужен так же, как астроном в колхозе... в здешнем пригородном колхозе мне посоветовали приходить следующей осенью — птиц с огорода гонять, а сейчас „пожилые" не нужны». А ему только 46 лет!

Из другого письма того же года: «...сидя в Сызрани, думаю о генезисе и семантике... скифского звериного стиля. Правда, думаю не в первый раз, но теперь конкретно. Дали бы, черти драповые, хоть маленькую возможность еще поработать! Написал и вижу, что глупо: никто ничего не дает в этом мире. Надо суметь брать самому. Я еще попытаюсь...»

Он «пытается» при почти полном отсутствии книг, картотек, материалов — только мысли, переполняющие голову. 22 декабря 1946 г., Сызрань: «...Не чаял

я уже, что смогу опять сидеть за столом и не поспевать сам за собой, пером за мыслями и что листки опять будут копиться горкой, слева... (эх, архива ГАИМК нет под рукой, с дневниками!)».

Его неизменно влечет к проблемам бронзового века, он пытается по памяти восстановить пропавшую рукопись диссертации «о скорченниках», но приходит к выводу, что «в последующее время в основной экземпляр я вносил множество дополнений и поправок, которых теперь я повторить не смогу».

Работая в Сызрани, Б. А. Латынин пишет новую кандидатскую диссертацию на тему об отражении образов женского божества и мирового древа в фольклоре и материальной культуре народов Поволжья. Еще в 1935—1936 гг находясь под судом и следствием, он вел раскопки в Куйбышевской области средневекового мордовского Барбашинского могильника. По счастью, отчеты о раскопках сохранились и послужили основной материальной базой диссертации. Он использует также знания в области этнографии, которой занимался в начале своей научной деятельности под руководством Н. Я. Марра. Защита состоялась в 1948 г.

Только в 1953 г. Б. А. Латынин смог вернуться в Ленинград, но в Институт археологии его не взяли. Его взял в Эрмитаж М. И. Артамонов. Здесь, в Эрмитаже, Б. А. Латынин проработал в отделе истории первобытной культуры до конца своих дней. Ко всем видам музейной деятельности он относился столь же страстно, как и к науке. Вопросы хранения и систематизации музейных коллекций, создание новых экспозиций, научно-просветительская работа неизменно занимали его внимание, и всюду он был активным участником. Особенно много времени и сил Б. А. Латынин отдавал пополнению музейных фондов, собиранию уникальных колекций отдела. Будучи всегда в курсе последних открытий археологов, он старался получить для Эрмитажа максимум новых интересных материалов.

Вскоре после возвращения Б. А. Латынин получил возможность поехать в Среднюю Азию — в Фергану и Ташкент, где с огромным интересом знакомился с новыми находками, стремясь заново переосмыслить давние научные выводы о развитии культур древней Ферганы. Публикуя материалы своей последней ферганской экспедиции 1934 г. (Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1961. № 3), он пересматривает представления об этапах развития ферганских культур, обращает, как и прежде, особое внимание на историю ирригации. Схема развития древних ирригационных систем, предложенная Б. А. Латыниным, не потеряла своего значения до сих пор.

Он стремится нагнать пропавшие годы, догнать своих сверстников. Работает без устали и в 1962 г. защищает на основе расширенного доклада докторскую диссертацию на тему «Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы». Этим заканчивается одна из главных научных тем его жизни. Выводы ее не теряют значения, хотя, как и всегда в науке, со временем уточняются. Очень интересной является, в частности, и его совместно с Т. Г Оболдуевой интерпретация взаимодействия в Фергане культур оседлых и кочевых народов, в основе модели которой лежали данные этнографии.

Можно только горько сожалеть о том, что если бы его не вырвали из жизни, то многие вопросы истории культуры Ферганы (а может быть, и Средней Азии) были решены раньше. Тем более, что в то время древние памятники еще «жили», а впоследствии грандиозные распашки земель и ирригационные сооружения все убыстряющимися темпами уничтожали ферганские древности.

Ферганская тема не препятствовала его изысканиям в области культур эпохи бронзы, они по-прежнему шли параллельно. Огромный багаж знаний, необыкновенно широкий исследовательский диапазон, а также особое «археологическое чутье» позволяют ему увидеть в новых открытиях то, что будет достоянием проблематики через многие десятилетия. Так, говоря о могильнике Заман-Баба, он предполагает расширение ареала причерноморских степных культур в юго-восточном направлении, отмечает культурный параллелизм между ними и па-

мятниками среднеазиатской степной бронзы, дает объяснение этому явлению («О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы». // СА. 1958. № 3). Первые находки повозок в погребениях, раскопки Михайловского поселения приводят его к мысли о пересмотре социальных отношений и экономического уклада в жизни древнеямных племен («К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы» // КСИИМК. 1957 Вып. 70).

Он первый обращает внимание на дисковидные псалии, столь важную категорию инвентаря для будущих построений схем синхронизации древностей бронзового века («Архаические круглые псалии с шипами» // Новое в советской археологии. 1965). Он первым предположил значение культуры многоваликовой керамики как одного из компонентов культурогенеза причерноморских срубных племен («К вопросу о памятниках с так называемой „многоваликовой" керамикой». Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 6. 1964).

После защиты докторской диссертации Б. А. Латынин приступает вплотную к работе над монографией «Молоточковидные булавки. Их культурная атрибуция и датировка», подводя в ней итоги своих исследований проблем периодизации и происхождения культур эпохи энеолита и бронзы Восточной Европы. Особенно подробно останавливается он на всестороннем соотношении ямной и катакомбных культур, на анализе памятников смешанного облика, на синхронизации степных и кавказских комплексов. Уже этот перечень исследуемых вопросов свидетельствует о значении работы. Но злая судьба Б. А. Латынина не отступается от него до конца. Он успевает лишь сдать монографию в печать, как болезнь приковывает его к постели, и книга выходит из печати уже после смерти Бориса Александровича.

Можно только догадываться, что сделал бы ученый такого уровня, если бы ему довелось работать всю отпущенную жизнь, а не временными отрезками, из которых лучший у него отобрали. Но все сделанное им сохранилось, и он сам сохранился в учениках своих учеников.

Б. А. Латынин и ученики — особая тема, о ней можно много говорить, она весьма поучительна. Не только авторы настоящей статьи, прямые ученики, но и многие археологи, теперь уже старшего поколения, испытали на себе его влияние. Строгий, требовательный, ироничный, но необыкновенно благожелательный и щедро отдающий знания, умение, т. е. все, чем владел. Он учил, как учили его, не жалея сил и времени, откладывая свои дела в сторону. Умел строго спрашивать, но и безудержно радоваться успехам начинающих, даже самым маленьким.

Борис Александрович не был «легким» человеком. Сам о себе он говорил, что выжил только благодаря своему скверному характеру. Бескомпромиссный (« ...я имел смелость открыто заявить на суде (и потом неоднократно писать в Верховную прокуратуру) о незаконных действиях следственных органов» — из письма Генеральному прокурору), временами резкий, не очень-то терпевший возражения, но удивительно добрый и отзывчивый человек. К нему можно было обратиться по любому поводу, он выслушивал, давал совет и, если надо, стремился помочь делом. Стоило ему узнать о том, что кому-то в Эрмитаже нужна помощь, он садился к телефону и звонил во все возможные инстанции или ехал туда, добивался справедливости и помощи любому сотруднику, обратившемуся к нему. В нем начисто отсутствовало равнодушие, его интересовало всё и все. Жизнь ломала его, он стал инвалидом, но морально он никогда не был сломлен. Те, кто его знал, никогда не забудут высокого старого человека с открытым взглядом, сердитого или доброго, с прекрасным чувством юмора, никогда не жаловавшегося на свою судьбу и сделавшего все, чтобы наперекор судьбе вернуться в строй, когда сил оставалось уже мало. Его вырвали из жизни в 35 лет, вернулся он домой в 54 года, и оставалось ему всего 12 лет, которые он полностью отдал науке, ученикам, Эрмитажу.

Критика и библиография

Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973—1977. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 256 с., 71 табл.

Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1978—1982. Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 318 с., 69 табл. (на груз. языке с русским и английским резюме)

Рецензия или отзыв о научных изысканиях в той или иной мере требует предваряющего анализ введения, в котором, как правило, освещаются состояние и изученность рассматриваемой проблемы. Исследователи Нокалакеви-Археополиса [1], подводя итоги 10-летних раскопок, избавляют критиков от поиска материалов для такой преамбулы, отмечая, что необходимость археологических изысканий обусловлена прежде всего тем, что через призму истории памятников данного города до некоторой степени можно рассматривать в целом историю Западной Грузии, поскольку Нокалакеви-Археополис являлся столицей Эгрисского (Лазского) царства. Далее, характеризуя состояние научных штудий по урбанистике древней Грузии, Н. Ю. Ломоури («Значение раскопок в Нокалакеви для истории Грузии»,— т. 2, с. 18, 19) отметил, что данные о городах Западной Грузии малочисленны и работы об их историческом развитии в основном построены на материалах письменных источников, которые в силу специфики отражения не могут дать полного представления о различных сторонах жизни города, прежде всего об экономическом и культурном развитии, состоянии ремесел, быте, топографии. Систематическое археологическое изучение городов Западной Грузии, несмотря на имеющиеся достижения, не позволяет в настоящее время составить целостное представление о характере городов данного региона. Среди причин, которые обусловили такое состояние научных штудий, прежде всего отмечается то, что культурный слой на территории некоторых археологически изучаемых городов был в значительной мере уничтожен в новое время; одним из примеров является Родополис-Вардцихе — его городище на 2/3 занято кладбищем. Существенные нарушения культурного слоя имеются и в Археополисе [2], но возможности выявления непотревоженных участков, культурного слоя и сохранившихся археологических памятников здесь больше, отчасти благодаря более значительным размерам городища (площадь Археополиса — 20, Родополиса — 2,5 га). Малочисленность данных письменных источников предопределила постановку научной задачи, которая объединила сотрудников Нокалакевской экспедиции. Как отмечает Н. Ю. Ломоури (т. 2, с. 20), эти задачи состоят в изучении значимости города по археологическим данным, в выявлении особенностей экономического развития города, в структурно-топографическом анализе древних памятников, определении интенсивности жизни в те или иные периоды истории Нокалакеви.

Следует отметить, что структура сборников позволяет последовательно проследить реализацию поставленных задач. Прежде всего необходимо отметить композиционное единство обоих томов, для которых характерно изложение от общего к частному, от постановки проблем и до некоторой степени решения общих вопросов по истории Эгрис и Нокалакеви к освещению процесса получения археологических материалов, послуживших основой для теоретических обобщений, наконец, изложение данных, полученных в процессе раскопок отдельных памятников и их детальный анализ. Завершают оба тома приложения, включающие иллюстративный материал и публикации дневников и отчетов о работах на городище до 1972 г (см., например: *Мусхелишвили Л. В.* Дневник и итоги раскопок 1930/31 годов. Т. 2, с. 289—306).

Чрезвычайно сложно с одинаковой степенью полноты охарактеризовать все статьи, включенные

---

[1] Начиная с 1973 г. раскопки проводит археологическая экспедиция Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Городище расположено на берегу р. Техури, на территории современного села Нокалакеви, в 15 км к северу от районного центра г. Цхакая (Цхакаевский р-н ГССР).

[2] Культурный слой на территории Археополиса частично нарушен строительством жилых домов, устройством в центральной части городища кладбища и сползанием почвы.

© А. И. Романчук, Г Р. Цецхладзе, 1990 г.

в сборники, поскольку содержание их отличается достаточно широкой тематикой, охватывая анализ краниологических серий (*Абдушелишвили М. Г., Цицма Н. И.* Антропологические материалы эллинистического времени из Нокалакеви. Т. 1, с. 200—219), описание погребений и характеристику погребального обряда в различные хронологические периоды (*Гвинчидзе Г О.* Погребения, выявленные в Нокалакеви. Т. 1, с. 150—183; *Замтарадзе М. А.* Погребения, выявленные в Нокалакеви в 1981—1982 гг. Т. 2, с. 211—236; *Гвинчидзе Г О.* Погребальные памятники античного времени, расположенные вокруг Нокалакеви. Т. 2, с. 249—273), вопросы реконструкции архитектурных комплексов, а также публикацию отдельных видов находок.

В частности, небольшая заметка Т. С. Каухчишвили «Греческие надписи из Нокалакеви» (т. 1, с. 197—199) посвящена публикации двух керамических находок, одна из которых — крышка для сосуда с отдельными сохранившимися буквами, вторая — керамическая плита с надписью VI—VII вв. Последняя интересна для изучения работы сооружений, входивших в комплекс бани. Надпись на плите гласила: «Поступающий жар [место] осмотра». Плита найдена во время раскопок «царской» бани, на уровне пола; по мнению Т. С. Каухчишвили, она закрывала отверстие, с помощью которого производились проверка и регулирование нагрева воды.

Большое значение для изучения характера торговых связей имеет публикация монет, обнаруженных как непосредственно в Нокалакеви, так и в его окрестностях (клад из 13 серебряных монет трапезундских Комнинов и Сельджуков Рума, найденный около купольного храма в Ноджихеви). Т. Я. Абрамишвили («Монеты из Нокалакеви и Ноджихеви». Т. 2, с. 274—287) приводит данные о находках до начала систематических работ на городище. В целом небольшая коллекция монет (каталог содержит описание 40 экземпляров, из них 22 из Нокалакеви) позволяет автору сделать предположение о наличие торговых связей между Лазикой и Византией; анализ нумизматического материала показал, что поселение в Нокалакеви возникает уже в IV в. до н. э. Выводы, изложенные в данной статье, подтверждают материалы, опубликованные Д. А. Ломиташвили, Б. Ш. Лордкипанидзе (т. 2, с. 203—209).

В статьях начальника Нокалакевской экспедиции П. П. Закарая («Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1973—1977 гг.» Т. 1, с. 77—119; «Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1978—1982 гг.». Т. 2, с. 47—89) рассматривается топография городища, изложены основные итоги 10-летних археологических изысканий, которые позволили открыть ряд уникальных памятников архитектуры: два культовых сооружения, городскую и дворцовую бани, комплекс трехэтажных дворцовых построек, фортификационные сооружения, пережившие три периода строительства (IV—VI вв.). Как одну из заслуг экспедиции следует отметить систематическое изучение окрестностей города (радиус охватываемой разведками и раскопками территории — 20 км). Последнее в корне изменило представление о материальной культуре данного региона, позволило выявить ряд построек около современного села Ноджихеви: уникальную церковь X—XIII вв., баню и тетраконх IV—IX вв., единственную на территории Грузии восьмиапсидную церковь X—XIII вв., в которой обнаружены надписи древнегрузинским письмом. Таким образом, изучение Нокалакеви и его окрестностей показало чрезвычайно интенсивное строительство на протяжении достаточно длительного периода — IV—XIII вв.

Развитием некоторых положений работ П. П. Закарая являются статьи, в которых рассматриваются отдельные памятники, прослеживается периодизация строительства и дается реконструкция сооружений. Это прежде всего статьи Т. В. Капанадзе: «Ноджихевский тетраконх» (т. 1, с. 220—226), «Базилики Нокалакеви» (т. 2, с. 90—125), в которых обобщены материалы изучения культовых построек столицы Эгриси. В небольшой заметке З. Н. Схиртладзе «О первоначальном живописном декоре церкви „Сорока мучеников" в Нокалакеви» (т. 2, с. 126—135) описаны обнаруженные во время реставрационных работ фрагменты первоначального декора алтарной части храма — изображения крестов, относящиеся к концу V — началу VI в. Необходимо отметить, что значение статей, в которых рассматриваются культовые постройки, не сводится только к архитектурно-строительному аспекту — в названных выше работах затрагиваются проблемы церковной истории, аргументированно доказывается более ранняя, чем традиционная, дата принятия христианства в западной Грузии. Культовое строительство, подчеркивает Т. В. Капанадзе, не могло развернуться ранее образования церкви, поэтому принятие христианства следует отнести к IV в. Таким образом, дата, утвердившаяся в литературе на основании письменных источников (523 г.), должна быть пересмотрена [3].

[3] Аргументированное мнение о принятии христианства в IV в. впервые высказал Н. Ю. Ломоури. См. *Ломоури Н. Ю.* История Эгрисского царства (с возникновения до V в. н. э.). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1968. С. 112—120.

Светскому зодчеству посвящены исследования М. Д. Яшвили, М. Л. Замтарадзе — «Дворец эгрисских царей» (т. 1, с. 184—195) и М. Д. Яшвили, П. П. Закарая — «Шхепская крепость» (т. 2, с. 190—202). В первой статье содержится описание трех строительных периодов дворцового комплекса (IV—V вв., середина V в., начало VI в.), дана предполагаемая реконструкция, приведен разнообразный массовый археологический материал, который послужил основой для датировки памятника. Вторая статья по обсуждаемой в ней проблематике гораздо шире названия. Она представляет собой попытку типологического анализа крепостей, входивших в единую систему укреплений, протянувшуюся от побережья (от Сухуми) в глубь материка (к Нокалакеви). Целью создателей укреплений, среди которых исследователи выделили гарнизонные крепости (Шхепи — IV—VIII вв., Чаквинджа, Цебельда) и караульные (крепость в с. Котианети и в г. Цхакая, Сатанджо и др.), являлась защита Колхидской низменности, житницы Эгриси, территории, по которой проходили торговые пути от моря к столичному городу.

В значительной мере последним обстоятельством — наличием торговых связей — объясняется поступление импортной керамической тары, различных видов широко известных в Причерноморье — Средиземноморье амфор V — начала VII в. Публикации этого материала наряду с другими находками посвящены две статьи: В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе — «Массовые археологические находки из раскопок в Нокалакеви» (т. 1, с. 120—149, статья опубликована на русском языке) и В. А. Леквинадзе — «Массовый археологический материал IV—XI вв., обнаруженный в Нокалакевском городище в 1978—1982 гг.» (т. 2, с. 237—248). Композиция и содержание статей перекликаются, что вполне закономерно, поскольку публикуется в целом однотипный материал; близки в обеих статьях и выводы авторов. Отметим два момента, характеризующих концепцию В. А. Леквинадзе и Л. И. Хведелидзе. Во-первых, постоянный рефрен о бедности культурного слоя, перемешанности находок, что, по мнению авторов, не позволяет считать археологический материал доброкачественным; во-вторых, констатация положения о единичности или малочисленности, случайности находок, на основании чего авторы делают выводы о неразвитости Археополиса как торгового и производственного центра, хотя в более поздней статье В. А. Леквинадзе приводит некоторые виды изделий местных гончаров, например подражания краснолаковым сосудам IV—VI вв. Не останавливаясь в данном случае на критике положений В. А. Леквинадзе и Л. И. Хведелидзе, что было блестяще сделано Н. Ю. Ломоури и о чем речь пойдет ниже, отметим бросающееся в глаза даже при беглом чтении статьи противоречие. Исследователи говорят о единичности находок, отмечая в то же время, что среди фрагментов импортных амфор выделено около 100 экземпляров амфор с густым рифлением корпуса в один-два десятка амфор с бороздчатой поверхностью, описывают уникальную, достаточно внушительную по числу целых экземпляров коллективную находку (из 22 амфор с перехватом), обнаруженную далеко не случайно (в процессе археологических работ) у ворот акрополя (т. 1, с. 131). Случайность, если уж так хотят авторы видеть ее проявление, только в том, что эти амфоры «случайно» сохранились до нашего времени in situ. Попутно заметим, что при характеристике культурного слоя исследователи не учитывают вид памятника (храм, дворец, складское помещение или жилой дом). В Нокалакеви раскопаны такие сооружения, как культовые постройки, оборонительные стены, раскопки которых и в других городах никогда не приводили к получению значительных по количеству находок коллекций. В данном случае один из авторов рецензии может сослаться на свой многолетний опыт раскопок в Херсонесе, на исследования оборонительных стен Херсонеса А. Л. Якобсоном и И. А. Антоновой.

Завершая обзор работ, в которых в той или иной мере превалирует археологический материал, необходимо отметить фундированную, построенную на тщательном изучении стратиграфии, топографических особенностей местности, анализе массового археологического материала и строительных приемов статью П. П. Закарая «Система укреплений Нокалакеви» (т. 2, с. 136—189). Автор проследил двучленное деление городской территории: нижний город — цитадель (3 га), выявил периодизацию строительства укреплений каждого из районов и сделал попытку восстановить, основываясь как на собственных наблюдениях, так и на аналогиях, внешний вид оборонительных стен и возможный объем работ при их сооружении. Приведенные П. П. Закарая данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что сводить значение Археополиса только к административно-политическому и оборонительному центру, в котором население не «жило», «служило» (тезис В. А. Леквинадзе), глубоко ошибочно.

В известной мере обобщение конкретного материала, содержащегося в сборниках, являются статьи одного из ведущих грузинских византинистов Н. Ю. Ломоури: «Нокалакеви — Археополис — Цихегоджи» (т. 1, с. 18—47) и «Значение раскопок в Нокалакеви для исследования истории Грузии» (т. 2, с. 17—46). Названные статьи являются по существу двумя частями единого исследования

с органично включенными небольшими эссе. Как пример можно привести этимологический очерк, объясняющий происхождение названия города, основанного, согласно данным письменных источников, эриставом Эгриси — Куджи в III в. до н. э. и получившего его имя — «Крепость Куджи» («Цихе Куджи»). В результате искажения позднейшими переписчиками возникла, очевидно, форма «Цихе Горди». Объяснимо, если учитывать древность города, и появление византийского названия города — Археополис (т. 1, с. 27—30).

Н. Ю. Ломоури последовательно анализирует источники, что позволяет показать историческое значение столицы Эгриси и рассмотреть в целом развитие данного региона. Подробно останавливается автор на описании событий 30—60-х годов VI в., когда Лазика стала ареной длительных войн между Византией и Сасанидским Ираном (т. 1, с. 18—24), и приводит сведения о разрушительном походе арабского полководца Мервана ибн-Мухамеда (737—738 гг.), после которого город уже не смог оправиться, превратившись в рядовую крепость.

В статье, помещенной во втором томе, в основном интерпретируются материалы раскопок, которые в значительной мере расширяют представления об истории города, особенностях его развития, сложившиеся на основании данных письменных источников. Правда, в некоторых случаях автор не избежал повторов. Так, например, описывая рельеф местности (т. 2, с. 23), оборонительные и культовые сооружения (с. 24, 25), Н. Ю. Ломоури в сущности приводит данные, изложенные в статье П. П. Закарая и других исследователей. Значительное место в статье Н. Ю. Ломоури уделено дискуссии с В. А. Леквинадзе и Л. И. Хведелидзе (т. 2, с. 27—35). В своеобразной вставке последовательно развенчиваются концепция о бедности культурного слоя, отсутствии ремесел в Нокалакеви, тезис, преувеличивающий влияние римско-византийских строительных традиций. Н. Ю. Ломоури отмечает и ошибочность заявления В. А. Леквинадзе о том, что Питиунт и Себастополис в IV—V вв. являлись обычными римскими укреплениями. Данные источников, внешнеполитическая обстановка в Западной Грузии в позднеантичный период позволяют считать, что в IV—V вв. в Питиунте и Себастополисе не стояли, да и не могли стоять римские гарнизоны (с. 29), что в позднеантичный — раннесредневековый период эти центры превращаются в местные крепости-города. Современный им Археополис (Нокалакеви — от «калаки» — город) являлся в это время достаточно крупным центром международной торговли, о чем свидетельствуют и исследования оппонентов — В. А. Леквинадзе и Л. И. Хведелидзе. Последовательный анализ открытых археологических комплексов, что отчасти объясняет имеющиеся в статье Н. Ю. Ломоури повторы, позволил аргументированно опровергнуть тезис о том, что в Нокалакеви «население не жило», а только «служило».

Не будучи в полном смысле слова археологом в отличие от оппонентов, Н. Ю. Ломоури объясняет причины отсутствия слоев на территории Шидацихе (внутренней крепости) сползанием грунта с высоких склонов. Малочисленность массового археологического материала в остальных районах также вполне объяснима: внутри городских стен изучались только небольшие участки, городские кварталы раскопками не затронуты. Исследования же округи подтверждают городской характер экономики Нокалакеви, поэтому, по мнению Н. Ю. Ломоури, дальнейшее изучение Нокалакеви позволит подойти к решению вопросов об особенностях генезиса городов в Западной Грузии, уточнить некоторые конкретные стороны истории Грузии в целом (с. 44).

Оценивая значение работ Нокалакевской экспедиции, нельзя не отметить и большую просветительную работу, создание музея города Нокалакеви, стремление превратить городище в заповедник — все это имеет огромное значение для воспитания у населения исторических представлений, уважения к истории своего народа.

Безусловно, в краткой рецензии трудно изложить все проблемы, которые поставили перед исследователями археологические раскопки в Нокалакеви и которые отчасти решены благодаря 15-летнему систематическому изучению памятников этого города. Хотелось бы надеяться, что отдельные итоги работ Нокалакевской экспедиции, опубликованные достаточно полно на грузинском языке, будут повторены для русскоязычного читателя, что позволит историкам-урбанистам учитывать выводы грузинских коллег в своих штудиях.

А. И. Романчук, Г Р. Цецхладзе

Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984. Том 2. Нальчик: Эльбрус. 1985. Том. 3. Нальчик: Эльбрус, 1987

В последнее десятилетие в ряде развитых стран со сложившимися традициями в деле охраны памятников истории и культуры все острее встает проблема, которую можно было бы сформулировать так: охрана памятников от их археологического исследования. В качестве реакции на постановку этой проблемы в США явилось возникновение концепции под названием «Этика консервации памятников», которая положена в основу деятельности Управления памятниками культуры США и созданного там в 1975 г. Общества профессиональных археологов. Эта концепция базируется на тезисе, что потеря археологических объектов невосполнима и они должны в большей степени сохраняться для будущих исследований с помощью более совершенной методики, чем для археологического изучения в настоящее время [1] Поэтому при рассмотрении вопроса об организации археологических раскопок того или иного объекта исходная позиция заключается в обеспечении физической сохранности памятника культуры, а следовательно, раскопки должны производиться только на тех объектах, которым угрожает немедленное разрушение. Трудно сомневаться в справедливости такого подхода к памятникам истории и культуры.

Аналогичная проблема начинает волновать и нашу научную общественность. Все чаще раздаются призывы к археологам использовать для раскопок только те памятники, которые в ближайшее время могут погибнуть в зонах народнохозяйственной деятельности. Так, в докладе на Новгородском пленуме научно-методического совета Министерства культуры СССР В. Л. Янин [2] говорил о том, что «вопрос, казалось бы, ясен. В первую очередь нужно копать там, где памятник завтра может исчезнуть под фундаментом нового здания или на дне водохранилища. Однако не всегда такой принцип проводится в жизнь. Иной исследователь, пренебрегая сложившейся ситуацией, ведет работы в границах заповедников или же там, где его объекту ничего не угрожает завтра и послезавтра. При этом оправдания находят в ссылках на значение такого памятника для быстрейшего решения плановой научной проблемы».

Авторы рецензируемых сборников, сотрудники сектора археологии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики И. М. Чеченов, Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев, В. М. Батчаев, Б. М. Керефов, однозначно решили эту проблему еще в начале 70-х годов, развернув широкомасштабные охранные археологические работы в зонах народнохозяйственного строительства КБАССР и продолжив в этом отношении лучшие традиции ГАИМК 30-х годов [3]. В связи с реконструкцией оросительной системы в бассейне р. Чегем сотни курганов, содержащих ценнейшую историческую информацию, оказались под угрозой уничтожения. Экспедиции КБНИИИФЭ исследовали эти археологические памятники и, таким образом, спасли их для науки. Рассматриваемые сборники вводят в научный оборот материалы, полученные новостроечными экспедициями КБНИИИФЭ в 1972—1979 гг., компонуя их по хронологическому признаку.

Первый том (под редакцией В. И. Марковина) посвящен систематизации и анализу археологического материала эпохи бронзы (III—II тыс. до н. э.). Он открывается статьей Р. Ж. Бетрозова и А. Х. Нагоева «Курганы эпохи бронзы у селений Чечем I, Чечем II и Кишпек (1-я и 3-я группы)», где публикуется материал погребений майкопской и северокавказской культур из 120 курганов, подвергшихся охранным раскопкам, что будет способствовать дальнейшему изучению хронологического соотношения этих культур. Продолжение поднятой темы нашло отражение в работе И. М. Мизиева «Два кургана у селений Кишпек и Кизбурун III», носящей публикационный характер. Вводу в научный оборот материалов эпохи ранней и средней бронзы, полученных экспедициями КБНИИИФЭ в 1974—1978 гг., посвящена статья В. М. Батчаева «Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым». Комплексы эпохи ранней бронзы из курганов у с. Лечинкай значительно расширяют источники для изучения майкопской культуры. Важнейшим результатом этих новостроечных работ является открытие погребальных памятников II тыс. до н. э. в верховьях р. Баксан, т. е. в той высокогорной полосе, где ранее были известны лишь отдельные находки этого времени. Автор поднимает много важных вопросов, связанных с проникновением на территорию Кабардино-Балкарии представителей древних степных племен — носителей ямной и катакомбной культур и их взаимодействием с аборигенным населением.

Работа И. М. Чеченова «Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II» содержит

© Г Е. Афанасьев, 1990 г.

публикацию материалов, а также исследование хронологического аспекта и этнокультурную атрибуцию спасенных памятников на базе их всестороннего анализа. Автор излагает ряд интересных наблюдений, позволяющих судить о движении майкопских племен к востоку от Причерноморья, об основных хронологических этапах в истории древнего населения этого рёгиона, о контактах местных племен Центрального Кавказа с носителями предкавказской катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Особое внимание в работе он уделяет анализу антропоморфных стел, намечая широкий ареал их распространения, что в дальнейшем поможет ответить на вопрос об их этнокультурном происхождении и функциональной направленности.

Завершается первый том «Археологических исследований на новостройках Кабардино-Балкарии» статьей сотрудника Института археологии АН СССР С. Н. Кореневского «Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии». На основании анализа более 330 древних металлических предметов, полученных в результате проведения охранных археологических работ на новостройках республики, исследователь делает аргументированные выводы о существовании в майкопское время в регионе Центрального Кавказа особого локального района металлообработки, который по своим особенностям близок металлургическому очагу в Прикубанье. По мнению С. Н. Кореневского, в эпоху развитой бронзы на территории современной Кабардино-Балкарии складываются два специфических региона: в горных районах использовались мышьяково-сурьмяные сплавы, а в предгорных для изготовления изделий применялась мышьяково-висмутовая бронза. Несомненно, эта работа вносит значительный вклад в понимание древней металлообработки Северного Кавказа.

Совершенно очевидно, что рассматриваемый сборник представляет собой важный источниковедческий труд для всех специалистов, занятых изучением проблем эпохи бронзы в Восточной Европе и сопредельных регионах. Представленные в первом томе материалы вызвали большой интерес у всех, кто интересуется историей центрально-кавказского населения.

Второй том «Археологических исследований на новостройках Кабардино-Балкарии» (под редакцией М. П. Абрамовой и В. И. Козенковой) целиком посвящен характеристике и анализу археологического материала эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н. э.—II в. н. э.), полученного при раскопках могильников в районах новостроек КБАССР в 1972—1979 гг. Фактически это коллективный труд сотрудников КБНИИИФЭ В. М. Батчаева, Б. М. Керефова и сотрудницы ИА АН СССР Т. Б. Барцевой. Сборник открывается работой В. М. Батчаева «Древности предскифского и скифского периодов», вводящей в научный оборот новые памятники конца II — середины I тыс. до н. э. и позволяющей по-новому взглянуть на ряд аспектов древней истории Центрального Кавказа. Так, например, находки из Бедыма меняют наши представления о роли обряда кремации трупов у носителей кобанской культуры, обитавших в Баксанском ущелье в раннескифский период. Представленные автором источники расширяют возможности изучения сложного процесса взаимодействия горского населения с кочевниками евразийских степей. Особый интерес представляют материалы Нартанского курганного некрополя VII—VI вв. до н. э., где В. М. Батчаев выделяет две хронологические группы погребений, принадлежащих, по его мнению, к памятникам кочевников скифо-савроматского круга. Не все выводы исследователя находят у специалистов единодушную поддержку, что естественно. Ценнейшие комплексы некрополя долго будут объектом изучения, открывающего широкие возможности для плодотворной научной дискуссии.

Материалы Нартанского могильника положены и в основу статьи Т. Б. Барцевой «Химический состав цветного металла из курганного могильника у сел. Нартан (по данным спектрального анализа)». Исследование 380 предметов позволило автору выявить особенности состава цветного металла и прийти к выводу о возможности выделения групп предметов, изготовленных в местных северокавказских мастерских, и импортных изделий. Хотя отдельные выводы Т. Б. Барцевой вызывают у некоторых исследователей возражения, нельзя не признать, что эта статья является весомым вкладом в изучение специфических черт и особенностей северокавказского цветного металлопроизводства в скифскую эпоху.

Вторая часть сборника содержит материалы и исследования, отражающие сарматскую тематику. В ее основе лежит большая работа Б. М. Керефова «Чегемский курган — кладбище сарматского времени». Как известно, появление на рубеже новой эры на Северном Кавказе катакомбного обряда захоронений большинство исследователей объясняет продвижением сюда сармато-аланских групп, что неразрывно связано с генезисом раннесредневековой аланской культуры; поэтому каждый новый катакомбный могильник сарматского времени чрезвычайно важен

для решения широкого круга аспектов аланской проблемы в целом. Анализ полученных материалов дал Б. М. Керефову основание выделить две хронологические группы погребений Чегемского могильника: II — I вв. до н. э. и I — II вв. н. э. Исследователь предлагает и этническую дифференциацию погребенных в различных типах могильных сооружений: грунтовые погребения связываются с представителями местного кавказского этноса, а катакомбы и подбои — с ираноязычными сарматами аорского происхождения, продвинувшимися на Северный Кавказ из Среднеазиатского региона. В целом же следует отметить, что работа Б. М. Керефова представляет огромный научный интерес прежде всего вводом в научный оборот новых и порой уникальных материалов для изучения культуры племен Центрального Кавказа в сарматскую эпоху.

Том завершает статья Т. Б. Барцевой «Итоги изучения цветного металла Чегемского кургана», в которой исследовательница, проанализировав бронзовые изделия из 35 комплексов, выделила четыре металлургические и две химические группы, позволяющие определить предметы местного производства и импортные. Удалось установить, что контакты местного населения со степными кочевниками-сарматами наиболее отчетливо проявлялись в конце I тыс. до н. э.

Итак, второй том рецензируемой серии сборников — это новая яркая страница в изучении памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Центральном Предкавказье, которая займет заметное место в кавказоведческой литературе.

Третий том «Археологических исследований на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.» (под редакцией В. А. Кузнецова) содержит характеристику и анализ археологического материала эпохи средневековья (IV—XVIII вв.), полученного при раскопках городищ и могильников в районах новостроек республики. Сборник открывается публикацией Р. Ж. Бетрозова «Курганы гуннского времени у селения Кишпек», знакомящей читателей с комплексом из восьми курганов, относящихся к раннему средневековью и составляющих часть обособленной курганной группы. Отмечая своеобразие исследованных погребений для Северокавказского региона, автор находит им параллели в круге памятников гуннской эпохи юга европейской части СССР. Он не предлагает однозначного решения вопроса об этнокультурной принадлежности кишпекских курганов, допуская существование двух версий: либо они принадлежат сармато-аланам, подвергшимся тюркизации, либо эти памятники оставлены одним из тюркских племен. Нельзя не согласиться с В. А. Кузнецовым в том, что это — исключительный по своему научному значению археологический материал, подлинный смысл которого выходит далеко за рамки Северного Кавказа.

Работа И. М. Чеченова «Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа» состоит из 15 самостоятельных статей, посвященных вводу в научный оборот комплексов, добытых в той или иной степени в итоге проведения охранных археологических работ на новостройках. Но автор не ограничивается публикацией материалов. Их анализ и интерпретация позволили уточнить ряд вопросов этнокультурного развития носителей аланской культуры Центрального Кавказа и вызвали постановку новых. Одним из них является вопрос о причинах миграции в VII—IX вв. отдельных групп аланского населения предгорной зоны в высокогорные районы. Автор увязывает этот факт с давлением хазаро-болгарских племен, с чем не согласен В. А. Кузнецов, полагающий, что причины этого явления следует искать в становлении у аланского населения раннефеодальных отношений. Конечно, этот вопрос требует глубокого специального изучения, но нельзя не обратить внимания на то, что на это же время приходится также миграция отдельных групп алано-асской этнической общности из района Кисловодской котловины в бассейн Среднего Дона. И если учитывать политическую ситуацию, сложившуюся в VIII—IX вв. в Предкавказье, то становится очевидным, что такая миграция была возможна только при активном содействии хазар. Следовательно, взаимоотношения хазар и алан не носили характера постоянной конфронтации, способной вызвать массовую миграцию алан в горы, как это было в XIII—XIV вв.

Третий том завершает статья А. Х. Нагоева «Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.», в которой публикуется новый археологический материал из раскопанных автором курганных групп около селений Чегем II, Лечинкай, Шалушка и Кызбурун III (в общей сложности 226 курганных насыпей). Дневниковые описания дополняются разделами с анализом погребального обряда, погребального инвентаря и их этнокультурной принадлежности. Этот материал представляет большой интерес для изучения истории адыго-кабардинских племен и их связей с северокавказскими соседями.

Таким образом, коллектив КБНИИИФЭ подготовил и ввел в научный оборот еще один интереснейший сборник, отражающий его многолетний труд по спасению археологических

объектов в зонах новостроек республики, труд по осмыслению и интерпретации полученных материалов.

Рассматриваемые сборники со всей наглядностью показывают, что охранные археологические работы на новостройках создают обширнейший банк данных для изучения практически любых научных проблем, охватываемых нашей наукой. Полноценное использование этого банка, как и его дальнейшее дополнение, всецело зависит от порядка организации и постановки научной проблемы, предназначенной для решения отдельным сотрудником или коллективом того или иного учреждения археологического профиля. Ведь еще на стадии определения темы будущего исследования ее всегда можно сориентировать на использование материалов, или уже собранных в процессе новостроечных работ, или тех, которые предстоит получить путем спасательных раскопок археологических памятников, попадающих в зоны народнохозяйственной деятельности. Сотрудники сектора археологии КБНИИИФЭ успешно идут в этом направлении, решая региональные научные проблемы на базе археологического источника, добытого в процессе спасательных работ на новостройках. И результаты налицо, это не только рецензируемые сборники, но и серия монографий, подготовленных сотрудниками сектора в 70-х и 80-х годах и встреченных с большим удовлетворением специалистами по археологии и истории Кавказа [4—7].

Ориентация на охранные раскопки приобретает особое значение в настоящее время, когда повсеместно в научных учреждениях происходит переход на новые формы финансирования фундаментальных и прикладных исследований в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г., № 1102 «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». Он предназначен стимулировать экономические рычаги в развитии фундаментальных и прикладных исследований на основе хозяйственных договоров. И в этом отношении укрепление взаимовыгодных деловых связей учреждений археологического профиля с проектными организациями на предмет разработки мероприятий по обеспечению сохранности памятников истории и культуры путем исключения археологических объектов из зоны предстоящих народнохозяйственных работ или со строительными организациями на предмет спасения археологических памятников путем их полного научного исследования имеет большие перспективы.

Нужны ли науке раскопки на Северном Кавказе археологических памятников, которым не угрожает разрушение? Нет. Только Северокавказская экспедиция ИА АН СССР за 10 лет своего существования (1975—1985 гг.) исследовала 323 кургана, где обнаружено 2634 погребения, раскопала 1219 захоронений в бескурганных могильниках, разобрала 651 м^2 культурного слоя поселений, охватила разведками и нанесла на археологические карты 7518 курганных насыпей [8] Показательно, что за первые 3 года текущей пятилетки работающие на Северном Кавказе экспедиции ИА АН СССР (без Ленинградского отделения) спасли путем полного археологического изучения от разрушения более 11 тыс. м^2 культурного слоя поселений и городищ, около 300 курганных насыпей, содержащих многие сотни погребений. А если к этому добавить объемы охранных археологических работ, выполняемые в Северокавказском регионе специалистами местных и центральных музеев, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, то становится очевидным, что рост банка данных уже сейчас значительно превышает возможности археологов обработать, осмыслить и интерпретировать полученный материал, бóльшая часть которого ждет своих исследователей. И на первый план в настоящее время уже выходит даже не столько задача организации охранных раскопок в зоне намеченного строительства, сколько участие на хоздоговорной основе учреждений археологического профиля в работе проектных организаций, чтобы еще на стадии предпроектной или проектной подготовки выявить археологические объекты и исключить участки, где расположены памятники истории и культуры, из зоны строительства.

Опыт работы сектора археологии КБНИИИФЭ на новостройках республики, отраженный в рецензируемых томах «Археологических исследований...», наглядно показывает свою эффективность как в деле спасения памятников истории и культуры, так и в отношении дальнейшей разработки актуальных проблем древней и средневековой истории народов Северного Кавказа. Он состоит в реальном воплощении в жизнь на территории Кабардино-Балкарии археологической «этики консервации памятников».

Г. Е. Афанасьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Don D.* Fowler Cultural Resource Management//Advances in Archaeological Method and Theory. 1982. V 5.
2. *Янин В. Л.* Охрана и использование памятников археологии в СССР//Методические основы охраны и использования памятников археологии, М., 1987
3. *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции// Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110.
4. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.
5. *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.). Нальчик, 1981.
6. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986.
7. *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988.
8. *Гей А. Н., Каменецкий И. С.* Северокавказская (Донская).//Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 1986.

Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde/Ed Arwidsson G. Stockholm, 1986. 176 S. 67 Abb., 21 Taf., 3 Pläne, 1 Karte

В 1986 г. Шведской Королевской академией литературы, истории и древностей издан очередной том материалов из раскопок Бирки — могильника IX—X вв. в Средней Швеции, хорошо известного советским исследователям — археологам и историкам [1]

Систематическому анализу многочисленного и разнообразного инвентаря посвящены три отдельных тома, из которых два уже опубликованы, а третий выйдет в ближайшее время.

Первый том (II:1) состоит из статей, посвященных отдельным группам предметов костюма, быта, культа и различным сосудам из дерева, стекла и металла [1] Во второй, рецензируемый нами том (II:2), состоящий из 20 разделов, вошли статьи, рассматривающие предметы вооружения, снаряжения всадника и коня, одежду и мужские поясные наборы, гирьки и весы для малых взвешиваний, костяные коньки и «ледоходные» шипы, некоторые бытовые предметы. В третий том (II:3) предполагается включить весь найденный в Бирке нумизматический материал, описание некоторых групп украшений (гемм, бус, подвесок к ожерельям) и такие находки массового характера, как шкатулки, ключи, ножи, оселки.

Статьи второго тома написаны 13 авторами, специалистами по отдельным категориям вещей, по тому же плану, что и работы первого тома: название предмета, материал, из которого он изготовлен, количество учтенных экземпляров, типология, местоположение в захоронении с учетом погребального обряда и взаимовстречаемости с другими находками, датировка и происхождение.

При описании предметов погребального инвентаря имеются ссылки на таблицы, помещенные в работе Х. Арбмана 1940—1943 гг., копии которых на пластинах микрофиш приложены к тому II:1. Приведена обширная библиография, насчитывающая около 400 наименований.

Разделы настоящего сборника неравноценны по объему лежащего в основе исходного материала и широте сопоставлений.

Значительный интерес представляет работа, в которой анализируется характерный для Швеции женский и мужской костюм эпохи раннего средневековья. Это исследование проведено И. Хэг, известной своими многочисленными статьями по данной проблематике. По незначительным фрагментам шерстяной, шелковой и льняной тканей автор восстанавливает в общих чертах женскую одежду, например такую, как рубашки из белой льняной ткани полотняного переплетения, с заложенными по всей длине мелкими складками. Плиссированные рубашки появляются в Бирке в IX в., позже, в X в., они встречаются так же часто, как гладкие рубашки, без складок. Техника плиссировки IX—X вв. до конца не изучена; считается вероятным, что мелкие складки могли закладываться еще в процессе тканья. Рубашки обычно носили под юбкой, состоящей

[1] Тома I, II материалов Бирки изданы на немецком языке, начиная с IV тома — на английском.

© М. В. Фехнер, Т. А. Пушкина, 1990 г.

преимущественно из двух полотнищ различных шерстяных материй, которые закрывали всю грудь и поддерживались перекинутыми через плечо бретелями. В X в. вошли в моду юбки того же покроя, но из льняной материи. Инга Хэг предполагает, что до конца периода викингов (вторая половина XI в.) обработка льняного волокна в Скандинавии не достигла значительного развития. В связи с этим льняные ткани в рассматриваемое время считались предметами роскоши и встречаются в основном в богатых захоронениях (с. 62, 63).

Изучая остатки одежды из погребений Бирки, автор пришла к заключению, что женская одежда X в. состояла также из двух платьев типа туники. Одну из них, из шелковой импортной узорной ткани, тонкой шерстяной или льняной материи, тесно облегающую фигуру, надевали через голову и носили под юбкой. Вторая, из аналогичных тканей, носилась поверх юбки; полы последней, не имевшей застежки, скреплялись фибулой. Обе туники отделывались декоративной тесьмой и узкими полосками цветного шелка.

Мужская одежда, следы которой прослежены примерно в 50 захоронениях, состояла из накидки из грубой шерсти (иногда синего цвета), скреплявшейся у правого плеча или правого бедра кольцевидной фибулой с длинной иглой, короткой туники из шерстяной или льняной ткани, и богато украшенной лентой-тесьмой, вышивкой, полосками шелка, и кафтана из плотной шерстяной или льняной ткани с расположенными в ряд от шеи до пояса бронзовыми круглыми пуговицами. В этот костюм входил и богато оформленный кожаный или матерчатый пояс. Представляет интерес замечание, что погребальный костюм мог значительно отличаться от повседневного прижизненного.

В развитии шведского костюма, по мнению автора, чувствуется большое влияние Византии (плиссированные рубашки, покрой туник), однако вызывает некоторое удивление, что черты восточной культуры, отчетливо проявляющиеся в отдельных деталях одежды (например, кафтаны с богатыми поясами), полностью автором игнорируются.

В рецензируемом томе большое внимание заслуживает раздел «Гирьки в погребениях Бирки — метрология и хозяйство». Исследование этого материала проведено У. Кюльбергом — автором многих публикаций по данной теме. В работе изложены результаты изучения 423 предметов, которые автор классифицирует как весовые единицы (наряду с гирьками отдельные детали каменных и металлических украшений, единичные бусы), из которых 171 экз. найден на поселении и 252 гирьки — в 148 курганах. Бросается в глаза то, что в Бирке при значительном числе находок гирек весы для малых взвешиваний обнаружены лишь 4 раза. Такое же соотношение количества находок гирек и весов отмечается и в других, синхронных могильнику памятниках (например, в Гнездовском некрополе, Ярославских курганах, Ладоге). В работе приведена типология гирек и отмечено, что 65% гирек являются бочковидными, а одновременно сосуществующие с ними 14-гранные составляют ~18%. Как правило, весовые гири обнаружены в погребениях взрослых (мужчин и женщин) и редко встречаются в детских.

Особое внимание в работе уделено местоположению гирек в погребениях. В 94 курганах с трупоположением выявлено, что в отличие от монет гирьки располагались не на погребенном, а лежали отдельно, на уровне груди слева или справа от него. Это указывает, что они находились в сумках, подвешиваемых к костюму. В сумках обычно носили предметы, необходимые в повседневной жизни (ножи, оселки и т. п.); монеты в таких сумках, как правило, не хранили. Автор считает, что нахождение монет в могилах в первую очередь объясняется тем, что они являлись частью погребального ритуала, в то время как металлические гирьки, благодаря своему весу имеющие определенную ценность, можно рассматривать в качестве платежного средства.

Особый интерес представляет предположение автора о том, что в экономически слабо развитых обществах, примером которых являлась Бирка периода викингов, металлические гирьки определенного стандартного веса до появления устойчивой чеканки монеты могли на местном рынке выполнять функцию денег. Этот вывод Кюльберга, несомненно, требует обоснования на более широком материале. Надеемся, эта статья привлечет внимание советских специалистов по метрологии и нумизматике.

Преобладающая часть статей посвящена описанию и анализу оружия и снаряжения всадника и коня. Использованы типологические схемы, разработанные ранее преимущественно на норвежском материале О. Рюгом, Я. Петерсеном, привлечены работы П. Паульсена и других исследователей.

Перу Л. Толин-Бергман принадлежит краткий, но информативно емкий пассаж о погребениях с оружием в целом и две статьи о мечах и копьях. Автор приводит оформленные в виде таблиц и схем данные о количестве погребений с различными видами вооружения, порядке расположения

оружия в погребении, топографии находок внутри могильника, соотношении видов оружия и обряда и т. д. Здесь же излагаются кратко результаты рентгенологического исследования мечей и наконечников копий, позволившие в ряде случаев уточнить технологию изготовления. С помощью рентгена изучены 29 мечей из 35 и 50 наконечников копий из 53 найденных в раскопках Х. Стольпе. Примерно треть клинков изготовлена с применением приемов дамаскировки и многополосной сварки (с. 11). Для копий отмечено преимущественное использование сварки из двух полос. Л. Толин-Бергман подробно исследует способы изготовления рукоятей мечей, крепления наконечников копий к древку. Из материала следует, что для Бирки наиболее многочисленными являлись мечи типа Н (15 экз.) копья типов Е (14 экз.), J (8 экз.) и К (7 экз.). К сожалению, автор не сравнивает полученные данные с материалами других некрополей на территории Скандинавии.

Основная часть оружия Бирки происходит из погребений, расположенных к северу от борга и вдоль вала, более половины — это трупоположения различных видов и ~20% — трупосожжения (табл. 1:1, с. 10). Из 1100 исследованных погребений различные предметы вооружения содержали около 100 могил, т. е. 9,2%. Следует учесть, что только набор в количестве не менее шести стрел автор склонен учитывать как оружие.

Находки около 450 стрел подробно рассмотрены в статье Э. Вегре. Основой статьи являются результаты исследования автором более 1200 стрел периода викингов, найденных на территории Швеции, они были опубликованы несколько лет назад [2]. Несомненным достоинством данной статьи является приведение скандинавского ареала типов стрел из Бирки. Среди изученных находок преобладающими являются черешковые с упором наконечники ланцетовидной формы (тип А) и трехгранные (тип $Д_1$). Особенностями набора стрел Бирки являются практическое отсутствие среди них охотничьих (2 экз. в одном погребении) и значительное количество специфических боевых — около 150 экз. (типы $А_2$ и Д), преобладающих именно в Упланде. Заметим, что в Бирке неизвестны находки восточноевропейских ромбовидных наконечников, тогда как на территории Древней Руси найдено довольно много ланцетовидных (тип 62, по А. Ф. Медведеву, или тип А, по Э. Вегре), аналогичных североевропейским. Работа А. Ф. Медведева 1966 г., видимо, осталась неизвестной автору, о чем можно лишь сожалеть. Данные о древнерусских находках почерпнуты автором из статьи А. Хакмана, вышедшей около 50 лет назад.

Определенный интерес представляет короткая заметка Г Арвидссон о боевых ножах, находки которых определяются в ряде случаев не по клинкам, а по характерным металлическим деталям ножен — наконечникам, кольцам, краевым оковкам. Все 14 находок происходят из погребений, расположенных вдоль вала, в основном из трупоположений в камерах. Ссылаясь на мнение Х. Арбмана и Т. Арне, автор предполагает основной территорией распространения боевых ножей Восточную Скандинавию и Прибалтику, указывая на отдельные более ранние находки в Упланде. Для нас это предположение важно, поскольку аналогичные оковки ножен, а следовательно, и сами ножи имеются среди материалов таких памятников, как Тимерево, Гнездово, Шестовица. По мнению А. Н. Кирпичникова, появление скрамасаксов на территории Руси следует связывать со скандинавским влиянием.

Г Арвидссон написана и статья, посвященная такому оборонительному виду вооружения, как щиты (найдены в 58 погребениях). Автором определены размеры, форма, декоративные элементы и расположение щитов в погребениях, сообщается о подобных находках на других памятниках. Интересно наблюдение о том, что щиты обычно располагались в головах умерших воинов. Основной тип умбона — в форме шарового сегмента — хорошо известен в Восточной Европе.

Третью группу по количеству находок среди наступательного оружия занимают топоры, изученные П. Хеллиндером, — всего 19 экз. Среди них 4 относятся к типам, распространенным, по мнению автора, на востоке — на Руси, в Венгрии, Прибалтике (с. 47). Это топоры, соответствующие типам I, II классификации А. Н. Кирпичникова.

К этой группе статей примыкает работа А.-Л. Форсокер, посвященная снаряжению верхового коня и всадника, найденному в 44 погребениях (24 трупоположения, 20 трупосожжений). Автор подразделяет находки на три категории: уздечный набор, упряжь, снаряжение всадника. Основным типом удил являются, по мнению автора, кольчатые удила (тип I) — ведущая форма для шведского и норвежского материала периода викингов; наиболее поздние находки этих удил в Бирке происходят из погребений младшего периода JBS (с. 118). Следует заметить, что кольчатые удила вообще были широко распространены в это время.

Стремена (обычно по 2 экз. в погребении) соотнесены с тремя типами, ведущим среди которых является II (10 пар) — в форме высокой стрельчатой арки с прямой подножкой и

прямоугольной петлей. Стремена такой формы близки стременам типа C_2 по Хампелю, хорошо представленным в материалах Центральной Европы, Прибалтики и Финляндии, и относительно часто встречаются в северных погребениях периода викингов. Интерес представляет находка трех «венгерских» стремян в двух курганах (тип III), аналогии которым в основном происходят из мадьярских памятников X в., но отдельные находки известны и на других территориях, в том числе и в Северной Руси. Подавляющее большинство стремян найдено в ингумациях, в ряде случаев они входят в комплект снаряжения верхового коня.

Отдельно рассматривается вопрос о седлах, остатки которых обнаружены в 18 погребениях. Подробно охарактеризованы находки мелких металлических деталей, вероятно, являющихся частью седел, выполненных из дерева или толстой кожи; приведены данные о подобных находках в Вальсгерде и др.

Специальная статья Г Арвидссон посвящена конским оголовьям из погребений 832 и 842, которые убедительно сравниваются с литовскими находками.

Обстоятельная статья И. Янссона посвящена анализу поясного набора и вопросу происхождения отдельных его деталей. В основных чертах эта работа была завершена к 1978 г., когда вышла специальная статья этого же автора о находках бляшек поясных наборов в Северной Европе [3] Привлекая не только археологические и изобразительные материалы, но и работы многих предшественников, Янссон разбивает венгерский материал, который, по его мнению, особенно важен для изучения североевропейского, на три хронологические группы. Автор останавливается на группе немногочисленных находок восточных поясных бляшек из погребений Бирки, где эти вещи играли роль подвесок к Ожерельям, и указывает им аналогии на территории Восточной Европы. Большое внимание уделено рассмотрению орнамента, особенно растительного. Автор считает, что отнесение большинства бляшек с растительным орнаментом к хазарским, как это делают Х. Арбман, Т. Арне, В. П. Даркевич, неверно. Интересным представляется вывод о прямом, непосредственном проникновении некоторых «салтовских» бляшек на Север по Волжскому пути (с. 88). Автор очень осторожно подходит к вопросу о дате скандинавских находок, считая, что правильнее говорить о IX—X вв., а наиболее поздние находки — отнести ко второй половине X в. (с. 89). Часть бляшек могла быть изготовлена где-то в пределах Ирана, к востоку от Каспия (с. 96). Особый раздел статьи посвящен реконструкции наиболее полно сохранившихся поясов из четырех ингумаций Бирки (погребения 15, 716, 913, 1074). Янссон предполагает здесь вероятность употребления двойного ремня — конструкции, аналогичной известной по находкам в Гнёздове, Шестовице и некоторых памятниках Венгрии (с. 103—105). Несомненным достоинством этой статьи является рассмотрение находок Бирки на широком евразийском фоне, что объясняется хорошим знанием автором восточноевропейского материала и русской и советской литературы по данной теме.

Нами кратко рассмотрены статьи, наиболее интересные и важные с точки зрения проблем хронологии и социальной интерпретации. Кроме них в сборник входят небольшие статьи на две-три страницы, посвященные металлическим браслетам (Г Арвидссон), поясным пряжкам (Х. Мелар-стед), шпорам (Э. Нюлен), «ледоходным» шипам, конькам, весам (Г Арвидссон), содержащие в первую очередь данные о количестве и форме найденных в Бирке предметов. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на этих работах подробнее.

Прекрасное издание очередного тома материалов Бирки является очень важным для исследователей, занимающихся периодом раннего средневековья. Надеемся на выход в ближайшее время следующего тома под редакцией Г Арвидссон, содержащего анализ оставшегося материала и разработку хронологической шкалы одного из наиболее интересных и наиболее полно изученных памятников Северной Европы.

М. В. Фехнер, Т А. Пушкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фехнер М. В., Пушкина Т А.* Рец. на кн.: Birka II: Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. Arwidsson G. Stockholm, 1984//CA. 1987 № 1.
2. *Wegraeus. E.* Pilspetsar under vikingatid, Tor, 15(1972—73). Uppsala, 1973.
3. *Jansson I.* Ett rembeslag av orientalisk typ funnet pa island // Vikingatidens orientaliska bälten och deras eurasiska sammanhang, Tor, 17(1975—77). Uppsala, 1978.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1988 Г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

1. Археология Белоруссии: Библиогр. указатель (1932—1975)/Сост. Коробушкина Т Н.; Гос. б-ка БССР; АН БССР. ИИ. Минск, 1988. 164 с.

2. Археология Советской Эстонии: Библиогр. указатель литературы за 1940—1985 гг Т 1—2/ Сост. Кунгур В.; АН ЭССР. ИА. Таллинн, 1988. 298 с.

3. Библиографический указатель по истории Башкирской АССР. Ч. I./Сост. Белобородова О. Е., Гиндуллина М. С., Сатаева Л. В.; АН СССР. УроО. БашНЦ. ИИЯЛ. Уфа, 1988. 324 с.

4. Библиография кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в Институте истории, археологии и этнографии им И. А. Джавахишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 67 с. На груз. яз.

5. История Казахстана: Дорев. период: Библиогр. указ. за 1961—1980 гг. В 2 кн. Сост. Галиев В. З., Савельева Т. В./Гос. б-ка КазССР. Алма-Ата: Казахстан, 1988. Кн. 1. 435 с.; Кн. 2. 492 с.

6. Bibliographia Studiorum Uralicorum 1917—1987/АН СССР ИНИОН; АН ЭССР ИЯЛ. ИИ. М., 1988. Ч. I. Археология.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ И СОВЕЩАНИЙ

7. Археология и история Пскова и Псковской земли: ТД НК «Древнерусское язычество и его традиции»/АН СССР. ИА; ПГИАХМЗ. Псков, 1988. 64 с.

8. Археология и история Пскова и Псковской земли: ТД НПК/АН СССР. ИА; ПГИАХМЗ; Псков. археол. экспедиция. Псков, 1988. 156 с.

9. Археология Западной Сибири: Тез. докл. Омской обл. науч. конф. «История, краеведение и музееведение Зап. Сибири, посвящ. 110-летию Омского гос. объед. ист. и лит. музея/ОмГУ; Отв. ред. Матющенко В. И. Омск, 1988. 70 с.

10. Археология Риги: 50: Тез. рефератов науч. конф., посвящ. результатам археол. изучения города Риги в 1938—1987 гг./АН ЛатССР. ИИ; Музей истории г Риги и мореходства. Рига, 1988. 72 с.

11. Башкапсарский полевой археологический семинар: ТД/АН СССР. ИА; АН ГССР. АбхИЯЛИ. Сухуми, 1988. 74 с.

12. Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: ТДС 3-й ВКВ/АН СССР. ИВ; АН ТаджССР. ИВ. М.: Наука, 1988. Т. I—II. Т. I — 200 с. Т. II — 204 с.

13. Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД/АН СССР. ИА. Боровск, 1988. 36 с.

14. XXIII науч. сессия молодых ученых, посвящ. 70-летию основания института, 15—17 нояб. 1988. г.: ТД/АН ГССР. ИИАЭ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 89 с. Текст парал.: груз., рус.

15. Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР/АН СССР. ИА. М., 1988. 176 с.

16. Древнерусский город Путивль: ТДС ОНК, посвящ. 100-летию г Путивля/УкрООПИК. Сумская обл. орг.; Путивльск. ист.-культ. заповедник. Путивль, 1988. 74 с.

17 Друга Чернігівська обласна наукова конференція с історичного краэзнавства: ТД/ Черніг. обл. організація. Чернігів; Ніжин, 1988. Ч. 1. — 108 с.; Ч. 2 — 146 с.

18. Жизнь мифа в античности: Материалы НК 1985 г. («Випперовские чтения» — XVIII)/ ГМИИ; Под. общ. ред. Даниловой И. Е. М., 1988. Ч. 1—2. 464 с. илл.

19. Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: ТД СФС/АН СССР. ЛОИА; Отв. ред. Любин В. П. Л.: Наука, 1988. 70 с.

20. Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: Тез. выступлений на археол. чтениях, посвящ. памяти Р. В. Козыревой/ВООПИК. Сахалин. обл. отд-ние Южно-Сахалинск, 1988. 36 с.

21. Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: ТД/Чернигов. ист. музей; ООПИК. Чернигов. обл. организация. Чернигов, 1988. 114 с.

22. Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: ТДС ВНК. Вып. 1. Досоветский период/АН СССР. СО ИИФФ. Новосибирск, 1988. 216 с.

23. История и культура Куляба (прошлое и настоящее): ТД НПК/АН ТаджССР. Душанбе, 1988. 126 с.

© Сост. Л. М. Всевиов, 1990 г.

24. Компьютеризованные банки данных музейной и археологической информации: Материалы межведомственного рабочего совещ./АН ГССР. Археол. комис. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 88 с.

25. XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД/АН СССР. Даг. фил. ИИЯЛ. Махачкала, 1988. 90 с.

26. Международная конференция «Проблемы голоцена»: ТД/АН ГССР. Ин-т ботаники, Междунар. союз по изуч. четвертич. периода. Сов. секция. Тбилиси, 1988. 142 с.

27. Международный симпозиум «Античная балканистика 6: Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны»: ТД/АН СССР. ИСБ. ИА. ИВИ. М., 1988. 76 с.

28. Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.: Материалы IV Всесоюз. симпоз. по древ. истории Причерноморья. Цхалтубо — Вани. 1985/АН СССР. ИА; АН ГССР. ИИАЭ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 366 с.

29. Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археол. данных): ТД/АН ГССР. ИИЭА. ЦАИ. Тбилиси, 1988. 54 с.

30. Научные чтения «Археология Рязанской земли»: ТД/АН СССР. ИА; Рязан. ист.-архит. музей-заповедник. 52 с.

31. Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. НПК/НГОМЗ; Отв. ред. Янин В. Л. Новгород, 1988. 116 с.

32. Организация археологических экспедиций с участием школьников; ТД/Донецкий ОКМ; Донецкий обл. дворец пионеров и школьников. Донецк, 1988. 40 с.

33. Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: ТДС обл. науч.-практ. семинара/Полтав. краевед. музей; УкрООПИК. Полтав. обл. организация. Полтава, 1988. 48 с.

34. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: ТДК, посвящ. 50-летию открытия Тешик-Таш/АН УзССР. ИА. Ташкент, 1988. 92 с.

35. Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг.: ТД/ХГИАЗ. Севастополь, 1988. 142 с.

36. Проблемы сарматской археологии и истории: ТДК/АН СССР. ИА; Азов. краевед. музей. Азов, 1988. 134 с.

37 Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: ТД ВК/АН СССР. Отд-ние ист. М., 1988. 140 с.

38. Роль памятников античного искусства в решении проблем эстетического воспитания населения: КТД ВНК/ГЭ. Л., 1988. 150 с.

39. Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: (Сб. тез.) / АН СССР. М., 1988. 74 с.

40. Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археол. данных): ТД / АН ГССР. ЦАИ; Отв. ред. Джапаридзе В. В. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 53 с.

41. Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона: Тез. междунар. симпоз. / АН СССР. КИЧП. Владивосток, 1988. Т. 1—2. Т. 1 — 134. с. Т. 2 — 178 с.

42. Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане: ТДК / АН АзССР. ИИ. САЭ. Баку: Элм, 1988. 184 с.

43. Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры» / АН УССР. ИА. Отд. археол. Крыма; Симфероп. ун-т. Симферополь, 1988. Ч. 1—3. 318 с.

44. Тезисы докладов научной сессии, посвящ. итогам работы ГМИИ за 1987 г. М.: Сов. художник, 1988. 68 с.

45. Теоретические проблемы современной археологии: ТД на симпозиуме методол. семинаров Отд. археол. АН МССР / АН СССР. ИА; АН МССР. ОЭИ. Кишинев, 1988. 68 с.

46. Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: ТДС НК / АН СССР СО. ИИФФ; АлтГУ Барнаул, 1988. 178 с.

47. Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н. э.— пер. пол. I тыс. н. э. на юго-западе УССР и сопредельных регионах: ТД II сес. Всесоюз. школы семинара / Львов ГУ; МГУ; Ужгород ГУ. Львов, 1988. 56 с.

48. Я. Г Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане: ТД НК, посвящ. 80-летию акад. АН УзССР Я. Г Гулямова / АН УзССР. ИА. ИИ; Отв. ред. Мухамеджанова А. Р. Ташкент: ФАН, 1988. 116 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ И ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЯ

49. Археологические исследования в Литве / АН ЛитССР. ИИ. 1986—1987. Вильнюс, 1988.

50. Археологические исследования в Молдавии / АН МССР. ОЭИ. 1983. Кишинев: Штиинца, 1988.

51. Археологические памятники Армении / АН АрмССР. ИАЭ. Т. 14. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988.

52. Археологические работы в Таджикистане / АН ТаджССР. ИИ. Вып. 21. Душанбе: Дониш, 1988.

53. Археологические раскопки в Армении / АН АрмССР. ИАЭ. № 18. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988.

54. Археологический сборник / ГЭ. Вып. 29. Л.: Искусство, 1988.

55. Археология и этнография Марийского края / МарНТТЯЛИ. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988.

56. Археология Литвы / АН ЛитССР. ИИ. Т. 6. Вильнюс: Мокслас, 1988. На литов. яз. Рез. рус.

57 Археологія / АН УРСР. ІА. №. 61—64. Київ: Наук. думка, 1988. На укр. яз. Рез. рус.

58. Архитектурное наследство (Сб. ст.) / ВНИИТАГ Т. 35—36. М.: Стройиздат, 1988.

59. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода / АН СССР. КИЧП. № 57. М., 1988.

60. Вопросы антропологии / МГУ. Вып. 80—81. М., 1988.

61. Вопросы археологии Урала / УрГУ. Вып. 19. Свердловск, 1988.

62. Друзья памятников культуры / ГрузООПИК. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. На груз. яз. Рез. рус. Выходит по 4 номера в год.

63. Информационный бюллетень / МАИКЦА. Вып. 13—15. М.: Наука, 1988.

64. История и культура Востока Азии / АН СССР. СО. ИИФФ. Т. 15—16. Новосибирск: Наука, 1988.

65. История материальной культуры Узбекистана / АН УзССР. ИА. Вып. 22. Ташкент: Фан, 1988.

66. Краткие сообщения Института археологии / АН СССР. ИА. Вып. 193—194. М.: Наука, 1988.

67. Материалы по археологии европейского Северо-Востока / АН СССР УрО. КомНЦ. ИЯЛИ. Вып. 11. Сыктывкар, 1988.

68. Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология / АН СССР НСИМК. 1987. М.: Наука, 1988.

69. Памятники Туркменистана: Журн. Туркм. респ. ООИИК. Ашхабад, 1988. На рус. и туркм. яз. Выходит по 2 номера в год.

70. Славяно-русские древности / ЛГУ; Под ред. Дубова И. В. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

71. Советская археология / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1988. Выходит по 4 номера в год.

72. Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 53. Л.: Искусство, 1988.

73. Труды Гос. Исторического музея. Вып. 68—69. М., 1988.

74. Труды Кахетской археол. экспедиции / АН ГССР. Археол. комис. ИИАЭ. ЦАИ; Отв. ред. Пицхелаури К. Н. Т. 8. Тбилиси: Мецниереба, 1988. На груз. яз. Рез. рус.

75. Ферапонтовский сборник. Вып. 2. М.: Сов. художник, 1988.

МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ

76. *Андреев И. А.* Происхождение человека и общества. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988. 416 с.

77. *Андреев Н. И., Скворцов А. И.* Гороховец: Ист.-краевед. очерк. Ярославль: Верх-Волж. кн. изд-во, 1988. 112 сл.: ил. Библиогр.: с. 109—110.

78. *Аннаев Т. Д.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана / АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1988. 139 с.: ил. Библиогр.: с. 77—82.

79. *Антейн А. К.* Бронза в Латвии / ООПП ЛатвССР. Рига: Зинатне, 1988. 142 с.: ил. На латыш. яз. Библиогр.: с. 139—140.

80. Античные древности Северного Причерноморья: Сб. науч. тр. // АН СССР. ИА; Отв. ред. Анохин В. А. Киев: Наук. думка, 1988. 212 с.: ил.

81. Античные камеи в собрании Эрмитажа: Кат. / Авт. вступ. ст. и сост. кат. Неверов О. Я. Л.: Искусство, 1988. 192 с.: ил.

82. Антропологические типы древнего населения на территории СССР: По материалам антропол. реконструкции / Т. С. Балуква, Е. В. Веселовская, Г В. Лебединская, А. П. Пестряков; Отв. ред. Зубов А. А.; АН СССР. ИЭ. М.: Наука, 1988. 207 с.: ил. Библиогр.: с. 194—206.

83. *Апхазава Н. И.* Могильник Квемо Алеви / АН ГССР ГМГ Тбилиси: Мецниереба, 1988. 208 с.: ил. На груз. яз. Рез. рус.

84. *Арапова Т Б.* Китайские расписные эмали: Собр. Гос. Эрмитажа. М.: Искусство, 1988. 289 с.: Библиогр.: с. 32.

85. *Арсеньева Т М.* Светильники Танаиса / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1988. 144 с.: ил. Рез. англ.

86. Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья (Сб. ст.)/ АН СССР ИА; Отв. ред. Плетнева С. А. М., 1988. 194 с.: ил., карт.

87. Археологические открытия 1986 года / АН СССР. ИА; Отв. ред. Шилов В. П. М.: Наука, 1988. 542 с.: ил.

88. Археологические памятники Архангельской области (Список памятников на состояние 7 декабря 1988 г) / Сост. Куратов А. А. Арх. пед. ин-т. Архангельск, 1988. 52 с. Библиогр.: с. 39—50.

89. Археологические памятники бассейна реки Чусовой / А. М. Белавин, А. В. Голдобин, Н. Б. Крыласова, Г Т. Ленц, А. Г Милиаскарова, А. А. Терехин; Музей истории р. Чусовой. Чусовой, 1988. 23 с. 12 л. ил., карт. Библиогр.: с. 23.

90. Археологические памятники Машевского района Полтавской области: Каталог / И. Н. Кулатова, А. Б. Супруненко; УкрООПИК. Полтав. обл. организация; Полтав. краевед. музей. Полтава, 1988. 20 с.: карт. Библиогр.: с. 16—17.

91. Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / ДГУ; Отв. ред. Ковалева И. Ф Днепропетровск, 1988. 123 с.: ил.

92. Археологические памятники территории г. Полтавы и ее окрестностей: Каталог / Сост. Супруненко А. Б.; Полтавский краевед. музей. Полтава, 1988. 24 с.

93. Археология Горного Алтая: Сб. / Горно-Алтайский ин-т ист., яз. и лит.; Отв. ред. Суразаков А. С. 222 с., 4 л. ил.: ил.

94. Археология Центральной Африки: Пер. с англ. / Ж. Мойерсонс, Э. Рош, Ф. Ван Нотен, Д. Коэн, П. де Маре, К. Муве; Отв. ред. и авт. послесл. Куббель Л. Е.; М.: Наука, 1988. 206 с.: ил., карт. (По следам исчезнувших культур Востока). Библиогр.: с. 152—163.

95. Археология Якутии: Сб. науч. тр. / ЯкутГУ; Отв. ред. Алексеева А. Н. Якутск, 1988. 136 с., 3 л. ил., карт.: ил. Библиогр.: с. 131—137.

96. Архитектурно-археологические исследования в Крыму: (Сб. ст.) / АН УССР. ИА; Отв. ред. Бибиков С. Н. Киев: Наук. думка, 1988. 166 с., 4 л. ил.: ил.

97 Архитектурное наследие и реставрация: Реставрация памятников истории и культуры России. Вып. 3 / Росреставрация. М., 1988. 356 с.: ил.

98. Архитектурный комплекс Ахмеда Ясави: Альбом / Н. Б. Нурмухаммедов. Алма-Ата: Онер, 1988. 166 с.: ил.; Текст парал.: каз., рус., англ.

99. Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии: Учеб. пособие / В. А. Чантурия, В. Ф. Морозов, В. В. Трацевский и др.; Под общ. ред. Чантурия В. А. Минск: Вышэйш. шк., 1988. 104 с.: ил. Библиогр.: с. 100.

100. *Ахмедов Р. Д.* Гянджа средневековая: (Археол. изуч.) / АН АзССР. ИИ. Кировабад. науч. центр. Баку: Элм, 1988. 35 с.: ил.

101. *Ашихмина Л. И.* Погребальный обряд курганного могильника Борганъель.: Препринт / АН СССР. УрО. КомиНЦ. Сыктывкар, 1988. 22 с.: ил. (Сер. «Науч. доклады»; Вып. 191).

102. Ancient Civilisations of East and West / Ed. Biotrovsky B., Bongard-Levin G. M: Progress, 1988. 340 p. 49 ill. / Авт.: G. M. Bongard-Levin, C. A. Koshelenko, V M. Masson, B. B. Piotrovsky, D. C. Rayevsky.

103. *Бабаджанова Г И., Колбинцев А. П., Маньковская Л. Ю.* По древним городам Узбекистана: Ташкент. Самарканд. Шахрисабз. Бухара. Хива. М.: Профиздат, 1988. 343 с.: ил. (Сто путей — сто дорог). Библиогр.: с. 340.

104. *Бабаков О.* Средневековое население Туркменистана: (По материалам антропологии) / АН ТССР, ИИ. Ашхабад: Ылым, 1988. 416 с.: ил. Библиогр. с. 407—415.

105. *Бакиров Н. К., Евдокимова В. П., Иванов В. А.* Опыт статистического анализа археологического материала VII—IX вв. н. э. Южного Урала и Приуралья / АН СССР. УрО. БашНЦ. ИИЯЛ. Уфа, 1988. 34 с.: ил.

106. *Бакрадзе А. Н.* Материалы по истории грузинской сфагистики. Ч. 2 / АН ГССР. ИИАЭ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 78 с.: ил. На груз. яз. Рез. рус.

107. *Баландин Р. К., Бондарев Л. Г* Природа и цивилизация. М.: Мысль, 1988. 393 с.: ил. (Мир географии).

108. Бараба в тюркское время / В. И. Молодин, Д. Г Савинов, В. С. Елагин, В. И. Соболев, Н. В. Полосьмак, Е. А. Сидоров, А. И. Соловьев, А. П. Бородовский, А. В. Новиков, А. Р. Ким, Т. А. Чикишева, П. И. Беланов; АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.: ил. Библиогр.: с. 169—174.

109. *Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья: (По материалам поселений у с. Рашков) / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 158 с.: ил. Библиогр.: с. 122—125.

110. *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX—XII вв. / АН ЛатвССР. ИИ. Рига: Зинатне, 1988. 99 с., 6 л. ил.: ил.

111. *Бессонова С. С., Бунатян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму / АН УССР. ИА. Киев.: Наук. думка, 1988. 216 с., 2 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 213—217.

112. *Богомольников В. В., Макушников О. А.* Археологические памятники Гомельщины / ГомелГУ. БелорусООПИК, Гомел. обл. совет. Минск: Полымя, 1988. 16 с.: ил. Библиогр.: с. 18.

113. *Бологов А. А.* Псков / Путеводитель. 3-е изд., испр. Л.: Лениздат, 1988. 240 с., 24 л. ил.

114. *Брайчевский М. Ю.* Утверждения християнства на Русі / АН УРСР, ІА, Київ: Наук. думка, 1988. 262. с. Рез. англ. яз. Библиогр.: с. 229—255.

115. *Бретаницкий Л. С.* Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма: Избр. тр. Монумент.-декоратив. искусство. Архитектура. Худож. ремесло. М.: Сов. художник, 1988. 256 с., 72 л., ил. Библиогр.: с. 235—236.

116. *Бродянский Д. А.* Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987 276 с.: ил.

117. *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве: Покровский собор. М.: Искусство, 1988. 255, 123 с. в 2 блоках в общ. пер.: ил. Библиогр.: с. 250—251.

118. *Булатов М. С.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв.: (историко-теоретическое исследование). 2-е изд., испр. и доп./Предисл. *Ремпеля Л. И.* М.: Наука, 1988. 364 с.: ил.

119. *Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* Археологические памятники Северного Приангарья/АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 226 с.: ил.

120. *Вейнберг И. П.* В тени пирамид и зикуратов: Человек в культуре древнего Ближнего Востока. Рига: Зинатне, 1988. 234 с.: ил. На латыш. яз.

121. *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Московские клады. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Моск. рабочий, 1988. 252 с., 16 л. ил.: ил.

122. *Виноградов В. Б.* Памяти вечная нить. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. 136 с.: ил.

123. Волжская Булгария и монгольское нашествие: (Сб. ст.) / АН СССР. Казан. фил.; Отв. ред. Халиков А. Х. Казань, 1988. 128 с.: ил.

124. Вопросы археологии Адыгеи: (Сб. ст.) / АдыгНИИЭ; Отв. ред. Аутлев П. У Майкоп, 1988. 176 с., 1 л. ил: ил.

125. Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа: Сб. науч. тр./Карач.-ЧеркесНИИИФЭ; Отв. ред. Алексеева Е. А. Черкесск, 1988. 184 с.: ил.

126. Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия: (Сб. ст.) / МордИЯЛИЭ; Отв. ред. Жиганов М. Ф. Саранск, 1988. 102 с.: ил. (Труды; Вып. 93).

127. Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. ст./ ГЭ; Науч. ред. Банк А. В., Луконин В. Г Л.: Искусство, 1988. 163 с.: ил. Рез. англ.

128. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории / Е. В. Антонова, Б. А. Литвинский, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, В. А. Ранов и др.; АН СССР. ИВ; Под ред. Тихвинского С. Л. и Литвинского Б. А. М.; Наука, 1988. 456 с.: ил., карт. Рез. англ. Библиогр.: с. 392—428.

129. *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века / АН СССР; ВНИИИ. М.: Наука, 1988. 232 с.: ил.

130. Гареджи: (Сб. ст.) / АН ГССР. Археол. комис. ИИАЭ. ЦАИ; Отв. ред. Пицхелаури К. Н. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 270 с.: ил. (ТКАЭ; Т. 8). На груз. яз. Рез. рус.

131. *Гвинчидзе Г О.* К истории населения Колхиды в эпоху эллинизма: Погребальные памятники Нокалакеви в конце IV — I вв. до н. э. Тбилиси: Ганатлеба, 1988. 115 с., 23 л. ил. На груз. яз. Рез. рус. Библиогр.: с. 94—100.

132. *Генинг В. Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха III в. до н. э.— II в. н. э. / АН СССР УрО. БашНЦ. ИИЯЛ. М.: Наука, 1988. 240 с.: ил.: карт. Библиогр.: с. 232—234.

133. *Гиоргадзе Г Г* Страна тысячи божеств. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 176 с., 12 с. ил. На груз. яз. Библиогр.: с. 176.

134. *Голубев В. А., Лавров Е. Л.* Сахалин в эпоху камня / АН СССР СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 240 с.: ил., карт.

135. Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / И. Н. Васильева, И. А. Закирова, А. Г Петренко, М. Д. Полубояринова, Т. А. Хлебникова; АН СССР. Казан. фил. М.: Наука, 1988. 280 с.: ил.

136. Городище Пайкенд: К пробл. изуч. средневекового города Сред. Азии / А. Р. Мухамеджанов, Ш. Т. Адылов, Д. К. Мирзаахмедов, Г Л. Семенов; Отв. ред. Аскаров А. А.; АН УзССР, ИА. Ташкент: Фан, 1988. 195 с.: ил. Библиогр.: с. 191—196.

137 *Горячева В. Д.* Город Золотого верблюда: (Краснореченское городище) / АН КиргССР. ИИ. Фрунзе: Илим, 1988. 115 с.: ил. Библиогр.: с. 111—116.

138. Государственная Оружейная палата: Альбом / Авт.-сост. Бобровницкая И. А. и др. М.: Сов. художник, 1988. 432 с.: ил. (Гос. музеи Моск. Кремля).

139. Государственный исторический музей УССР: Фотопутеводитель / Авт.-сост. Романюк Л. Н. и др. Киев: Мистецтво, 1988. 222 с.: ил. Рез.: англ., фр., нем.

140. Государственный музей искусства народов Востока: Альбом / Авт. вступ. ст. Сычева Н. С.; Авт. ст. к разделам и аннот. Мясина М. Б., Каневская Н. А., Ожегова Н. И., Карпова Н. И. Л.: Аврора, 1988. 230 с.: ил.

141. *Гравере Р. У* Энтическая однотология латышей. Рига: Зинатне, 1988. 240 с.

142. Давнэ украінське мистецтво 12—13 столітъ: Кат. розшир экспозиції музею / Держ. музей укр. образотворч. мистецтва УРСР; Ред. і Упоряд. Членова Л. Г Київ 1988. 76 с., 11 л. ил. Библиогр.: с. 69—73.

143. *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. / АН СССР. ИА. М.: Наука. 1988. 344 с.: ил.

144. *Джанполадян Р. М., Калантарян А. А.* Торговые связи средневековой Армении в VI—XIII вв.: (по данным стеклоделия) / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 48 с., 30 л. ил. (Археол. памятники Армении; Т. 14; Средневековые памятники; Вып. 6). Рез. арм., англ.

145. *Джапаридзе Н. О.* Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии: Триалет, культура. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1988. 93 с., 20 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 88—92.

146. *Джумагулов Ч.* Эпиграфические памятники Киргизии: Метод, рекомендации / Киргиз. респ. ООПИК. Фрунзе: Илим, 1988. 32 с.

147. *Добролюбский А. О.* Тайны причерномерских курганов: (Очерки). Одесса: Маяк, 1988. 220 с.: ил.

148. *Долуханов П. М.* История средиземных морей / АН СССР. М.: Наука, 1988. 142 с.: ил., карт (Сер. «Человек и окружающая среда»). Библиогр.: С. 139—140.

149. *Доровских Л. В.* Возникновение и развитие письма: Доалфавитные системы: Учеб. пособие / УрГУ. Свердловск, 1988. 89 с.: ил. Библиогр.: с. 89—90.

150. *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники: XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.: Изд-во МГУ, 1988. 80 с.

151. Древнерусская живопись XIV—XVIII веков из личных коллекций: (Кат. выст.) Сост. Логинова А. С., Ямщиков С. В. М., 1988. 15 с.: ил.

152. Древнерусское искусство: Худож. культура X — первой половины XIII в.: (Сб. ст.) / АН СССР. НСИМК; Отв. ред. Комеч А. И., Подобедова О. И. М.: Наука, 1988. 340 с.: ил.

153. Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки: (Сб. науч. тр.) / АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Медведев В. Е., Худяков Ю. С. Новосибирск, 1988. 158 с.: ил.

154. Древний Восток: Этнокультурные связи: (Сб. ст. в честь 80-летия Б. Б. Пиотровского) / АН СССР: ИВ; Отв. ред. Бонгард-Левин Г М., Ардзинба В. Г М.: Наука, 1988. 342 с.: ил.

155. Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исслед.: (Сб.) / Сост. Ямщиков С. В. М.: Искусство, 1988. 316 с.: ил.

156. Древний Торопец: Археол. раскопки / Сост. Фоняков Д. И.; ВООПИК. Калинин. обл. отд-ние. Калинин, 1988. 14 с.: ил.

157. Древности Литвы и Белоруссии: (Сб. ст.) / ЛитССР. ИИ; АН БССР. ИИ; Науч. ред. Поболь Л. Д., Таутавичюс А. З. Вильнюс: Мокслас, 1988. 176 с.: ил., карт.

158. Древности славян и Руси: (Сб. ст., посвящ. 80-летию акад. Б. А. Рыбакова) / АН СССР. ИА; Отв. ред. Тимощук Б. А. М.: Наука, 1988. 288 с.: ил.

159. *Евсюков В. В.* Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао / АН СССР. СО. Комис. по востоковед. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 127 с.: ил. (ИКВА).

160. *Евсюков В. В.* Мифы о вселенной / АН СССР. СО. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.: ил. (Из истории мировой культуры).

161. *Есаян С. А., Ватинян Х. М.* Историко-архитектурные памятники Дилижана / ООПИК АрмССР. Ереван: Айастан, 1988. 72 с., 28 л. ил.

162. *Есаян С. А., Калантарян А. А.* Основные результаты раскопок 1971—1983 гг. (в Ошакане) / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 130 с., 127 л. ил. (Археол. раскопки в Армении; № 18. Ошакан; Вып. 1) + Прил.: 1) *Канецян А. Г* Архитектура урартских памятников Ошакана, с. 107—117; 2) *Паланджян В. А.* Древесные остатки из раскопок в Ошакане, с. 117—121; 3) *Оганесян В. Г* О реставрации деревянных изделий из Ошакана, с. 121—123.

163. Железный век: (Сб. ст.) / Отв. ред. Кругликова И. Т.; АН СССР ИА. М.: Наука, 1988. 110 с.: ил. (КСИА; Вып. 194).

164. *Жолтовский П. Н.* Монументальний живопис на Україні XVII—XVIII ст. / АН УРСР. ін-т мистецтвознавства, фольклору та етнографії. Львів. від-ня. Київ: Наук. думка, 1988. 159 с.: ил.

165. *Жордания О. К.* Институт истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР / АН ГССР. ИИАЭ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 174 с.

166. Иван Егорович Забелин: Библиогр. указатель / Сост. Бойкова О. Ф.; Науч. консультант и авт. вступит. ст. Формозов А. А. АН СССР; ГО СССР. Моск. фил. М., 1988. 72 с.: портр.

167. *Закарая П. П., Ломоури Н. Ю.* Цихегоджи. Археополис. Нокалакеви. Тбилиси: Хеловнеба, 1988. 32 с.: ил. Текст парал.: груз., рус., англ.

168. *Закиев М. З.* Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 303 с.

169. *Зариня А. Э.* Одежда ливов X—XIII вв. / АН ЛатвССР. ИИ. Рига: Зинатне, 1988. 110 с., 4 л. ил.: ил., карт. На латыш. яз. Рез. рус., нем. Библиогр.: с. 88—89.

170. *Зданович Г Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей: (Основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 176 с.: ил. Библиогр.: с. 172—177.

171. *Зиневич Г П.* Человек изучает человека. Киев: Наук. думка, 1988. 176 с.: ил.

172. *Зубарь В. М., Павленко Ю. В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев: Наук. думка, 1988. 203 с.: ил. Библиогр.: с. 205.

173. *Ибрагимов Ф. А.* Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана IX—XIII вв. / АН АзССР. ИИ. САЭ. Баку: Элм, 1988. 176 с.: ил. Библиогр.: с. 127—141. На азерб. яз.

174. *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале: (XII—XVI вв.)/ АН СССР. Ур. БашНЦ. ИИЯЛ. М.: Наука, 1988. 92 с.: ил.

175. *Ильинская Л. С.* Легенды и археология: Древнейшее Средиземноморье / АН СССР М.: Наука, 1988. 176 с., 4 л. ил. (Из истории мировой культуры).

176. *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова / РостГУ. Ростов н / Д.: Изд-во РостГУ, 1988. 167 с.: ил. Библиогр: с. 158—164.

177. Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили: (1917—1987) / АН ГССР. ИИАЭ Тбилиси: Мецниереба, 1988. 170 с. На груз. яз.

178. Искусство Китая: Альбом / Сост. Виноградова Н. А. М.: Изобраз. искусство, 1988. 78 с., 85 л. ил. (Искусство стран и народов мира).

179. Историко-археологическое изучение древней Руси: Итоги и основные проблемы: (Сб. ст.) / ЛГУ; Отв. ред. Дубов И. В. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.: ил. (СРД; Вып. 1).

180. История архитектуры Литвы. Т 1.: С древнейших времен до середины XVII в. / К. Чербуленис, А. Мишкинис, С. Микуленис и др.; Науч. ред. Минкявичюс Й. 2-е изд. Вильнюс: Мокслас, 1988. 382 с.: ил.

181. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / В. П. Любин, Х. А. Амирханов, П. У. Аутлев, В. Г Котович, Р. М. Мунчаев, В. В. Бжания, М. Г Гаджиев, В. И. Марковин, А. А. Кудрявцев, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова, В. Б. Виноградов, Н. В. Анфимов, Б. М. Керефов, И. М. Чеченов, В. А. Кузнецов, М. Г Магомедов, М. Х. Багаев, Л. И. Лавров, Р. Шихсаидов, Е. П. Алексеева, З. В. Анчабадзе, Э. В. Ртвеладзе, И. М. Мизиев, М. Б. Мужухоев, В. Х. Тменов / АН СССР ИИ. СССР. ИА. ИЭ; Даг. фил.; СКНЦВШ; АдыгНИИИЛЯ; Каб.-Балк. НИИИФЭ; Карач.-ЧеркесНИИЯЛИ; Отв. ред. Пиотровский Б. Б. М.: Наука, 1988. 544 с. ил. (История народов Кавказа).

182. История первобытного общества: Эпоха классообразования / В. П. Алексеев, О. Ю. Артемова, Л. Е. Куббель, А. И. Першиц, В. Я. Петрухин, Л. А. Файнберг, Б. А. Фролов, В. А. Шнирельман; АН СССР, ИЭ; Отв. ред. Бромлей Ю. В. М.: Наука, 1988. 564 с.

183. История Ташкента: С древнейших времен до победы февр. буржуаз.-демокр. революции /

Ю. Ф. Буряков, М. С. Булатов, Л. Ю. Маньковская, Б. В. Лунин и др.; АН УзССР ИИ; Отв. ред. Зияев Х. З., Буряков Ю. Ф. Ташкент: Фан, 1988. 292 с.

184. Источники и историография: археология и история: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / ОмГУ. Омск: Изд-во ОмГУ, 1988. 154 с.

185. *Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. перераб и доп. / АН СССР. М.: Наука, 1988. 192 с. ил.: (Сер. Литературовед. и языкознание). Библиогр.: с. 184—190.

186. Исчезнувшие народы: (Сб. ст.) / Под ред. Пучкова П. И. М.: Наука, 1988. 176 с.: ил.

187. *Кабанов С. К.* В оазисах и степях Кеша и Нехшеба: Поиски и находки археолога в долине Кашкадарьи. Ташкент: Узбекистан, 1988. 80 с.: ил. Библиогр.: с. 79—80.

188. *Казакявичюс В. К.* Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы/АН ЛитССР. ИИ. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.; ил. Библиогр.: с. 150—158.

189. *Калантарян А. А.* Двин. Ереван: Айастан, 1988. 56 с.

190. *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М.* Ногайцы: Ист.-этногр. очерк / Карач.-ЧеркесНИИИФЭ. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1988. 230 с.: ил.

191. Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба: Средние века. Новое время / Акад. художеств СССР. НИИТИИИ. М.: Искусство, 1988. 319 с., 80 л. ил.: ил.

192. *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Сев.-Зап. Причерноморья в античную эпоху / АН УССР, ОАМ. Киев: Наук. думка, 1988. 166 с., 4 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 153—163.

193. Каталог археологических памятников окрестностей г. Березники Пермской области / Сост. Белавин А. М., Мельничук А. Ф.; Березник. краевед. музей. Березники, 1985. 30 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 19.

194. Категория исторических наук: Сб. ст. / Отв. ред. Боряз В. Н.; АН СССР. Ленингр. каф. философии. Л.: Наука, 1988. 172 с.

195. *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии / Предисл. Абрамовой М. П.; Каб.-БалкНИИИФЭ. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с., 2 л. ил.: ил.

196. *Кецховели М. Н.* Средневековые декоративные ткани из Верхней Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 112 с., 19 л. ил. На груз. яз. Рез. рус., англ. Библиогр.: с. 85—88.

197. *Киквидзе Я. А.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии: (По археол. материалам) / АН ГССР. ГМГ Археол. комис. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 267 с.: ил. Библиогр.: с. 250—260.

198. *Кириков Б. М.* Кашин. Л.: Художник, 1988. 223: ил. (Памятники городов России). Библиогр.: с. 223—224.

199. *Козлов Б. И.* Возникновение и развитие технических наук: Опыт историко-теоретического исследования / АН СССР. ИИЕТ. Л.: Наука, 1988. 248 с.: ил. Рез. англ.

200. Колебания климата за последнее тысячелетие / Т. А. Абрамова, Т. Т. Битвинскас, Е. П. Борисенков и др.; Под ред. Борисенкова Е. П.; Гос. ком-т СССР по гидрометеорологии; Гл. геофиз. обсерватория им. А. И. Всейкова. Л.: Гидрометеоиздат, 1988. 408 с.: ил.

201. *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы / АН СССР. СО. Комис. по востоковедению. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.: ил. (ИКВА). Библиогр.: с. 107—119.

202. *Королев К. С., Савельева Э. А.* Генезис средневековых культур бассейна Вычегды: (вторая половина I тыс. н. э.— начало II тыс. н. э.): Препринт / АН СССР. УрО. КомиНЦ, Сыктывкар, 1988. 28 с.: ил. (Сер. «Научные доклады»; Вып. 192).

203. *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (саргатская культура). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 239 с.: ил. Библиогр.: с. 170—185.

204. *Косточкин В. В.* Чердынь. Соликамск. Усолье. М.: Стройиздат, 1988. 178 с.: ил. Библиогр.: с. 176—179.

205. *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.: ил. Библиогр.: с. 190.

206. *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / АН БССР. ИИ. Минск: Наука и техника, 1988. 131 с.: ил. Библиогр.: с. 127—132.

207. *Кубарев В. Д.* Древние росписи Каракола / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 146—150.

208. *Кузеев Р. Г* Библиографический указатель / АН СССР. УрО. БашНЦ. ИИЯЛ; Сост. Ганеева А. Р., Коновалов Д. П. Уфа, 1988. 75 с. портр.

209. Культура Русского Севера: (Сб. ст.) / Отв. ред. Чистов К. В.; АН СССР. НСИМК. Л.: Наука, 1988. 222 с.: ил., карт.

210. Культура юга Узбекистана в древности и средневековье: Сб. науч. тр. / ТашГУ; Отв. ред. Хидоятов Г А. Ташкент, 1987 (1988), 83 с.: ил.

211. *Лелекова О. В.* Иконостас 1497 г. Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря: (Исследование и реставрация) / ВНИИР. М., 1988. 360 с.: ил. (ХН; Вып. 11).

212. *Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит / АН ЛатвССР. ИИ. Рига: Зинатне, 1988. 212 с., 1 л. ил.: ил., карт. Библиогр.: с. 199—203. Рез. англ.

213. *Лоллекова О.* Локальная вариабельность в культуре и хозяйстве джейтунских племен / АН ТССР. ИИ. Ашхабад: Ылым, 1988. 180 с., 3 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 125—133.

214. *Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Искусство Этрурии и Древней Италии: Очерки. М.: Искусство, 1988. 304 с.: ил. (Из истории мирового искусства).

215. *Лунина С. Б.* Древние города в долине Кашкадарьи. Ташкент: Узбекистан, 1988. 60 с.: ил.

216. *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 146 с., 6 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 144—147.— Прил.: 1) *Петрашенко В. А.* Статистическая обработка горшков VIII—X вв., с. 114—117; 2) *Гопак В. Д.* Металлографический анализ кузнечных изделий, с. 118—130; 3) *Пашкевич Г А.* Палеоботанический анализ злаков, с. 133—134; 4) *Покас П. М.* Антропологическая характеристика погребений, с. 135—137; 5) *Орлов Р. С.* Памятники художественной металлообработки, с. 138—140; 6) *Максимов С. Е.* Структурно-семантический анализ названия летописного города Заруб, с. 141—143.

217 *Малаков Д. В.* По восточному Подонью: (От Жмеринки до Могилева-Подольского). М.: Искусство, 1988. 168: ил. (Дороги к прекрасному). Библиогр.: с. 166—167

218. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древ. эпох: Пер. с чеш. / Коммент. и послесл. Черных Е. Н. М.: Мысль, 1988. 217 с.: ил.

219. *Мамед-заде К. М., Саркисов Н. А.*Архитектурные памятники Гянджи / АН АзССР ИИ. Кировабад. науч. центр. Баку: Элм, 1988. 45 с.: ил.

220. *Мамедов Ф. Г* Архитектурные связи школ зодчества средневекового Азербайджана / АН АзССР. Ин-т архитектруры и искусства. Баку: Элм, 1988. 119 с.: ил. Рез. англ., азерб. Библиогр.: с. 86—99.

221. *Марковин В. И.* Дорогами и тропами Дагестана. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1988. 200 с.: ил. (Дороги к прекрасному). Библиогр.: с. 192—199.

222. *Мартынов А. И.* Писаница на Томи. Кемерово, 1988. 54 с.: ил.

223. *Мартынов А. И., Абсалямов М. Е.* Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во КрасноярГУ, 1988. 123 с., 5 л. ил.: ил.

224. *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половины I в. до н. э.: По материалам лепной керамики / АН СССР ЛОИА. Л.: Наука, 1988. 144 с.: ил. Библиогр.: с. 135—140.

225. Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии: (Сб. ст.) / ГЭ; Ред. Шукин М. Б. Л.: Искусство, 1988. 136: ил. карт. (АСГЭ; Вып. 29).

226. Материалы по археологии Мордовии: (Сб. ст.) / МордИИЯЛЭ. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 144 с.: ил. (ТМордИЯЛИЭ; Вып. 85).

227. Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: Сб. науч. тр. / АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ; Отв. ред. Шавкунов Э. В. Владивосток, 1988. 106 с.: ил.

228. Материальная культура Востока: (Сб. ст., посвящ. 80-летию Б. Б. Пиотровского) / АН СССР; ГМИНВ; Отв. ред. Волков С. В. Ч. 1—2. М.: Наука, 1988. 298 с.: ил.

229. Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири: (Сб. науч. тр.) / УрГУ; Отв. ред. Ковалева В. Т. Свердловск, 1988. 160 с.: ил. карт. (ВАУ; Вып. 19).

230. *Матющенко В. И., Синицына Г В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска / ОмГУ Томск: Изд-во ТомГУ, 1988. 136 с., 2 л. табл.: ил.

231. Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения / АН СССР. ИА; АН ГССР. АбхИЯЛИ. Сухуми, 1988. 74 с. (Башкапсарский полевой археол. семинар).

232. Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа: Сб. ст. / СОНИИИФЭ; Ред. и сост. Тменов В. Х. Орджоникидзе, 1988. 155 с.: ил.

233. Методические проблемы археологии Сибири: Сб. науч. тр. / АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Васильевский Р. С., Холюшкин Ю. П. Новосибирск: Наука, 1988. 226 с.: ил.

234. Минералы в материальной культуре древних Уральских народов: Информ. материалы / АН СССР. УрО. Ин-т минералогии; Отв. ред. Юшкин Н. П. Свердловск, 1988. 54 л. ил.

235. Могильник Обяляй / Р. Кунскас, В. Урбанавичюс, С. Урбановичене, В. Алексеюнас, Й. Станкус, А. Меркявичюс, Г Чеснис, И. Бальчюнене, Р. Янкаускас; Предисл. Таутавичюса А. З.; АН ЛитССР. ИИ. Вильнюс: Мокслас, 1988. 108 с.: ил. (Археология Литвы; Кн. 6). На литов. яз. Рез. рус.

236. Могильник черняховской культуры: (Сб. ст.) / АН СССР. ИА; Отв. ред. Кропоткин В. В. М.: Наука, 1988. 183 с.: ил.

237. *Мокрынин В. П., Плоских В. М. Иссык-Куль: затонувшие города* / АН КиргССР. ИИ. Фрунзе: Илим, 1988. 189 с., 10 л. ил. Рез. кирг., англ.

238. *Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности: Введение в микенологию / АН СССР. ИЯ. М.: Наука, 1988. 202 с.: ил., карт. Рез. англ. яз. Библиогр.: с. 177—183.

239. Московская икона XIV—XVII вв.: Альбом / Авт.-сост. Смирнова Э. С. Л.: Аврора, 1988. На нем. яз.

240. *Мочанов Ю. А.* Древнейший палеолит Диринга (археол. возраст памятника) и проблема внетропической прародины человечества: Препринт / АН СССР. СО. Якут. фил. ИЯЛИ. Якутск, 1988. 36 с.: ил. Библиогр.: с. 19—21.

241. *Мочанов Ю. А.* Древнейший палеолит Диринга: (стратиграфия и геологический возраст памятника): Препринт / АН СССР СО. Якут. фил. ИЯЛИ. Якутск, 1988. 42 с., 1 л. ил. Библиогр.: с. 38—41.

242. Музей археологии и этнографии / Л. И. Ашихмина, И. О. Васкул, А. В. Волокитин, К. С. Королев, Э. С. Логинова, А. М. Мурыгин, П. Ю. Павлов, Э. А. Савельева, В. С. Стоколос; АН СССР. УрО. КомиНЦ. Сыктывкар, 1988. 22 с.: ил.

243. *Муратов К. М.* Мастера французской готики XII—XIII веков: Пробл. теории и практики худож. творчества. М.: Искусство, 1988. 349 с., 48 л. ил. Рез. фр. Библиогр: с. 319—333.

244. Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии: (Сб. ст.) / ГИМ; Отв. ред. Студзицкая С. В. М., 1988. 192 с.: ил. (ТГИМ; Вып. 68).

245. Научные сообщения Гос. музея искусств народов Востока / ГМИНВ; Отв. ред Сычева Н. С. М.: Наука, 1988. 214. с.: ил.

246. Некоторые проблемы сибирской археологии: (Сб. ст.) / АН СССР. ИА; Отв. ред. Дэвлет М. А. М.: ИА, 1988. 114 с.: ил.

247. *Нимаев Д. Д.* Проблемы этногенеза бурят / АН СССР. СО. Бурят. фил. БИОН. Новосибирск: Наука, 1988. 170 с. Библиогр.: с. 138—168.

248. Георгий Капланович Ниорадзе: (1886—1951): Библиография / АН ГССР. ЦНБ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 118 с., портр. (Библиогр. серия «Грузинские ученые»).

249. Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР / А. А. Василевский, А. В. Гарковик, И. С. Жущиховская, В Н. Копытько, Ю. В. Кривуля, Е. М. Лосан. О. А. Шубина; АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1988. 48 с.: ил.

250. Новые исследования по древней истории Удмуртии: (Сб. ст.) / АН СССР. УрО. УдмИИЯЛ; Отв. ред. Иванова М. Г Ижевск, 1988. 171 с.: ил.

251. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины: (Сб. науч. тр.) / Отв. ред. Шапошникова О. Г АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 140 с.: ил.

252. Нумизматика: Материалы и исследования / ГИМ. М., 1988. 166 с. (ТГИМ; № 69. Нумизмат. сб.; Ч. 10).

253. Нурмухаммедов Н. Б. Архитектурный комплекс Ахмеда Ясави. Алма-Ата: Онер, 1988. 168 с., 36 л. ил. На казах., рус., англ. яз. Библиогр.: с. 166.

254. О возможности историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях / В. А. Демкин, А. В. Лукашов, И. С. Ковалевская, Н. Н. Скрипниченко; АН СССР. Науч. центр. биол. исслед. Ин-т почвоведения и фотосинтеза. Пущино, 1988. 20 с. Библиогр.: с. 19—20.

255. *Оборин В. А., Чагин Г Н.* Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 184 с.: ил. (Искусство Прикамья). Библиогр.: с. 181—182.

256. *Ожегов С. С., Проскурякова Т С., Хоанг Дао Кинь.* Архитектура Индокитая. М.: Стройиздат, 1988. 312 с.: ил.

257. Очерки тихоокеанской археологии: Сб. ст. / Отв. ред. Бродянский Д. Л. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988. 184 с.: ил., карт.

258. Ошакан / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 130с., 127 л. ил. (Археол. раскопки в Армении; № 18).

259. Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири: Сб. Науч. тр. / Отв. ред. Алексеев В. П.; АН СССР. СО ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 208 с.: ил.

260. Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: По материалам раскопок 1980—1984 гг.: (Сб. ст.) // АН СССР. ЛОИА; Отв. ред. Массон В. М. Л.: Наука, 1988. 104 с., 1 л. табл.: ил.

261. Памятники истории и культуры Молдавии: (виды и типы) / И. Г Хынку и др.; АН МССР. ОЭИ; МолдООПИК. Кишинев: Штиинца, 1988. 136 с.: ил.

262. Памятники каменного века бассейна р. Оки: (Сб. ст.) / АН СССР. ИА. М., 1988. 34 с.: ил., карт.

263. Памятники неолита и бронзы: (Сб. ст.) / АН СССР. ИА; Отв. ред. Кругликова И. Т М.: Наука, 1988. 104 с.: ил. (КСИА; Вып. 193).

264. Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье: Сб. ст. / АН СССР. Казан. фил.; Отв. ред. Старостин П. Н. Казань, 1988. 130 с.: ил.

265. Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья: (Сб. ст.) / АН СССР. УрО. КомиНЦ. ИЯЛИ; Отв. ред. Савельева Э. А. Сыктывкар, 1988. 138 с.: ил., карт. (МАЕСВ; Вып. 11).

266. Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье: (Сб. ст.) / АН СССР. СО. Бурят. фил. БИОН; Отв. ред. Коновалов П. Б. Улан-Удэ, 1988. 154 с.: ил.

267. *Панцхава Л. Н.* Памятники художественного ремесла колхидской культуры / АН ГССР Тбилиси: Мецниереба, 1988. 117. с., 14 с. ил. На груз. яз. Рез. рус. Библиогр.: с. 103—108.

268. *Петросян Г Л.* Гарни в IX—XIV веках / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 226 с.: ил. На арм. яз. Библиогр.: с. 144—159.

269. Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа: Сб. науч. тр. / СОГУ; Отв. ред. Тургиев Т. Б. Орджоникидзе, 1988. 176 с.: ил.

270. Подводная разведка памятников истории и культуры: Метод. рекомендации / Авт.-сост. Окороков А. В., Таскаев В. Н.; АН СССР; НИИК. М., 1988. 80 с.: ил. Библиогр.: с. 64—77

271. Познание исторического процесса в археологии: (Сб. ст.) / АН СССР. ИА; Отв. ред. Гуляев В. И. М., 1988. 150 с.

272. Поселения древней Карелии: (от мезолита до эпохи средневековья): (Сб. ст.) / АН СССР. Карел. фил. ИЯЛИ; Науч. ред. Кочкуркина С. И. Петрозаводск, 1988. 168 с.: ил. карт. Библиогр.: с. 143—147.

273. Природа и человек: (Сб. ст.) / отв. ред. и авт. предисл. Марковин В. И.; АН СССР. ИА. М., 1988. 152 с.: ил.

274. Проблемная ситуация в современной археологии / В. Ф. Генинг, Е. П. Бунятян, Ю. Н. Захарук, А. К. Колесников; С. В. Смирнов, Л. А. Черных; АН УССР. ИА; Под ред. Генинга В. Ф. Киев: Наук. думка, 1988. 286 с.

275. Проблемы изучения древнерусской культуры: (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): Сб. науч. тр. / АН СССР. ИА; Отв. ред. Седова М. В. М., 1988. 182 с.: ил., карт.

276. Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР: Сб. ст. / АН СССР. УрО. УдмИИЯЛ; Отв. ред. Наговицын Л. А. Ижевск, 1988. 120 с., 1 л. карт.: ил.

277. Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным: Науч.-аналит. обзор: (Сб. ст.) / АН КазССР. Отд. науч. информ. по обществ. наукам; Отв. ред. Акишев К. А. Алма-Ата: Наука, 1988. 80 с.

278. Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана: Сб. ст. / АН СССР. Даг. фил. ИИЯЛ; Отв. ред. Кудрявцев А. Д. Махачкала, 1988. 142 с.: ил.

279. *Пряхин А. Д.* Археология ...Наследие. Воронеж.: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1988. 182 с., 8 л. ил.: ил.

280. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 206 с.: ил.

281. *Рабинович М. Г* Очерки материальной культуры русского феодального города / АН СССР ИЭ. М.: Наука, 1988. 312 с., ил.: 2 л. ил. Библиогр.: с. 293—300.

282. *Равдина Т. В.* Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог / АН СССР. ИА. М.: Наука, 1988. 150 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 139—143.

283. Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья: Межвуз. сб. / БашГУ; Отв. ред. Зданович Г Б. и др. Челябинск, 1988. 164 с.: ил.

284. *Ранов В. А.* Древнейшие страницы истории человечества. М.: Просвещение, 1988. 154 с., 4 л. ил.: ил.

285. Реставрация памятников архитектуры: Учеб. пособие / С. С. Подъяпольский, Г Б. Бессонов, Л. А. Беляев, Т. М. Постникова. М.: Стройиздат, 1988. 264 с.: ил. Библиогр.: с. 259—261.

286. *Рослый И. М.* Природа СССР в антропогене. Киев: Вища школа, 1986. 143. с.: ил. Библиогр. с. 141—142.

287. Русская архитектура: (Сб. ст.) / ВНИИТАГ; Под ред. Гуляницкого Н. Ф. М.: Стройиздат, 1988. 256 с.: ил. (Архит. наследство; Т. 36).

288. Русская икона XIV—XVI веков: Альбом / Авт.-сост. Кызласова И. Л.; ГИМ. Аврора, 1988. 21 с., 54 л. ил.: ил.

289. Русские древности: Из собр. Гос. Рус. музея: Крат. ил. кат. выст. / И. Шалина и др. Л.: Аврора, 1988. 103 с.: ил.

290. Русские иконы XII—XIX веков: Из собраний музеев Советского Союза / Вступ. ст. Малкова Ю. Г М.: Искусство, 1988. 68 с.: ил.

291. Рустави: Археологические раскопки 1946—1965: (Сб. ст.) / АН ГССР. ИИАЭ. ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 136 с., 4 л. ил. на груз. яз. Рез. рус.

292. *Рчеулишвили Л. Д.* Купольная архитектура VIII—X веков Абхазии / АН ГССР. ИИГИ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 91 с.: ил. Рез. нем.

293. *Сашнян А. А.* Архитектура античных сооружений Гарни. Ереван: Советакан грох, 1988. 228 с., 52 л. ил.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 204—206.

294. *Самойлова Т Л.* Тира в VI—I вв. до н. э. / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 120 с., 13 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 106—119.

295. *Ситливый В. И.* Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий: Ашель Чехословакии: Препринт / АН УССР. Ин-т зоол. Киев, 1988. 67 с.: ил.

296. *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии: Публ. одной коллекции, хранящейся в Эрмитаже. Л.: Искусство, 1988. 180 с.: ил. Библиогр. с. 173—178.

297. *Сланов А. Х.* Сохтинский могильник / АН ГССР, ЮОНИИ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 60 с., 19 л. ил.

298. *Слюнченко В. Г* Архитектурные памятники Полоцка: Ист.-архит. очерк / Белорус-ООПИК. Респ. совет. Минск: Полымя, 1988. 44 с.: ил.

299. *Смирнова Э. С.* Московская икона XIV—XVII веков: (Альбом) Л.: Аврора, 1988. 318 с.: ил. Библиогр.: с. 311—319.

300. *Соломоник Э. И.* Древние надписи Крыма. Киев: Наук. думка, 1988. 112 с.: ил.

301. *Сорокина Т С.* История медицины: Крат. курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 69 с.: ил. Библиограф.: с. 70.

302. *Спасский И. Г* Русские ефимки: Исследование и каталог / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 210 с., 65 л. ил. Рез. англ.

303. Список памятников археологии Украины: Донец. обл. / АН УССР. ИА; УкрООПИК. Киев, 1988. 110 с.: ил. Библиогр.: с. 97—109.

304. Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья: (Сб. ст.) / АН МССР. ОЭИ; Отв. ред. Бырня П. П. Кишинев: Штиинца, 1988. 158 с.: ил., карт.

305. *Стоколос В. С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / АН СССР. УрО. КомиНЦ. ИЯЛИ. М.: Наука, 1988. 256 с.: ил.

306. *Стрыжак А. С.* Етнонімія Геродотової Скіфії / АН УССР. Ін-т мовознавства. Київ: Наук. думка, 1988. 222 с., 1 л. карт.

307. *Техов Б. В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника / АН ГССР, ЮОНИИ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 85 с., 36 л. ил. Библиогр.: с. 82—84.

308. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии / А. А. Аскаров, Ю. Ф. Буряков, О. Р Квирквелия, В. В. Радилиловский; АН УзССР, ИА. Ташкент: Фан, 1988. 200 с.: Библиогр.: с. 160—175.

309. *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган / АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 262 с.: ил., карт, Библиогр.: с. 250—257.

310. Технология древних производств Дальнего Востока / А. В. Гребенщиков, И. С. Жущиховская, Н. А. Кононенко и др.; АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1988. 48 с.: ил.

311. *Тирацян Г А.* Культура Древней Армении VI в. до н. э. — III в. н. э.: (по археол. данным) / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 204 с., 18 л. ил.: ил.

312. *Тореканов Э.* Республиканский археолого-архитектурный музей — комплекс башня Бурана: Путеводитель. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 32 с.: ил.

313. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова; АН СССР СО. ИИФФ; Отв. ред. Гемуев Н. Н. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

314. *Третьяков В. П., Выборнов А. А.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: Учеб. пособие к спецкурсу / КуйбышГПИ. Куйбышев, 1988. 88 с.: ил. Библиогр.: с. 46—50.

315. Труды V Международного конгресса археологов-славистов. В 4 т. / АН СССР. ИА; АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. Т. 2: Секц. 3,4, 348 с.: ил., карт.; Т. 4: Секц. 1. 254 с.: ил.

316. *Трусов О. А.* Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск: Наука и техника, 1988. 160 с.: ил.

317. 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Авт. вступит. ст. Бобровницкая И. А., Болотцева И. П., Вилинбахова Т. Б., Иоаннисян О. М., Соколова И. М., Подобедова О. И. и др.; Науч. ред. Рындина А. В. М., 1988. 446 с.: ил.

318. *Тюляев С. И.* Искусство Индии, III тысячелетие до н. э. — VII в. н. э. М.: Искусство, 1988. 342 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 333—336.

319. Углич: Памятники истории и архитектуры: Альбом / Сост. и авт. текста Новиков С. Е. М. Сов. Россия, 1988. 192 с.: ил. Рез. нем.

320. *Урушадзе Н. Е.* Древнегрузинское пластическое искусство. Тбилиси: Хеловнеба, 1988. 182 с.: Рез. англ. Библиогр.: с. 173—179.

321. *Фермаковская Т И.* Борис Владимирович Фармаковский / Авт. предисл. Русяева А. С. Киев: Наук. думка, 1988. 216 с.: ил.: Библиогр.: (Печатные труды Б. В. Фармаковского; Список статей о нем): с. 196—204.

322. *Фахретдинова Д. А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988. 204 с.: ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 199—203.

323. *Формозов А. А* Следопыты земли московской. М.: Моск. рабочий, 1988. 140 с., 8 л. ил.

324. Хахульский триптих / Авт. текста Г Абрамишвили. Тбилиси: Хеловнеба, 1988. 145 с.: ил. На груз., рус., англ. яз.

326. Хива: Гос. ист.-архит. музей-заповедник Ичан-кала: Путеводитель / Авт. П. Ш. Захидов, Ташкент: Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1988. 58 с.: ил.

327 Художественные сокровища Московского Кремля: Фотоальбом / Авт. текста А. Насибова. 2-е изд. М.: Планета, 1988. 238 с. На рус., англ. яз. 2. Декоративно-прикладное искусство. Музейные собрания.

328. *Хуцишвили Г Я.* Степная роспись Сафары. Тбилиси: Хеловнеба, 1988. 144 с., 16 л. ил.: Библиогр.: с. 128—140.

329. Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Толочко П. П.; АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1988. 182 с.: ил.

330. Черниговский государственный архитектурно-исторический заповедник / А. А. Карнабед. Чернигов: Облполиграфиздат, 1988. 30 с.: ил.

331. *Чмыхов Н. А., Черняков И. Т* Хронологія археологічных пом'яток епохи міді — бронзи на территоріï Украïни: Навчальний посібник / КиївДУ Київ, 1988. 180 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 153—158.

332. *Шамаро А. А.* Русское церковное зодчество: символика и истоки. М.: Знание, 1988. 63 с.

333. *Шамба Г К.* Археологические памятники Абхазии / АбхГУ. Сухуми: Алашара, 1988. 148 с.: ил. На абхаз. яз.

334. *Шамба С. М.* Гюэнос I / АН ГССР. АбхИЯЛИ. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 133 с.: ил. Библиогр.: с. 66—72.

335. *Шапова Ю. Л.* Естественнонаучные методы в археологии: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1988. 152 с.: ил.

336. *Эверестов С. И.* Рыболовство в Сибири: Каменный век / АН СССР. СО. Якут. фил. ИЯЛИ. Новосибирск: Наука, 1988. 140 с.: ил. Библиогр.: с. 121—141.

337. Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики: (Сб. ст.) / Отв. ред. Тишков В. А.; АН СССР. ИЭ. М.: Наука, 1988. 336 с.: ил., карт.

338. Экспозиция по археологии Полтавщины: Путеводитель / А. Б. Супруненко; Полтав. краевед. музей. Полтава, 1988. 16 с.: ил.

339. Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Васильевский Р. С., Мазин А. И.; АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.: ил.

340. Этногенез и этническая история марийцев: (Сб. ст.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1988. 136 с.: ил.

341. Этнография и смежные дисциплины: Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / АН СССР. ИЭ; АН ГДР. Центр. ин-т ист.; Отв. ред. Козлов М. В., Зельнов И. М: Наука, 1988. 224 с. (Свод этнографических понятий и терминов).

342. *Якубов Ю.* Раннесредневековые сельские поселения горного Согда: (К пробл. становления феодализма) / АН ТаджССР, ИИ. Душанбе: Дониш, 1988. 287 с.: ил. Библиогр.: с. 272—283.

343. *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика / АН СССР. Отд-ние ист. М.: Наука, 1988. 240 с.: ил. Прил.: 1) Извлечение из Отчета М. К. Каргера об археол. раскопках в Новгородском Софийском соборе в 1955 г., с. 196—199; 2) *Штендер Г. М.* О комплексе погребений в центр. части Мартирьевской паперти, с. 199—205.

344. Ярославские краеведы: Библиогр. указатель, аннотированный. Ч. I / Сост. Алексеев В. П.; ЯрославИАМЗ. Ярославль, 1988. 56 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

345. *Абдиримов Р.* Раннесредневековые поселения Бухарского Согда (районирование, типология, периодизация): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд. 1988. 22 с.

346. *Абдулгазиева Б.* Восточная Фергана в древности и раннем средневековье (система расселения, районирование и типология): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1988. 20 с.

347. Акентьев К. К Мозаики константинопольской св. Софии как памятник художественной культуры и общественной мысли Византии постиконоборческой эпохи: Автореф. канд. дис. / Акад. худож. СССР. ИЖСА. Л., 1988. 24 с.

348. *Антонова Е. В.* Культура ранних землевладельцев Передней и Средней Азии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИВ. М., 1988. 31 с.

349. *Атагаррыев Е.* Дехистан и Северный Хорасан в IX—XV вв. (к проблеме становления и развития средневековых городов Востока): Автореф. докт. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 48 с. Список работ авт.: с. 43—48.

350. *Беседин В. И.* Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 24 с.

351. *Богомольников В. В.* Курганы радимичей: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 14 с.

352. *Брайчевский М. Ю.* Восточные славяне в I тысячелетии н. э.: Автореф. докт. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 29 с. Список работ авт.: с. 27—29.

353. *Братчикова Е. К.* Сийское евангелие конца XVII в. и творческие принципы русских миниатюристов в освоении западноевропейской художественной традиции: Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л., 1988. 16 с.

354. *Бубакар Ама Диаби.* История развития археологии в республике Мали (1960-е — начало второй половины 80-х годов): Автореф. канд. дис. / ВоронГУ Воронеж, 1988. 24 с.

355. *Бузин В. С.* Поселения и жилища мезолита — раннего металла лесной зоны европейской части СССР (социологический аспект): Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л., 1988. 23 с.

356. *Булыгина Т. Н.* Украшения древних ферганцев первой половины I тыс. н. э. как исторический источник: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1987 24 с.

357. *Варенов А. В.* Древнекитайское оружие эпохи Шан-Инь: Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 20 с.

358. *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры I в до н. э. — I в. н. э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 22 с.

359. *Ганжа А. И.* Историография проблемы «археологической культуры» в отечественной науке: Автореф. канд. дис. / КазанГУ Казань, 1988. 16 с.

360. *Глущенко В. П.* Римская монета в Восточной Европе (Локальные зоны распространения и пути проникновения): Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1988. 26 с.

361. *Гогиберидзе Н. В.* Украшения раннеантичной и эллинистической эпох по археологическим материалам Грузии (браслеты, гривны): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР ИА. Ереван, 1988. 15 с.

362. *Гороховский Е. Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 21 с.

363. *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X—XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 22 с.

364. *Гросу В. И.* Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья: Автореф. канд. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1988. 19 с.

365. *Гюрова М. Р.* Каменные орудия труда конца позднего палеолита Болгарии в свете трасологических исследований: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 18 с.

366. *Данилов С. В.* Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1988. 23 с.

367. *Дзнеладзе М. С.* Керамические строительные материалы античной Иберии — Картли (Черепица): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИА. Ереван, 1988. 23 с.

368. *Динь Нгок Бао.* Донгшонская культура и ее взаимоотношения с соседними культурами бронзового века Юго-Восточной Азии: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 14 с.

369. *Достиев Т. М.* Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX—XIII вв.): Автореф. канд. дис. / МГУ М., 1988. 21 с.

370. *Есаян Г. С.* Материальная культура развитого средневековья бассейна реки Агстев: Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1988. 19 с.

371. *Жилина Н. В.* Тверь в период XII—XV веков: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1987. 15 с.

372. *Жулкус В. В.* Клайпеда и ее округа в XI—XVII вв.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 16 с.

373. *Заитов В. И.* Развитие каменной индустрии в эпоху неолита — энеолита на территории Северного Казахстана: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 26 с.

374. *Ивлиев А. Л.* Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований): Автореф. канд. дис. / АН СССР СО ИИФФ. Новосибирск, 1988. 18 с.

375. *Ивочкина Н. В.* Ранняя история бумажно-денежного обращения в Китае: (Эпоха Тан и Сун, VII—XIII вв.): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИВ. Л., 1988. 24 с.

376. *Каврук В. И.* Культура Ноуа. Опыт этногенетической реконструкции: Автореф. канд. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1988. 17 с.

377. *Канецян А. Г.* Архитектурно-строительная культура античной Армении (по материалам раскопок античных городов, крепостей и поселений на территории Армянской ССР): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1988. 24 с.

378. *Клочко В. И.* Вооружение племен позднего бронзового века на территории Украины: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 16 с.

379. *Ковалевская В. Б.* Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 38 с. Список работ авт.: с. 34—38.

380. *Колесников А. Г.* Социальные структуры позднетрипольского населения Среднего Поднепровья: Автореф. канд. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1988. 16 с.

381. *Колотухин В. А.* Население Предгорного и Горного Крыма в конце II — первой половине I тыс. до нашей эры: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 17 с.

382. *Кольцов П. М.* Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1988. 20 с.

383. *Копытько В. Н.* Памятники раннего железного века Нижнего Амура: Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 19 с.

384. *Косинская Л. Л.* Мезолит — ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 19 с.

385. *Крапивина В. В.* Ольвия в первые века нашей эры (по данным археологии): Автореф. канд. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1988, 18 с.

386. *Крыганов А. В.* Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы, VII—X вв.: Автореф. канд. дис. / АН УССР ИА. Киев, 1988. 16 с.

387 *Кудрявцева О. М.* Проблема выделения археологических культур (на примере археол. культур эпохи бронзы юга Восточной Европы): Автореф. канд. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1988. 16 с.

388. *Кузнецова Т М.* Историко-культурные связи Скифии VI—III вв. до н. э. (зеркала как исторический источник): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 24 с.

389. *Кузьмина Е. Е.* Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. докт. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 34 с. Список работ авт.: с. 30—34.

390. *Кунгуров А. Л.* Верхний палеолит предгорий Алтая: Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 18 с.

391. *Курманкулов Ж.* Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпак-Далы: Автореф. канд. дис. / КемГУ Кемерово, 1988. 23 с.

392. *Курочкин Г Н.* Северо-Восточный Иран в III—II тыс. до н. э. (хронология, эволюция культуры и контакты с соседними регионами): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 19 с.

393 *Ламина Е. В.* Технологические приемы изготовления керамики как источник по истории культур юга Западно-Сибирской равнины (эпоха ранней и развитой бронзы): Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1988. 17 с.

394. *Ларина О. В.* Культура линейно-ленточной керамики Юго-Запада СССР (молдавская группа): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 21 с.

395. *Левинская И. А.* Эпиграфические памятники культа Theos. Hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора в I—IV вв. н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИИ СССР. Л., 1988. 20 с.

396. *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI—XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 26 с.

397 *Липницкая О. Л.* Кремнеобрабатывающие мастерские запада и центра европейской части СССР: Автореф. канд. дис. / АН СССР ЛОИА. Л., 1988. 16 с.

398. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. (данные археологии к вопросу о происхождении башкир): Автореф. докт. дис. / АН СССР СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 33 с. Список работ авт.: с. 32—33.

399. *Мазин А. И.* Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. докт. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 40 с. Список работ авт.: с. 37—39.

400. *Марков В. Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 18 с.

401. *Мартынов С. В.* Глиняная посуда на Среднем Енисее в железном веке (хронологическая классификация форм): Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 20 с.

402. *Марченко И. И.* Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н. э. — III в. н. э. (по материалам курганных погребений): Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 18 с.

403. *Мизандари М. Г* Дионисийская тема в искусстве античной Иберии: Автореф. канд. дис. / АН ГССР. ИИГИ. Тбилиси, 1988. 27 с.

404. *Мирзалиев Г* Неглазурованная керамика Ферганы как исторический источник (по материалам городища Ахсикет VII—XIII вв.): Автореф. канд. дис. / АН УзССР. ИА. Самарканд, 1988. 17 с.

405. *Миронова М. Г* Изучение истории Болгарии Русским археологическим институтом в Константинополе: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М.: Изд-во МГУ, 1988. 19 с.

406. *Минерт Л. К.* Архитектура Бурятии (с древнейших времен до начала XX в.): Автореф. докт. дис. / Моск. архит. ин-т. М., 1988. 43 с. Список работ авт.: с. 41—43.

407. *Мокроусов С. В.* Материальная культура городов Дагестана албанского времени: Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1988. 17 с.

408. *Мосулишвили Г Д.* Закономерности формирования структуры купольных сооружений Грузии IV—XVII вв.: Автореф. докт. дис. / ЦНИИТИА. Тбилиси. 70 с., 1 отд. л. схем. Список работ авт.: с. 69—70.

409. *Нариманишвили Г К.* Керамика Картли V—I вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1988. 13 с.

410. *Неверов С. В.* История племен сросткинской культуры в VIII—XII вв. н. э.: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 20 с.

411. *Нераденко Т. Н.* Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизацией Древнего Востока в конце II — начале I тыс. до н. э.: Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 17 с.

412. *Нестеров А. Г* Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: Археология и история: Автореф. канд. дис. / МГУ. М., 1988. 19 с.

413. *Нохрина Т. И.* Каменная индустрия эпохи неолита — энеолита Уральского Приозерья: Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 18 с.

414. *Нужный Д. Ю.* Геометрические орудия мезолитических культур юга-запада европейской части СССР (особенности морфологии и функционального назначения): Автореф. канд дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 17 с.

415. *Очир-Горяева М. А.* Савроматская культура Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 20 с.

416. *Павлов П. Ю.* Палеолит северо-востока европейской части СССР: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 19 с.

417. *Пескова А. А.* Древнерусский город Изяславль XII—XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 18 с.

418. *Пивоваров С. В.* Влияние античной цивилизации на процесс исторического развития племен черняховской культуры: Автореф. канд. дис. / ЧерновицГУ. Черновцы, 1988. 24 с.

419. *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археол. данным): Автореф. канд. дис. / АН СССР ЛОИА. Л., 1988. 20 с.

420. Постикэ Г И. Глиняная посуда Центральной Молдавии конца I — начала II тыс. н. э. как исторический источник: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 17 с.

421. *Раевский Д. С.* Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИВ. М., 1988. 34 с. Список работ авт.: 32—34.

422. *Ранов В. А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Автореф. докт. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 51 с., 1 л. табл. Список работ авт.: с. 47—52.

423. *Ртвеладзе Э. В.* Древняя Бактрия — средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья): Автореф. докт. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1988. 38 с. Список работ авт.: с. 32—37

424. *Рубан В. В.* Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. канд. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 26 с.

425. *Рутковская Л. М.* История племен Степного Поднепровья в середине I тыс. н. э.: Автореф. докт. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 33 с. Список работ авт.: с. 32—33.

426. *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (культурно-историческая характеристика, периодизация, хронология): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 25 с.

427 *Савельев Н. А.* Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1989. 25 с.

428. *Садрадзе В. Г* Мцхета в XV—XIII вв. до н. э. (могильник Церовани II и вопросы хронологии и периодизации Шида Картли): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1988. 26 с.

429. *Седых В. Н.* Керамическое производство Ярославского Поволжья IX—XIII вв.: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 17 с.

430. *Семенов Вл. А.* Периодизация культур неолита и бронзы Тувы (по материалам археологических памятников Саянского каньона Енисея): Автореф. канд. дис. / АН СССР ЛОИА. Л., 1988. 23 с.

431. *Симонова Е. Н.* Материальная культура славянского населения Северо-Восточной Венгрии VIII—XI вв. (по керамическим материалам): Автореф. канд. дис. / АН СССР ИА. М., 1988.

432. *Соссоко Ф.* Экспериментально-трасологические исследования в археологии (историографический, методический и методологический аспекты): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 22 с.

433. *Соболь В. Е.* Минск XIV—XVIII вв. (по материалам археол. изучения): Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 21 с.

434. *Сорокина Н. П.* Стеклоделие античного мира первых веков нашей эры (основные проблемы): Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 42 с. Список работ авт.: с. 39—42.

435. *Столярик Е. С.* Денежное обращение в Северо-Западном Причерноморье в позднеантичное и византийское время (конец III — начало XIII в.): Автореф. канд дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 18 с.

436. *Тамм Я. Р.* Материальная культура монастырей Эстонии XV—XVI вв.: Автореф. канд. дис. / АН ЭССР. ИИ. Таллинн. 1988. 17 с.

437. *Тыниссон Э. Ю.* Городища Эстонии: Автореф. докт. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 26 с. Список работ авт.: с. 25—26.

438. *Уртанс Ю. В.* Языческие культовые памятники на территории Латвии: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 15 с.

439. *Устинова Ю. Б.* Частные культовые сообщества в Греции и Причерноморье в VI—I вв. до н. э. (по эпиграфическим данным): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л., 1988. 16 с.

440. *Ушинскас В. А.* Формирование раннегосударственной территории Литвы I—XIII вв.: Автореф. канд. дис. / ЛГУ Л., 1988. 20 с.

441. *Фонякова Н. А.* Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII — начала X в. (по материалам худож. металлообработки): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 24 с.

442. *Халилов М. Д.* Каменные изваяния Азербайджана (вторая половина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.): Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988 20 с.

443. *Химшиашвили К. В.* Зодчество Уплисцихе античного периода (по археол. данным): Автореф. канд. дис. / АН АрмССР. ИА. Ереван, 1988. 24 с.

444. *Цетлин Ю. Б.* Периодизация культур неолита и энеолита Верхнего Поволжья по данным морфологического и стратиграфического изучения керамики (проблемы методики): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 26 с.

445. *Черненко Е. В.* Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия): Автореф. докт. дис. / АН УССР. ИА. Киев, 1988. 40 с. Список работ авт.: с. 37—40.

446. *Чернецов А. В.* Светская феодальная символика Руси XIV—XV вв.: Автореф. докт. дис. / АН СССР ИА. М., 1988. 36 с. Список работ авт.: с. 35—36.

447. *Чинь Ван Шинь.* Древняя металлообработка на севере Вьетнама во II—I тыс. до н. э.: Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 24 с.

448. *Шавохин Л. С.* Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: Автореф. канд. дис. / МГУ Ист. фак. М., 1988. 20 с.

449. *Шамшин А. Б.* Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье: (XII—VI вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. / КемГУ. Кемерово, 1988. 16 с.

450. *Шикаева Т. Б.* Марийцы конца XVI — начала XVIII в. (по материалам могильников): Автореф. канд. дис. / АН СССР. ИА. М., 1988. 23 с.

451. *Шорин А. Ф.* Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. канд. дис. / АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1988. 25 с.

452. *Эверестов С. И.* Рыболовство в каменном веке Восточной Сибири: Автореф. канд. дис. / КемГУ Якутск, 1988. 20 с.

453. *Яковлева Л. А.* Орнамент в изобразительном творчестве позднепалеолитического человека Поднепровья как исторический источник: Автореф. канд. дис. / ЛГУ. Л., 1988. 16 с.

454. *Якубов Ю.* Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда (к пробл. становления феодализма в Сред. Азии): Автореф. докт. дис. / МГУ. Ист. фак. М., 1988. 51 с.

Составитель *Л. М. Всевиов*

Хроника

СИМПОЗИУМ «СОКРОВИЩЕ ХАНА КУБРАТА. КУЛЬТУРА БОЛГАР, ХАЗАР, СЛАВЯН» (СОФИЯ, СЕНТЯБРЬ 1989 Г.)

19 сентября 1989 г. в Национальном историческом музее Софии открылась археологическая выставка, ярко и броско названная «Сокровище хана Кубрата». Организована она была по инициативе Комитета культуры, Национального исторического музея и Министерства культуры Болгарии, а экспонаты для нее были предоставлены Государственным Эрмитажем СССР, сотрудниками которого была проведена вся работа по их подготовке к экспонированию. На открытие выставки, несмотря на огромную занятость, приехал директор Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский. Болгарские организаторы выставки на болгарском языке выпустили великолепно выполненный каталог экспонируемых вещей, составленный высококвалифицированными сотрудниками Эрмитажа [1].

Чем объясняется повышенный интерес общественности и даже некоторый журналистский ажиотаж вокруг данной, в целом обычной археологической выставки? Думается, основным толчком к организации выставки явилась вышедшая в Болгарии в 1988 г. небольшая книга И. Вернера, посвященная знаменитому Перещепинскому кладу, который трактуется автором как погребение хана «Великой Болгарии» Кубрата [2]. К сожалению, подобная конкретизация памятников, расположенных далеко от территорий обитания древних болгар, уже не первый случай в современной археологической литературе. Сравнительно недавно (в 1977 г.) не менее известный археологам Вознесенский комплекс, расположенный, как и Перещепинский клад, на Левобережье Днепра, был объявлен погребением праболгарского хана Аспаруха, сына Кубрата [3, с. 37]. Это также вызвало значительное волнение в болгарской прессе, но все же неожиданная «находка» могилы Аспаруха привлекла меньше внимания (возможно, потому, что набор роскошных вещей в Вознесенке значительно более скромный).

Однако как бы ни была неправомерна основная побудительная причина организации выставки, советскими и болгарскими учеными проведена большая работа, и подобные выставки, безусловно, играют положительную роль в привлечении болгарской интеллигенции и всего народа к изучению своей истории и культуры.

Можно только пожалеть, что прекрасный каталог с изданием ряда красивых, и главное, выразительно характеризующих культуру кочевников вещей останется неизвестным советскому читателю, в том числе и специалистам-археологам, занимающимся историей и культурой кочевых народов Евразии. Правда, Государственный Эрмитаж подготовил в настоящее время новое монографическое издание Перещепинского клада, дополненное не только не попавшими в прежние публикации вещами клада, но и исследовательскими разделами о технологии, стилистике, хронологии, криптограммах и т. д., что, несомненно, позволило авторам в ряде выводов прийти к совершенно новым заключениям, весьма убедительным и весомым. Подавляющее большинство вещей клада не местного, т. е. не степного, происхождения. Это дары византийских императоров нескольким (или одному?) степным властителям — вождям боевых дружин кочевников: в основном золотые, реже серебряные с позолотой сосуды и украшения.

Выставка вещей Перещепинского клада сопровождалась, что и отражено в каталоге, сериями предметов из более ранних (IV — начала VII в.) находок, среди которых преобладали шедевры ювелирного варварского искусства (золотые с камнями и зернью украшения), а также более поздних находок — вещей хазарского и славянского времени (вторая половина VIII—X в.). Среди последних главенствующее место занимали вещи из раскопок М. И. Артамонова хазарского города Саркела и перекрывающих его слоев древнерусской Белой Вежи. Почти все «поздние» предметы принадлежали рядовому населению восточноевропейских степей, как кочевому, так и земледельческому славянскому. Именно благодаря наличию на выставке этого «массового» материала в подзаголовке выставки и каталога было написано: «культура болгар, хазар, славян».

Персонификация Перещепинского клада, вызвавшая сомнения и споры среди болгарских ученых и практически отрицавшаяся советскими исследователями, явилась причиной организации Национальным музеем и Институтом археологии Болгарской Академии наук «сопровождающего выставку» небольшого симпозиума, который назывался «Культура болгар, хазар, славян». Он длился с 20 по 22 сентября, было прочитано 16 докладов, из них половина — советскими учеными. На симпозиуме, естественно, составляли большинство болгарские ученые, занимающиеся проблемами праболгар, славян и их взаимоотношениями; присутствовал и автор персонификации Перещепинского клада И. Вернер, активно участвовавший в обсуждении своей гипотезы.

© С. А. Плетнева, 1990 г.

К сожалению, собственно Перещепинскому кладу было посвящено всего 3 доклада. Основным был, безусловно, доклад Б. И. Маршака и З. А. Львовой «Перещепинское сокровище». Эти в высшей степени добросовестные исследователи, несмотря на все свое уважение к И. Вернеру, объективно оценили факты, указав, что часть вещей клада относится к концу VII — началу VIII в. Уже это говорит о невозможности отождествления клада с погребением хана Кубрата, умершего никак не позже 50—60-х годов VII в. Поэтому авторы предложили альтернативное решение вопроса, заключающееся в том, что клад мог принадлежать наследникам Кубрата или какому-то представителю тюрко-хазарской знати, захватившему в свое время сокровище семьи Кубрата, а затем вынужденному запрятать его в тайнике, к которому позже он не смог вернуться.

Весьма интересным представляется также доклад В. Н. Залесской «Византийские вещи Перещепинского клада», в котором она помимо перстня с греческой монограммой имени Кубрата, известного ранее, представила чтение монограммы на другом перстне как «патрикиос Органа». Последний был дядей Кубрата. Он был тесно связан с Византией и фактически еще до Кубрата начал формировать из разрозненных орд Приазовья объединение, известное под наименованием «Великая Болгария». Это открытие является, на мой взгляд, дополнительным фактом, подтверждающим принадлежность «сокровища» семье Дуло, в которую входили и Органа, и Кубрат, и его сын Батбаян (Батбай), который после разгрома «Великой Болгарии» хазарами остался в южнорусских степях [4, с. 172; 5, с. 182]. Возможно, именно ему в постоянных стычках с хазарами пришлось зарыть семейное сокровище из-за угрозы грабежа. Это вполне соответствует дате Перещепинского клада, доказанной Б. И. Маршаком и З. А. Львовой, а также объясняет отсутствие костей или остатков трупосожжения среди драгоценных находок: клад, очевидно, не был погребением, он был собственно кладом.

Следует сказать, что организаторы выставки очень тонко обошли спорный вопрос о захоронении хана Кубрата, назвав ее «сокровищем хана Кубрата». Вряд ли такая формулировка может вызвать протест: какое-то время, судя по перстню с монограммой, семейное сокровище принадлежало Кубрату и, вероятно, по мере возможности пополнялось им.

Точка зрения о принадлежности сокровища не Кубрату, а его наследникам была поддержана в очень серьезном и доказательном докладе А. И. Айбабина «Датировка погребений кочевнической знати в Поднепровье». Он вслед за М. И. Артамоновым и А. К. Амброзом отнес эти погребения с аналогичными перещепинским вещами к сравнительно позднему времени (вплоть до середины VIII в.).

Остальные доклады вне основной перещепинской темы как бы комментируют экспонаты выставки, не относящиеся к кладу, но датирующиеся также I тыс. н. э. Принадлежали они различным кочевым и полукочевым племенам и этносам (гуннам, праболгарам, хазарам и др.), а также славянам. Доклады соответственно тематике можно разделить на несколько групп. Ранней теме был посвящен только один доклад И. П. Засецкой о реконструкции ножен кинжала из известного погребения у оз. Боровое, относимого исследователями к VI в. [6, с. 69, 70] 7 докладов болгарских ученых Р. Василева, С. Станилова, С. Витлянова, Ж. Аладжова, К. Меламед, Т. Балабанова, И. Щеревой касались почти исключительно праболгарских древностей или связанных с ними более поздних собственно болгарских. Праболгарской проблематике посвящен был и доклад В. К. Михеева об исключительной по значению находке еще одного биритуального (трупосожжения и трупоположения) могильника в верховьях Северского Донца. Вопросы хазарской археологии были подняты в докладах С. А. Плетневой и И. А. Баранова. Первая представила картину развития хазарской проблематики в археологии за прошедшее 30-летие, а И. А. Баранов ознакомил участников с интереснейшими материалами об открытии хазарских полуязыческих-полуиудейских погребений в Крыму, на окраине г. Судака.

Непосредственно взаимоотношениям праболгар и славян было посвящено всего 2 доклада: Ж. Выжаровой и А. З. Винникова. Ж. Выжарова сжато, в получасовом докладе изложила свою монографию о славянах и праболгарах по данным открытых ею могильников [7]. А. З. Винников на основании сравнительного анализа совершенно новых материалов славян-«боршевцев» и соседнего с ними лесостепного населения установил еще один район контактов этих двух различных в культурном и экономическом отношении этносов.

Приходится пожалеть, что советские ученые не смогли на этот симпозиум привезти доклады о замечательном памятнике хазаро-болгарской культуры бассейна Дона — г. Саркеле и его продолжении — древнерусской Белой Веже. Этот памятник — один из наиболее выразительных примеров тесных контактов праболгар и славян, и материалы с него, безусловно, очень важны и интересны для болгарских специалистов. Отсутствие этой тематики на симпозиуме тем более непростительно, что находок из раскопок этого уникального памятника было на выставке довольно много [1, № 228—294, 306—315]

Подводя краткие итоги, можно прежде всего констатировать, что наши болгарские коллеги прекрасно организовали эту в общем сравнительно небольшую выставку и приуроченный к ней симпозиум, а сотрудники Государственного Эрмитажа сделали все возможное, чтобы поддержать инициативу болгар. Участники симпозиума благодарят организаторов за предоставленную им возможность встретиться, ознакомиться хотя бы с частью коллекции Эрмитажа, касающейся кочевниковедческих проблем, и поделиться друг с другом новыми находками, соображениями, гипотезами.

Деловые и творческие встречи болгарских и советских археологов необходимо организовывать и в будущем: они помогут им не только знакомиться с мнениями друг друга, но, очевидно, приведут в конце концов к общим выводам о закономерностях сложения и развития культуры и государственности у изучаемых народов.

С. А. Плетнева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Залесская В. Н., Засецкая И. П., Каспарова К. В., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Щукин М. Б.* Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. София, 1989.
2. *Вернер И.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на българите. София, 1988.
3. *Ваклинов Ст.* Формиране на старо-българската култура. София, 1977
4. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
5. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967
6. *Амброз А. К.* Кинжалы VI—VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
7 *Въжарова Ж. Н.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България. София, 1976.

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (МУРОМ, 1990)

Муромский историко-художественный музей выступил с прекрасной инициативой — с 16 по 18 апреля 1990 г. им были проведены научные чтения, посвященные известным русским археологам П. С. и А. С. Уваровым.

В этом году исполнилось 165 лет со дня рождения графа Алексея Сергеевича Уварова (1825—1885 гг.) и 150 лет со дня рождения его супруги Прасковьи Сергеевны (1840—1924 гг.). Имена этих ученых хорошо известны каждому археологу начиная со студенческой скамьи. А. С. Уваров, «отец русской археологии», был одним из самых активных деятелей русской исторической науки второй половины XIX в. В 1846 г. он стал одним из учредителей Русского археологического общества, в 1864 г.— организатором Московского археологического общества, затем выступил инициатором создания Исторического музея в Москве, Публичной исторической библиотеки, учредителем археологических съездов. К I археологическому съезду им была написана книга «Меряне и их быт по курганным раскопкам», в основу которой легли массовые раскопки курганов во Владимирской губернии в 1851—1854 гг. А. С. Уваров был автором монографии «Археология России. Каменный период», а также автором многих статей, неутомимым раскопщиком и собирателем древностей. Достойным продолжателем дела А. С. Уварова была его жена и помощник П. С. Уварова, урожденная Щербатова.

Программа Уваровских чтений была обширной, насыщенной и на редкость интересной. В чтениях приняли участие представители восьми городов: Москвы, Ленинграда. Ростова-на-Дону, Рязани, Мурома, Ярославля, Ростова Ярославского и Суздаля. С докладами выступили сотрудники Института археологии АН СССР, Государственного Исторического музея, Центрального исторического архива г. Москвы, Государственной публичной исторической библиотеки, Московского историко-архивного института, Научной библиотеки Ленинградского государственного университета, Ростово-Ярославского, Владимиро-Суздальского, Рязанского музеев-заповедников и Муромского историко-художественного музея.

Оценке деятельности А. С. Уварова в русской и советской литературе было посвящено выступление канд. ист. наук В. А. Лапшина (ЛОИА). Он подробно остановился на динамике критики работ А. С. Уварова (от очень высокой оценки их современниками до почти полного отрицания последующими исследователями: А. А. Спицыным, В. И. Равдоникасом и др.). В последние годы роль А. С. Уварова в становлении русской археологии признается большинством историков археологии (А. А. Формозов, А. Л. Монгайт и др.). Пересматривается отношение к деятельности А. С. Уварова и в области полевой археологии, долгое время вызывавшей упреки исследователей. Обнаружение дневников раскопок в Отделе письменных источников ГИМ позволяет считать, что методика археологических исследований А. С. Уварова была на достаточно высоком для своего времени уровне, а это дает основание пересмотреть устоявшееся мнение о безвозвратной гибели 7767 раскопанных во Владимирской губернии курганов.

Личности Прасковьи Сергеевны Уваровой, какой она предстает из своих трудов, а также по воспоминаниям современников, было посвящено сообщение Л. Е. Храповой (члена Союза писателей, г. Ростов-на-Дону) — автора повести «Одна страница сиятельной жизни» (журнал «Дон», 1989, № 7—8).

Любопытна такая деталь: княжна Прасковья Щербатова стала прообразом Кити Щербацкой из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

О деятельности П. С. Уваровой в Московском археологическом обществе рассказала Г. Ю. Борисова — научный сотрудник Центрального государственного исторического архива Москвы.

Живой интерес присутствующих вызвали доклады сотрудников Муромского музея: Т. Б. Купряшиной, О. А. Суховой и А. А. Сиротинской. Т. Б. Купряшина рассказала о родословной графов Уваровых, проиллюстрировав свой доклад великолепно составленным «древом» с многочисленными портретами и фотографиями как самих Уваровых, так и родственных им знаменитых русских фамилий Шереметевых, Оболенских, Разумовских, Головиных и др. О. А. Сухова остановилась на истории комплектования собрания Муромского музея, в основу которого легла коллекция Уваровых из их муромского имения Карачарово (около 2200 единиц хранения). А. А. Сиротинская в подробной экскурсии по экспозиции музея ознакомила собравшихся с библиотекой и коллекциями живописи, мебели, фарфора из собрания Уваровых.

© М. В. Седова, 1990 г.

Усадьба Уваровых в с. Карачарове

Сотрудники Отдела письменных источников Государственного Исторического музея познакомили с фондом Уваровых, хранящимся в ОПИ (фонд 17, оп. 1). Н. Б. Стрижова основное внимание уделила обзору материалов научной и просветительской деятельности археологов. М. М. Леренман на основе имеющихся выписей из муромских писцовых, переписных и межевых книг, хозяйственных документов и других материалов дала краткую историю Карачаровской вотчины с начала XVII до конца XIX в. И. В. Белозерова сообщила о научной, просветительской и земской деятельности А. С. и П. С. Уваровых во Владимирской губернии.

Деятельности воспитанницы Московского археологического института — первому смоленскому археологу Е. Н. Клетновой (1869 — после 1926 г.) было посвящено выступление д-ра ист. наук Л. В. Алексеева (ИА АН СССР). Об охране памятников старины в дореволюционной России и деятельности в этом отношении Московского археологического общества доложил А. И. Фролов — преподаватель кафедры музееведения Московского историко-архивного института. О Новгородском обществе любителей древностей и XV археологическом съезде рассказал Н. Н. Жервэ — заведующий научной библиотеки Ленинградского университета. С. В. и Е. Н. Сазоновы из Ростовского музея посвятили свое сообщение ростовскому краеведу, члену Московского археологического общества А. А. Титову и его связям с Уваровыми. Заведующая отделом Суздальского музея Н. Н. Курганова познакомила слушателей с новыми находками надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале. Директор Музея истории ЛГУ — И. Л. Тихонов остановился в своем докладе на проблемах преподавания археологии в Петербургском университете в конце XIX — начале XX в.

Несколько докладов было посвящено археологической проблематике Волго-Окского междуречья. Так, заведующий отделом Рязанского музея В. П. Челяпов рассказал о роли В. Н. Городцова в изучении эпохи бронзы на Средней Оке. В. Я. Чернышов коснулся проблем Подболотского могильника в свете новых археологических находок. Аспирантка кафедры археологии МГУ Г Л. Новикова остановилась в своем докладе на находках во Владимирских курганах скандинавских амулетов. В докладе Н. Е. Чалых (прочитанном В. В. Даниловым) речь шла о материалах археологических раскопок на территории муромского Кремля, проводившихся Владимиро-Суздальской экспедицией ИА АН СССР в 1982—1987 гг

В заключение была организована поездка в бывшее имение графов Уваровых в с. Карачарове (рисунок). Участники чтений осмотрели имение и обсудили вопрос о судьбе карачаровской усадьбы. Было высказано пожелание о передаче ее Муромскому музею в качестве филиала, об организации там археологической экспозиции и археологической базы Института археологии АН СССР. В резолюции отмечено, что Уваровские чтения будут проводиться впредь периодически, один раз в 3 года. Краткие изложения докладов будут публиковаться.

М. В. Седова

ПАМЯТИ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ТРЕТЬЯКОВА
(1940—1985)

Виктор Петрович Третьяков скоропостижно скончался 26 июня 1985 г.— ему было всего 45 лет. Он завершил работу над докторской диссертацией, которая ждала своего обсуждения на секторе, готовил экспедицию к отъезду, грузил машину — и сердце не выдержало...

В. П. Третьяков увлекся археологией еще школьником: ездил в экспедиции своего отца, П. Н. Третьякова, где сделал свое первое открытие — нашел клад в с. Зелевки; несколько лет посещал археологический школьный кружок при ГИМе. Он принимал участие в разных экспедициях (палеолитической, неолитических, античных, славянских). Поступив в 1958 г. в МГУ, он избирает свою тему: неолит лесной полосы европейской части СССР, которой остается верен всю жизнь. С 1959 г. в связи с переездом семьи в Ленинград В. П. Третьяков учится на кафедре археологии ЛГУ. Закончив университет, поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии. Его диссертация, успешно им защищенная в 1966 г., была опубликована монографически («Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР». Л., 1972). 20 лет назад он подготовил большую сводную работу «Волосовские племена в европейской части СССР», но свет увидела только его статья «В защиту единства волосовских древностей» (СА. 1975. № 4). В 1978 г. В. П. Третьяков закончил исследование «Древности эпохи неолита в междуречье Днепра и Волги». Обе эти работы, полностью завершенные, еще ждут своего издания. Следующая, последняя обобщающая работа В. П. Третьякова, его докторская диссертация была посвящена всему неолиту лесной полосы от Прикамья до Прибалтики и Днепра.

В. П. Третьяков был исследователем скорее классического направления. Главной целью анализа он считал культурное и хронологическое членение материала, уделяя внимание и некоторым общим вопросам; например, занимался соотношением керамики и каменных орудий как источников познания археологического прошлого. В последних работах он старался применить понятие «археологическая непрерывность» к истолкованию сложной картины культурного членения лесного неолита. Приняв метод Робинсона — Брейнерда и дополнив его некоторыми модификациями, он успешно применял его для установления степени близости археологических памятников эпохи неолита. В. П. Третьякова всегда отличало всестороннее глубокое знание археологического материала от Уварова до наших дней, и того, что хранится в центральных музеях, и того, что во множестве накоплен в областных музеях. Широта научных интересов, прекрасное знание огромных материалов неолитических памятников позволяли В. П. Третьякову плодотворно подходить к осмыслению и решению крупных проблем изучения каменного века.

Всю жизнь В. П. Третьяков упорно работал — кажется, он ни одного дня не провел праздно — в поле, в музеях или за своим письменным столом. Им опубликовано около 80 статей, снискавших ему авторитет вдумчивого и серьезного исследователя. Он активно участвовал во множестве конференций и симпозиумов, в последний раз — в советско-финском симпозиуме. Он успел много раскопать, работая бок о бок с ведущими археологами, опытными полевиками и самостоятельно. В последние годы он вел очень интересные и многообещающие исследования в Сурско-Мокшанском

© Г. П. Григорьев, В. Я. Шумкин, А. Я. Щетенко, 1990 г.

междуречье. В. П. Третьяков всегда откликался на просьбу о помощи, очень охотно работал с коллегами в Саянах, на Алтае, в Туркмении, на Волге.

Путь В. П. Третьякова в науке был непростым. Уже при работе над кандидатской диссертацией он проявил свою самостоятельность и высказал ряд идей, которые не вмещались в общепринятые рамки академических исследований. Его принципиальная, доброжелательная критика не всегда находила адекватное восприятие оппонентов и часто мешала объективной оценке его научной деятельности. Тем не менее В. П. Третьяков всегда оставался верен принципам подлинного ученого: престижу научной карьеры он предпочитал истину в науке.

Самая отличительная черта характера Виктора Петровича — исключительная доброта к людям. Студент, аспирант, сотрудник института — на всем своем жизненном пути он всегда был окружен друзьями, которые также платили ему искренней привязанностью.

Он был талантлив, трудолюбив, скромен. Он очень много мог бы сделать для нашей науки. Но судьба распорядилась иначе. Мы скорбим и вечно будем помнить нашего товарища. Его смерть — невосполнимая потеря для советской археологической науки, особенно для неолитической группы отдела палеолита Ленинградского отделения археологии, где он был надежным и признанным лидером молодого поколения ученых.

Г. П. Григорьев, В. Я. Шумкин, А. Я. Щетенко

ПАМЯТИ АННЫ ЕПИФАНОВНЫ АЛИХОВОЙ

30 июня 1989 г. после тяжелой продолжительной болезни скончалась Анна Епифановна Алихова — известный археолог, ушедший на пенсию сотрудник Института археологии АН СССР

Анна Епифановна Алихова родилась 1 июля 1902 г в Москве в семье служащего, по происхождению крестьянина Калужской губернии. После окончания средней школы она поступила на физико-математический факультет Московского государственного университета. Начиная с 1922 г. она принимала активное участие в археологических экспедициях, проводившихся университетом. Это определило всю ее дальнейшую жизнь.

В 1930 г. она экстерном окончила Московский университет по кафедре антропологии. После этого до 1934 г. работала сотрудником Московского областного музея, в 1934—1935 гг. она — сотрудник МОГАИМК, с января 1936 г.— сотрудник Государственного Исторического музея, а с 1938 г.— лаборант исторического факультета МГУ, где участвовала в создании кабинета археологии. Во время Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации, А. Е. Алихова работала преподавателем средней школы, а после возвращения в Москву в 1943 г. поступила в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне — Институт археологии АН СССР) В 1947 г. Анна Епифановна Алихова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Мордовские могильники X—XIV вв.». После этого она была принята в институт, где проработала до 1963 г., до перехода на пенсию.

Анна Епифановна Алихова относилась к поколению крупнейших советских археологов — создателей современной археологии, и это многое определило в ее жизни. Ее научные интересы охватывали широкий круг проблем от эпохи поздней бронзы до средневековья. Но основное место в ее работе, несомненно, занимала археология мордовского народа. Она принимала самое активное участие в изучении мордовских древностей, их публикации, создании научной, основанной на фактах древней истории мордовского народа, в подготовке кадров.

Анна Епифановна Алихова была неутомимым полевым исследователем, знатоком археологической методики. Она была в числе людей, проводивших археологические исследования при строительстве первой очереди московского метрополитена, на строительстве канала Москва — Волга, исследовала мордовские могильники и городища. В 1950—1956 гг она руководила отрядом Куйбышевской археологической экспедиции и провела исследование памятников бронзы, раннего железа и средневековья в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Но, конечно, особое место в ее деятельности занимает городище Кузина гора на Сейме — уникальный памятник эпохи раннего железа. Археологам хорошо знакомы ее публикации «Особый тип сооружений на городище „Кузина гора“» и «Древние городища Курского посеймья», в которых результаты этих работ были подробно описаны. Переоценить значение этих исследований невозможно.

Для трудов Анны Епифановны Алиховой характерны точность и подробность описания, обоснованность и закономерность выводов. Исследователи будут долго обращаться к ее работам. После ухода на пенсию она не перестала заниматься археологией и, пока были силы, работала над различными проблемами истории и археологии мордовского народа, помогала своим ученикам.

В памяти товарищей Анна Епифановна останется как преданный науке исследователь, интеллигентный человек, надежный товарищ.

© К. А. Смирнов, 1990 г.

К. А. Смирнов

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ТИТОВА

17 января 1990 г. после тяжелой болезни скончался старший научный сотрудник Института археологии АН СССР Валерий Сергеевич Титов. Наша наука понесла тяжелую потерю, ушел из жизни специалист широкого профиля, работавший много и интересно в области первобытной археологии и истории.

В. С. Титов родился 16 октября 1932 г в Москве в семье почтового служащего. Еще в школе он стал увлекаться археологией и, когда окончил московскую школу № 9, а окончил он ее с серебряной медалью, то твердо знал, что станет только археологом и никем больше. В том же году его можно было видеть в числе студентов исторического факультета МГУ В 1955 г. он завершает учебу в нем, получив диплом с отличием. Теперь он уже аспирант Университета и занимается изучением культур шнуровой керамики, а параллельно штудирует материалы по неолиту юго-восточной и центральной Европы. В июле 1959 г. член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев приглашает Валерия Сергеевича работать в Институт истории материальной культуры АН СССР (теперь Институт археологии) в качестве младшего научного сотрудника по теме «Энеолит и бронзовый век в истории древней Европы и Азии», разрабатывавшейся тогда этим крупнейшим специалистом. Только за время с 1959 по 1963 год В. С. Титов просмотрел огромное количество иностранной литературы и составил картотеку по первобытной археологии Египта, Палестины, Сирии, Южной и Северной Месопотамии, Ирана, Индии, Анатолии, Крита, Кипра, Кикладских островов, Греции, Македонии, Румынии, Югославии, Польши, Чехословакии и немецких земель. Это был титанический труд. С. В. Киселев бережно относился к молодому специалисту, это был творческий союз, который со смертью Сергея Владимировича Киселева, к сожалению, оборвался.

В 1966 г Валерий Сергеевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Неолит Греции, периодизация и хронология». В 1969 г. под таким же названием вышла его монография, ставшая настольной книгой для всех занимающихся вопросами средиземноморской и европейской археологии. Она была высоко оценена специалистами. Именно за эту книгу он был избран членом-корреспондентом Немецкого археологического института Винкельмана в Бонне.

В. С. Титов хорошо знал многие европейские страны, и не по туристским пособиям, а воочию, зримо знакомился с ними. В этом помогало ему знание европейских языков. В 1966—1967 гг. он выезжал с обширной выставкой «Археология СССР» в Нидерланды, Швейцарию, Италию, ФРГ Позже он изучал памятники Греции, Кипра, Чехословакии и Румынии. По приглашению Венгерской Академии Наук с 1971 г и почти до последних лет он работал в Венгрии, исследуя вместе с местными учеными такие памятники, как Фенекпуста и Херпай. Валерию Сергеевичу пришлось принимать участие в изучении и некоторых памятников Болгарии. Большое внимание уделял он полевым работам по раскопкам поселений линейно-ленточной керамики и трипольской культуры на Украине и в Молдавии. Где бы В. С. Титов ни был, он все свое время уделял изучению местных древностей и музейных коллекций. В его архиве сохранились десятки папок с выписками, зарисовками и схемами, посвященными различным археологическим памятникам и культурам. Можно только удивляться его работоспособности.

© В. И. Марковин, 1990 г.

Валерием Сергеевичем опубликовано более 120 работ. Среди них можно назвать такие фундаментальные исследования, как два тома «Археологии Венгрии» (1980 и 1986 гг., издательство «Наука», третий том, посвященный эпохе бронзы, еще не издан). В этих книгах такие крупные разделы, как «Неолит» и «2500 лет прошлого Карпато-Дунайского бассейна», были написаны им лично. Пока еще в рукописи находится его крупная монография, посвященная неолиту Карпатского региона.

Валерия Сергеевича увлекали сложные проблемы, связанные с неолитической «революцией», выделением земледельческих и скотоводческих племен, вопросы экономики, а в связи с этим и хронологии первобытности. Много внимания он уделял типологии древнейших культур Европы и Азии и памятникам архитектуры. Все это нашло отражение в ряде статей, написанных для Большой Советской энциклопедии, для «Всеобщей истории архитектуры», «Исторической энциклопедии», «Истории Европы» (т. I, М., «Наука», 1988), в учебных пособиях по археологии СССР и в целом ряде специальных сборников и журналов. Он не кичился своими знаниями. Его многочисленные печатные рецензии и письменные отзывы при всей строгости своих оценок, отличались явным стремлением помочь автору. Выступления Валерия Сергеевича на заседаниях отдела неолита и бронзы или лекции в МГУ становились своеобразной свободной импровизацией на сложные темы первобытности.

С 1972 по 1976 гг. Валерий Сергеевич был ответственным секретарем журнала «Советская археология», где в полной мере проявились его широкий кругозор ученого, методичность в работе и умение выбрать главное. Быстро войдя в курс проблем журнала, он работал в постоянно хорошем контакте с главным редактором А. В. Арциховским и сотрудниками редакции.

Многие помнят Валерия Сергеевича подтянутым и неизменно корректным. Это был жизнелюбивый человек, понимавший шутку, ценивший красоту природы и всего живого. Он хорошо знал художественную литературу и изобразительное искусство. Теперь его нет. На гражданской панихиде академик Б. А. Рыбаков сказал: «Оценить значение трудов Валерия Сергеевича сейчас еще невозможно. Это время еще впереди». Лучше сказать о деятельности В. С. Титова нельзя, о деятельности и всей его жизни.

В. И. Марковин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1990 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки

Алексеев Л. В. Кто был автором «Приглашения барона К. И. Аша» (1819 г.)? (о первой периферийной инструкции собирания древностей) 1 283
Алексеев Л. В. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е годы XX в. 4 241
Андреева М. В. Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры) 4 122
Андрух С. И., Чернов С. И. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья 2 149
Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении 3 271
Артемьев А. Р. К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. 3 264
Афанасьев Г. Е. Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья 4 51

Балабина В. И., Борисенок Л. А., Яхонтова Л. К. Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона 1 154
Башилов В. А., Родригес К. А., Э. Сальгадо Лопес. Исследования доиспанского поселения Кабо де ла Вела в Юго-Западной Колумбии 1 85
Бгажба О. Х., Терехова Н. Н., Розанова Л. С. Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры 3 184
Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны. 3 233
Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе 4 190
Беспалый Е. И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова 1 213
Бибиков С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский 1 277
Болтрик Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра) 4 30
Борзунов В. А. Генезис и развитие гамаюнской культуры 1 15
Бузин В. С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции 3 32

Васильев В. И. О статье Н. Л. Членовой «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э.» 3 150
Виленчик Б. Я. К вопросу о пересмотре датировок деятельности глав русских епископий XIII в. 1 66
Винников А. З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром 3 124
Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н. Новые данные о связях Северного Кавказа с Закавказьем 1 243
Вискалин А. В. Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья 2 248
Вишняцкий Л. Б. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления 2 99
Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча 1 137
Воронина Р. Ф. Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками древней мордвы 3 215

Гмыря Л. Б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана 1 254
Гопак В. Д., Радзиевская В. Е. Кузнечное ремесло Коломакского городища в VI—III вв. до н. э. 1 199
Горбунова Н. Г. Ферганский могильник Хангиз I 1 178
Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. Памяти Бориса Александровича Латынина (к 90-летию со дня рождения) 4 253
Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону 2 164

Дубовская О. Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской 4 182

Зайцев Ю. П. Золотой статер Риметалка из Неаполя скифского 1 259

Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска 1 42

Исламов У. Древнейшая пещерная палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине 2 115

Каминский В. Н., Астахов И. Л. Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе 1 250
Киржнер Е. Э., Арматынская О. В. Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново 3 256
Кирчо Л. Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе 3 176
Клещинов В. Н., Молчанов А. А. Смоленская деньга Василия III 2 258
Клочко Л. С., Оленковский Н. П. Новые скифские навершия с нижнего Днепра 3 253
Коваленко В. П., Пуцко В. Г. Византийская резная иконка из Чернигова 1 267
Козенкова В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы 3 64
Колотухин В. А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования 3 93
Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского 2 176
Кореневский С. Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры 4 125
Кореняко В. А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) 2 28
Коробушкина Т. Н., Саливон И. И. Сельское население Среднего Побужья IX—XIII вв. (по материалам курганных могильников) 3 138
Корпусова В. Н., Ляшко С. Н. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму 3 166
Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III 3 25
Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы 2 5
Кузнецов В. А. Погребения III в. из Кисловодска 2 251
Кузнецов В. Д. Некоторые вопросы организации общественного строительства в Афинах 4 45
Кузнецова Э. Ф., Мадина С. Ш. Исследование древнего золота Казахстана 2 136
Кулаков В. И. «Звериноголовые» фибулы балтов (V—VII вв.) 2 204
Курочкин Г. Н. Золотой сосуд из Марлика 2 41
Кызласов Л. Р. О шаманизме древнейших тюрков 3 261

Лапшин А. Г. Два портрета из Мансур-депе 4 223
Любин В. П., Вишняцкий Л. Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении 4 5

Мажитов Н. А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника 1 261
Марков Д. Б., Молчанов А. А. Две древнерусские печати XII в. из Нижнего Подесенья 1 271
Марков Д. Б., Строков А. И. О сребреннике Владимира Святославича из собрания музея исторических драгоценностей УССР 1 270
Марковин В. И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре 4 153
Марковин В. И. Спорные вопросы в этнографическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) 4 106
Матвеева Н. П. Неолитический памятник в Сургутском Приобье 2 127
Матюхин А. Е. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме 2 92
Медынцева А. А. О надписи на «кресте» Манасии (с. Цар Асен, Болгария) 4 85
Мельник В. И. Из истории полтавкинской проблемы 1 103
Мизиев И. М. О создателях майкопской культуры 4 131
Минжулин А. И. Технология зерни 4 231
Миронова В. Г. Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) 2 216
Михайлов Б. Д. Петроглифы из пещеры «Подкова» на холме Каменная Могила в Северном Приазовье 1 131
Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) 1 167
Мунчаев Р. Н., Мерперт Н. Я. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988—1989 гг.) 3 5
Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа 1 224

Нариманов И. Г., Джафаров Г. Ф. О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана 1 5
Никитина Ю. И. Рисунки-граффити из Софии Новгородской 3 220

Ольховский В. С., Галкин Л. Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) 4 196
Ольховский В. С. О северокавказских стеллах эпохи раннего железа 3 196
Отрощенко В. В. О возможностй участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры 1 113 107

Петерс Б. Г., Авдеев А. Г. Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э. 4 207

Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии 2 77
Попова Е. А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» 3 196
Потемкина Т. М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона 1 118
Пронин Г. Н. Курганы X—XI вв. с сожжениями и с каменными конструкциями у д. Боково 2 234
Пятых Г. Г. К дискуссии по происхождению срубной культуры 1 113

Раевский Д. С. К статье Н. Л. Членовой «Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э.» 3 151
Рысин М. В. Датировка комплексов из Эшери 2 18

Сапрыкин С. Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии 3 204
Сафронов В. А. Новые пути решения майкопской проблемы 4 137
Скобелев С. Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай 2 226
Скорый С. А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли 1 34
Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры 2 51
Соколова З. П. Ардви Сура Анахита иранцев и «Злата Баба» финно-угров 3 154
Стенников Г. Ю. К вопросу о технике чеканки монет в Золотой Орде 1 274
Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века 3 44
Субботин Л. В., Петренко В. Г. Редкие памятники древних культур Подунавья 3 250

Терехова Н. Н. Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) 4 169
Тимофеева Т. П. Владимиро-Суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII—XIII веков 1 57
Тимощук Б. А. Начало классовых отношений у восточных славян (по материалам поселений Украинского Прикарпатья) 2 62
Третьяков В. П. Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши 4 16
Троицкая Т. Н. Новый тип «поминальных» памятников в Западной Сибири 2 256

Ульянов О. Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI—XVII вв. 4 92
Уткин А. В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух 4 158

Фахрутдинов Р. Г. Классификация и топографии булгарских городищ 4 68
Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья 2 189

Харлашов Б. Н. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле 1 72

Чеченов И. М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа 4 144
Членова Н. Л. Заключительное слово по дискуссии 3 161

Шаповалов Г. И. Вотивные якоря из Черного моря 3 259
Шевелев В. В. Кремневые фигурки из Каргополья 3 247

Эрлих В. Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени 1 247

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев Г. Е. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2, 3. Нальчик 1984, 1985, 1987 4 263
Всевиов Л. М. Советская археологическая литература за 1988 г. 4 271
Давидан О. И. *Ulbriht I.* Der Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im Mittelalterlihen Schleswig. Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984 261
Кольцов Л. В. Hunters in Transittion. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming/Ed. *Zvelebil M.* Cambrige, 1986 2 264
Кренке Н. А., Макаров Н. А. Iron Age Studies in Salo // SSMYA, 89:1. Helsinki, 1986 1 288
Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. *Zgusta L.* The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987. 1 297
Макаров Н. А., Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987 1 292
Медведская И. Н., Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987 2 269
Пугаченкова Г. А. *Горячева В. Д.* Город Золотого Верблюда. Фрунзе, 1988 1 304
Романчук А. И., Цецхладзе Г. Р. Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973—1977. Т. 1. Тбилиси, 1981. Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1978—1982. Т. 2. Тбилиси, 1987 4 259
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. *G. Arwidsson.* Stockholm, 1986 4 268

Аникович М. М. Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2 . 1 308
Гаджиев М. Г., Гаджиев М. С. XV Крупновские чтения (Махачкала, 1988) 2 274
Григорьев Г. П., Шумкин В. Я., Щетенко А. Я. Памяти Виктора Петровича Третьякова (1940—1985) . . . 4 293
Кирпичников А. Н., Малевская М. В. Памяти Фриды Давыдовны Гуревич 2 281
Марковин В. И. Памяти Валерия Сергеевича Титова . 4 296
Молчанов А. А. Археологическая проблематика на международном симпозиуме «Античная балканистика 6» (Москва, 1988) 2 278
Памяти Люции Вольдемаровны Ванкиной . 2 284
Плетнева С. А. Симпозиум «Сокровище хана Курбата Культура болгар, хазар, славян» (София, сентябрь 1989) 4 289
Потемкина Т. М. Совещание по некоторым итогам и перспективам археологических исследований в стране (Москва, 1989) 3 296
Седов В. В., Смирнов К. А. Советско-финляндский симпозиум по теме «Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье» (Хельсинки, 1988) 1 314
Седова М. В. Уваровские чтения (Муром, 1990) . 4 291
Смирнов К. А. Памяти Анны Епифановны Алиховой 4 295
Смирнов К. А. Памяти Ростислава Леонидовича Розенфельда 3 301
Смирнова Г. И., Флёров В. С. Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова 3 291

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбхИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории АН ГССР
АбхГУ — Абхазский гос. университет
АдыгНИИИЛЯ — Адыгейский научно-исследовательский институт истории, литературы и языка
АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИМК — Архив Музеев Кремля
АлтГУ — Алтайский гос. университет
АО — Археологические открытия
АОН — Археологические открытия на новостройках
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
АЭС КБНИИ — Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
БашГУ — Башкирский гос. университет
БашНЦ — Башкирский научный центр УрО АН СССР
БелорусООПИК — Белорусское общество охраны памятников истории и культуры
БИОН — Бурятский институт общественных наук
БД — Бактрийские древности
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск, Ижевск
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВКБНИИ — Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ВКВ — Всесоюзная конференция востоковедов
ВНИИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания
ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
ВНИИТАГ — Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры

ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГМГ — Гос. музей Грузии АН ГССР
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ГМИНВ — Гос. музей искусства народов Востока
ГНИРМ МК УССР — Гос. научно-исследовательская реставрационная мастерская Министерства культуры Украинской ССР
ГО СССР — Географическое общество СССР
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ДВГУ — Дальневосточный университет
ДВО — Дальневосточное отделение АН СССР
ДГУ — Днепропетровский гос. университет
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА — Институт Археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИАЭ — Институт археологии и этнографии АН АрмССР
ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
ИЖСА — Институт живописи, скульптуры и архитектуры Акад. художеств СССР
ИВ — Институт востоковедения АН СССР
ИИ — Институт истории СССР АН СССР
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИАЭНДВ — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИИГИ — Институт истории грузинского искусства АН ГССР
ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИФФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
ИКВА — История и культура Востока Азии. Новосибирск
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Москва.
ИСБ — Институт славяноведения и балканистики АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯ — Институт языкознания АН СССР
ИЯЛ — Институт языка и литературы АН СССР
ІА — Институт археологіЇ АН УРСР
Каб.-БалкНИИИФЭ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КД — Каракумские древности
Карач.-ЧеркесНИИИФЭ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КомиНЦ — Коми научный центр УрО АН СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
КуйбышГПИ — Куйбышевский гос. педагогический институт
КТД — Краткие тезисы докладов
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
ЛЭМ — Латвийский этнографический музей

МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МАИКЦА — Международая ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб
МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МолдООПИК — Молдавское общество охраны памятников истории и культуры
МордИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НГОМЗ — Новгородский гос. объединенный музей-заповедник
НИИК — Научно-исследовательский институт культуры
НИИТИИИ — Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительного искусства
НК — научная конференция
НПК — научно-практическая конференция
НСИМК — Научный совет по истории мировой культуры АН СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАМ — Одесский гос. археологический музей АН УССР
ОКМ — Областной краеведческий музей
ОНК — Областная научная конференция
ООПИК — Общество охраны памятников истории и культуры
ОЭИ — Отдел этнографии и искусствоведения АН МССР
ООППЛатвССР — Общество охраны памятников природы ЛатвССР
ПАО — Псковское археологическое общество
ПГИАХМЗ — Псковский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПКНО — Ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология». Москва
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИО — Русское Историческое общество
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
САЭ — Сектор археологии и этнографии ИИ АН АзССР
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СО — Сибирское отделение АН СССР
СОГУ — Северо-Осетинский гос. университет
СОН — Серия общественных наук
СОНИИИФЭ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
СФС — Советско-французский симпозиум
ТГИМ — Труды Гос. Исторического музея. Москва
ТД — Тезисы докладов
ТДК — Тезисы докладов конференции
ТДС — Тезисы докладов и сообщений
ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси
ТКЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
Тр.ИВГНОК — Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск
Тр.ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Москва
УдмИИЯЛ — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР
УрО — Уральское отделение АН СССР
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХГИАЗ — Херсонесский гос. Историко-архитектурный заповедник
ХН — Художственное наследие. Москва

ЦАИ — Центр археологических исследований
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов
ЦНБ — Центральная научная библиотека
ЦНИИТИА — Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
Чеч.-ИнгНИИИСФ — Чечено-ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии
ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт АН ГССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ЯрославИАМЗ — Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
DAGR — Dictionaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
PBF — Prähistorische Bronzefunde. München
RA — Revue archéologique. Paris
PE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Поправка

В хроникальной статье В. В. Седова и К. А. Смирнова «XVIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (Ижевск, 1987)», опубликованной в «Советской археологии» 1989, № 2, на с. 289 ошибочно назван доклад венгерского археолога Ч. Балинта. Им был прочитан доклад «Прикамье и "восточное серебро" между Доном и Днестром». Авторы статьи приносят извинения за допущенную ошибку.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 16.07.90 Подписано к печати 26.09.90 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр.-отт. 87,7 тыс. Уч.-изд. л. 30,0 Бум. л. 9,5
Тираж 3529 экз. Зак. 250. Цена 2 р. 80 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Арх. Институт